

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

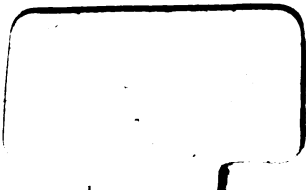
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. 200 23614

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Труды И. Сковороды

ЮЛЬ.

1876.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. КЛѢВА И ЗРВЛИЩЪ. Романъ. (Окончаніе.) . . . А. НИХАЙЛОВА.
- II. ИЗЪ СОЖЖЕННЫХЪ ДЕРЕВЕНЬ. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) . . . Ч.
- III. МОЙ ДРУГЪ ВАГОНЪ И ЕГО РОДИТЕЛИ. Очеркъ. . . . . В. СТАРОСТИНА.
- IV. ДРАМА ВЪ ГРОТВ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Геббеля.) . . . . . ПЕТРА БЫКОВА.
- V. ТРЕВОЖНЫЯ МѢСТА. (Гл. V—VI.) . . . . . П. ОГОРОДИКОВА.
- VI. ВЪ ЛѢСУ. Стихотвореніе. . . . . Н. З. СУРКОВА.
- VII. ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ. Романъ. Часть первая. (Гл. XXII—XXV.) . . . . . Е. А. МАРКОВА.
- VIII. ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА. Романъ изъ современной англійской жизни. (Гл. XXIV—XXX.) . . . . . ДЖ. ЭПОТА.
- IX. МОЛИТВА ВОЗСТАВШИХЪ СЛАВЯНЪ. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) . . . . . И.
- X. ВОСНІЯ И ГЕРЦЕГОВИНА. . . . . Л. ЛЕБЕДЕВА.
- XI. ФРАНЦУЗСКОЕ ОВЩЕСТВО ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА. (Ст. третья.) . . . . . Н. ГР—ОЛН.
- XII. ЛѢСНОЙ ДОМИГЪ. (Стихотвореніе.) (Изъ Морица Гартмана.) . . . . . ПЕТРА БЫКОВА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. ТЕОРІЯ МЕЧТАТЕЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ. . . . . В. ЯЗЫКОВА.

(„Исповѣдь матери“, Е. Конради. С.-Петербургъ. Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93, 1876 г.)

XIV. КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕАЛЫ И ПОЧВА. . . . . ВСЕ ТОГО-ЖЕ.

XV. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. . . . . АНОНИМА.

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . Н. Ш.

Письмо ко мнѣ кременчугскаго землевладѣльца и земскаго дѣятеля г. Булюбаша. — Мой отвѣтъ ему. — „Тотъ хорошо смѣется, кто смѣется послѣднимъ“.

XVII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. . . . . И. ГР—ОЛИ.

Нѣкоторыя размышленія по поводу рѣчи Ла-Ронсьера-ле-Нури при открытіи географическаго конгресса въ Парижѣ.—Чѣмъ можно объяснить „искаженіе новыхъ странъ“? — На какіе уголки міра обращается въ настоящее время преимущественное вниманіе ученыхъ изыскателей? — Ученныя экспедиціи въ Африку.—Экспедиціи Камерона, Гранди и Гюсфельда.—Докторъ Ленцъ и Гомейеръ. — Французскія экспедиціи. Маршъ, Компьень и Брацца.—Египеть. Завоевательныя и ученныя притязанія хедива.—Географическое общество въ Каирѣ.—Египетскія экспедиціи. Горконтъ.—Экспедиція къ западнымъ берегамъ Нила.—Экспедиція Стэнли къ большимъ озерамъ экватора. — Миклуха-Маклай. — Полярныя экспедиціи. Экспедиція Норденшельда. — Англійская экспедиція.

XVIII. ГЕРМАНСКІЯ ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ. . . . . Э. Р.

XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. . . . . М. ТРИГО.

Благосостояніе достаточныхъ классовъ Великобританіи.—Избытокъ денегъ, остающійся безъ удобнаго помѣщенія. — Протестъ Англій. — Натянутость отношеній между Англією и Францією.—Герцогъ Деказъ.—Воинственная демонстрація Великобританіи въ безикской бухтѣ.—Недостатки броненосцевъ. — Преимущества предъ ними коммерческихъ судовъ. — Проектъ Браसेя.—Будущность торпедо.—Вѣроятное измѣненіе морской тактики.—Слабость великобританской арміи.—Отвращеніе англичанъ отъ всеобщей воинской повинности. — Измѣненіе взглядовъ Англій на восточный вопросъ.—Англія обращаетъ свои взоры на Египеть.—Для нея безразличенъ исходъ борьбы собственно на Балканскомъ полуостровѣ.—Мнѣніе англійской журналистики и м-ра Дэфа о событіяхъ на Востокѣ. — Англія желаетъ мира. — Въ разрѣшеніи земельнаго вопроса заключается единственное практическое рѣшеніе борьбы на Балканскомъ полуостровѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ОТКРЫТІИ ПОДПИСКИ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1876 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1876 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія девять лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ	16 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, означать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ отвѣчать за исправную доставку журнала и за немедленное удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что газетная экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильнаго почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

Подписавшіеся на первое полугодіе и желающіе возобновить подписку на второе благоволятъ поторопиться заявленіемъ, чтобы получать слѣдующія книжки своевременно.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 7. ✓

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

L
PSlav 36.4 (10, 10.7)

65 x 2

Типографія В. А. Тушнова, въ которой печатается журналъ „Дѣло“, передала въ Редакцію этого журнала пожертвованныя, въ пользу пострадавшихъ отъ войны славянъ, ея служащими, наборщиками и рабочими 22 руб. 5 коп. сер. Собранныя деньги отправлены въ С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Комитета.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 іюля 1876 года.

ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ.

РОМАНЪ.

(Окончаніе.)

XLVI.

Даша и не подозрѣвала, что дѣлалось вокругъ нея. Она по-прежнему занималась, по-прежнему вела тихую жизнь. Но внимательный наблюдатель могъ-бы замѣтить, что она стала еще чаще задумываться, чѣмъ прежде. Съ того памятнаго дня, когда она еще тѣснѣ сошлась съ Викторомъ Валерьяновичемъ, она, казалось, должна была оживиться, ободриться. Она и въ самомъ дѣлѣ оживлялась, когда пріѣзжалъ Викторъ Валерьяновичъ: она словно разцвѣтала подъ его поцѣлуями и ласками и испытывала невѣдомое ей до сихъ поръ блаженство. Но это свѣтлое настроеніе проходило тотчасъ-же, какъ только уѣзжалъ онъ. Она становилась снова задумчивою и грустною. Въ ея душѣ не было раскаянія и упрековъ себѣ за свое поведеніе: ей ни разу даже не приходило въ голову, что она дѣлаетъ что-нибудь дурное. Ее тревожили совсѣмъ другія мысли: она боялась за свое будущее, и хуже всего было то, что она не могла дать себѣ яснаго отчета, чего она боится, — того-ли, что ее разлюбитъ ея милый, того-ли, что его заставятъ жениться на другой и бросить ее, того-ли, что онъ въ одинъ прекрасный день порветъ изъ-за нея связи со своей семьей, со своимъ кругомъ, со своею службой, чтобы сдѣлаться вполнѣ ея мужемъ. Просто какъ человѣкъ, съ самой колыбели бывший игрушкою случайностей, она смотрѣла впередъ съ безотчетной, непобѣдимой и смутной боязнью. Когда Викторъ Валерьяновичъ не пріѣзжалъ,

„Дѣло“, № 7, 1876 г.

взжалъ въ назначенный день, она уже создавала сотни предположеній, почему онъ не пріѣхалъ, ей уже казалось, что ему запретили посѣщать ее. Когда Викторъ Валерьяновичъ съ горечью жаловался, что ему не хотѣлось-бы уѣзжать отъ нея, — она со страхомъ ожидала, что вотъ-вотъ онъ начнетъ настаивать на необходимости ихъ брака. Когда онъ говорилъ, что его дѣдъ, повидимому, забылъ о ней, — она видѣла что-то злобщее въ этомъ безмолвномъ спокойствіи старика. Тяжелѣе всего были для нея воскресные дни: въ эти дни Викторъ Валерьяновичъ заглядывалъ къ ней только передъ ночью, на часокъ, на два, такъ-какъ по воскресеньямъ у его дѣда бывали фамилные обѣды, не присутствовать на которыхъ было невозможно.

Въ одинъ изъ такихъ дней, возвратившись съ Васей отъ обѣдни, она застала въ своей квартирѣ Андрея Андреевича Христофорова. Онъ сидѣлъ со старикомъ Лыткинымъ у стола, около котораго Катерина Ивановна хлопотала надъ приготовленіемъ кофе. Онъ вѣжливо и скромно раскланялся съ Дашей и самъ отрекомендовалъ себя.

— Очень пріятно познакомиться съ вами, проговорилъ Андрей Андреевичъ. — Не будучи лично знакомъ съ вами, имѣлъ удовольствіе нѣсколько разъ видѣть васъ.

Даша вопросительно посмотрѣла на него.

— Въ церкви-съ видѣлъ, пояснилъ Христофоровъ; — всегда удивлялся, какъ вы скромно стоите и молитесь.

— Я думаю, что и другіе точно такъ-же стоятъ и молятся въ церкви, отвѣтила Даша, улыбнувшись.

— Нѣтъ-съ, въ этого не говорите! Иные только затѣмъ и идутъ въ церковь, чтобы поговорить.

— Ну, мнѣ не съ кѣмъ говорить, у меня тамъ нѣтъ никого знакомыхъ, отвѣтила Даша.

— Помилюте, что тутъ знакомые! Иной съ первымъ встрѣчнымъ разговоръ старается завести. А вы нѣтъ, ужъ это сейчасъ видно, какъ вы набожны. Я просто иногда глазъ не спускаю, когда вижу, какъ это вы молитесь.

Даша опять усмѣхнулась.

— Значить, вы-то сами вмѣсто образовъ на меня смотрите? замѣтила она.

— Это невольно-съ, невольно! оправдался Христофоровъ.

Всѣ принялись за кофе.

— Часто изволите бывать въ театрѣ? началъ снова разговоръ Андрей Андреевичъ.

— Нѣтъ, я вовсе не бываю въ театрѣ, отвѣтила Даша.

— Она у насъ домосѣдка, батюшка, домосѣдка, жалобно пояснила Катерина Ивановна. — Все дома, все занимается.

— Вѣроятно, Дарья Андреевна не любитъ театровъ, замѣтилъ Андрей Андреевичъ. — Многие даже отрицаютъ ихъ въ газетахъ. Вотъ про господина Нильскаго...

— Я никогда не бывала въ театрахъ и потому ничего не могу сказать, понравились-ли бы они мнѣ или нѣтъ, отвѣтила Даша.

— Пустое-съ развлеченье! Конечно, кто ведетъ одинокую жизнь, какъ я, тотъ иногда ѣздитъ отъ скуки въ театръ. Вѣдь вы себя представить не можете, что такое холостая жизнь. Сидишь это, сидишь, все одинъ, все одинъ, совсѣмъ одичаешь. Семейная жизнь — это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ жена, дѣти, свой теплый уголокъ. А нашему брату, холостому, стѣны-то своей квартиры противны кажутся, точно тюрьма. Ей-богу-съ.

— Да вы, батюшка, что-же не женитесь? замѣтила Катерина Ивановна. — Вѣдь это все отъ человѣка зависитъ... отъ самого человѣка...

— Невѣсты не могъ найти по вкусу до сихъ поръ, вздохнулъ Христофоровъ. — Конечно, при моемъ состояніи я могъ-бы жить съ женою безбѣдно. Но я искалъ невѣсты скромной, доброй, образованной, а у насъ дѣвицы, большею частью, всѣ вѣтренницы.

— Ну, батюшка, не всѣ-же такія, вздохнула старуха Лыткина.

Даша допила свой кофе и удалилась въ свою комнату.

— Примѣрная у васъ дочь, почтеннѣйшая Катерина Ивановна, замѣтилъ Христофоровъ.

— Не могу, батюшка, жаловаться, не могу, добрая она, добрая къ намъ старикамъ, вздохнула старуха и перекрестилась, бросивъ взглядъ въ уголъ.

— Вотъ-бы мнѣ такую невѣсту, — вѣкъ-бы благодарилъ Бога, сказалъ Андрей Андреевичъ.

— Высмотрите, высмотрите, авось и найдется, произнесла старуха. — Свѣтъ-то не влиномъ сошелся... А за васъ всякая пой-

дѣть; сами вы скромный молодой человекъ, тоже не бѣдный, ну и пойдѣть...

— Вашими-бы устами да медъ пить! вздохнулъ Христофоровъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ раскланялся.

На слѣдующее воскресенье Даша, по возвращеніи изъ церкви, снова застала его въ своей квартирѣ. Онъ любезно раскланялся съ молодой дѣвушкой и поднесъ ей завернутую въ бумагу коробку конфектъ.

— Что это? изумилась Даша.

— Конфеты, пояснилъ Христофоровъ.

Даша смутилась и пробормотала:

— На что-же?

— Отъ моего душевнаго уваженія, произнесъ Андрей Андреевичъ.

— Но мнѣ, право, странно... начала Даша въ смущеніи.

— Ахъ, Дашенька, жалобно произнесла Катерина Ивановна, — что-же ты обижаешь Андрея Андреевича, если они это отъ расположенія дѣлаютъ...

— Ради Бога, примите! молилъ Христофоровъ.

Даша пожала плечами и сухо проговорила:

— Благодарю.

Она поставила коробку на столъ и сѣла пить кофе.

— Вы не повѣрите, Дарья Андреевна, что чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ чаще думаю, какою хорошею матерью семейства вы будете, нѣжно сказалъ Христофоровъ. — Вы, я слышала, такъ уважаете своихъ родителей, такъ любите своего брата. Да, счастливъ будетъ тотъ, кто назоветъ васъ своею женою, кто войдетъ въ вашу скромную семью.

Даша молчала. Ей начинали дѣлаться подозрительными любезности новаго знакомаго. Она успѣшила допить кофе и встать.

— А вы опять лишаете насъ своего общества? вздохнулъ Христофоровъ.

— У меня есть дѣло, пояснила она.

— Но вѣдь сегодня день воскресный, день отдыха, произнесъ онъ.

— Праздниковъ такъ много, что нельзя посвящать ихъ всѣмъ бездѣлю, проговорила она, не зная, что сказать, и, поклонившись, вышла изъ комнаты.

— Даша, какой онъ смѣшной, точно изъ сахару, замѣтилъ ей Вася, когда сестра и братъ остались одни.

— Да, и зачѣмъ онъ сталъ ходить каждое воскресенье? задумчиво произнесла она.

— Отчего дн, Даша, всегда такая скучная? спросилъ ее мальчуганъ, видя, что она впала въ обычную задумчивость.

— Нечему радоваться, Вася, вздохнула она. — Выростешь большой, тогда поймешь, почему не весело жилось мнѣ...

Онъ покачалъ головой.

— А помнишь, ты говорила прежде, что ты была-бы совсѣмъ, совсѣмъ счастлива, если-бы я учиться началъ, замѣтилъ мальчуганъ. — Вотъ я теперь и учусь, въ гимназію пансіонеромъ поступилъ, а ты все такая-же скучная...

Даша глубоко вздохнула и поцѣловала брата.

— Оставимъ этотъ разговоръ... когда-нибудь буду и веселѣе, сказала она. — А теперь лучше пройдемся... освѣжиться надо...

Сестра и братъ ушли гулять.

Возвратившись домой, Даша спросила мелькомъ во время обѣда у отца:

— Зачѣмъ этотъ Христофоровъ ходитъ къ намъ?

— Дѣла его я веду, отвѣтилъ отецъ.

— Такъ въ праздники-то зачѣмъ онъ приходитъ?

— Вѣдь онъ рабочій человѣкъ, въ будни занятъ, пояснилъ Лыткинъ.

— Не нравится онъ мнѣ, сказала Даша.

— Человѣкъ дѣловой, *нужный намъ*, такъ тутъ нечего разбирать, хорошъ онъ или не хорошъ, многозначительно и серьезно замѣтилъ отецъ.

— Ахъ, Дашенька, чѣмъ-же не хорошъ, чѣмъ не хорошъ? вздохнула старуха Лыткина. — Почтительный, скромный такой. Вотъ нынче просфору мнѣ принесъ. Все отъ почтительности. Нѣтъ, маточка, такого жениха каждая мать для своей дочери приголубить, каждая...

Даша молчала.

— И деньги у него водятся: женится, такъ жена не будетъ нуждаться да думать со страхомъ, что будетъ завтра, прибавилъ самъ Лыткинъ, зорко взглянувъ на Дашу.

Она опять ничего не отвѣтила, только въ ея умѣ, помимо ея

воли, промелькнула мысль: „ужь не прочтуть-ли они его мнѣ въ женихи?“ Но эта мысль такъ-же быстро исчезла, какъ и явилась. Даша даже подумала, что ей съ нѣкоторыхъ поръ богъ-знаетъ что лѣзетъ въ голову. „Я положительно разнемогаюсь, думала молодая дѣвушка, — меня все пугаетъ, все тревожитъ, точно я жду какого-то несчастія. Вотъ и братъ даже замѣтилъ. А чего мнѣ не достаетъ: Викторъ любитъ меня, семья сыта, братъ учится, даже отецъ меньше пьетъ...“ Она старалась успокоить себя, а между тѣмъ впадала въ еще болѣе грустное раздумье о томъ, что ея отношенія къ Виктору не могутъ продолжаться вѣчно въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся теперь: его родные что-нибудь да предпримутъ. И опять ея глаза устремлялись безцѣльно куда-то вдаль и на лицѣ являлось выраженіе, похожее на тихое помѣшательство.

А дни летѣли; настало опять воскресенье и явился Христофоровъ. Опять услышала Даша его вкрадчивый голосъ, его приторныя любезности. Она поспѣшно допила кофе и встала. Христофоровъ тоже поднялся съ мѣста.

— Дарья Андреевна, произнесъ онъ, — мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ.

Она въ недоумѣніи остановилась и проговорила:

— Говорите!

— Я-бы хотѣлъ поговорить съ вами съ одной, пояснилъ онъ.

— У меня, Андрей Андреевичъ, нѣтъ тайнъ отъ родныхъ, сухо сказала она, чувствуя, что у нея замерло сердце.

— Помилуйте-съ, смѣю-ли я думать это! воскликнулъ онъ. — Но я самъ не могу-съ... я робокъ... дѣло серьезное...

Христофоровъ находился въ полнѣйшемъ смущеніи.

— Маточка Дашенька, что-же тебѣ сдѣлается, если ты выслушаешь Андрея Андреевича? жалобно вступилась Катерина Ивановна. — Если у Андрея Андреевича важное дѣло... можетъ, и надо... вѣдь не развалишься...

Старуха, считавшая своимъ долгомъ вступаться за всѣхъ и cadaго, совершенно спуталась и замолчала. Даша опять пожала плечами и сказала:

— Пойдемте въ гостиную...

Для Христофорова наступала рѣшительная минута и на его плоскомъ, небольшомъ лбу проступалъ потъ. Впервые онъ чувство-

валъ, что онъ приступаетъ къ такому разговору, отъ котораго его уже заранѣе была лихорадка. Онъ сознавалъ, что отъ одного слова Даша зависѣла его будущность, что стоитъ Дашѣ сказать: „я согласна“ — и у него будетъ капиталъ, хорошее мѣсто, можетъ быть постоянные доходы отъ молодого Баскакова. Какую жизнь можно будетъ начать: не нужно будетъ больше кланяться, не нужно будетъ больше сгибаться передъ каждымъ встрѣчнымъ, можно будетъ жить, какъ живутъ другіе, широко, весело, безопасно. Объ этой жизни онъ не разъ мечталъ въ послѣдніе дни, лежа на протертомъ диванѣ въ своей узенькой, мрачной комнатѣ отъ жильцовъ, выходившей единственнымъ окномъ на задній дворъ. Эти мечты уносили его далеко, раскрывали передъ нимъ картины совершенно иного существованія, чѣмъ его холостая жизнь. Иногда онъ приходилъ въ такое волненіе, что громко восклицалъ: „да отчего-же ей и не выйти за меня? и молодъ я, и могу обѣщать безбѣдную жизнь, и недуренъ собою“. Онъ вскакивалъ съ дивана, хваталъ небольшое зеркало и начиналъ разсматривать свою давно знакомую ему фізіономію, точно желая убѣдиться, что въ ней ничего нѣтъ такого, что могло-бы оттолкнуть Дашу. „А графчикъ?“ мелькалъ въ его головѣ роковой вопросъ. Но что-же графчикъ за помѣха? Даша и выйдя замужъ можетъ любить его; онъ, Христофоровъ, не станетъ ее ревновать. Ей-же будетъ лучше, когда она станетъ въ прочное положеніе и не будетъ бояться положенія брошенной любовницы. Онъ начиналъ надѣяться на успѣхъ. Но теперь, приступая къ рѣшительному разговору, онъ ощущалъ только страхъ. Онъ въ душѣ молился, горячо и искренно молился за удачу начатаго дѣла.

— Дарья Андреевна, вы меня извините, что я попросилъ васъ поговорить со мною съ глазу на глазъ, проговорилъ онъ въ волненіи, когда они вошли въ гостиную. — Но я робокъ, я и теперь, когда мы одни, боюсь, не знаю, какъ начать...

Дашу изумило его тревожное состояніе.

— Я, Дарья Андреевна, уже давно слѣжу за вами, продолжалъ онъ. — Конечно, вы меня не замѣчали. На меня, вообще, мало обращаютъ вниманія. Я человекъ невидимый. Но я-съ слѣдилъ за вами... Вашъ прекрасный образъ, ваша скромность, ваше терпѣніе и безропотность привлекли къ вамъ мое сердце...

— Позвольте, остановила его Даша, до крайности смущенная этимъ вступленіемъ.

— Не перебивайте меня, ради Бога, или я совсѣмъ потеряю нить своихъ мыслей! горячо, молящимъ тономъ перебилъ онъ ее. — Я честный человѣкъ и могу сдѣлать вамъ только честное предложеніе. Выйдите за меня замужъ.

— За васъ? Замужъ? воскликнула Даша, блѣднѣя. — Но я васъ почти не знаю...

— Что меня знать? Я весь на лицо! Я одинокъ, я веду скромную жизнь, я могу доставить вамъ и вашей семьѣ безбѣдную жизнь. У меня нѣтъ никого родныхъ, которые могли-бы огорчить васъ. А я, — да я рабомъ вашимъ буду, я буду смотрѣть вамъ въ глаза и угадывать каждое ваше желаніе.

Онъ говорилъ такъ искренно, такъ лихорадочно, что Дашѣ невольно стало его жаль.

— Мнѣ жаль, что я должна обмануть ваши надежды, довольно ласково отвѣтила она. — Я не могу выйти за васъ замужъ.

Христофоровъ почувствовалъ, что у него зубъ-на-зубъ не попадаетъ. Никогда не робѣлъ онъ такъ сильно, даже въ тѣ минуты, когда ему приходилось стоять передъ лицомъ разгнѣваннаго начальника.

— Отчего-же-съ? спросилъ онъ.

— Я вамъ сказала, что я васъ почти не знаю и... не люблю, отвѣтила Даша въ смущеніи.

— Вы полюбите, послѣ полюбите меня, заговорилъ онъ. — Когда вы увидите мои заботы, вы оцѣните меня. Ради Бога, молю васъ, не отказывайте мнѣ, не дѣлайте меня несчастнымъ на всю жизнь. Вѣдь если вы откажете мнѣ, я погибну. Въ васъ вся моя надежда, вся будущность... Вы поймите, что безъ васъ я буду несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Онъ почти плакалъ. Даша невольно протянула ему руку. Онъ схватилъ эту руку и горячо поцѣловалъ ее.

— Дарья Андреевна, позвольте надѣяться, шепталъ онъ.

— Вы сами не знаете, чего вы желаете, съ горечью проговорила она. — Вы говорите, что вы слѣдили за мной, но вы, вѣроятно, не знаете, что я люблю другого.

— Я все знаю-съ, тихо отвѣтилъ Христофоровъ.

— Знаете и предлагаете мнѣ руку? воскликнула Даша, отшатнувшись отъ него.

— Что-же-съ тутъ удивительнаго? Я люблю васъ и мнѣ вѣтъ дѣла до всего остальнаго. Я вѣдь знаю, что графъ Викторъ Валерьяновичъ никогда не женится да и не могутъ жениться на васъ...

Даша опустила голову.

— И все-таки я люблю его, и только его! отвѣтила она.

— И это я знаю-съ, горячо проговорилъ Христофоровъ.— Но мнѣ жаль васъ, что вы стоите въ такомъ положеніи. На васъ люди смотреть...

— Мнѣ все равно, что думаютъ обо мнѣ люди!.. Оставьте этотъ разговоръ, рѣзко перебила его Даша, вспыхнувъ до ушей.

— Позвольте, одно слово позвольте! молящимъ тономъ воскликнулъ Христофоровъ, останавливая ее движеніемъ руки.— Я васъ прошу объ одномъ: *будьте моею женою. Я не буду васъ стѣснять ни въ чемъ, я буду вашимъ братомъ, вашимъ другомъ...

— Что вы мнѣ предлагаете? съ негодованіемъ воскликнула Даша.— Низкую сдѣлку, развратъ?

— Какой-же-съ тутъ развратъ, если я буду знать о вашихъ отношеніяхъ къ графу?

— Ступайте! Я вамъ сказала все, что было нужно вамъ знать! уже съ гнѣвомъ произнесла Даша, возмущенная послѣднимъ предложеніемъ Христофорова.

— Но ради Бога не спѣшите... Обдумайте...

— Мнѣ нечего думать...

— Успокойтесь, взвѣсьте все... Я буду еще разъ у васъ... не губите меня и себя...

Христофоровъ торопливо поклонился и вышелъ вонъ. Онъ не засталъ уже Андрея Егоровича Лыткина, который почему-то поспѣшилъ скрыться.

XLVII.

Даша тревожно ходила по своей гостиной. Ее до глубины души взволновало предложеніе Андрея Андреевича. Она не знала, назвать-ли его негодяемъ или человѣкомъ, влюбленнымъ безъ памяти и готовымъ на все ради возможности быть постоянно

около любимаго существа. Она еще не успѣла ничего сообразить, когда къ ней вошла Катерина Ивановна. Старуха удивилась тревожному виду дочери и спросила ее:

— Что это говорилъ тебѣ, маточка, Андрей Андреевичъ-то?

— Руку свою предлагалъ! отрывисто отвѣтила Даша.

Старуха перекрестилась.

— Слава тебѣ Господи, Создатель мой, Владычица Пресвятая! проговорила она, глядя на образъ. — Такой скромный, такой добродѣтельный...

— Ахъ, что вы говорите! воскликнула Даша. — Точно вы не знаете, что я люблю уже...

— Знаю я, знаю, Дашенька! съ горечью вздохнула старуха. — Вѣдь мать я, какъ же мнѣ не знать-то? Сердце мое изныло, глядя на тебя! Тоже думаю, что-то будетъ, что будетъ?.. Вѣдь графъ Викторъ Валерьяновичъ не женихъ, поиграетъ и бросить... А тутъ заступница наша небесная, Владычица Пресвятая, добраго человѣка посылаетъ... за долготерпѣніе... за долготерпѣніе...

Даша съ изумленнымъ видомъ остановилась передъ матерью.

— Что-же, вы хотите, чтобы я продала себя, торговала своею душою, ягала передъ людьми и передъ Богомъ? сказала она.

— Что это, Дашенька, какія ты слова говоришь... какія слова! жалобно покачала головой старуха.

— Да развѣ это не правда?

Старуха вздохнула.

— Правда, правда, да что-же мы дѣлать-то будемъ, дѣлать-то что будемъ? Вотъ немного вздохнула, отецъ приодѣлся, на ноги всталъ...

— Грабить народъ теперь легче! съ горечью произнесла дочь.

— И вдругъ опять... Вотъ и ребеночекъ у тебя будетъ...

Даша поблѣднѣла. Она сама боялась думать объ этомъ.

— Онъ не будетъ голодать, тихо сказала она. — Я ночей не буду спать, а ему на хлѣбъ заработаю, если меня броситъ Викторъ...

— Ужъ какая работа при грудномъ ребенкѣ, какая работа. И прежде не лѣнива ты была, да и я безъ дѣла не сидѣла, видитъ Богъ не сидѣла, а все голодали... голодали... сама знаешь, маточка, нечего рассказывать... А теперь вотъ и дитя у

тебя руки свяжетъ, и Вася подростаетъ, дорожке стоять, за учење платить нечѣмъ, придется ему гранить мостовую.

— Мама, мама, хоть-бы вы меня пожалѣли! Хоть-бы ободрили! съ горькимъ упрекомъ простонала Даша, сжимая руки. — Такъ нѣтъ, вы мнѣ душу вытягиваете, сердце надрываете! Ну знаю я, что мы погибнемъ, если Викторъ бросить меня, знаю, да поймите вы, что мнѣ гадко сдѣлаться женой этого человѣка и быть въ то-же время любовницей Виктора... Вѣдь теперь я хоть себя, свою совѣсть успокаиваю тѣмъ, что считаю себя не любовницей, не содержанкой, а невѣстой Виктора, а тогда...

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Знаю, знаю, испуганно проговорила старуха.

— Знаете, а какіе совѣты даете, упрекнула ее дочь.

— Что ты, что ты? Развѣ я даю совѣты? Развѣ я что понимаю? Откуда это у меня понятіямъ-то быть!.. Косточки только мои, суставчики всѣ ноютъ, какъ я вспомню, что опять это не сегодня, такъ завтра въ подвалъ придется идти, на прачешной у лоханки стоять, на плоту мерзнуть, вотъ я и говорю... Нищета-то ужъ очень меня изломала, страхъ у меня передъ нею великій... Думалось все, вотъ вздохну, вотъ отведу душу хоть на старости... А тутъ... Господи, не попусти, не попусти, Отецъ небесный!

Старуха подняла на образъ свои мигающіе, тусклые глаза.

— Мама, мама, простите меня, что я не могу спасти васъ этимъ путемъ! обняла ее Даша. — Все я знаю, голубушка, все передумала, да не могу, не могу продажной развратницей сдѣлаться... Вѣдь у меня у самой все сердце изныло...

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Андрей Егоровичъ. Онъ быстро окинулъ глазами присутствующихъ и развелъ руками.

— Что вижу? Плачь и стenanія! воскликнулъ онъ театральнымъ шутовскимъ тономъ, къ которому онъ нерѣдко прибѣгалъ, когда выпивалъ для храбрости. — Какое горе посѣтило обитель нашу? Что случилось?

— Андрей Андреевичъ сейчасъ вотъ здѣсь былъ... съ Дашей... начала старуха Лыткина.

— Ну? спросилъ мужъ.

— Руку Дашенькѣ предлагалъ.

— Христоворъ ей руку предлагалъ? съ удивленіемъ сва-

заль Лыткинъ тѣмъ-же тономъ. — Христофоровъ самъ по себѣ руки ей не предложитъ. Не такой человѣкъ Христофоровъ. Хриstopродавецъ онъ, а не Христофоровъ, вотъ кто онъ! поднялъ сверху указательный палецъ Лыткинъ. — Вѣрно, ея превосходительство Аделаида Александровна или ихъ сіятельства графы Васкаковы приказали предложить руку. Это такъ!

Даша съ изумленіемъ открыла глаза: ее точно озарило какии-то новымъ свѣтомъ. Она поблѣдла, какъ полотно, смутно угадывая, что для нея наступаетъ роковая пора борьбы, развязки, гибели.

— Что ты, что ты! воскликнула старуха Лыткина мужу.

— А! такъ вотъ куда оно пошло, воскликнулъ Лыткинъ. — Освободиться хотятъ, освободиться.

Онъ обратился къ дочери.

— Ну, а ты что ему отвѣтила? спросилъ онъ ее.

— Что вы меня спрашиваете! глухо проговорила она, припожиная теперь всѣ мелочи недавней сцены.

— Отказала, голубчикъ, отказала, чуть не плача проговорила мать. — Что мы теперь дѣлать будемъ, если Викторъ Валерьяновичъ броситъ...

— Такъ, такъ, отказала! произнесъ Лыткинъ. — Что мы теперь дѣлать будемъ, если Викторъ Валерьяновичъ броситъ! перердразнилъ онъ жену. — Эхъ ты, простота сердечная! съ презрѣніемъ добавилъ онъ. — Теперь-то мы только на настоящій путь и встанемъ, теперь!.. Не плачь, Даша! Не плачь! Отецъ твой не дремлетъ. Лыткинъ изъ ума не выжилъ. Дождался онъ, когда ему можно свой голосъ поднять. А! вы, ваше сіятельство, думаете, что такъ легко отдѣлаться отъ этой дѣвочки? Стоить только найти перваго понавшагося голяка, женить его на ней — и концы въ воду! Она дурочка, она нищая, она на все пойдетъ! Нѣтъ, забыли вы, что у этой дѣвочки есть отецъ! Вы думаете, онъ мерзавецъ, пьяница, дуракъ! Нѣтъ. Лыткина враги погубили, Лыткинъ до грязи дошелъ, но теперь Лыткинъ опять на ногахъ стоитъ. Онъ еще потягается съ вашимъ внукомъ, имя Лыткина еще станетъ рядомъ съ вашимъ именемъ.

Даша съ нѣмыми ужасомъ вслушивалась въ слова все болѣе и болѣе хмѣлѣвшаго отца. Она начинала понимать, что онъ затѣваетъ что-то гнусное, низкое. Она начинала подозревать, что онъ

зналъ о намѣреніи Христофорова. Она ненавидѣла въ эту минуту своего отца.

— Что вы хотите дѣлать? воскликнула она.

— Какъ что? изумился Лыткинъ.— Судиться.

Даша вздрогнула и отступила отъ отца.

— Судиться?! вырвался изъ ея груди болѣзненный крикъ.

— Ну да, произнесъ Лыткинъ заплетающимся языкомъ.— Ты еще дитя, ты неопытный ребенокъ, тебя соблазнилъ негодяй... Но у тебя есть отецъ, который вступится за честь дочери... Посмотримъ, кто устоитъ, когда явятся убитый горемъ старикъ... обожающій дочь, задыхающійся отъ слезъ и волненія... и красавица дѣвушка, почти дитя... съ блѣднымъ личикомъ, съ потупленными глазами... въ смущеніи сознающаяся почти шопотомъ въ своею паденіи...

— Молчите! Не смѣйте этого говорить! крикнула Даша.— Вы пьяны!..

Но Лыткинъ не слушалъ ее.

— Ты увидишь, ты увидишь, что будетъ, когда Лыткинъ заплачетъ передъ судьями, продолжалъ совсѣмъ захмѣлѣвшій старикъ.— Когда онъ скажетъ: господа... вѣдь и вы отцы... и у васъ есть дочери... во имя ихъ, во имя этихъ чистыхъ и неопытныхъ созданій, защитите мое дитя... защитите... не отравите послѣднихъ дней моей горькой жизни... Судьи, судьи будутъ рыдать!

— Такъ вы въ судъ хотите идти? Въ судъ хотите вести меня? воскликнула Даша, не помня себя.

— Въ судъ! драматично протянулъ впередъ руку Лыткинъ.

— Заставить меня говорить о томъ, какъ я любила, какъ я пала? продолжала Даша съ сверкающими глазами.— Обвинять отца ребенка, котораго я, быть можетъ, уже ношу подъ сердцемъ? Признаваться въ своемъ паденіи и падать еще ниже? Публично пояснять то, что заставляетъ меня краснѣть передъ самой собой? Никогда, никогда!..

— Да ты съума сошла? съ изумленіемъ спросилъ Лыткинъ, стараясь взглянуть ей въ лицо. — Да я тебя заставлю! грозно топнулъ онъ ногою.

— Довольно, довольно! прервала его Даша.— Я виновата, я и заплачу за свою вину, заплачу одна съ своимъ ребенкомъ. Когда онъ вырастетъ, онъ оправдаетъ меня. Онъ будетъ незакон-

нымъ ребенкомъ, но все-таки онъ не будетъ сыномъ женщины, которая требовала публично, чтобы ей заплатили за ея любовь!

— Эхъ, матушка, куда махнула! захохоталъ пьянымъ смѣхомъ старикъ.— Когда онъ выростетъ, такъ никто и помнить-то этой исторіи не будетъ... Кто это скажетъ ему, какъ ты жила съ его отцомъ, по любви или за деньги?..

— Я, я буду помнить эту исторію, воскликнула Даша.— Да нѣтъ, что я волнуюсь! Ничего этого не будетъ, я нигуда не пойду съ жалобой... Ступайте вы!..

— Ты не пойдешь, такъ я пойду! довольно твердо произнесъ пьяный Лыткинъ.

— Вы не посмѣете! Слышите? Не посмѣете!

— Кто-же это мнѣ запретить-то? ударилъ онъ кулакомъ по столу.

— Я! вы этого не смѣете сдѣлать безъ моего согласія. Я вамъ не дамъ на это права, проговорила дочь.

— Не дашь? усмѣхнулся Лыткинъ, качая головой. — Эхъ, Даша, Даша, говорю я, что ты дитя — дитя и есть... Какихъ еще мнѣ нужно правъ, если я твой отецъ?.. Отецъ!.. Кто-же и обязанъ вступить за дочь, какъ не отецъ?.. Полно глупить-то!.. Погоди, мы все такъ уладимъ.

— Молчите! вѣ себя закричала Даша.— Я вамъ не позволю! Слышите? Не позволю идти въ судъ... Если пойдете, я не буду отвѣчать, я убѣгу...

Она не помнила себя, не понимала, что говорить.

— Буда, куда убѣжишь-то?.. Какъ не позволишь-то?.. Ахъ, ты дурочка, дурочка!..

— Господи, что-же это будетъ, сжала она мучительно руки.— Да нѣтъ, это невозможно! Вѣдь есть-же на землѣ защита для насъ... Подите... Послѣ поговоримъ... Чего-жъ вы-то стоите?.. Уведите его! рѣзко обратилась она къ матери и быстро пошла въ свою комнату.

XLVIII.

Даша вошла въ свою комнату и въ волненіи заходила изъ угла въ уголъ. Происшедшія сцены окончательно сбили ее съ толку, спутали всѣ ея мысли. За нее сватался женихъ. Отецъ

говорилъ, что этотъ женихъ подосланъ семьей Васкаковнхъ, Аделаидою Александровною Муратовою, самимъ Викторомъ, что эта семья хочетъ освободить отъ нее Виктора. Отецъ сказалъ, что онъ пойдетъ жаловаться въ судъ, требовать вознагражденія, платы за ея любовь. Отецъ былъ сильно хмѣленъ, но то, что у пьянаго на языкѣ, — у трезваго на умѣ. Отецъ и мать боится, что Викторъ броситъ ее, что они снова впадутъ въ нищету. Но развѣ Викторъ можетъ бросить ее? Онъ готовъ хоть сейчасъ жениться на ней. Но если выйти за него замужъ, что будетъ? Онъ будетъ принужденъ выйти изъ службы, онъ порветъ связи съ своими родными и знакомыми, онъ лишится наслѣдства, онъ будетъ обязанъ жить трудомъ, будетъ нуждаться во всемъ. Что-же дастъ она ему за эти жертвы? Только свою любовь и тысячи лишений. Положимъ, она броситъ отца и мать, но вѣдь не можетъ-же она бросить брата. Виктору придется тратить деньги на его образованіе. Да нѣтъ, она не броситъ и матери, а отецъ самъ ворвется къ нимъ въ домъ, будетъ дѣлать сцены, требовать денегъ и денегъ. Вынесетъ-ли Викторъ грубости этого человѣка, когда сама она, Даша, выноситъ ихъ съ трудомъ? Викторъ — добрый, нѣжный, мягкій человѣкъ, но онъ такой слабый, точно ребенокъ. Она, Даша, сильнѣе его. Она давно замѣтила, что имъ можно управлять, что изъ него можно дѣлать, что угодно. Борются онъ не въ состояніи. Нужда и трудъ разомъ сломятъ его. Да, замужество невозможно, — невозможно теперь, покуда живъ дѣдъ Виктора. Но неужели въ самомъ дѣлѣ дѣдъ Виктора подослалъ къ ней жениха? Зачѣмъ? Ужъ не для того-ли, чтобы она никогда не вышла замужъ за Виктора? Да вѣдь она готова дать клятву, что она никогда, никогда не выйдетъ за него. Клятву! кто-же повѣритъ ей? Но что-же дѣлать?

Она опустила на стулъ, опустила на колѣни свои руки и словно онѣмѣла, устремивъ безцѣльно впередъ глаза. Минуты шли за минутами, а она не двигалась съ мѣста. Снова на ея лицѣ появилось выраженіе тупого, тихаго помѣшательства. Она походила на человѣка, который долго напрасно бился надъ разрѣшеніемъ трудной задачи и, наконецъ, не разрѣшивъ ее и выбившись изъ силъ, сидитъ въ положеніи, близкомъ къ оцѣпенѣнію и потерѣ всякаго сознанія. Въ ея головѣ, какъ-бы помимо ея воли, какъ чьи-то посторонніе голоса, являлись отдѣльныя мысли:

„Выйти за Виктора — значитъ погубить его... Не выйти за него — значитъ заставить отца идти въ судъ... Бросить, бросить Виктора, — но развѣ отецъ не пойдетъ и въ этомъ случаѣ въ судъ?.. Какъ-же дочери заставить отца не жаловаться на ея любовника?.. И зачѣмъ я отдалась ему?.. Но развѣ я могла не отдаться?.. Богъ наказываетъ меня за это... Богъ!.. Неправда, это онъ, онъ, отецъ, губить меня, воспользовавшись этимъ случаемъ... Онъ торговалъ мною... торговалъ... Но гдѣ-же защита противъ него?..“

Ей становилось холодно и жутко.

Пробило уже четыре часа. Дверь въ комнату Даши тихо отворилась и къ ней вошла мать.

— Дашенька, голубушка, жалобно проговорила Катерина Ивановна, — обѣдать давно пора!

Даша очнулась и какъ-то странно посмотрѣла на мать, точно передъ нею совершалось нѣчто необыкновенное. Старуха повторила свое приглашеніе, вида, что дочь не поняла ее.

— Я не хочу, отрицательно покачала головой Даша, тупо взглянувъ на мать.

— Да ты не убивайся, родная моя, заговорила поющимъ голосомъ Лыткина. — Отецъ никуда не пойдетъ... Вѣдь онъ о тебѣ же заботится, о тебѣ... Ну, вдругъ броситъ тебя Викторъ-то Валерьяновичъ, что тогда будемъ мы всѣ дѣлать... что?..

— Да, да, бессознательно проговорила Даша, думая совсѣмъ о другомъ. — Это ужасно, ужасно!

— Ужъ какъ не ужасно, чего хуже! вздохнула мать. — Вотъ отдохнули мы немного, съ духомъ собрались, а тутъ опять... На бѣднаго Макара, извѣстно... Чуетъ мое сердце, что не вынесемъ мы теперь этой нужды-то, нужды океанной... Ужъ не работники мы, не работники, а такъ, копиттели какіе-то...

— Да, да, хорошо... Ступайте! произнесла Даша, глядя разсѣянно по сторонамъ. — Я не хочу обѣдать...

— Ты-бы прилегла... Вишь, лица на тебѣ нѣтъ, маточка... Ахъ, Господи ты Боже мой, пресвятая Богородица... вотъ горе-то!..

— Я лягу, сказала Даша.

Она тяжелой поступью, шатаясь, подошла къ кушеткѣ и легла. Она походила теперь на больного, хилаго ребенка. Мать осѣнила ее крестнымъ знаменіемъ и, вздыхая и охая, побрела изъ комнаты.

Даша закрыла глаза и лежала. Она не спала, но и не отрывала глазъ. Казалось, ей хотѣлось не думать ни о чемъ, не видѣть ничего.

Часовъ въ восемь пріѣхалъ Викторъ Валерьяновичъ. Даша услышала стукъ колесъ остановившагося у ихъ дома экипажа; услышала знакомый звонокъ и устремилась на-встрѣчу Виктору Валерьяновичу. Она какъ-будто вдругъ ожила. Ея глаза теперь свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, по ея щекамъ разлился румянецъ. Она противъ обыкновенія бросилась въ объятія Баскакова.

— Милый, милый, я ужь думала, что я никогда не увижу тебя! воскликнула она и заплакала.

— Что съ тобой, Даша, родная? тревожно спросилъ онъ, удивленный такой встрѣчей.

— Не спрашивай... Сама не знаю... Но если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ было тяжело! шептала она, прижимаясь къ нему.

— Да отчего-же? Что-нибудь случилось? озабоченно расспрашивалъ онъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я глупая такая... мысли черныя мнѣ приходятъ въ голову... Но теперь ничего, теперь я покойна...

Они вошли въ ея комнату.

— Сядь вотъ здѣсь, рядомъ со мною, ближе ко мнѣ! говорила она.—Сядемъ на кушетку. Я хочу чувствовать, что ты со мною...

— Но, Даша, ты меня пугаешь! Нельзя-же, чтобы ты такъ, безъ причины, взволновалась, проговорилъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Ахъ да, словно что-то вспомнила она. — Ты будешь смѣяться... ко мнѣ сегодня женихъ сватался...

— Женихъ? изумился онъ.—Ты шутишь?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ.

— Кто-же это? Вѣдь къ вамъ никто не ходитъ?

— Это клиентъ отца... какой-то Андрей Андреевичъ Христофоровъ.

— Что? Христофоровъ? Этотъ негодяй! съ негодованіемъ воскликнулъ Баскаковъ.

Даша поблѣднѣла. „Онъ знаетъ Христофорова, значитъ, это точно отъ его семьи подосланный человѣкъ“, промелькнуло въ ея головѣ.

— Ты его знаешь? спросила она.

— Еще-бы! Это фактотумъ Аделаиды Александровны и Аркадія Павловича, отвѣтилъ Васкаковъ, волнуясь. — Да какъ-же ты забыла его?.. Впрочемъ, ты, кажется, не слыхала его фамиліи, когда его хотѣли сватать тебѣ... Это новая прудѣлка Аделаиды Александровны...

— Ты думаешь? спросила Даша, пристально взглянувъ на него.

— Еще-бы! кто-же больше могъ его подослать...

— Гнусная, низкая женщина!.. Она могла меня убить... глухо прошептала Даша и въ ея душѣ шевельнулось что-то вродѣ ненависти.

— Ну Богъ съ ней! Забудь ее! мягко проговорилъ Викторъ Валерьяновичъ.

Дашѣ стало немного легче. Она начинала вѣрить, что жениха дѣйствительно подослала Муратова, а не дѣдъ Виктора.

— Но неужели это могло взволновать тебя? спросилъ Викторъ Валерьяновичъ, лаская ее.

— Нѣтъ... но онъ говорилъ... Ты не смѣйся... Я не повѣрила ему, но все-же онъ говорилъ, что ты бросишь меня... Я знаю, что это неправда, но это встревожило меня...

— Даша, я тебѣ сто разъ говорилъ, что лучше намъ пожениться...

— И испортить все твое будущее... Полно!.. Я вѣдь знаю, что ты любишь меня, что я люблю тебя... этого и довольно...

— И волнуешься, когда какой-нибудь негодяй скажетъ, что я хочу или могу бросить тебя?

— Ну да... эта мысль, глупая, пустая мысль пугаетъ меня... Это вѣдь невольное... вотъ какъ боишься иногда въ темной комнатѣ остаться... знаешь, что тамъ никого нѣтъ, а все-же боишься...

— Дорогая ты моя, для того, чтобы не бояться этой темной комнаты нашего будущаго, намъ стоитъ только освѣтить ее: намъ надо пожениться... Я давно жду, когда ты позволишь мнѣ это сдѣлать... Наша жизнь будетъ свѣтлѣе, мы перестанемъ видѣться урывками... Заживемъ веселѣе...

— А дѣдъ?

— Что-же дѣдъ: онъ не позволитъ никогда мнѣ жениться, но я настою на своемъ и женюсь безъ его согласія...

- И разойдешься съ нимъ?
- И разойдусь...
- А потомъ онъ проститъ тебя?
- Никогда!

У Даши опять замерло сердце. „А какъ ты вынесешь нищету? Какъ снесешь упреки моего пьянаго отца, который надѣется обирать тебя?“ думалось ей.

— Нѣтъ, оставимъ покуда эти мечты, тихо прошептала она и на минуту впала въ оцѣпенѣнiе.—А приходитъ-ли твоему дѣду въ голову, что ты женишься на мнѣ послѣ его смерти? вдругъ спросила она, помолчавъ минуты двѣ и какъ-то порывисто приподнявъ голову.

— Да, этого-то онъ и боится и потому былъ-бы радъ, если-бы ты или я обвинчались съ кѣмъ-нибудь другимъ...

— Онъ тебѣ говорилъ это? торопливо спросила Даша.

— Еще-бы!.. Онъ понимаетъ, что покуда мы оба будемъ свободны, мы оба будемъ имѣть возможность повѣнчаться послѣ его смерти.

Даша задумалась: она опять начинала вѣрить, что Христофоровъ подосланъ дѣдомъ Виктора. Она провела рукою по своему лбу. Лобъ у нея не болѣлъ, но онъ былъ какъ-будто тяжелъ у въ то-же время пустъ. Это было странное, непрiятное ощущенiе, заставлявшее ее безсознательно проводить рукою надъ глазами, точно стараясь что-то отстранить ото лба.

— А если-бы я ему поклялась, чѣмъ угодно поклялась, что я никогда не выйду за тебя замужъ,—онъ повѣрилъ-бы? спросила она, глядя безцѣльно впередъ.

— Ты совсѣмъ дитя! улыбнулся привѣтливой улыбкой Баскаковъ.—Кто-же можетъ давать подобныя клятвы и кто имъ станетъ вѣрить!

Онъ въ эту минуту цѣловалъ и ласкалъ ея руки.

— Отчего-же? спросила она.

— Да развѣ и ты, и я не нарушили-бы этой клятвы сейчасъ-же, если-бы у насъ явилось сознание, что ты будешь скоро матерью? Развѣ мы захотѣли-бы, чтобы наше первое дитя было незаконнорожденнымъ?

Даша опять провела рукою по лбу и опустила голову.

— Ну, перестанемъ говорить объ этомъ! сказала она.—Что

заглядывать впередъ!.. Еще, можетъ быть, я и умру прежде твоего дѣда...

— Даша! съ упрекомъ сказалъ Баскаковъ, сжимая ее въ объятіяхъ.

— Что-жь, молодые часто умираютъ прежде стариковъ... И если-бы я умерла, ты не долженъ-бы былъ отчаяваться, потому что ты зналъ-бы, что ты сдѣлалъ меня счастливою, что не было дня, когда-бы я не молилась за тебя... Знаешь, я ни разу, ни разу ни за что не могла упрекнуть тебя... Мнѣ постоянно кажется, что лучше и больше любить, чѣмъ ты любишь меня,—нельзя...

Она прилегла къ его плечу и, улыбаясь, взглянула ему въ лицо.

— Видишь, я сегодня очень встревожилась этимъ предложеніемъ противнаго Христофорова, а теперь мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что я...

Она вдругъ замолчала: съ ея языка чуть не сорвалось, что она рада-бы была умереть въ эту минуту. Она опять опечалилась: ей стало страшно, что въ ея умѣ по какой-то роковой случайности постоянно возникаетъ мысль о смерти.

— Ну что-же ты замолчала? спросилъ Викторъ.

— Я хочу, чтобы ты говорилъ, упавшимъ голосомъ отвѣтила она. — Рассказывай, какъ ты провелъ день, что дѣлалъ.

Викторъ обнялъ ее и началъ болтать о разныхъ новостяхъ дня. Даша знала уже изъ его рассказовъ всю жизнь большого свѣта и потому слушала рассказы Виктора о его роднѣ и знакомыхъ, какъ рассказы о лицахъ, давно знакомыхъ ей.

— А Аделаида Александровна къ вамъ не ѣздитъ? спросила она.

— Нѣтъ. Дядя и тетки не принимаютъ ее, отвѣтилъ онъ. — Ея отношенія къ барону Гельфрейху возмущаютъ всѣхъ. Вообще она ведетъ себя ужасно... Она опустилась до того, что ѣздитъ въ загородные рестораны кутить на цѣлыя ночи... Въ концѣ лѣта она была въ публичномъ саду на Крестовскомъ островѣ...

— Это что-же за садъ? спросила Даша.

— Поютъ цыгане тамъ, акробаты ломаются, французскія пѣ-

вицы поютъ шансонетки, пляшутъ грязный, разнузданный канканъ... Вообще въ этотъ садъ не поѣдетъ ни одна сколько-нибудь порядочная женщина изъ нашего круга, уважающая себя... Но теперь такое время, что дамы нашего свѣта, матери семейства, готовы опуститься въ какую угодно грязь, только-бы спастись отъ скуки... Вѣдь и Прозорову-Солоненку видѣли въ саду на Крестовскомъ!.. Хороша предсѣдательница „Общества первой помощи“, хороша спасительница падшихъ — разгуливаетъ на Крестовскомъ и наслаждается созерцаніемъ канкана... И онѣ еще хотятъ, чтобы ихъ уважали порядочные люди!.. Порядочные люди краснѣютъ за нихъ!..

Даша молчала: она почти не слышала, почти не понимала Виктора Валерьяновича.

— Только странно мнѣ, что дѣдъ заступается за Аделанду Александровну, закончилъ Баскаковъ.

Даша вздрогнула.

— Какъ, онъ заступается за нее? съ удивленіемъ спросила она, очнувшись.

— Это можно объяснить тѣмъ, что онъ не любитъ вообще, когда въ кого-нибудь бросаютъ камень изъ-за угла.

— Но онъ не бываетъ у нея? опять спросила Даша.

— Нѣтъ, этого-то онъ не сдѣлаетъ! Онъ просто не желаетъ, чтобы ее осуждали за глаза.

Викторъ Валерьяновичъ опять перешелъ къ разговорамъ о разныхъ мелочахъ, занимавшихъ его. Даша слушала его молча, углубившись въ свои думы.

— Такія женщины, какъ Аделанда Александровна и какъ Марья Петровна, гораздо хуже самыхъ послѣднихъ падшихъ женщинъ, говорилъ Баскаковъ. — Тѣ хотя не носятъ никакой чужой маски. А эти только убиваютъ вѣру въ честность женщинъ вообще и плодятъ тѣхъ циниковъ, которые говорятъ: „Э, да всѣ женщины одинаковы, только однѣ откровеннѣе и смѣлѣе, а другія трусливѣе и болѣе скрытны“...

— А твоей дѣдъ не знаетъ этого Христофорова? вдругъ спросила Даша, ничего неслыхавшая изъ того, что говорилъ Викторъ.

— Нѣтъ. Дѣдъ незнакомъ съ подобными людьми, отвѣтилъ онъ. — Съ чего это вдругъ пришелъ тебѣ опять на память этотъ Христофорсвѣ?..

— Ахъ, мнѣ такъ и грезится его глупое лицо, постаралась улыбнуться Даша и провела рукой по лбу.

Она опять выпрямилась, передернула шей, словно ея головѣ было неловко, и опять нѣсколько повеселѣла или, лучше сказать, оживилась.

Викторъ Валерьяновичъ уѣхалъ отъ нея за полночь. Она старалась теперь быть нѣсколько спокойнѣе. Она начинала убѣждать себя, что Христофоровъ если и былъ подосланъ, то не дѣдомъ Виктора, а Аделаидою Александровною. Эта мысль утѣшала ее или, вѣрнѣе сказать, этою мыслью она утѣшала себя. Ей не хотѣлось думать, что дѣдъ Виктора начинаетъ интриговать противъ нея, чтобы отдѣлаться отъ нее. Ей казалось, что ей нужно было только уговорить теперь отца, чтобы онъ не шелъ въ судъ или къ дѣду Виктора, и все пойдетъ отлично. При мысли о намѣреніяхъ отца она успокивала себя тѣмъ, что отецъ говорилъ подъ влияніемъ виновныхъ паровъ. Это было инстинктивное, безсознательное стремленіе къ самосохраненію, къ спасенію себя отъ умопомѣшательства подъ гнетомъ безисходныхъ, тяжелыхъ думъ. Она старалась обмануть себя, придумывая различные спасительные исходы, различныя смягчающія ея положеніе обстоятельство, и, сознавая, что она обманываетъ себя, все-таки нѣсколько успокоилась. Между тѣмъ эта работа мозга нѣсколько утомила ее. Она довольно мирно и усердно помолилась и легла въ постель, надѣясь утромъ переговорить съ отцомъ.

XLIX.

— А гдѣ отецъ?

Это былъ первый вопросъ, который сдѣлала Даша матери, проснувшись по утру: проспавъ всю ночь, какъ убитая, она проснулась подъ тѣми самыми впечатлѣніями, подъ которыми уснула вчера. Въ этомъ было что-то зловѣщее. Долгое и чрезмѣрное напряженіе мысли въ одну и ту-же сторону всегда опасно.

— Ушелъ, маточка, ушелъ, своимъ вѣчно ноющимъ тономъ отвѣтила мать.

— Куда? почти съ испугомъ спросила дочь.

— Да развѣ онъ говорить, родная, развѣ онъ говорить, вздохнула старуха.

Даша встревожилась: „что, если онъ пошелъ къ Баскаковымъ! въ судъ?.. Развѣ онъ говорить, куда онъ ходитъ!.. Да, это правда!.. Какое страшное положеніе: вѣчно бояться, вѣчна трепетать во время его постоянныхъ отлучекъ, угадывать потомъ по его лицу, не предпринялъ-ли онъ чего-нибудь... Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно, это невыносимо!..“

— Боясь я, заплачетъ онъ у насъ, видитъ Богъ, заплачетъ! жаловалась слезливая Катерина Ивановна. — Вотъ вчера ни съ того, ни съ сего напился... Сегодня тоже, чѣмъ свѣтъ ушелъ... не къ добру это...

Даша не понимала, не слышала словъ матери: она только ловила эти ноющія, однообразныя нотки и онѣ еще болѣе терзали ее; ей было страшно тяжело. Она присѣла къ окну и безцѣльно устремила глаза на улицу. Въ ея головѣ бродили все тѣ-же мысли о томъ, что такое положеніе невыносимо. Ей придется каждую минуту бояться, что отецъ пойдетъ жаловаться. Удержать его было невозможно. Взять съ него честное слово, что онъ ничего не сдѣлаетъ безъ ея позволенія—было-бы ребячествомъ: онъ могъ давать десять разъ честное слово и столько-же разъ нарушать его. Ну, а если онъ пойдетъ къ старику Баскакову? Вѣдь тотъ не повѣритъ, что отецъ Даши пришелъ съ постыдными требованіями безъ ея согласія. Не предупредить-ли самой старика заранѣе, не объяснить-ли ему свое трагическое положеніе? Но, положимъ, старикъ приметъ въ ней участіе,—что-же въ томъ? Онъ ей скажетъ: хорошо, я вѣрю, что вашъ отецъ — мерзавецъ, что онъ требуетъ съ меня денегъ за вашу любовь безъ вашего согласія; я не стану за это винить васъ; но вѣдь это не остановитъ вашего отца отъ жалобы въ судъ, а подобная жалоба скомпрометируетъ имя моего внука—мое имя. Но что-же дѣлать?“ Опять эта фраза, какъ молотъ по наковалью, стучала въ ея головѣ. Въ это время послышались шаги. Даша провела рукой по лбу, обернулась и почти вскрикнула:

— Куда вы ходили?

— Дѣло есть у одного купца, за бумагами къ нему ходилъ, спокойно отвѣтилъ вошедшій въ двери Лыткинъ и, кажется, удивился волненію дочери.

Она тяжело дышала, а между тѣмъ въ ея головѣ мелькала мысль: „Господи, какъ я измучилась, какъ я всего боюсь“...

— Мнѣ надо съ вами поговорить, произнесла она.

— Что-жь, поговоримъ, спокойно отвѣтилъ Лыткинъ и обратился къ женѣ:— Катерина Ивановна, кофейку-бы не худо подать...

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ, заторопилась старуха, обрадовавшаяся, что мужъ воротился непьянымъ.

— Вы помните, что вы вчера говорили мнѣ? спросила у отца Даша.

— Какъ-же, Дашенька, не помнить? Все помню, отвѣтилъ отецъ.

— Такъ, значитъ, вы серьезно думаете жаловаться? спросила дочь, пристально глядя на него.

— Какъ-же иначе-то, Дашочка, быть? мягкимъ тономъ замѣтилъ отецъ.— Вѣдь теперь мы между небомъ и землей висимъ... Не сегодня, такъ завтра, можетъ, что случится, опять нищими будемъ... Намъ уже не зашибить куска хлѣба... Я дѣлецъ не нынѣшній, говорить не умѣю, а нынче все съ разговорами дѣло-производство... кто лучше говоритъ, тотъ и правъ... Мать изморила, работать не можетъ. И прежде мало доставала, а теперь и вовсе ничего не достанетъ... Ты... что-же ты можешь достать? Себя не прокормишь, а не только-что насъ, Васю, своего ребенка, если онъ будетъ... Тутъ обезпеченіе нужно... Вотъ я и хлопочу, тебя жалѣя.

— Жалѣя! воскликнула съ горечью Даша.— Полноте! Денегъ вамъ надо за мой позоръ...

— Да вѣдь ужъ сдѣланнаго не воротишь, а хуже будетъ, когда и опозоренной останешься, и нищей...

— Я буду работать, буду все дѣлать, ночей не буду спать, только избавьте меня отъ этого... Мама, да хоть-бы вы заступились за меня! Вы женщина, вы должны понимать мои чувства! воскликнула Даша, обращаясь къ вошедшей матери и, въ сущности, не помня, что говорить.

— Да что-же я-то могу? что я могу? жалобно произнесла мать.— Сама ты знаешь, какая я заступница... И понятій-то у меня нѣтъ...

— Да ты успокойся, Дашурочка, сказалъ Лыткинъ.— Поду-

маешь — сама увидишь, что я добра тебѣ желаю. Что ты такъ-то будешь дѣлать? Вѣдь не женится на тебѣ Викторъ Валерьяновичъ, не позволитъ ему, а если и женится, то у него денегъ своихъ почти совсѣмъ нѣтъ, а родные не дадутъ. Что вы будете дѣлать? Что мы-то будемъ дѣлать? Вѣдь онъ не такой человѣкъ, чтобы работать да спокойно нужду терпѣть. Ужь если намъ отъ нея солоно приходилось, такъ ему-то еще солонѣ придется. Тутъ и любовь пройдетъ. Вотъ родные его подослали жениха...

— Неправда, неправда! Это Муратова подослала! проговорила Даша.

— Ну, Муратова не дала-бы изъ своего кармана пятнадцати тысячъ за его женитьбу на тебѣ...

— Кто ее знаетъ!.. Но кромѣ ея никому было подослать Христофорова... Дѣдъ Виктора даже и не знаетъ его...

— Какъ знать, какъ знать! Дѣдушка-то Виктора Валерьяновича зачастилъ теперь къ Муратовой...

— Вы лжете! крикнула Даша съ сверкающимъ и широко открытымъ взглядомъ. — Лжете!..

— Ахъ, Даша, Даша, за что ты на отца-то кричишь? произнесъ Лыткинъ пониженнымъ тономъ обиженнаго старика. — Ты-то вотъ сидишь въ четырехъ стѣнахъ и ничего не знаешь, а я справлялся. Узналъ я, что бываетъ старый графъ у Муратовыхъ, узналъ я и то, что тотчасъ послѣ его второго визита призывала Муратова къ себѣ Андрея Андреевича, а потомъ онъ и со мной познакомился...

Даша глядѣла на отца остановившимися глазами, въ которыхъ выражался тупой ужасъ.

— Такъ вы все заранѣе знали?.. Все! прошептала она упавшимъ, глухимъ голосомъ, точно ее кто-то душилъ за горло.

— Зналъ, Дашенька, зналъ! Вѣдь я думалъ, что ты согласишься выдти замужъ, солгалъ Лыткинъ. — Ну, не согласилась — и Богъ съ тобой. Но теперь звать нечего. Ужь если дѣдушка графа Виктора Валерьяновича пустился интриговать противъ тебя, такъ онъ на одной подсылѣ жениховъ не остановится. Ну станетъ сватать невѣсту Виктору Валерьяновичу.

— Что вы мнѣ говорите: развѣ я не знаю Виктора! опять на минуту раздражилась Даша, точно очнувшись отъ укола чѣмъ-то острымъ.

— Ну, не женится онъ на другой, — услать его могутъ по казенной надобности за-границу, въ Ташкентъ, да мало-ли куда...

— Точно онъ не можетъ выйти въ отставку! проговорила, опять теряясь, Даша.

— Можетъ, можетъ выйти, да не на радость, для того развѣ, чтобы голодать съ тобою, женившись на тебѣ?.. Да вѣдь захочетъ графъ, такъ выхлопочетъ, что и насъ-то спровадятъ, такъ спровадятъ, что и не сыщутъ потомъ. Грѣхи мои старые вспоминать, влязникомъ выставать. Ты думаешь, старый-то графъ не употребитъ всѣхъ средствъ, чтобы единственного своего потѣха, носящаго фамилию графовъ Баскаковыхъ, спасти отъ женитьбы на дочери Лыткина? Вѣдь старикъ-то съ молокомъ матери всосалъ понятіе, что выше ихъ рода и нѣтъ родовъ, такъ ужъ ему не снести такой обиды, какъ женитьба послѣдняго изъ графовъ Баскаковыхъ на Лыткиной, на нищей, на служанкѣ...

Даша сидѣла опустивъ голову, опустивъ руки. Что-то безпомощное и тупое было въ выраженіи ея лица. Иногда это выраженіе появлялось у ея матери. Казалось, что это человѣкъ, приговоренный къ смерти и ожидающій только роковой минуты казни.

— А случится что недоброе, Дашенька, да останешься ты безъ средствъ—что тогда? снова продолжалъ Лыткинъ.—Ты объ работѣ мнѣ не говори. И сама ты знаешь, и мы знаемъ, что работа даетъ. Да теперь и труднѣе намъ будетъ сносить нищету. Ты погляди, всѣ мы теперь только-что приободрились, духъ перевели, на людей стали опять похожи, братишка теперь бариномъ учится, а не пьянствую по кабакамъ, мать не стоитъ надъ лоханкою...

— Ужъ гдѣ мнѣ! жалобно простонала старуха Лыткина. — Косточки всѣ изныли. Теперь только передохнула... Гдѣ мнѣ опять... Отецъ-то, Даша, правду говоритъ, правду... Отецъ человѣкъ обстоятельный, тоже пожилъ... Не сладко будетъ жить опять въ нищетѣ послѣ отдыха... охъ, какъ не сладко!

— И вы туда-же! тихо упрекнула ее дочь, не поднимая головы.

Звуки до нея долетали словно издалика.

— Маточка, да вѣдь больна я, старушка я, произнесла мать.— Въ мои годы покоя нуженъ... Тоже вотъ и Вася: изъ училища придется взять... Что онъ дѣлать станетъ? Куда пойдеть... ни входу, ни выходу!

— Господи, что-же это будетъ... руки наложить на себя! тихо прошептала Даша, не обращаясь ни къ кому, не обращая ни на кого вниманія.

— Что ты, что ты! Христось съ тобою! испуганно произнесла старуха.— Мысли-то какія у тебя... Ахъ ты, Господи, пресвятые заступники, цѣлитель Пантелеймонъ... Да ты о душѣ-то, о душѣ-то вспомни, насъ-то, брата-то пожалѣй... Ахъ, ты Христе Воже мой—прибѣжище и покровъ!

Старуха совсѣмъ растерялась.

— Да ты, Даша, не тужи, сказалъ отецъ.— Вѣдь, можетъ быть, до суда и не доидеть, старый графъ не допустить... А не то иди за Андрей Андреевича... Пусть ему мѣсто хорошее дадутъ, денегъ прибавятъ... Я съ нимъ уговорюсь, чтобы перевелъ часть капитала на твое имя... Вѣдь это какой мужъ будетъ—подставной, ты его и видѣть не будешь... Христофоровъ подлець, но онъ понимаетъ, какъ надо вести себя...

Даша молча поднялась съ мѣста, не дотронувшись до чашки съ кофе.

— Какъ-же, Даша? спросилъ Лыткинъ.— Откажешь окончательно Христофорову?.

— А? спросила она.

Отецъ повторилъ вопросъ.

— Я отказала, глухо произнесла она.

— Да онъ еще придетъ.

Она тупо посмотрѣла на отца.

— Миѣ не надо, отвѣтила она, не понимая своихъ собственныхъ словъ.

Она вышла въ свою комнату и опустилась на диванъ. Опять въ ея головѣ зародились думы: Уйти отъ отца, бросить его и мать? А Вася? Васю съ собою взять. Но куда-же уйти? Отецъ отыщетъ. Отецъ обѣгаетъ всѣ суды, извѣститъ полицію, подниметъ скандалъ. Вѣдь отецъ можетъ заставить привести ее къ себѣ по этапу, съ полицейскими, съ солдатами. Отъ отца скрыться нельзя ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи. Да и какъ

скрыться безъ денегъ? Кто ее приметъ, кто ей поможетъ? Ждать? Ну, а если отецъ завтра-же сходитъ къ старому графу? Если графъ и не повѣритъ, что она принимала участіе въ интригѣ отца, то что онъ скажетъ? Онъ еще больше будетъ противиться браку Виктора съ ней, когда увидитъ ея отца. Онъ съ еще большимъ омерзѣніемъ будетъ смотрѣть на ея семью. Но развѣ она имѣетъ что-нибудь общаго съ своимъ отцомъ? Конечно, нѣтъ, но вѣдь старый графъ этого не знаетъ. Въ его глазахъ она падшая женщина, проститутка, любовница его внука. Онъ можетъ считать ее способной на все дурное. И каково будетъ выносить это Виктору!“

По ея тѣлу пробѣжалъ морозъ, ее охватывалъ ужасъ.

— Я не хочу, не хочу думать! Мнѣ не о чемъ теперь думать! вдругъ воскликнула она черезъ минуту, проведя рукою по лбу, и быстро подошла къ столу.

Она какъ-то нервно, болѣзненно стала приводить въ порядокъ книги и тетради, развернутыя ею по утру, чтобы учиться. Убравъ ихъ, она стала разбирать вещи въ туалетномъ ящикѣ. Она аккуратно прибирала ихъ, какъ вдругъ ей попалась подъ-руку какая-то вещь. Она поспѣшно схватила эту вещь, крѣпко прижала ее къ губамъ и зарыдала. Это были перчатки, забытыя у нея однажды Викторомъ и оставленныя ею на память. Она цѣловала и цѣловала ихъ, какъ-будто передъ нею былъ самъ Викторъ. Наконецъ она опомнилась и торопливо спрятала ихъ въ карманъ.

— Надо быть веселой!.. Пусть ничего не знаетъ, проговорила она и быстро подошла къ умывальнику за драпировкой, раздѣлявшей комнату на двѣ половины.

Она умылась, причесалась, надѣла самое нарядное платье и подошла къ овну.

— Какая сегодня чудная погода! Сухо, свѣтло! вздохнула она.—Въ такіе дни хочется жить, хочется быть счастливой!

Кто-то подѣхалъ къ дому. Она прижалась лицомъ къ стеклу и кивнула головой. Это былъ Викторъ Валерьяновичъ. Онъ едва успѣлъ переступить порогъ, какъ она уже обнимала его.

— Какой ты свѣжій! говорила она, цѣлуя его и прижимаясь лицомъ къ его лицу.—Щеки холодныя, розовыя...

— Погода отличная, отвѣтилъ онъ,—свѣжо и сухо...

— Поѣдемъ кататься! обратилась она съ просьбой.

— Кататься? удивился онъ.—Куда-же?

— По Морской, по Невскому, на острова... куда хочешь! отвѣтила она.—Мнѣ сегодня хочется быть на воздухѣ... не дома... Мнѣ жить хочется...

Его удивило ея предложеніе. Они почти никогда не катались и только изрѣдка гуляли по болѣе отдаленнымъ отъ центра города улицамъ. Но Викторъ Валерьяновичъ не могъ отказать Дашѣ въ ея невинной просьбѣ. Онъ понималъ, что ей тяжело жить затворницей.

— Я сейчасъ найму коляску, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи! почти испуганно остановила она его.—Пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ сами... Возьмемъ и Васю...

День былъ праздничный и мальчикъ былъ не въ гимназін. Онъ съ утра ушелъ къ своему новому товарищу гимназисту, жившему въ одномъ домѣ съ семейю Лыткиныхъ. За Васей послали служанку.

Даша, когда явился братъ, велѣла ему поскорѣе одѣться, быстро надѣла шляпку и накинула тальму. Они вышли. Коляска была нанята. Вася взбирался уже на козлы, подсаживаемый однимъ изъ кучеровъ, стоявшихъ около нанятой коляски.

— Это хорошія лошади? наивно спросила Даша, садясь въ коляску.

— Хорошія, отвѣтилъ Викторъ съ улыбкой.—А что?

— Такъ... Значить мы быстро, быстро поѣдемъ... точно понесемъ отъ погони...

Она нервно засмѣялась и прижалась къ Баскакову.

— Куда прикажете? спросилъ, обернувшись, кучеръ.

— Сперва по Невскому, потомъ по Морской, сказала Даша.

— Но не лучше-ли куда-нибудь въ другое мѣсто? нервнѣе тельно началъ Баскаковъ, нежелавшій появляться съ Дашей на людныхъ улицахъ.

Онъ все по-прежнему не хотѣлъ, чтобы его знакомые видѣли его съ ней до свадьбы.

— Нѣтъ, нѣтъ, по Невскому, по Морской, гдѣ больше людей, настойчиво сказала Даша.

Кучеръ подобралъ возжи. Коляска понеслась.

— Что съ тобой, милая? тихо спросилъ Викторъ Дашу.

— Капризъ, Викторъ! засмѣялась она. — Хочу, чтобы люди

всѣ, всѣ видѣли меня сегодня съ тобою... хоть разъ пусть видятъ съ тобой... Пусть говорятъ, что хотятъ... Потомъ поѣдемъ на острова, тамъ еще все зелено... Да!.. Ахъ, Викторъ, я никогда не ѣздила такъ быстро... Какъ это хорошо... Воздухъ освѣжаетъ лицо...

— А оно у тебя сегодня особенно горитъ, замѣтилъ Викторъ. — Ты здорова?

Онъ начиналъ беспокоиться. Ея оживленіе было для него непривычно.

— Это отъ счастья, что я съ тобою ѣду, какъ жена съ мужемъ... Да вѣдь ты и есть мой мужъ! Не все-ли равно, передъ людьми или только передъ Богомъ.

Они проѣхали по Невскому, свернули на Большую Морскую, потомъ мимо церкви Благовѣщенія выѣхали на Николаевскій мостъ и черезъ Васильевскій островъ проѣхали въ Петровскій паркъ.

— Какъ здѣсь все еще зелено! проговорила Даша, любуясь паркомъ.

— Да, нынче прекрасная осень! Ты здѣсь бывала когда-нибудь? спросилъ Баскаковъ.

— Нѣтъ, въ первый разъ, и богъ-знаетъ, буду-ли еще когда-нибудь.

Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Ты доволенъ, Вася? спросила она дрожа.

— Отлично! отвѣтилъ братъ поворачиваясь къ ней лицомъ съ козель. — Онъ, знаешь, говоритъ, что онъ кого хочешь можетъ обогнать на этихъ лошадяхъ, указалъ мальчикъ на кучера.

— Бѣдный ребенокъ! прошептала Даша, отворачиваясь въ сторону, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы.

Она сдѣлала усиліе надъ собой и снова приняла веселый видъ.

— А гдѣ-же мы будемъ обѣдать? спросила она у Баскакова.

— Домой поѣдемъ, отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... Я сегодня не хочу быть дома...

Викторъ Валерьяновичъ нѣсколько затруднялся. Онъ не любилъ вообще ресторановъ и въ особенности загородныхъ.

— Все равно, я готова лучше не ѣсть, только-бы побыть подольше вдвоемъ съ тобою, далеко отъ всѣхъ нашихъ, сказала она.

Они доѣхали до конца Елагина острова.

— Выйдемъ и пройдемся, предложила она.

Мѣстность была совершенно пуста, народу не было вовсе. Они вышли изъ коляски и пошли пѣшкомъ. Вася уже мчался впередъ къ откелю залива. Даша была какъ-то лихорадочно настроена: она то смѣялась, то дѣлала грустныя замѣчанія, то болтала безъ умолку, то вдругъ умолкала. Но Викторъ Валерьяновичъ былъ крайне доволенъ. Онъ давно тяготился тѣмъ, что онъ не смѣетъ никуда вывезти свою Дашу. Онъ самъ никогда не предложилъ бы ей подобной поѣздки. Его вѣчно преслѣдовали разныя: „что скажутъ“, „что подумаютъ“. Но теперь, исполнивъ желаніе Дашы, то-есть умывъ свои руки подобно Пилату, онъ былъ веселъ и счастливъ, какъ мальчишъ. Его нужно было наталкивать на всякое дѣло, самъ онъ не могъ придумать ничего. Они нагулялись, даже набѣгались, и снова сѣли въ экипажъ.

— Что-жь, къ Доротту поѣдемъ? спросилъ Баскаковъ у Дашы.

— Къ кому? спросила она.

— Къ Доротту, повторилъ Баскаковъ.

— Это кто-жь такой? удивилась Даша.

— Ресторанъ Доротта.

Она засмѣялась.

— А я думала, какой-нибудь твой знакомый!— Нѣтъ, лучше поѣдемъ къ тебѣ. Вѣдь у тебя можно отобѣдать? Да?

— Конечно!

— Ну и отлично! Я сегодня буду у тебя въ гостяхъ... у себя...

— Въ гостиницу Демуть! сказалъ Баскаковъ кучеру.

Они быстро помчались въ обратный путь.

— А знаешь-ли, кто здѣсь живетъ? спросилъ Баскаковъ, когда они проѣзжали по Каменному острову.

— Нѣтъ, отвѣтила Даша.

— Муратовы.

— Она! почти вскрикнула Даша и сдвинула брови.

Въ ея душѣ вдругъ поднялась впервые въ жизни непреодолимая, жгучая ненависть къ этой женщинѣ, ненависть за то, что она подослала Христофорова, ненависть за то, что она оскорбила ее, Дашу, ненависть за то, что она хотѣла отнять Виктора у нея, у Дашы. Даша вдругъ прижалась къ Виктору, откинувшись къ спинкѣ коляски, и рѣзко сказала кучеру:

— Поѣзжай шагомъ!

— Зачѣмъ это? спросилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— О, если-бы она увидѣла меня теперь! вмѣсто отвѣта сказала Даша, съ сверкнувшими глазами. — Она, богатая, важная, позавидовала-бы мнѣ... Я хотѣла-бы... Ахъ, Викторъ, Викторъ, я готова-бы была теперь идти къ ней, чтобы сказать, что я счастлива, счастлива...

Въ голосѣ Дашы слышался и гнѣвъ, и слезы, и горечь. Баскаковъ глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Гнусная, низкая женщина! съ страстною ненавистью прошептала Даша. — Впрочемъ, нѣтъ, она жалкая, проговорила она черезъ минуту съ выраженіемъ презрѣнія.

— Да, это правда, Даша, она жалка! проговорилъ онъ. — Вотъ ея дача...

— А!.. Никого нѣтъ... Постой... вонъ кто-то... Нѣтъ, это кто-то изъ прислуги... Ахъ, вонъ Маша... ея горничная... Она узнаетъ меня, расскажетъ... пусть! пусть!..

Даша впилась глазами въ окна роскошной муратовской дачи. Она дорого-бы дала, чтобы ее видѣла Муратова. Но ее радовало и то, что ее видѣла Маша. Черезъ минуту они снова мчались дальше. Наконецъ, коляска остановилась въ Большой Колюшенной, у гостинницы „Демуть“. Викторъ Валерьяновичъ подъ руку съ Дашой и въ сопровожденіи Васи поднялся по лѣстницѣ въ свой номеръ.

Даша внимательно осматривала роскошно отдѣланное помѣщеніе. Здѣсь все для нея было ново.

— Какъ у тебя хорошо! восхищалась Даша. — Я точно въ раю.

— Ну и слава-богу... а ѣсть и въ раю нужно... Что-же мы спросимъ? сказалъ Баскаковъ, смѣясь надъ ея восторгомъ.

— Все равно... Впрочемъ, нѣтъ, постой, я придумаю, сказала она. — Я буду хозяйничать... Я вѣдь теперь у себя.

Она взяла карточку обѣда и начала выбирать блюда.

— Супъ крутано, консоме, супъ принтаньеръ, прочитала она и разсѣялась. — Это что такое за супы? обратилась она къ Баскакову. — Нѣтъ, выбирай ты. Я ничего не понимаю.

Баскаковъ улыбнулся и завазаль обѣдъ. Лакей поклонился и вышелъ.

— Знаешь, мнѣ теперь кажется, что мы далеко, далеко отъ Петербурга, отъ нашего дома, отъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ людей, проговорила она.— Вотъ такъ-бы быть всегда... Впрочемъ...

— Сегодня у насъ настоящій праздникъ, сказалъ Вася.

— Тебѣ весело, голубчикъ? спросила сестра и горячо поцѣловала его.

— Да вѣдь и тебѣ весело! утвердительномъ тономъ сказалъ онъ.

— Да, да, весело, весело! проговорила она дрогнувшимъ голосомъ и обернулась къ нему.

Изъ ея глазъ брызнули слезы. Она украдкой отерла ихъ.

— И какъ тебѣ пришло въ голову устроить сегодня пиръ? смѣялся Баскаковъ, обнимая ее за талию.

— Такъ вдругъ захотѣлось не быть дома... быть только съ тобою и съ нимъ, отвѣтила она.— Я-бы до ночи не возвратилась домой...

— Въ театръ-бы поѣхать, несмѣло проговорилъ Вася.— Наши гимназисты говорятъ, что въ театрѣ хорошо представляютъ.

— О, да и ты вутить хочешь весь день! засмѣялся Баскаковъ, потрепавъ по щекѣ мальчугана.— А уроки?

— У меня уроки приготовлены, бойко отвѣтилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣдемъ отсюда въ театръ, сказала Даша.

— Но... началъ Баскаковъ и понизилъ голосъ.— Тамъ могутъ насъ увидѣть знакомые...

— Пусть видятъ... Теперь мнѣ все равно, отвѣтила она.— Да и кто меня знаетъ?

— Теперь не знаютъ, но могутъ узнать послѣ, запомнивъ твое лицо.

— Когда еще узнаютъ! До тѣхъ поръ забудутъ.

— Твое лицо не легко забывается.

— Ну, да что думать о будущемъ... Я хочу пожить, повеселиться сегодня.

— Я готовъ ѣхать; ты видишь, что сегодня я готовъ на все...

— Я тебя поцѣлую послѣ, безъ него, милый! прошептала она, указывая на Васю.

Баскаковъ ласково улыбнулся ей.

— Но куда-же мы поѣдемъ? Сегодня оперный день. Развѣ въ русскую оперу?.. Вася, сходи за афишами... Выйди и спроси у кого-нибудь изъ ласеевъ.

Вася выѣжалъ. Баскаковъ быстро обнялъ Дашу. Она засмѣялась:

— Какой ты хитрый! проговорила она, горячо цѣлуя его.— Изъ театра ты заѣдешь къ намъ?!

— Не поздно-ли будетъ? проговорилъ Баскаковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты мой мужъ... не все-ли равно, когда ты пріѣдешь ко мнѣ, сколько пробудешь... Да, теперь хоть одинъ, одинъ день въ жизни ты былъ моимъ мужемъ... былъ со мною, не стѣсняясь, что скажутъ другіе, какъ взглянуть... хорошій мой... если-бы всегда такъ жить, всѣмъ троемъ вмѣстѣ... Ты любишь Васю?

— Онъ милый мальчуганъ, отвѣтилъ Баскаковъ.

— Его не оставляй никогда, никогда, страстно проговорила она.—Что-бы ни случилось, береги его.

— Но что-же можетъ случиться? удивился онъ ея взволнованному тону.

Она опять быстро обвила его руками, поцѣловала и отвернулась, проговоривъ:

— Идутъ!

Онъ отошелъ отъ нея по направленію къ дверямъ, а она уже отирала опять брызнувшія изъ ея глазъ слезы. Ей самой становилось странно и страшно слѣдить, какъ у нея путались мысли, перескакивая отъ одного предмета къ другому. Она не могла ни о чемъ говорить послѣдовательно, связно. Ей то вспоминалось прошлое, то хотѣлось отдаться радости настоящаго, то являлась забота о будущемъ Васи, Виктора, матери. Она не думала, старалась не думать только о своемъ будущемъ. Оно было словно вычеркнуто ею. Но Баскаковъ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ веселъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на свободу. Вася и онъ просматривали уже афиши. Въ Маріинскомъ театрѣ давался „Робертъ“.

— Хочешь послушать „Роберта“, Даша? спросилъ Баскаковъ.

— Хорошо, хорошо!.. мнѣ все равно... я ничего не видѣла, не слышала, отвѣтила она, подходя къ Баскакову и брату.

— А ты опять плакала? съ удивленіемъ спросилъ Вася, взглянувъ на нее и замѣтивъ, что у нея покрасѣли вѣки.

— Съ чего это ты взялъ? отвѣтила она, немного смутившись.

— У тебя глаза красные.

Баскаковъ тоже обратилъ вниманіе на ея глаза. Она засмѣялась и подошла къ зеркалу.

— Это, вѣрно, отъ вѣтра раскраснѣлись глаза! сказала она. — О чемъ мнѣ сегодня плакать?..

Въ комнату вошли два лакея и стали устанавливать приборы къ обѣду. Черезъ пять минутъ Баскаковъ, Вася и Даша уже сидѣли за столомъ. Вася болталъ безъ умолку и очень ловко переразвивалъ татарина-лакея, который сказалъ ему:

— Вотъ афыши!

Веселый смѣхъ и болтовня не умолкали во все время обѣда. Когда Викторъ Валерьяновичъ взглянулъ на часы, ему пришлось напомнить, что пора ѣхать въ театръ.

— Ты заѣдешь домой переодѣться? спросилъ онъ Дашу.

— Зачѣмъ-же? сказала она. — Вѣдь въ черномъ платьѣ можно?

— Разумѣется... ты такъ хороша въ немъ сегодня, тихо шепнулъ онъ ей.

Они поспѣшно собрались въ путь. Въ кассѣ Маринскаго театра уже не было никакихъ билетовъ, кромѣ двухъ ложъ бельэтажа. Баскаковъ взялъ одну изъ нихъ. Всѣ трое поднялись по лѣстницѣ и вошли въ ложу.

Театръ былъ еще почти пустъ, и Дашу поразили его размѣры, его красота, тысячи газовыхъ огоньковъ, хрустальныя украшенія люстры, количество ложъ и креселъ. Вася былъ удивленъ еще болѣе и какъ-то присмирѣлъ, точно его испугала и смутила эта роскошь.

— Присядемъ покуда здѣсь на диванѣ, сказалъ Баскаковъ Дашѣ.

Они усѣлись въ глубинѣ ложи на маленькій голубой диванчикъ.

— Я никакъ не думала, что тутъ такъ хорошо, сказала Даша. — Какъ весело жить тому, кто богатъ...

— Но неужели-же ты и въ дѣтствѣ никогда не бывала въ театрѣ? спросилъ Баскаковъ.

— Съ кѣмъ-же?.. Мать и отецъ и сами никогда не ходили въ театръ, когда у нихъ были средства. Они только въ балаганы возили меня, да и то я помню смутно... Когда-же обѣднѣли, то было не до театровъ... Впрочемъ, можетъ быть, и лучше такъ... Все это, должно быть, привязываетъ къ жизни...

— Это-то и хорошо! сказалъ Баскаковъ.

— Богъ знаетъ... Инне, можетъ быть, только изъ-за того, что они слишкомъ привязаны къ жизни, рѣшаются на все, чтобы только жить... А знаешь-ли, я, когда мы были обѣдны, могла-бы совершенно спокойно умереть... меня только участь Васи пугала. Теперь вотъ мнѣ труднѣе умереть... Мнѣ и тебя, и Васи... и... и жизни жаль... Какъ вспомню, что я могла-бы долго, долго еще сидѣть вотъ такъ возлѣ тебя, спокойно, безъ заботы, безъ тревогъ... и станеть жаль жизни.

Баскаковъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: она говорила тихо, спокойно, точно въ полуснѣ.

— Даша, я тебя не понимаю: что за мысли пришли тебѣ въ голову? почти испуганно проговорилъ онъ.

— А? очнулася она и съ усміемъ улыбнулась, проводя рукой по лбу.—Я сама не знаю, что это мнѣ пришло въ голову... Я, вѣрно, немного устала... Это пройдетъ...

Въ эту минуту началась увертюра.

— Пойдемъ, сказалъ Баскаковъ и подошелъ съ Дашей къ барьеру ложи.

Театръ былъ уже полночь. Когда Даша и Баскаковъ появились у барьера ложи, на нихъ устремилось нѣсколько биноклей. Даша обвела глазами ложи. Ее поразила эта пестрая масса народа. Баскаковъ слѣдилъ за нею и видимо былъ счастливъ. Его любимица была поразительно прекрасна. Черное шелковое платье ловко охватывало ея стройный станъ. Ея точно сгофрированные отъ корней, свѣтлые волосы были причесаны просто и падали сзади двумя тяжелыми косами. Ея темно-сѣрые глаза, отгнѣнные длинными, густыми рѣсницами, смотрѣли пристально на сцену и отражали всѣ ея душевныя движенія. Викторъ Валерьяновичъ восхищался ею и смотрѣлъ больше на нее, чѣмъ на сцену. Опера произвела на Дашу сильное впечатлѣніе. Ее сразу поразили и испугали демоническій образъ Бертрама. Ей было какъ-то жутко за Алису, когда ее спрашивалъ Робертъ, „отчего она по-

блѣднѣла и вся дрожитъ“, когда онъ назвалъ Вертрама „добрымъ другомъ и вѣрнымъ товарищемъ“. Сцена у креста, адская музыка цѣпей, знаменитое „сжался“, — все это заставляло Дашу вздрагивать, а мрачная сцена на кладбищѣ обдала ее холодомъ.

— Неужели всѣ оперы такъ страшны? спросила она Баскакова. — Это на нервы дѣйствуетъ. Я, кажется, не буду спать всю ночь...

— Конецъ оперы успокоитъ тебя, замѣтилъ Викторъ. — Тамъ есть и примиренье.

Дѣйствительно, хоръ странниковъ, звуки церковной музыки, спасеніе Роберта — все это подѣйствовало успокоительно на Дашу, хотя въ ея воображеніи все еще рисовалась сцена на кладбищѣ.

— Ну, вотъ и прошелъ этотъ день, сказала она, когда замерли послѣдніе звуки музыки и пѣнья. — Теперь поѣдемъ домой.

Она тяжело вздохнула. Если-бы она могла, она теперь вовсе не возвращалась-бы домой. Баскаковъ поѣхалъ ее провожать. Они вошли въ квартиру Лыткиныхъ и прошли въ комнату Дашы. Она велѣла подать чай въ свою комнату. Баскаковъ, она и Вася пили чай вмѣстѣ, втроемъ. Наконецъ, чай былъ допить и убранъ.

— Тебѣ пора спать, Вася! Завтра рано надо въ гимназію, сказала Даша.

Она горячо обняла брата.

— Поблагодари Виктора Валерьяновича! проговорила она, цѣлуя его. — Помни, другъ мой, что онъ, и только онъ, будетъ всегда твоимъ покровителемъ... Не забывай меня...

Она еще и еще поцѣловала мальчугана, едва сдерживая слезы, душившія теперь ея грудь. Вася простился и вышелъ. Онъ спалъ въ комнатѣ отца и матери. Баскаковъ и Даша остались одни.

— Ты, милая, такъ избаловала меня за сегодняшній день, что мнѣ тяжело подняться, чтобы уѣхать домой, сказалъ Баскаковъ, цѣлуя ея руки.

— Развѣ ты не дома? тихо спросила она.

Онъ взглянулъ въ ея глаза и снова припалъ къ ея рукѣ губами.

I.

Рано утромъ Васкаковъ, счастливый и сіяющій, уѣзжалъ на желѣзную дорогу. Онъ уѣзжалъ на пять дней. Прощаясь съ ними, Даша не могла удержаться отъ слезъ.

— Что съ тобой, милая? шепталъ онъ ей.

— Не забывай меня... Благодарю тебя за все, за все... Помни, всегда помни, что мы были счастливы, говорила она севозь слезы.

— Родная, я, право, боюсь... Не больна-ли ты? встревоженно говорилъ онъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... Но я хочу, чтобы съ сегодняшнего дня ты называлъ меня своею женою... Вѣдь мы мужъ и жена передъ Богомъ? Да?..

Она обняла его еще разъ и быстро проговорила:

— Ну, поѣзжай...

— Ради Бога, напиши, если ты хотя немного почувствуешь себя нездоровой, произнесъ онъ.

— Не беспокойся!.. не беспокойся!..

Онъ ушелъ. Онъ не понималъ, что дѣлалось съ ней.

— Ну, теперь я одна... одна въ этой могилѣ, проговорила она, опустивъ голову.

Въ ея головѣ опять мелькнула мысль: „теперь можно умереть“. Умереть, когда можно-бы быть счастливой, когда хочется жить! „И зачѣмъ я не покончила съ собою вчера, до его прихода?“ думала она. — Мнѣ было-бы легче... А то послѣ этого счастливаго дня... Но что-же я?.. Вѣдь еще можно поговорить съ отцомъ“. Она думала какъ-то отрывочно, лихорадочно, спутанно. Она вошла въ комнату матери.

— А гдѣ отецъ? спросила она.

— Ушелъ, ушелъ, маточка, произнесла старуха.

— Не знаете, куда?

— Не говорилъ, родная, не говорилъ...

Даша опять подумала, что онъ и никогда не говорить, куда уходитъ.

„Ну, а если онъ пошелъ къ дѣду Виктора, въ судъ?“ опять мелькнуло въ ея головѣ. Ей стало страшно, жутко. „Нѣтъ, такъ

жить нельзя: вѣчно мучиться страхомъ, вѣчно бояться позора, — лучше умереть!“ Она прошла въ свою комнату, начала что-то прибирать, пересматривать и вдругъ вспомнила о чемъ-то. „Но такъ умереть нельзя... Надо написать письмо... Виктору надо написать...“

Она сѣла, взяла перо, бумагу и зарыдала.

„Нѣтъ, нѣтъ... я не могу... не могу ему писать...“

Она въ волненіи заходила по комнатѣ.

„Не пришелъ-ли отецъ?“

Она вышла и спросила у кухарки. Отецъ еще не возвращался.

„Можетъ быть, теперь онъ у старика графа и графъ съ прѣрѣніемъ выслушиваетъ его жалобу... Графъ честень... Ему надо написать... Да, да... онъ любитъ Виктора... Онъ его утѣшить...“

Она опять сѣла къ столу и начала писать. Ея руки дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

„Милостивый государь,

„Графъ Иванъ Викторовичъ!

„Не удивляйтесь, что я рѣшаюсь писать къ вамъ, зная васъ только по слухамъ. Это мое первое и послѣднее письмо къ вамъ. Когда вы его получите, меня уже не будетъ въ живыхъ. Я должна вамъ объяснить причину моей смерти, чтобы на меня не клеветали послѣ моей смерти. Я не хочу, чтобы обо мнѣ думали дурно и тогда, когда я уже не услышу людскихъ толковъ. Мнѣ хочется быть чистой въ глазахъ того, кого я любила. Я любила вашего внука, Виктора Валерьяновича. Вы это знаете. Вы знаете также, что онъ хотѣлъ жениться на мнѣ. Я знала, что это навсегда разлучитъ его съ вами, съ вашимъ кругомъ, что это испортитъ его карьеру. Этого было довольно, чтобы я дала себѣ слово никогда, никогда не выходить за него замужъ. Я не говорила этого ему, чтобы не огорчать его, чтобы не вызвать его возраженій. Я надѣялась, что онъ будетъ счастливъ моею любовью и безъ женитьбы, — и этого было съ меня довольно. О себѣ я не думала, — не думала потому, что уже давно потеряла надежду на полное спокойствіе и счастье. Я радовалась только возможности хоть два, три года быть любимою тѣмъ, кто сталъ мнѣ дороже жизни. Этого мнѣ было довольно. Но случилось не такъ. Кто-то изъ близкихъ Виктору людей подослалъ ко мнѣ жениха.

Сначала я не поняла, почему сватается за меня, за падшую дѣвушку, этотъ господинъ, но мой отецъ объяснилъ мнѣ все. Я поняла, что кто-то изъ вашей семьи хочетъ отдѣлаться отъ меня, хочетъ, чтобы я, выйдя замужъ за другого, лишилась возможности въ будущемъ быть женою Виктора. Я не обвиняю, не проклинаю, графъ, придумавшаго эту интригу человѣка, но скажите ему, если вы его знаете, что онъ безсердечно, тупо убилъ меня, не зная меня, не выдавъ меня, не переговоривъ со мною. Онъ думалъ, что если я нищая, если я вышла не изъ высшаго круга, то я способна на все: на продажу себя за деньги, на бракъ съ недобрымъ человѣкомъ, на связь съ любимымъ лицомъ во время брака съ другимъ человѣкомъ. Но этотъ человѣкъ, рѣшившійся такъ холодно оскорбить мою честь, дѣйствовалъ въ то-же время какъ-то по-дѣтски наивно. Онъ считалъ меня дѣвушкою, способною на всякую низость, и подсылалъ мнѣ жениха. Но вѣдь мнѣ было-бы выгодно просто жаловаться на Виктора въ судъ. Вѣдь для избѣжанія скандала даже вы сами, графъ, предложили-бы мнѣ большую сумму денегъ. Вѣдь вы не захотѣли-бы, чтобы имя какой-то Лыткиной ставилось рядомъ съ именемъ графовъ Васкаковыхъ. Это все разъяснилъ мнѣ мой отецъ. Но, разъясняя мнѣ все это, онъ въ то-же время замѣтилъ, что если начинаютъ интриговать противъ насъ, то и намъ нужно принять свои мѣры. Онъ рѣшился идти сначала къ вамъ, а потомъ въ судъ, чтобы требовать награды за мою любовь. Это рѣшеніе отца открыло мнѣ глаза, показало мнѣ, что я должна дѣлать: я испугалась, что вы подумаете, что интрига затѣяна съ моего согласія, и перестанете считать меня честною дѣвушкою, а я уже уважала васъ, считала за честнаго человѣка, мнѣніе котораго мнѣ было дорого, потому что васъ любилъ и уважалъ любимый мною человѣкъ. Я молила отца не предпринимать ничего, но онъ говорилъ одно и то-же: интригуютъ противъ насъ—будемъ интриговать и мы. Что-же было мнѣ дѣлать? Идти къ вамъ и объяснить вамъ все? Но развѣ вы повѣрили-бы мнѣ? Развѣ вы перестали-бы бояться, что я когда-нибудь выйду замужъ за Виктора? Развѣ, наконецъ, перестали-бы интриговать противъ меня тѣ, кому казалось это необходимымъ? Въ то-же время, понимая впередъ бесплодность объясненій съ вами, я знала бесплодность объясненій съ отцомъ. Мнѣ оставалось умереть или ждать той минуты, когда мой отецъ опо-

зорить меня передъ вами и вашего внука передъ судомъ. Я выбрала первое. Почему я такъ поступаю, — это пойметъ каждая честная женщина: умереть гораздо легче, чѣмъ пасть во мнѣніи любимаго человѣка и дожидаться того, чтобы его окружающіе сказали ему: вотъ какова та, которую ты любишь! Я могла-бы оправдаться, скажете вы, но кто-бы мнѣ повѣрилъ? Онъ, а не вы, не тѣ люди, которые мѣшали меня съ грязью, не зная меня. Они, бросая грязью въ меня, бросали-бы ея и въ него. Правда, я могла сказать одно слово и онъ женился-бы на мнѣ и устранилъ-бы все разразившееся надо мною горе. Но это слово я сказала-бы не иначе, какъ послѣ вашего согласія. Выйдя замужъ за Виктора безъ вашего согласія, я вѣчно мучилась-бы страхомъ, что Викторъ упрекнетъ меня хоть взглядомъ, хоть намекомъ за то, что я испортила его жизнь. Этотъ упрекъ былъ-бы для меня страшнѣе позора, страшнѣе смерти. Извините, что я пишу вамъ все это. Я знаю, что вамъ нѣтъ никакого дѣла до меня, до моихъ чувствъ, до моихъ мученій. Но я хочу, я *требую*, графъ, отъ васъ, чтобы вы оправдали меня передъ Викторомъ, чтобы вы объяснили ему все, чтобы вы спасли его отъ отчаянія. Утѣшите его тѣмъ, что онъ сдѣлалъ меня счастливою хотя подъ конецъ моей жизни. Утѣшите его тѣмъ, что я любила его, и только его одного, чистою, святою, безкорыстною любовью. Утѣшите его тѣмъ, что я умерла спокойно, что не онъ былъ виновникомъ моей смерти, что она была неизбѣжною, необходимою... Боже мой, что я говорю! Вы его любите, вы найдете сами въ своемъ сердцѣ слова утѣшенія. Я у васъ не прошу ничего: мнѣ ничего не надо, но у меня есть братъ, — спасите его, воспитайте его, объясните когда-нибудь и ему, почему умерла я. Вы вѣдь лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, можете объяснить все. Моимъ роднымъ не говорите, что я умерла. Пусть считаютъ меня живою. Пусть не винятъ васъ...“

Даша писала торопливо, лихорадочно, не замѣчая, что слезы падаютъ на бумагу. Ей казалось, что передъ нею стоитъ самъ графъ и что она говоритъ съ нимъ. Если-бы кто-нибудь былъ въ ея комнатѣ, то онъ могъ-бы узнать содержаніе ея письма; она думала вслухъ. Она не перечитывала написаннаго, не задумывалась надъ выраженіями. Наконецъ, письмо было кончено. Она торопливо

сложила это, сунула въ конвертъ и запечатала послѣдній. Потомъ она спрятала его въ карманъ, отерла слезы, начала рыться въ комодѣ, достала всѣ бывшія у нея деньги и пошла къ матери.

— Мама, вотъ деньги, сказала она.

— Дашенька, на что-же это ты даешь мнѣ? спросила старуха въ недоумѣніи.

— Такъ, такъ, возьмите... Я, можетъ быть, уѣду... Мнѣ тяжело здѣсь жить... Не плачьте обо мнѣ...

Она бросилась на шею матери и зарыдала.

— Куда-же, голубушка, куда ты? воскликнула старуха, моргая глазами.

— Молчите... молчите... Я уѣду въ монастырь... Я не хочу, чтобы отецъ зналъ... Берегите Васю... Жить вамъ будетъ чѣмъ... Викторъ, старикъ Баскаковъ помогутъ...

— Да полно, полно, родная... Господи, Владчица пресвятая... стонала старуха, смотря растерянными взглядами кругомъ. — Что-же это... за что...

— Не плачьте... Что-же тутъ такого... Въ монастырѣ буду... молиться буду... за васъ, за всѣхъ... грѣхи замолю...

— Да ты куда скажи, куда?

— Нѣтъ, нѣтъ, никто не долженъ знать...

Даша еще разъ обняла оторопѣвшую, почти обезумѣвшую мать и вышла въ свою комнату.

Въ эту минуту воротился Лыткинъ.

— Отецъ пришелъ! мелькнуло въ головѣ Даша. — Попробовать еще разъ... броситься къ ногамъ... упросить...

Она пріотворила дверь въ комнату матери. Лыткинъ сидѣлъ у стола, положивъ голову на столъ. Онъ былъ пьянъ. Даша вздрогнула и махнула рукой.

„Нѣтъ, его просить нечего! Онъ пообѣщаетъ что угодно и обманеть!“

Она вернулась въ свою комнату и услышала плачъ въ гостиной. Это плакала ея мать. Она поблѣднѣла. Потомъ она услышала, что дверь въ гостиную отворилась и тамъ раздался громкій голосъ:

— А, вотъ ты гдѣ!

Это былъ голосъ Марьи Егоровны Коптлевой.

— А вѣдь я-то, я-то какова! кричала съ порога Марья Егоров-

на.—Поставила на своемъ... Вчера вывела моего-то купца такую, такую швейку, что онъ полтиньки въ долгъ дастъ... Ей-богу... Вотъ ужъ правда: голенькій „охъ“, а за голенькимъ Богъ! Ну ужъ и дѣвка, нашей Дашкѣ не уступить... Да ты-то что хнычешь? А?

— Охъ, горе у меня, горе, встала Катерина Ивановна, совершенно растерявшаяся, неумѣвшая ничего сообразить.

— Знаю, знаю!.. Братъ въ судъ хочетъ идти... Дашка артачится... Ничего, перемелется рожъ—мука будетъ!.. Это ей съ невпривычки, такъ и трудно, а стерпится—слюбится... заживетъ бариней...

— Охъ, не заживетъ она, не заживетъ! стонала старуха, качая головой.

— Полно, точно о покойницѣ убиваешься... А я, знаешь, и вывѣску заказала... Чернымъ полемъ велѣла пустить, а на черномъ-то бѣлыми литерами вывести: гласная касса ссудъ... Разрѣшеніе общали... Оно, знаешь, бѣловъ-то на черномъ въ глаза бросается... Фамилью-то тоже велѣла прописать... все уваженія будетъ больше...

Даша торопливо одѣвалась, съ разсѣяннымъ взглядомъ хватаясь за вещи.

„Въ Неву... теченіемъ унесетъ... никто и не узнаетъ... Ночью брошусь... Мать будетъ думать, что въ монастырѣ... Викторъ... О, Господи, еще-бы разъ, на минуту, на одну минуту взглянуть на него...“

— Сейчасъ Муратиху видѣла, слышался голосъ Марьи Егоровны.—Ахъ, безстыжая, безстыжая... По Невскому-то со своимъ содержателемъ катитъ... Лежитъ это въ коляскѣ, вся въ бархатѣ, а на носу пенсе, очки, знаешь, модныя... И съ чего это?.. Прежде глазами не жаловалась... И вдругъ... А онъ-то, —рожа-то, рожа-то какая,—улыбается во весь ротъ, во весь ротъ...

„Пойду снесу письмо... потомъ пройду на Елагинъ... Тамъ, гдѣ вчера гуляли... а ночью на Строгановскій мостъ... мелькало въ головѣ Даша.—Говорятъ, не тяжело, разомъ захлебнешься... холодомъ только обхватить... Если-бы тѣла не нашли... никогда, никогда не нашли-бы... точно меня и не было...“ „А что, если у меня подъ сердцемъ...“

Она болѣзненно схватилась за грудь.

„Нѣтъ, нѣтъ... не можетъ быть... Да онъ и проститъ меня... у меня исхода другого нѣтъ... Я не виновата, что я такая...“

Она стала надѣвать шляпку.

— Да она броситъ его, броситъ его, жиды-то, тараторила Марья Егоровна. — У нея ужъ другіе на примѣтъ есть... Повадились кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить... и вѣдь какъ живеть, какъ живеть: все золото да бархатъ, графы да князья ѣздятъ... Вчерась даже въ газетахъ пропечатано было: „Наша извѣстная...“ Ахъ, какъ это сказано было, дай Богъ памяти... нынче слова то пошли мудренныя, языкъ ломаютъ только... И съ чего это?.. Да, да... „наша извѣстная филантропка Аделаида Александровна Муратова пожертвовала въ „Общество первой помощи“ тысячу рублей для помощи падшимъ женщинамъ“... И какія это такія женщины?.. Христось ихъ разберетъ нынче... А ужъ молодець баба, теперь только и говорятъ, что о ней... Въ кухни какія-то тоже пожертвовала, и все это пропечатано... Говорятъ, имъ обѣдъ давали, такъ такіе тузы тамъ были да ее-то, Муратику-то благодарили, что ахъ!.. А давно-ли сама, подлая, насъ, нищихъ, надувала? А?

Даша вышла изъ своей комнаты.

— Охъ, кто это тамъ? воскликнула Катерина Ивановна, услыхавъ, что въ передней хлопнула дверь.

— Ну, скажутъ, если кто чужой! отвѣтила Марья Егоровна, махнувъ рукой. — Марья-то Петровна теперь такъ и лебезитъ около Муратики-то: жиды-то Муратикинъ обѣщалъ еще на кабой-то пріютъ жертву сдѣлать. Извѣстно, въ мутной водѣ каждый рыбу удить...

— Настасья, Настасья! позвала Катерина Ивановна кухарку. Настасья вошла.

— Кто это тамъ?

— Никого нѣтъ, отвѣтила она.

— Да двери-то зачѣмъ отворяла?

— Барышня ушли.

— Охъ, родные, голубчики мои, бѣгите за ней!.. Ушла... навсегда ушла, заметалась Катерина Ивановна. — Что я-то буду дѣлать, голову-то куда склоню?.. Ни мыслей, ни понятіевъ у меня... такъ, пустота одна...

— Да чего ты убиваешься? разсердилась Марья Егоровна. — Ну, пошла гулять, воротится... Эка невидаль!..

— Охъ, нѣтъ, охъ, чуетъ мое сердце! стонала Катерина Ивановна, припавъ головой къ столу.

— Э, полно! Не объ чемъ плакать, такъ горе придумываешь... А у мужа-то, у Муратикина мужа-то, у Аркадія-то Павлыча, французенка... плугавая такая, поджарая, носище крючкомъ, какъ у птицы, а только пѣнію обучена и по французскому умѣть, ну и промышляетъ... Что-жь, извѣстно, каждому жрать хочется... И что за жизнь у нихъ идетъ, вотъ ужъ подлинно безпечальное житье . . . . .

Даша исчезла съ лица земли безслѣдно, какъ исчезаютъ и наши свѣтлыя, и наши тяжелыя сны.

А. Михайловъ.

ИЗЪ СОЖЖЕННЫХЪ ДЕРЕВЕНЬ.

(Съ сербскаго.)

За холмами угасъ ослѣпительный день,
Надъ землею роса поднялась,—
Изъ сожженныхъ врагомъ деревень
Горсть страдальцевъ въ лощинѣ сошлась.
Бросивъ скарбъ свой, въ лохмотьяхъ однихъ
Убѣжали они отъ враговъ
Изъ домовъ разоренныхъ своихъ,
Изъ своихъ истребленныхъ садовъ.
Не забыть имъ минувшаго дня:
Врагъ на сонныхъ напалъ по-утру,
То не битва была, а рѣзня,
Кровь лилась, какъ вино на пиру;
Какъ вино опьянила она
Ошалѣвшую шайку враговъ
И была эта шайка страшна,
Какъ голодная стая волковъ.
Только тотъ, кто бѣжалъ, уцѣлѣлъ,
Но немногимъ бѣжать удалось:
Залпъ за залпомъ за ними гремѣлъ,
За проклятьемъ проклятье неслоь.
Не лѣса, не холмы ихъ спасли,—
Самъ Господь охранялъ ихъ въ пути!
Чтобъ они, настрадавшись, могли
На спасенье страдавшимъ идти.
Въ этотъ страшный, рѣшительный мигъ
Онъ крестилъ и мечомъ, и огнемъ
Всѣхъ погрязшихъ въ порокахъ мірскихъ,
Всѣхъ забывшихъ постыдно о Немъ.
Старцевъ, женщинъ, мужчинъ и ребятъ,
Всѣхъ сплотилъ онъ въ единый кружокъ
Подъ нахлынувшей бурей утратъ,
Разоренья, нужды и тревогъ.

Ихъ сравняла внезапно бѣда,
 Не оставивъ надежды ни въ комъ
 Запастись, какъ въ былые года,
 Плотнo свитымъ, уютнымъ гнѣздомъ.
 Имъ остался единственный путь:
 Божьей волѣ отдаться во власть—
 Иго рабства съ отчизны страхнуть
 Или въ битвѣ со славою пасть.

Ночь на землю повѣяла сномъ;
 Но они позабыли о снѣ,
 Совѣщаясь во мракѣ ночномъ,
 Какъ помочь угнетенной странѣ.
 Мрачнымъ тономъ толпа стариковъ,
 Вспоминая о падшихъ бойцахъ,
 О злодѣйствахъ безумныхъ враговъ,
 Жажду мщенья будила въ сердцахъ.
 Группы жезлицъ, лишенныхъ дѣтей,
 Заглушая рыданья свои,
 Ободряли любимыхъ мужей
 За отчизну на битву идти.

$$\frac{24}{16} \\ \frac{38}{}$$

Попъ маститый твердилъ имъ, что онъ
 Призывалъ всѣхъ къ возстанью давно,
 Что въ союзѣ славянскихъ племенъ
 Имъ спасенье осталось одно.
 Въ нетерпѣнны живомъ молодежь
 Доставала оружье свое:
 Кто угрюмо оттачивалъ ножъ,
 Кто готовилъ поспѣшно ружье.
 И когда новый день по холмамъ
 Засверкалъ,—онъ свѣтилъ съ вышины
 Не вчерашнимъ забитымъ рабамъ,
 А героямъ священной войны.

И.

МОЙ ДРУГЪ ВАГОНЪ

и

ЕГО РОДИТЕЛИ.

• (Очеркъ.)

I.

Ѣхалъ я по николаевской желѣзной дорогѣ и доѣхалъ до станціи Бурги. Тутъ я вышелъ изъ вагона, постоялъ минуты двѣ на платформѣ, посмотрѣлъ кругомъ, да станція что-то не понравилась и я хотѣлъ было взять билетъ еще станціи на двѣ; но поѣздъ въ это время двинулся и мнѣ поневолѣ пришлось остаться на мѣстѣ. Дѣлать нечего, я сталъ собирать свѣденія объ окрестныхъ деревняхъ и между прочимъ узналъ, что версть за десять въ сторонѣ протекаетъ рѣка Мста, что тамъ есть горы и лѣсъ, есть простыя, небогатныя деревни. А если такъ, то и прекрасно, думаю; рѣка, горы и лѣсъ и простыя, небогатныя деревни,—въ такомъ мѣстѣ мнѣ давно хотѣлось прожить гѣто. Пойду, думаю, туда.

Пошелъ я туда пѣшкомъ, закинувъ за плечи небольшой саквояжъ, въ которомъ заключалась моя дорожная поклажа. Погода стояла хорошая. Идти приходилось сначала полями, по гладкой песчаной дорогѣ, потомъ версть на шесть лѣсомъ. Солнце сильно припекало, и я радъ былъ, когда попалъ подъ тѣнь деревьевъ. Длинные ели, какъ солдаты въ шеренгахъ, ровно и плотно тянулись по ту и другую сторону дороги, отрывая вверху узенькую и кудреватую полоску сизаго неба; я чувствовалъ склонность ребячиться, поминутно загибалъ голову вверхъ, огля-

двигался и воображалъ себя въ чудесной искусственной алеѣ, ведущей въ какой-нибудь сказочный замокъ. Ели скоро смѣнились ольхой и березой; здѣсь меньше было тѣни, за то проносился иногда свѣжій, пріятный вѣтерокъ; въ иныхъ мѣстахъ березы и ольхи сплетались надъ дорогой своими вѣтвями и такимъ образомъ покрывали мой путь какимъ-то особаго рода затѣйливымъ кружевнымъ чехломъ. Однажды перебѣжалъ черезъ дорогу заяцъ или, можетъ быть, другой какой звѣрекъ, и я остановился и долго ждалъ, — не побѣжитъ-ли, думаю, обратно; пролаяла собака и ея голосъ шумнымъ эхомъ разнесся въ лѣсу, и я опять остановился и ждалъ, когда она снова залаетъ; гдѣ-то очень близко послышалось хрюканье свиньи, между деревьями выглянула рогатая голова жующей коровы; потомъ раздался трескъ и чей-то говоръ, впереди брызнулъ солнечный блескъ, открылся широкій лоскутъ свѣтлаго неба, показалось черное поле, а еще подальше — и я увидѣлъ деревню, стоящую на самомъ обрывѣ того чернаго поля, а свѣтлое небо накрывало сверху деревню.

Я вошелъ въ поле. Тамъ на равныхъ концахъ топтались три-четыре мужика. Влѣво отъ дороги, недалеко отъ изгороди, ходила за сохой баба. Я сейчасъ пошелъ по межѣ къ ней и поздоровался, имѣя въ виду разспросить кое-что о деревнѣ. Баба поклонилась мнѣ, подтянула было возжи, но снова опустила ихъ, понукала лошадь и пошла дальше. Я пошелъ рядомъ съ ней и, запинаясь за мягкія глыбы, съ немалымъ трудомъ объяснилъ, что мнѣ хотѣлось-бы прожить лѣто въ деревнѣ, что нужна отдѣльная изба и пр. Баба, въ свою очередь, отвѣчала, что въ ихъ деревнѣ можно остановиться на лѣто, что свободныя избы найдутся и что, пожалуй, она сама можетъ отдать свою избу, а семья на это время перейдетъ въ горенку, которая хотя очень мала, но печка стоитъ въ ней большая и въ этой печкѣ можно хлѣбъ печь. Впродолженіи разговора она постоянно дергала возжами, махала кулакомъ, ворочала соху то вправо, то влѣво, и по ея угловатому, загорѣлому лицу катился обильный потъ, оставляя по себѣ извилистыя грязныя полоски.

Баба посовѣтовала мнѣ отдохнуть на межѣ, пока она кон-

чить работу, чтобы вмѣстѣ потомъ идти въ деревню. Я съ удовольствіемъ растянулся на травѣ, полежаь, подумаль, а потомъ незамѣтно какъ-то задремаль и уснулъ. Долго-ли я спалъ тутъ— не знаю, только слышу сквозь сонъ, какъ-будто кто кричить около меня: — „Почтенный! эй, почтенный, вставай!“— Что такое? думаю про себя;—голосъ ровно дѣтскій, а слова не дѣтскія и интонація тоже не дѣтская.— „Почтенный! эй, почтенный!“ Да ужь не мнѣ-ли кричить? думаю;—и гдѣ это я нахожусь?.. Тутъ я раскрылъ глаза, и мнѣ открылось широкое небо, ширско по сторонамъ, подъ бокомъ земля, какой-то кустъ въ головахъ, а у куста стоитъ человекъ. Голова у человека была большая, круглая, волосы торчали врозь; одежда его состояла изъ одной рубашенки, которая не была подпоясана и цилиндрокъ спускалась до колѣнъ; руки флегматически были заложены за спину, что дѣлало фигуру весьма карикатурной. Человекъ этотъ былъ мальчикъ лѣтъ семи или восьми.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на интереснаго незнаконца, въ то-же время соображалъ, какого рода обращеніе болѣе прилично съ нимъ.

— А по какому праву ты называешь меня почтеннымъ? наконецъ выговорилъ я.—Какой такой я почтенный?

При этомъ человекъ пришелъ въ ужасное сопѣніе и такъ строго посмотрѣлъ на меня изподлобья, что я невольно засмѣялся и взглянулъ на бабу, которая тутъ-же стояла со своей сохой; баба, смѣясь, кивнула мнѣ подбородкомъ.

— Сынншко?

— Сынншко.

— Поди сюда! сказалъ я, дѣлая движеніе рукой.

Человекъ шагнулъ два раза и еще строже посмотрѣлъ на меня.

— Какъ тебя зовутъ?

— Вагонъ.

— Ну, здравствуй, Вагонъ! сказалъ я и протянулъ руку. Вагонъ сейчасъ началъ вытаскивать свою руку изъ-за спины, но это досталось ему не сразу, потому что рука, должно быть, крѣпко застряла между пальцами другой руки. Мы поздоровались, какъ прилично солиднымъ и еще мало знакомымъ людямъ.

Затѣмъ мы всѣ трое отправились въ деревню. Дорогой баба объяснила мнѣ, что семья у нихъ четверо,—она, мужъ, старуха свекровь да вотъ этотъ Вагонъ; что Вагономъ прозвали его мальчишкой на деревнѣ, а настоящее имя его Никонъ; что Никонъ—парень послушный и на всей деревнѣ нѣтъ лучше караульщика заборовъ Вагонъ въ это время шелъ передъ лошадыю, по-прежнему заложивъ свои руки за спину и склонивъ впередъ свою ежовую голову, точно ее угнетали самыя тяжкія думы. Между разговоромъ баба не разъ кивала на него, показывая мнѣ свои крупные зубы.

II.

Лишь только мы вступили въ деревню, къ намъ стали сбѣгаться мальчики и дѣвочки разныхъ возрастовъ и, вытянувъ свои шеи, эдакъ вкось бросали на меня любопытные глазенки, а нѣкоторые громко спрашивали Вагона: „кто это? откуда? а что въ рукахъ у него?“ Вагонъ на всѣ эти вопросы еще ниже склонялъ свою голову и измѣнялъ поступь, дѣлая нѣсколько болѣе широкихъ, но медленныхъ шаговъ, причѣмъ сплетенные пальцы его рукъ, заложенныхъ за спиной, начинали усиленно работать и влетали въ себя рубашенку.

Деревня оказалась небольшою и самой обыкновенною православной деревней, какая мнѣ и была нужна. При самомъ входѣ въ нее, на правой рукѣ, стоялъ столбъ, облокотившись на чей-то амбаръ, такой-же дряхлый, какъ и самый столбъ; на столбѣ была прибита доска, на которой я съ усиленіемъ могъ разобрать слѣдующее: „дере: Мокры-Грачи душъ 43 дворовъ 21 одинъ“. Всѣ дома построены на одну колодеу, съ крыльцомъ сбоку, съ четырьмя окнами въ шесть стеколъ, съ широкимъ дворомъ назади. Широкая и ровная, какъ карта, улица была покрыта площадками муравы, на которыхъ кое-гдѣ сидѣли и махали рученками малые ребятишки со своими пестунками.

Мы остановились у одного не очень казистаго дома. Вдоль передней стѣны его была сдѣлана земляная насыпь, на которую, должно быть, часто садилась, потому что она была очень гладко укатана. Въ то время, какъ мы подошли къ дому, на ней ле-

жалъ мужикъ и по-копачьи шурилъ на насъ глаза. Это былъ самъ хѳзьяинъ, какъ я скоро узналъ. Сначала я подумалъ, что онъ чѳмъ-нибудь болѳнъ, но когда онъ всталъ съ землянки и зѳвнулъ, то широкій и здоровый зѳвокъ сейчасъ-же обличилъ ложность моего предположенія. Мужикъ былъ такъ-себѳ,—средняго роста, порядочно сложенный, съ сонными и какъ-будто печальными глазами. Скоро онъ ушелъ отъ насъ въ огородъ, опять широко зѳвнулъ, почесался и легъ на траву. Въ это время я былъ уже на крыльцѳ и осматривалъ обстановку двора. Баба все еще возилась около лошади, а Вагонъ прибиралъ сбрую.

Я вошелъ въ избу. Тамъ сидѳла за прялкой костлявая, сморщенная старушка, у которой рука видимо отказывалась владѳть веретенномъ.

— Какъ можется, бабушка? спросилъ я послѳ перваго прѳвѳтствія.

— Помирать хочу, отецъ, да Господь, видно, еще не приуготовилъ моего жилища, отвѳтила она дряхлымъ голосомъ.

Я освѳдомился насчетъ этого жилища, которое Господь долженъ приуготовить для нея, и тутъ у насъ пошелъ длинный богословскій разговоръ, необладавшій, впрочемъ, особеннымъ глубокомыслиемъ; тѳмъ не менѳе изъ разговора я могъ заключить, что бабушка если не была старовѳркой, то во всякомъ случаѳ придерживалась своей собственной, какой-то особенной вѳры.

Приходъ хозяйки съ маленькимъ Вагономъ прервалъ нашу интересную бесѳду. Я обратился къ ней насчетъ моей квартиры. Хозяйка предложила мнѳ эту самую избу, но я сначала хотѳлъ посмотреть ту маленькую горенку, о которой она говорила.

Горенка оказалась ничего. На улицу смотрѳло чистенькое окно; на окнѳ стояло нѳсколько битыхъ горшковъ съ какими-то цвѳтами; къ верхнему оконному косяку было приколочено гвоздиками грубое домашнее кружево, указывавшее какъ-бы присутствіе стору. Въ одномъ углу цѳлую треть комнаты занимала бѳленая печь. На всѳхъ четырехъ стѳнахъ были наклеены лубочныя картинки, которыя, впрочемъ, мнѳ очень понравились. Въ переднемъ углу стоялъ простѳйшаго устройства сосновый столъ, а по двѳ стороны его широкія скамьи. Подъ столомъ стоялъ

большой грязный самоваръ, — наиболѣе любезный предметъ для меня; когда я высказалъ это хозяйкѣ, она сейчасъ-же вытащила самоваръ изъ-подъ стола и рекомендовала прежде всего удивительную крѣпость его; не преминула также объяснить, что этотъ самоваръ данъ былъ еще въ приданое ей, что она, хозяйка, брана изъ богатаго дома, отъ богатаго отца-матери, что мужъ ея, Иванъ Петровичъ, мужикъ съ головой и пр. и пр., — признаться сказать, я дальше ничего не слышалъ, потому что въ это время разсматривалъ картинки на стѣнахъ.

Такъ-какъ для моихъ хозяевъ, а отчасти и для меня, удобнѣе было взять эту комнату, чѣмъ большую избу, то мнѣ оставалось только высказать условія и спросить о цѣнѣ. Относительно цѣны у насъ вышло нѣкоторое не совсѣмъ обычное препирательство.

— Что-же ты возьмешь за эту избушку? спросилъ я бабу.

— Да ты какъ, на все лѣто, что-ли?

— На все лѣто.

Баба подумала.

— А двугривенникъ въ недѣльку не будетъ тебѣ дорого?

Сообразно съ петербургскимъ, мнѣ показалось это слишкомъ дешево и потому я усмѣхнулся.

— Развѣ дорого? воскликнула бабу;— родной! вѣдь ты говоришь, каждый день самоваръ тебѣ наставлять!

— Вотъ это-то я и соображаю... Видно, что ты никогда не держала жильцовъ и потому не знаешь, что они требуютъ тоже разныхъ хлопотъ. Чтобы не было обидно намъ обоимъ, я буду платить тебѣ полтора рубля въ мѣсяцъ, — это почти два двугривенныхъ въ недѣлю по твоему счету.

— Нѣтъ... болѣзненно протянула бабу и потомъ молча что-то соображала, уткнувъ пальцемъ въ опущенный свой подбородокъ. — Родной, ты ужь не обижай меня, положи шесть-то гривенокъ въ недѣльку!

— Какъ шесть?

— Такъ... шесть! три двугривеннича!

— Да вѣдь ты просила одинъ двугривенный!

— Ужь ты не обижай! Я сказала это сглупа, потому какъ

этихъ дѣловъ не знаю, ну, думаю, будетъ забирать молочко, лички и все такое, — думаю, довольно двугривенника; а теперечка я вижу иное...

— И молоко, и яйца, и прочее все я буду забирать у тебя за деньги; а за эту избушку буду платить два двугривенныхъ въ недѣлю, иначе сказать — сорокъ копеекъ; кажется, ясно!

— Нѣтъ, такъ будетъ обидно! Шесть гривенъ, и вотъ моя рука, — легкая рука, баринъ!.. ну, ну, что-ли!

— Ума не приложу... какъ тебя...

— Наталья.

— Какая ты странная, Наталья, — запросила двугривенный, а теперь не хочешь брать и двухъ.

— Да вѣдь я неученая баба! гдѣ-же мнѣ съ вами сговорить!.. про себя я и такъ ругаю себя, зачѣмъ, дура, рубликъ не спросила, а все отъ нашей простоты да глупости, — правду ино мужъ-то говорить!

Я махнулъ рукой и сказалъ, что полтинникъ въ недѣлю буду платить, и то для круглаго счета. Тутъ моя баба пришла даже въ нѣкоторый азартъ и рѣшительно заявила, что меньше шести гривенъ не отдастъ избу подѣ постой. Я не зналъ, что и сказать; стоялъ и умственно называлъ себя дуракомъ, что самъ-же завелъ такую каютель. Однако, еще разъ попытался убѣдить бабу, что два рубля въ мѣсяцъ — цѣна самая необходимая, законная цѣна, что и въ Петербургѣ за такую избушку взяли-бы не больше трехъ рублей... Но тутъ баба неожиданно прервала меня.

— Трехъ рублей, ты говоришь? а почему это въ недѣлю?

— Въ недѣлю будетъ семьдесятъ пять копеекъ.

— Ну, вотъ и ты мнѣ давай семьдесятъ пять копеекъ! рѣшила она, отмахнувъ рукой.

Я посмотрѣлъ на нее: въ шутку или въ правду она говоритъ? и потомъ взялъ со стояла свой сак-воажъ, а, впрочемъ, никакъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Ну, прощай, тетка!

— Куда-же ты? быстро спросила она.

— Съ тобой, братъ, не сторгуешься.

— Да ты торгуйся... пятакъ уступлю!

— Изъ семидесяти пяти копеекъ?

— Да, какъ сказала!

— Добро, прощай! теперь и за полтину не останусь!

— Ну, такъ поди съ Богомъ... что-жь, я не держу... Давай, что-ли, шесть-то гривеноекъ!

— За полтину не останусь!

Я выходилъ уже за ворота.

— Да живи, Богъ съ тобой!.. оставайся, почтенный!.. Слышь, оставайся! я ужь согласна на ту цѣну, какую ты сперва давалъ!

Мнѣ это весьма интересно показалось и я остановился.

— Сорокъ копеекъ, что-ли?

— Живи за сорокъ копеекъ! дешевенько по глупости отдала, да живи, Богъ съ тобой!

Баба выказала неподдѣльную радость, когда я воротился. Начала прибирать мою избушку, спрашивала меня о родныхъ и о всемъ прочемъ, о чемъ можно спрашивать, рассказывала про свою жизнь, про мужа, про дѣтей, которыхъ схоронила; о деньгахъ больше не было и рѣчи. Вообще, если въ моей головѣ начинало закрадываться дурное мнѣніе о моей хозяйкѣ, то ошибка эта скоро разсѣялась, и мы съ ней были такіе-же друзья, какъ тогда, когда шли вмѣстѣ въ деревню.

III.

Когда я во второй разъ проходилъ чрезъ сѣни въ свою горницу, то встрѣтилъ Вагона, который спускался съ маленькой лѣстницы, ведущей, должно быть, съ сѣновала, какъ я подумалъ. Я велѣлъ ему слѣдовать за нами и онъ послѣдовалъ.

Въ избѣ, пока Наталья прибирала ее, мы съ Вагономъ раскрыли сак-воажъ, вытащили оттуда мое добро и уложили его на столъ, причемъ я сейчасъ-же подарилъ Вагону номеръ „Виржевыхъ Вѣдомостей“, купленный мною въ Петербургѣ и дорогой прочитанный уже; я развернулъ номеръ и шепнулъ Вагону на ушко: „выйдетъ знатный змѣй!“ Вагонъ началъ усиленно пыхтѣть

и потомъ долго и бережно свертывалъ листь. Досталъ я бумажный кошелекъ съ сахаромъ и, за неимѣніемъ другого десерта, сталъ угощать Вагона имъ; но тутъ Вагонъ оказался въ высшей степени упрямымъ и никакъ не хотѣлъ взять у меня сахару. Я спросилъ его, будетъ-ли онъ пить со мной чай; вмѣсто отвѣта, онъ опять началъ пыхтѣть, изъ чего я могъ, однако, заключить, что чай онъ будетъ пить со мной съ удовольствіемъ. Вообще, мой молодой другъ былъ не разговорчивъ.

Я попросилъ Наталью поставить самоваръ, желая всей семьей справить новоселье. Самоваръ оказался не менѣе упрямымъ, чѣмъ Вагонъ, и намъ пришлось ждать его съ доброй часъ. Въ это время я успѣлъ увидѣться съ хозяиномъ и перекинуться съ нимъ небольшимъ разговоромъ. Меня отчасти удивляло то обстоятельство, почему хозяинъ не присутствовалъ при нашей радѣ, а равно и Наталья ни разу при этомъ случаѣ не упоминала о немъ? И почему, думалъ я, Наталья ходитъ за сохой, а мужъ лежитъ на боку? Ничего этого я, конечно, не спросилъ у хозяина, но надѣялся узнать когда-нибудь современемъ.

За чаемъ мы всё провели время очень благодушно, хотя въ разговорѣ, кромѣ Натальи, мало участвовали прочіе члены семьи. Костлявая старушка пила чай съ огромнымъ аппетитомъ, и послѣ шестой или седьмой чашки, выпитыхъ тотчасъ одна послѣ другой, морщинистыя щеки ея подернулись тонкимъ малиновымъ румянцемъ; она постоянно поднимала къ лицу свой нанковый передникъ и вытиралась имъ, произнося не совсѣмъ понятную для меня фразу: „твори Господи молитву мою.“ Впродолженіи всего чаепитія старушка спросила меня только, зачѣмъ я пріѣхалъ жить въ деревню, и я повторилъ ей то, что раньше говорилъ уже Натальѣ.

Рядомъ со старушкой сидѣлъ Вагонъ. Наталья наливала ему очень жиденькій чай, который онъ пилъ очень быстро и съ чрезмѣрнымъ пыхтѣніемъ, такъ что бабушка постоянно просовывала изъ-подъ стола свою руку съ передникомъ и вытирала ему лицо, но лицо сейчасъ-же снова покрывалось крупными каплями пота; сахаръ откусывалъ онъ такими малыми крупицами, что я счелъ нужнымъ положить ему въ одну чашку два куска,

которые Наталья немедленно вытащила, обсосала и положила себѣ въ карманъ.

Въ сторонѣ отъ стола, у окна, сидѣлъ самъ хозяинъ. Что онъ думалъ и съ какими чувствами пилъ чай—по лицу его нельзя было разобрать, а разговоръ никакихъ онъ не велъ. Накрывъ послѣднюю чашку, поблагодарилъ и ушелъ. По нѣкоторымъ едва-уловимымъ признакамъ я замѣтилъ, что, несмотря на молчаливость и сонливость, написанную на лицѣ, онъ имѣетъ мятежный духъ; впрочемъ, какого рода мятежный духъ скрывался въ немъ, этого я не могу сказать; а, можетъ быть, въ немъ совсѣмъ и не было такого мятежнаго духа. Вскорѣ я увидѣлъ въ окно, что онъ опять лежитъ тамъ, на заваленкѣ.

— Что, мужъ-то здоровъ у тебя? спросилъ я Наталью.

— Здоровъ, Богъ храни!

— Отчего онъ такой какъ-будто скучный?

— Онъ не скучный, а такъ... такая линия.

— Отчего онъ не пашетъ поле?—это его дѣло.

— А коли баба здорова, зачѣмъ ей не пахать? усмѣхнулась Наталья.

Хозяйка скоро ушла по своимъ дѣламъ, а Вагонъ остался прибирать посуду. Тутъ мы вступили съ нимъ въ разговоръ о разныхъ интересныхъ вещахъ, которыя, впрочемъ, не могутъ быть особенно интересны для другихъ. Прибравши посуду, мы, не теряя времени, принялись за устройство змѣя изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, но на этотъ разъ должны были скоро оставить его, потому что Наталья велѣла Вагону сводить лошадь на водоной.— „Пойдемъ!“ буркнулъ онъ въ дверяхъ, приглашая меня тѣмъ идти вмѣстѣ съ нимъ, и такимъ любезнымъ приглашеніемъ, совершенно необычнымъ при его несообщительности, онъ ясно показалъ, что питаетъ ко мнѣ такія-же теплыя чувства, какія и я питалъ къ нему. Я послѣдовалъ за нимъ.

У крыльца щипала мураву наша лошадка. Такъ-какъ эта лошадка скоро сдѣлалась моимъ близкимъ другомъ и много пріятныхъ минутъ я провелъ въ сообществѣ съ ней, то, безъ сомнѣнія, на мнѣ лежитъ долгъ передать нѣкоторые отличительные признаки ея. Во-первыхъ, звали нашу лошадку Рыжкомъ. Съ

виду она была совсѣмъ маленькая, угловатая лошадка, рыжіи цвѣтъ которой по мѣстамъ переходилъ въ русый, съ длинными ушами, которыя никогда не выхлялись изъ стороны въ сторону, какъ это бываетъ у другихъ лошадей; морда весьма длинная и неуклюжая, но съ добрыми, какими-то вдумчивыми глазами, которые точно говорили: „ужь я тебѣ послужу, только ты не бей меня!“ Ноги у Рыжка были короткія и лохматыя, а вмѣсто копытъ оканчивались волосяными метелками. Вообще, лошадка была простая, непородистая.

Вагонъ, не говоря ни слова, взялся за поводъ и пошелъ по улицѣ къ рѣкѣ; я, съ своей стороны, тоже прихватилъ поводъ и пошелъ рядомъ съ нимъ. Лошадка шла за нами.

— Не кусается она? спросилъ я Вагона.

Вагонъ обернулся, раздвинулъ у лошади морду и сунулъ туда руку, проговоривъ:

— Вотъ!

— А если я такъ сдѣлаю?

— Засунь!

Однако, я не засунулъ руки.

Впослѣдствіи мы съ Вагономъ почти каждый день вмѣстѣ водили Рыжка на водопой, и это было однимъ изъ глубочайшихъ нашихъ удовольствій. Когда я хорошо познакомился съ обывателями деревни и когда прошла та неловкость, какая всегда немножко чувствуется съ незнакомыми людьми, мы съ Вагономъ часто садились на Рыжка, я сзади, а онъ спереди, и такимъ образомъ съ большимъ веселіемъ и радостію катались до рѣки; у рѣки мы слѣзали долой, иногда вмѣстѣ съ Рыжкомъ купались, а потомъ опять садились на лошадь и ѣхали въ деревню; деревенскія бабы смѣялись надъ нами, а бывало и такъ, что хватали лошадь за поводъ и тянули ее въ другую сторону, или-же совсѣмъ останавливали; мы съ Вагономъ начинали войну, понукали лошадь, стучали ее кулаками по сухимъ бокамъ, колотили ногами, — конечно, все это не шибко; бабы держатъ лошадь за шею, хохочуть, тпрукають да нукають, такъ что намъ какъ-будто ужь и стыдно станеть. — „Держись вѣрнѣче!“ шепну я Вагону и быстро соскочу съ лошади; бабы сейчасъ-же, какъ дождь,

разсыплются въ сторону, а Рышко, понукаемый Вагономъ, прытко скачетъ домой, коляхался на подобіе коровы.

IV.

Вагонъ былъ не только другомъ моимъ, но и хозяйкой. Наталья обыкновенно весь день была занята работой, такъ-какъ она одна справлялась съ полемъ, ухаживала за скотиной, смотрѣла за домомъ и огородомъ; востылая старушка ничего, кромѣ пряжи, не дѣлала, потому что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дряхлѣла и глазами была очень плоха; мужъ тоже ничего не дѣлалъ, хотя былъ здоровъ и глазами крѣпокъ.

Утромъ Вагонъ потихоньку входилъ въ мою избу, вставалъ у изголовья и начиналъ будить меня. — „Дядя Василей! (я велѣлъ ему звать меня дядей Васильемъ), дядя Василей, самоваръ-отъ кипитъ! а, дядя Василей, вставай!..“ Я немножко раскрывалъ глаза и украдкой взглядывалъ на него; Вагонъ стоитъ, по своему обычаю, заложивши руки за спину, носъ въ сажѣ, щеки въ сажѣ, рубашенка безъ пояса. — „Дядя Василей, самоваръ-отъ кипитъ!“ монотонно растягиваетъ онъ.

Тутъ я хватаю его рукой, если возможно, и притягиваю къ себѣ. Я выспрашиваю у него сегодняшнія новости, а самъ рассказываю ему свои сны, — или весьма страшные сны, съ волками и медвѣдями, или-же весьма пріятные, обильные разными гостинцами. Вагонъ любилъ слушать мои сны и часто просилъ повторять ихъ за чаемъ, всегда притомъ удивляясь, что я такъ часто вижу сны, а онъ очень рѣдко видитъ ихъ.

Въ то время, какъ я шелъ въ сѣни за самоваромъ, Вагонъ ставилъ на столъ убогій чайникъ и чашку.

— А что-же другую чашку? невинно спрашивалъ я; — развѣ ты сегодня не будешь пить чай?

Вагонъ сдержанно улыбался и скапывалъ подъ скамью глаза, такъ-какъ этотъ вопросъ неизмѣнно каждый день повторялся мной и каждый день сопровождался извѣстными послѣдствіями, т. е. я самъ доставалъ другую чашку и усаживалъ Вагона за столъ.

Чай всегда Вагонъ разливалъ; современемъ онъ-же и заваривалъ.

валъ чай, кололъ сахаръ, выкладывалъ изъ стола ситникъ, которыми я всегда запасался; когда приходилось поставить на самоваръ чайникъ или снять его оттуда, онъ всегда долженъ былъ сначала встать на скамью, потому что и въ этихъ случаяхъ я не дѣлалъ услуги ему.

Разговоры у насъ были весьма разнообразны и, какъ полагаю, интересные разговоры, но часто и совсѣмъ ничего не говорили, а я читалъ книгу, Вагонъ украшалъ разными картинками змѣй, который мы устроили съ нимъ, или-же клеилъ коробочки изъ сахарной бумаги, чему я научилъ его еще съ первыхъ дней.

Послѣ чаю, который продолжался часа полтора, онъ приближалъ со стола, вытиралъ очень крѣпко мокрыя мѣста и затѣмъ уходилъ къ матери помогать ей въ работахъ. Съ деревенскими мальчиками онъ мало водился, по причинѣ своего упornaго характера, а какъ былъ человѣкомъ очень дѣятельнымъ, то непременно долженъ былъ быть чѣмъ-нибудь занятъ, — что-нибудь тамъ прилаживать, копошиться около чего-нибудь, и въ этомъ отношеніи Наталья не могла желать себѣ болѣе вѣрнаго, постояннаго и молчаливаго помощника.

Издѣдка, когда Вагону было свободно, послѣ чаю мы ходили съ нимъ въ лѣсъ, и это было праздничнымъ удовольствіемъ для насъ обоихъ. При такомъ случаѣ я считалъ необходимымъ взять съ собой перочинный ножикъ, навлаживалъ въ карманъ орѣховъ, которыми втайнѣ запасался иногда для моего друга, бралъ подъ мышку книгу, но, впрочемъ, послѣ нѣкотораго соображенія снова клалъ ее на столъ, и затѣмъ безъ всякаго посоха и даже безъ приличнаго костюма мы отправлялись въ путь. Другъ мой всегда ходилъ по правую сторону, заложивъ руки за спину и выступая на подобіе отжирѣвшаго гуся, а я ходилъ — это ясно уже само собой — по лѣвую сторону, запустивъ свои руки въ мелкіе карманы сѣренькаго лѣтнаго пальтишка (которое мы съ Вагономъ собственными руками ушили и исправили); другъ ходилъ съ непокрытой головой, съ голыми ногами и безъ пояса. Сначала мы шли по берегу рѣки, рылись ногами въ желтомъ пескѣ и бросали въ воду камушки; потомъ сворачивали въ лѣсъ и тамъ шныряли по

кустамъ, сламывали древесныя вѣтви и совершали прочія забавы, но разговорами мало занимались, ибо оба мы были не такіе люди, чтобы любили сопровождать свое удовольствіе шумной и многословной болтовней. Случайно мы нападали на землянику или другую какую-нибудь ягоду и собирали ее. Когда другъ набиралъ горсточку ягодъ, то подносилъ ее мнѣ, и я, имѣя простой нравъ, охотно пересыпалъ ягоды на свою ладонь и опрокидывалъ ихъ въ ротъ, причеиъ высказывалъ то мнѣііе, что гораздо пріятнѣе за-разъ съѣсть цѣлую горсть, чѣмъ выбирать ее по одной ягодеіі; Вагонъ добродушно усмѣхался и проговаривалъ: „ишь ты!“ Впрочемъ, бывало и такъ, что мы оба сговаривались не ѣсть ягоду, а собирать ихъ въ мой картузъ и потомъ уже распорядиться съ ними по дальнѣйшему нашему усмотрѣнію; тогда мы оставляли картузъ подъ какимъ-нибудь кустомъ и сносили въ него ягоды въ горстяхъ; послѣ каждой горсти Вагонъ не могъ утерпѣть, чтобы не встряхнуть ягоду въ картузѣ, а я, какъ человекъ уже довольно пожившій и болѣе или менѣе равнодушный къ житейскимъ успѣхамъ, никогда не встряхивалъ картуза, а выбиралъ изъ него нѣсколько лучшихъ ягодокъ и поглощалъ ихъ безъ особенной радости. Когда картузъ достаточно наполнялся, мы отправлялись къ рѣкѣ и выискивали получше мѣстечко, чтобы съѣсть; однако, не тотчасъ принимались за ягоды, а сначала нѣсколько минутъ, такъ-сказать, благодумствовали, перекидываясь кой-какими не очень важными замѣчаніями, выдали опять камушки въ воду, иногда и сами бродили въ ней; а тамъ, понятно, снова обращались къ картузу, трогали ягоды, любовались ими и потомъ уже начинали ѣсть, причеиъ, опять-же таки нужно признаться, я носилъ въ ротъ цѣлыми горстями, а мой другъ по одной ягодеіі и выбиралъ ягодки зеленныя и плохенькія.

— Дядя Василей, мы не всѣ ягоды съѣдимъ? спрашивалъ Вагонъ, когда не ставало половины ягоду.

— А какъ-же мой картузъ?

— Я въ подолъ высыплю.

Хотя въ подолѣ дѣйствительно можно носить ягоды, какъ то я видѣлъ много разъ въ деревнѣ, но Вагонъ ходилъ безъ нѣ-

которой существенной принадлежности костюма и потому это было бы какъ-будто не совсѣмъ прилично; бабы деревенскія безъ того любили смѣяться надъ бѣднымъ Вагономъ; вслѣдствіе этихъ соображеній я предпочиталъ оставлять картузь подъ ягодами и ходить съ непокрытой головой. Забравъ къ себѣ ягоды, Вагомъ ревниво оберегалъ ихъ до самаго дома, и тамъ, пересыпавъ въ красную деревянную чашку, скромно подносилъ ихъ Натальѣ, какъ нѣкую сыновнюю дань.

Придя домой, мы съ другомъ тотчасъ начинали устранять обѣдъ; впрочемъ, это нерѣдко случалось и въ другіе дни, когда онъ обѣдалъ уже дома; другъ легко могъ скушать два обѣда въ день. Итакъ, прежде всего мы раскладывали на ошесткѣ огонь; приносили сковороду, чистили ее, потомъ били десятокъ яицъ и обливали ими приличное количество хлѣба, нарѣзаннаго мелкими кусками; пережѣшавъ все это весьма тщательно, мы сваливали на сковороду, раскладывали по разнымъ мѣстамъ кусочки масла и жарили на огнѣ. Носъ моего друга опять какимъ-то образомъ поддѣвался сажи, а щеки его дѣлались красными, какъ вечерняя заря; онъ весь, такъ-сказать, уподоблялся маленькой машинѣ, и, тыкая пальцемъ въ сковороду и ожигаясь, постоянно восклицалъ: „ну, дядя Василей! эво, дядя Василей!“ Я-же въ это время обыкновенно молча сидѣлъ на скамьѣ и слѣдилъ за манипуляціями моего интереснаго повара.

Приготовивъ яичницу, мы садились за столъ и съѣдали ее, дружно похвалявая. Потомъ Вагомъ приносилъ еще изъ своей избы горшокъ ячной каши, тоже любимое наше кушанье, которое каждый день готовила Наталья; въ кашу мы клали изрядную порцію масла и съѣдали обыкновенно безъ остатка.

Послѣ обѣда Вагомъ убѣгалъ разыскивать свою мать и оставался съ ней на работѣ иногда до поздней ночи; я-же, по своей постыдной привычкѣ, уходилъ съ подушкой на сѣноваль и въ этомъ прохладномъ, полумрачномъ апартamentѣ съ величайшимъ наслажденіемъ засыпалъ на жесткой соломѣ.

V.

Когда лѣто уже совсѣмъ разгулялось и въ лѣсу появились

грибы, мы съ Вагономъ гораздо чаще стали ходить въ лѣсъ. Въ это время Наталья не удерживала его при себѣ и нерѣдко сама послала насъ за грибами. Что касается меня, то грибовъ я совсѣмъ не люблю, чтобы ѣсть, но люблю, когда вдругъ встрѣтится въ лѣсу грибокъ на корнѣ, особенно маленькій, съ красной, а то, все равно, и съ черной головкой, которая едва выглядываетъ изъ листьвы или муравьи. „А, грибокъ!“ думаешь, и сейчасъ его бережно сложишь, очистишь корешокъ, полюбишься и затѣмъ поставишь на тропинку, по которой люди ходятъ; вотъ, думаешь, кто-нибудь пойдетъ и увидитъ его,— „ахъ, грибокъ!“ подумаешь,— „на дорогѣ выросъ!“ и сейчасъ его сломить... Что же касается Вагона, то, надо признаться, онъ ходилъ за грибами съ самыми меркантильными чувствами, ибо въ это время наѣзжали изъ Петербурга торговцы и забирали грибы по хорошей цѣнѣ. Вотъ почему и Наталья такъ охотно въ это время отпускала насъ въ лѣсъ.

Однажды мы тоже ходили за грибами. Набравши полную пестерку, мы сѣли на опушѣ лѣса и стали разбирать свою добычу. Вагонъ въ такихъ случаяхъ всегда старался покрасивѣе уложить грибы, дѣлая это такимъ образомъ: большіе изъ нихъ всѣ складывалъ внизъ, а наверху расовывалъ по дурекамъ самыя маленькіе, располагая ихъ головками вверхъ. Во время вотъ такого занятія вдругъ мы увидѣли въ сторонѣ мужика, который медленно подвигался къ намъ и потомъ круто свернулъ въ лѣсъ. Получше всмотрѣвшись, мы признали въ немъ Ивана Петровича, нашего, такъ-сказать, общаго хозяина. Въ рукахъ у него былъ топоръ. Мы оставили свое занятіе и съ удивленіемъ стали слѣдить за нимъ.

— Твой тятка, а?

— Тятка.

Между нами и Иваномъ Петровичемъ лежала гладкая поляна, которая, съ одной стороны, сливалась съ грачинскимъ полемъ, а съ другой—заканчивалась въ полукругѣ сосноваго лѣса. Лѣсъ, въ который вошелъ Иванъ Петровичъ, былъ довольно рѣдкій, и мы хорошо видѣли, какъ Иванъ Петровичъ переходилъ отъ одного дерева къ другому, постукивалъ своимъ топоромъ, заглядывалъ

на вершины и какъ-будто раздумывалъ что-то. Мы не безъ основанія полагали, что онъ хочетъ дровъ порубить, такъ-какъ въ послѣднiе дни Наталья не разъ говорила, что на дворѣ нѣтъ ни полѣна и что она должна собирать по улицѣ бачурки. Ходилъ-ходилъ нашъ Иванъ Петровичъ, почесался, бросилъ топоръ на землю и такъ преотлично зѣвнулъ, что зѣвокъ явственно былъ слышенъ намъ; потомъ онъ что-то посмотрѣлъ около себя и плашмя свалился на землю. Прошло нѣсколько минутъ, и мнѣ приходило на умъ, что онъ заснулъ; однако, нѣтъ,—приподнялся, досталъ изъ-за пазухи свою неизмѣнную трубочку и началъ накладывать ее табакомъ; положилъ туда щепотку, потомъ подумалъ немного, опустивши руки на колѣни, еще щепотку положилъ и еще подумалъ, потомъ потыкалъ въ трубку мизинцемъ и досталъ изъ кнcета спичку,—надо полагать, что спичку, такъ-какъ онъ поднесъ ее къ носу и потомъ шаркнулъ раза два о рубаху, да спичка, видно, не вспыхивала и потому онъ сталъ оглядываться по сторонамъ; тутъ онъ, должно быть, увидѣлъ камень, но камень лежалъ далеко отъ него, и вотъ онъ немножко придвинулся къ нему и протянулъ свою руку, тянулъ-тянулъ руку - то, да и самъ растянулся. Тутъ ужъ сколько мы ни сидѣли, не могли дождаться, когда онъ снова поднимется.

Когда мы съ Вагономъ отправились домой, то нарочно обошли поляну, чтобы посмотреть на Ивана Петровича,—Иванъ Петровичъ храпѣлъ на десять сажень, даже съ маленькимъ привистомъ; въ ладони его, обращенной кверху, лежала набитая трубочка. Пройдя немного подале, я остановился, но Вагонъ, замѣтно осунувшись, поскорѣе прошелъ дальше и ни разу не оглянулся, пока я не нагналъ его уже на половинѣ нашего поля.

Мой другъ былъ растревоженъ,—это было очевидно, и я съ любопытствомъ заглядывалъ въ лицо его сбоку; неужели, думаю, мой маленькiй и простенькiй Вагонъ можетъ такъ серьезно относиться къ отцу?

— Ты любишь тятку? спросилъ я.

Молчить.

— Любишь или нѣтъ?

Молчить. Усилившееся пиктѣнье показало мнѣ, что самый вопросъ ему очень непріятенъ, и я пересталъ допрашивать его.

Уже къ самому ужину пришелъ Иванъ Петровичъ домой и, конечно, никакихъ дровъ не нарубилъ. Но мы съ Вагономъ никому не говорили о встрѣчѣ.

VI.

Мнѣ любопытно было узнать что-нибудь изъ прежней жизни Ивана Петровича, и я разспрашивалъ объ этомъ предметѣ Наталью, но она не любила много говорить о мужѣ. Однако, урывками я узналъ кое-что о немъ.

Въ свое время Иванъ Петровичъ былъ тоже работающій мужикъ, любилъ приумножить копейку, лучше обстроиться, обзавестись животомъ и вообще все житейское любилъ. Однако, и въ то благополучное время, какъ можно судить по намекамъ, въ немъ замѣтны были нѣкоторыя странности, и вотъ чуть-ли даже не за эти самыя странности Наталья считала его мужемъ съ головой. Назадъ тому три или четыре года вдругъ онъ бросилъ свое хезяйство, можно сказать, ни съ чего, и сталъ лежать на боку—зимой на печкѣ, а лѣтомъ на той землянкѣ, что была насыпана у дома.

— Какая притча dospѣлась съ нимъ—просто удивительно! говорила Наталья, разводя руками и растопыривая грязные, разщелявшіеся пальцы.

Прежде у нихъ было довольно скота, но въ четыре года значительно убавилось его; была хорошая лошадь, о которой Наталья съ самыми нѣжными чувствами каждый разъ вспоминала, но пришла пора, что продали ее за малую цѣну; дѣло было къ зимѣ; заплатили тогда подать, а на остальные деньги Иванъ Петровичъ купилъ пару богатыхъ свиней, отъ которыхъ думалъ развести большое стадо, воображая, какъ отлично тутъ можно понажить; однако, къ Рождеству закололъ одну свинью. Подошло лѣто, лошадь непременно понадобилась снова; продали остальную свинью да Наталья выпросила у брата три рубля, и

купили Рыжка. Впрочемъ, лѣтомъ Иванъ Петровичъ снова купилъ двухнедѣльнаго ососка на племя и весьма не любилъ его за то, что тотъ бѣгалъ отъ него; и того поросенка закололъ къ Успеневу дню. Теперь у нихъ осталось всего: Рыжко, корова и двѣ курицы; былъ еще пѣтухъ, да Иванъ Петровичъ зарѣзалъ его,—даже не въ праздникъ, а въ простой день выхлебали; это было уже при мнѣ.

Вообще, Иванъ Петровичъ оказывался довольно безалабернымъ человѣкомъ и въ жизни, правду сказать, не очень спокойнымъ, несмотря на всю свою сонливость. Онъ былъ крайне раздражителенъ и, кажется, самолюбивъ. Впрочемъ, если никто не задѣвалъ его, то онъ будто уходилъ самъ въ себя, какъ говорятъ, и окружающіе по цѣлой недѣлѣ не слышали слова отъ него.

Я всегда дивовался на Ивана Петровича; какъ ни выгляну въ окно, непремѣнно увижу его тамъ, на обычномъ мѣстѣ; сидитъ себѣ спокоемъ или лежитъ, выставивъ на солнце свою русую бороду; лицо и руки его отъ сильнаго загара сдѣлались черными, какъ у негра. Глядя на него, я каждый разъ припоминалъ извѣстную пѣсню Кольцова. Сколько я могъ замѣтить, онъ вообще не любилъ, чтобы подсаживались къ нему люди или заговаривали съ нимъ; но ему видимо нравилось, когда около землянки бродили пѣтухи и куры, кудахтали и клевали носомъ въ землю, или когда маленькіе поросята, хрюкая, подходили къ землянкѣ и нюхали воздухъ; Иванъ Петровичъ тихонько протягивалъ руку къ землѣ и когда поросенокъ тыкалъ въ нее своей норкой, онъ пріятно осклаблялся и ворчалъ какія-то вѣжности. Впрочемъ, онъ не обѣгалъ и маленькихъ ребятишекъ, только самыхъ маленькихъ, которые еще безъ смысла возились-бы и ползали около него; деревенскія бабы, у которыхъ не съ кѣмъ было оставить дома малыхъ ребятишекъ, иногда приносили ихъ къ Ивану Петровичу и, посадивъ на землю, мелькомъ приговаривали: „покарауль, Иванъ Петровичъ!“ а сами уходили на работу. Иванъ Петровичъ, какъ вѣрная нянька, безъ сомнѣнія, никуда не уйдетъ отъ своего нагрѣтаго мѣста, но если уснетъ часа на два и въ то время ребенокъ уползетъ на другой конецъ деревни, въ этомъ онъ не отвѣтчикъ. Онъ не любилъ

только, когда ребята шибко ревѣли, и тоже старался утѣшить ихъ по мѣрѣ своихъ силъ: „Эй, ты, сычъ! говорилъ онъ, сколь возможно ласковѣе,—не реви! не реви! на бобочку“. И при этомъ подавалъ ребенку какую-нибудь щепочку, но самъ, однако, не двигался съ мѣста. Придетъ свинья, понюхаетъ ребенка, съѣстъ пирогъ, данный ему матерью, а Иванъ Петровичъ лежитъ-себѣ да смотритъ на черныя бревна избы. Впрочемъ, насчетъ пироговъ онъ и самъ былъ непрочь поохотиться: „Эй, ты, пострѣленокъ, на бобочку! Ай, бобочка!..“ А самъ двигается, двигается, да какъ-нибудь и достанетъ пирогъ, а вмѣсто него ребенку отдастъ бобочку.

Иногда—но это бывало очень рѣдко—на Ивана Петровича находили минуты благодушія и нѣжныхъ сердечныхъ чувствъ; со всѣми онъ дѣлался добръ и разговорчивъ, сѣтовалъ на жизнь и глубоко вздыхалъ о чемъ-то; въ душѣ его пробуждалось желаніе снова зажить по-прежнему, по-православному. „Охъ, братъ, надо приняться! бормоталъ онъ, сидя на своей землянкѣ;—что-жь, погулялъ, теперь надо за работу приняться. Вотъ уже примусь... Что-жь ты, развѣ мы не работали? Братъ, не станемъ бѣгать работы! Постой, погоди маленько!“ И при этомъ Иванъ Петровичъ какъ-то особенно грустно поводилъ глазами. Медленно, нерѣшительно поднимался онъ съ мѣста, осматривался кругомъ себя, шелъ по двору, заглядывая, гдѣ нужно и не нужно; потомъ пробирался въ сарай и хлѣвъ, осматривалъ тамъ потолки и стѣны, заходилъ на минутку въ избу и затѣмъ снова возвращался къ землянкѣ. Постоитъ, пораздумаетъ, почешется. „Экая божья погода!“ скажетъ онъ и сядетъ на землянку; два часа сидитъ, три часа сидитъ, все это раздумываетъ и все колушаетъ щепочку. А солнышко такъ славно свѣтитъ и грѣетъ...

Ташить его баба трехъаршинный чурбанъ, вряхтитъ да сгибается, а Иванъ Петровичъ съ любопытствомъ смотритъ на нее, дескать вишь какую тяжелую штуку она ташить, видно нѣтъ мужика.

— Ты что сидишь? Видишь, бабѣ не подѣ силу! добродушно говорить Наталья, глядя изъ-подъ чурбана на мужа.

— Здорова! замѣчаетъ Иванъ Петровичъ.

— То-то... здорова... Небойсь здорова! веселенько завершать она, сбросивъ на землю чурбанъ и всею грудью вдыхая въ себя воздухъ.

Что касается отношеній Ивана Петровича къ своей семьѣ, то, при всемъ прочемъ, онъ все-таки былъ верховнымъ главой, какъ старшій мужикъ. Съ Натальей, какъ она говорила, прежде они жили очень даже любовно, и тутъ она прибавляла еще къ некоторую вещь, о которой я здѣсь долженъ умолчать; впрочемъ, и теперь они недурно живутъ. Наталья всегда, въ глаза и за глаза, называла его Иваномъ Петровичемъ, и когда сосѣдки начинали соболѣзновать ей, что у нея на рукахъ слишкомъ много работы, а здоровый мужъ ничего не дѣлаетъ, она сурово и настоятельно отклоняла эти соболѣзнованія. Иногда мужъ взвѣдался на нее, начиналъ бранить за какой-нибудь неважный недосмотръ; Наталья молчала. Однажды, это было при мнѣ, она что-то отвѣтила неладно ему; онъ всталъ со скамьи и ударилъ ее по спинѣ; Наталья согнулась и, устранивъ рукой другой ударъ его, не то жалобно, не то съ досадою протянула: „ну-у...“ а чрезъ часъ, разговаривая на улицѣ съ сосѣдкой, она величала его Иваномъ Петровичемъ.

Любопытны были отношенія Ивана Петровича къ Вагону. Съ своей женой и съ матерью онъ держалъ себя просто, хотя и былъ всегда молчаливъ и мраченъ; тутъ ни на одну минуту нельзя было сомнѣваться, что онъ есть глава семьи, и самъ онъ такъ понималъ это, и жена и мать такъ понимали; если-бы онъ запрягъ ихъ въ телѣгу и, приказавъ везти себя въ Кіевъ, самъ заснулъ въ телѣгѣ, тѣ, безъ сомнѣнія, привезли-бы его въ Кіевъ. Когда онъ за обѣдомъ клалъ свою лсжку на столъ и вытиралъ кулакомъ свои губы, Наталья по одному взгляду его знала, что ему требуется квасъ, и она сейчасъ-же подавала квасъ. Другое дѣло Вагонъ, его сынъ восьмилѣтній; въ отношеніяхъ къ нему онъ чувствовалъ себя какъ-то не такъ. Они ходили на двухъ аристократическихкихъ супруговъ, которые живутъ между собою, можетъ быть, и складно, но тѣмъ не менѣе на разныхъ половинахъ. Отецъ мало обращался къ сыну за какими-либо услугами, хотя было-бы естественнѣе требовать, чтобы онъ подавалъ ему квасъ, а не жена или мать; если-же онъ когда

требовалъ подобной услуги, то грудь Вагона замѣтно повыше начинала подниматься, губы его складывались воронкой и выражали важную серьезность, но приказаніе отца, конечно, тотчасъ исполнялось. Отецъ понималъ своего сына; весьма жестоко и какъ-то скося взглядывалъ онъ на него, и такіе взгляды я замѣчалъ только по отношенію къ одному Вагону. Несмотря на видимую незначительность этихъ моментовъ, у всѣхъ членовъ семьи болѣзненно натягивались сердечныя струны, и мать, Наталья, съ боязнію и съ тайной молитвой въ глазахъ, или, можетъ быть, съ просьбой, упорно смотрѣла въ глаза своему сыну.

Въ такихъ моментахъ и я участвовалъ, и у меня болѣзненно натягивались струны, ибо я понималъ, что иные взгляды скрываютъ въ себѣ болѣе ужаснаго, чѣмъ самая жестокая кулачная расправа. Эти молчаливыя драмы я могъ наблюдать именно по праздникамъ, когда Наталья приглашала меня къ себѣ обѣдать.

Въ праздники у нихъ всегда готовилось до трехъ и четырехъ блюдъ, въ числѣ которыхъ было непременно двѣ и даже три каши. Съ одного конца стола обыкновенно сидѣлъ хозяинъ, рядомъ съ нимъ костлявая старушка, дальше Вагонъ и Наталья; когда-же приглашали меня, то я садился на отдѣльную скамью и ко мнѣ тогда подсаживался Вагонъ. Молча, но съ чрезвычайнымъ добродушіемъ Вагонъ накладывалъ мнѣ подъ край цѣлую гору хлѣба и ишеничныхъ пироговъ и только изрѣдка толкалъ меня тихонько локтемъ, приговаривая: „Ѣшь, дядя Василей!“

— Ты что, блаженный, хотя не сурово, но съ непріятной усмѣшкой сказалъ однажды отецъ, — барину прислуживаешься!

При такой неожиданной сентенціи я, кажется, самъ покраснѣлъ, а равно и Вагонъ, по своему обычаю, началъ уподобляться кузнечному мѣху.

— О, блаженный! уже безъ всякой усмѣшки повторилъ отецъ и хотѣлъ-было щелкнуть или стрекнуть его, но отвелъ руку и вышелъ изъ-за стола.

— Иванъ Петровичъ, еще грешная каша есть, сказала Наталья.

— Ну, не хочу, отвѣтилъ тотъ, стоя спиной къ нашему столу.

Съ этихъ поръ, надо замѣтить, я уже не обѣдалъ у нихъ, ибо не безъ основанія полагалъ, что моя компанія не желательна Ивану Петровичу. Вагонъ, съ своей стороны, относился ко мнѣ при отцѣ очень холодно.

VII.

Еще съ іюня мѣсяца ходили по деревнѣ слухи, что кой-гдѣ появляется на лошадяхъ сибирская язва,—эта ужасная ежегодная гостя новгородской губерніи. Стали доноситься вѣсти, что падежь изрѣдка появляется уже и въ окрестныхъ деревняхъ. Наконецъ, кажется, въ концѣ іюля, и въ нашей деревнѣ пала одна лошадь. Собралась толпа вокругъ околѣвшей лошади, потушили, двѣ-три бабы поплакали, а потомъ всѣ дружно свалили лошадь на дровни и свезли ее за поле, въ лѣсъ, гдѣ и зарыли въ землю, конечно, не столь глубоко, чтобы не было видно лошадиныхъ копытъ. Всѣ хозяева стали остерегаться и не пускали лошадей въ табуны. Прошло сиювонно недѣли двѣ.

Дѣло было въ вечерни. Помню, я сидѣлъ въ своей избушкѣ у окна и любовался патриархальностью деревенской жизни, въ то-же время услаждаясь нѣкоторымъ особаго рода концертомъ. Съ улицы слышалось многоголосное, лишенное всякой гармоніи, мычаніе коровъ и телятъ, бляеніе овецъ, крикъ и визгъ бабъ и ребятишекъ, глухой лай сосѣдней собаки. Внизу, подъ окномъ, съ пискомъ и грохотомъ растворились ворота, послышалось коровье дыханье, голосъ милого Вагона. На улицѣ остались только вертоголовныя курицы и горделивыя пѣтухи, привередливо оберегавшіе свои границы отъ вторженія одноплеменныхъ непріятелей, да посреди дороги стоялъ въ недоумѣніи теленокъ, да еще красная дѣвка проплыла мимо съ ведрами на плечахъ. Въ это самое время, вижу, бѣжить къ нашему дому какая-то баба и благимъ матомъ кричитъ по дорогѣ: „Съ вашимъ Рыжкомъ худо! бѣгите скорѣе, съ Рыжкомъ худо!“

Какое впечатлѣніе произвелъ этотъ крикъ на нашу семью, я могу судить по себѣ; услышавъ его, я тотчасъ вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ куда-то бѣжать, но въ первую минуту не могъ

сдѣлать этого и снова сѣлъ на мѣсто. Вѣроятно, по той-же причинѣ и у хозяевъ тревога не сразу поднялась, а спустя нѣсколько моментовъ. Сначала выбѣжала изъ своей избы Наталья и только сдержанно охала, пока бѣжала по сѣнямъ: вслѣдъ за ней раздавался старушечій вой, и въ это время я тоже вышелъ въ сѣни; тамъ въ углу стояла на колѣняхъ—должно быть, упала—та костлявая старушка и, обвивъ руками кадку съ водой, ударила головой о край этой кадки и ревѣла. Я насильно стащилъ ее въ избу и уложилъ въ постель, гдѣ она продолжала причитать еще добрыхъ два часа, пока совсѣмъ не ослабѣла. Въ избѣ, за пустымъ столомъ, сидѣлъ Иванъ Петровичъ съ широко-раскрытыми глазами и въ стремительной позѣ; онъ тоже, какъ видно, былъ весьма пораженъ. Вагона тутъ не было.

Я пошелъ въ поле за народомъ. Тамъ, недалеко отъ деревни, у изгороди на межѣ былъ привязанъ Рыжко. Около него собралась уже порядочная толпа; я не успѣлъ еще подойти, какъ она стала двигаться къ деревнѣ, вмѣстѣ съ Натальей и Рыжкомъ. Съ Рыжкомъ дѣйствительно было худо; его ноги тряслись и корпусъ по временамъ судорожно вздрагивалъ; шелъ онъ очень медленно, болѣзненно, съ низко опущенной головой. Когда стали подходить къ самой деревнѣ, въ толпѣ поднялся говоръ, который скоро перешелъ въ шумъ.

— Зачѣмъ домой ведешь! кричали кругомъ,—зачѣмъ домой! дома другихъ заразить!..

Но Наталья ничего не слышала, и, рыдая и обнимая шею Рыжка, называла его всевозможными ласковыми именами, цѣловала, гладила, просила и молила его, чтобы онъ жилъ, чтобы онъ не дѣлалъ ихъ сиротами.

Дома поставили Рыжка въ огородъ. Толпа помаленьку разошлась; остались мальчишки и двѣ дѣвочки, да я съ Натальей. Пришелъ хозяинъ, походилъ вокругъ лошади и ушелъ. Изъ сараю вылѣзъ заплаканный Вагонъ и бозливо подошелъ къ нашей печальной группѣ. Нѣсколько минутъ мы все молча стояли и смотрѣли на Рыжка.

Наталья снова принялась плавать и стонать, закрывши свое лицо передникомъ. Я взглянулъ на Вагона; по щекамъ его текли

обильныя слезы, и онъ, не мигая, смотрѣлъ на одну точку, на своего бѣднаго Рыжка. А Рыжко все по-старому дрожалъ и, зашуривъ глаза, иногда медленно водилъ своей мордой изъ стороны въ сторону. Мнѣ стало ужъ очень печально и потому я ушелъ домой.

Однако, и дома, въ своей избушкѣ, я слышалъ за стѣной всхлипыванья нашей бабушки, которыя не прекратились и тогда, когда крикнулъ Иванъ Петровичъ:

— Чего ревѣть! Богъ далъ, Богъ и взял!

Бабушка еще сильнѣе заревѣла. Иванъ Петровичъ, какъ видно уже примирился съ ожидаемымъ несчастіемъ.

Часовъ въ одиннадцать ночи, когда на дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло и на небѣ искрились звѣзды, я вышелъ на улицу, чтобы посмотрѣть Рыжка. Рыжко стоялъ на старомъ мѣстѣ съ глубоко понуренной головой и повременамъ тяжело вздыхалъ. Вблизи него, подъ яблоней, я замѣтилъ какъ-будто Вагона и потому подошелъ ближе, чтобы разсмотрѣть его, — это былъ, дѣйствительно, Вагонъ, и я обрадовался, что увидѣлъ его.

— Ты что долго не спишь? спросилъ я.

— А Рыжко... мотнулъ онъ головой. — Дядя Василей, умереть Рыжко или нѣтъ?

— Навѣрное нельзя сказать, Никонъ; надо полагать, что умереть, коли сибирская язва. Вотъ если-бы лекарь... есть такіе лекаря для скотины.

— Гдѣ-же такіе лекаря?

— Я не знаю.

— Я давѣ спрашивалъ у мамки, да она тоже не знаетъ, и мужики — я спрашивалъ — тоже не знаютъ. Никто не знаетъ! никто не знаетъ!.. бормоталъ Вагонъ, глядя на Рыжка. — У насъ, вонъ, тятка есть, — онъ тоже ничего не знаетъ.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали. Я соображалъ про себя, нельзя-ли достать съ Вишерн ветеринара, если тамъ есть такой, или, по крайней мѣрѣ, фельдшера; но вѣдь если и достанешь, то не раньше, какъ къ вечеру слѣдующаго дня, а лошади рѣдко живутъ въ сибирской язвѣ больше сутокъ; да и поѣдетъ-ли

такую даль ветеринаръ или фельдшеръ, да и будетъ-ли польза отъ него?

— А знаешь, дядя Василей, шопотомъ и весьма таинственно сообщилъ мнѣ Вагонъ,—я знаю лекарку, на Веревьѣ, за шесть верстъ отсюда; настоящая лекарка; какъ-то давно у насъ бабушка была нездорова, такъ звали эту лекарку, и тогда она давала бабушкѣ такую траву—и бабушка выздоровѣла; а траву эту я видалъ на крутыхъ горахъ.

Я замѣтилъ Вагону, что все-же она лечитъ людей, а не лошадей, и весьма смутилъ его такимъ замѣчаніемъ.

— Вѣдь тоже животь... растерянно проговорилъ онъ.

На слѣдующее утро, еще въ первый разъ, какъ я жилъ въ деревнѣ, Вагонъ не будилъ меня обычнымъ образомъ къ чаю, да я и самъ не ждалъ этого. Однако, не успѣлъ я умыться, какъ Наталья внесла въ мою избушку кипящій самоваръ; въ первую минуту я было почувствовалъ радостную надежду, что нашъ Рыжко выздоровѣлъ, но красныя, заплаканныя глаза Наталья говорили другое.

— Ну, что, Наталья... какъ? спросилъ я.

— Лежитъ, мучится, бѣдный!..

Я хотѣлъ пригласить ее къ чаю, да не пригласилъ.

— А гдѣ-же Вагонъ?

— Сама не знаю, куда онъ завалился; съ самаго утра не видѣла.

Выпилъ я чашку, другую,—„гдѣ, думаю, Вагонъ? лучше-бы чай-то виѣсть пить.“ Пошелъ на сѣноваль и посмотрѣлъ тамъ въ щелку въ огородъ; въ огородѣ лежалъ Рыжко и храпѣлъ, вытянувъ на землѣ свою морду; близъ него никого не было.

Мнѣ пришло на умъ, не зарылся-ли Вагонъ куда-нибудь въ солому; съ горя онъ могъ это сдѣлать.

— Вагонъ! Никонъ! кричалъ я вполголоса, ходя по сѣновалу и разбивая ногой солому, но нигдѣ не могъ вырыть Вагона.

Скучно допивалъ я свой чай въ одиночествѣ, и хотя лежала на столѣ раскрытая книга, но я лишь урывками, строкъ на десять, заглядывалъ въ нее; чаще и дольше смотрѣлъ я въ окно,

въ надеждѣ увидѣть гдѣ-нибудь Вагона. И погода на тотъ разъ была такая скучная, съ сѣрыми облаками, безъ солнышка.

Смотрѣлъ я такъ-то въ окно, да и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ Вагона, — да, дѣйствительно, Вагонъ! Быстро идетъ онъ наперекось поля къ нашей деревнѣ, и широкая, непокрытая голова его по шею выдвигается надъ уровнемъ овсянаго за сѣва; ближе къ деревнѣ голова немного затряслась и вскорѣ скрылась изъ моихъ глазъ за дворомъ противоположнаго дома. Я поскорѣе сходилъ въ сѣни и подбавилъ въ самоваръ нѣсколько угольковъ.

Черезъ пять минутъ Вагонъ сидѣлъ въ моей избѣ. Онъ сильно порывался-было къ Рыжку, но Наталья не велѣла ему ходить туда.

Понятно, что первымъ долгомъ я спросилъ его, гдѣ онъ пропадалъ цѣлое утро? Оказалось, что онъ бѣгалъ на Веребье, къ той лекаркѣ, о которой говорилъ ночью. Лекарка, конечно, отказалась идти въ нашу деревню и лечить лошадь, но тѣмъ не менѣе сунула Вагону знатный пшеничный пирогъ, которымъ въ эту минуту онъ весьма усердно подчивалъ меня.

Я ни мало не удивился утомительному путешествію Вагона, но невольно высказалъ сожалѣніе, что онъ не взялъ у меня мелкой серебряной монеты, или-же двухъ монетъ, для привлеченія лекарки въ нашу деревню. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ баба помогла-бы намъ, хотя какъ-нибудь наудачу.

— А дядя Василей! Я сбѣгаю еще! сказалъ Вагонъ, въ упоръ глядя на меня.

Однако, я воспротивился этому, такъ-какъ помощь лекарки, если спокойно разсудить, была очень сомнительна. Къ тому-же Вагонъ всю эту ночь не спалъ, какъ онъ говорилъ, и поэтому я посоветовалъ ему хорошенько выспаться. Къ сожалѣнію, мой благой совѣтъ не былъ принятъ имъ.

Между тѣмъ мы узнали, что около Рыжка собрался народъ и что-то разсуждаютъ тамъ; мы сейчасъ поспѣшили туда. Наталья не хотѣла-было и теперь пустить Вагона въ огородъ, но Вагонъ ухватилъ меня за рукавъ и съ чувствомъ повторилъ нѣсколько разъ: „дядя Василей! дядя Василей!“ такъ-что я долженъ былъ оказать ему покровительство и провести мимо Натальи. Въ ого-

родѣ мы застали двухъ-трехъ бабъ, Ивана Петровича да еще какого-то незнакомаго мнѣ мужика. Иванъ Петровичъ стегалъ маленькой хворостинкой лежавшаго на землѣ Рыжка, который шумно отпыхивался, поднималъ свою голову и снова опускалъ ее, ударяясь о землю. Вагону было видимо жаль Рыжка, и онъ нѣсколько разъ порывался остановить тятюку, но я держалъ его за руку, пока и самъ еще не понимая, къ чему Иванъ Петровичъ бьетъ больную лошадь. Скоро мы узнали, что онъ дѣлалъ это по совѣту мужика, который завѣрялъ, будто стоитъ только поднять лошадь и вснарить ее, какъ сейчасъ-же пройдетъ ея болѣзнь.

— Да ты чего стегаетъ эдакой хворостинкой? говорилъ онъ Ивану Петровичу,—надо хорошенько ее, чтобы, значить, испарина пошла!.. вѣдь заодно поколѣватъ!

— Никонъ! неси веревку съ сѣновала! крикнулъ Иванъ Петровичъ.

Вагонъ разинулъ ротъ, желая что-то сказать, но не сказалъ ничего и съ мѣста не двинулся.

— Тебѣ говорятъ!

Вагонъ все-таки стоялъ на мѣстѣ, съ открытымъ ртомъ; рука его въ моей рукѣ дрогнула и потомъ совсѣмъ затряслась, а лицо его быстро поблѣднѣло.

— Ты!.. Тебѣ говорятъ!

Иванъ Петровичъ выпрямился и сверкнулъ глазами.

— Рыжко-то работай!.. крикнулъ Вагонъ охриплымъ голосомъ, и не успѣлъ я схватить его за плечо, какъ онъ кубаремъ полетѣлъ прочь отъ меня.

— Щенокъ!

Я взялъ Вагона на руки и потащилъ домой.

— Вишь, нашелъ благопріятеля! слышалось за нами. Ты мнѣ на глаза не показывайся!

VIII.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы оставили огородъ, Рыжко нашъ поколѣлъ. Собралась, какъ водится, большая толпа народа, сва-

лили Рыжка на дровни и свезли куда-то за поле. Я не участвовалъ въ этой печальной процесіи, а только посматрѣлъ на нее изъ окна. Вагонъ-же и того не видѣлъ, потому что сейчасъ послѣ послѣдней сцены я уложилъ его на свою постель и онъ проспалъ до самаго вечера.

Когда другъ мой проснулся, конечно, прежде всего спросилъ о Рыжкѣ. Я сказалъ ему о Рыжкѣ. Горестное извѣстіе было принято имъ безъ всякихъ слезъ и словесныхъ сожалѣній. Погода немного — на дворѣ ужъ темнѣло — мы тихо вышли съ нимъ изъ дома и отправились за поле, на то мѣсто, гдѣ была зарята первая павшая лошадь; тамъ мы, дѣйствительно, увидѣли свѣжую насыпь земли, но, къ нашему искреннему сожалѣнію, копытъ Рыжка не увидѣли. Тамъ мы посидѣли немного.

Дома, по моему настоянію, мы сдѣлали яичницу и съѣли ее, но безъ прежней веселости; вспомнили тутъ Рыжка, а Вагонъ, признаться сказать, даже заплакалъ горько о немъ. Наши въ это время всѣ уже спали, — по крайней мѣрѣ, въ большой избѣ ничего не было слышно. Далеко за полночь сидѣли мы съ Вагономъ и все разговаривали о разныхъ нужныхъ вещахъ. Эту ночь мы спали съ нимъ на одной постели.

Утромъ мы проснулись очень поздно, и то благодаря тому, что Наталья внесла въ нашу избу самоваръ. При всей горести, она все-таки усмѣхнулась, что мы съ Вагономъ спали вмѣстѣ, и это намъ было радостно. Я поймалъ ее на усмѣшкѣ и заставилъ пить съ нами чай. Бесѣда была грустная, но все-же немного развлеклись.

Тутъ мы узнали еще нѣчто замѣчательное. — Иванъ Петровичъ съ ранняго утра отправился въ лѣсъ и нарубилъ тамъ дровъ, потомъ пришелъ домой, выпросилъ у сосѣда лошадь и съѣздилъ за дровами; склавши ихъ подъ крыльцо, онъ прибралъ свой дворъ и пошелъ на гумно, гдѣ тоже сдѣлалъ разныя дѣла. Все это было такъ необычно, что намъ невольно закрадывалась тайная надежда, — авось Иванъ Петровичъ направится на путь. По чести сказать, это стоило потери Рыжка.

— Дай-то Богъ! дай-то Богъ! говорила Наталья съ замѣтной боязнію и поднимала свои глаза къ образу.

Дѣйствительно, въ этотъ день и на слѣдующій день Иванъ Петровичъ выказывалъ постоянную дѣятельность — привелъ въ порядокъ овинъ, свозилъ съ поля жниво и склалъ его въ зародъ, перекатилъ для просушки бревна, которыя онъ года четыре назадъ приготовилъ на амбаръ, — словомъ, въ хозяйствѣ проявились руки мужика. Но увы! вся дѣятельность его ограничилась двумя днями. На третій день все опять пошло по-старому, только Иванъ Петровичъ не лежалъ уже на своей землянкѣ, а скрывался на сѣновалѣ, въ избѣ на полатахъ и тому подобнхъ мѣстахъ.

Впрочемъ, я не знаю, какъ у нихъ пошло дальше.—Я пропустилъ одно обстоятельство.

Иванъ Петровичъ былъ крайне сердитъ на Вагона и упорно преслѣдовалъ его со времени той сцены, которая произошла въ огородѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не хотѣлъ пускать Вагона на глаза, и когда на другой день встрѣтилъ его въ большой избѣ, то немедленно вытолкалъ въ сѣни. Вагонъ пришелъ ко мнѣ весьма печальный и весь день просидѣлъ у окна, не говоря мнѣ, однако, о случившемся. Уже вечеромъ объяснила мнѣ дѣло Наталья, причѣмъ пожурила Вагона за непокорство отцу и цѣвала утюгомъ,—первое бранное слово, какое я услышалъ отъ нея.

— Поди, поклонись въ ноги! сказала она насколько могла по-строже; но непокорный Вагонъ, кажется, не имѣлъ желанія кланяться отцу въ ноги и сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, теребя пальцами рубашенку.—Слышь, поди, Никонъ, поклонись... поди, дурачекъ!

— Не пойду! угрюмо отвѣтилъ Вагонъ.

— Какъ не пойду!.. ступай сейчасъ! не бойся... ударить развѣкъ, да простить!

— Не пойду! чуть слышно повторилъ Вагонъ. Наталья хлопнула рукой по бедру и, качая головой, проговорила: вотъ! вотъ!.. А впрочемъ, она не настаивала больше, вѣроятно, полагая, что Иванъ Петровичъ скоро забудетъ Вагона и не станетъ преслѣдовать его.

Эту ночь, какъ и предъидущую, мы спали вмѣстѣ съ Вагономъ. Но нельзя-же было, чтобы Вагонъ совсѣмъ не ходилъ въ

свою избу; поэтому на другой день я зазвалъ его туда, нарочно въ то время, когда Иванъ Петровичъ былъ дома. Съ Иваномъ Петровичемъ я старался быть какъ можно проще и любезнѣе, но онъ весьма холодно принималъ мое привѣтствіе и сейчасъ-же сталъ давать Вагону жестокіе пинки, приговаривая: "вѣдь я тебѣ сказалъ, что не показывайся мнѣ! али ты думаешь, что съ баринномъ пришелъ, такъ и самъ баринномъ сталъ!.." Отъ жестокихъ пинковъ Вагонъ обратился въ бѣгство. Тутъ у насъ съ Иваномъ Петровичемъ произошла ссора и я — къ глубочайшему униженію долженъ признаться — высказалъ ему много грубыхъ замѣчаній, на которыя, впрочемъ, онъ отвѣчалъ достаточно острыми сарказмами. Какъ-бы то ни было, но съ этихъ поръ Вагонъ имѣлъ невозбранный входъ въ большую избу и Иванъ Петровичъ не за дѣвалъ его больше.

Однако, для меня лично этимъ дѣло не кончилось. Со времени вышеупомянутой ссоры Иванъ Петровичъ сталъ питать ко мнѣ самыя враждебныя чувства, какъ я могъ замѣтить по его взглядамъ и разнымъ будничнымъ столкновениямъ. Въ такихъ отношеніяхъ мы прожили, можетъ быть, съ недѣлю. Только разъ идемъ мы съ Вагономъ по огороду, а Иванъ Петровичъ лежитъ тамъ на травѣ; завидѣвъ насъ, онъ поднялся на ноги и хотѣлъ было уйти; но меня сувило поздороваться съ нимъ, и онъ остановился, поздоровался съ усмѣшкой и сказалъ такія слова:

— Будетъ ужъ, баринъ, тебѣ шлаться-то у насъ; лѣто прошло, помотался! поѣзжай съ Богомъ въ Питерь!..

Послѣ такого объясненія я не могъ жить въ деревнѣ и рѣшилъ на другой-же день уѣхать.

Правда, въ послѣднее время тамъ вообще было не веселое житье. — Бабушка за стѣнной весь день стонетъ да охаетъ, — она сдѣлалась совершенно больной съ того дня, какъ поколѣлъ Рыжко; должно быть, и она доживала послѣдніе дни; Наталья постоянно ходила печальная; Иванъ Петровичъ смотрѣлъ медвѣдемъ; даже Вагонъ за это время сильно похудѣлъ и осунулся, и мы ужъ не гуляли и не бесѣдовали съ нимъ такъ задумчиво и счастливо, какъ это бывало прежде, когда мы ходили въ лѣсъ за грибами и ягодами или когда распивали утренній чайкъ... Но

безъ всякаго высокомерія скажу, что Вагонъ въ послѣднее время еще больше ко мнѣ привязался; въ равной степени увеличилась и моя привязанность въ нему. Признаться, мнѣ давно было пора ѣхать въ Петербургъ, но я день за днемъ все еще тянулъ, и вотъ именно изъ-за этого Вагона. Можетъ быть, еще протянулъ-бы недѣлю-другую, если-бы, Иванъ Петровичъ не скрутилъ дѣла. Итакъ, на другой день я уѣзжалъ изъ деревни.

IX.

Въ послѣдній часъ передъ отъѣздомъ, мы трое—Наталья, Вагонъ и я—сидѣли въ моей избѣ и пили чай. Иванъ Петровичъ, конечно, не пришелъ ко мнѣ на простины; бабушка лежала. Пили мы чай далеко не съ тѣмъ аппетитомъ, какъ въ первый разъ, когда я справлялъ новоселье. Мы съ Натальей довольно лѣниво высказывали другъ другу разныя сердечныя пожеланія, а Вагонъ во все время ни слова не сказалъ.

Наконецъ, чай кончился и я сталъ прощаться — сначала съ хозяйкой. Пока я раскланивался съ ней да выжималъ изъ головы приличныя случаю фразы, Вагонъ соскочилъ со скамьи и выбѣжалъ въ сѣни. Я тоже вышелъ въ сѣни, но тамъ уже не было его; прошелъ по сѣновалу, посмотрѣлъ въ большой избѣ,— нѣтъ нигдѣ Вагона; въ большой избѣ кстати простился съ бабушкой и съ Иваномъ Петровичемъ; потомъ возвратился въ свою горницу, гдѣ дождала меня Наталья.

— Вагона-то нѣтъ нигдѣ! сказалъ я и не въ шутку запечалился.

— Это онъ спрятался... объяснила Наталья.

Пождали мы его немножко, а потомъ Наталья сама пошла искать его. Самому мнѣ не хотѣлось больше искать, потому что, разъ, я стѣснялся Ивана Петровича, а потомъ было стыдно ребятишекъ, которые собрались въ сѣняхъ и на крыльцѣ. Къ моему несчастію, сколько Наталья ни искала Вагона, нигдѣ не могла найти, и я рѣшился, какъ это ни горько было, отправиться въ путь, не простившись съ нимъ.

У крыльца на этотъ разъ стояла лошадь, запряженная въ те-

лѣгу, — ахъ, какъ было-бы хорошо, если-бы это былъ Рыжко! Еще разъ простился я съ Натальей, простился съ дѣтьми и сѣлъ въ телѣгу, поглядывая по сторонамъ, въ надеждѣ увидѣть Вагона. А время тянулось, и всѣ ждали, когда двинется телѣга. Дѣлать нечего, поѣхали. Ребятишки провожали меня до поля, потомъ немного постояли и разбѣжались по домамъ. Тутъ только я почувствовалъ всю силу желанія увидѣть и проститься съ Вагономъ. Въ половинѣ поля я остановилъ своего возницу и хотѣлъ вернуться въ деревню; но нѣтъ!.. сказалъ возницѣ, что ничего не забыто, и велѣлъ ѣхать дальше. До конца поля я все оглядывался, — можетъ быть, думаю, увижу Вагона. Проѣхали поле, и я опять велѣлъ остановиться; тутъ я безъ стыда вышелъ изъ телѣги и простоялъ минутъ десять, смотря на деревню. Вдругъ, вижу, вышелъ изъ-за одного амбара маленькій человѣкъ, — да, маленькій человѣкъ, и хотя до деревни было довольно далеко и нельзя было разобрать, какой такой человѣкъ, но я сейчасъ почувствовалъ, что то былъ Вагонъ. Оставивъ возницу на мѣстѣ, я пошелъ обратно по полю и дошелъ до деревни. То былъ дѣйствительно Вагонъ.

Мы поговорили съ нимъ о разныхъ дѣлахъ; ну, потомъ простились...

В. Старостинъ.

ДРАМА ВЪ ГРОТЪ.

(Изъ Ф. Геббеля.)

Жарко, душно... Забрелъ освѣжиться
Въ гротъ скалистый стрѣлокъ молодой;
Онъ усталъ и на камнѣ ложится,
Тамъ, гдѣ мохъ шелковистый, сѣдой.

И тотчасъ-же сомкнулись рѣсницы...
И чрезъ мигъ прилетѣли тайкомъ
Грезъ веселыхъ, живыхъ вереницы,
Закружась надъ безпечнымъ стрѣлокъ.

Задремалъ онъ... А въ гротъ въ то мгновение
Тихо дѣвушка входитъ,—стройна
Словно пальма, все въ ней—восхищенье,
Неземной красоты вся полна.

Какъ взглянула, кто спитъ, отъ испуга
Обомлѣла совсѣмъ... И бѣжитъ
Разбудить задремавшаго друга—
И, какъ листъ въ непогоду, дрожить...

Но за входомъ шаги... Безнадежно
Прошептала бѣдняжка съ тоской:
„Поздно! Поздно!“ И спящаго нѣжно
Крестить блѣдной, дрожащей рукой.

Тутъ вбѣжалъ въ уголокъ свой уютный
Браконьеръ пожилой... Мигъ одинъ...
Онъ взглянулъ на стрѣлка,—и, безпутный,
Ухватился за свой карабинъ...

Но красавица бросилась къ брату,
Умоляетъ... А онъ ей: „Сестра!

„Отойди! Это врагъ мой заклятый,
„Съ нимъ давно расквитаться пора!

„Мнѣ въ догонку вчера еще даже
„Онъ стрѣлялъ... Не уйдетъ-же теперь!..“
—Ахъ, онъ спитъ, а у спящихъ на стражѣ
Ангель Богомъ поставленъ, повѣрь...

И въ отвѣтъ засмѣялся онъ дико,
А сестра ему молвила вновь:
—Спитъ онъ крѣпко,—и грѣхъ вѣдь великій
Проливать беззащитнаго кровь...

Но мольбами не тронуть ни мало,
Взвелъ курокъ онъ, съ безстрашьемъ такимъ,—
И, блѣдный мертвеца, она пала
На колѣни предъ братомъ своимъ.

И, зарядъ положивши спокойно,
Говорить ей насмѣшливо онъ:
„Вѣрно ты—этотъ ангель достойный,
Что стрѣлка сторожить сладкій сонъ?..“

—Не свершай преступленья,—прошу я,
Братъ мой,—пусть онъ уйдетъ безъ вреда!..
„Но когда его жизни лишу я,
Онъ убійцей не будетъ тогда!..“

...Тишь нѣмая... И только залетный
Жукъ, средь грота, гудитъ въ тишинѣ...
Ровно дышетъ стрѣлокъ беззаботный,
Улыбаясь порою во снѣ...

Петръ Выковъ.

ТРЕВОЖНЫЯ МѢСТА.

V.

Гости разошлись. Думая о предстоящей мнѣ экскурсіи въ туркменскую степь, я уснулъ, обдаваемый горячимъ потомъ, но неотвязчивыя мухи какого-то особеннаго вида щекотали, кусали мое тѣло и будили меня.

Докторъ еще спалъ, когда я раннимъ утромъ отправился къ З—у, поджидавшему меня въ маленькой библіотекѣ станціи.

— При свѣжемъ вѣтрѣ, какъ сегодня, рискованно отправлять паровой барказъ въ Гассанъ-Кули, встрѣтилъ онъ меня, — но вы поѣдете съ Езнаевымъ на Серебряный бугоръ, къ устью рѣки Гургени, отстоящей отсюда на 23 версты. Барказъ уже ждетъ васъ.

Езнаевъ, вооруженный револьверомъ, притащилъ съ собою на показъ мнѣ древнюю большую иѣдную миску, на трехъ маленькихъ ножкахъ, съ двумя ручками и съ надписями по краямъ, которую ему подарили ямуды, нашедшіе ее, приблизительно, въ 150 верстахъ отъ устья р. Атрека, въ развалинахъ бывшаго укрѣпленія гоклановъ. По словамъ ямудовъ, въ 60-ти верстахъ отъ Кари-Кале находятся слѣды городовъ: Мешедъ, Месерьянъ и Рустанъ, основанныхъ за долго до прихода сюда туркменъ съ Мангышлака и разрушенныхъ китайцами; здѣсь видны канавки, которыми проводилась вода съ Атрека для орошенія, а почва вообще плодородна. Ямуды полагаютъ, что подъ развалинами скрыто много богатствъ, вѣроятно, потому, — такъ думаетъ Езнаевъ, — что года четыре тому назадъ здѣсь былъ случайно найденъ металлическій кувшинъ съ древними золотыми монетами; приобретенная мною серебряная монета тоже найдена вблизи этихъ го-

родовъ, у норки какого-то маленькаго земляного звѣрка, похожаго на крысу, который, вѣроятно, вытащилъ изъ-подъ земли это препятствіе на своемъ пути.

При неблагоприятныхъ условіяхъ моего путешествія дорогъ каждый грошъ, почему я и не могъ приобрести мяску. По совѣту Езнаева, я вооружился револьверомъ превосходной системы Смитъ-Вессона, не дающимъ промаха въ привычныхъ рукахъ даже на 200 шаговъ. Въ 10 часовъ утра (20 іюня) мы отправились на барказъ.

При моемъ приближеніи маленькій командиръ его (X—ій) отдалъ мнѣ честь, команда вытянулась. Признаюсь, это неприятно поразило меня; тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе на мой счетъ! „Полковникъ“, таинственно шепнулъ командиръ, отдавая какое-то распоряженіе матросамъ, и такъ загадочно смотрѣлъ на меня, какъ-бы хотѣлъ сказать: „врешь, братъ, насъ не надуешь: ты инкогнито!“

— Куда прикажете подать стулъ? спросилъ онъ.

— Бога ради не беспокойтесь, я вотъ поближе къ тюремнамъ.

— Какъ можно-съ, неудобно... Эй! Столъ и стулья!

Матросы—молодцы, барказъ легкокъ на ходу, поднимаетъ, по словамъ капитана, 75 человекъ, и снабженъ пушкою.

Езнаевъ и я помѣстились на походныхъ табуреткахъ; трое тюреманъ, прѣзжавшихъ на островъ по своимъ дѣламъ, чинно сидѣли на колѣняхъ. Командиръ скомандовалъ—и легкій, красивый, какъ игрушка, барказъ тронулся въ путь, сильно качаясь отъ волнъ.

Бдущіе съ нами тюреманъ—преданные друзья Рафаила; ихъ зовутъ: ханъ Девлетъ, мулла Аширъ и мулла Бекча; всѣ трое грамотные; скулы выдаются рѣзко только у Девлета, но всѣ стройны, костлявы и мускулисты, съ нѣскольکو стуженными и плоскими грудями; высокіе лбы, небольшіе носы съ легкимъ горбикомъ и широковатыми ноздрами; ихъ черные глаза пронизываютъ васъ недоувѣріемъ, добродушіемъ и дикимъ огнемъ; растрепанныя черныя, рѣдкія бороды какъ-бы подбриты ровною полоскою подъ нижнею губой; волосы отсюда выдергиваются щипчиками, по обычаю, для красы, а усы, концы которыхъ висятъ, подстригаются надъ верхнею губою „по курану, а иначе волосы

попадутъ въ ротъ во время ѣды и опоганяютъ пищу“. Зубы ихъ блестятъ бѣлизною, на бритыя головы съ засушенными тубетейками (ермолками) напялены мохнатыя шапки изъ мѣстныхъ овецъ, что все вмѣстѣ придаетъ имъ суровый видъ.

Все они одѣты въ халаты, распахнувшіеся на груди, въ полевныхъ рубахахъ съ косымъ воротомъ и широкими рукавами, изъ нашего и англійскаго каленкора и митваля или изъ персидской бязи; широкіе, синіе шаровары изъ русскаго или транзитнаго митваля держатся на поясищѣ шнуркомъ; ноги обуты въ короткіе, пестрые чулки и красные башмаки грубой работы изъ кожи, получаемой изъ Астрахани; кончики ихъ загнуты вверху, а утолщенный задникъ подбитъ желѣзною подковкою.

На рубаху надѣтъ невидимый изъ-подъ халата короткій архалукъ, называемый туркменами „чабушь“, съ открытою грудью, широкими рукавами и маленькими разрѣзами съ боку полъ; иные носятъ ихъ по персидскому фасону: съ длинными разрѣзами по бокамъ и съ застегнутыми на крючки разрѣзами рукавовъ. Архалукъ шьется изъ персидской и текинской (изъ Теке) матеріи, состоящей изъ трехъ полосокъ: шелковой красной и шерстяныхъ: черной и узкой бѣлой; ханскій аршинъ ея (составляющій почти 1½ нашихъ аршина) стоитъ 60 коп. Онъ подшивается персидскою бязью, по 15 коп. за ханскій аршинъ. Сверху, какъ мы уже говорили, надѣтъ хивинскій коротковатый (нѣсколько ниже колѣнъ) халатъ изъ полосатой матеріи съ преобладающимъ краснымъ надъ чернымъ и желтымъ цвѣтомъ, стоющій 2 р. 40 к., но шелковые халаты высшаго достоинства обходятся 7 — 9 руб. Онъ подпоясанъ кушакомъ изъ бумажной матеріи.

Въ холодное время года туркмены носятъ чекмени и халаты изъ верблюжьей матеріи гороховаго цвѣта своего издѣлія, свои непромокаемыя войлочные бурки, съ однимъ шнуркомъ для завязыванія у шеи, стоющія 2—2 р. 40 к., а зимою — бараньи шубы, и во время ѣды, какъ и въ грязь, сапоги.

По нашему приглашенію двое туркменъ подѣли къ намъ поближе; а третій, съ четками на шеѣ, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ; это былъ „софи“.

Желающій сдѣлаться софи, что случается обыкновенно подъ старость, отправляется къ наиболѣе чтимому имъ духовному лицу,

кается въ грѣхахъ и получаетъ благословеніе, послѣ чего онъ уже не участвуетъ въ разбояхъ, а проводитъ время большею частью въ молитвахъ и уединеніи.

Езнаевъ разговорился съ ними; онъ бѣгло говоритъ по-туркменски, т. е. на исковерканномъ турецкомъ языкѣ: „тюркь-джагатай“.

На мой вопросъ хану Девлету, отчего онъ, несмотря на свой высокій титулъ, выглядываетъ оборвышемъ, Езнаевъ объяснилъ мнѣ, что съ ханскимъ титуломъ, передающимся по наследству отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, не связывается никакихъ особыхъ привилегій и преимуществъ, а потому нрѣдко можно встрѣтить туркменскихъ хановъ совершенно обнищавшихъ.

Мулла Бекча напоминалъ чертами своего лица нашихъ типичныхъ линейныхъ казаковъ; оказывается, что онъ ѣздилъ къ генералу Ламакину съ просьбою о покровительствѣ ему въ одномъ очень спутанномъ дѣлѣ. Его отецъ, фамиліи котораго онъ не припомнилъ, а по имени Власъ, проживалъ на Кавказѣ, въ четырехдневномъ пути отъ Астрахани, и былъ христианинъ. Получивъ свидѣтельство на свободное услуженіе у дружественнаго намъ амудскаго старшины Кіятъ-хана, онъ, по смерти этого хана, продолжалъ служить у его сына, при которомъ и умеръ; оставивъ сына Бекча—моего теперешняго спутника. Бекча не говоритъ по-русски, не намѣренъ переходить изъ магометанства въ православіе и только желаетъ быть русскимъ подданнымъ, въ чемъ, безъ сомнѣнія, ему не откажутъ; вотъ и все дѣло.

Нашъ барказъ идетъ по 5¹/₂ узловъ или около 9 верстъ въ часъ. Вдали туманъ, кругомъ сырость, такъ-что мой парусинный костюмъ влаженъ и чувствуется легкая дрожь.

— Надѣньте фуфайку, совѣтуетъ Езнаевъ, между тѣмъ какъ самъ никогда ея не носитъ. — И когда мы высадимся на берегъ, продолжалъ онъ, — не ночуйте въ кибитѣхъ, а то схватите лихорадку и васъ заѣдятъ вши; туркмены—народъ нечистоплотный: вѣчно сидятъ и нрѣдко спятъ на голой землѣ, а мыло найдется развѣ только у тѣхъ, кто издавна свнесья съ нами.

— А по-моему, лучшее средство отъ лихорадки—погрѣться въ моей каутѣ; не желаете-ли? предложилъ командиръ вино, ли-

веръ и закуску, приготовленную въ его узенькой, крошечной кастрюлѣ; крупно-зернистая бѣлужья икра туркменскаго приготовления, стоящая здѣсь 3 руб. за пудъ, хоть нѣсколько и пересолена, но вкуснѣе 20-ти-рублевой петербургской.

Тихо входимъ въ устье р. Гургени, имѣющее въ ширину 8 сажень свободной воды, а далѣе, по обѣ стороны его, густо стелется камышь, откуда несутся крики разной птицы и непрерывное стрекотанье кузнечиковъ. Обернитесь къ морю—летаютъ чайки, жирныя утки, бакланы, тяжелые на подъемъ, которыхъ туркмены бьютъ палками, и черныя гагары; морды лошадей выглядываютъ изъ тростника, который туркмены рѣжутъ для корма скота, а впереди чернѣются ульи: это туркменскія кибитки; виднѣется нѣсколько камышевыхъ сарайчиковъ, служащихъ иногда для склада товаровъ, а зимой загоняютъ сюда барашковъ и телушекъ; поодаль краснѣютъ развалины кирпичнаго караванъ-серая, разрушеннаго персами во время сбора податей съ серебрябугорцовъ...

Черезъ двадцать минутъ ѣзды узкая Гургени, орошающая степь на двухсотверстномъ протяженіи своемъ, очистилась отъ камышей; берега ея, возвышающіеся здѣсь на $\frac{1}{2}$ аршина надъ водою, покрыты мѣстами пескомъ съ рѣдкою травой, негодной для пищи скоту; кругомъ барказа весело прыгаютъ сазаны, на глинистомъ днѣ трудно усмотрѣть страшныя рожи сомовъ; вдали у берега видны два челнока и группа туркменъ, а влѣво, на широкой степной глади, выдается глыба земли,—это и есть Гемюштеге (Серебряный бугоръ).

Зной усиливается. Я жадно всматриваюсь въ эти мѣста кочевьевъ и пишу; матросъ держитъ зонтикъ надо мною, что стѣснять меня, но такъ удобно командиру. Онъ говоритъ, что съ основанія станціи, кажется, въ 1832 г., паровой барказъ только второй разъ показывается въ водахъ Гургени, но наши лодки нерѣдко заглядываютъ сюда.

Мы приблизились къ пестрой группѣ туркменъ, съ преобладающимъ синимъ цвѣтомъ въ костюмѣ: халаты на взрослыхъ большею частью синіе; на затылокъ напялены рыжеватые, изрѣдка черныя мохнатые шапки, въ которыхъ они большею частію и спятъ, а, въ противномъ случаѣ, укутываютъ свои бритыя головы халатнымъ поясомъ, изъ опасенія простудить ихъ; у многихъ за кушакомъ большіе

ножи съ черною рукоятью; мальчишки въ синихъ рубашенкахъ и тюрбетейкахъ, босы, какъ и дѣвчонки, въ длинныхъ красныхъ рубахахъ; у юношей, пробрывающихъ середку головы, висятъ за ухомъ два длинныхъ пучка волосъ.

Молча и пасмурно смотрѣли они на приближающійся къ нимъ барказъ, который, по измѣреніи глубины, оказавшейся здѣсь на 10 футь, остановился, а матросы принялись улаживать сходни. Х—ій горячится, теряется, блѣднѣетъ.

— Селямъ алейкумъ! (привѣтствіе при встрѣчѣ) крикнулъ онъ тюреманамъ голосомъ, въ которомъ слышалась дрожащая нотка; нѣкоторые, отвѣчая на его привѣтствіе, сняли шапки, другіе кивнули головой, а прочіе—молча отвернулись и отошли въ сторону, что еще болѣе подѣйствовало на него, но Рафаниль успокоиваетъ: „Мы здѣсь, какъ дома“; и, дѣйствительно, онъ здѣсь какъ свой; кивнувъ по имени одного изъ толпы, вошедшаго на барказъ и въ знакъ привѣтствія или покорности снявшаго шапку, онъ тихо спросилъ у него о безопасности нашей экскурсіи; на благопріятный отвѣтъ, командиръ угостилъ насъ полбутылкой шампанскаго, привезеннаго ему изъ Константинополя бывшимъ мурзою Егоровъ, тюреманамъ велѣлъ подать чай, матросамъ дозволилъ ловить рыбу вблизи барказа, и, отдавъ приказаніе часовымъ съ ружьями, вышелъ съ нами на берегъ. Туркмены встрѣтили насъ просто, привѣтливо и, усѣвшись на корточки, коротко перебрасывались словами съ серьезнымъ Рафаниломъ; я подошелъ—было къ пятилѣтней дѣвчонкѣ, но та повернулась и торопливо пошла къ аулу, куда вскорѣ отправились и мы; нѣсколько тюреманъ помогали мнѣ собирать бѣдную флору ихъ степей, выкапывая своими ножами корни рѣдкой травы изъ твердой солончаковой почвы, на что Х—ій, проводившій меня съ двумя вооруженными матросами только на сто шаговъ, замѣтилъ: „Какіе любезные! А встрѣтись съ ними въ степи—не то будетъ“.

На гладкой ширѣ, съ рѣдкою, большею частью выжженною солнцемъ, низкою травой, вдали виднѣется единственный оазисъ зелени—маленькая группа дико-растущей гранаты, и едва замѣтная для глазъ волна степи. На этихъ-то возвышенныхъ и плодородныхъ мѣстахъ по берегамъ Гургени, принимающей въ себя справа и слѣва пять ничтожныхъ рѣченокъ, ямуды и гобланы

сѣютъ пшеницу, ячмень, иногда рисъ и кунжутъ, дающіе въ урожайные годы самъ-50 и больше, несмотря на то, что далеко не всѣ поля поливныя; сегодня у ямудовъ цѣны слѣдующія: 1 пудъ ячменя стоитъ 15 к., 1 пудъ пшеницы—35 к. Далѣе вверхъ по рѣкѣ встрѣчаются плантаціи тутовыхъ деревьевъ и хлопчатой бумаги, но бахчи и маленькіе огороды разводятся по всему прибрежью Каспійскаго моря. Хлѣбъ у нихъ хранится зимою въ вырытыхъ для того широкихъ и глубокихъ ямахъ, прикрываемыхъ сперва соломой, а потомъ заравниваемыхъ землею такъ, чтобы скрыть отъ постороннихъ мѣста запасовъ. Шелководичныхъ червей туркмены воспитываютъ слѣдующимъ образомъ: какъ только раннею весною начинаютъ распускаться тутовые листья, хозяева плантаціи завертываютъ шелководичное сѣмя въ кисейные мѣшечки и кладутъ ихъ себѣ подъ мышки, отъ теплоты которыхъ изъ сѣмянъ выходятъ въ скоромъ времени червячки; тогда полъ шатра устилается молодыми листьями туты, которыми они питаются, и, по мѣрѣ ихъ развитія, увеличиваютъ количество этого растенія, прибавляя къ молодымъ листьямъ болѣе крупныя; эта пища ежедневно перемѣняется, наблюдая, чтобы она была безъ росы, что очень вредитъ червямъ, и чтобы между листьями былъ свободный притокъ воздуха. Когда черви достигаютъ полнаго своего развитія, то перестаютъ ѣсть и ищутъ мѣста, гдѣ-бы имъ удобнѣе было свить коконы и превратиться въ хризалиду; тѣхъ, которые ползутъ повыше, отдѣляютъ отъ слабосильныхъ, потому что первые даютъ шелкъ крѣпче, и ровнѣе, чѣмъ коконы вторыхъ, которые отчасти сбываются въ Персію и Хиву по 70 рублей и дороже за пудъ.

На Гургени и Атрекѣ, которые, вытекая изъ послѣднихъ предгорій кухистанскихъ и гурганскихъ возвышенностей, круто поворачиваютъ на западъ и достигаютъ Каспійскаго моря, есть не мало хорошихъ пастбищъ, гдѣ преобладаютъ до 30 разнообразныхъ, болшею частью колючихъ и сочныхъ травъ, составляющихъ пищу верблюдовъ. На моемъ-же пути къ Серебряному бугру я собралъ на глинисто-солончаковой почвѣ только слѣдующія травы: 1) Дикобразъ, употребляемый зимою въ крайности (за неимѣніемъ другой пищи) лошадьми. 2) Съезжившаяся и высохшая отъ солнца верблюжья кызылъ-охрычъ (красная трава). 3) Иль-гака съ краснымъ цвѣткомъ. 4) Трубочатая (съ колѣн-

чниками) и кустообразная, карахъ составляет сочный корнѣ верблюдовъ, а въ сухои видѣ служитъ топливомъ. 5) Верблюжья, нарпусъ, присутствіе которой невыносимо для зибѣи; туркмены употребляютъ ее отъ зубной боли; по словамъ ихъ, если ея поѣдятъ овцы, быки и прочіи скотъ (за исключеніемъ верблюдовъ), то получаютъ горечь въ мясѣ. 6) Трава, напоминающая формою листьевъ и терпко-кисловатнымъ вкусомъ нангъ шавель, заключаетъ въ своемъ корнѣ красильное и дубильное вещества, а потому ея скотъ не ѣстъ (это общее правило), но туркмены опускаютъ въ отваръ ея веревки и прочія рыболовныя снасти, что окрашиваетъ ихъ въ красный цвѣтъ и предохраняетъ отъ порчи въ водѣ.

Вотъ и вся фауна, сколько-нибудь полезная для серебробугорцевъ, производимая преимущественно глинисто-солончаковою почвою при слѣдующихъ климатическихъ условіяхъ: при лѣтнемъ зноѣ, умѣряемомъ морскими вѣтрами и обильною росою, дожди рѣдки; теплая зима съ рѣдкими снѣгами и болѣе обильными, какъ и осенью, дождями. Дальше-же отсюда, вверху, встрѣчаются хорошія пастбища. Эти низменныя мѣста нерѣдко заливаются водою и тогда жители перекочевываютъ далѣе, внутрь степей. Особенно сильное наводненіе посѣтило ихъ 17—19 ноября 1873 года; подулъ сильный вѣтеръ, вода вышла изъ береговъ и залила пространство на 12 верстъ отъ берега; бѣда застигла кочевниковъ врасплохъ, такъ-что 25 человекъ утонуло. Въ это же время наводненіе причинило много убытковъ и хлопотъ населенію острова Ашуръ-аде. Но наводненіе составляетъ временное неудобство, постоянное-же заключается въ болотистомъ устьѣ Гургени и заплескахъ отъ ежегодныхъ весеннихъ разливовъ, испаренія которыхъ отравляютъ воздухъ на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ и гонять серебробугорцевъ отъ лихорадокъ на это время въ Гассанъ-Кули и другія болѣе здоровыя мѣста кочевьевъ, а тогда рѣдко кто изъ нихъ отваживается посѣщать нашу морскую станцію, ибо всякій, заболѣвшій лихорадкою тамъ, по возвращеніи въ степь умираетъ, если только не вооружится медицинскимъ пособіемъ отсюда; своихъ-же средствъ бороться съ лихорадкою они не имѣютъ. Вотъ почему изъ 600 кибитокъ здѣшняго зимняго кочевья осталось только 20, да и тѣ собираются

теперь въ Гассанъ-Кули, что имъ дастъ возможность ознакомиться съ устройствомъ и процесомъ сбора въ путь.

Передъ нѣсколькими уже полуразобранными кибитками просушивалось на воздухѣ тряпье и пожитки, около которыхъ возлились женщины съ открытыми лицами; другія разбирали кибитки, сидѣли на землѣ или собирали травы; далѣе видѣлись слѣды кочевья, возвышался „таларъ“, т. е. воздушная постройка изъ вбитыхъ кругомъ тонкихъ и длинныхъ бревенъ, съ легкимъ наклономъ во внутрь, грубо связанныхъ сверху поперечинами, на которыхъ устроена легкая постилка, куда взбираются по крутой лѣстницѣ иногда поспать или прячутся отъ комаровъ, иногда-же отсюда показываютъ свое искусство въ стрѣльбѣ. Я сталъ осматривать вещи и вносить свои замѣтки въ записную книжку; это никого не удивило, точно дѣло имъ привычное. Вотъ кошмы, которыми покрываются кибитки и ихъ земляной полъ; кошма-кеча, въ 2 арш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, стоитъ здѣсь 75 в.; палазы пестрыхъ рисунковъ и темныхъ цвѣтовъ исключительно изъ марены; основа этихъ туркменскихъ ковровъ низкаго сорта дѣлается изъ чистой шерсти, а потому они прочтѣ персидскихъ, куда примѣшивается много бумаги; палазъ въ $4\frac{1}{2}$ арш. длины и $2\frac{1}{2}$ арш. ширины стоитъ здѣсь 12 р.

Мы подошли къ кибиткамъ, напоминающимъ своимъ видомъ киргизскія: короткій цилиндръ съ полушарнымъ верхомъ изъ деревянныхъ пластинокъ, связанныхъ веревками, прикрытъ темными кошмами, а бока его, сверхъ того, камышевою плетенкою, — вотъ и все жилье, которое разбирается или устанавливается женщинами въ экстренныхъ случаяхъ въ 5 минутъ, а обыкновенно — въ 15 минутъ. Этотъ процессъ происходитъ такъ: на очищенную отъ травы и утопанную землю кладется деревянный обручъ или кругъ, діаметромъ въ 3 сажени, состоящій изъ 4-хъ частей, на которыхъ укрѣпляются 4 „таримъ“, т. е. деревянные бока изъ косыхъ рѣшетокъ вышиною въ $2\frac{1}{2}$ аршина; прутья или пластинки ихъ, толщиною въ дюймъ, скрѣпляются при соединеніи кожаными шарнерами, посредствомъ которыхъ они складываются во время пути и раскладываются, когда разбивается кибитка; въ послѣднемъ случаѣ концы рѣшетокъ запускаются въ дыры круга и связываются съ нимъ шерстяными шнурками; потомъ, на $\frac{1}{2}$ аршина выше отъ земли, этотъ боковой переплетъ перевязывается

широкою шерстяною тесьмою, а къ верхнимъ концамъ его прикрѣпляется полушарная крыша, состоящая тоже изъ таковыхъ же тонкихъ пластинокъ, перевязанныхъ тесьмою, но расположенныхъ не клѣтками, а прямо — отъ основанія ея къ верхнему обручу, связывающемуся жердочками съ деревяннымъ кружкомъ, съ середины котораго спускается во внутрь кибитки шерстяной шнурокъ съ кистами, для украшенія, а во время сильныхъ вѣтровъ къ нему привѣшивается каменный жерновъ, для устойчивости кибитки. Эти жернова, служащіе ручными мельницами для рису, получаютъ изъ Персіи и состоятъ изъ двухъ каменныхъ кружковъ, діаметромъ въ 12 дюймовъ: одинъ гладкій, съ желѣзнымъ стержнемъ, другой — съ дыроу. Когда такимъ образомъ деревянная основа установится, ея бока, предварительно обитанные для крѣпости тремя шерстяными поясами (6—10 дюймовъ ширины) въ трехъ мѣстахъ, покрываются четырьмя сѣрыми кошмами изъ бараньей шерсти, а поверхъ ихъ стѣнкою изъ камыша, переплетеннаго веревками; верхъ также защищается двумя толстыми кошмами сѣраго цвѣта, прикрѣпляемыми, какъ и боковья, къ переплету тесемками или веревочками. Во время варки пища въ кибиткѣ отърывается верхнее отверстіе для выхода дыма, а на ночь оно закрывается. Входъ или дверь кибитки располагается всегда на югъ; двери, на подобіе нашихъ, получаютъ изъ Персіи, гдѣ приготавлиются изъ дуба или хурманды, растущихъ въ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи; мучнистый плодъ послѣдней напоминаетъ цвѣтомъ и формою финики, но вкусомъ несравненно ниже ихъ. Кибитка окапывается небольшою канавкою, для стока воды, устилается кошмами и коврами, смотря по состоянію, и обходится заново не дороже 24 р.

Топливомъ служитъ *тезекъ*, т. е. чистое коровье кало, которое собирается женщинами въ свѣжень видѣ и сушится. Лѣтомъ пища варится на воздухѣ, гдѣ-нибудь за кибиткою, а зимою — внутри нея, для чего оставляется посреди мѣсто, куда становится таганъ или треножникъ русскаго издѣлія, а на него чугунный котель, который покрывается деревяннымъ кружкомъ, тоже русскаго приготвленія; для варки-же соусовъ и баранины употребляется персидскій котель съ крышкою изъ красной мѣди; уголья берутъ желѣзными щипцами, на подобіе нашихъ, но самой грубой работы.

VI.

Когда я окончилъ осмотръ разобранной кибитки, къ Рафаилу подошелъ пожилой ямудъ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица, и, пріятельски переговоривъ съ нимъ, пригласилъ насъ быть его гостями, слѣдовательно, съ этой минуты онъ принималъ на себя обязанность защищать насъ отъ малѣйшей непріятности со стороны своихъ земляковъ; нужно знать, что ямуды дорожатъ своимъ честнымъ словомъ, въ высшей степени гостепріимны и никогда не дадутъ своего гостя въ обиду; за него они готовы рѣзаться между собою. Нашего ховяина звали Агаджанъ; онъ служилъ на станціи съ 1863—1868 г. „сахловщикомъ“, т. е. шпіономъ (отъ слова: сахломахъ—поддерживать), за что получалъ ежемѣсячно по два червонца и подарки за особыя услуги, и въ то-же время своими разбоями наводилъ ужасъ на персовъ.

— Да и теперь, шепнулъ мнѣ Рафаилъ,—продолжаетъ разбойничать, но русскимъ онъ другъ, а мнѣ—большой пріятель, поэтому будьте покойны, но съ револьверомъ не разставляйтесь.

Пропустивъ насъ впередъ себя въ кибитку, Агаджанъ, узнавъ о моемъ желаніи описать внутренность ея, охотно показалъ мнѣ весь свой скарбъ, потомъ единственную свою, притомъ бездѣтную, жену и наряды ея.

Весь полъ кибитки, за исключеніемъ небольшого пространства у дверей, гдѣ снимаются правовѣрные туфли, былъ устланъ кошмами и палазами; деревянныя полки въ родѣ поставца, съ разбросанными въ беспорядкѣ домашними и кухонными принадлежностями, занимали по лѣвую сторону треть стѣны; далѣе, на такомъ-же пространствѣ она была увѣшана ковриками въ два ряда: шестью вверху и шестью внизу, и мѣшками ковровой работы (курджимы) — старыми и новыми въ нѣсколько рядовъ. Такой курджимъ, состоящій изъ двухъ мѣшковъ (въ квадратный аршинъ каждый), соединенныхъ темно-красною шерстяною подкладкою, и замками которыми служатъ шерстяныя петли, искусно вплетаемая одна за другую, стоитъ до 4 руб. Всѣ эти украшенія называются халыгъ и харчыгъ. Остальная часть стѣны была завалена разнымъ загрязненнымъ и покрытымъ пылью хла-

момъ: глиняный чайникъ русскаго издѣлія, деревянное мелкое блюдо для рису, называемое „табахъ“, грубой тюркменской работы; русское рѣшето съ соломенною сѣткою для процѣживанія рису и икры; тюркменскій „сусагъ“ или плетенка изъ камышу, на двухъ палочкахъ, воткнутыхъ въ землю, черезъ которую процѣживается полусваренный рисъ и потомъ уже кладется онъ въ котелъ съ масломъ или саломъ; у персовъ эта плетенка дѣлается большею частью изъ мѣдной проволоки; „сузги“ — тоже плетенка изъ веревокъ съ промежуточными сѣтками изъ лошадиной гривы и съ ручкою изъ веревокъ-же; черезъ нее цѣдятъ молоко и коровье масло; тутъ-же бурдюкъ, т. е. мѣшокъ изъ цѣлой бараньей шкуры, очищенной отъ шерсти, наполненъ соленовато-кислымъ питьемъ, приготовляемымъ изъ коровьяго молока съ большою примѣсью соли, отъ чего отъ него отдѣляется вода, которую сливаютъ прочь, а густой, сильно пересоленный кислый остатокъ служитъ для приготовленія прохладительнаго питья. Тонкая желѣзная пластинка въ 1¹/₂ аршина длины служитъ вертеломъ для приготовленія „кебаба“, т. е. изжаренныхъ на угляхъ кусочковъ баранины съ жиромъ, наизванныхъ на него. Желѣзная лопата съ деревянною ручкою для копанія земли и кирка для огороновъ, мѣстнаго произведенія; первая стоитъ 90 к.—1 р. Желѣзный трезубецъ или острога для ловли бѣлуги, сома, осетра и проч.; „дарагъ“, т. е. рядъ желѣзныхъ спицъ, укрѣпленныхъ на деревянной подставкѣ, для очистки шерсти; „чра-пая“ или желѣзная подставка, втыкаемая въ землю для „чарака“, въ которомъ жжется неочищенная нефть, служащая освѣтительнымъ матеріаломъ нѣкоторымъ тюркменамъ, персамъ и вообще среднеазіатцамъ; „чаракъ“ — это глиняная посуда для нефти, съ носикомъ, въ который пропускается фитиль, — доставляется сюда изъ Персіи; такое освѣщеніе и дымно, и слабо. Рядомъ съ этою необходимою дрянью валяется и оружіе, которыми персы снабжаютъ тюркменъ на свою-же голову: винтовка, кривая сабля съ кожаной рукоятію и въ таковыхъ-же ножнахъ; отъ холодной стали клинка, который я взялъ въ руки, несетъ человѣческою кровью; ея слѣды еще замѣтны на немъ. Меня проняла дрожь отвращенія и я спросилъ Агаджана, сколько головъ онъ срубилъ на своемъ вѣку, на что тотъ закачалъ головою такъ, какъ-бы хотѣлъ сказать: „Теперь счетъ потерялъ!“ и холодно добавилъ: „хо-

рошая сабля—для себя работали!“ Тутъ-же семивершковый ножъ съ черною рукоятью и въ ножнахъ, который носится туркменами всегда при себѣ, ибо онъ замѣняетъ кинжалъ, имъ рѣжутъ барана, стругаютъ дерево и пр. Все это оружіе смазывается отъ ржавчины нефтью и бараньимъ саломъ. Далѣе стояли два ирбитскихъ (нашихъ) сундука, лежали два свертка съ постелью, состоящею изъ тифяка, подушки и одѣяла, глиняный кальянъ и изъ тывы слѣдующаго устройства: въ узкое горлышко тывы, до половины наполненной водою, вставляется деревянная трубочка, входящая однимъ своимъ концомъ въ воду, а на наружный надѣвается каменная трубка съ смоченнымъ табакомъ, раскуриваемымъ не иначе, какъ углемъ; табакъ, получаемый изъ Персія, туркмены курятъ безъ опиума, что нерѣдко случается между персами. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ тывы сдѣланы два отверстія: одно—для чубучка, изъ котораго курятъ, а другое, по увѣренію ихъ, прохлаждаетъ дымъ.—Вотъ и все имущество достаточнаго ямуда. Въ то время, какъ я вписывалъ его въ дневникъ, въ кибитку входили одинъ за другимъ туркмены разныхъ возрастовъ, снимали туфли, сдержанно привѣтствовали хозяина: „селямъ“ и, усѣвшись на коши, молча курили кальянъ, хотя они и любятъ поболтать между собою.

Между вошедшими были двое молодыхъ, страшно изрытыхъ оспом. Туркмены прививаютъ оспу у себя „оспенною матеріею съ больныхъ людей“, вслѣдствіе чего во время свирѣпствующихъ въ степяхъ оспенныхъ эпидемій, какъ то было зимою 1873 г., господствуетъ между ними большая смертность и остаются обычные слѣды на лицахъ. Хотя они, какъ персы, говорятъ, что *Богъ далъ 1000 болъзней и 1001 лекарство*,—однако послѣднія имъ неизвѣстны, ибо нельзя-же считать раціональнымъ леченіемъ, ну, положимъ, полипа въ носу; очевидное доказательство на лицо: мимо кибитки прошла женщина съ кувшиномъ воды и безъ носа, а такихъ здѣсь въ аулѣ не мало, потому что ихъ знахари, вырѣзавъ полиппъ, прижигаютъ больное мѣсто раскаленнымъ желѣзомъ—и носъ проваливается. Вообще нарывы у туркменъ вырѣзываются или, вѣрнѣе сказать, выковыриваются, потомъ прижигаются желѣзомъ и присыпаются нашатыремъ или порошкомъ. Говорятъ, что при черномъ, очень опасномъ нарывѣ, вырѣзываніе его приноситъ пользу, въ противномъ случаѣ—заводятся черви. Многіе изъ нашихъ

сосѣднихъ туркменъ, и въ особенности туркменокъ, любятъ бесѣдовать о своихъ болѣзняхъ съ докторомъ астрабадской морской станціи, охотно позволяютъ прививать у себя оспу и вообще лечатся у него; нѣсколько туркменокъ даже лежатъ въ лазаретѣ на Ашуръ-аде. Доктора они любятъ, уважаютъ и считаютъ *первымъ мудрецомъ* между всѣмъ прочимъ населеніемъ. Если вошедшіе два туркмена изуродованы оспою, за то вошедшую въ кибитку жену Агаджана положительно можно признать красавицею: правильныя черты смуглаго лица, огненные глаза съ тонкими бровями, бѣлизна ровныхъ маленькихъ зубовъ невольно напоминаютъ нашихъ украинокъ, а родимое черное пятнышко на шеѣ и застѣнчиво опущенные глаза, влажныя губы маленькаго рта и огнемъ пышашія ноздри еще болѣе увеличивали прелесть стройной Халли-Гюль, на голову которой накинута была кусокъ клѣтчатоі матеріи изъ широкой красной и узкихъ зеленой и черной полосъ, въ 3 арш. длины и 2 $\frac{1}{2}$ арш. ширины; это покрывало, стоящее изъ персидской шелковой матеріи 7 р. 50 к., было перевязано на головѣ сложеннымъ пестро-краснымъ маленькимъ платочкомъ, концы узла котораго падали на лобъ; сверху наброшено еще такой-же платочекъ, а на шею—синій, въ $\frac{3}{4}$ квадр. аршина, русскаго издѣлія, по 15 к. Изъ-подъ ея ситцевой рубахи выглядывали шаровары съ боснии ногами, такъ-какъ туркменки лѣтомъ обыкновенно не носятъ ни чулокъ, ни туфель. Вслѣдъ за нею вошла и мать Агаджана, костлявая, довольно безобразная старуха, съ морщинистымъ лбомъ, рѣзко высунувшимся носомъ, сжатыми губами; но глаза ея еще сверкали дикимъ огнемъ!

Она молча усѣлась около своего поведителя.

Душно, но врывавшійся по временамъ вѣтерокъ, доносилъ пѣсню жаворонка въ кибитку, освѣжалъ насъ.

— Ты счастливъ, что сегодня вѣтеръ—комаровъ нѣтъ, замѣтилъ хозяинъ, когда я окончилъ опись его имущества и за довѣріе оплатилъ довѣріемъ, сдѣлавъ 6 выстрѣловъ на воздухъ изъ своего револьвера и передавъ его туркменамъ, которые съ скрытою жадностью и любопытствомъ оглядывали его.

Послѣ этого, на мою просьбу снять портретъ съ Халли-Гюль, ея мужъ приказалъ ей нарядиться въ праздничный костюмъ, и спустя нѣсколько минутъ зардѣвшаяся красавица вошла въ замѣчательномъ нарядѣ и, не поднимая глазъ, усѣлась на коврѣ, по-

догнувъ одну ногу подъ себя, а другую съ согнутымъ колѣномъ выставила впередъ: это обыкновенная поза сидящихъ тюремнокъ, мужчины-же подгибають подъ себя обѣ ноги.

Любуясь неподдѣльною стыдливостью дикарки, я черезъ Рафаила усаживалъ ее, что никакъ не удавалось; пришлось подойти къ ней самому, но только-что я хотѣлъ поправить ея позу, она вспыхнула, совсѣмъ опустила голову и что-то шепнула мужу.

— Что она говоритъ? обратился я къ Рафаилу.

— Думала, что вы будете ощупывать ее при всѣхъ.

Однакожь мало-по-малу она перестала дичиться меня и охотно выполняла всѣ мои желанія во время рисованія.

Головной уборъ ея составляла „хасава“. Эта тяжелая машина мѣстной работы изъ картона съ наружными украшениями своею формою напоминаетъ высокій кокошникъ, только съ болѣе умѣреннымъ расширеніемъ къ открытому верху; картонъ обтянутъ спереди бархатомъ, устьяннымъ шестью рядами круглыхъ бляхъ изъ чистаго золота на красныхъ свурвахъ; съ боковыхъ большихъ серебряныхъ бляхъ, устьянныхъ разноцвѣтными стеклами и сердоликомъ, свѣшивались до подбородка серебряныя цѣпочки съ бубенчиками, что при малѣйшемъ движеніи головы качалось и звенѣло; съ верха картона спускалась по сторонамъ и свади шелковая красная тафта, служащая покрываломъ отъ жары, вѣтра, пожалуй комаровъ, но не отъ мужчинъ, ибо всѣ тюремники ходять съ открытымъ лицомъ. Остальной нарядъ составляла длинная съ широкими рукавами красная рубаха съ узкими полосками желтаго и чернаго цвѣтовъ, застегнутая спереди на шеѣ большою серебряною брошкою съ сердоликомъ, изъ персидской матеріи „аладжа“, называемой по-тюременски: „алатовъ“; иногда-же рубаха дѣлается изъ персидской красной тафты. Изъ-подъ нея едва выглядывали узкіе шаровары той-же матеріи, короткіе шерстяные носки персидской работы и туфли или башмаки съ острыми носкомъ и безъ задниковъ, изъ русской кожи.

На красавицѣ были надѣты огромныя, круглыя (2¹/₂ вершка въ діаметрѣ) серебряныя серьги грубой мѣстной работы, украшенныя снизу разноцвѣтнымъ стекломъ и сердоликомъ. Богатыя тюремники носятъ золотыя серьги разныхъ фасоновъ. На ремеш-

кѣ черезъ плечо падалъ на грудь „ѳикаль“, т. е. маленькій серебряный ящичекъ съ 4-мя сердоликами по угламъ, въ которомъ хранятся молитвы, а также „женскіе секреты“, какъ добавилъ Рафаилъ. (Сердоликъ покупается туркменами въ Персіи очень дешево: величиною съ грошъ по 10 к., а съ полтину по 40 к.) Далѣе, на кожаномъ-же ремешкѣ, но украшенномъ серебряными бляхами, покоился на груди „тумаръ“, т. е. серебряная цилиндрическая трубка съ закругленными концами, длиною въ $3\frac{1}{2}$ вершка и шириною $\frac{1}{2}$ вер., служащая хранилищемъ талисмановъ и молитвъ.

Черные, какъ смоль, волосы Халлы-Гюль, съ пробороми по срединѣ, красиво окаймляли виски и, зачесанные за уши, падали двумя тяжелыми косами, съ вилетонными въ нихъ посредствомъ веревочекъ „монджыкъ“, т. е. двумя рядами сердцеобразныхъ бляхъ массивнаго серебра, длиною въ 4 верш., шириною— $1\frac{1}{2}$ верш. и съ большими сердоликами посреди. Кисть руки украшалась толстымъ серебрянымъ браслетомъ съ двумя сердоликами, зубчатые концы котораго не сходились между собою на полдюйма; пальцы были унизаны серебряными кольцами съ большимъ сердоликомъ, фасономъ своимъ напоминающими наши мужскіе перстни съ печатками. Здѣсь мнѣ не встрѣчалось видѣть колець въ носу, но, какъ говорятъ, на Мангышлакѣ кое-гдѣ носятъ подобное украшеніе. Вообще металлическія украшенія ямудокъ отличаются громадными размѣрами и топорной мѣстной работы; мужчины же ихъ, кажется, не носятъ.

Костюмъ дѣвушекъ такой-же, только вмѣсто головныхъ платковъ ихъ волосы, заплетенные въ 4 косички, спускающіяся попарно на виски, прикрываются тибетейкою (ерколкою), вышитою или унизанною серебряными украшеніями, и кромѣ брошки и массивнаго ожерелья на шеѣ, онѣ никакихъ другихъ побрякушекъ не носятъ. Зимомъ женщины надѣваютъ поверхъ рубахи два или три архалука мужского покроя, изъ разныхъ матерій и сукна, и кутаются въ бараньи шубы, вышитыя по бортамъ узорами изъ бунажной полосатой матеріи „алатовъ“, съ тонкою выпушкою изъ мерлушекъ по краямъ.

Увидѣвъ свой портретъ, Халлы-Гюль улыбнулась и обожгла меня своимъ взглядомъ. При выходѣ изъ кибитки на меня брызнула кровь,—это Агаджанъ, пригласившій насъ на вечерній пиръ,

вонзилъ у дверей свой ножъ въ трепещущаго барана съ громаднымъ салникожъ вмѣсто хвоста (курдюкъ), что дѣлается только для почетныхъ гостей, безъ сомнѣнія, не безъ разчета. Передавъ барана въ руки женщинъ, онъ отправился съ нами по аулу. Между кибитками сидятъ нѣсколько женщинъ, очищая въ деревянныхъ толстыхъ ступкахъ „сохи“ (рисъ) отъ скорлупы; онѣ поочередно бьютъ по немъ каменною рукою или продолговатымъ камнемъ и, высыпавъ его на большія деревянные блюда, провѣтриваютъ. Одна изъ нихъ, лукаво взглянувъ на моего спутника, крикнула съ легкой усмѣшкой: „Рафаиль, замѣчаешь, какъ работаютъ тюрменскія женщины!“ Прочія любовно впялись въ него своими жгучими глазами... Далѣе, еще группа работающихъ женщинъ: двѣ изъ нихъ, съ голыми ногами, ловко, привычно сучать шерстяныя нити для ковровъ, третья сидитъ въ такой непринужденной позѣ, что ея ветхіе шаровары цѣликомъ видны: выше колѣнъ они сшиты изъ темной матеріи, а ниже — изъ бѣлаго ниткаля.

Въ кибиткѣ, куда мы вошли взглянуть на ручныя работы женщинъ, двѣ красивыя дѣвушки, не перемежая своихъ непринужденно-граціозныхъ позъ, продолжали работу ковра: ихъ пальцы бѣгали по столу взадъ и впередъ, а глаза изподтишка улыбались Рафаилу; онѣ работали безъ узора, но при всемъ томъ со вкусомъ, чисто и быстро. Тутъ-же двѣ пожилыя женщины работали широкіе шерстяные пояса, для украшенія и связей кибитки; нити для нихъ окрашиваются въ красные и желтые цвѣта разныхъ болѣе темныхъ оттѣнковъ, приготовляемыхъ изъ покупаемой въ Персіи марены. Этими издѣліями да кошмами ограничивается мануфактурная промышленность ямудовъ, какъ для своего собственнаго обихода, такъ и для продажи персамъ, русскимъ и хивцамъ.

На дѣвушкахъ были тибетейки, вышитыя серебромъ, рубашки застегивались на шеѣ брошками или, вѣрнѣе, запонками, величиною въ рублевую монету, обдѣланными въ золотыя украшенія и съ гранатой посрединѣ; серебряное гладкое ожерелье или, вѣрнѣе, сплошной массивный обручекъ съ четырьмя большими сердоливами, плотно охвативъ шею, завязывался на затылкѣ нитками, продѣтыми въ его концы; нужно замѣтить, что эти дѣвичьи украшенія всегда дѣлаются изъ сплошнаго и массивнаго металла.

Хозяйство и всѣ тяжелыя работы здѣсь исполняются женщинами. Что-же касается мужского населенія аула, то отсутствіе и бездѣлье его рѣзко бросаются въ глаза; днемъ они, если не на разбоѣ, то ничего не дѣлаютъ, а вечеромъ таскаются по кибиткамъ, гдѣ есть ужинъ или чай, куда входятъ безъ приглашенія.

— А вошелъ въ нее, говорить Рафаиль, — нельзя не пригласить его, а иначе это будетъ нарушеніемъ вѣжливости. Въ то-же время ихъ бѣдныя женщины нерѣдко голодными сидятъ дома или — тоже съ тощимъ желудкомъ — тащатся въ гости одна къ другой.

Мужчины, однакожь, пахутъ поле для засѣва его пшеницею и ячменемъ, жнутъ, молотятъ и, собравъ зерно въ чувалы (шерстяные мѣшки), привозятъ его домой, но такъ-какъ скромныя размѣры кибитки не позволяютъ хранить годовой запасъ этихъ продуктовъ, то амудъ оставляетъ у себя только мѣсячную или двухмѣсячную пропорцію ихъ, а остальное отдаетъ взаимы или продаетъ. Иные воздѣлываютъ рисовыя поля; въ такомъ случаѣ, очистивъ мѣсто для него, напускаютъ туда канавками воду изъ ближайшихъ рѣкъ, для образованія болота, потомъ роютъ около кибитки яму для расады, которою засѣвается большое поле, наблюдая при этомъ, чтобы рисъ не росъ очень густо, а иначе его разсаживаютъ по просторнымъ мѣстамъ поля.

На мужчинѣ-же лежитъ стрижка верблюдовъ и барановъ, шерсть которыхъ частью оставляется для своихъ собственныхъ потребностей, а остальная продается; съ каждаго барана получается отъ 1¹/₄ до 2-хъ фунтовъ шерсти, стоящей отъ 10 до 15 в.

Съ остальными домашними работами справляются женщины: онѣ моютъ, очищаютъ и сушатъ пшеницу, мелятъ ее ручной мельницей, мѣсятъ тѣсто, изъ котораго пекутъ лепешки, называемыя „чурекъ“ (хлѣбъ), въ „тамдиръ“, т. е. азіатской печкѣ съ тонкими стѣнками изъ вымѣсенной хорошей глины и съ закругленнымъ верхомъ; ширина ея въ основаніи имѣетъ 1¹/₄ арш., высота 1¹/₂ арш; ближе къ основанію, съ боку, сдѣлано маленькое отверстіе для притока воздуха, наглухо закрываемое по топкѣ печки; вымѣсенныя-же лепешки вкладываются въ печь черезъ отверстіе, продѣланное сверху.

Довольно мягкій чурекъ, какъ и болѣе твердый „фетиръ“

загнѣвать туркменамъ хлѣбъ. Фетиръ—та-же пшеничная лепешка, но съ дырочками, и тѣсто для него мѣсится круче, чѣмъ для простаго чурэка; достаточные люди по праздникамъ пекутъ „катлану“, слоистую лепешку изъ пшеничной муки на маслѣ, толщиной въ палецъ; обыкновенная пища туркменъ — „ашъ“, вареный въ чугунномъ котлѣ рисъ, вродѣ плова; ашъ ѣдятъ съ „хурушомъ“, соусомъ изъ дичи или жаренаго мяса съ разными спеціями и фруктовыми кислотами; пловъ, приготовленный на бараньемъ салтѣ или коровьемъ маслѣ, ѣдятъ съ бараниной, дичью и свѣжей рыбою: сазаномъ, осетриной и севрюгой (которую, впрочемъ, серебрябугорцы остерегаются ѣсть лѣтомъ въ предупрежденіе лихорадокъ); икра также идетъ въ пищу. Дичь подается къ плову съ кисленькимъ соусомъ, приготовляемымъ изъ очень кислаго, сушенаго сѣмяни гранаты или изъ альбухары, т. е. сушеной бѣлой сливы; то и другое получается изъ Персіи. Туркмены ѣдятъ также верблюжье мясо, въ крайнихъ случаяхъ—конину, но свинью—никогда.

Питьемъ для амудовъ служить вкусная и здоровая вода изъ рѣкъ Гургени и Атрека, откуда она возится въ отдаленные отъ рѣкъ аулы, большою частью, бочками; изъ ближайшихъ-же—женщины набираютъ ее въ „бундаки“ или „кумганы“, т. е. чугунные, узкогорлые кувшины съ длиннымъ носикомъ, получаемые изъ Россіи и служащія также для омовеній. Любимый ими чай, но доступный только богатымъ людямъ, покупается на Ашуръ-аде, по 2 р. и дешевле за фунтъ, и въ Персіи—полтора-рублеваго, плохого достоинства; сахаръ къ нему идетъ преимущественно русскій, частью транзитный и въ ничтожномъ количествѣ дрянной мазандеранскій (персидскій). Наконецъ солено-кислымъ молокомъ, служащимъ вообще прохладительнымъ напиткомъ, януды запиваютъ свой обѣдъ; полюбился имъ также нашъ лимонадъ-газесъ, но водки и вина они не употребляютъ и только нѣкоторые изъ больныхъ пьютъ глотками бальзамъ, какъ лекарство, прописанное нашимъ докторомъ.

Далѣе на обязанности женщинъ лежитъ: доить коровъ, верблюдовъ, буйволовъ, овецъ, готовить отличное сливочное масло, излишекъ котораго продается на Ашуръ аде по 15—30 к. за фунтъ; готовить кислое молоко, называемое „эгурдъ“, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для продажи однокочев-

никамъ; собрать въ степи топливо и принести его въ кибитку, сходить за водою, шить и мыть бѣлье. Онѣ-же текутъ ковры тесьмы, бурджумы (дорожные мѣшки), валяютъ шерстяныя, двухличныя кошмы (войлоки); готовятъ изъ верблюжьей шерсти матерію гороховаго цвѣта, изъ которой шьютъ чекмени, для своего употребленія, а излишекъ матеріи продаютъ отъ 1 р. 80 к. до 12 р. за кусокъ въ 16 ханскихъ аршинъ, пяти-вершковой ширины.

Если туркменъ имѣетъ „крнагъ“, т. е. рабыню, въ такомъ случаѣ на ней лежитъ вся эта работа, за исключеніемъ тканья и шитья, которыми занимаются его жены и вообще женская половина семьи.

Несмотря на всю обширность женскаго труда и его полезность, когда у туркмена родится дочь, онъ скученъ, въ семьѣ нѣтъ радости, нѣтъ празднествъ и никто не приходитъ поздравлять его съ новорожденною; но если родился сынъ, родные и весь аулъ сперва поздравляютъ лучшаго друга счастливаго отца, который отдариваетъ ихъ по состоянію, затѣмъ поздравляютъ самого родителя „съ наследникомъ“. На второй годъ отъ рожденія,—можно затянуть и до 7 лѣтъ,—самъ отецъ производитъ ребенку обрѣзаніе бритвою, а сильное кровотеченіе останавливается сжогою ватой, послѣ чего устраивается такой-же пиръ, какъ и на свадьбѣ, называемый „той“. На обѣдъ и веселье созываются родные и знакомые; джигиты (наѣздники) состязаются въ скачкахъ и лучшіе изъ нихъ получаютъ отъ хозяина призъ деньгами или вещами; нерѣдко призываются на семейное торжество пѣвцы и музыканты, т. е. „бакши“, съ грубыми „тамдурами“, инструментомъ, нѣсколько схожимъ съ гитарою, съ 2—4 шелковыми струнами, и длинными свирѣлями, состоящими изъ нѣсколькихъ толстыхъ камышенокъ. Эта невыносимая музыка смѣшивается съ ревомъ вокальнаго хора и услаждаетъ гостей, которые изъ уваженія къ хозяину, а можетъ быть и тронутые гармоніей, дарятъ бакшамъ деньги. На танцы амуды, вѣроятно, смотрятъ такъ-же, какъ персидскіе офицеры, гостившіе однажды у Езнаева, которые удивлялись, „зачѣмъ аширскіе моряки поютъ и танцуютъ, когда на то существуютъ страстующіе пѣвцы и танцоры? И какъ это мужичиѣ не стыдно танцовать съ дамами?“

Когда ребенку стукнетъ 7 — 9 и даже больше лѣтъ, отецъ высматриваетъ ему такую-же крошку-невѣсту, и, найдя такую, вступаетъ въ предварительные переговоры съ ея отцомъ, а вслѣдъ затѣмъ посылаетъ къ нему двухъ своихъ знакомыхъ женщинъ за полученіемъ формальнаго согласія на бракъ; отецъ и мать невѣсты, обыкновенно, просятъ отсрочки на нѣсколько дней, необходимой для совѣта по такому важному дѣлу съ своими родственниками, послѣ чего они даютъ знать отцу жениха о своемъ окончательномъ согласіи. Тогда отецъ жениха отправляетъ старшинъ къ отцу невѣсты условиться насчетъ „платы за невѣсту“ деньгами и товаромъ, которая вносится немедленно вся сполна или по частямъ на опредѣленный срокъ, что зависитъ отъ зятя (отца невѣсты), и послѣ обоюднаго соглашенія на этотъ счетъ нѣсколько родственницъ жениха отправляются въ домъ невѣсты, куда приходитъ и мулла, и по прочтеніи имъ молитвы, подходящей случаю, снимаютъ съ дѣвичьей головы шапочку (ермолку), ея четыре косички расплетаютъ и волосы заплетаютъ въ двѣ косы, а голова обвязывается, какъ у женщинъ, платкомъ; съ этой минуты дѣвица называется: „галинъ“ (сноха).

До окончательной уплаты условленныхъ денегъ за нее невѣста продолжаетъ жить у своего отца, а вслѣдъ затѣмъ отецъ жениха готовится къ торжественной церемоніи взять ее оттуда къ своему сыну: приглашаются родные и знакомые, конные и пѣшіе, бакши и джигиты со всѣхъ окрестныхъ, иногда и дальнихъ ауловъ, на убранномъ вистами и прочими украшеніями верблюдѣ прилаживается „кеджава“, т. е. маленькая будка, занавѣшенная разными матеріями, и вся эта процесія отправляется къ невѣстину отцу, но самъ женихъ остается на это время въ кибиткѣ одинъ одиношенекъ, не показываясь ни роднымъ, ни знакомымъ невѣсты; въ противномъ случаѣ это было-бы нарушеніемъ приличія, вѣжливости.

При приближеніи процесіи подруги и женская половина, родственная невѣстѣ, окружаютъ ее внутри кибитки, снаружи которой толпится ея мужское родство, не допуская ворваться къ ней и похитить ее прибывшимъ роднымъ жениха; начинается катавасія, заключающаяся нерѣдко хотя шутивою, но довольно чувствительною потасовкою двухъ лагерей: одежды обращаются въ клочки, а тѣла покрываются синяками; между тѣмъ родители

невѣсты угощаютъ гостей, разбрасывая фрукты и крошеннй сахаръ собравшемуся народу и дѣтямъ. Въ концѣ-концовъ, „какъ-бы нехота“, невѣсту отдають роднымъ жениха, которые выносятъ ее изъ шатра и, усадивъ на верблюда въ кеджаву, съ одною только женщиною, называемою „онга“, везуть въ кибитку отца жениха; при этомъ джигиты показываютъ свою удалъ въ ѣздѣ и стрѣляютъ, бакши играютъ и орутъ, дѣти бросаютъ камнями въ кеджаву, что происходитъ и при встрѣчѣ свадебнаго поѣзда у родныхъ жениха, которые, въ свою очередь, угощаютъ гостей и разбрасываютъ фрукты и кусочки сахару народу и дѣтямъ,—словомъ, пиръ идетъ веселый. Въ 5 часовъ пополудни собираются въ аулъ муллы и ахунды и отправляютъ къ жениху и невѣстѣ четырехъ тюремень, по двое съ обѣихъ сторонъ, спросить у нихъ: согласны-ли они на бракъ? Они черезъ женщинъ спрашиваютъ сперва невѣсту: согласна-ли ты выйти замужъ за того туркмена, за котораго тебя выдаютъ? Съ подобнымъ-же вопросомъ обращаются къ жениху. Получивъ утвердительный отвѣтъ, посланные сообщаютъ его собравшемуся народу; тогда ахундъ провозглашаетъ: „дочь того-то выходитъ за сына того-то по обоюдному согласію,—вы, народъ, свидѣтели этому“.

Народъ отвѣчаетъ: „мы свидѣтели“. Эта процедура спрашиванія согласія у молодыхъ и призывъ народа въ свидѣтели повторяется троекратно, послѣ чего мулла, ахундъ или казы читаетъ молитву и тѣмъ завязывается неразрывный узелъ брачной жизни, подъ названіемъ: „никяхъ“. Между тѣмъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ аула разбивается новая кибитка, куда приводятъ молодыхъ; дѣти снова швыряютъ камнями въ нее до тѣхъ поръ, пока стоящій здѣсь одинъ изъ друзей жениха не отгонитъ ихъ, чтобы дать отдыхъ жениху и невѣстѣ, которые оставляются на ночь одни, и съ этой минуты они—мужъ и жена, но только не физиологически, ибо—еще дѣти.

На слѣдующее утро кибитка съ молодыми переносится въ аулъ и ставится по правую сторону отцовской кибитки; проживъ здѣсь недѣлю, молодая возвращается къ своимъ родителямъ, гдѣ приготовляетъ на ихъ средства наряды себѣ и внутреннія украшенія для своего шатра: ковры, палаты и проч., и проч., что все вмѣстѣ составляетъ ея приданое.

По прошествіи года отецъ молодого посылаетъ за его женою,

которая прїѣзжаетъ къ мужу на мѣсяцъ и опять отправляется къ своимъ роднымъ мѣсяца на два или на три, послѣ чего возвращается уже окончательно къ нему, посѣщая своихъ не болѣе одного раза въ годъ. Безъ сомнѣнія, моментъ окончательнаго сожителства съ мужемъ ускоряется въ случаѣ рожденія ребенка. Для отдѣльнаго хозяйства молодые снабжаются, смотря по достатку и щедрости ихъ отцовъ, частью скота: баранами, лошадыни, верблюдами и проч.; втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того родители продолжаютъ еще заботиться объ ихъ продовольствіи, послѣ чего молодые окончательно освобождаются отъ опеки своихъ отцовъ, имѣвшихъ до того времени неограниченную и безответственную власть надъ жизнью и смертью ихъ.

Плата за дѣвицу колеблется между 60 и 120 червонцами (180—360 руб.), деньгами и товаромъ, которые идутъ въ отцовскія руки; кромѣ того, братьямъ невесты дарятся халаты, таковой-же получаетъ отъ жениха и „энга“. Уже женатый туркменъ, если онъ и отецъ невесты оба богаты, платитъ за нее 200—300 томановъ (600—900 руб.), на половину деньгами и товаромъ или скотомъ; а если отецъ невесты бѣденъ, то 150 томановъ (450 руб.), а цѣна молодымъ вдовушкамъ, которыхъ туркмены предпочитаютъ дѣвицамъ, вдвое и втрое дороже, т. е. отъ 500—1,500 тылла (туркменская тылла = 90 к., а хивинская = 1 р. 80 к.), часть деньгами, а остальное—вещами, которыя при этомъ цѣнятся втридорога. Вдовы предпочитаютъ ини потому, что онѣ привычнѣе къ тяжкимъ трудамъ, выпавшимъ на долю туркменской женщины, онѣ уже знакомы съ хозяйственной частью и, кромѣ того, имѣютъ уже готовое приданое.

Черезъ 40 дней послѣ смерти своего мужа вдова беретъ изъ кибитки только свое приданое, называемое „сепъ“, и, оставивъ своихъ дѣтей у его ближайшихъ родныхъ, отправляется въ домъ къ своему отцу, къ которому снова являются охотники „вупить ее у него“, но предварительно женихъ долженъ испросить у ней личнаго на то согласія, между тѣмъ какъ дѣвицы, находящіяся въ большемъ подчиненіи у родныхъ, чѣмъ вдовы, выдаются замужъ нерѣдко помимо ихъ воли, и процедура „нияхъ“, т. е. вѣнчаніе, согласно требованію шаріата, не болѣе, какъ пустая форма. Если у дѣвицы или вдовы нѣтъ отца, тогда судьбою ихъ

распоряжается старшій братъ: получаетъ плату за продажу ихъ въ замужество и проч., и проч. А если нѣтъ ни того, ни другихъ, то ими распоряжается ближайшая родня мужского пола, но родная мать не имѣетъ надъ ними никакого права, даже лишена права голоса при запродажѣ ихъ въ замужество. Привыкъ здѣсь, что скупые отцы и братья или ничего не даютъ имъ въ приданое, или ограничиваютъ его ожерельемъ и внутренними потребностями кибитки; щедрѣе же нерѣдко отдаютъ имъ всѣ деньги и вещи, полученныя со стороны жениха, какъ плату за нихъ, и, кромя того, дарятъ имъ „най“, т. е. серебряное ожерелье, и „сепъ“, т. е. ковры, одежду и пр. хозяйственныя потребности. По смерти старшаго брата въ семьѣ, на его женахъ женится младшій братъ или двоюродные братья, или дядя; воспрещается только бракъ родного брата на родной сестрѣ, прочія-же степени родства не служатъ препятствіемъ къ браку.

Туркменамъ не дозволяется имѣть болѣе четырехъ женъ изъ туркменокъ, но количество женъ изъ „крнаги“, т. е. служанокъ, персидскихъ невольницъ, не ограничено; число ихъ зависитъ отъ его богатства, а байемъ или богачемъ у нихъ считается тотъ, кто имѣетъ 1,000 червонцевъ (3,000 рублей).

Дѣти, родившіяся отъ настоящей жены, называются „игъ“, т. е. происхожденія чистой крови, а отъ „крнаговъ“ — „кулъ“, что значитъ рабъ.

Для сохраненія чистоты крови своего племени ямуды выдаютъ своихъ дочерей игъ только за ига и не рождаются даже съ текинцами и другими иноплеменниками, ибо, по преданію, родоначальникъ великаго туркменскаго племени, Тюрментъ, имѣлъ двухъ сыновей: Ямуда и Гоклана, рожденныхъ отъ свободной женщины игъ, а третій его сынъ, Теке, родился отъ рабыни Кулъ; поэтому они смотрятъ на текинцевъ, какъ на потомковъ рабыни, а свое происхожденіе и гоклановъ признаютъ отъ свободной жены; но самымъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ считается племя салоръ, состоящее приблизительно изъ 5,000 кибитокъ.

Кулъ (рабъ) можетъ жениться только на кулѣ (рабыни), хотя и не отстраненъ отъ права занимать видное положеніе въ племени, т. е. быть муллою, предводительствовать въ походахъ или

набѣгахъ и пр. и пр., но цѣна его крови стоитъ гораздо ниже ига. Тюркмены любятъ деньги; согласія у нихъ мало; сплетни отъ бездѣлья родятъ обоюдную ненависть; отсюда есора, убійство, а затѣмъ слѣдуетъ месть: „кровь за кровь“, и установившаяся обычая цѣна за кровь; если игъ убьетъ ига, то долженъ заплатить за кровь 3,000 тюркменскихъ тылла, а за кровь убитаго имъ кула платить только половину; безъ сомнѣнiя, деньги за кровь платятся только въ томъ случаѣ, если на сдѣлку соглашается тотъ, „кому принадлежитъ кровь“, т. е. ближайшiй родственникъ убитаго, въ противномъ случаѣ „онъ долженъ убить“ виновнаго, т. е. „обратно получить кровь“. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда онъ соглашается получить установленную плату за кровь, казы даетъ бумагу убійцѣ, въ которой объявляется народу, „что если кто дастъ убійцѣ слѣдующий ему, казы, духовнымъ или бѣднымъ отъ него „закятъ“, т. е. опредѣленный процентъ съ движимаго имущества, то это принимается въ расчетъ“.—Съ этою бумагою убійца ходитъ по ауламъ и народъ даетъ ему по возможности деньги и вещи „для откупа отъ крови“. Во второмъ-же случаѣ, месть за кровь совершается открыто: на врага не нападаютъ изподтишка, но даютъ ему время зарядить ружье и вообще подготовиться къ защитѣ. Нерѣдко случается, что убійца, изъ желанiя избѣжать кровавой мести, бросается съ повинною въ кибитку отца убитаго и тотъ прощаетъ ему, что почитается „высокою добродѣтелью“. Народъ, увибующiй цѣнить великодушiе, не похожъ на тотъ, о которомъ вы, читатель, получили скудныя понятiя изъ отрывочныхъ статей газетъ или набросковъ туристовъ.

Мужъ никогда не зоветъ свою жену по имени, а кличетъ: „хайтъ!“ то-есть: эй! и не то, что гнушается ею, но ставитъ ее гораздо ниже себя: она не смѣетъ идти рядомъ съ нимъ, а слѣдуетъ за нимъ сзади. Тюркмены, видѣвшiе на Ашуръ-аде внѣшнiй почетъ, оказываемый нашимъ дамамъ, пренаивно удивляются тому, что онѣ ходятъ впереди или рядомъ съ мужчинами. Тюркменка, разговаривая съ своимъ мужемъ или обращаясь къ нему за чѣмъ-бы то ни было, называетъ его „гахасы“, т. е. отецъ дѣтей, и исполняетъ безпрекословно всѣ его приказанiя и прихоти: гладитъ его тѣло, руки и ноги; если-же она противится или задѣняется по хозяйству, мужъ колотитъ ее палками и стегаетъ плетьюми. Въ

свою очередь, нѣкоторыя жены обращаются съ своими крѣпкими (рабынями) очень жестоко, въ особенности когда замѣтятъ, что ихъ мужья оказываютъ вниманіе имъ и входятъ въ связь съ ними; тѣ должны терпѣть побоев хозяйки, потому что не имѣютъ права отказать въ любовныхъ прихотяхъ хозяйки...

Вслѣдствіе того, что родители безусловно распоряжаются судьбою своихъ дочерей, выдавая ихъ замужъ безъ ихъ согласія и нерѣдко за противныхъ людей, за какого-нибудь урода, въ расчетъ получить хорошую плату за невѣсту,—жены, за рѣдкимъ исключеніемъ, ненавидятъ и презираютъ (тайно) своихъ мужей и вступаютъ въ тайную связь съ любовниками, что, впрочемъ, трудно скрыть, а потому мужъ, въ свою очередь, получивъ отвращеніе къ своей молодой и красивой женѣ, беретъ собѣ еще другую жену или выискиваетъ любовницъ между женами своихъ однопочевниковъ.

Взоры молодыхъ туркменскихъ дамъ обращаются преимущественно на щеголей въ красномъ шелковомъ костюмѣ или на почетныхъ лицъ; на заступничество послѣднихъ отъ истязаній мужа онѣ вполне рассчитываютъ, и готовы были-бы броситься въ объятія любовника въ присутствіи всего народа, но „стыдъ удерживаетъ“; впрочемъ, онѣ не стѣсняясь бесѣдуютъ съ своими матерями и подругами о своихъ любовныхъ интрижкахъ и пожденіяхъ,—вѣдь и тѣ, въ свою очередь, не безгрѣшны: между туркменками рѣдко найдется женщина безъ укора въ этомъ отношеніи; часто тотчасъ-же послѣ свадьбы молодые уже высматриваютъ собѣ постороннихъ любовныхъ связей. Нѣкоторые туркмены за деньги готовы свести тайкомъ и русскаго съ туркменскою красавицею (а онѣ еще нѣжнѣе поглядываютъ на насъ, чѣмъ на своихъ) достойнѣйшій мой спутникъ открыто имѣетъ любовницу-туркменку и ея аулъ очень спокойно относится къ такому событію.

Нѣкоторые туркмены даютъ своимъ дѣтямъ образованіе, которое, впрочемъ, въ большей части случаевъ ограничивается умѣньемъ прочесть молитву изъ курана за упокой души усопшаго, называемую „яснѣ“, которую онъ и читаетъ по смерти своего отца, по временамъ на могилѣ его или дома, и именуется „муллою“ (грамотнымъ). Рѣдко кто изъ дѣтей получаетъ болѣе обширное духовное образованіе и воспитаніе; такіе образованные

отличаются тѣмъ, что сидятъ всегда „прилично“ на обѣихъ колѣнахъ, очи ихъ опущены долу, больше глубокомысленно молчать, отвѣчаютъ тихо, къ духовнымъ особамъ относятся съ высокими почтеніемъ и пр.

Когда тюркенка или тюркенъ умретъ, ея или его тѣло моютъ теплою водою, — въ первомъ случаѣ двѣ постороннія женщины, во второмъ — двое мужчинъ; послѣ умыванья рукъ, ногъ, ушей и рта по тѣмъ-же приемамъ, какъ совершается омовеніе живыми передъ намазомъ, покойника кладутъ на кусокъ бѣлаго полотна, величиною немного побольше его роста, и, покрывъ его такимъ-же другимъ кускомъ, связываютъ концы полотенъ у ногъ и изголовья его, а затѣмъ обтягиваютъ его еще двумя кусками полотна, нѣсколько короче первыхъ, и, не связывая ихъ концовъ, обтягиваютъ третьимъ слоемъ полотенъ, еще меньшихъ размѣровъ, а потомъ обвязываютъ его полотнянымъ кушакомъ и, положивъ тѣло на палазъ, выносятъ его на дворъ, гдѣ уже приготовлены деревянные носилки, вродѣ лѣсенки, на которые кладутъ покойника, и по прочтеніи молитвы: „Азъ салатъ дженаза“, несутъ его на кладбище: мулла впереди, народъ — сзади. Могила устраивается такъ: посрединѣ вырытой ямы, въ сажень длиною и по два аршина въ глубину и ширину, роютъ еще другую, узкую и въ ростъ покойника, называемую „алхадъ“, куда и кладутъ покойника, лицомъ на юго-западъ или г. Меккѣ; противъ немного открытаго лица прищипливается къ стѣнкѣ бумажка съ молитвою: „кокрякъ-дуа“ и покойникъ закрывается до верху своего узкаго пристанища дощечками, на которыя настилагся сѣно или трава, послѣ чего засыпаютъ всю могилу землею, а у изголовья ея ставятъ вертикальный камень съ надписью имени покойника; впрочемъ, иногда дѣло обходится и безъ надгробнаго камня.

Возвращаясь съ похоронъ, родственники и друзья покойнаго, при приближеніи къ его кибиткѣ, плачутъ и, закрывъ лицо руками, кричатъ: „эй-вай-эй!“ Тѣмъ-же плачемъ и криками ихъ встрѣчаютъ оставшіеся дома прочіе его родные, и всѣ вмѣстѣ входятъ въ „чадыръ“, т. е. въ приготовленную къ этому времени около его кибитки палатку, устланную палазами. Сюда собирается весь аулъ, и мулла, прочитавъ „фатихъ“, уговариваетъ родство покойнаго плакать, послѣ чего близкіе люди угощаются

варенымъ или жаренымъ *однимъ* только бараномъ, причеиъ поминается покойникъ.

Черезъ три дня рѣжутъ трехъ барановъ, и на поминки созывается весь аулъ; черезъ семь дней опять рѣжется нечетное число барановъ: 3, 5, 7, 9 или 11 и болѣе, что зависитъ отъ состоянiя; народъ ѣстъ и опять поминаетъ.

Мужская половина родныхъ покойника не входитъ въ его кибитку втеченiи 39 дней послѣ смерти, а сидитъ и спитъ въ палатѣ, что называется держать трауръ; на сороковой-же день рѣжется баранъ, готовится ашъ съ бараниной и приглашается на поминки народъ, который долго и убѣдительно уговариваетъ скорбящихъ забыть горе и войти въ кибитку жить; тѣ входятъ туда съ плачемъ и крикомъ: „эй-вай-эй!“ Палатка ломается, присутствующимъ разносится ашъ съ бараниной, который тѣ ѣдятъ и читаютъ молитвы. Послѣ этого поминки повторяются ежегодно одинъ разъ.

Въ случаѣ посѣщенiя кибитки покойнаго тѣми изъ его родственниковъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не были въ аулъ во время его смерти, погребенiя и поминокъ, ихъ встрѣчаетъ прочая родня съ плачемъ и криками: „эй-вай-эй!“, а мулла читаетъ „аядъ“, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ.

Если оставшияся дѣти законнаго происхожденiя, т. е. отъ обвѣнчанныхъ матерей, то наслѣдство дѣлится такъ: изъ денегъ — третью часть получаютъ дочери, 10 или 15% — вдовы, остальное дѣлится поровну между сыновьями, которымъ въ полномъ составѣ отходитъ и отцовская земля; но если тюремень женатъ на купленной имъ служанкѣ и безъ вѣнчанiя, тогда она называется: „таляфи-ознеки“, и дѣти ея, куны, лишаются права на наслѣдство отъ своего отца — ига. Новая одежда покойнаго раздается обыкновенно бѣднякамъ, а часть денегъ и вещей — отзывается мулламъ.

Между тѣмъ, бесѣдуя, мы обошли окрестности аула, въ 100 саженьяхъ отъ котораго на степной глади возвышается легкiй бугоръ съ нѣсколькими шестами, изукрашенными разноцвѣтными лоскутками изъ старыхъ одеждъ покойника и его родни. Этотъ

курганчикъ, называемый „ювуха“ (загѣна могилы), воздвигнуть въ воспоминаніе какого-то добродѣтельнаго ямуда, пользовавшагося при жизни почетомъ и уваженіемъ народа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было его жилье; при этомъ съ погребальной церемоніей кладется старая одежда покойника на землю, а надъ нею насыпается бугоръ, увѣнчанный шестомъ съ флагами или лоскутками, тѣло-же его переносится на общее, старое кладбище сребробугорцевъ, расположенное въ 15-ти верстахъ отсюда, на бугрѣ Кюра-Сун, что у Гургени.

Отсюда мы направились къ развалинамъ кирпичнаго одноэтажнаго медресе, служившаго вмѣстѣ съ тѣмъ и каравансераемъ для богомольцевъ и пріютомъ — для бѣдняковъ, но персидское правительство, заподозрѣвъ въ этой скромной постройкѣ грозное укрѣпленіе противъ себя, ворвалось сюда ночью въ 1863 г. въ лицѣ своего военнаго министра Супе-Саларъ съ 12 тыс. сарбазовъ, который разрушилъ и разграбилъ его и, боясь туркменъ, въ ту-же ночь ушелъ во-свои; въ немъ уцѣлѣли три келіи или комнаты, въ которыхъ теперь никто не живетъ, между тѣмъ онъ былъ выстроенъ съ самою скромною, благотворительною цѣлью однимъ замѣчательно хорошимъ и умнымъ туркменомъ.

Не далеко отсюда стоитъ другой маленькій кирпичный домикъ съ камышевою крышею, внутри наполненный туркменскими произведеніями, назначенными для отправки въ Хиву. Я уже упоминалъ о караванномъ пути между ямудами и Хивою; здѣсь прибавлю только, что туркменская торговля вообще находится въ младенческомъ состояніи, ибо и сами туркмены еще младенцы, а постоянная междоусобица разныхъ племенъ съуживаетъ ея размѣры еще болѣе, и только ата и шейхъ, благодаря своему священному происхожденію, гарантирующему ихъ отъ насилій пречихъ племенъ, безпрепятственно ведутъ свою мѣвовую торговлю по всей степи и служатъ какъ-бы посредниками между враждующимъ населеніемъ ихъ, что дало имъ возможность ознакомиться съ каждою тропинкою и каждымъ колодеземъ въ пустынь; они могутъ отлично исполнять обязанности проводниковъ въ пустынь.

Въ пятомъ часу вечеромъ, когда мы возвращались берегомъ Гургени на барказъ, къ кибиткамъ гнали съ пастбищъ скотъ; здѣсь были одnogорбые верблюды средняго роста, нѣсколько ко-

ровъ, барановъ и лошадей и два ишака (ослика). Цѣна верблюду здѣсь 50 р., осла 9 руб., коровы отъ 20 до 30 руб., барана отъ 1 р. 50 коп. до 3 р. 60 коп.

Какъ коровъ, такъ и быковъ здѣсь мало; послѣднiе преимущественно доставляются ямудскими подрядчиками на Ашуръ-аде, для убоя (въ пищу морякамъ), по 15 р. за штуку и дешевле.

Цѣна рабочихъ лошадей отъ 20 до 30 руб., а верховныхъ колеблется между 150 р. и 300 р., но прекрасныя текинскiя лошади доходятъ до 3,000 р. Вообще туркменскiя лошади, составляя самое видное богатство кочевниковъ, славятся на всемъ Востокѣ силою, быстротою, способностью переносить недостатокъ пищи и воды, и, пожалуй, своею красотою.

Какъ на сухомъ пути ямудъ ловко управляетъ лошадью, такъ на водѣ—своей лодкой. Мы подошли къ вытасченному на берегъ челноку, по мѣстному русскому названiю—кулазь, а по-туркменски—„тахмилъ“, длиною въ 1 саж., а шириною 1½ аршина; онъ выдолбленъ изъ ствола персидскаго дуба, но дѣлается также и изъ ольхи, съ полукруглымъ дномъ, а къ бортамъ его прикрѣплено по одной доскѣ ребромъ; тутъ-же валяются два весла, схожiя съ нашими.

На такой неустойчивой двухъ-весельной лодкѣ отважные и искусные моряки-ямуды нерѣдко выходятъ въ море; бывали примѣры, что на подобномъ челнокѣ они переплывали его отсюда на островъ Ашуръ-аде и обратно (по 3½ часа хода на паровомъ барказѣ).

Кулазы, предназначенные для морскихъ разбоевъ, несравненно устойчивѣе, вмѣщаютъ въ себѣ до 12 человекъ и снабжены однимъ парусомъ, который подымается искусными гребцами при малѣйшемъ вѣтрѣ. Такiе кулазы называются „каубками“.

Третiй родъ туркменскихъ лодокъ, называемыхъ „кизбой“, составляютъ большiя кусовныя одномачтовныя съ двумя парусами, поднимающiя грузъ до 1,000 пудовъ и 6 человекъ, служатъ преимущественно для перевозки товаровъ, нефти, соли и вообще влады, а иногда на нихъ отправлялись разбойничать въ открытое море; онѣ такъ легки на ходу, что при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ обгоняютъ наши паровые барказы.

II. Огородниковъ.

(Окончанiе будетъ.)

ВЪ ЛѢСУ.

Всюду блескъ, куда ни взглянемъ,
На землѣ и въ небѣ чистомъ.
Въ лѣсъ пошелъ я утромъ раннимъ,—
Хорошо въ лѣсу тѣнистомъ!

По травѣ густой, зеленой,
Межъ кустовъ, цвѣтущихъ пышно,
Молчаливый и влюбленный,
Пробираюсь я не слышно.

Если-бъ можно сбросить годы,
Снова стать былымъ малюткой!..
Въ этой хранилѣ природы
Все ласкаетъ слухъ мой чуткой.

Все—цвѣты, деревья, птицы,
Все—любви моей причастно—
Въ честь ея, моей царицы,
Пѣснь любви поетъ согласно...

Милый другъ! со мной вездѣ ты,
Ты слѣдишь за мной уврадкой...
Вотъ глядитъ она въ просвѣты
Лѣса темнаго такъ сладко.

То потупится, то взглянетъ
Такъ, что сердце надорвется;
И зоветъ меня, и манитъ
Въ глубь лѣсную, и смѣется...

Слышу—шепчетъ мнѣ: „Припомни
Дней минувшихъ общанья.

Вспомни, другъ мой милый, что мнѣ
Говорилъ ты въ часъ прощанья.“

Да, я помню, помню все я...
При послѣдней нашей встрѣчѣ
Я, надъ гробомъ милой стоя,
Говорилъ такія рѣчи:

„Безъ тебя, моя родная,
Не могу на свѣтѣ жить я.
О минувшемъ вспоминая,
Доживу-ль я до забытья?—

Вѣчной скорбью сердце сжато.
Что мнѣ въ жизни улыбалось,—
Все съ собою унесла ты,
Лишь любовь моя осталась.

И теперь къ тебѣ я скоро
Поплыву съ любовью прежней
Въ океанѣ томъ, который
Неба синяго безбрежнѣй.

Мы забудемъ всѣ печали
Въ свѣтлый часъ той новой встрѣчи“...
Такъ шептала я—и мигали
Мнѣ въ повязкахъ черныхъ свѣчи.

Ты лежала, другъ мой чистый,
Холодна на ложѣ жесткомъ,
Какъ въ лѣсу смолой душистой,
Пахло ладаномъ и воскомъ...

И. Суриковъ.

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXII.

Нянива клятва.

Никому осень не принесла такого горя, какъ Алешѣ. Демка былъ разсчитанъ. Срокъ его найма кончился и за нимъ въ Спасы пріѣхалъ Степанъ, дворникъ. Демка торжествовалъ, усаживаясь въ телѣгу рядомъ съ отцомъ, въ новыхъ большихъ сапогахъ и совершенно новомъ суконномъ армякѣ съ необыкновенно длинными рукавами. Армякъ и сапоги были по выговору заработаны Демкою пятимѣсячными трудами въ званьи подпаска. Еще въ первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ на своихъ плечахъ плоды собственнаго заработка и не могъ теперь скрыть переполнявшаго его чувства гордости. Объ Алешѣ Демка совсѣмъ не думалъ. Алеша тайкомъ подарилъ ему на прощанье такихъ вещей, которыя вовсе не были нужны Демкѣ, и во время сборовъ Степана стоялъ, спрятавшись за наружную дверь дѣвичьяго крыльца, обливаясь слезами. Ему казалось, что изъ Спасовъ увозятъ его собственную смѣлость, силу и веселье. Вотъ тронулась Степанова телѣга по глубокимъ колеямъ грязнаго проулка, Демка кричалъ что-то рабочимъ, со смѣхомъ провожавшимъ его изъ скотной избѣ.

— Ишь ты, чижижъ! Нарядился словно дѣдъ! Чего грибомъ усѣлся? Это онъ по невѣсту собрался... шутили ему вслѣдъ.

Но въ сторону хордитъ, къ двери, за которой рыдалъ Алеша,

Демка не обернулся ни разу. Онъ уже весь былъ на своемъ родномъ постояломъ, загадывалъ, какъ выростъ его черный бычекъ, какъ ему обрадуется цѣнная сука, какихъ орѣховъ наберетъ онъ въ лѣсномъ оврагѣ завтра съ ребятами.

— Прощай, Демка! кривнуль сквозь слезы Алеша своимъ тонкимъ и слабымъ голосомъ, невольно высовывая изъ-за двери свои мокреные глаза. Но кованная телѣга стучала и гремѣла, и Демка ничего не слышалъ.

Миссъ Гукъ была чрезвычайно недовольна въ этотъ день разсѣянностью Алешы и оставила его вечеромъ безъ чаю. Когда всѣ пили чай, Алеша сидѣлъ одинъ въ темномъ углу и болѣе страстно, чѣмъ когда-нибудь, вспоминалъ свое братство съ Демкой и таинственныя, очаровательныя странствованія съ нимъ по камышамъ.

— Алексѣ дѣлается въ деревнѣ все болѣе и болѣе дикимъ. Его необходимо отдать въ казенное заведеніе, рѣшительно сообщила Татьянѣ Сергѣевнѣ миссъ Гукъ.

— Ахъ, да, милая миссъ, я давно замѣчаю въ немъ какой-то мизантропизмъ, съ грустнымъ вздохомъ созналась генеральша. — Ума не приложу, куда помѣстить бѣднаго мальчика. Ему необходимъ болѣе мужской надзоръ, а это чувствую...

Изъ всѣхъ жителей спасскаго дома у Алешы теперь остался одинъ другъ сердца—старая его няня Афонасьевна. Только съ ней онъ говорилъ вполне откровенно, ей вѣрилъ и ее любилъ. Добрая, глуповатая старушка, высохшая, какъ страстная верба за иконою, была еще нянькою стараго генерала, и потомъ, по преемству, стала няней всѣхъ его дѣтей по очереди. Хотя Алешу увезли отъ нея въ Петербургъ 4 лѣтъ и онъ почти совсѣмъ забылъ свою няню, но сама старушка ежедневно со вздохомъ и слезами поминала своего меньшого выхоженца втеченіи всѣхъ долгихъ лѣтъ его петербургской жизни, и когда Алеша возвратился въ Спасы четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, она встрѣтила его тѣми-же ласками, тѣми-же сказками, какъ въ былые годы, не вѣря ни его возрасту, ни его новымъ потребностямъ. Алеша сразу вспомнилъ няню и сразу ее полюбилъ. Прежде всего онъ полюбилъ ее за то, что няня съ перваго-же дня возненавидѣла „Букшу“.

— Были у насъ завсегда губернанки и при старомъ баринѣ, и французенки, и нѣмки, а такой ехидны никогда не бывало, поясняла няня Алешѣ. — Она и на человѣка хрещенаго не похожа,

слова одного по-людски не скажетъ, ходить, какъ обморъ страшный или истуканъ турецкій, да только знай гложетъ ребенка, знай гложетъ. Кикимора заморская, прости Господи!..

Няня Афонасьевна была необыкновенно смирна и уживчива. Никогда народъ не слыхалъ отъ нея обиднаго слова, никогда ни съ вѣмъ она не заводила никакой исторіи. Но съ пріѣздомъ „Кукши“ богомольная и кроткая няня просто взбѣленилась. Терпѣла, терпѣла и, наконецъ, не выдержала. Случилось, что миссъ Гукъ взялась, по обычаю, пилить Алешу за его утреннюю вылазку изъ дома; Афонасьевна сидѣла тутъ-же на стулѣ въ дѣтской и своими полуслѣпными, слезящимися глазами молча слѣдила, какъ бѣгали спицы ея чулка. Вдругъ ея руки, сухія и темныя какъ моши, задрожали, чулокъ со спицами упалъ на полъ и старый подбородокъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ. Но встать съ мѣста старушка не могла, хотя и пыталась.

— Да положить-же мнѣ лучше голову во сыру землю, чѣмъ видѣть обиду своему дѣтищу! завопила она не своимъ голосомъ.— Что это ты надъ робенкомъ, взаправду, юродничать выдумала? Али на тебя, наемщицу, и управы нѣтъ? Что ты кругомъ его душеньки, какъ змѣя подколодная, обвилась? Что ты его, ехидна, сокомъ сосешь? Не на то я свою робенка день и ночь выхаживала, куска не доѣдала, чтобъ каждой проходимѣй заморской надъ нимъ ломаться. Уйди ты отъ него, постылая! Слышь, уйди! Я не посмотрю, что ты барыню нашу обошла, глаза обморочила. Даромъ старая, я те всѣ твои бѣлыя нѣмецкія выцарапаю, коли отъ мово Алешечки не отступишься! Слышь, отступись! Не заѣдай его, ужъ и то домашая, въ чемъ только душа держится.

Алеша при этой неожиданной выходкѣ съ громкимъ плачемъ упалъ въ колѣни няни. А миссъ Гукъ такъ испугалась и удивилась этому внезапному бѣшеному нападенію тихой старухи, что поспѣшно ушла изъ комнаты и даже не рѣшилась пожаловаться генеральшѣ.

Съ тѣхъ поръ ея нога не была въ дѣтской и она проходила мимо няни, словно не видѣла ее. Алеша-же съ этого случая весь предался нянѣ.

Нянина педагогія была очень проста. Она была убѣждена, что „робенку“ нужно дѣлать все, что ему по душенькѣ, и что „нудить робенка“ грѣшно и вредно. Подъ эти два правила она

подводила всё свои поступки. Бывало, Алеша пожалуется, что животъ болитъ—дадутъ ему слабительнаго, посадятъ на діету, запрутъ въ теплой комнатѣ. Нянь станетъ жалко ребенка, что его нѣмка томить „попусту“, пойдетъ въ свою кѣтку и принесетъ ему подъ фартукомъ ситную лепешку съ творогомъ.

— Скушай, родимецъ, на здоровье, это ничего; въ ѣдѣ никакой вреду нѣтъ; отъ хлѣба—сила, а безъ хлѣба и здороваго хвороба возьметъ.

А то лежитъ Алеша въ жару, на столѣикѣ микстуры, миндальное молоко, голова въ примочкахъ; докторъ строго приказалъ ничего не брать въ ротъ, кромѣ цыпленка и ложечки саги на мадерѣ. Алеша мечется, квасу нить просить. Посидитъ, посидитъ при немъ Афонасьевна, станетъ ей жалко „ребенка“, пойдетъ и выпроситъ у ключницы троечку моченныхъ антоновскихъ яблочек со льда, а Алешѣ принесетъ ихъ въ мѣдномъ рукомойникѣ, будто воду.

— На яблочка, откуси, Алешечка, яблочко-то жаръ вышьетъ, отъ головы оттанетъ, совѣтуетъ она въ то время, какъ воспаленный желудокъ Алеша жадно глотаетъ холодную кислоту яблочекъ.

Черезъ няню Алеша могъ доставать рѣшительно все, что ему запрещали. Няня иначе не считала-бы себя его няней.

— Мало ихъ тамъ мучаютъ ребенка! съ малства—таки мальскаго за всякія книжки сажаютъ, и за нѣмецкія, и за французскія,—кому-же и побаловать ребенка, говаривала она въ отвѣтъ на укоризны Татьяны Сергѣевны.—Губернанки, матушка, наше дитѣ не пожалѣютъ, губернанка нонче здѣсь, а завтра ищи ее, ей что чужое дитѣ? А намъ, матушка, нужно самимъ свое дитѣ наблюдать. Долго-ли ребенка заморить?

— Старуха! куда-жь ты это Алешу увела? сердится иногда генеральша по жалобѣ миссъ Гукъ.—Развѣ можно такъ ребенка портить! Миссъ Гукъ оставила его безъ гулянья за лѣность, а ты вытащила его гулять... Пожалуйста, не позволяй себѣ здѣсь распоразаться, я вовсе не желаю, чтобы ты по-своему умичала...

— Ничего, матушка, тутъ худого нѣтъ, — ребенка погулять, твердо отвѣчала въ этихъ случаяхъ Афонасьевна.—День-деньской за книжкой сидитъ, голова угорить. А что агличанка на Алешечку злобствуетъ, такъ ей, матушка, намъ потакать нечего. Ея волю дай—она его грязью сгрязеть... Она ему ненавистница...

— Ну, ну, городи тамъ вздоръ всякій, старая; ты ужь, кажется, изъ ума совсѣмъ выжила, недовольно останавливаетъ ее генеральша.— Я тебѣ разъ навсегда говорю, не смѣй нарушать распорядженій миссъ Гукъ... Чтобъ это въ послѣдній разъ... А то я ушлаю тебя опять въ твою избу...

— Ну ужь, сударыня, власть ваша! еще рѣшительнѣе заявляетъ Афонасьевна.— А робенка свою на съѣденіе Кукшѣ не отдашь!.. Нѣтъ, она у меня сперва подавится... Диву только, сударыня, мы всѣ даемся, что это вы на нее смотрите? Ужь нонче не барыня-генеральша наша въ домѣ хозяйка, а Кукша-агличанка! Что это она у васъ съ дѣтьми-то вашими дѣлаетъ? Только въ стулѣ не толчетъ... Дѣти-то ваши, сударыня, а не агличанкы..

— Ну, ну, пошла, пошла, старая дура! Начала опять свою дребедень! крикнетъ Татьяна Сергѣевна, въ безсильномъ негодованьи удаляясь отъ Афонасьевны.

Какъ-то лѣтомъ Демка поймалъ въ просѣ перепелиху съ дѣтками и подарилъ ихъ Алешѣ. Алеша былъ внѣ себя отъ радости и только недоумѣвалъ, куда ему посадить своихъ птичекъ. Демка совѣтовалъ выпросить у повара клѣтку, низенькую и темную, обтянутую холстомъ, правда, не особенно чистоплотнымъ, но за то настоящую перепелиную. Но когда клѣтку эту Алеша, сія радостью, притащилъ въ свою комнату и повѣсилъ на вбитый нѣтъ гвоздь рядомъ съ полированной рамкою, въ которой красовалось расписаніе уроковъ, миссъ Гукъ была возмущена до глубины души.

— У тебя, Alexie, вкусы настоящаго уличнаго мальчишки! съ сдержаннымъ отчаяніемъ объявила ему миссъ,— и всѣ мои долготѣнія заботы сдѣлать изъ тебя благовоспитаннаго молодого человека, gentleman'a въ полномъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово у насъ въ Англии, не принесли никакого плода. Если это продолжится еще мѣсяца два, я складываю руки и совершенно отказываюсь отъ дальнѣйшей разработки твоего характера. Я сознаю, что эта великая неудача—наказаніе, ниспосланное мнѣ Провидѣніемъ, можетъ быть, за мою слабость относительно тебя... Неудача эта будетъ меня мучить до гробовой доски... Но она заслужена,—я сознаюсь въ этомъ. Я была слишкомъ снисходительна къ твоимъ необузданнымъ порывамъ. Теперь я убѣдилась, что ты не европейскій ребенокъ, а азіятскій дикарь.

Никогда миссъ Гукъ не говорила такъ долго и горячо. Татьяна Сергѣевна была приведена для засвидѣтельствованія поступка Алеши. Англичанка держала себя съ грустною кротостью, какъ бы подавленная безнадежностью. Татьяна Сергѣевна ужаснулась при видѣ грязныхъ тряпокъ и доводѣльныхъ прутиковъ, которые Алеша называлъ клѣткою и рѣшился повѣсить въ одной изъ комнатъ благовоспитаннаго спасскаго дона.

— Фуи, фуи, откуда это ты выпарапалъ такую отвратительную салную штуку? завопила Татьяна Сергѣевна, скрививъ самую нескромную гримасу. — Можно-ли таскать въ домъ всякую дрянь, которую ты видишь у деревенскихъ мальчишекъ... Прикажете ее сейчасъ-же вынести отсюда, миссъ Гукъ... сію-же минуту...

— Мамаша... тамъ мои перепелки...

— Такъ вотъ что, мой другъ: ты пересели своихъ перепелокъ въ зеленую клѣтку, что въ кабинетѣ твоего покойнаго папа... Ты имъ дашь болѣе приличную квартиру, шутиливо говорила Татьяна Сергѣевна, желавшая обойтись ласково съ Алешей.

Алеша напрасно усиливался доказать, со словъ Демки, что въ узкой проволочной клѣткѣ, со всѣхъ сторонъ открытой свѣту, нельзя сажать перепелокъ; Татьяна Сергѣевна совершенно не вѣрила его знакомству съ обычаями птичьихъ породъ и, считая его просьбы за обыкновенное упорство ребенка, распорядилась о переселеніи Алешинныхъ перепелокъ въ кабинетъ, поручивъ при этомъ и уходъ за ними лакею Виктору. Алешѣ было позволено самому ставить въ клѣтку блюдце съ зерномъ и банку съ водою, которыя Викторъ ежедневно долженъ былъ готовить и чистить для Алешинныхъ перепелокъ.

— Въ этомъ дурного ничего нѣтъ, что ты хочешь имѣть перепелокъ, мой дружокъ; но нужно все дѣлать какъ слѣдуетъ, не прозводя безпорядка, ласково объясняла Алешѣ Татьяна Сергѣевна. — Не нужно мѣшать его вкусамъ, милая Нелли, настоятельно говорила она, нѣсколько минутъ спустя, съ англичанкой. — Знаете, мы, женщины, не всегда можемъ постигнуть, чего требуетъ характеръ мужчины. Я даже очень рада, когда онъ привязывается къ какому-нибудь безвредному занятію. Все-таки это отвлекаетъ его сколько-нибудь отъ мизантропическаго настроенія духа, который въ немъ развивается... Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ внутренняя пустота...

Одна изъ перепелочекъ въ тотъ-же вечеръ издохла. Когда внесли свѣчи въ кабинетъ, перепелки въ испугѣ начали биться о кѣтку и одна изъ молодыхъ пробила себѣ голову. На другой день перепелокъ уже не было въ зеленой кѣткѣ. Татьяна Сергѣевна вспомнила о нихъ случайно, дней черезъ пять. Алеша сказалъ, что всѣ онѣ вылетѣли, потому что забыли закрыть дверцу. Но Алеша солгалъ. Перепелки сидѣли въ той-же грязной поваровой кѣткѣ, только не въ Алешиной комнатѣ, а въ няниной кѣткѣ.

Дружба Алеши съ нянею необыкновенно усилилась черезъ это обстоятельство. Няня была теперь словно въ постоянномъ заговорѣ съ Алешей. Ежедневно два раза Алеша бѣгалъ въ нянину кѣтку, иногда даже безъ нея, съ ея ключемъ, провѣдать и покормить свою охоту. Няня въ глубинѣ своего добраго сердца таяла отъ радости, чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ все тѣснѣе выростаеъ связь между нею и ея любимцемъ. У нея не было въ жизни никакой другой радости, и она иногда плакала слезами счастья, сидя въ своей полутемной кѣткѣ на постели, сдѣланной изъ ракитовыхъ сучьевъ, и любясь на бѣлогурую голову своего питомца, въ увлеченіи возившагося съ своими птицами. Когда уѣхалъ Демка и прекратились запретныя утреннія странствованія Алеши, весь міръ его помысловъ сосредоточился на няниной кѣткѣ. Тамъ жили единственныя существа, которыхъ онъ любилъ, которыхъ считалъ своими. Но эти бѣглыя вылазки въ нянино царство не могли производить на раздраженный духъ Алеши того утѣшающаго вліянія, какое производило на него лѣтомъ погруженіе въ природу. Съ наступленіемъ осени Алешѣ сдѣлалось особенно тяжело на душѣ. Всѣ мучившіе его сомнѣнія, порывы, вопросы оставались по-прежнему неудовлетворенными; чувство возраста говорило все сильнѣе, стѣсненія домашняго порядка дѣлались нестерпимѣе послѣ свободы теплаго времени. Ненависть къ людямъ, съ которыми онъ жилъ и которыхъ взгляды и вкусы были ему безусловно противны, — сдѣлалась теперь еще настойчивѣе. Алеша не разъ пробовалъ опереться духомъ на старую няню. Бывало ляжетъ къ ней головой на колѣни, закроетъ глаза и начинаетъ спрашивать обо всемъ: зачѣмъ мы живемъ, почему надо дѣлать такъ, а не иначе, отчего то, отчего другое. Онъ все думалъ, что няня можетъ вдругъ

сказать ему что-нибудь совершенно новое, чего онъ еще нигдѣ не читалъ и ни отъ кого не слышалъ и что будетъ гораздо вѣрнѣе всего этого. Но няня ничего не могла ему сказать, кромѣ вздо-ровъ, которые заставляли его молча улыбаться.

— Ты грамотный, сколько книжекъ переучилъ, скажешь въ заключеніе ему няня, — ты самъ больше моего знаешь. А я, дура, что знаю? Ужь теперь ты меня, старую, поучи, а я послушаю...

Сказки няни Алеша, правда, слушалъ, и иногда любилъ за-бываться ими, но весь этотъ міръ народнаго вымысла былъ такъ наивно-смѣшонъ и далекъ отъ вопросовъ жизни, что Але-ша просыпался отъ сказокъ съ чувствомъ новаго раздраженія. Ему было нужно совсѣмъ не то. Онъ жаждалъ не картинъ фан-тазіи, а глубоко-практическаго, во всему примѣнимаго, всеобъ-ясняющаго начала. Онъ почему-то твердо вѣрилъ, что гдѣ-то, у кого-то есть этотъ талисманъ, таинственное слово, которое сто-итъ произнести, чтобы тьма разошъ освѣтилась, непонятное сдѣ-лалось понятнымъ, безцѣльное уцѣло свою цѣль. Няня нерѣдко давалась диву, что ея Алеша пристаеъ къ ней съ разными чуд-ными вопросами; она сама не только не понимала ихъ, но даже не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь на ея вѣку, что изъ гос-подъ, что изъ простаго званія, когда-нибудь толковалъ о такихъ вещахъ, о которыхъ постоянно твердилъ Алеша. А она видала разныхъ письменныхъ людей, поповъ и монаховъ. Афонасьевна стала, наконецъ, смекать, что Алеша испорченъ, и сейчасъ-же заключила, что испортить его было некому, какъ „Кукшъ-агли-чанкѣ“. Когда послѣ этого Алеша заговаривалъ съ няней на свою любимую тему, бѣдной старушкѣ становилось жутко, словно въ присутствіи нечистой силы. Она чуть рукой не отмахивалась отъ непонятныхъ и нечистыхъ словъ, которыя съ такимъ груст-нымъ выраженіемъ произносила ея питомецъ. Ей чудилось, что эти напущенныя, дурныя слова живутъ внутри Алеша и со-сутъ его сердце, какъ глисты. Оттого-то ея Алешечка такъ ху-дѣетъ и блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ. Старушка торопливо крестила закрытыя вѣки Алеша и досадливо говорила ему:

— Не говори ты этихъ словъ, Алеша; это ты не свои слова говоришь, а „его“ слова, нечистаго духа. Это на тебя агличанка напустила.. Перекрестись, родимецъ, да прочти „да воскреснетъ

Богъ“ три раза, вотъ и пройдетъ. Отъ этой молитвы всякая нечистота отпадетъ. Она изъ огнемъ жжетъ.

— Нѣтъ, бабуся! этого никто на меня не напускалъ, съ грустною покорностью скажетъ Алеша, улыбаясь своими блѣдными губами и не отрывая глазъ.—Это я самъ все думаю. Ты когда-нибудь думаешь, бабуся?

— Зачѣмъ-же ты думаешь, Алешечка? съ внушительною строгостью скажетъ Афонасьевна. — Не надо думать никогда. Какъ-разъ умъ за разумъ зайдетъ. И Богъ этого не любитъ. Мнѣ пощъ сказывалъ, больше нѣтъ грѣха, какъ дума. Коли, говорить, одолѣла тебя дума, значитъ нечистый въ тебѣ. Сейчасъ, говорить, твори молитву, поддержи постъ.

На Воздвиженъе Татьяна Сергѣевна съ Лидочкой и всѣми дѣтьми должна была ѣхать на именины къ Каншинымъ. Алеша зналъ объ этомъ наканунѣ и рѣшился притвориться больнымъ. Ничего онъ не ненавидѣлъ такъ глубоко, какъ свѣтскія отношенія и свѣтское притворство. Татьяна Сергѣевна сначала хотѣла остаться сама дома, пославъ къ обѣду Лиду съ Борей и гувернанткой, но Алеша объяснилъ, что ночной жаръ у него почти совсѣмъ прошелъ, что онъ чувствуетъ себя только немного слабымъ. Рѣшено было оставить его на попеченіе Афонасьевны.

Какъ только карета повалилась по проулку, Алеша ужъ былъ на ногахъ. Цѣлый день свободы и покоя, ожидавшій его впереди, былъ такою радостью для него! Онъ съ особеннымъ чувствомъ цѣловалъ на прощаніе руку матери, обнялъ Лиду и даже почувствовалъ что-то доброе къ миссъ Гукъ. Послѣ путешествія съ Демкой для него не было лучшаго праздника, какъ отѣздъ родныхъ. Главнымъ мотивомъ Алешиной радости было общаніе няни, давно взятое съ нея Алешей, обѣдать съ нею въ клѣтѣ. Для этого торжества ждалось только отѣзда большихъ. Хотя Афонасевну очень тревожило опасеніе, что барыня узнаетъ о ея продѣлкѣ, да и сама она нѣсколько возмущалась мыслию, какъ посадить барчука въ мужицкой избѣ за мужицкій столъ, однако, не имѣла силъ отказать убѣдительнымъ просьбамъ Алеши. Въ двѣнадцать часовъ она пришла въ хоромы и, не возбуждая подозрѣнія горничныхъ, увела Алешу съ собою, будто для гулянья.

Клѣтка няни носила только званіе клѣтки, потому что была вы-

строена среди другихъ кѣтокъ дворовыхъ, за людскими избами. Въ сущности-же это была маленькая рубленая хатка, съ небольшою печью, такъ что Афонасьевна могла проводить въ кѣтѣ даже зимой по нѣскольку часовъ. Нянина кѣтка всегда была убрана очень опрятно; постель постлана чистая, земляной полъ выметенъ, на столѣ бѣлая скатерть, два сундука въ порядкѣ уставлены другъ на дружку и прикрыты коврикомъ, а въ маленькомъ трехугольномъ шкапчикѣ, прибитомъ въ углу стѣны, хорошо пережитая чайная посуда, графинчики и разныя другія вещи, попадавшіяся не у всякаго двороваго. Противъ единственнаго окошечка висѣла теперь кѣтка съ перепелками. Афонасьевна любила молиться Богу въ своей кѣтѣ, и передъ ея фольговыми иконами, украшенными сухими астрами изъ господскаго цвѣтника, вербами и страстными свѣчками, почти постоянно горѣли лампадки.

Алеша чувствовалъ необыкновенный миръ на душѣ, очутившись въ этой тихой, полутемной келейкѣ, съ своею доброю старушкой и своими милыми перепелками. Варвара, племянница няни, имѣла кѣтку рядомъ съ ней и считалась няниной наслѣдницей; она-то варила ей въ необходимыхъ случаяхъ, стирала на нее и помогала во всемъ. Варвара и теперь угощала няню съ Алешей, наварила имъ куриной похлебки съ саломъ, наварила большой горшокъ пшонной каши на молокѣ и вынесла изъ погребеа творогу со сметаной.

— Чайку-то будешь пить, Алешечка, я-бъ самоваръ приказала наставить? спросила няня, когда они кончали обѣдать.

— Непремѣнно будемъ чай пить, бабуся, непременно, говорилъ Алеша, котораго приводила въ восторгъ мысль, что онъ будетъ пить чай не изъ ненавистныхъ ружъ англичанки. Обѣдать и пить чай у бабуся — это сказка на яву. Никто въ домѣ не знаетъ, что онъ здѣсь, и поваръ Михайло готовить ему кушанье, не подозрѣвая, что онъ давно покушалъ съ гораздо большимъ аппетитомъ и удовольствіемъ няниной пшонной каши на топленомъ молокѣ.

— Варварушка, сбѣгай за самоваромъ къ Ивлию Денисычу да попроси угольковъ... вздуй намъ самоварчикъ... распорядилась бабуся.

Только-что Варвара стала возиться съ принесеннымъ отъ Ив-

лія нечищеннымъ самоваромъ, раздувая огонь голенищами сапога своего Петрухи, какъ въ дверь влѣти вошелъ, сгибаясь, высокий и худой Ивлій.

— Будь здорова, бабка! сказалъ онъ своимъ серьезнымъ голосомъ, перекрестившись сначала на иконы. — Ты ко мнѣ за самоваромъ присылала, такъ пришелъ къ тебѣ чайку напиться; побалуй чайкомъ меня, старика.

— Садись, батюшка, садись съ Богомъ... ласково отвѣтила Афонасьевна. — Вотъ Варварушка самоваръ сейчасъ наставитъ, чайку тебѣ солью.

— Ишь ты, и барченокъ тутъ у тебя! удивился Ивлій, присаживаясь къ столу. — Будь здоровъ, барчукъ! Хоть оно ты и не великъ воробушекъ, а я долженъ тебѣ почтенье сдѣлать, потому ты сынъ хозяйскій, а я хозяину слуга. Такъ по писанію нужно, хозяевъ своихъ почитать и соблюдать добро ихъ, чтобы не быть рабомъ нерадивымъ.

Алеша всегда смотрѣлъ на Ивлія съ смутнымъ чувствомъ не то страха, не то благоговѣнія. Онъ давно слышалъ, что Ивлій ведетъ строгую жизнь, не ѣстъ мяса, не пьетъ вина, не говоритъ дурныхъ словъ и читаетъ по ночамъ святыя книжки. Онъ зналъ, что и Татьяна Сергѣевна, и Иванъ Семенычъ были необыкновенно довольны службою Ивлія; въ амбарахъ и кладовыхъ у него было постоянно все чисто и на строгомъ счету; рабочихъ онъ поднималъ до зари съ непобѣдимую настойчивостью и держалъ ихъ въ послушаніи. Алешу не разъ мучило любопытство поглядѣть, что дѣлаетъ Ивлій въ своей каморкѣ, окно которой было какъ-разъ противъ оконъ Алешиной комнаты. Часто вечерами скучающій Алеша входилъ въ свою темную комнату и пристывалъ глазами къ стеклу, вглядываясь въ темную ночь. Вонь пылаютъ краснымъ пожаромъ окна прачечной, гдѣ прачка Марина съ своими двумя помощницами собирается буквъ бучить. Въ скотной едва мерцаетъ ночникъ и скоро тухнетъ. Всѣ огни тухнуть рано, гораздо раньше, чѣмъ подадутъ ужинъ въ домъ. Только въ каморкѣ Ивлія, на углу длинныхъ каменныхъ службъ, долго какъ глазъ горитъ среди ночи одинокій огонекъ. „Что это онъ все читаетъ и зачѣмъ это ему?“ шевелилось въ головѣ Алеши. Няня сообщала, что Ивлій ведетъ святую жизнь, что онъ постникъ и богомолецъ, что въ горницѣ его много толстыхъ

книгъ, тѣхъ самыхъ, что поны въ церкви читають, и что онъ наизусть знаетъ всё акафисты.

— Какъ ни войдешь, какъ ни войдешь, сочувственно вздыхала няня, — все читаетъ. Вздѣнетъ это очки, зажжетъ восковую свѣчку — и читаетъ. Съ сальной свѣчкой никогда читать не станетъ. Сказку, говорить, можно съ сальной свѣчкой читать, ничего, а божественное, говорить, съ сальной свѣчкой грѣхъ читать, потому сало изъ стервы, изъ дохлятины, а церковная свѣчка изъ чистаго меду пчелинаго, въ ней вонь медовая, Богу пріятная, а въ салѣ вонь ноганая. Онъ вѣдь по-божественному все знаетъ, что твой попъ. Старый-то попъ Матвѣй, можетъ, и знаетъ съ его, ну, а новый-то, молодой Сидоръ — наврядъ до него дойдетъ. То-то, Алешечка, грамота до чего доводитъ! съ сокрушеннымъ вздохомъ заканчивала Афонасьевна. — Грамота и въ царство небесное проведетъ, потому грамотному все извѣстно, чему святые отцы насъ учили и что по божественному писанію пишется, а безъ грамоты — что ночью въ потемкахъ!

Приходъ Ивлія разбудилъ въ Алешѣ цѣлый строй мыслей, давно въ немъ бродившихъ. Его ужъ не занималъ болѣе нянинъ чай. Чай потерялъ свою поэтическую прелесть, когда уединенье было нарушено. Влѣдная, старческая фигура Ивлія съ жидкими, сѣдыми волосами и бородой, съ глубокими морщинами на лицѣ, съ глазами, глядѣвшими строго и пронизательно изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, подавила воображеніе Алеши и совершенно овладѣла имъ. Нянина келья теперь приняла въ его глазахъ уже другой видъ. Что-то монашеское, грустное и тяжелое проглянуло во всей обстановкѣ: мертвенная чистота и неподвижность предметовъ, печальный полусвѣтъ, старческія фигуры въ темныхъ одеждахъ, обѣ на краю гроба...

— Это хорошо, старуха, что ты праздники чтить, празднику лампадку засвѣтила, одобрилъ Ивлій, глядя на иконы. — Празднику честь, а душѣ твоей спасенье. Ты тутъ лампадку образу, а животворящій крестъ за тебя Господу молитву подаешь.

— Завсегда, батюшка, у меня празднику лампадка теплится, отвѣчала Афонасьевна; — на послѣдній грошъ маслаца прикажу купить, а ужъ угодниковъ Божіихъ не обижу. Сама не могу, больна когда слягу, Варварѣ своей прикажу, а ужъ всегда за-теплю.

— Это ты какъ слѣдуешь поступаешь, старуха. Оттого и въ горницу твою войдешь — душа радуется, видишь, что христіанское жителство, благочестное. А по народу тебя завсегда хвалю. Про тебя худо сказать нечего: старуха ты безобидная, не пересудница, не замутиха, дурнымъ словомъ не ругаешься. И о думѣ своей помнишь. Я вѣдь человека насквозь вижу, заключаю Ивлій, останавливая вдругъ на Алешѣ свой суровый взглядъ.

Алеша задрожалъ отъ этого неожиданно вперившагося въ него взгляда. Ему показалось, что Ивлій, дѣйствительно, насквозь видитъ все, что у него на душѣ, всѣ его смутные, темные помыслы.

Ивлій не безъ намѣренія всматривался въ Алешу. Помолчавъ, не сводя съ него глазъ нѣсколько минутъ, старикъ вдругъ сказалъ:

— Вотъ и тебя, барченокъ, я всего вчистую вижу, словно ты передо мною на ладоньѣ лежишь! Я каждому человеку могу предвѣненіе его открыть, потому мнѣ отъ Бога это дано за мое пощенье. Только часа смертнаго открыть не могу, затѣмъ что въ писаніи сказано: „не вѣсте бо дня и часа, въ оны-же сынъ человѣческій придетъ“.

— Развѣ кто-нибудь можетъ знать будущее? съ робкимъ сомнѣніемъ и еще болѣе робкой усмѣшкой замѣтилъ Алеша.

— Кому Господь покажетъ, Создатель небесный, тотъ и можетъ знать, съ строгою убѣдительною подтвердилъ Ивлій.— А безъ Господа знать этого никто не можетъ.

— Охъ, охъ, охъ! вздохнула, пригорюниваясь, Афонасьевна и слѣпые глаза ея наполнились слезами.— Такъ-то вотъ и я грѣшная... Спать-то ложисься, ужась беретъ: ну, Господь смерточку пошлетъ, не сподобившись святыхъ таянь. Смерть нешто скажетъ тебѣ, когда придетъ... Я, положимъ, и сорочку смертную себѣ сготовила, и на покрывало купила, и попу за похороны въ бумажку отложила... Говорю такъ-то своей Варварушкѣ: ну, Варварушка, какъ помру, отцри ты мой сундучекъ и вынь оттуда что слѣдуетъ, чтобы все было честно, по закону христіанскому; крещеному человеку не собакой издыхать...

Алешѣ всю душу коробило казнимъ-то горькимъ и тяжелымъ чувствомъ отъ этого незнакомаго ему могильнаго разговора. Чтобы

свернуть на другой предметъ, онъ спросилъ Ивлія нерѣшительно, улыбаясь:

— Ну, такъ если ты знаешь, скажи, что со мной будетъ?

Старикъ пристально смотрѣлъ на него и думалъ.

— И-и, Алешечка! къ чему это о судьбѣ своей загадывать? встревожась, вступилась Афонасьевна; — ничего изъ этого хорошаго не будетъ. Только мечтанье на себя напустишь.

— Нѣтъ, бабка, ты его не смущай! произнесъ торжественно Ивлій.— Ты въ этомъ дѣлѣ ничего не можешь понимать, потому ты баба глухая и человекъ къ тому-же темный, божественному писанію не умѣешь. А я тебѣ объявлю вотъ что: сей единый отъ малыхъ будетъ взысканъ отъ Господа, поселится въ сердцѣ его духъ Божій, яко во храминѣ горней, и изгонитъ врага рода человѣческаго... потому, я вижу, алчетъ сей отрокъ не дьявольскаго брашна, а Господна!

Алеша сидѣлъ весь блѣдный, слушая эти пугавшія его и почти непонятныя слова, въ которыхъ ему чудился зловѣщій смыслъ и которыя казались ему еще страшнѣе отъ глухого и вмѣстѣ торжественнаго голоса Ивлія. Такимъ голосомъ, слышалъ онъ, читается глубокою ночью псалтырь по покойникѣ, среди большихъ церковныхъ подсвѣчниковъ, надъ гробомъ съ бѣлымъ покрываломъ, изъ-подъ котораго таинственно обрисовывается прикрытая имъ страшная фигура. Алеша страннымъ образомъ никогда не останавливался мыслию на вопросахъ религіи. Среди книгъ, которыя онъ читалъ, ему даже случайно не попалось ни одной книги строгаго религіознаго содержанія. Онъ, конечно, училъ катехизисъ и священную исторію сначала у петербургскаго священника, потомъ у шишовскаго учителя, но относился къ этимъ занятіямъ такъ-же поверхностно, формально и безучастно, какъ относились къ нимъ сами учителя. Почти всѣ дѣти относятся холодно къ официальному изученію закона Божія по урокамъ и съ проставленіемъ отиѣтокъ. Но во всемъ этомъ было такъ мало связи съ жизнью Алеша, столько случайности и машинальности, что Алешина мысль, несмотря на все возбужденіе свое, никогда еще ясно не устремлялась за своими поисками въ область вѣрованій. Алеша чувствовалъ, что эта область для него темна, какъ ночь, и вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно боялся ея какъ ночи. Религія, церковь были нераздѣльны въ его воображеніи съ мыслию о смерти.

— Вижу я, нѣтъ покою у тебя на душѣ и нѣтъ здравія въ тѣлѣ твоёмъ, продолжалъ между тѣмъ Ивлій послѣ нѣкотораго молчанія.—А отчего нѣтъ? Оттого нѣтъ, что не тверда твоя вѣра. Утвердись—и покой обратишь; дастъ Господь лику твоему благолѣпіе и удашь твоимъ силу.

— Какая вѣра? шепталъ Алеша, отдаваясь подавляющимъ его впечатлѣніямъ.

— Вѣра какая? А та самая, въ которую ты крещенъ. Знаешь ты, въ чью ты вѣру крещенъ, али не знаешь? грозно и громко спрашивалъ Ивлій.

— Конечно, знаю... Въ православную, греко-восточную... старался оправиться Алеша, совсѣмъ забывшій, что передъ нимъ сидитъ ключникъ Ивлій Денисовъ, и грезя, что онъ на судѣ какого-то неумолимаго ветхозавѣтнаго пророка.

— То-то православную, перебилъ опять Ивлій. — Въ Христову вѣру ты крещенъ, вотъ въ какую! Крещенъ крестомъ Христовымъ, Христу и служи, а не міру. Знаешь, какъ угодники божіи Христу служили?

— Угодники? Я знаю многихъ угодниковъ... Николай угодникъ, Митрофанъ угодникъ... а какъ они Христу служили—я не знаю, мнѣ никто не говорилъ, отвѣчалъ Алеша.

— Наставники твои не пастыри добрые, а наемщики лукавые, коли они тебя тому не научили, какъ душу свою спасти, сказалъ Ивлій.—Мірское поминали, а о небесномъ не помышляли. Хочешь, возьми у меня книжку—преподобнаго Макарія Сардскаго житіе. Отъ сей книжки большую благодать и вѣры утверждение получишь. Будетъ тебѣ сладка паче меду... У меня вѣдь всякія книжки есть. Тѣхъ книжекъ ты у другого не найдешь, потому собиралъ я ихъ своей душѣ на спасенье, отъ древнихъ благочестивыхъ людей, что и въ живыхъ давно нѣтъ, по разнымъ странамъ, по разнымъ городамъ... Такія есть дивныя, что самаго великаго грѣшника въ кротость приведутъ. Нѣсть имъ цѣны... Ангельскія писанія, а не человѣческія.

Алеша безсознательно глоталъ нянинъ чай, уставясь своими встревоженными глазами въ суровые глаза старика.

— Мірской человѣкъ чреву своему служить, продолжалъ Ивлій,—а не душу спасаетъ. Коли-бы памятовалъ человѣкъ всегда муки геенскія, грѣшникамъ уготованныя, то отвергся-бы міра

и прильпился ко Христу. А человекъ этого не помнитъ, потому князь власти воздушной по міру аки левъ рыщетъ, искій кого уловить, ну и мутитъ человекъ; разбѣянье на него посылаетъ. Читалъ ты о хожденіи по мытарствамъ Федоры праведной? Я знаю, что не читалъ. Матерь твоя большихъ чиновъ и званья большого, противъ всѣхъ тутошнихъ помѣщницъ, говоритъ нечего, а ума въ пей мало, что дѣтище свое родное силъ некрещеной препоручила. Развѣ пѣрки во Христа вѣрують? Нѣвки тебя ко Христу не приведуть, а приведуть къ діаволу.

— Извѣстно, басурманки! вздохнула сочувственно Афонасьевна. — Что нѣмецъ, что жидъ—все одно; всѣ по-собачьи лопочуть.

Алеша уже давно не смотрѣлъ на Ивлія; блюдечко съ чаемъ давно уже запаталось въ его дрожащей рукѣ, и онъ сидѣлъ теперь, оставивъ свой чай, прижавшись къ няининому плечу. Словно тяжкій кошмаръ налегъ вдругъ на его грудь, и ему грезилось, что передъ нимъ какой-то страшный сѣдой колдунъ выпускаетъ на него вмѣсто словъ тучи страшилищъ.

— И какъ помянешь, продолжалъ Ивлій, уже ни на кого не смотря и разговаривая словно самъ съ собою, — какъ помянешь грѣхи свои несчетные, блудъ и сражня рѣчи, и человекуюгодіе, и чревоугодіе, и заповѣдей Господнихъ поношенье, сердца своего злобу и корысть, ближняго осужденье, нищаго забвенье, сираго оставленье...

— Охъ-охъ-охъ! стонала Афонасьевна, безнадежно качая своей трясущейся старой головой и проливая горькія слезы въ уголокъ своего ковроваго платка.

— ...И возьметъ тебя трепеть несконный, продолжалъ опять Ивлій. — И праведному трудно спастись, „кольми паче грѣшнику“, сказано въ Апостолѣ. Вопросить тебя на страшномъ судѣ Господнемъ праведный Судія — и не обрѣтешь отвѣта, яко ногой не обрѣтаетъ одѣянья. И скажетъ тебѣ Судія: сіи, праведные, на землѣ страдали Христа ради, — тѣмъ бо я уготовалъ царство небесное, а сіи, грѣшницы, на землѣ жили въ весельи, плотоугодіи и праздности, Христа позабывши, — тѣхъ бо я уготовалъ діаволу на мученіе вѣчное. Охъ, страшная тьма кровѣшная, идѣ-же червь не усypяетъ и огонь не угасаетъ! вдругъ заключилъ Ивлій, самъ переполняясь ужаса и порывисто вставая съ мѣста. — Пойду по-

молюсь, прочитаю акафистъ Богородицѣ, а то трудно сдѣлалось душенькѣ.

Онъ три раза перекрестился на иконы, шепча молитву, и пошелъ къ двери.

— Спасибо, старуха, за твое угощенье. Будь здорова, будь и ты здоровъ, барчукъ. Ужд помолюсь за тебя Алексѣю человѣку божьему. Онъ те милость пошлетъ, сказалъ Ивлій, сгибаясь своей высокой фигурой въ низенькую дверочку кѣлти.

XXIII.

Молотья.

— Пойдемте на гумно, mesdames, говорила Лида, — мама говоритъ, нынче станутъ пшеницу молотить. Теперь сухо, отлично погулять... Мамочка, пойдешь съ нами?

— Непремѣнно, непременно пойду! серьезно отвѣчала генеральша: — Я вѣдь, mesdames, даромъ-что петербургская барыня, люблю во все сама вникнуть... Нашъ милѣйшій Иванъ Семеновичъ преспособный человѣкъ, я это признаю въ немъ и вполнѣ ему довѣряю, а все, по русской пословицѣ, „хозяйскій глазокъ — смотрокъ!“ прибавила Татьяна Сергѣевна съ лукавымъ подмигиваньемъ.

— Мама, а можно не одѣваться? безъ шляпокъ идти? перебила ее Лида. — Варя, Надя, берите зонтики, идемте... Alexis, гдѣ ты? Хочешь съ нами гулять?

Надя съ сестрами была въ это утро въ гостяхъ у Лиды. Дѣвицы шумною и яркою толпою высыпали на дворъ, поджидая Татьяну Сергѣевну. Алеша тоже былъ съ ними.

Будемте кататься съ соломы, mesdames! веселымъ попуткомъ увѣдомляла всѣхъ Лида. — Вы катались когда-нибудь съ соломы?

— О, мы постоянно катаемся съ соломы! отвѣчала Надя съ увлечениемъ. — Только у насъ ключникъ, Михѣй, большой ворчунъ: какъ увидитъ, что мы катаемся, сейчасъ начинаетъ браниться... Говорить, ометы обиваемъ.

— О, нашъ ключникъ тоже ужасный ворчунъ, я его терпѣть не могу, подхватила Лида. — Смотритъ какимъ-то инквизиторомъ...

Знаете, это во всеобщей исторіи были инвизиторы. Вѣдь вы учили всеобщую исторію?.. Такой странный... все лампы зажигаетъ и читаетъ псалтырь въ очкахъ... Я его ужасно боюсь... А все-таки никогда не слушаюсь и всегда катаюсь съ соломы, за-ключила Лида съ звонкимъ хохотомъ.

Татьяна Сергѣевна вышла въ шляпѣ, перчаткахъ и бурнусѣ, опираясь на зонтикъ съ тростью; она едва поспѣвала своимъ тучнымъ, задыхающимся тѣломъ за проворною бѣготной дѣвицъ, которыя всю дорогу шептались, смѣялись и весело болтали. Только одинъ Алеша шелъ около нея задумчивый и молчаливый, внимательно вслушиваясь въ болтовню дѣвицъ.

— Ну, ты, мой отшельникъ, обратилась къ нему Татьяна Сергѣевна съ довольно необычною ласкою. — Что-жь ты не бѣгаешь и не играешь съ моими птичками? Nadine, вы ему ближе всѣхъ подъ пару, что вы его не расшевелите... Такая хорошенькая и молоденькая, да еще кузина, должна мертваго развеселить. Какъ ты думаешь объ этомъ, Alexis?

Алеша покраснѣлъ до ушей и до бѣлковыхъ глазъ и растерянно облизывался, усиливаясь улыбнуться.

— Нѣтъ, ma tante, я ничего не могу съ нимъ сдѣлать, съ серьезнымъ сожалѣніемъ отвѣчала Надя. — Я ужь приставала, приставала къ нему, стыдила его, что онъ такой нелюдимый, — онъ меня не хочетъ слушать... Онъ меня, кажется, считаетъ глупой дѣвочкой и больше ничего, добавила она съ доброй улыбкой.

— Вотъ еще! вспыхнулъ Алеша, окончательно сконфуженный. — Никогда я васъ не считаю... Развѣ я васъ могу считать?.. Вы сами знаете, что это неправда... Зачѣмъ-же вы говорите?

— Mesdames, вы знаете, что онъ мнѣ ежедневно читаетъ мораль, какъ дурно наряжаться, и совѣтуетъ поступить въ сестры милосердія, безпечно хохотала Лида.

— Ты все лжешь, Лида, съ досадою отговаривался Алеша. — Я тебѣ никогда этого не совѣтовалъ... А, конечно, противно смотрѣть, какъ взрослая дѣвушка только и возится, что съ ленточками да кружевцами.

— Охъ, Господи! Какъ мы разгнѣвались, продолжала Лида тѣмъ-же шутливымъ тономъ. — И нашъ философъ умѣетъ гнѣваться... Вѣдь правда, mesdames, философъ долженъ быть все-

гда спокоенъ... и вѣжливъ, особенно съ дѣвцами... Слышите-ли, monsieur Alexis? дополнила Лида, лукаво смѣясь.

— Я ничего не слушаю, что ты врешь, и прошу тебя не обращаться во мнѣ! рѣшительно отвѣчал Алеша.

— Mon cher, ты-бы хоть поцеремонился немного въ своихъ выраженіяхъ при матери и при постороннихъ дѣвушкахъ! съ внушительнымъ неодобреніемъ замѣтила Татьяна Сергѣевна. — Я начинаю замѣчать, что твоя нелюдимость обращается въ какую-то дикость и ты совершенно теряешь манеры ребенка хорошаго дома. Все это очень хорошо, всё тамъ твои мечтанія и увлеченія, но всему есть время и границы. Сестра изъ участія къ тебѣ старается отвлечь тебя отъ твоихъ странностей, а ты отвѣчаешь ей дерзостями, которыя не употребляются въ порядочномъ домѣ. Все это можетъ идти какому-нибудь Демкѣ, въ которомъ, кажется, ты видишь свой идеалъ, но никакъ не тебѣ. Благодаря Бога, ты получилъ не такое воспитаніе, чтобы подражать мужиченкамъ.

Алеша не отвѣчалъ ни слова и шель молча, понурившись. На гумнѣ была цѣлая война. Новая огромная рига, такъ не во время затѣянная Иваномъ Семеновичемъ, была, наконецъ, отстроена; четырехконная американская молотилка поставлена и пущена. Сквозь шесть настежь отворенныхъ воротъ риги выносились клубы пыли, шумъ и грохотъ. Въ полутьмѣ, сквозъ вѣдую пылъ, неясно мелькали потныя лошади съ соломенными пучками при ухахъ, тяжело, но дружно ворочавшія огромное, скрипучее колесо привода. Мальчишки, сидѣвшіе на водилахъ, орали на лошадей и махали хвостинами изъ всѣхъ своихъ силенокъ. Колеса и блоги вертѣлись съ глухимъ гуломъ, ремни сновали, желѣзные зубья барабана щелкали и мелькали съ неувимой быстротой. Весь задъ риги былъ заваленъ снопами, усиливавшими темноту; высокой работникъ, почернѣвшій отъ пыли, съ головой, перевязанной платкомъ, сильными и частыми взмахами совалъ въ барабанъ тяжелые снопы, которые бабы подносили ему сзади. Туча пыли, зерна, хоботьевъ, перебитой соломы выскакивала съ другой стороны изъ разинутой желѣзной пасти, обдавая собою кучку бабъ, проворно разгребавшихъ солому. Точно какое-то ненасытное зубастое чудовище безостановочно пожирало и выплевывало снопы за снопами.

— Гони, гони жестче! отчаянно покрикивалъ на погонщиковъ рослый задавальщикъ, обливаясь грязнымъ потомъ, и его пронзи-

тельный, на версту слышный свистъ покрывалъ на мгновение шумъ колесъ и крики мальчишекъ.

— Погоняй, не зѣвай! Не рви рывомъ, бери вагомъ! поддерживалъ его хриплый, но властительный голосъ ключника Ивлия. И лошади, и бабы рвались изъ силъ, ходепемень-ходили грабли, то-ропливо отгребая кучи соломы, ежеминутно выроставшія предъ зѣвомъ барабана.

Худощавая, по завязтая маленькая бабенка, перегнувшись вдвое, залѣпляемая, будто дробью, тучами вылетаиваго зерна и пыли, работала подъ самымъ барабаномъ, снуя, какъ юла, своими проворными граблями. Штукъ шесть другихъ бабъ перехватывали отъ нея солому, взбивали и ворошили ее, проскребали невѣянное зерно, отгребали его въ кучу. Двѣ молодки въ башмакахъ и цвѣтныхъ платьяхъ, стоявшія съ носилками въ воротахъ риги, въ сторонѣ отъ пыли, едва успѣвали относить солому въ ометь.

— Ну, ну, бабы! ободрялъ Ивлий, переходя отъ однѣхъ къ другимъ. — Раструсывай хорошенько, не тащи волокомъ!

На двухъ токахъ шла такая-же ожесточенная война цѣпами; тамъ били гречиху. Народу согнали гибель, чтобы разомъ покончить съ молотью. Саянки въ клѣтчатыхъ паневахъ, однодворки въ миткалевыхъ рубашкахъ и манистахъ, господскія — въ красныхъ суконныхъ сарафанахъ и замашныхъ рубашкахъ, — все были начнаны на токи. Разбивъ копны по просторному току въ десять веревокъ, разноцвѣтная и разноголосая толпа бабъ переливалась по очереди отъ одного края тока къ другому. Высоко взмахивали въ воздухѣ десятки цѣповъ съ мотающимися билами, высоко взлетали туда-же тучи зерна и хоботьевъ и дождемъ сыпались сверху. Будто крупною дробью чистили цѣпы по сухому току. Съ этимъ глухимъ и сухимъ стукомъ сливался въ одинъ сплошной гулъ безостановочный говоръ и смѣхъ молотильщицъ, разносившійся словно съ базарной площади, въ воскресный день, на-далеко кругомъ. Суровая, рыбая фигура старосты Тимофея, въ новомъ синемъ армякѣ, какъ подобаетъ старостѣ, въ высокой поварковой шляпѣ, съ длинной палкою въ рукѣ — мужицкимъ символомъ почета и власти — распоряжалась на току.

Сколько ни заговаривали съ нимъ веселыя молодки, какъ ни пытались втянуть его въ немолчную бабью перепалку, не поддавалась бабьимъ уверткамъ каменная натура Тимофея.

— Ну, вы, сороки, полно стрекотать... Бей жостче! покрикивалъ онъ въ отвѣтъ на заигрыванье бабъ. — Части, части цѣпнуть!

— Эхъ, Тимофей Федоровичъ! кричала на весь токъ Аспазія сола Пересухи, веселая и разбитная однодворка Фекла, въ аломъ кумачевомъ сарафанѣ и аломъ платкѣ съ длинными концами на головѣ. — Что ты все „но“ да „но“! „Но“ -то мы давно слышали, а „тпру“ что-то не слышать.

— Ишь ты гладена выискалась! неодобрительно отвѣтилъ Тимофей. — На такихъ кобылахъ возы въ губернію возить, не то что гречиху молотить. Только глаза продрала, ужъ „тпру“ захотѣлось... Я тѣ дамъ „тпру“! видѣла вотъ эту орѣшинку! добавилъ Тимофей, легонько приподнявъ свою орѣховую палочку.

— И что ты, Федорычъ, такой-таки сердитый! равнодушно продолжала Фекла, не прерывая работы. — У меня, братъ, у самой руки голодеи; я вотъ слыхивала отъ людей, что и у орѣшинки два конца...

— Оба и обобью объ тебя, объ демона! Ты у меня на току не хозяйничай! грозился Тимофей.

— Дѣвки! должно нибто изъ васъ не поласкалъ дядю старого... весело обращалась между тѣмъ Фекла къ своимъ бабамъ. — Ишь онъ всталъ-то не весело, рычить что Сѣрка цѣпной...

Тимофей уже былъ на другомъ концѣ тока и не слышалъ любезностей Феклы.

— Чего пристала, подумаешь, къ человѣку! зацѣпила Феклу старая хозяйка Ивана Мелентьева, сердитая баба низенькаго роста, черная, какъ арапка, и сухая, какъ копченый сельдь. — У, безпутная! Онъ таки начальный человѣкъ есть поставленъ. Чего брехать безъ пути... Онъ тебѣ не дѣвка.

— Опять-же и старичекъ онъ у насъ, бабы, смиренный, подержала Арицу другая баба, изъ спасскихъ.

— Ужъ такой смиренный! подхватила Фекла. — Спать, дѣвки, ляжетъ — голосу не слышать!

— Васъ, однодворокъ, не учить — вы снопа путемъ не обобьете, говорили наперерывъ спасскія и пересухинскія бабы. — У васъ по четыре бабы на загонъ выходятъ, десятины въ день не свяжутъ. Однодворческа работа извѣстна!

— Али вы на насъ, цуканьши, работаете? огрызнулась Фекла,

поддержанная своими однодворцами.— Я тебя, лягушку, на всякую работу задавлю. Съ чего и работать-то вамъ, дивлюсь: круглый годъ щи пустыя хлебаете, на великъ день только солицей посыпаете. Вы, цуканьши, и духу-то мясного не знаете, какая она есть на свѣтѣ свѣжина.

— То-то вы за нашихъ ребятъ и норовите своихъ дѣвокъ отдавать, отстаивали себя господскія.— У васъ дѣвки-то въ миткалѣ ходять, а на гумнѣ всѣ мыши передохли, мышѣ покормить нечѣмъ.

— Ужъ это какая однодворка, что за цукана идетъ, за хама! кричали однодворки.— Самая какая ни есть лядая, что никто изъ своихъ брать не хочетъ, та-то развѣ за вашихъ пойдетъ. Наша кровь дворянская, а у васъ, цукановъ, кровь черная и жи-лы пенечныя!

— Должно, это про васъ и сложено: дворяны—пустые карманы, смѣялись спасскія.

На другомъ концѣ тока работа шла серьезнѣе. Приземистый мужикъ съ широкою костлявою спиной, въ бѣлой рубахѣ, насквозь мокрой отъ пота, и бѣлыхъ портахъ, ходилъ съ своими тремя бабами на крайней веревкѣ. Не поощряя бабьей стрелотни, нагнувъ, какъ вошь, косматую голову, онъ двигался вдоль веревки на своихъ крѣпко разставленныхъ ногахъ и жестоочно колотилъ цѣпомъ по снопамъ сухой, какъ червонецъ красной пшеницы, словно пытался въ черепки разбить самую землю.

— Бей больнѣй, бабы, жостче, жостче! поминутно кричалъ онъ, не подымая головы, не покладая рукъ.— Ладьте дружнѣй!

Бабы стали ладить цѣпами; споро и весело идетъ молотьба, когда начинаютъ ладить; валю и скучно, когда каждая бьетъ какъ попало, не въ таетъ другъ другу. Когда всѣ цѣпы большого тока ладятъ, на току идетъ чистая музыка. Молотильщику легче, хозяину радостнѣе. На одной веревкѣ недоставало четвертой бабы. Подошелъ Тимофей.

— Что вы, лядация, словно кошки лапками, цѣпами бьете? Того и гляди, цѣпы изъ рукъ повывалятся. У меня не лукавь, безъ воровства работать, а то и расчету не дамъ. Чего боитесь, не бойсь токъ не расколется...

— Да что, Федорычъ, дѣло наше скучное! жаловались бабы,—

Ишь мы на трехъ ногахъ ходимъ, и рады-бы ладить, да не съ кѣмъ. Сгони намъ четвертую...

Тимофей взялъ въ руку обитый снопъ.

— Ишь, каторжныя! только слава, что ходять! сердито кричалъ онъ, ощупывая колосья. — Вы мнѣ половину зерна въ солому занесете, прахъ васъ возьми. Совсѣмъ сноповъ не отбиваете, только сторнуете; отбивай лучше, сказываю вамъ, идолы... Да по гузнамъ проходите. Колосъ путанный, тамъ его въ гузнѣ страсть сколько. Вамъ только абы веревку сбить, полижете цѣпомъ по влоди, да и къ мѣсту... Вотъ постой, а вамъ уже дамъ расчесть.

Веревки всѣ побили, прошлись по два раза, въ третій отбили, стали трасти солому, сгребать зерно въ ворохъ. Человѣкъ двадцать погнали къ одонку таскать новые снопы. Два парня, взгромоздившись на высокій скирдъ, метали оттуда на разостланное внизу веретѣе грузные снопы, которые тотчасъ-же расхватывали бабы и парни. Смѣху и шутокъ поднялось пуще прежняго: то парень сверху намѣтитъ снопомъ въ какую-нибудь дюжю дѣвку, такъ что та запатается, то пойдетъ возня отнимать другъ у друга снопы.

— Дарочка, миленькая, отдай мнѣ тотъ-то снопъ, видишь, мои все развязанные, твой цѣленькій... Тебѣ Микитай хорошенькій сбросить, умильно пристааетъ бѣлокурая дѣвочка.

— Ишь ты, догадалась, умная! Я и то все разсыпанные носила, поносишь-ка и ты, убѣждаетъ Дарочка.

Парни, взадъ и впередъ сновавшіе вмѣстѣ съ бабами, ведутъ съ ними въ это время самую откровенную бесѣду.

— Гришь, а Гришь, поноси, родимый, за меня! шутить дѣвка, равняясь съ молодымъ малымъ, тоже съ снопами въ рукахъ.

— Бери мои, а я твои потащу! такъ ужь и быть! великодушно соглашается Гришка.

— У, разбойникъ! продолжаетъ дѣвка съ шутливымъ гнѣвомъ. — Обо мнѣ не старается, а Піашкѣ, небойсь, все таскает!

— Піашка сама обо мнѣ старательница! ухмыляясь, говоритъ Гришка. — Вѣдь вотъ я тебя попрошу, ты по-моему не сдѣлаешь.

— А, можетъ, сдѣлаю? на все гумно кричить дѣвка. — Ты попроси!

— И просить не стану, я вашу породу знаю! хладнокровно увѣряетъ Гришка. — Отъ васъ разживешься!

Дѣвка хохочетъ, что снопы трасутся.

— Что это ты Гришу нашего, голубушка, обижашь? вступаются мимоходомъ другія дѣвки. — Намъ его, сиротливаго, жалко... Гришутъ, а Гришутъ, ты съ ей не вяжись...

На все гулко идутъ остроуты и шутки. отъ которыхъ разбѣжались-бы, заткнувъ уши, зажури глаза, наши свѣтскія барышни. Но лапотница барышня прыжки не обижаться на своихъ лапотныхъ кавалеровъ. Только дружнымъ хохотомъ и такими-же безцеремонными шутками отвѣчаютъ онѣ на самыя безцеремонныя мужицкія шутки.

Тимофей уже подходилъ къ толпѣ зазѣвавшихся бабъ.

— Ишь, гладены, уставилась! Чего подперли хребтами одовокъ? Небойсь, не повалятся! Неси живо! На убой васъ, что-ли, кормить, демоновъ!..

Цѣлая вереница бабъ, по два снопа за плечами, потянулась къ току. Впереди всѣхъ шла рослая, румяная, широкоплечая Апроська, ступая своими дюжими ногами твердо и смѣло, какъ степная кобылица, незнающая упряжи; закинувъ за плечи свои здоровенныя руки, съ двумя тяжелыми и длинными снопами, локтями впередъ, она открыла свою высокую грудь, туго бившуюся въ обтягивавшей ее мяткалевой рубахѣ.

— Здравствуйте, бабочки! весело крикнула Лида, прыгая черезъ солому на токъ. — Вотъ и мы къ вамъ...

— Здравствуйте, барышня милая! здравствуйте, матушка барыня, отвѣтили тоже весело спасскія бабы. — Помогать намъ пришли?

— А вы думаете, мы-бы не съумѣли молотить? храбрилась Лида. — Вотъ еще! Еще какъ-бы молотили!

— И гдѣ-жь таки вамъ, барышня, голубчикъ, дѣломъ этимъ мужицкимъ заниматься! серьезно возразила Арина. — Ручки у васъ нѣжныя, къ работѣ непривычныя; это вотъ нашимъ пасконнымъ рукамъ—такъ! Ишь, какія корявыя стали, музоль на музоль! Ишь ты!..

Арина протянула Лидѣ свою худую, старую руку, всю загорѣлую и истрескавшуюся.

— Мѣста живого нѣтъ! жилы повытянулись, кожа потреска-

лась, позакоптѣла на пыли да на солнцѣ. А вѣдь тоже смолоду бѣлыя у меня были руки да пухлыя... Не хуже вонъ у той дѣвки, у толстой... у Апроськи...

Лида съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ, будто кости мертвеца, разсматривала бабью руку, изсохшую на работѣ.

— А Василій твой здѣсь, Арина? спросила Нада.

— Здѣсь, матушка, Надежда Трофимовна, здѣсь; нынче насъ всѣхъ, почитай, согнали. Ишь, сила стоитъ!

Лида уже была на срединѣ тока и схватила первый попавшійся ей цѣпъ.

— Бабочки! можно помолотить? Чей это цѣпъ?

— Можно, можно, барышня, что нужды! Изволь, побалуйся...

Лида неловко подняла цѣпъ и когда хотѣла опустить его, то онъ чуть не вырвался у ней изъ рукъ, било почти не моталось. Бабы и дѣвки съ удивленной усмѣшкой слѣдили за проказами Лиды.

— Барышня! да не такъ! ты замахнись имъ! совѣтовали ей кругомъ.

Лида попробовала замахнуться и чуть было не перекинулась назадъ; въ плечѣ у ней стало ломить отъ невѣрнаго взмаха. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; вторымъ взмахомъ цѣпа чуть не убила сосѣднюю бабу.

— Нѣтъ, барышня! это ты не по закону! со смѣхомъ говорила Фекла, отбирая у Лиды свой цѣпъ.—Ты вонъ глянь-ка, какъ мы молотимъ, да и приоровись сама...

— Не давайте ей въ руки цѣпа, бабочки, моей проказницѣ, шутиливо просила генеральша.—А то она вамъ весь хлѣбъ сразу перемолотить...

Бабы обрадовались случаю дать отдыхъ рукамъ и позвѣвать на барскіе наряды. Никто не принимался за работу; Тимофей не осмѣливался прервать барской бесѣды съ бабами.

— О, нѣтъ! это ужасно трудно! Я никакъ не думала, чтобъ такъ трудно было молотить! вскричала Лида, бросая цѣпъ и вся покраснѣвшая отъ усилій и смущенья.—Какъ это вы, бабочки, можете молотить такъ долго? Съ утра и до вечера?

— Дѣло наше такое, мужицкое, барышня: и рада-бы на печь, а надо за цѣпъ. За насъ, барышня, некому работать. Мы и за васъ работаемъ, и за себя работаемъ.

— Вотъ барышня-разумница, дай Богъ ей здоровья! вѣшлась вольнодумная Фекла.—И правду она говоритъ: нѣшто подь силу бабѣ такая-то работа? Руками машешь, машешь день-деньскою, какъ мельница вѣтряная, домой придешь — всѣ твои косточки болятъ. А мужикъ этого знать не хочетъ! Говоритъ, печку истопи, портки мнѣ помои, коровъ подой... Тимофей-то Федоровичъ развѣ рано отпустить, староста вашъ? Коровъ уже коню пору пригонять, а мы только цѣны владеть, идемъ солону убирать, вороха... Что-жь, я при немъ скажу...

— Нонѣ тебѣ не Петровки, сдержанно, но все-таки сурово замѣтилъ Тимофей.—День девять часовъ сталъ, успѣешь выспаться. Деньги съ господъ берешь хоть-бы и лѣтомъ, давай и работу выполняй. Тебѣ въ день пятнадцать копеекъ, другой пятнадцать —наберется порядкомъ. Ишь васъ туга какая нашла. Да каждый Божій день такъ-то.

— Какъ, мама? Только пятнадцать копеекъ? съ искреннимъ изумленіемъ вскрикнула Лида.—Неужели такъ дешево!

— Не говори этого при народѣ, остановила ее по-французски генеральша.—Ты должна понять, что ихъ точка зрѣнія совсѣмъ другая. Для бабы пятнадцать копеекъ—Богъ знаетъ какая сумма!

— Ужь мы и то просили Ивана Семеновича, подхватила между тѣмъ Фекла,—чтобъ хоть по двугривенничку на бабу положили. Ужь такъ-то мы-бы, барышня милая, старались вамъ. А то что пятнадцать копеекъ! Лаптей больше изобьешь...

— Въ своемъ горбу убытка не бываетъ! Пятнадцать копеекъ на печи не подынешь, философствовалъ Тимофей.

— Нѣтъ, мама, пожалуйста прибавь имъ; это невозможно — пятнадцать копеекъ! приставала по-французски Лида.—Позволь мнѣ сказать, что имъ прибавять. Это ужасъ, что за цѣна!

— Ма сдѣге, это не ловко; ты знаешь, что Иванъ Семеновичъ...

— Нѣтъ, я скажу, скажу! все настойчивѣе твердила Лида.—Голубчикъ, мамочка, я тебѣ всѣ ножки изцѣлую, пожалуйста позволь...

— Лиди, дружокъ, ты знаешь, я всегда съ удовольствіемъ облегчаю участь бѣдныхъ людей, слабо отбивалась генеральша.—Но вѣдь, согласишься, есть-же извѣстный порядокъ...

— Тагъ можно сказать, мама? Миленькая, ангелочекъ, я непременно скажу! Онѣ всѣ будутъ рады...

— Ахъ, какая ты несносная, Лиди; ты постоянно заставляешь меня плясать по своей дудкѣ и дѣлать всякій вздоръ...

— Послушайте, бабочки, я попросила маму, мама говоритъ, что она прикажетъ вамъ платить еще по гривеннику, объявила Лиди, вся сіяющая удовольствіемъ.—Правда вѣдь, мамочка?

— Ты, Лиди, приводишь меня въ отчаянье своею вѣтренностью и самовольствомъ, по-французски отвѣчала Татьяна Сергѣевна, и прибавила сейчасъ-же по-русски своимъ обычнымъ ласковымъ голосомъ:—Ну, что-жъ дѣлать, бабочки! Моя баловница хочетъ васъ побаловать. Ужъ попрошу Ивана Семеновича назначить вамъ по двадцати пяти копеекъ на день, хоть онъ и будетъ меня журить за это. Видите, бабочки, выросила себѣ дочку на свою шею...

— Вотъ благодаримъ покорно милую барышню и барыню старую, заговорили бабы.—На бабую нашу нужду намъ копеечку накинули. А мы ужъ работать вамъ постараемся.

Бабы были очень довольны; Лиди, Надя, всѣ Коптевы — и того больше. Генеральша чувствовала себя опять въ роли благодѣтельной феи и, стало быть, тоже была довольна.

Только Тимофей мрачно потягивалъ носомъ и хмурился на ржаной скирдѣ.

— Стало, и мужикамъ прикажете прибавить? спросилъ онъ черезъ минуту.

— Какимъ мужикамъ? за что? озадачилась генеральша.

— Таперича мужикъ получалъ двадцать копеекъ на день; мужицкую работу съ бабьей смѣнять не приходится; мужику надо тоже гривенникъ надбавить, увѣренно замѣтилъ Тимофѣй.

— Ахъ, да... Ну, конечно, конечно... само собою... говорила растерянная генеральша, только теперь догадавшаяся, что мужикъ получалъ на ея работѣ больше бабы.

— Ну, прощайте, бабочки! опять крикнула Лиди. — Хотите, я вамъ яблочковъ пришлю? у насъ сегодня мочать яблоки!

— Пришлите, барышня-голубушка! Намъ яблочковъ-то смерть хочется! кричали въ отвѣтъ бабы.—Въ садъ къ вамъ садовники не пускаютъ, купить не на што.

— Смотрите-жь, подѣлите хорошенько, я вамъ пришло три сотни.

— И на томъ спасибо, отвѣчала развязная Фекла, и сейчас-же прибавила, обращаясь къ бабамъ: — Вотъ, бабы, житье господамъ, подумаешь! Коли-бъ я была барыней, все-бы яблоки да пироги ѣла, и не смотрѣла-бы на хлѣбъ... Работы за ними никакой, только знай выбирай, какъ-бы послаже съѣсть да помягче лечь. Не то что намъ съ вами, бабы!..

Татьяна Сергѣевна была не особенная охотница до мужицкой философіи подобнаго рода и всегда имѣла на самомъ дурномъ замѣчаніи мыслителей и мыслительницъ, останавливавшихся на такихъ щекотливыхъ вопросахъ. Но такъ-какъ, по ея убѣжденію, простой народъ во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ слѣдовало вразумлять пословицами и изрѣченіями священнаго писанія, то она съ помощью этого духовнаго оружія поспѣшила направить помыслы бабъ на болѣе безопасный путь.

— Нѣтъ, бабочки милны, сказала она, тяжело вздохнувши, своимъ ласковымъ голосомъ. — Повѣрьте, что господамъ еще труднѣе чѣмъ мужичкамъ. Вы знаете, что сказано въ нашемъ священномъ писаніи, вотъ что священникъ читаетъ въ храмѣ Божіемъ: „кому много дастся, съ того много и спросится“... Вы много трудитесь тѣломъ, а мы должны трудиться головою, мы должны обо всемъ подумать, все рассчитать... О, это очень, очень трудно, бабочки... Но если Господь повелѣлъ, чтобы мы были господа, вы-бы были слуги, намъ нужно безропотно покоряться своему жребію.

— Вѣстимо такъ. Что Господь уставить, того намъ не переставлять, счель долгомъ подтвердить Тимофеей. — Отъ Бога и царя положено.

— Видите-ли, бабочки! продолжала Татьяна Сергѣевна въ приливѣ спасительнаго краснорѣчія. — Вотъ, наприѣръ, взять вашихъ крестьянскихъ дѣтей и нашихъ господскихъ. Ваши дѣтки живутъ себѣ — горя мало, только играютъ да веселятся, а наши дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ обязаны учиться разнымъ наукамъ, языкамъ. Вотъ Алеша мой ужь ученый-преученый сталъ.

— Одначе, барыня, господа-бы съ нами не помѣнялись, съ лукавымъ смѣхомъ уличала Фекла.

— Ну, тамъ растабарывай! Молоти, молоти! окоротилъ ее

Тимофей. — Тоже умная выискалась! Безъ тебя-то не слыхаль никто.

— Да что-жь не слыхаль? Барыня со мной говорить, я отвѣчать должна. Чего ты вскинулся? огрызалась Фекла.

Татьяна Сергѣевна сочла, однако, за лучшее не дослышать послѣднихъ словъ и, нешного сконфуженная, но все-таки сіяя своею доброю улыбкою, проходила далѣе.

XXIV.

Овуховскій лѣсъ.

Осаясь-праздникъ выдался ясный и тихій. Осень, только-что начинающая замирать, красива какъ весна и сердцу дороже весны. Никогда такъ глубоко и страстно не цѣнятся радости жизни, какъ на порогѣ старости, когда еще цѣла дозрѣвшая сила человѣка, но уже сердце щемитъ печальное предвкусеніе неизбѣжнаго подвига каждаго будущаго...

Полныя гумна хлѣба золотились на яркомъ, но уже не жаркомъ солнцѣ... Изъ садовъ пахло спѣлыми яблоками... Въ лѣсахъ, въ садахъ, по густымъ еще шапкамъ деревьевъ пробрызнули, какъ первая сѣдина, гдѣ блѣдно-золотые, гдѣ ярко-красные тоны, отъ которыхъ еще кудравѣе, рельефнѣе и красивѣе стали смотрѣть доживающіе лѣса... Звукъ охотничьяго рога, давно неслышимый, теперь нерѣдко будитъ морозный рѣдкій воздухъ осенняго утра. Отдѣлались хозяева отъ заботъ, освободились жнивья отъ хлѣбныхъ копенъ, подросли и понаѣлись на вольномъ корму пушистые зайцы... Въ лѣсу стало страсть хорошо!.. Виднѣе, прохладнѣе, живописнѣе... Нахолодѣвшее весеннее солнце вызываетъ изъ нахолодѣвшей земли бѣлоснѣжный цвѣтъ своихъ ландышей, лилій, терновника, груши и всякихъ другихъ бѣлоцвѣтущихъ деревьевъ.

Весна бѣла, розова и блѣдна, — и на лугу, и въ садахъ. Земля, упитавшаяся зноемъ лѣта, выдаетъ осеннему солнцу всю напряженную яркость своихъ красокъ: качаются на осеннемъ лугу крупныя, грубо-желтыя метелки пижмы, звѣробоя, коровяка, краснѣетъ до темнаго багрянца зеленый листъ деревьевъ, темная зелень рабины вспыхиваетъ какъ пожаромъ красными гроздами; такими-

же красными ягодами завеселили вдруг и шиповникъ, и бересклетъ, и калина, и бузина, и жимолость... Посмотришь въ кусты — тамъ цѣлыя плети красныхъ волчьихъ ягодъ, а въ травѣ — гдѣ когда-то дыпали своимъ миндальнымъ запахомъ бѣлыя колосики ландышей, робко торчавшіе изъ своихъ зеленыхъ покрывалъ, — тамъ теперь висятъ, словно сережки дорогого молочно-краснаго корала, ягоды ландыша — яркій осенній плодъ блѣднаго цвѣтка мая...

Суровцовъ вставалъ рано и, воспользовавшись праздникомъ, успѣлъ сходить съ ружьемъ въ Обуховскій лѣсъ... Ему не разъ приходилось поднимать тамъ въ это время равнинъ вальдшнеповъ, первыхъ вѣстовщиковъ начинающагося пролета. Однако, это утро онъ не только не нашелъ вальдшнеповъ, но даже не вспугнулъ подъ лѣсомъ ни одной перепелки; только подышалъ лѣснымъ воздухомъ и полюбовался на великолѣпныя лѣсныя перспективы, которыя всякій разъ приводили его въ юношескій восторгъ.

— Ахъ, жалко, не захватилъ карандаша съ альбомомъ! вѣрталъ онъ, вѣдаясь восхищенными глазами въ характерную группу старыхъ березъ, которую мгновенно уловило и оцѣнило его художественное чутье... Онъ старался запомнить главные удары свѣта и самыя выразительныя повороты вѣтвей, чтобы попытаться накидать дома эскизъ этихъ березъ... У Суровцова было особенно живое и сочувственное пониманіе природы. Гдѣ сухой и однообразный умъ не видалъ ничего достойнаго вниманія, тамъ тонкому художественному чутью Суровцова видѣлась неописанная красота.

Обуховскій лѣсъ былъ извѣстенъ и Силаю Кузьмичу подъ именемъ Обуховской рощи. Силай Кузьмичъ даже сильно жаждалъ купить его у генеральши на срубъ, потому что, какъ говорилъ онъ, „тамъ, таперича, такіе кражи страшныя, не токмо что на верен, на валы выйдутъ; а есть такіе, хоть ступы долби! По древнимъ временамъ роща, не по новѣшимъ; что доски тутъ напилишь, что кругляку порѣжешь на срубы!.. Одними полозьями да ободьями свои деньги выберешь“. Но Силаю Кузьмичу, безъ сомнѣнія, въ голову не приходило, что могутъ быть на свѣтѣ люди, которые бы смотрѣли на его „Обуховскую рощу“ такъ, какъ смотрѣлъ на нее его сосѣдъ Суровцовъ.

Суровцову лѣсъ представлялся чѣмъ-то живымъ и могучимъ, полнымъ могучихъ и живыхъ организмовъ. Всякое дерево имѣло въ глазахъ Суровцова свою опредѣленную и характерную физиономію... Онъ читалъ психологію ихъ въ изгибахъ вѣтвей, въ очертаніи ихъ листы. Вонъ тяжелая, желѣзистая, едва подвижная листва и словно стальной броней покрыты сѣрны, могучіе суки въ угловатыхъ поворотахъ; это дубъ. Онъ весь темень, суровъ и твердъ, какъ мужъ силы и опыта. Молодой ясенъ, напротивъ, веселъ и свѣтелъ, весь съвозитъ и взбитъ кверху какимъ-то легкимъ ярко-зеленымъ пухомъ; это чистый юноша, когда онъ еще полонъ счастливыхъ замысловъ и сверкаетъ радостью своей первой весны. У осины и стволъ, и листвя нѣсколько туманны, печально-сѣрны; въ ней много будничнаго, несчастнаго и много женскаго: хлопотливая, вѣчно лепечущая хозяйка, безъ расчетовъ на красоту и любовь... Куда ни взглядывалъ Суровцовъ, всюду новое выраженіе, новый характеръ. Вонъ бѣлокурая, мягкосердечная береза съ плачущими вѣтвями, распущенными, какъ вдовьи волосы. Вонъ ели, вытянувшіяся въ рядъ, словно траурная толпа гигантскихъ монаховъ въ черныхъ ризахъ, суровая и безмолвная; вонъ рябина, красная и пьяная, какъ ваеханка...

Обуховскій лѣсъ спускался грядою упругихъ, круглыхъ холмовъ въ тихую, почти всегда пустынную долинку, за которою поднимались такіе-же красивые, еще нераспаханные холмы, покрытые травомъ... Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ уголковъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушительной руки неразумнаго хозяйства. Изъ него еще не успѣли изгнать природы; дерево еще росло на немъ въ первобытной своей мощи и красотѣ, цвѣты цвѣли яркими коврами, стелились сочныя, обильныя травы, пѣли и гнѣздились птицы, и изъ безпріютной дали радостно намѣчалъ этотъ отрадный Божій пріютъ вольный звѣрь, трусливо скитавшійся по распаханнымъ людскимъ полямъ...

Полевая дорожка съ травянистыми колеями змѣйкою сбѣгала между холмами въ зеленую долину и вилась потомъ по изволоку лѣснаго ската черезъ лѣсъ въ село Суровцово.

Анатолій Николаевичъ лежалъ теперь надъ долинкою, не далеко отъ дороги, среди рѣдко разбросанныхъ сторожевыхъ дубовъ лѣса;

онъ опрокинулся затылкомъ на траву и съ безмолвнымъ наслажденіемъ впивался глазами въ синюю, знойную бездну. Земли ему не было видно; только угловатые изломы дубовыхъ сучьевъ кое-гдѣ заслоняли небо, которое еще ярче и глубже синѣло въ эти просвѣты. Изъ поднебесной дали долетало до него строгое и отрывистое карканье черной пары вѣроновъ, неспѣшно плававшихъ въ воздушной выси; грачи шумною и драчливою толпою суетились на вѣткахъ сосѣднихъ дубовъ, то обсыпая ихъ своей черной тучей, то вдругъ срываясь съ отчаяннымъ крикомъ и тревожно разлетаясь во всѣ стороны...

Вдругъ тихій шумъ колесъ по пыльной дорогѣ и фырканье лошадей послышались съ той стороны долины... Приподнявъ голову, Суровцовъ увидѣлъ коптевскую долгушу тройкой, спускавшуюся по дорожкѣ. Трофимъ Ивановичъ, Нада и всѣ сестры ея были на долгушѣ. Внезапное появленіе разноцвѣтной толпы людей и лошадей въ глухой зеленой пустынькѣ всегда производитъ странное впечатлѣніе.

Суровцовъ поднялся съ мѣста, подбирая свои охотничьи снаряды.

— Стой! вотъ кстати!.. Анатолій Николаевичъ! раздался знакомый грубый голосъ...

Тройка остановилась внизу и вся компанія съ веселымъ шумомъ разсыпалась по лѣсному свату.

— Здравствуйте, голубчикъ! на вальдшнеповъ поднялись? безъ церемоніи цѣловался съ Суровцовымъ Трофимъ Ивановичъ. — А меня вотъ эти егозы на старости лѣтъ гулять подмани... Растрясли такъ, что не вздохну... Завтракать въ лѣсу затѣяли...

Суровцовъ весело пожималъ руки обступившимъ его дѣвцамъ.

— Отлично, отлично! это, вѣрно, вы затѣяли, Надежда Трофимовна? говорилъ онъ, смѣясь.

— Да ужъ она обыкновенно поводитъ! ворчалъ Трофимъ Ивановичъ.

— Хорошо-жь это вы выдумали, безъ сосѣда сюда забираться! продолжалъ Суровцовъ. — А еще честное слово дали прислать тогда за мною.

— Мы ѣхали прямо къ вамъ! отвѣчала Нада, смотря въ глаза Суровцову своимъ яснымъ, безхитростнымъ взглядомъ. — Мы-бы васъ сперва захватили, а потомъ въ лѣсъ...

— Ахъ, такъ вы ко мнѣ... Какая досада!.. Нужно мнѣ было очень попадаться вамъ...

— Да вѣдь теперь ужъ все равно, мы нашли васъ! вмѣшалась Варя.—Крюку не будетъ... До васъ вѣдь еще добрыхъ четыре версты...

— Такъ-то такъ... а мнѣ досадно... Вы у меня ни разу не были, въ моемъ гнѣздѣ...

— О, мы непременно поѣдемъ къ вамъ! рѣшительнымъ голосомъ закричала Надя. — Вѣдь правда, папа? Мы давно общались Анатолю Николаевичу... онъ общалъ мнѣ показать свое рисованье...

— Коли не прогонитъ хозяйнѣ, заѣдемъ... Что-жъ такого? отвѣчалъ Трофимъ Ивановичъ. — Насъ много народу; мы и холостого не побоимся!

Компанія поднялась въ лѣсъ. Дѣвицы нарочно не взяли съ собою слуги, чтобы дѣлать самимъ все. Повытаскали изъ задняго ящика долгуши самоваръ, сковороды, посуду, всякую всячину. Оля, вторая сестра, была самая серьезная изъ хозяекъ; она приняла на себя главное распоряженіе и довольно строго разсылала Лизу, Дашу и Надю то за сухими вѣтвями, то въ ключъ за водой съ большимъ жестянымъ кувшиномъ, то полоскать посуду, то раздувать самоваръ. Суровцовъ бѣгалъ вмѣстѣ съ барышнями, отъ души помогая имъ въ ихъ хлопотахъ; Надя безъ всякой церемоніи, съ звонкимъ смѣхомъ, понукала его на работу; Трофиму Ивановичу разстелили коверъ, и онъ улегся въ тѣни стараго дуба съ своею трубкою, насилу дыша послѣ тряскаго и крутого подъема. Варя была большая неохотница хозяйничать и ушла въ лѣсъ, за цвѣтами.

— Ну, Надя, ты мнѣ только напортишь теперь; уходи, пожалуйста! сердилась Оля, совѣмъ собравшаяся готовить завтракъ.— Ты вѣдь всегда по-своему выдумываешь, въ макароны Богъ знаетъ сколько масла кладешь, картофель безъ бѣлка поджариваешь... А я этого не люблю... Ужъ лучше я одна буду съ Дашей... Пожалуйста, уведите ее, Анатолий Николаевичъ, а то она упрямая...

— И въ самомъ дѣлѣ, пойдете, побродимъ въ лѣсу, теперь мы всѣ припасы заготовили! предложилъ Суровцовъ. — Вкуснѣе

позавтракаемъ послѣ гулянья... Пойдемте, Надежда Трофимовна, все равно насъ прогонять...

— Ну, пойдите! рѣшила Надя.—Гдѣ-жь Варя?.. Она вѣчно гдѣ-нибудь мечтаетъ... Пойдемъ, Лиза, съѣдемъ ее съ Анатоліемъ Николаевичемъ... Если у ней книжка въ рукахъ, непременно отниму и заброшу на дерево... Она и въ лѣсу безъ книжки не можетъ...

— Варя! ау!..

— Ау!.. я здѣсь!.. раздался не вдалекѣ голосъ Вари.

Надя бѣжала впереди, сбросивъ свою шляпу и веселясь, какъ дивная возочка въ своихъ вольныхъ чашахъ. На ней была надѣта широкая малороссійская рубашка съ рукавами, вышитыми по плечамъ, и довольно короткая юбка яркихъ шотландскихъ цвѣтовъ, а волосы были заплетены по-малороссійски, въ двѣ косы, съ лентами. Въ этомъ простомъ лѣтнемъ нарядѣ Надя казалась, несмотря на свой ростъ и свое крѣпкое сложеніе, четырнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Варю нашли въ серединѣ лѣса, на днѣ тѣнистой, круглой, какъ блюдо, ложины, сплошь наполненной желтымъ листомъ. Она рвала папоротники, которые росли здѣсь роскошными густыми букетами...

— Ахъ, какъ здѣсь отлично! вскричала Надя, утопая выше ботинокъ въ мягкіе, шуршащіе ковры опадшаго листа.

— Посмотри, какой кудрявый папоротникъ, Надя; точно страусовья перья!.. сказала Лиза. — Давай, нарвемъ въ шляпки... А малины нѣтъ, Варя?..

— Нигдѣ не сыскала... Есть зеленая, должно быть, ужъ не выпѣеть...

— Вы любите лѣсную малину, Анатолій Николаевичъ? спросила говорливая Лиза.—Правда, что она лучше нашей садовой? Душистѣе и вкуснѣе; въ іюль мѣсяцѣ мы часто ходили въ лѣсъ за малиной... Всѣ руки себѣ изодрали... За то всякій день ѣли; чудесная!..

— Нѣтъ, я не охотникъ до малины... я въ лѣсу другимъ люблюсь!.. отвѣчалъ Суровцовъ, съ наслажденіемъ всматриваясь въ окружающія ихъ деревья. — Какъ хорошо въ лѣсу! Вонъ, посмотрите, дубъ на полянкѣ... каковъ патріархъ?.. я его часто пробовалъ рисовать и никогда не могъ: все скверно выходитъ... тускло, мертво, плоско... самого себя стыдно.

— Миѣ давно хочется видѣть вашу работу. Почему-то я убѣждена, что вы рисуете отлично, смѣло сказала Надя.

Суровцовъ молча разсмѣялся.

— Ты-бы не поняла ничего, Надя, замѣтила, тоже смѣясь, Лиза, — ты-жъ никогда не училась рисовать.

— Развѣ необходимо учиться въ академіи, чтобы чувствовать природу? заступился Суровцовъ. — А кто понимает природу, тому понятна и картина. Природа — это вся красота; ея нѣтъ нигдѣ, кромѣ природы.

Варя въ эту минуту старалась вытянуть изъ мягкой лѣсной земли длинный и вѣтвистый корень какого-то цвѣтка. Надя молча подошла помогать ей.

— Посмотрите! сказала она, показывая Суровцову добытый корень. — Вотъ такъ корень!

Суровцовъ взялъ цвѣтокъ въ руки и внимательно рассматривалъ его многочисленные подземные клубни, осыпавшіе кругомъ корень.

— Оснастился-таки! говорилъ онъ самъ себѣ. — Ни въ засуху, ни въ морозы не пропадетъ. Ишь его, какъ вѣѣлся въ землю: и махрами, и клубнями. въ глубь, какъ буравомъ буравить... достанешь его тамъ!..

— А посмотрите, самъ цвѣтокъ какой крошечный! сказала Надя.

Суровцовъ оглядывалъ цвѣтокъ.

— Да! замѣтилъ онъ, черезъ минуту отдавая его Надѣ назадъ. — Вотъ такихъ-то и людей я люблю: внутри больше, меньше наружу. Глубокіе корни и человѣку нужны, какъ дереву... Вся сила въ нихъ...

„Онъ, должно быть, насквозь видитъ все, что я думаю!.. размышляла Надя. — Онъ мое сказалъ... Онъ всегда мое говорить...“

Однако, Надя не отвѣтила ни слова и молча передала Варѣ ея корень...

Суровцовъ пошелъ рядомъ съ Варей, неперестававшей оглядываться по сторонамъ за цвѣтами и травами. Варя была неохотница болтать, и если бесѣдовала иногда съ немногими людьми, которыхъ она цѣнила, то всегда о чемъ-нибудь серьезномъ и всегда безъ большой компаніи. Суровцовъ все еще пребывалъ подъ впечатлѣніемъ пустынной, лѣсной красоты и тоже былъ распо-

женъ не столько говорить, сколько смотрѣть и мыслить. Онъ по временамъ срывалъ для Вари попадавшіеся съ его стороны цвѣты, которыхъ еще не было у ней, и закладывалъ ихъ въ ея папку. Варя собирала себѣ травниги съ спеціальною цѣлю изучать и разводить въ своемъ саду лекарственныя травы.

— Отчего всегда такъ хорошо въ лѣсу, Анатолій Николаевичъ? вдругъ спросила Варя, послѣ многихъ минутъ безмолвнаго странствованія.

Суровцовъ не сейчасъ отвѣтилъ на неожиданный вопросъ Вари.

— Хорошо, да и только! сказалъ онъ, улыбнувшись. — Красиво, вольно, легко дышется... Людей не видишь...

— И люди кажутся хороши въ лѣсу. Словно все лучше дѣлаются, добавила Варя.

— Это правда, сказалъ Суровцовъ. — Да вѣдь люди и точно лучше, чѣмъ они сами себя выставляютъ. Не троньте его корни, его тщеславія, то-есть уведите его отъ общества въ лѣсъ, и онъ хорошъ. Я никогда не видалъ ни одного дурного человѣка на охотѣ; тамъ все народъ милый, добрый, веселый... А посмотришь на того-же человѣка въ виц-мундирѣ — не узнаешь его!

— Люди, которые вырубать свои лѣса, просто преступники! объявила Надя рѣшительнымъ и одушевленнымъ тономъ, недопускаямъ возраженія; грудь ея весело вздохнула, когда она увидѣла ласковую улыбку, которою просіяло при ея словахъ лицо Суровцова.

— Такія правдивыя и хорошія чувства воспитываетъ только деревня, сказалъ Суровцовъ, съ нѣжнымъ участіемъ взглядывая на Надю. — Ваша мысль — святая правда.

— Вы тоже осуждаете этихъ людей? спросила Надя, покраснѣвъ отъ внутренняго торжества. Людямъ, говорившимъ ей комплименты, она всегда отвѣчала дерзостями. Но одобреніе Суровцова поднимало ее какъ на крыльяхъ и переполняло радостью.

— Я не нахожу для нихъ лучшаго слова, отвѣчалъ Суровцовъ; — они именно преступники, какъ вы назвали ихъ; смертоубійцы... они вырѣзаютъ легкія у нашей земли, дышать ей не даютъ... Если-бы человѣческое общество было не такъ невѣжественно, оно преслѣдовало-бы убійцъ лѣса, какъ и всякихъ другихъ... Истребленіе лѣсовъ — глубокая безнравственность. Стоитъ только вдуматься немножко... Подумайте, человѣкъ, работающій въ потѣ

лица шесть дней, лишается храма, въ которомъ онъ работаетъ Богу въ день седьмой! А лѣсъ, право, храмъ, всѣмъ открытый, всѣмъ понятный храмъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, пока не явились религіи и секты, эти созданья человѣческаго разлада, общимъ храмомъ человечества всегда былъ лѣсъ... Посмотрите кругомъ, развѣ это не настоящій храмъ? Поютъ хоры, безконечныя колонады, благоговѣйная тишина, подавляющая громадность... Когда входишь въ лѣсъ—словно въ живую воду окунаешься. По крайней мѣрѣ, у меня всѣ мелочныя заботы и личные расчеты спадаютъ тогда съ сердца... чувствуешь себя въ присутствіи великой зиждительной силы, таинственно работающей кругомъ, и невольно исполняешься чистыхъ и возвышенныхъ мыслей...

— А звѣри? съ нѣкоторымъ замираніемъ голоса спросила Надя.—Звѣри тоже чувствуютъ красоту лѣса и любятъ его?

— Да, вы меня очень кстати поправили, сказалъ Суровцовъ съ еще болѣе радостною улыбкою.—Вы смотрите прямо въ сердце предмета и сразу видите его.

— Не хвалите меня, сказала Надя довольно серьезно; — вы ужъ слишкомъ снисходительны ко мнѣ; это меня можетъ обидѣть. Мнѣ приходитъ въ голову, что вы ничего не ждете отъ такой неученой дурочки, какъ я...

— Вѣдь у меня голова навыворотъ, Надежда Трофимовна, даромъ-что я профессоръ, весело говорилъ Суровцовъ.—Для меня „неученыя дурочки“, какъ вы ихъ называете, иногда бываютъ умнѣ ученыхъ умницъ. Когда я вслушиваюсь въ простыя и естественныя сужденія „неученыхъ дурочекъ“, я начинаю понимать, почему Христосъ сопоставилъ мудрость змѣя съ кротостью голубя и почему онъ требовалъ отъ мудрѣйшихъ изъ человѣковъ, чтобы они стали „какъ дѣти“...

Прогулка по любимому лѣсу едва не подъ руку съ Надею одушевляла Суровцова, и Варя, безмолвно его наблюдавшая, удивлялась непривычной его говорливости.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы мнѣ захвалите дѣвочку, Анатолій Николаевичъ, вмѣшалась, смѣясь, Варя.— Она моя ученица, и я всегда съ нею была сурова. Не нужно ее баловать... Вы приписываете Надѣ ваши собственныя фантазіи... Мы-же съ ней и не подозреваемъ, какія невѣдомыя тонкости можно отыскать въ нашихъ безхитростныхъ словахъ...

— Вы шутите, Варвара Трофимовна, нѣсколько горячо подхватила Суровцовъ,—но, конечно, сами знаете, что ваша ученица судить рѣдко, да мѣтко, что у нея необыкновенно прямой и ясный умъ. Вотъ и теперь она чрезвычайно удачно поправила мою мысль. Дѣйствительно, лѣсъ—храмъ не для одного человѣка, а для всего живущаго, для птицы и звѣря,—эта мысль гораздо величественнѣе и вѣрнѣе. За что-жъ вы меня, позитивиста, реалиста, обвиняете въ преувеличеніяхъ и чуть не гостинныхъ любезностяхъ?

— Нѣтъ, вы не реалистъ, а поэтъ! сказала Варя, взглянувъ увѣреннымъ взглядомъ прямо въ глаза Суровцову.—Вы намъ сейчасъ только воспѣли лѣсъ... въ поэмѣ безъ рифмъ. Реалистъ въ лѣсу увидитъ не храмъ, а ожесточенную борьбу организмовъ, вѣчную войну и вѣчное торжество насилія. Тутъ одно дерево душитъ другое и сыто только голодною смертію другихъ. Деревья отрываютъ другъ другу сучья, заслоняютъ другъ другу свѣтъ Божій, закрѣпощаютъ себѣ землю; все совершенно такъ, какъ происходитъ въ человѣческихъ обществахъ.

— Вотъ у васъ вышла цѣлая поэма, только въ другомъ вкусѣ... à la Victor Hugo!.. шутливо отвѣчалъ Суровцовъ.—Но мнѣ кажется, вы не совсемъ вѣрно опредѣляете себѣ реализмъ взглядомъ. Вѣдь на каждую вещь можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ: востока и сѣвера, и съ сѣверо-востока, и съ сѣверо-сѣверо-востока, какъ говорятъ моряки; и всѣ эти точки зрѣнія могутъ быть вѣрны, хотя и могутъ быть не похожи одна на другую. Борьба за существованіе — несомнѣнная правда для меня, для васъ. А для Силая Лаптева такая-же несомнѣнная правда, такой-же реализмъ въ томъ, что мой храмъ и вашу дарвиновскую картину борьбы можно весьма выгодно распилить на двух-вершковые доски или бондарямъ на клѣпки. Почему-жъ вы думаете, что не можетъ быть правдивой, то-есть реальной поэзіи? Стоитъ только взять мотивомъ вашей поэтической мысли истину, а не созданіе вашей фантазіи. Если и я, и вы, и весь міръ чувствуетъ подъ сѣнью старыхъ дубовъ какое-то возвышенное и отрадное настроеніе, почему-жъ не реально признать это? Реализмъ не значитъ одно грубое осязаніе предметовъ, одно ихъ измѣреніе и взвѣшивание...

Нада вслушивалась съ любопытствомъ въ споръ своей сестры

съ Суровцовымъ: она почитала ихъ равно умными и почти равно ученными и интересовалась узнать, на чьей сторонѣ правда...

— Что-жь, Варя, ты съ этимъ согласи? спросила она, видя, что Варя ничего не отвѣчаетъ.

— Анатолій Николаевичъ всегда съумѣетъ отыскать новую точку зрѣнія, которой я не замѣчала прежде, сказала Варя, — и я думаю, что онъ правъ. Поэзія — врожденное свойство человѣка и она не можетъ противорѣчить правильному пониманію.

Надѣ сдѣлалось легко и счастливо на душѣ отъ этого признанія Вари.

„Какая она добрая и прекрасная сестра, моя Варюша! думалось Надѣ. — Какъ она тонко умѣетъ цѣнить людей...“ Въ то-же время, хотя не такъ откровенно, шевелилось въ головѣ Нади: „Какой прекрасный и умный человѣкъ Анатолій Николаевичъ! Даже моя Варюша, на что умная, и та вѣритъ ему во все. А вѣдь я думаю рѣшительно все то-же, что Анатолій Николаевичъ; откуда я узнала, что онъ думаетъ? Вѣдь онъ долженъ любить меня за это? Вѣдь онъ это знаетъ... онъ любить меня...“ шевелилось въ самой потаенной и завѣтной глубинѣ...

Лиза бѣжала имъ на встрѣчу съ полной шляпой малины, на-рванной прямо съ вѣтками.

— Ну вотъ, Варя, ты говорила: пѣту! кричала она, запыхавшись; — я знала, что въ Лисьомъ ложку всегда бываетъ въ это время малина; тамъ поздно поспѣваетъ... Смотри, какая сочная...

— Пстой, попробуемъ сначала, сказала Надя, потянувшись рукой къ шляпѣ.

— Э, вѣтъ! не прогнѣвайся! закричала Лиза, отдергивая шляпу. — Это только для папа и Анатолія Николаевича. — Они будутъ со сливками ѣсть... Оля сливокъ привезла въ бутылкѣ...

— Уступить вамъ свою долю, Надежда Трофимовна? смѣялся Суровцовъ.

Они повернули назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ Оля готовила завтракъ.

Трофимъ Ивановичъ спалъ безмятежнымъ сномъ, растянувшись на зеленомъ пригорѣхъ подъ корнями стараго дуба, и, прикрывъ отъ солнца носовымъ платкомъ закрытые глаза и разинутый ротъ, похрапывалъ такъ мѣрно, громко и самоувѣренно, точно предавался какому-нибудь крайне необходимому и серьезному дѣлу.

Оля была поглощена своими хозяйственными хлопотами; подвязавшись бѣлой салфеткой вмѣсто передника, съ засученными рукавами, нылающая, какъ піонъ, отъ жара огня, она стояла надъ кастрюлями и сковородами съ ложкою въ рукѣ, въ позѣ главнокомандующаго, озабоченнаго ходомъ битвы, и не обратила вниманія на приближившуюся компанію.

— Ну, что готово, Оля? спрашивала Лиза.

— Садитесь пока, я сейчасъ буду снимать; Даша, присматривай за картофелемъ! переверни его на другой бокъ, когда сильно закипитъ... командовала Оля, не отрывая глазъ отъ кастрюль.

Трофимъ Ивановичъ открылъ глаза при звонѣ ложекъ и посуды.

— А! ужъ готово! и вы поспѣли! пробормоталъ онъ, усиленно приподнимаясь своими тучнымъ тѣломъ. — Какъ-будто я вздремнулъ минутку!..

— Вы вѣрный часъ спали, папа! засмѣялась Даша. — Мы съ Олей успѣли цѣлый обѣдъ приготовить...

— А мы вамъ за то десертъ принесли! сказала Надя: — лѣсной малины...

— Только, пожалуйста, не мы, а я! обидѣлась Лиза. — Вы себѣ преспокойно вели философскія бесѣды съ Анатолиемъ Николаевичемъ, а я одна царапала себѣ руки.

Проголодавшаяся компанія съ самымъ деревенскимъ аппетитомъ приступила къ горячему завтраку. Дружно звенѣли ложки и весело переливались молодые голоса въ зеленой прохладѣ лѣса. Суровцовъ чувствовалъ себя настоящимъ ребенкомъ, точно онъ вновь переживалъ счастливую пору шаловливаго и безпечнаго отрочества. Дѣтски-счастливый видъ простодушнаго личика Нади непобѣдимо овладѣвалъ Суровцовымъ и всецѣло переносилъ его въ ея собственный міръ... Давно онъ не ощущалъ такого праздничнаго, безпричинно-радостнаго настроенія; давно не волновались въ его отрезвѣвшей фантазіи такія несбыточно увлекательныя перспективы... Даже Трофимъ Ивановичъ, наблюдатель вообще не особенно проникательный, сталъ смотрѣть съ нѣкоторымъ подозрительнымъ удивленіемъ на своего степеннаго сосѣда, котораго онъ никогда не видалъ такимъ веселымъ и одушевленнымъ юношею.

Замѣчала эту переимѣну и сама Надя, и на сердцѣ ея становилось тепло и сладко отъ юношескаго смѣха и беззаботнаго увлеченія дорогаго ей человѣка.

Компанія еще не окончила своего походнаго завтрака, какъ на тропинкѣ, поднимавшейся изъ долины, показалась всѣмъ знакомая сгорбленная фигура Ивана Мелентьева. Старикъ нерѣшительно остановился, увидавъ вдругъ цѣлое общество господъ, и хотѣлъ было свернуть въ лѣсъ. Но Трофимъ Ивановичъ уже замѣтилъ его.

— Ты тутъ зачѣмъ, старикъ? окликнулъ онъ своимъ могучимъ басомъ.

Иванъ Мелентьевъ медленно снялъ шапку и еще медленнѣе подошелъ къ костру.

— Хлѣбъ-соль, господа! отвѣсилъ онъ почтительный поклонъ и, не надѣвая шапки, остановился въ двухъ шагахъ отъ компаніи, опершись обѣими костлявыми руками своими на длинную палку.— Вашей милости, Трофимъ Ивановичъ, здравствовать желаю и барышнямъ вашимъ... Кушать изволите тутъ въ холодочку?.. и прелюдно...

— Куда это ты, Ивановичъ, поднялся?..

Мелентьевъ нѣсколько смущенно глядѣлъ въ землю, отвернувшись въ сторону отъ Трофима Ивановича.

— Да вотъ все по охотѣ своей... Кому что, а мнѣ одно на умѣ, говорилъ онъ, избѣгая взгляда Коптева.— Борти тутъ по рошицѣ, признаться, кой-гдѣ поразвѣсилъ о весну... Барыня, дай Богъ ей здоровья, Татьяна Сергѣевна, дозволила... Развѣсь, говоритъ, старичекъ, ничего, я, говоритъ, на это не обижаюсь... Такъ навѣщаю когда; безъ своо глазу и въ лѣсу нельзя... Пчела пчелой, а хозяинъ хозяиномъ.

— Что-жь, соберешь медку нонѣшній годъ, старикъ?..

— Нонче ничего, слава-богу! а то совсѣмъ плохіе пѣшли сборы! съ сокрушеніемъ отвѣтилъ Мелентьевъ.— Не супротивъ прежняго! Лѣса порубили, степь пораспахали, откуда пчелъ брать? Весна, бывало, придетъ—ковры писаные на полѣ, а нонѣ—пахота

да бурьянъ. Греча-то поди когда зацвѣтетъ! дожидайся ее... Обездолили совсѣмъ хрестьянина... Ни медку-то ему, ни воцинки, ни грибка, ни ягодки теперь не стало. Лѣса-то стояли: въ лѣсу бабѣ шубка, дѣткамъ — орѣшки, мужичку — бревенушко... Лычка содрать негдѣ, оглобельку срѣзать негдѣ, животинку покормить негдѣ... Купецъ всѣ рощи порѣшилъ... все попилил да покололъ!.. Тѣсно стало нашему брату, не приведи Богъ, Трофимъ Ивановичъ! Водъ нестало, воды посохли безъ лѣсу, звѣрь перевелся, птица дикая перевелась... А ужь землю-то — какъ золу выпахали!.. Вотъ хоть-бы въ нашей Рати. Помоложе я былъ, порядки другіе стояли, лѣсовъ не трогали и, Воже ты ~~и~~ сколько всякой рыбы водилось... Шука, бывало, какъ боровья положется, фунтовъ по двадцати, а леной — такъ руками ловили. И вода вровень съ берегомъ стояла, не то что нынче. Вечеркомъ прибѣжишь къ плесѣ съ бродничкомъ, пройдеши туда-сюда — ушатъ и полонъ; круглые Петровки народъ рыбу ѣдалъ... А теперь ужь, видать, и господа рыбкой не рааживутся. Перевелась вчистую! Книзу, должно, ушла, въ море, что-ли, сказать.

— Такъ худо стало, Иванъ Ивановичъ? не по-старинному? подержалъ его Суровцевъ.

— И такъ-то худо, Анатолій Николаевичъ, что и говорить нечего. Бѣдность, тѣснота, строгость пошла. Межи кругомъ, запретъ. Въ старину выѣхалъ въ степь — коси, куда глянешь, паши, гдѣ понравилось. Одинъ-то пашешь, ажъ жутко становится — души живой нѣтъ. Скотины много народъ держалъ, выпуски вольные были; пасѣки володогъ по 200, по 300 у мужика; и медомъ не подкармливали, а пчела не нищала, ухватить ей было что: лѣса, квѣтъ степной! Что этой свиньи по лѣсамъ пасли, желудь травил, что птицы! Земли-то тогда сытны были, хлѣбъ подымется — сила: копну на возъ не уложимъ; въ полѣ, бывало, зимовалъ, весной свозили... И снѣги были глубокіе: лошадь, бывало, уй деть — ждешь, когда вылѣзетъ; а теперь что? Опять-же и дерево лѣсное, — что ни древо, то верей; срубимъ — поднять некому, везти не на чемъ, какъ бѣлуга бѣлая, слито — свинецъ-свинцомъ. Въ Богатомъ-Верху, что вотъ на Прилѣпн ѣздимъ, и груши по лѣсу стояли, обхвата по три... Обсыпетъ ихъ къ осени, листа не видно; бывало, влѣзешь на макушку, тряхнешь — такъ сразу осьмины три насыпesh... Да желтая такая, ядреная... Теперь и не знаешь.

какая-такая и груша на свѣтѣ есть... Видно, къ свѣта скончанію, Анатолій Николаичъ, дѣло пошло... Господь милости не даетъ... Ну, да вамъ лучше нашего знать... Вы книгаѣ умѣете... Въ книгаѣхъ не бойсь обо всеѣмъ объ томъ прописано, когда чему быть.

Трофимъ Иванычъ поднялся и сталъ собираться.

— Плохо, плохо, старикъ, всеѣмъ плохо! сказалъ онъ.—Что ни дальше, все будетъ хуже.

— Должно, что такъ! Божіе хотѣніе! со вздохомъ произнесъ Мелентьевъ. Онъ замолчалъ и стоялъ, задумчиво опустивъ свою старую, изношенную голову, по-прежнему тяжело опираясь обѣими руками на длинный посохъ.

— Вотъ и еще взглядъ на тотъ-же предметъ! обратился къ Варѣ Суровцовъ, вспоминая свой недавній разговоръ, между тѣмъ какъ Оля съ Дашей и Лизой торопливо укладывали въ линейку посуду и провизію;—взглядъ тоже вполне реальный и даже, по моему, поэтический; четыре точки зрѣнія на одну и ту-же вещь, и все справедливныя; моя, ваша, Силая Лаптя и Ивана Мелентьева... Это-то и есть истина: предметъ, понятный со всеѣхъ сторонъ.

— Это все правда, что рассказывалъ Иванъ Иванычъ, сказала Надя.—Но неужели-же никто не можетъ этому помочь?

— Какъ вы вложите благоразуміе въ голову людей, которые его не имѣютъ? отвѣчалъ Суровцовъ.—Убѣдите, напримѣръ, Протасьева, что онъ долженъ думать о благоденствіи цѣлой окрестности, и удержите его отъ срубки лѣса послѣ того, какъ онъ проиграетъ въ карты нѣсколько тысячъ рублей... Не прибѣгать же къ правительственному насилію!

— Школы, школы—вотъ что скорѣе всего спасетъ лѣса и направитъ наше хозяйство, замѣтила Варя.—Вѣдь вотъ у нѣмцевъ смотрятъ на эти вещи гораздо разумнѣе.

— Школы... въ раздумьи сказалъ Суровцовъ;—можетъ быть, и такъ, не знаю... Но, признаюсь вамъ, я далеко отъ вѣры въ школу, какъ въ мѣднаго змія. Какъ-бы ни были хороши народныя школы, онѣ у насъ долго будутъ очень скверными; все-таки въ народной школѣ мужикъ далеко не получитъ такого образованія, какое получили даже самые отсталые изъ нашихъ помещиковъ. Какой-же выйдетъ прокъ? Вѣдь не мужики безграмотныя, а мы, просвѣщенное дворянство, губимъ свою страну и свое соб-

ственное благосостояніе истребленіемъ нашихъ послѣднихъ лѣсовъ... Я гораздо больше надѣюсь на то, что насъ проучитъ жизнь, чѣмъ на азбуку школьнаго учителя. Пересохнутъ рѣки, ударятъ засухи, станутъ покупать дубъ на фунты, какъ сахаръ, — вотъ и возьмутся за умъ... Станутъ не только сберегать лѣса, а еще и разводить за большія деньги...

— Пора, пора! торопиль Трофимъ Ивановичъ. — Примащивайтесь какъ-нибудь къ намъ, Анатолій Николаичъ, на долгушу.

— Да куда-жь тутъ къ вамъ? Развѣ на ящикъ свади съѣсть?

— Упадете! кричала съ хохотомъ Надя. — Тамъ подбрасываетъ, какъ на пожарной трубѣ.

— Авось Богъ смилуется, допозлу какъ-нибудь, отвѣчала Суровцовъ, спокойно усаживаясь съ своимъ ружьемъ на задній ящикъ, въ которомъ везлась посуда.

— Прощай, Иванъ Ивановичъ! закричали барышни, тѣсно усѣвшіяся по бокамъ долгуши.

— Дай вамъ Господь счастливаго пути! кланялся имъ въ догонку Мелентьевъ.

Поѣхали черезъ лѣсъ въ Суровцово.

Въ самой серединѣ лѣса дорогу перерѣзала балка, узкая и крутая, совсѣмъ темная отъ надвинувшихся надъ нею дубовъ; только-что долгуша безъ шума подѣхала по мягкому лѣсному чернозему къ краю спуска, какъ отъ родника, сочившагося въ глубинѣ балки, быстро поднялась фигура человѣка, который, по-видимому, пилъ воду родника, припавъ къ ней прямо губами. При видѣ экипажа человѣкъ этотъ испуганно бросился въ чашу балки и исчезъ въ ней. Однако, Трофимъ Ивановичъ успѣлъ замѣтить на его головѣ истасканный красный околышъ солдатской фуражки.

— Видѣли? съ безпокойствомъ спросилъ Трофимъ Ивановичъ, оглянувшись на Суровцова.

— Видѣлъ... Какой-то солдатикъ, вьзается...

— Это, батюшка, скверная штука. Замѣтили, какъ онъ брызнулъ отъ насъ? Даромъ - бы не прятался... Главное, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. И до насъ, и до васъ рукой [подать...

— Да, можетъ быть, это прохожій, папа! заступилась Надя. — Увидѣлъ экипажъ, подумалъ, что хозяева, — и испугался. Вѣдь ты знаешь, какъ они робки...

— Ну, ну, пошла теперь, заступница! Ты и поджигателей въ святыя произведешь. Не видалъ я прохожихъ на своемъ вѣку! Я сразу бродягу угадаю. Пора, слава-богу: съ ворами да разбойниками три года возжусь...

— Не догнать-ли намъ его? предложилъ Суровцовъ.— Онъ не могъ уйти далеко.

— Нѣтъ ужь, слуга покорный! По дебрямъ этимъ таскаться и самъ не охотникъ, и васъ не пуцую; ужь извините. Еще въ бокъ прыгнетъ какая-нибудь каналья, ищи тогда съ него. Это дѣло нужно толкомъ сдѣлать. Завтра прикажу волостному старшинѣ облавою лѣсъ обойти, тамъ ужь не увернется: какъ въ неводъ захватимъ.

XXV.

Домъ Суровцова.

Усадьба Суровцова была устроена совсѣмъ заново. Все старое, остатокъ широкаго, безпечальнаго барства, скорѣе къ счастью, чѣмъ къ несчастью Суровцова, развалилось окончательно, и волей-неволей пришлось завести все вновь, сообразно новымъ, менѣе замысловатымъ и болѣе практическимъ условіямъ помѣщичьей жизни. Поэтому, вмѣсто большихъ неопрятныхъ хоромъ, воздвигнутыхъ богатымъ дѣдомъ, Суровцовъ вынужденъ былъ построить себѣ очень маленькій, хорошенькій домикъ, въ которомъ ему жилось вполне уютно. Только старый садъ съ рощею да старый прудъ подѣ садомъ остались тѣ-же, къ большому удовольствію хозяина. Въ этомъ домикѣ, оригинальномъ и живописномъ, было всего-навсего четыре комнаты, но за то два тѣнистыхъ балкона въ садъ. Почти половину крошечнаго домика занималъ кабинетъ Суровцова; такимъ просторнымъ и удобнымъ кабинетомъ рѣдко могъ похвастать самый богатый барскій домъ. Для Суровцова эта комната была всѣмъ—музеемъ, библіотекой, студіей, конторою... Стѣнъ не было видно; онѣ были сплошь заставлены, отъ пола до потолка, чучелами птицъ, книгами, моделями или увѣшаны картинами. Кромѣ книгъ, почти всѣ эти украшения были собственной работы Анатолія Николаевича; безъ нихъ простота убранства была-бы

слишкомъ разительна. Турецкіе диваны были сбиты простымъ плотникомъ, подъ ближайшимъ руководствомъ Суровцова, изъ осино-выхъ досокъ своей-же роци и покрыты тюфяками и подушками, въ которыхъ не было ни одного золотника чего-нибудь покушного, не исключая дешевыхъ деревенскихъ ковровъ, вытканыхъ бабами изъ барской шерсти за шерсть и пеньку. Огромный письменный столъ, за которымъ такъ славно работалось Суровцову и въ ящикахъ котораго лежали его многочисленныя бумаги, былъ даже не покрашенъ, а только покрытъ простою черною клеенкою, а тумбы подъ горшками прекрасныхъ цвѣтовъ, воспитанныхъ чуть не отъ сѣмячка заботами Суровцова, были ничто иное, какъ дубовыя обрубки, ровныя и круглыя, будто вылитыя изъ чугуна. За то на каждый трехкопечный горшокъ былъ надѣтъ прехорошенькій бумажный футляръ съ какимъ-нибудь красивымъ букетомъ, набросаннымъ Суровцовымъ двумя, тремя ударами кисти. Два отличные соловья, пойманные въ рощахъ Суровцова, заливались на перегонку другъ передъ другомъ въ своихъ лозовыхъ вѣткахъ, искусно сплетенныхъ подпаскомъ Архипкою за двѣ шапки яблокъ. Впрочемъ, въ этомъ кабинетѣ не все было доморощенное: въ немъ можно было видѣть и вещи, весьма необычныя для липовскаго уѣзда: тутъ былъ дорогой микроскопъ со множествомъ гистологическихъ и другихъ препаратовъ, рѣдкіе альбомы фотографій и гравюръ, интересныя колекціи животныхъ и растений изъ далекихъ странъ міра и много другого, чего не увидишь ни у провинціального магната, ни у деревенскаго простодушнаго хлѣбосола. Это были единственныя сокровища бывшаго професора, составлявшія весь вещественный результатъ его ученыхъ трудовъ. Дверь изъ кабинета выходила на широкій и глубокій балконъ, весь уставленный цвѣтами. Лѣтомъ это былъ балконъ, зимой—теплица; въ пазы столбовъ вставлялись старыя рамы разобранныхъ дѣдовскихъ хоромъ и проводилось желѣзною трубою тепло изъ нижней топки дома. Суровцовъ своими руками смастерилъ садовую мебель изъ березовыхъ вѣтокъ, на манеръ видѣнной имъ за-границею, и уставлялъ ею балконъ. Такъ-какъ огромныя старыя черемухи почти вплотную закрывали его сверху, то даже не было необходимости устраивать надъ нимъ навѣса отъ дождя или солнца. Самою лучшею маркеткою были эти живые шатры, то сквозившіе зеленымъ золотомъ, то обсыпавшіе балконъ душистымъ снѣгомъ своихъ весеннихъ цвѣтовъ.

Съ мая мѣсяца до октября это было любимое мѣсто для Суровцова: тутъ онъ занимался дѣлами, читалъ, рисовалъ, обѣдалъ, даже спалъ... Онъ былъ тутъ разомъ на дворѣ и дома, въ хозяйствѣ и за перомъ.

Остальная половина дома почти равнялась кабинету и была снаряжена по тому-же принципу: все, что можно—свое, а все, что неизбѣжно купить—какъ можно проще. Маленькая приемная, крошечная спальня и столовая составляли вмѣстѣ съ кабинетомъ весь домъ; и въ нихъ, какъ въ кабинетѣ Суровцова, вопіющій недостатокъ средствъ замѣнялся живымъ вкусомъ и хозяйственною изобрѣтательностью.

Когда Надя, въ толпѣ сестеръ, первый разъ переступила порогъ дома „своего Анатоля“, она не могла скрыть своего волненія. Ей казалось въ тайной глубинѣ ея сознанія, что она вступаетъ въ свою собственность; она глядѣла на всѣ подробности сочувственнымъ, но вмѣстѣ распорядительнымъ взглядомъ полновластной хозяйки. И наружный видъ дома, потонувшаго своимъ живописнымъ фасадомъ въ нишѣ стараго сада, и его внутреннее убранство, полное оригинальности, удобства и простоты, совершенно восхитили Надю. Кабинетъ Анатоля казался ей храмомъ изящества и мудрости, особенно, когда Надя узнала, что почти все здѣсь было сдѣлано собственноручно Суровцовымъ или подъ руководствомъ его. Суровцовъ съ глубокою теплою смотрѣлъ въ горѣвшіе глазки Нади и въ ея добрый, серьезный ротикъ, когда она рядомъ съ нимъ осматривала интересовавшія ея вещи; ему хотѣлось сказать ей:

— Тебѣ нравится мое гнѣздо, Надя; возьми его, оно твое, вмѣстѣ со мною...

Но онъ не смѣлъ произнести того, что подумалъ, и скромно объяснялъ Надѣ понравившуюся ей картину.

Вдругъ Надя обернулась въ нему и, протянувъ ему свою маленькую ручку, сказала съ убѣжденіемъ:

— Какъ хорошо, что есть люди, которыхъ можно уважать и которымъ можно вѣрить.

И, не дожидаясь отвѣта, быстро пошла на балконъ къ сестрамъ. Суровцовъ выпелъ за нею.

— Какая прелесть на вашемъ балконѣ! говорила Лиза; — на „Дѣло“, № 7, 1876 г.

стоящій уголокъ рая... Тѣнисто, ароматно, прохладно... Откуда это вы достали такую хорошенькую мебель? Я видѣла у Обуховыхъ марсельскую, плетеную изъ проволоки, но та мнѣ меньше нравится... Эта совершенно въ деревенскомъ вкусѣ и очень оригинальна.

— О, это не марсельская, а вполне шиповская; у меня были рисунки этой мебели изъ Швейцаріи, отвѣчалъ, улыбувшись, Суровцовъ;— нечего было дѣлать прошлой зимою, я какъ-то и занялся; вотъ и надѣлалъ нѣсколько штукъ.

— Такъ вы это дѣлали сами? удивлялись барышни, съ любопытствомъ осматривая кресла и столикиъ.

— Да вѣдь это не трудно: нарѣзалъ березовыхъ вѣтокъ да и прибилъ себѣ гвоздиками, оправдывался Суровцовъ.

Надя стояла подѣ тяжелой вѣткой черемухи, между горшками великолѣпно разросшихся арумовъ, и смотрѣла на дорожку, сбѣгавшую черезъ садъ къ пруду. Ея увѣренность въ Анатолиѣ и ея желаніе быть неразлучной съ Анатолиемъ наполняли ее легкимъ и сладостнымъ чувствомъ.

Она видѣла теперь своими глазами свою будущую обстановку, и рѣшеніе ея только выросло и окрѣпло. Она знала Суровцова гостемъ, другомъ; теперь видѣла его хозяиномъ. Пока мы не видимъ человѣка въ его ежедневной, домашней обстановкѣ, мы знаемъ его только на половину. Домашній бытъ человѣка сразу нарисуетъ такія черты его, которыхъ-бы мы долго не примѣтили при другихъ условіяхъ... Но ничего не нарисуетъ онъ такъ безошибочно, какъ способность житейской борьбы, умѣніе провести свою ладью черезъ мели и камни, раскинутыя судьбою на пути человѣка.

Надя была деревенская дѣвушка, выросшая глазъ-на-глазъ съ дѣйствительностью, неприкрытою никакими ширмами. Поэтому, несмотря на свою молодость, она понимала необходимость практическихъ силъ въ человѣкѣ, который принимаетъ на себя судьбу другихъ, и цѣнила эти силы. Ей было-бы страшно связать свою будущность съ человѣкомъ безпомощнымъ, ненаходчивымъ и неуѣлымъ, какъ-бы ни были привлекательны другія черты его духа. Надя знала, что она дѣвушка бѣдная и что бѣдный мужъ бѣдной жены долженъ быть прежде всего добрымъ работникомъ. На себя она надѣялась. Она не могла не сознавать себя дѣйствительно доброю работницей. Правда, она уже давно изъ словъ

Суровцова и рассказовъ отца составила себѣ понятіе объ Анатоліѣ Николаевичѣ, какъ о настойчивомъ и смѣломъ борцѣ съ судьбою. Но теперь она увѣровала въ свои чаянья и наслаждалась этимъ сознаниемъ. Каждое удобство жизни Суровцова было придумано и добыто имъ самимъ. Ей было ясно, что не судьба одолѣвала ея друга, а онъ одолѣвалъ судьбу. Судьба едѣлала его слишкомъ бѣднымъ даже для тѣхъ скромныхъ привычекъ, которыя составляютъ насущный хлѣбъ человѣка, рожденнаго въ достаткѣ и получившаго образованіе. А бѣдность—Надя знала на опытъ—есть грязь, нездоровье, робость духа, умственная тупость. На глазахъ Нади пропадали, словно засасывались въ тину болота, бѣдные сосѣди-дворянчики, получавшіе въ наслѣдство отъ отцовъ клочки земли, подобные суровцовскимъ. Они не смѣли думать ни о чемъ, кромѣ телѣги, нечищенныхъ сапоговъ и полуразвалившагося домишка, и, принимая себя съ каждымъ днемъ больше и больше, обращались въ неприличныхъ, оборванныхъ пьянчужекъ. Суровцовъ былъ равенъ имъ по состоянью,—Надѣ это было хорошо извѣстно. А между тѣмъ, когда она очутилась въ его укромномъ уголкѣ,—ребяческой фантазіи Нади казалось, что она въ какомъ-то художественно-прекрасномъ и освященномъ храмѣ цивилизаціи и разума. Все было такъ не похоже на то, что она видѣла въ другихъ домахъ, гораздо болѣе богатыхъ. Все было здѣсь гораздо лучше, нужнѣе, интереснѣе, оригинальнѣе. Хорошо мыслящій и честно чувствующій духъ сказывался для Нади въ каждой подробности быта Суровцова и очаровывалъ ея воображеніе. Никогда, казалось ей, дѣйствительность не совпадала такъ съ мечтами. Она никогда не хотѣла богатства, всегда боялась всего большого и шумнаго; ей именно мечтался крошечный, хорошенькій, какъ игрушечка, домикъ въ прекрасномъ саду, съ прекрасными цвѣтами, съ вѣчно отвореннымъ балкономъ, съ соловьями и канарейками, поющими въ окнахъ. Это такъ было близко къ дѣтству Нади, когда она играла въ игрушки и сама устраивала для своихъ куколъ, между кроваткой и умывальнымъ столикомъ, домики по своей фантазіи. При всей серьезности и реальности взглядовъ Нади, ея деревенскія 18 лѣтъ еще примѣшивали къ жизни немножко дѣтской игры въ еуклы.. И какъ ни любила Надя дѣтвору всякаго рода, отъ ребятъ до галчатъ, какъ ни близко была она знакома по практикѣ скотнаго двора съ процессами рожденья и кормленья

разной молодой твари, — этими великими и таинственными актами природы, которые объявлены непристойными развратною фантазеей столичныхъ гувернантокъ, — однако, замужество представлялось ея дѣвственной фантазії еще безъ спутничества любимыхъ крошекъ, безъ тяжкихъ материнскихъ обязанностей.

Надя представляла себя за книгами и работами, глазъ-на-глазъ съ своимъ другомъ и учителемъ. Онъ именно оттого больше всего ея другъ, что будетъ ея учителемъ. Онъ все знаетъ, все умѣетъ сдѣлать для Нади яснымъ. Въ малочуеной Надѣ страсть къ ученю, къ усовершенствованію себя всевозможными познаніями заговорила со дня сближенія съ Суровцовымъ съ поразительною силою. Она готова была пожертвовать всѣмъ, чтобы узнать то, что онъ знаетъ. Ея всегданнее инстинктивное благоговѣніе къ образованнымъ людямъ получило теперь восторженный, почти религиозный характеръ. Вотъ она будетъ сидѣть за этимъ крошечнымъ столикомъ съ книгою, съ лексикономъ, а онъ будетъ писать на своемъ столѣ тѣ глубокія, умныя вещи, которыми онъ всегда занимается. Онъ будетъ объяснять ей /все ей непонятное и дѣлиться своими мыслями. Ей чудилось, что каждый день она будетъ словно выростать разумомъ, и чѣмъ умнѣе будетъ становиться она, тѣмъ больше будетъ любить Анатолія, тѣмъ нужнѣе она будетъ ему, тѣмъ крѣпче будетъ союзъ ихъ... У нихъ на все будетъ назначенъ свой часъ... вмѣстѣ они будутъ за книгой, вмѣстѣ и на хозяйствѣ, вмѣстѣ въ саду за работою. Когда Анатолій будетъ рисовать въ лѣсу свои любимыя дубы, Надя будетъ читать ему или работать рядомъ съ нимъ. Вечеромъ они будутъ безъ конца бродить по рощамъ, слушать птицъ, говорить другъ другу.

— Говорять, на землѣ нѣтъ рай! Вѣдь это-же рай? въ сладкомъ недоумѣніи спрашивала сама себя Надя.

Почти въ такомъ-же состояніи духа былъ въ это время и Суровцовъ. Онъ установилъ на балконѣ, по просьбѣ Нади, свой микроскопъ и показывалъ дѣвцамъ цвѣточную пыль, волоски, устьица и разныя другія обыкновенныя вещи, которыя онъ бралъ тутъ-же съ цвѣтовъ своего цвѣтника, но которыя несказанно изумляли и восхищали неопытныхъ въ этомъ дѣлѣ барышень... Но давая популярныя объясненія своимъ наскоро заготовляемымъ ботаническимъ препаратамъ, Суровцовъ только машинально дви-

галь языкомъ; мысль его не видѣла никого другого, кромѣ Нади. Она тоже представлялась ему долгожданною хозяйкою, которая явилась осмотрѣть свои покои и убѣдиться, исполнены ли ея распоряженія. Суровцовъ съ внутреннимъ волненіемъ слѣдилъ за каждымъ взглядомъ и шагомъ Нади, стараясь отгадать ея приговоръ, довольна-ли она или недовольна своимъ работникомъ? Онъ такъ часто воображалъ ее за глаза въ этихъ комнатахъ, на этомъ балконѣ, что теперь, когда она дѣйствительно стояла здѣсь, иллюзія была простибельна. Суровцовъ привыкъ еще со школьной скамьи жить одинъ; но съ тѣхъ поръ, какъ возрастъ любви замѣнилъ въ немъ чувство мужского товарищества другимъ, болѣе страстнымъ и нѣжнымъ влеченіемъ, Суровцовъ занимался въ своемъ профессорскомъ кабинетѣ тѣмъ отраднѣе, чѣмъ живѣе рисовался ему чей-то невѣдомый еще, граціозный образъ, тихо сидѣвшій противъ него въ самомъ покойномъ изъ его кресель. Прежде онъ не зналъ чертъ его лица, а только постоянно чувствовалъ на себѣ его согрѣвающіе и ласкающіе лучи. Тутъ, въ деревнѣ, съ прошлаго Троицына дня, черты эти стали незамѣтно выясняться; и уже давно въ Суровцовѣ не оставалось сомнѣнія, что нѣга и теплота проливаются въ его душу изъ завѣтнаго уголка тѣмъ самымъ наивнымъ дѣтскимъ личикомъ въ бѣломъ платицѣ, которое теперь задумчиво смотрѣло на алею его сада... Въ ученомъ кабинетѣ Суровцова „моя Надя“ говорилось такъ-же часто, какъ говорилось „мой Анатолій“ въ маленькой спальнѣ съ бѣлою постелькой въ мезонинѣ коптевскаго дома.

Послѣ микроскопа Надя потребовала альбомы Суровцова и пересмотрѣла ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Каждая работа ея Анатолія должна имѣть значеніе; поэтому Надя употребляла все свое восемнадцати-лѣтнее глубокомысліе, чтобы уразумѣть смыслъ разныхъ безцеремонныхъ набросковъ съ натуры, изобильно наполнявшихъ путевыя тетради Суровцова. Напрасно Анатолій предлагалъ ей лучше заняться гетевскимъ альбомомъ Каульбаха, чѣмъ его пачкотню, интересною только для автора. Надя крѣпко задалась мыслию, что Анатолій ничего не дѣлаетъ по-пусту, и усиленно старалась стать на его собственную точку зрѣнія, чтобы оцѣнить достоинство его этюдовъ. Типы швейцарскихъ бабъ, въ ихъ уродливыхъ шляпахъ à la Don Basilio, швейцарскихъ пастуховъ и охотниковъ, перемѣшанные съ отрывками горныхъ

ландшафтовъ, съ мордами быковъ и возъ, сбили съ толку Надю.

— Отчего вы ничего не кончили? У васъ столько начато? ирѣшительно спросила она.

— Это мои учебныя тетради, этюды, отвѣчалъ Суровцовъ.— Сегодня схватилъ удачную игру свѣта, завтра характерную фнзиономію, тамъ звѣря, тамъ гору... Природа—единственный геніальный учитель рисованія, и я у него беру уроки. Это и дешевле, и вѣрнѣе... Школьные труды и цѣните по-школьному.

— О, я понимаю... перебила его Надя.—Хоть это и этюды, а сейчасъ видна искусная рука: все живо, какъ въ натурѣ...

— Бросьте-ка теперь школьнива и возьмитесь за мастера, улыбаясь, предложилъ Суровцовъ, подавая Надѣ фотографическую галерею гетевскихъ женщинъ, привезенную имъ изъ Мюнхена.— Тутъ есть чѣмъ полюбоваться.

— Это чья? спросила Надя.

— Каульбаха.

— Вѣдь это нѣмецъ—Каульбахъ? онъ знаменитъ чѣмъ-нибудь?

— Каульбахъ... о, да... Очень знаменитъ... Это нѣмецкій Рафаэль... Царь современной живописи... Это мой большой любимецъ...

Надя смотрѣла снизу въ говорившій ротъ Суровцова съ серьезнымъ до благоговѣйности выраженіемъ лица. Ей всегда хотѣлось, чтобы Анатолій говорилъ ей побольше обо всемъ, что онъ знаетъ и чего она не знала, но она обыкновенно стыдилась прямо просить его объ этомъ, а ждала, что Анатолій самъ почуветъ, что ей нужно.

Надя иногда читала въ книгахъ то-же самое, о чемъ говорилъ съ ней Анатолій. Но въ книгахъ все это было и непонятно, и неинтересно; въ устахъ-же Анатолія то-же самое дѣлалось вдругъ ясно, какъ день, и влекло къ себѣ со страстью помыслы Нади.

— Кто это такой, Анатолій Николаевичъ, съ палкою въ рукахъ? спросила Надя, указывая на картину.

— Это Доротея; вы не читали „Германа и Доротею“? Она есть въ русскомъ переводѣ.

— Нѣтъ, я не читала. Я вѣдь вообще мало читала и мало знаю. Расскажите мнѣ про Доротею: ея фигура мнѣ очень нравится.

Суровцовъ описалъ въ нѣсколькихъ словахъ характеръ Доротеи и объяснилъ сцену бѣгства, изображенную у Каульбаха.

— О, бѣдныя крошки! Смотрите, какъ они пицать на возу! горячилась Надя, теперь только понявъ весь смыслъ картины.— И она имъ всёми помогала? Я сейчасъ увидѣла, что она прекрасная дѣвушка... У нея такое доброе лицо; конечно, она должна имъ помочь... молодая, здоровая...

— Доротея тутъ—чистая Надя! вскрикнула Лиза, прильнувшая было къ самой картинѣ своими близорукими глазами. — Не правда-ли, Анатолий Николаевичъ, ужасно похожа?..

— Какъ вамъ сказать... отвѣчалъ Суровцовъ, съ трудомъ подавляя внутреннее волненіе. Онъ давно видѣлъ Надю во всѣхъ гетевскихъ красавицахъ Каульбаха, отъ Миньоны до Доротеи; у каждой изъ нихъ, конечно, не доставало чего-нибудь; но все, чѣмъ онъ плѣняли его порознь, Суровцовъ самымъ искреннимъ образомъ отыскалъ въ одной Надѣ: въ ней и южная стройность Доры, и идеальность серафима, какъ въ Миньонѣ, и счастливая домовитость Шарлоты, и *die volle Gesundheit der Glieder*, какъ въ могучемъ тѣлѣ Доротеи. Суровцову смерть хотѣлось высказать по этому случаю какое-то чудовищное преувеличеніе, которое онъ считалъ самою серомною оцѣнкою Надиной красоты; но, къ своему благополучію, онъ не рѣшился на такую отвагу и только произнесъ: — Вообще фигуры Каульбаха нѣсколько напоминаютъ типъ Надежды Трофимовны; вотъ хоть-бы Миньона,—вотъ эта, что сидитъ съ арфкою,—или Дора, встрѣчающая Алексиса, сильно напоминаютъ... Та-же стройность, тотъ-же прекрасный ростъ...

— Кто эта Миньона? отчего она съ крыльями? поспѣшно перебила его Надя, запылавъ до ушей; и какъ ни чужда была пустого тщеславія ея дѣтская душа, она съ тайнымъ трепетомъ счастья вперила свои разгорѣвшіеся глазки въ статную фигуру итальянки, охваченной рукою молодого рыбака.

„Гдѣ я? какая я? какою я кажусь ему?“ настойчиво твердилъ въ ея сердцѣ внутренній голосъ.

Суровцову пришлось объяснять три совершенно различныхъ типа женщинъ, созданныхъ Гете и воплощенныхъ гениальнымъ карандашемъ Каульбаха въ такіе-же совершенно различные, но одинаково до идеальности прекрасные женскіе образы... Сравненія и намеки его, противъ его воли, были до такой степени близки

къ Надѣ, что это замѣтила уже не только Надя, но и Лиза, хотя самъ Анатолій Николаевичъ отъ души воображалъ, что онъ утѣшаетъ одного себя, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшей догадки о своихъ междустрочныхъ мысляхъ.

— Если-бы у меня всегда былъ такой учитель! какъ-бы я много научилась... наивно вздохнула Надя. — Знаете-ли, Анатолій Николаевичъ, то, что вы говорите, я все понимаю, до одного слова. А когда я читаю книги, даже тѣ, которыя вы мнѣ со-вѣтуете, я понимаю мало... и онѣ мнѣ надоѣдаютъ...

— Какова наша Надя, Анатолій Николаевичъ! захохотала Лиза. — Вѣчно удружить такую откровенностію, что и сказать не найдешься...

Лиза давно знала объ отношеніяхъ своей сестры и ее подмы-вало подвинуть дѣло поближе къ какому-нибудь концу; поэтому она нарочно прибавила:

— Вы слышали, Анатолій Николаевичъ, какое желаніе выска-зала Надя? Что вы отвѣтите на него?

— Надежда Трофимовна развиваетъ во мнѣ тщеславіе, отну-чивался Суровцовъ. — Я, и въ самомъ дѣлѣ, сочту себя за Злато-уста...

— Глупенькія вы дѣти! пропентала Лиза, вставая съ мѣста и съ насмѣшливой улыбкой покачавъ головою Надѣ и Суровцо-ву. — Хотите сказать одно, а говорите вздоръ!..

И Суровцовъ, и Надя, невольно вздрогнувъ, взглянули другъ на друга и потомъ на Лизу. Она сходила по ступенькамъ въ садъ, безпечно напѣвая какую-то пѣсенку и осторожно поднимая оборки своего платья.

„Что это значитъ?“ шевельнулось въ душѣ Суровцова.

„Ахъ, какая она дура, эта Лиза! думала совѣмъ растерянная Надя. — Всегда вдругъ брякнетъ такъ...“

„Глупенькія вы дѣти! размышлялъ Суровцовъ, машинально пе-режѣвая картинки передъ Надею. — Стало быть, они всё знаютъ!.. Ужь не сказать-ли Лизѣ? Она такая добрая и веселая...“

— Посмотрите на этихъ заблудившихся мальчиковъ... какъ они перепуганы, говорилъ онъ Надѣ.

— Кто этотъ страшный старикъ около нихъ? спрашивалъ для приличія голосъ Нади. А сердце ея говорило: „И вправду, отчего онъ не скажетъ ничего? Но вѣдь онъ-же не въ самомъ дѣлѣ глу-

пенькій ребенокъ... Вѣрно, нельзя говорить... А, можетъ быть, онъ не хочетъ говорить... Чего?.. Развѣ я знаю навѣрное? Нѣтъ, нѣтъ... я навѣрное знаю... Онъ — мой, я — его!..“

— Это взято изъ народныхъ германскихъ сказокъ. Нѣчто вродѣ лѣшаго... Старый гномъ... отвѣчалъ голосъ Суровцова. А самъ Суровцовъ говорилъ совсѣмъ о другомъ: „Надо положить этому конецъ; Надя — сама правда. Что я робѣю? Развѣ она оскорбится моимъ признаніемъ? Она мнѣ скажетъ честно и прямо: да или нѣтъ, моя или не моя... О, она скажетъ: моя, иначе бытъ не можетъ, другого исхода мнѣ нѣтъ и не будетъ“.

Лиза нарочно увела съ собою въ садъ всѣхъ сестеръ, а Трофимъ Ивановичъ еще прежде отправился въ купальню съ мальчишкой-садовникомъ.

— Какъ вамъ нравится Шарлота, Надежда Трофимовна? спросилъ нетвердымъ голосомъ Суровцовъ, быстро оглядѣвшись кругомъ и рѣшившись покончить дѣло сразу. Голова у него немножко кружилась, какъ-будто онъ стоялъ на кораблѣ въ изрядную качку.

Надя почувала въ голосѣ Суровцова что-то необыкновенное и, поднявъ глаза, съ нѣкоторымъ испугомъ замѣтила, что они остались одни. Суровцовъ подносилъ ей новую картину: Шарлота, одѣляющая дѣтей хлѣбомъ; въ дверяхъ на заднемъ планѣ былъ видѣнъ Вертеръ, безмолвно наблюдавшій идиллическую семейную сцену.

— Мнѣ кажется, вамъ должна быть особенно симпатична личность Шарлоты, продолжалъ, не дожидаясь отвѣта, Суровцовъ несвойственнымъ ему торопливымъ голосомъ. — Васъ всего легче представить себѣ Шарлотою, именно въ этотъ моментъ... одѣляющею и утѣшающею всю эту крохотную пищащую братію... Вы рождены матерью и хозяйкою семьи...

Суровцову казалось, что легче всего будетъ приступить къ дѣлу, придравшись къ семейной сценѣ Шарлоты; поэтому онъ поспѣшилъ прибавить окончательно смутившимся голосомъ:

— Какъ вы смотрите на семейную жизнь, Надежда Трофимовна, скажите мнѣ откровенно? пугаетъ-ли она васъ?

— О, я еще долго не выйду замужъ! по крайней мѣрѣ, до двадцати лѣтъ, рѣшительно сказала Надя. — Я такъ мало училась и такъ много должна учиться... Я не хочу оставаться ребенкомъ, когда стану женщиной...

Надя сказала это не столько изъ дѣйствительнаго убѣжденія, сколько изъ безотчетнаго сграха услышать отъ Суровцова рововныя слова, которыя ея дѣтское сердце призывало за минуту предъ тѣмъ; ее испугала неожиданность минуты и она, не размышляя, свилилась отодвинуть ее.

Приготовленные слова остановились въ гортани Суровцова при убійственной исповѣди Нади.

— Конечно, вы правы... пробормоталъ онъ грустнымъ голосомъ — сѣбѣшить этимъ дѣломъ нельзя... Оно слишкомъ важно... и слишкомъ страшно... Надо подготовить себя.

— И погулять хоть немножко! прибавила весело Надя, ласково поглядѣвъ на Анатоля; — пойдите въ садъ.

— Да, и погулять, хоть по саду! отвѣчалъ ей въ тонъ немного повеселѣвшій Суровцовъ.

— Вѣдь вы еще не женаты, а вы старше меня! сказала Надя, медленно сходя съ балкона и сосредоточенно глядя себѣ подъ ноги.

— О, конечно, я старше; мнѣ двадцать восемь лѣтъ, съ легкимъ вздохомъ замѣтилъ Суровцовъ, тоже необыкновенно внимательно разсматривая свои носки.

— Значить, вамъ можно ждать? загадочно спросила Надя, остановившись въ той-же поникшей позѣ на послѣдней ступенькѣ балкона.

Суровцову ударило въ голову и онъ не сразу отвѣтилъ:

— Чего ждать, Надежда Трофимовна?.. Ждать очень трудно въ мои года... Но есть вещи, которыхъ готовъ ждать сто лѣтъ, если...

— Ну вотъ, у васъ всегда „если“! съ веселымъ смѣхомъ перебила его Надя, внезапно поднявъ свою головку и смѣлымъ взмахомъ руки забросивъ за плечи непокорныя косы. — Никакихъ „если“, слышите! Давайте руку, побѣжимте на-перегонку за Лизой... Разъ, два... кто обгонитъ...

При словѣ „три“ она откинула руку Суровцова и бросилась бѣжать по алѣѣ, легко и проворно, какъ дикая коза. Ея малороссійскія косы съ лентами черными змѣями летѣли за нею. Суровцовъ не отставалъ, но и не опережалъ Нади. Полный счастья, онъ бѣжалъ рядомъ съ нею и съ нѣмымъ восторгомъ глядѣлъ въ ея шаловливыя глазки, изъ которыхъ смѣялись ему веселые, какъ дѣти, черненькіе огоньки.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА XXIV.

Гвендолина была рада, что переговорила съ Клесмеромъ до свиданія съ дядей и теткой. Она теперь пришла къ тому убѣжденію, что ей предстояло много неприятностей, и чувствовала себя въ силахъ встрѣтить всякое предложеніе, какъ-бы оно унизительно ни было. Это свиданіе произошло только въ понедѣльникъ, когда Гвендолина съ матерью отправились въ пасторскій домъ. По дорогѣ онѣ зашли въ сойерскій коттеджъ и осмотрѣли его маленькія комнаты, которыя въ своемъ обнаженномъ видѣ производили чрезвычайно мрачное впечатлѣніе, несмотря на яркій солнечный день.

— Какъ вы помиритеcь съ этою жизнью, мама? сказала Гвендолина, выйдя изъ дома;— какъ вы будете жить въ одной конурѣ со всѣми дѣвчонками и безъ меня?

— Я буду утѣшать себя мыслью, что ты не раздѣляешь этихъ лишеній.

— Если-бъ мнѣ не было необходимо наживать денегъ, то я, право, предпочла-бы жить съ вами, чѣмъ идти въ гувернантки.

— Не представляй себѣ всего въ черномъ свѣтѣ, Гвендолина. Если поступишь въ епископскій домъ, ты будешь жить въ роскоши, которой ты всегда дорожила. Здѣсь-же тебѣ пришлось-бы бѣгать взадъ и впередъ по темной лѣстницѣ, сидѣть въ каморкахъ и постоянно слышать болтовню сестеръ.

— Все это отвратительный сонъ! воскликнула Гвендолина гнѣвно;— я не хочу вѣрить, чтобъ дядя дозволилъ вамъ поселиться въ такой труппѣ! Ему слѣдовало-бы принять другія мѣры.

— Не будь неблагоразумна, дитя мое. Что могъ онъ сдѣлать?

— Это его дѣло, но я никакъ не могу понять, какъ это люди въ нашемъ положеніи вдругъ упали такъ низко!

Гордый характеръ Гвендолины невольно, какъ-бы бессознательно, высказывался въ этихъ рѣзкихъ выраженіяхъ; она говорила-бы гора приличіе о бѣдствіяхъ, постигшихъ другихъ людей. Хотя ея слова никогда не имѣли притязанія на высокую нравственность, а лишь на остроуміе; поэтому она на словахъ всегда казалась хуже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Однакожь, несмотря на мучительное сознаніе переносимыхъ униженій, она почувствовала нѣчто вродѣ укора совѣсти, когда дядя и тетка встрѣтили ее съ большей нѣжностью, чѣмъ когда-нибудь. Ее не могло не поразить ихъ спокойное достоинство; они не только не выражали ни малѣйшаго унынія, но весело говорили о необходимой экономіи въ домашней жизни и въ воспитаніи дѣтей. Нравственные качества м-ра Гаскойна, нѣсколько затемненныя окружавшими его свѣтскими условіями,—подобно тому, какъ идеальная красота женщины ступевывается уродливыми требованіями моды,—выказались съ новымъ блескомъ въ минуту неожиданнаго бѣдствія. Съ замѣчательной рѣшимостью онъ тотчасъ отказался отъ экипажа, мясного блюда за завтракомъ и выписки журналовъ, сталъ носить старую, давно заброшенную одежду, обрѣзалъ всѣ расходы по хозяйству и, взявъ Эдви изъ школы, началъ самъ давать уроки своимъ дѣтямъ. Для физически и нравственно здоровыхъ людей экономія приноситъ своего рода удовольствіе, и примѣру пастора послѣдовало все его семейство. М-съ Гаскойнъ и Анна нисколько не чувствовали перемѣны въ ихъ существованіи и искренно сожалѣли, что самая тяжелая доля общаго несчастья обрушилась на м-съ Давило и ея дѣтей.

Анна впервые забыла свое негодованіе на Гвендолину за отказъ Рексу и ощущала прежнюю, невозмутимую любовь къ двоюродной сестрѣ, а м-съ Гаскойнъ надѣялась, что несчастіе окажетъ благотѣльное вліяніе на племянницу, и потому не считала своей обязанностью усиливать горечь ея положенія. Обѣ опѣ занимались въ этотъ день переборкой старыхъ вещей съ цѣлью устроить шторы и

занавѣсы для сойерскаго котеджа, но при появленіи Гвендолины онѣ оставили въ сторонѣ всѣ заботы и начали весело разговаривать объ ея путешествіи и о томъ счастіи, которое она доставила матери своимъ возвращеніемъ.

Такимъ образомъ, не было никакого основанія Гвендолинѣ обращать свой гнѣвъ съ событій на окружавшихъ ее людей; какъ-бы подчиняясь общему настроенію, она внимательно слушала рассказъ дяди о его усиліяхъ достать ей приличное мѣсто. Онѣ не забылъ Грандкорта, но былъ слишкомъ практиченъ, чтобъ разсчитывать на бракъ племянницы при настоящихъ обстоятельствахъ, и энергично принялся за прискиваніе выгоднаго для нея мѣста.

— Нельзя было терять ни минуты, Гвендолина, сказалъ онѣ, — потому что не сразу можно найти мѣсто въ хорошемъ семействѣ. Но мнѣ посчастливилось: узнавъ, что епископу Момперту нужна гувернантка, я списался съ нимъ. Дѣло, кажется, улажено; м-сь Момпертъ, которую я знаю такъ-же хорошо, какъ и ея мужа, желаетъ тебя видѣть. По всей вѣроятности, проѣзжая въ Лондонъ, она назначить тебѣ свиданіе въ Вансестерѣ. Конечно, это свиданіе будетъ тебѣ непріятно, но ты имѣешь время приготовиться.

— А зачѣмъ она хочетъ меня видѣть, дядя? спросила Гвендолина, быстро перебирая въ своей головѣ всѣ непріятныя поводы къ подобному смотру.

— Не бойся, моя милая, отвѣчалъ пасторъ съ улыбкою:— тутъ нѣтъ ничего страшнаго. Она просто желаетъ съ тобою познакомиться: всякая мать, естественно, заботится о нравственныхъ качествахъ подруги своихъ дочерей. Я сказалъ, что ты очень молода, но это ее не пугаетъ, такъ-какъ она сама руководитъ воспитаніемъ дочерей. Она женщина съ большимъ вкусомъ, очень строгихъ правилъ и не желаетъ имѣть французенки въ своемъ домѣ. Я увѣренъ, что она будетъ вполне довольна твоими талантами и манерами; что-же касается религіознаго и нравственнаго воспитанія, то этимъ занимается она и самъ епископъ.

Гвендолина не смѣла отвѣчать, но она вся вспыхнула и черезъ минуту поблѣднѣла, — такъ сильно было въ ней отвращеніе къ предлагаемому плану. Анна сочувственно взяла ее за руку, а м-ръ Гаскойнъ, стараясь загладить непріятное впечатлѣніе, которое должна была произвести на молодую дѣвушку необходимость идти въ гувернантку, сказалъ съ веселой улыбкою:

— Я считаю это мѣсто до того блестящимъ, что воспользовался-бы имъ для Анны, если-бъ она могла удовлетворить требованіямъ м-съ Момпертъ. Ты будешь тамъ совершенно дома и никогда не вспомнишь, что ты гувернантка. Епископъ—мой старый пріятель, несмотря на то, что мы не сходимся съ нимъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросахъ.

Однако, эти слова нисколько не расположили Гвендолину въ пользу епископскаго семейства и она послѣдшне спросила:

— Мама, кажется, говорила, что у васъ было для меня еще другое мѣсто?

— Да, есть, но это мѣсто въ школѣ, отвѣчалъ пасторъ, качая головою;—тамъ болѣе труда и, конечно, тебѣ не будетъ такъ хорошо. Къ тому-же получить это мѣсто гораздо труднѣе.

— Да, милая Гвендолина, прибавила м-съ Гаскойнъ,—мѣсто въ школѣ далеко не такъ прилично и у тебя даже не было-бы отдѣльной комнаты.

Вспомнивъ о положеніи гувернантокъ въ школѣ, гдѣ она воспитывалась, Гвендолина должна была согласиться, что послѣдній планъ былъ еще хуже перваго. Поэтому, какъ-бы раздѣляя мнѣніе дяди, она спросила:

— А когда м-съ Момпертъ пришлетъ за мною?

— Она не назначила дня, но обѣщала не брать никого прежде свиданія съ тобою. Она съ большимъ чувствомъ говорила о нашемъ несчастіи. По всей вѣроятности, она будетъ въ Вансестерѣ недѣли черезъ двѣ. Но мнѣ пора идти; я отдаю часть своей земли въ аренду на очень выгодныхъ условіяхъ.

Съ этими словами пасторъ удалился, вполне убѣжденный, что его совѣтъ будетъ принятъ и молодая дѣвушка, какъ всякій умный человѣкъ, примирится съ обстоятельствами.

— Генри—удивительная поддержка для всѣхъ насъ, сказала м-съ Гаскойнъ послѣ ухода мужа.

— Да, замѣтила м-съ Давило,—какъ я была-бы рада такъ-же мало поддаваться унынію, какъ онъ.

— Рексъ очень походить на Генри, продолжала м-съ Гаскойнъ:—вы не можете себѣ представить, какое утѣшеніе доставило намъ всѣмъ послѣднее его письмо. Я вамъ прочту изъ него кое-что.

Однако, оказалось, что въ письмѣ было слишкомъ много наме-

ковъ на недавнее прошлое и потому м-съ Гаскойнъ, пробѣжавъ его глазами, спрятала въ карманъ.

— Вообще онъ говорить, что неожиданное стѣсненіе въ нашихъ обстоятельствахъ сдѣлало его человѣкомъ, сказала она:—онъ рѣшился работать безъ устали, получить ученую степень, взять на свое попеченіе нѣсколькихъ учениковъ, заняться воспитаніемъ брата и т. д. Въ письмѣ, какъ всегда, много шутокъ. Онъ, наприѣвъ, говорить: „Скажите мамѣ, пусть она припомнитъ, что напечатала объявленіе, въ то время, когда я хотѣлъ эмигрировать, о томъ, что она ищетъ хорошаго, работающаго сына: я теперь предлагаю ей свои услуги“. Со времени рожденія Рекса ничто такъ не трогало моего мужа, какъ это письмо. Мнѣ кажется, что наше горе пуськи въ сравненіи съ этимъ счастьемъ.

Въ сущности это письмо послужило главной причиной любезнаго пріема Гвендолины Анной и м-съ Гаскойнъ; она сама была очень довольна разсудительностію молодого человѣка и съ улыбкой взяла за подбородокъ Анну, какъ-бы говоря: „ну, теперь ты на меня не сердись“. Вообще она не отличалась злобой для злобы и не находила эгоистичнаго удовольствія въ причиненіи горя другимъ, а только не могла терпѣть, чтобъ другіе причиняли ей горе.

Но когда разговоръ перешелъ на мебель для сойерскаго котеджа, Гвендолина не могла выразить ни малѣйшаго интереса къ этимъ неприятнымъ мелочамъ. Она полагала, что уже достаточно въ это утро напрягала свои силы, и считала себя героиней, потому что умѣла скрывать происходившую въ ней борьбу. Отвращеніе къ единственному пути, отрывавшемуся передъ нею, было теперь сильнѣе, чѣмъ она когда-нибудь ожидала. Мало того, что, продолжѣвъ всѣ свои чувства, она согласилась поступить въ епископскій домъ, ей предстояло еще явиться на торжественный смотръ и увидѣть, согласятся-ли ее принять. Даже въ качествѣ гувернантки она подлежала экзамену и браковкѣ. Притомъ ей грозило быть постоянно подъ контролемъ епископа и его жены, которые могли потребовать серьезныхъ познаній отъ юной красавицы, привышей къ тому, что свѣтъ принималъ ея веселую болтовню за доказательство необыкновеннаго ума. Дикая мысль бѣжать изъ родительскаго дома и сдѣлаться актрисой на зло Влесмеру блеснула въ ея головѣ, но ее пугало общество грубыхъ людей, которые стали-бы обращаться съ нею оскорбительно, фамиллярно. Несмотря на всю

свою смѣлость, Гвендолина не имѣла ничего общаго съ искательницей приключеній и основнымъ ея желаніемъ было всегда, чтобъ ее всѣ принимали за кровную аристократку; если-же она однажды и мечтала сдѣлаться героиней игорныхъ домовъ, то лишь подъ условіемъ, чтобъ никто не смѣлъ смотрѣть на нее съ презрительной провіей, какъ Деронда. Она такъ привыкла къ общему поклоненію и баловству, что считала это необходимостью въ жизни, какъ пища и одежда. Поэтому неудивительно, что припоминая слова Клесмера, она находила епископскую тюрьму не столь ужасной, какъ сомнительную свободу театра. Всѣми фибрами своего существованія она возставала противъ тяжелой участи, выпавшей на ея долю, когда всѣ обстоятельства подготавливали ее къ совершенно иной жизни. Для другихъ членовъ ея семейства, даже для ея матери, никогда ненаслаждавшейся жизнью, поразившее ихъ несчастье, конечно, не было такъ невыносимо, какъ для нея. Что-же касается терпѣливаго ожиданія лучшаго будущаго, то это была пустая мечта, такъ-какъ ея необыкновенныя достоинства, повидимому, никогда не будутъ признаны, а недавній жизненный опытъ научилъ ее не довѣрять розовымъ надеждамъ молодыхъ дѣвушекъ, даже самыхъ скромныхъ, на неожиданное появленіе красиваго, богатаго жениха. Весь міръ ей опротивѣлъ и она не понимала, къ чему жить въ такой мрачной обстановкѣ. Ничто ее не поддерживало; всѣ религиозныя и нравственныя взгляды на несчастье казались ей пустыми словами, тѣмъ болѣе, что она приписывала бѣдствія своего семейства порочности другихъ людей. Сладость труда, гордое сознаніе исполненнаго долга, интересъ энергичной дѣятельности и постояннаго знакомства съ новыми условіями жизни, низость людей, неработающихъ на общую пользу, высокое призваніе педагога — все это были для нея смутныя, теоретическія фразы; одинъ фактъ смотрѣлъ злобно ей въ глаза — необходимость унизиться до положенія гувернантки. А въ понятіяхъ Гвендолины счастье всегда соединялось съ личнымъ превосходствомъ, съ пышнымъ блескомъ. Безъ этихъ необходимыхъ условій жизнь казалась ей безцѣльной, и, конечно, въ этомъ она не очень разнилась отъ насъ всѣхъ, которые часто поддаемся низкому понятію о жизни, только потому, что слишкомъ чутки ко всему, касающемуся лично насъ, и не обращаемъ достаточно вниманія на то, что постороннему кажется гораздо важнѣе. Такимъ обра-

зомъ, мы не имѣемъ права не пожалѣть это юное созданіе, которое, вступивъ въ лабиринтъ жизни безъ путеводной нити вдругъ увидало на своемъ пути страшную бездну, вырытую подъ ея ногами мрачнымъ сомнѣніемъ въ себѣ и въ своей будущности.

Несмотря на ея здоровую натуру, эта борьба внутреннихъ чувствъ съ внѣшними необходимостями жизни подѣйствовала на нее физически: она ощущала какую-то мертвую апатію и не могла ни за что приняться. Малѣйшее напряженіе силъ выводило ее изъ себя; ѣсть и пить ей было въ тягость, а разговоръ съ окружающими невольно сердилъ ее. Мысль о самоубійствѣ, къ которому такъ падка разочарованная молодежь, противорѣчила всѣмъ ея инстинктамъ и ее приводило въ отчаяніе безпомощное сознаніе, что ей не оставалось ничего другого, какъ жить ненавистнымъ для нея образомъ. Она избѣгала дальнѣйшихъ посѣщеній пасторскаго дома и даже сказывалась больной, когда Анна приходила въ Офендинъ, потому что ей было противно на словахъ соглашаться съ тѣмъ, противъ чего она возставала въ глубинѣ своего сердца. Она никакъ не могла выказывать на практикѣ того холоднаго спокойствія, на которое она теоретически давно рѣшилась, и утѣшала себя мыслью, что съумѣетъ притворяться, когда это будетъ крайне необходимо.

Однажды, сидя молча въ спальнѣ съ матерью, которая разбирала ея вещи, по временамъ съ грустью поглядывая на любимое дѣтище, Гвендолина вдругъ встала и подошла къ шкатулкѣ съ своими драгоценностями.

— Мама, сказала она съ усліемъ, — я совершенно забыла объ этихъ вещахъ. Зачѣмъ вы мнѣ о нихъ не напомнили? Пожалуйста, продайте ихъ. Вѣдь вамъ не жаль съ ними разстаться, такъ какъ вы давно подарили ихъ мнѣ.

— Я лучше желала-бы сохранить ихъ для тебя, отвѣчала м-съ Давило, которая теперь помѣнялась ролями съ дочерью и должна была служить ей нравственной поддержкой; — но скажи пожалуйста, какъ попалъ носовой платокъ въ эту шкатулку!

И она указала на платокъ съ оторваннымъ угломъ, который Гвендолина бросила въ шкатулку вмѣстѣ съ бирюзовымъ ожерельемъ въ Лейбронѣ.

— Не знаю, я торопилась и случайно сунула его вмѣстѣ съ ожерельемъ, сказала Гвендолина, пряча платокъ въ карманъ; —

не продавайте, мама, ожерелья, прибавила она подъ вліяніемъ какого-то новаго чувства къ спасенію этой вещи, которое прежде ей казалось столь оскорбительнымъ.

— Нѣтъ, дитя мое; оно сдѣлано изъ цѣпочки твоего отца. Я не желала-бы продавать и другихъ вещей; за нихъ дадутъ немного. То, что дѣйствительно было дорого, уже давно исчезло, прибавила она, покраснѣвъ и съ неудовольствіемъ вспоминая о похищеніи большей части ея драгоценностей вторымъ мужемъ;— я никогда не рассчитывала ихъ продать; лучше возьми ихъ съ собою.

— Да къ чему, они мнѣ? промолвила холодно Гвендолина:— гувернантки не носятъ брилліантовъ и драгоценныхъ камней. Вы лучше купите мнѣ сѣрую ливрею, какъ у пріятскихъ дѣтей.

— Не смотри, голубушка, такъ мрачно на предстоящую тебѣ жизнь. Я увѣрена, что Момпертамъ очень понравится, если ты будешь прилично одѣваться.

— Я не знаю, что нравится Момпертамъ, но уже достаточно и того, что я должна заботиться объ ихъ вкусахъ, произнесла Гвендолина съ горечью.

— Если ты желаешь чего-нибудь другого лучше, чѣмъ поступить къ Момпертамъ, то скажи прямо. Я сдѣлаю все, что можно, но не скрывай отъ меня ничего. Намъ легче будетъ перенести горе виѣсть.

— Да мнѣ нечего говорить, мама; лучшаго положенія мнѣ не предстоитъ. Слава-богу, если Момперты согласятся меня взять. По крайней мѣрѣ, я наживу много денегъ, а теперь это главное. Цѣлый годъ мнѣ не нужно будетъ никакихъ расходовъ и вы получите всѣ 80 фунтовъ. Я не знаю, какую помощь они вамъ окажутъ въ хозяйствѣ, но все-же вы не будете вынуждены портить свои милые глаза излишней работой.

Гвендолина произнесла эти слова не только безъ нѣжныхъ ласкъ, которыми прежде она окружала мать, но даже не смотря на нее и разглядывая ожерелье.

— Господь тебя вознаградитъ за любовь къ матери, дитя мое, сказала м-съ Давило со слезами на глазахъ,—но не отчаявайся. Ты еще молода и, можетъ быть, тебя ожидаетъ въ будущемъ большое счастье.

— Я не вижу причины на это надеяться, резко отвѣчала Гвендолина.

М-съ Давило замолчала, спрашивая себя по обыменовію: „что же случилось между нею и Грандвортонъ?“

— Я оставлю у себя ожерелье, мама, сказала Гвендолина послѣ минутнаго молчанія, — а остальные вещи продайте за что-бы то ни было. Я ужъ ихъ никогда не надѣну. Я отрекаюсь отъ міра, какъ монахиня. Неужели всѣ несчастныя послушницы чувствуютъ то, что я?

— Не преувеличивай, голубушка.

— Какъ вы можете знать, что я преувеличиваю, когда я говорю о своихъ чувствахъ, а не о чужихъ?

Она вынула изъ кармана носовой платокъ съ оторванными углошъ, снова завернула въ него ожерелье и спрятала его въ свой нессеръ. М-съ Давило посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, но не посмѣла спросить объясненія этого страннаго поступка; впрочемъ, и сама Гвендолина была-бы въ затрудненіи дать удовлетворительный отвѣтъ. Внутреннее побужденіе, заставлявшее ее оставить у себя ожерелье, было особаго, сложнаго и даже неблагоприятнаго характера. Оно происходило отъ того элемента суевѣрія, который существуетъ во многихъ людяхъ, несмотря на ихъ умъ и образованіе, такъ-какъ страхъ и надежда, касающіеся лично насъ, сильнѣе всякихъ аргументовъ за или противъ нихъ. Гвендолина не могла отдать себѣ яснаго отчета, почему она вдругъ не захотѣла разставаться съ ожерельемъ, какъ она затруднилась-бы объяснить, почему ей бывало страшно оставаться одной въ полѣ. Она ощущала какое-то смутное, но могучее волненіе при воспоминаніи о Дерондѣ; но было-ли это оскорбленная гордость и негодованіе или страхъ и неограниченное довѣріе — трудно сказать. Для объясненія нашихъ бѣдствій часто необходимо принимать въ соображеніе обширную невѣдомую и на карты ненанесенную область нашего ума и сердца.

ГЛАВА XXV.

Какъ опредѣлять всё почему и отчего въ умѣ, гдѣ преобладаетъ надменный эгоизмъ, гдѣ погасли всё опредѣленные желанія и побужденія, а лишь иногда появляются среди обнаженной пустыни легко удаваемые тернія неожиданныхъ капризовъ? Такое умственное положеніе пронстекаетъ отъ жизни легкомысленной, широкой, неограниченной никакимъ долгомъ. *Nam deterioris omnes sumus licentiae*, говоритъ Теренцій, или проще: «какъ угодно—дурная путеводная нить».

Великіе государи даютъ знать міру о своихъ намѣреніяхъ и колеблютъ фонды на биржѣ очень немногими, лаконическими словами. Точно также Грандкортъ, узнавъ объ отъѣздѣ Гвендолины изъ Лейброна, замѣтилъ небрежно въ общемъ разговорѣ, что эти модныя минеральныя воды были худшей труппой, чѣмъ Баденъ. Этого замѣчанія было достаточно для м-ра Луша и онъ тотчасъ понялъ, что его патронъ намѣренъ возвратиться въ Дипло. Конечно, исполненіе этого плана не было мгновенное и втеченіи цѣлаго слѣдующаго дня Грандкортъ не далъ прямого приказанія готовиться въ путь, быть можетъ, отчасти потому, что Лушъ значительно ожидалъ такого распоряженія. Онъ долго медлил за своимъ туалетомъ, послѣ котораго всегда казался поблекшимъ слѣпкомъ безукоризненнаго приличія, невольно заставлявшимъ краснѣть за свою пошлость здоровья, кровь съ молокомъ, лица; потомъ онъ, по обыкновенію, пошелъ на терасу, въ игорную залу, въ читальню и вообще слонялся цѣлый день безъ всякой цѣли, не обращая вниманія ни на кого и ни на что. Впрочемъ, встрѣтивъ леди Малинджеръ, онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнял шляпу и внимательно выслушалъ замѣчаніе о цѣлительной силѣ минеральныхъ водъ Лейброна.

— Да, отвѣчалъ онъ;—я слыхалъ, что, по благодати Провидѣнія, игорныя притоны всегда одарены цѣлебными источниками.

— О! это, вѣрно, шутка, сказала невинная леди Малинджеръ, обманутая серьезнымъ тономъ Грандкорта.

— Можетъ быть, произнесъ онъ тѣмъ-же тономъ.

Леди Малинджеръ, однако, сочла не лишнимъ повторить этотъ разговоръ своему мужу и сэръ Гюго замѣтилъ:

— Повѣрь, онъ не дуракъ и въ состояннн опѣнить шутку. Онъ разыграетъ любую игру не хуже насъ съ тобой.

— А мнѣ онъ никогда не казался очень умнымъ, отвѣчала леди Малинджеръ, какъ-бы въ оправданіе себя.

Вообще она не любила встрѣчаться съ Грандкортъ, который ей постоянно напоминалъ объ единственной ея винѣ въ отношеніи мужа, именно, что она не подарила ему сына. Ей постоянно казалось, что онъ могъ по этой причинѣ сожалѣть о своей женитьбѣ, и, по всей вѣроятности, если-бъ не былъ такъ добръ, сталъ-бы съ нею обращаться грубо, какъ естественно можно ожидать отъ всякаго человѣка, разочарованнаго въ своихъ надеждахъ.

Кромѣ леди Малинджеръ, Грандкортъ удостоилъ своимъ разговоромъ Даниеля Деронду, который учтиво отвѣчалъ, хотя и не питалъ къ нему большой пріязни. Но подозрѣвая, что сэръ Гюго былъ виновенъ въ его темномъ происхожденіи, и что, если-бъ не существовало этой вины, онъ могъ быть законнымъ наслѣдникомъ сэра Гюго, вмѣсто Грандкорта, Деронда рѣшился никогда не давать повода послѣдному предполагать, что онъ ему завидуетъ. Впрочемъ, это ни мало не мѣшало Грандкортъ быть увѣреннымъ, что его двоюродный братъ съ лѣвой стороны питаетъ къ нему смертельную зависть, и эта мысль, удовлетворяя его чувству эгоизма, дѣлала присутствіе Деронды для него гораздо пріятнѣе, чѣмъ можно было предположить. Поэтому онъ заговорилъ съ Дерондой на терасѣ о предстоящемъ охотничьемъ сезонѣ и даже пригласилъ его къ себѣ въ Дипло.

Душъ былъ очень доволенъ этой отсрочкой ихъ возвращенія въ Англію и съ удовольствіемъ бесѣдовалъ о своемъ жестокомъ патронѣ съ сэромъ Гюго, который охотно слушалъ скандальныя рассказы, называя ихъ *traits de mœurs*, но никогда не передавалъ ихъ людямъ, смотрѣвшимъ слишкомъ серьезно на жизнь. Поэтому эти разговоры происходили всегда въ отсутствіи Деронды, который считалъ Грандкорта безкровнымъ существомъ и не желалъ вовсе узнать, какъ исчезла кровь изъ его венъ.

— Вы увѣдомляйте меня отъ времени до времени о всемъ, происходящемъ въ Дипло, сказалъ сэръ Гюго; — если бракъ съ миссъ Гарлетъ состоится или по какому-либо другому случаю Грандкортъ будетъ нуждаться въ деньгахъ, ему, конечно, лучше согласиться на мой планъ, чѣмъ обременять долгами Райландсъ.

— Конечно, отвѣчалъ Лущъ,—но не надо слишкомъ настаивать. Грандкортъ не всегда дѣлаетъ то, чего требуетъ его прямой интересъ, особенно когда это выгодно и другимъ. Вы знаете, что я ему преданъ и въ продолженіи пятнадцати лѣтъ жертвовалъ всѣмъ ради него. Я при немъ вродѣ опекуна, съ двадцатилѣтняго его возраста, и ему трудно было-бы замѣнить меня кѣмъ-нибудь другимъ. У него странный характеръ, хотя онъ въ юности былъ очень привлекателенъ, и теперь, если-бъ хотѣлъ, могъ-бы сохранить свои прежнія чары. Я очень къ нему привязанъ и, право, ему было-бы плохо, если-бъ я его покинулъ.

Сэръ Гюго не нашелъ нужнымъ выразить своего сочувствія или одобренія и Лущъ продолжалъ восхвалять себя.

На другое утро Грандкортъ встрѣтилъ его словами:

— Вы все приготовили для отъѣзда въ Парижъ съ слѣдующимъ поѣздомъ?

— Я не зналъ, что вы намѣрены ѣхать, отвѣчалъ Лущъ, несколько неудивленный.

— Вы могли-бы догадаться, промолвилъ Грандкортъ, смотря на обгорѣлый кончикъ своей сигары и говоря хотя не громко, но самымъ презрительнымъ тономъ, недопуская никакого возраженія;—ну, смотрите-же, чтобъ все было готово, и позаботьтесь, чтобъ въ нашъ вагонъ не сѣла какая-нибудь скотина. Да не забудьте отнести къ Малинджерамъ мои карточки.

На слѣдующій день они уже были въ Парижѣ; и Лущъ, къ величайшему своему удовольствію, получилъ предложеніе или, лучше сказать, приказаніе отправиться впередъ въ Дипло, куда Грандкортъ послѣдовалъ за нимъ только черезъ нѣсколько дней.

Этотъ промежутокъ времени Лущъ посвятилъ на приведеніе въ порядокъ дипломскаго дома и на собраніе справокъ о Гвендолинѣ. Узнавъ о несчастѣ, поразившемъ ея семейство, онъ рѣшительно недоумѣвалъ, какое вліяніе она произведетъ на капризнаго, но вѣстѣ съ тѣмъ упрямаго Грандворта, который могъ, съ одной стороны, теперь охотнѣе сдѣлать предложеніе, уже не боясь унижительнаго отказа, а съ другой — эта увѣренность въ успѣхѣ могла усилить его нерѣшительность. Лущъ зналъ хорошо своего патрона и потому всегда сомнѣвался, какъ онъ поступитъ въ данномъ случаѣ. Ему могла войти въ голову мысль поразить всѣхъ своимъ благороднымъ самоотверженіемъ, женившись на бѣдной дѣ-

вужь, а не на миліонщикѣ; но противъ этого предположенія можно было сказать, что Грандкортъ всего менѣе былъ склоненъ въ благороднымъ побужденіямъ. Такимъ образомъ, размышляя о будущемъ, Лушъ былъ увѣренъ только въ одноѣ — въ своемъ нежеланіи этого брака. Онъ лично согласился-бы съ удовольствіемъ, чтобъ Грандкортъ женился на миссъ Аропонитъ или на м-съ Глашеръ. Въ первомъ случаѣ его роскошное существованіе было-бы обезпечено на вѣки, а во второмъ — онъ могъ разчитывать на благодарность м-съ Глашеръ за ея постоянное, дружеское содѣйствіе. Точно также онъ не имѣлъ ничего и противъ того, чтобъ Грандкортъ остался холостымъ; но положительно противился его женитьбѣ на дерзкой, непріятной молодой дѣвушкѣ, которая въ концѣ-концовъ принесла-бы несчастье своему мужу и нарушила-бы спокойное существованіе его стараго друга, соглашавшагося вести такъ долго собачью жизнь только въ виду обезпеченія за нимъ навсегда роскошной обстановки.

Въ первый день своего пріѣзда въ Дипло Грандкортъ былъ такъ занятъ лошадьми, что Лушъ не нашель минуты рассказать ему о случившемся въ Офендинѣ и узнать объ его намѣреніяхъ. На слѣдующее-же утро Грандкортъ былъ нѣмъ, какъ рыба, несмотря на всѣ попытки Луша завести съ нимъ, разговоръ, но когда онъ хотѣлъ выйти уже изъ комнаты, Грандкортъ произнесъ лѣниво:

— Ну?

— Что тамъ? отвѣчалъ Лушъ, который не всегда выслушивалъ почтительно рѣзкія выходки своего патрона.

— Затворите дверь. Я не могу кричать въ коридоръ.

Лушъ затворилъ дверь и усѣлся противъ Грандкорта, который черезъ минуту спросилъ:

— Миссъ Гарлетъ въ Офендинѣ?

Онъ былъ вполне увѣренъ, что Лушъ уже наведъ справки и что этотъ вопросъ былъ ему непріятенъ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ небрежно; — ея семейство и Гаскойны совершенно разорились, благодаря какимъ-то мошенническимъ спекуляціямъ. Бѣдная м-съ Давило осталась безъ всякихъ средствъ въ жизни и должна съ дочерью перебраться въ бѣдную лачужку.

— Пожалуйста не лгите, произнесите Грандкортъ тихо. — Это вовсе не забавно и ни къ чему не ведетъ.

— Что вы хотите сказать? воскликнулъ Лушъ, чувствуя болѣе обыкновеннаго нанесенное ему оскорбленіе.

— Скажите правду.

— Я ничего не выдумалъ. Я слышалъ эту новость отъ многихъ, между прочимъ, отъ управляющаго лорда Бракеншо, который передаетъ Офендинъ въ аренду другому лицу.

— Я не объ этомъ спрашиваю, отвѣтите просто: здѣсь миссъ Гарметъ или нѣтъ?

— Клянусь, я не знаю, отвѣчалъ Лушъ недовольнымъ тономъ; — можетъ быть, она вчера уѣхала. Я слышалъ, что она пошла куда-то въ гувернантки. Но если вы ее желаете видѣть, то, конечно, мать вернетъ ее, прибавилъ онъ съ невольной ироніей.

— Пошлите Гутчинса спросить, будетъ-ли она дома завтра.

Лушъ не двинулся съ мѣста. Въ его глазахъ Грандкортъ хотѣлъ сдѣлать такую неосторожность, отъ которой онъ обязанъ былъ его предохранить, и вполне вѣря въ необходимость для него своихъ услугъ, онъ сказалъ съ неожиданной смѣлостью:

— Помните, Грандкортъ, что теперь дѣло серьезное; вы не можете просто ухаживать за нею, какъ до сихъ поръ. Вы должны рѣшить вопросъ, желаете-ли вы получить ея согласіе и готовы-ли перенести отказъ.

Грандкортъ ничего не отвѣчалъ, но бросилъ на полъ газету и закурилъ новую сигару. Лушъ принялъ это за разрѣшеніе продолжать и желая главнымъ образомъ узнать, что болѣе пугало его патрона: вѣроятность успѣха или возможность неудачи, произнесъ тѣмъ-же дружескимъ тономъ:

— Теперь совершенно другое дѣло. Вы не можете оставить матери вашей жены въ бѣдности, а потому вамъ придется содержать все ея семейство. Все это будетъ стоить громадныхъ денегъ, а вы знаете, что у васъ доходы ограниченные. Къ тому-же, что вамъ дать этотъ бракъ? Теперь вы хозяинъ своимъ помѣстьямъ, настоящимъ и будущимъ. Жаль отягощать ихъ долгами, благодаря капризу, въ которомъ вы расклетаетесь черезъ годъ. Право, мнѣ будетъ жаль, если вы безъ всякой причины испортите всю вашу жизнь.

Тонъ Луша съ каждымъ словомъ становился все торжественнѣе, словно онъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ. Когда онъ кончилъ, Грандкортъ вынулъ сигару изъ рта и медленно произнесъ:

— Я уже прежде зналъ, что вы не желаете моего брака съ миссъ Гарлетъ. Но я никогда не считалъ этого достаточной причиною отказать отъ своего намѣренія.

— Я на это и не рассчитывалъ, отвѣчалъ Лушъ сухо; — я не приводилъ своего мнѣнія, какъ доказательства противъ брака. Но мнѣ казалось, что противъ него много причинъ, и, между прочимъ, нелѣпая роль рыцаря, которую вамъ пришлось-бы разыграть. Вы знаете, что до вашего отъѣзда отсюда вы не могли рѣшиться на этотъ бракъ. Не можетъ быть, чтобъ вы ее очень любили. Вы слышали въ Лейбронѣ, на какія выходки она способна. Впрочемъ, я желалъ только указать вамъ, что теперь нельзя болѣе колебаться, а надо поступать прямо.

— Правда, сказалъ Грандкортъ, смотря въ глаза Лушу; — я такъ и намѣренъ. Можетъ быть, вамъ это очень неприятно, но вы зло ошибаетесь, если думаете, что я обращаю вниманіе, чертъ возьми, на ваше мнѣніе.

— Хорошо, отвѣчалъ Лушъ, вставая и чувствуя, что въ немъ проснулась злоба;—если вы рѣшились на этотъ бракъ, то позвольте указать вамъ еще на другую сторону вопроса. Я до сихъ поръ предполагалъ, что она непрежѣнно согласится на ваше предложеніе, такъ-какъ нищей нечего выбирать; но я, право, не знаю, можно-ли на это рассчитывать. Она мужественная дѣвушка, и имѣла причины уѣхать отсюда.

Лушъ говорилъ смѣло, не боясь послѣдствій, потому что онъ былъ увѣренъ въ необходимости для Грандкорта его услугъ. Онъ предвидѣлъ, что Гвендолина его удалитъ, и потому рискнулъ на открытую ссору, надѣясь, что рано или поздно Грандкортъ вернетъ его къ себѣ.

— Она имѣла причины уѣхать отсюда, повторилъ онъ знаменательно.

— Я зналъ это и безъ васъ, отвѣчалъ Грандкортъ съ презрительной улыбкой.

— Но вы не знаете и теперь этихъ причинъ.

— А вамъ, повидимому, онъ извѣстенъ? произнесъ Грандкортъ небрежно, какъ-бы не интересуясь ихъ узнать.

— Да, знаю, и вамъ скажу, чтобы вы могли судить, какъ сильно ваше вліяніе на нее, если она изъявитъ согласіе. Но я очень въ этомъ сомнѣваюсь. Она видѣла Лидію въ Кардельскомъ лѣсу и знаетъ всю вашу исторію.

Грандкортъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ курить. Молчаніе это продолжалось долго; наконецъ, онъ взглянулъ на Лушу и презрительно произнесъ:

— Такъ что-жь?

Лушъ пожалъ плечами и направился къ дверямъ, но Грандкортъ, пододвинувъ свой стулъ къ письменному столу, спокойно сказалъ, точно между ними ничего не произошло:

— Будьте такъ добры, подайте мнѣ бумаги и перо.

Никакой тиранъ-начальникъ не имѣлъ такой силы надъ своими подчиненными, какъ Грандкортъ надъ окружающими его. Всѣ ему повиновались, хотя часто спрашивали себя, отчего они не пошлютъ его къ ~~дверямъ~~, а исполняютъ его приказанія.

— Подождите письма, сказалъ Грандкортъ, когда Лушъ исполнилъ его желаніе, и, поспѣшно написавъ записку, оттолкнулъ ее отъ себя.— Пошлите тотчасъ съ Гутчинсомъ.

Какъ ожидалъ Лушъ, письмо было адресовано миссъ Гарлетъ въ Офендинъ. Послѣ первой вспышки гнѣва онъ былъ очень радъ, что дѣло обошлось безъ открытой ссоры, но онъ все-же понималъ, что Грандкортъ будетъ имѣть противъ него зубокъ и рано или поздно отомститъ ему. Также было очевидно, что его слова только усилили рѣшимость Грандворта, но что изъ всего этого произойдетъ—онъ рѣшительно не могъ предугадать.

ГЛАВА XXVI.

Однажды утромъ м-ръ Гаскойнъ пріѣхалъ въ Офендинъ съ утѣшительнымъ, по его мнѣнію, извѣстіемъ, что м-съ Момпертъ назначила на слѣдующій вторникъ свиданіе съ Гвендолиной въ Вансестерѣ. Онъ ничего не упомянулъ о пріѣздѣ Грандворта въ Дилло, хотя и зналъ объ этомъ; но ему было неизвѣстно, также какъ Гвендолинѣ, что ея поклонникъ ѣздитъ въ Лейбронъ, и онъ не хотѣлъ бесполезно напоминать племянницѣ въ эту горькую минуту униженія о возможной нѣкогда блестящей партіи.

Въ глубинѣ своего сердца онъ осуждалъ племянницу за ея непонятный капризь, хотя и признавалъ, что Грандвортъ первый поступилъ странно, удалившись безъ всякой причины въ самую удобную минуту для предложенія. Практическій пасторъ ясно понималъ, что теперь его обязанность заключалась въ поощреніи племянницы къ мужественному примиренію съ судьбою, такъ-какъ не было никакой надежды на что-либо лучшее.

— Ты найдешь значительный интересъ, милая Гвендолина, сказалъ онъ, — въ близкомъ знакомствѣ съ различными условіями жизни; неиспытанное испытаніе принесетъ тебѣ большую пользу.

— Не думаю, чтобъ когда-нибудь я нашла интересъ въ этой жизни, отвѣчала Гвендолина довольно рѣзко, — но я также знаю, что у меня нѣтъ выбора.

Говоря это, она вспомнила, что дядя точно также совѣтовалъ ей нѣкогда рѣшиться на совершенно иную жизнь.

— Я увѣренъ, что м-съ Момпертъ будетъ довольна тобою, замѣтилъ Гаскойнъ серьезно, — и что ты съумѣешь вести себя въ сношеніяхъ съ женщиной, которая со всѣхъ точекъ зрѣнія стоитъ выше тебя. Несчастье тебя посѣтило въ юности и потому тебѣ легче будетъ его перенести, легче съ нимъ примириться.

Этого именно и не могла сдѣлать Гвендолина. Едва ушелъ дядя, она залилась горькими слезами, что бывало съ нею очень рѣдко. Она не могла согласиться, чтобъ ей было легче перенести несчастье потому, что она молода. Когда-же она узнаетъ счастье, если не въ молодости? Прежнія мечты о безоблачномъ блаженствѣ, о томъ, что ей суждено собирать въ жизни однѣ розы безъ шиповъ, давно исчезли; но горькое разочарованіе въ жизни, въ самой себѣ, въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми, только увеличивало ея мрачное сознаніе безпомощности и у нея не хватало мужества рѣшительно вступить на открывавшійся передъ нею тернистый, бесплодный путь. Она переживала теперь критическую минуту перваго гнѣвнаго протеста юныхъ силъ противъ не прямого горя, а лишь отсутствія радости. Успокоенные опытомъ жизни, мы признаемъ нелѣпыми эти горькія сѣтованія на несправедливость судьбы, поразившей тяжелымъ ударомъ именно насъ, а не кого другого, но въ свое время прошли черезъ тотъ-же фазисъ человѣческой жизни. Представьте себѣ, существу, которое вѣрить въ свою святость, перестаютъ покланяться и оно не можетъ какимъ-либо чу-

домъ возстановить своего погибшаго авторитета передъ собою и всѣмъ міромъ! Нѣчто подобное произошло съ бѣдной, избалованной Гвендолиной, которая вдругъ сознала, что ея прелестныя губы, чудные глаза и величественный станъ потеряли свою чарующую силу.

Долго сидѣла Гвендолина, погруженная въ свои грустныя мысли; потомъ она встала и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; слезы продолжали медленно струиться по ея щекамъ. Она думала: „Я всегда съ дѣтства считала маму унылой, мрачной женщиной, а я, вѣроятно, буду еще хуже“. И живое воображеніе молодой дѣвушки рисовало печальную картину ея будущей жизни: она видѣла себя увядшей, старой дѣвой, а мать дряхлой, сѣдой старухой, повторяющей грустно: „бѣдная Гвенъ, и она приуныла“. Тутъ впервые Гвендолина громко зарыдала, не со злобою, а съ какимъ-то нѣжнымъ сожалѣніемъ о своей несчастной судьбѣ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась м-съ Давило и Гвендолина быстро поднесла платокъ къ глазамъ. Мать обняла ее съ любовью и смѣшала свои рыданія съ рыданіями дочери. Наконецъ Гвендолина пересилила свое волненіе и, тяжело вздохнувъ, взглянула на мать, которая была очень блѣдна и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Это ничего, мама, сказала молодая дѣвушка, полагая, что ея смущеніе происходило отъ состраданія къ дочери; — теперь все прошло.

Но м-съ Давило держала въ рукахъ какое-то письмо и смотрѣла на него съ испугомъ.

— Что это за письмо? еще дурныя вѣсти? спросила съ горечью Гвендолина.

— Не знаю, какъ ты взглянешь на дѣло, голубушка, отвѣчала м-съ Давило, не выпуская письма изъ рукъ; — ты никогда не догадаешься, откуда оно.

— Я не могу ничего отгадывать, нетерпѣливо промолвила Гвендолина.

— Оно адресовано тебѣ.

Гвендолина едва замѣтно покачала головою.

— А привезъ его грумъ изъ Дипло, сказала м-съ Давило, от давая письмо.

Узнавъ неразборчивый почеркъ Грандкорта, Гвендолина вспыхнула, но по мѣрѣ того, какъ она читала записку, она все болѣе и болѣе блѣднѣла, а когда молча передала ее матери, то въ лицѣ ея не было ни кровинки. М-съ Давило прочла слѣдующее:

„М-ръ Грандкортъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе миссъ Гарлетъ и проситъ позволенія пріѣхать завтра въ два часа къ ней въ Оффендинъ. Онъ только-что возвратился изъ Лейброна, гдѣ надѣялся застать миссъ Гарлетъ“.

— Надо отвѣтить, сказала м-съ Давило, видя, что Гвендолина задумалась и выронила изъ рукъ письмо;—гумъ ждеть.

Молодая дѣвушка опустила на кушетку и устремила глаза въ пространство. Она теперь походила на человѣка, пораженнаго необычайными звуками и недоумѣвавшаго, что-бы они значили. Неожиданная перемѣна въ ея положеніи могла хоть кого свести съума. За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ она съ безпомощной грустью смотрѣла на открывавшійся передъ нею мрачный, однообразный, но неизбѣжный путь жизни, а теперь ей представлялся выборъ. Она не могла отдать себѣ отчета, что чувствовала теперь: торжество или страхъ? Она не могла не ощутить гордаго самодовольства при мысли, что ея чарующая сила, въ которой она начинала сомнѣваться, была еще всемогуща. Снова отъ нея зависѣло такъ или иначе обставить свою жизнь. Но какъ ей воспользоваться своею силой? Въ этомъ-то и заключался источникъ страха. Съ неимоверной быстротою въ ея головѣ воскресло все, что произошло между нею и Грандкортъ: соблазнъ блестящей партіи, колебанія, рѣшимость принять его предложеніе, энергичный образъ черноокой красавицы съ хорошенькимъ мальчикомъ, ея обѣщаніе не выходить за него замужъ (но давала-ли она это обѣщаніе?) и бѣгство, разочарованіе и недоумѣніе во всему и всѣмъ. Все это сливалось въ одну грозную картину, отъ которой она съ ужасомъ отворачивалась. Какую пользу могъ принести ей снова представившійся выборъ? Чего она желала? Чего-нибудь другого? Нѣтъ, въ глубинѣ ея души впервые проснулось новое чувство: „ахъ! если-бъ я ничего не знала!“

— Тебѣ надо отвѣчать, повторила м-съ Давило послѣ продолжительнаго молчанія;—или, хочешь, я напишу?

— Нѣтъ, мама, я отвѣчу сама, сказала Гвендолина, тяжело вздохнувъ; — пожалуйста приготовьте мнѣ перо и бумагу.

Она сказала это для выигрыша времени. Не отклонить-ли ей посѣщеніе Грандкорта? Однакожь, ея пламенная натура брала верхъ надъ страхомъ и ей хотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобъ еще разъ разыграть первую роль.

— Я не понимаю, чего вы беспокоитесь объ отвѣтѣ, мама, сказала Гвендолина, видя, что м-съ Давило, приготовивъ все, что нужно, для письма, смотрѣла на нее вопросительно; — грумъ можетъ подождать. Я не могу отвѣчать въ одну минуту.

— Никто этого и не требуетъ, отвѣчала м-съ Давило, садясь къ столу и взявъ въ руки работу; — онъ можетъ подождать и еще четверть часа, если ты хочешь.

Она сказала это совершенно просто, но Гвендолина почувствовала вдругъ противоположное желаніе поспѣшить съ разрѣшеніемъ труднаго вопроса, такъ-какъ поспѣшность освобождала ее отъ сознательнаго выбора.

— Я не желаю заставить его дожидаться, пока вы кончите эту работу, произнесла Гвендолина, вставая съ своего мѣста.

— Но если ты не можешь рѣшиться? замѣтила м-съ Давило.

— Я должна рѣшиться, отвѣчала молодая дѣвушка, усаживаясь за письменный столъ и утѣшая себя мыслью, что приѣзъ на слѣдующій день Грандкорта нисколько не мѣшалъ ей отвергнуть его предложеніе, которое, конечно, онъ сдѣлаетъ ей формальный образъ.

— Я желала-бы знать, сказала м-съ Давило, пристально смотря на дочь, — извѣстно-ли Грандкору о нашемъ несчастіи, такъ-какъ онъ только-что возвратился изъ Лейброна.

— Это не можетъ составить никакого различія для человѣка въ его положеніи, отвѣчала презрительно Гвендолина.

— Однакожь, для многихъ оно имѣло-бы большую важность, замѣтила м-съ Давило; — не всякій захочетъ взять жену изъ нищенскаго семейства. Если м-ръ Грандкортъ знаетъ о нашемъ разореніи, то его поступокъ доказываетъ глубокую къ тебѣ привязанность.

М-съ Давило говорила съ необыкновеннымъ жаромъ и впервые позволила себѣ высказаться въ пользу Грандкорта. Она до сихъ

поръ боялась своимъ вмѣшательствомъ испортить дѣло, но теперь ея слова произвели такое сильное впечатлѣніе, котораго она и не ожидала. Они возбудили въ умѣ Гвендолины новую мысль о томъ, что могъ-бы сдѣлать Грандкортъ для ея матери, если-бъ она поступила не такъ, какъ собиралась. Но прежде всего надо было отвѣтить, и она сдѣлала это второпяхъ, какъ желала, потому что дѣйствуя такъ, она избавляла себя отъ положительнаго разрѣшенія вопроса и оставляла для себя много выходовъ. Она написала:

„Миссъ Гарлетъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе м-ру Грандкорту, она будетъ дома завтра, въ два часа“.

Когда письмо было отправлено, она встала съ кресла, потянулась и глубоко вздохнула.

— Что ты написала, Гвенъ? спросила м-съ Давило.

— Что я буду дома, отвѣчала Гвендолина гордо, но черезъ минуту прибавила:—вы, мама, не ожидайте чего-нибудь необыкновеннаго отъ пріѣзда м-ра Грандворта.

— Я ни на что не надѣюсь, голубушка, а желаю только, чтобы ты была счастлива. Ты-же никогда мнѣ не говоришь о своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ.

— Не къ чему говорить; когда явится возможность сообщить вамъ пріятное, конечно, я не замедлю раздѣлить съ вами свою радость.

— Но м-ръ Грандкортъ приметъ твое позволеніе пріѣхать сюда за согласіе выйти за него замужъ, такъ-какъ онъ ясно выразилъ въ своей запискѣ намѣреніе сдѣлать тебѣ завтра предложеніе.

— Хорошо, а я намѣрена доставить себѣ удовольствіе отказать ему.

М-съ Давило съ изумленіемъ взглянула на дочь, но Гвендолина положила конецъ разговору, воскликнувъ:

— Бросьте свою противную работу; пойдите погулять, я просто задыхаюсь.

ГЛАВА XXVII.

Въ то время, какъ Грандкортъ на своемъ великолѣпномъ конѣ Юрикѣ скакалъ изъ Дипло въ Оффендинъ, въ сопровожденіи грума,

на Критеріонѣ, Гвендолина сидѣла передъ зеркаломъ и мать причесывала ея длинныя, свѣтлокаштановыя волосы.

— Соберите ихъ, мама, и положите просто на макушкѣ, сказала Гвендолина.

— Тебѣ надо надѣть серьги, сказала м-съ Давило, окончивъ прическу и съ удовольствіемъ смотря въ зеркало на свою дочь, лицо которой какъ-бы просіяло, а глаза блестѣли по-прежнему.

— Нѣтъ, мама, отвѣчала молодая дѣвушка, — я не хочу никакихъ украшеній и надѣну черное шелковое платье. Надо быть въ черномъ, отказывая жениху, прибавила она съ своей старинной улыбкой.

— Можетъ быть, онъ вовсе не сдѣлаетъ предложенія, замѣтила м-съ Давило не безъ намѣренія.

— Если онъ не сдѣлаетъ предложенія, то только потому, что я ему заранѣе откажу, отвѣчала Гвендолина, гордо поднявъ голову.

Съ этими словами она граціозно сошла внизъ въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ, и, смотря ей вслѣдъ, м-съ Давило подумала: „Она снова походитъ на себя. Это, вѣроятно, отъ удовольствія, что его увидитъ. Неужели она рѣшилась твердо ему отказать?“

Гвендолина разсердилась-бы, если-бъ эта мысль была высказана вслухъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе двадцать часовъ, за исключеніемъ очень непродолжительнаго сна, въ ея умѣ происходила постоянная борьба аргументовъ въ пользу и противъ брака съ Грандкортомъ, такъ что прежняя опредѣленная рѣшимость сильно поколебалась. Она и теперь готова была на словахъ отказать Грандкорту, но въ ея рѣшимости исчезла прежняя внутренняя сила; это было тѣло безъ души. Хотя съ самаго момента полученія письма она не хотѣла принять предложенія Грандкорта, но чѣмъ болѣе смотрѣла она въ глаза причинамъ, побуждавшимъ ее къ этому, тѣмъ онѣ казались менѣе грозными, а воображеніе, постоянно работая, видоизмѣняло ея понятія. Смотри долго на неопредѣленный предметъ, можно при живомъ воображеніи придать ему двадцать различныхъ формъ. Тѣ смутныя чувства, которыя удерживали ее отъ этого брака до свиданія съ м-съ Глашеръ въ кардельскомъ лѣсу, теперь совершенно ступшевались и она вполне сознавала, что если-бъ не было этого рокового свиданія, то не существовало-бы и никакой преграды. Въ тотъ памятный день и

немедленно послѣ него она не разсуждала, а дѣйствовала подъ впечатлѣніемъ не только оскорбленной гордости и ревности молодой дѣвушки, не только мрачнаго зрѣлища несчастій другой женщины, но и отъ страха поступить дурно. Она не чувствовала ни малѣйшаго угрызения совѣсти дѣлать все то, что считалось приличнымъ для порядочной женщины, но она съ ужасомъ и съ гордымъ достоинствомъ отворачивалась отъ всего дурного, позорнаго; къ тому-же, и кромѣ боязни позора, она въ глубинѣ своей души считала преступнымъ всякій вредъ другому человѣку.

Но въ чемъ состояли интересы м-съ Глашеръ и ея дѣтей, которымъ она обѣщала не мѣшать? Развѣ другая женщина, выйдя замужъ за Грандкорта, нанесла-бы ей и дѣтямъ дѣйствительный вредъ? Не могла-ли-бы она, напротивъ, принести имъ пользу? Не лучше-ли было Грандкорту жениться? Чего-бы не могла сдѣлать его жена, умѣя пользоваться своею силой? Всѣ ея мысли объ этомъ предметѣ были основаны на одномъ воображеніи, такъ-какъ она знала столько-же о бракѣ, о взаимномъ вліяніи, требованіяхъ и обязанностяхъ супружеской жизни, сколько о магнетическихъ теченіяхъ и о законѣ бурь. Она говорила только, что мать ея не умѣла справляться съ мужемъ, а она съумѣетъ. „Я желала-бы знать, думала она: — что сказала-бы мама, дядя и *естъ* о м-съ Глашеръ и о бракѣ Грандкорта съ кѣмъ-нибудь другимъ?“ Когда мы начинаемъ заботиться о мнѣніи *естъ*, то, очевидно, наше собственное убѣжденіе или поколебалось, или никогда не было твердо. Вспоминая обо всемъ, что она слышала, Гвендолина легко могла убѣдиться, что *естъ* смотрѣли косо на незаконныхъ дѣтей, а не на незаконныхъ отцовъ, что, по мнѣнію всѣхъ, ей нечего было очень заботиться о м-съ Глашеръ и ея дѣтяхъ.

Но мнѣніе другихъ не могло уничтожить пробудившагося въ ней съ самаго начала чувства презрительнаго отвращенія соединить свою юную жизнь съ поблекшимъ, отжившимъ существованіемъ. Конечно, ей никогда не приходила въ голову мысль о любви къ Грандкорту и вообще она всегда считала бракъ желательнымъ помимо любви, которая обязательна только мужчйнѣ, имѣющему починъ въ этомъ дѣлѣ. Она не находила ничего не-пріятнаго въ любви Грандкорта, пока не узнала его прошедшаго, которое возбудило ея гнѣвъ, словно личное оскорбленіе. Это чувство презрительнаго отвращенія глубоко засѣло въ ея душѣ, и

хотя несчастный опытъ послѣднихъ недѣль нежного ступеваль его первый пылъ, но все-же оно поддерживало въ ней рѣшимость отказать Грандкортю. Она не думала измѣнять этой рѣшимости, а только обсуждала вѣроятныя мнѣнія другихъ. Но если-бъ что-нибудь могло ее побудить къ перемѣнѣ, то лишь соблазнъ обезпечить будущность матери. Нѣтъ, она положительно ему откажетъ. А мысль, что онъ пріѣдетъ и получить отказъ, возбуждала въ ней чувство торжества; снова въ ея рукахъ была власть и ей предстояло не смиренно выслушивать мнѣніе объ ея способностяхъ, а гордо пользоваться своей могучей силой.

Подъ вліяніемъ этого чувства или какого другого Гвендолина вздрогнула, услыжавъ стукъ лошадиныхъ подковъ во дворѣ. Миссъ Мери поспѣшно вошла въ комнату и объявила, что Грандкортъ ждетъ въ гостиной. Призвавъ на помощь всю свою энергію, молодая дѣвушка вышла къ нему, съ серьезной учтивостью протянула ему руку. Онъ спросилъ объ ея здоровьѣ, по обычаю, тихо, медленно; она отвѣчала почти тѣмъ-же тономъ. Они сидѣли другъ противъ друга: Гвендолина опустивъ глаза, а Грандкортъ пристально смотря на нее. Всякій, взглянувъ на нихъ, подумалъ-бы, что это влюбленные, еще необъяснившіеся въ своей любви. Дѣйствительно, это была сцена объясненія: она чувствовала, что Грандкортъ уже безмолвно дѣлалъ ей предложеніе, а онъ признавалъ себя въ подобномъ положеніи.

— Мнѣ очень было жаль, что я не засталъ васъ въ Лейбронѣ, началъ онъ своимъ апатичнымъ голосомъ, въ которомъ теперь слышались ноты томной любви; — безъ васъ тамъ рѣшительно нельзя оставаться. Это отвратительная труппа, не правда-ли?

— Я не могу судить о Лейбронѣ безъ меня, отвѣчала Гвендолина, взглянувъ на него съ проблескомъ прежней веселой ироніи; — но со мною Лейбронъ довольно пріятное мѣстечко и я осталась-бы тамъ долѣе, если-бъ могла. Но мнѣ пришлось возвратиться домой, по причинѣ семейныхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

— Какъ вы жестоко поступили, уѣхавъ въ Лейбронъ, сказалъ Грандкортъ, не обращая никакого вниманія на слова Гвендолины, которая хотѣла сразу ясно поставить вопросъ о разореніи ея семейства: — вы знали, что вашъ отъѣздъ испортитъ всѣ удоволь-

ствія въ Дипло, такъ-какъ вы были душою всего. Неужели вамъ рѣшительно до меня нѣтъ никакого дѣла?

Гвендолинѣ нельзя было сказать *да* серьезнымъ тономъ, но невозможно было произнести и *нѣтъ*; что-же ей было дѣлать? Она опустила глаза и яркій румянецъ покрылъ ея руки и шею. Видя впервые подобное смущеніе въ Гвендолинѣ, Грандкортъ приписалъ его чувству любви. Но онъ рѣшился довести ее до открытаго признанія.

— Можетъ быть, вы интересуетесь кѣмъ-либо другимъ? Можетъ быть... вы дали слово? Кажется, вамъ слѣдовало-бы мнѣ объ этомъ сказать! Стоитъ-ли между нами кто-нибудь?

Отвѣтъ Гвендолины былъ готовъ: „да; между нами есть преграда, хотя не мужчина, а женщина“. Но какъ было ей высказать это? Она обѣщала м-съ Глашеръ не выдавать ея тайны и къ тому-же она не могла заговорить о такомъ предметѣ съ Грандкортъ. Точно также невозможно было остановить его въ самомъ началѣ объясненія въ любви торжественными словами: „я вижу ваше намѣреніе, оно для меня очень лестно, но... и т. д.“ Если-бъ рыбу честно пригласили на кухню, то она могла-бы просто отказаться, но когда ея путь хитро преграждаютъ незамѣтной сѣтью, то что ей дѣлать? Гвендолина находилась въ такомъ-же положеніи и потому она молчала.

— Долженъ я понять, что вы отдаете предпочтеніе другому? продолжалъ Грандкортъ.

Гвендолина пересилила свое смущеніе и, поднявъ глаза, сказала почти обычнымъ, яснымъ, вызывающимъ тономъ:

— Нѣтъ.

Въ этомъ словѣ она хотѣла выразить: „такъ что-жъ? Это еще не значитъ, что я согласна за васъ выйти“. Грандкортъ былъ чрезвычайно чутокъ до всего, что могло касаться его самолюбія, и медленно прибавилъ:

— Я далеко отъ мысли вамъ надѣлать и, конечно, не надѣюсь назойливостью одержать побѣды. Если для меня нѣтъ никакой надежды, то скажите прямо и я тотчасъ уѣду, все равно куда.

Въ немалому удивленію Гвендолины, она почувствовала какой-то страхъ при мысли о немедленномъ удаленіи Грандкорта. Она боялась снова остаться въ скучной, мертвенной обстановкѣ, ее

окружавшей. Чтобъ отсрочить рѣшительный отвѣтъ, она сказала:

— Я боюсь, что вамъ неизвѣстно наше положеніе. Мама потеряла все свое состояніе и мы переѣзжаемъ отсюда. Эта неожиданная перемѣна занимаетъ всѣ мои мысли и вы должны извинить мою разсѣянность.

Уклонившись, такимъ образомъ, отъ прямого отвѣта, Гвендолина возвратила себѣ свое обычное самообладаніе. Она говорила съ достоинствомъ и смотрѣла прямо на Грандкорта, маленькіе, глубокіе глаза котораго таинственно приковывали ее къ себѣ. Дѣйствительно, отношенія между этими двумя существами были таинственныя, такъ-какъ многообразная драма, разыгрывающаяся между мужчиной и женщиной, часто не можетъ быть выражена опредѣленными словами. Слово „любовь“ не можетъ выражать мнѣряды различныхъ способовъ взаимнаго влеченія, точно такъ-же, какъ слово „мысль“ не можетъ объяснить того, что происходитъ въ умѣ человѣка. Трудно сказать, съ чьей стороны, Гвендолины или Грандкорта, вліяніе было сильнѣе. Въ эту минуту преобладающимъ его желаніемъ было овладѣть этимъ существомъ, столь увлекательно соединявшимъ дѣтскую невинность съ вызывающей кокетливостью, а мысль, что она знаетъ его прошедшее, и потому питаетъ къ нему отвращеніе, увеличивала только въ немъ жажду торжества, въ конечномъ осуществленіи котораго онъ не сомнѣвался. А она? Она ощущала жажду странника въ обнаженной пустынѣ, который неудержимо стремится къ кажущейся вдали водѣ; она видѣла въ любви этого человѣка единственное спасеніе отъ безпомощнаго подчиненія злему року.

Они долго смотрѣли другъ на друга; наконецъ, Грандкортъ сказалъ небрежно:

— Я надѣюсь, что разореніе вашей матери не будетъ болѣе васъ тревожить. Вы дадите мнѣ право обезпечить ее.

Эти слова были произнесены такъ медленно, что Гвендолина имѣла время пережить въ воображеніи цѣлую жизнь. Они повлияли на нее, какъ опьяняющее зелье, которое представляетъ желанные предметы не дурными и не вредными. Она вдругъ ощутила какую-то призрачную любовь къ этому человѣку, такъ хорошо подбиравшему слова и казавшемуся олицетвореніемъ самой деликатной преданности. Отвращеніе, страхъ, совѣсть—все ступе-

валося и она только чувствовала облегченіе отъ горькаго сознанія безпомощности. Она уже видѣла, какъ съ прежней веселостью она бросается на шею матери и объявляетъ ей о счастливой переѣнѣ въ ея положеніи. Но когда Грандкортъ кончилъ говорить, то на одно мгновеніе она ясно сознала, что стоитъ на перепутьѣ.

— Вы очень великодушны; сказала она, не сводя съ него глазъ.

— Вы согласны на то, что дать мнѣ это право? прибавилъ Грандкортъ тихо и безъ малѣйшаго одушевленія. — Вы согласны быть моей женою?

Гвендолина поблѣднѣла и подѣ вліяніемъ чего-то невѣдомаго, встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Потомъ она остановилась и молча сложила руки на груди. Грандкортъ также всталъ; очевидное колебаніе бѣдной дѣвушки, согласиться-ли на блестящую партію, возбудило въ немъ такой живой интересъ, какого онъ давно уже не ощущалъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ причину этого колебанія.

— Прикажете мнѣ удалиться? сказалъ онъ, взявъ шляпу.

Никакой добрый геній не могъ-бы ему внушить болѣе эффектныхъ словъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Гвендолина.

Она не могла позволить ему уйти; эта отрицательная форма опутала ее, какъ сѣтями.

— Вы удостоиваете своимъ вниманіемъ мою любовь? сказалъ Грандкортъ, по-прежнему держа шляпу въ рукахъ и смотря прямо въ глаза молодой дѣвушкѣ.

Наступило молчаніе; оно могло длиться долго, но безъ всякой пользы для Гвендолины. Ей нельзя было противорѣчить себѣ. Къ чему она его удержала? Онъ ловко отстранилъ всякую возможность объясненія.

— Да, произнесла Гвендолина серьезно, словно отвѣчала на вопросъ судьи.

Грандкортъ такъ-же серьезно выслушалъ это счастливое да и не измѣнилъ своего положенія. Однако, черезъ нѣсколько минутъ онъ молча положилъ шляпу и, взявъ руку Гвендолины, поцѣловалъ ее. Его поведеніе показалось молодой дѣвушкѣ образцовымъ и ей вдругъ стало совершенно ловко и даже весело. Въ ея гла-

захъ да значило только освобожденіе отъ мѣста гувернантки и отъ переезда матери въ сейерскій коттеджъ.

— Не желаете-ли вы видѣть маму? сказала она съ счастливой улыбкой. — Я сейчасъ за нею сбѣгаю.

— Нѣтъ, подождите немного, отвѣчалъ Грандвортъ, стоя въ своей любимой позѣ, т. е. правой рукой проводя по бокамъ, а лѣвую засунувъ въ карманъ жилета.

— Имѣете вы мнѣ еще что-нибудь сказать? весело спросила Гвендолина.

— Да, но я знаю, что вы не любите, чтобъ вамъ надоѣдали, отвѣчалъ Грандвортъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ.

— Но то, что я люблю слышать, мнѣ не надоѣдаетъ.

— Можно у васъ спросить, когда свадьба?

— Я думаю, лучше сегодня не спрашивать, отвѣчала Гвендолина, надувъ губки.

— Хорошо, не сегодня, а завтра. Прежде, чѣмъ я приѣду завтра, вы пожалуйста рѣшите этотъ вопросъ. Скажемъ, черезъ двѣ недѣли, черезъ три... какъ можно скорѣе.

— Вы боятесь, что я вамъ надоѣмъ. Я всегда замѣчала, что женихи бываютъ болѣе въ обществѣ своихъ невѣстъ, чѣмъ мужья въ обществѣ женъ. Впрочемъ, можетъ быть, и мнѣ это болѣе понравится.

И она прелестно разсмѣялась.

— Вы увидите въ жизни только одно пріятное.

— И ничего непріятнаго, пожалуйста скажите это, потому что я, кажется, болѣе ненавижу непріятное, чѣмъ люблю пріятное.

Говоря это, Гвендолина чувствовала, что находится въ женскомъ раю, гдѣ всякое ея глупое слово признается очаровательнымъ.

— Не знаю, удастся-ли мнѣ оградить васъ отъ всѣхъ непріятностей въ этомъ скучномъ мірѣ, отвѣчалъ Грандвортъ. — Напримѣръ, если вы поѣдете верхомъ на Критеріонѣ, то я не могу помѣшать ему случайно оступиться.

— А какъ поживаетъ мой старый другъ Критеріонъ?

— Онъ здѣсь; я велѣлъ груму пріѣхать на немъ, чтобъ вы могли его видѣть. Вчера на него надѣвали датское сѣдло. Подойдите къ окошку и взгляните на него.

Гвендолина съ удовольствіемъ увидала обѣихъ лошадей, въ роскошныхъ попонахъ; грумъ водилъ ихъ взадъ и впередъ по двору. Онѣ казались ей олицетвореніемъ власти и богатства и представляли поразительный контрастъ съ униженіемъ и нищетою ея положенія.

— Желаете завтра поѣздить на Критеріонѣ? спросилъ Грандкортъ.

— Очень желаю, отвѣчала Гвендолина;— мнѣ хотѣлось-бы теперь болѣе всего на свѣтѣ забыться въ бѣшеной скачкѣ. Но, право, мнѣ надо пойти за мамой.

— Хорошо, я провожу васъ до двери, произнесъ Грандкортъ и предложилъ ей руку.

Она оперлась на нее и лица ихъ почти прикасались одно къ другому. Но она нисколько не боялась, чтобъ онъ ее поцѣловалъ, и находила, что онъ ведетъ себя, какъ женихъ, гораздо лучше, чѣмъ описываютъ обыкновенно въ романахъ.

— Ахъ, да! вы можете избавить меня отъ одной непріятности, сказала она, останавливаясь:— мнѣ непріятно общество м-ра Луша.

— Вы будете отъ него избавлены. Я его прогоню.

— Такъ вы его не любите?

— Нисколько; я его терпѣлъ, какъ бѣднаго человѣка, безъ куска хлѣба, произнесъ Грандкортъ съ пренебреженіемъ; — его приставили ко мнѣ, въ видѣ спутника въ путешествіяхъ, когда я былъ еще мальчикомъ. Это—грубое животное, смѣсь свиньи съ дилетантомъ.

Гвендолина разсмѣялась. Все это было очень естественно и любезно, тѣмъ болѣе, что обыкновенно Грандкортъ поражалъ своей надменной торжественностью. Выходя изъ комнаты, онъ почтительно отворилъ передъ нею дверь и она не могла не оцѣнить подобной дани уваженія. Вообще ей казалось, что онъ будетъ менѣе непріятнымъ мужемъ, чѣмъ всякій другой.

— Пойдемте, мама, внизъ къ м-ру Грандкорту, сказала Гвендолина, послѣдно входя въ спальню, гдѣ ее съ безпокойствомъ ждала м-съ Давило;—я ему дала слово.

— Голубушка моя! воскликнула м-съ Давило, скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ радостью.

— Да, продолжала Гвендолина, не давая матери времени

предложить ей какой-нибудь вопрос, — все кончено; вы не переѣдете въ сойерскій коттеджъ, а я не поступлю къ м-съ Момпертъ. Все будетъ по-моему. Пойдемте же внизъ, мама.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОСУЩЕСТВЛЕНІЕ ВЫБОРА ГВЕНДОЛИНЫ.

ГЛАВА XXVIII.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда Грандкорта важная вѣсть о бракѣ Гвендолины достигла пасторскаго дома и въ тотъ-же вечеръ м-ръ и м-съ Гаскойнъ съ Анною явились въ Офендинъ.

— Поздравляю, милая, что ты сумѣла внушить къ себѣ такую глубокую привязанность, сказала пасторъ. — Ты сегодня очень серьезна, и это неудивительно: бракъ—дѣло очень важное. Ты видишь, наше несчастье уже принесло свою пользу: оно дало тебѣ случай увидѣть, какъ деликатенъ и великодушенъ твой будущій мужъ.

М-ръ Гаскойнъ намекалъ на замѣчаніе Грандкорта, что онъ приметъ на себя обезпеченіе м-съ Давило, такъ-какъ эту часть ихъ разговора Гвендолина передала матери съ буквальной точностью.

— Но я увѣрена, что м-ръ Грандкортъ поступилъ-бы такъ-же благородно, если-бъ ты не уѣхала въ Германію, а сдѣлалась-бы его невѣстою мѣсяць тому назадъ, прибавила м-съ Гаскойнъ, чувствуя, что долгъ тетки повелѣвалъ ей сдѣлать замѣчаніе молодой дѣвушкѣ;—но теперь уже капризы невозможны, и я надѣюсь, что ты потеряла всякую къ нимъ охоту. Женщина должна питать искреннюю благодарность къ мужчинѣ, выказавшему такое постоянство въ любви. Я увѣрена, что ты чувствуешь какъ слѣдуетъ молодой дѣвушкѣ на своемъ мѣстѣ.

— Я въ этомъ вовсе не увѣрена, тетя, отвѣчала Гвендолина, надувъ губки;—я даже не знаю, что именно слѣдуетъ чувствовать невѣстѣ.

Пасторъ потрепалъ ее по плечу съ добродушной улыбкой, и жена его поняла, что ей не слѣдовало приставать къ Гвендо-

линѣ. Что-же касается Анны, то она поцѣловала двоюродную сестру и, сказавъ: „я надѣюсь, что ты будешь счастлива“, отошла въ сторону, потому что едва могла удержать слезы. Въ послѣднее время она сочинила цѣлый романъ о Рексѣ и Гвендолинѣ, которая, она надѣялась, умудренная несчастьемъ, оцѣнитъ нѣжную любовь ея брата и, наконецъ, выйдетъ за него замужъ; при этомъ она рѣшила, что своимъ трудомъ будетъ помогать этой счастливой четвѣ. Теперь-же ей приходилось радоваться совершенно иному браку. Миссъ Мери и всѣ четыре дѣвочки: сутуловатая Алиса, вѣчно шепчущіяся Берта и Фанни и постоянно подслушивающая у дверей Изабелла, присутствовали на этомъ семейномъ совѣтѣ, собранномъ въ честь Гвендолины, благодаря которой дѣйствительная жизнь получала романической интересъ не менѣе „Сара Чарльза Грандисона“. Весь вечеръ прошелъ въ разговорѣ старшихъ, причемъ м-съ Давило и ея сестра терялись въ предположеніяхъ, а м-ръ Гаскойнъ давалъ опредѣленные отвѣты на всѣ ихъ вопросы. По его мнѣнію, ему нельзя было теперь и заикаться о свадебномъ контрактѣ, а все слѣдовало оставить на благоусмотрѣніе м-ра Грандкорта.

— Я хотѣла-бы знать, что за помѣстья Райландсъ и Гадсмиръ? спросила м-съ Давило.

— Гадсмиръ, кажется, не важное мѣстечко, но Райландсъ одно изъ лучшихъ нашихъ помѣстій, отвѣчалъ Гаскойнъ:— паркъ громадный, а лѣса первоклассныя. Домъ выстроенъ Иниго Джонсомъ, а потолки расписаны въ итальянскомъ стилѣ. Говорятъ, это помѣстье приноситъ 12,000 въ годъ. Быть можетъ, на немъ есть долги, но м-ръ Грандкортъ единственный сынъ. Я еще забылъ замѣтить, что отъ Грандкорта зависятъ два прихода.

— А замѣчательно было-бы, если-бъ онъ еще сдѣлался лордомъ Станери, сказала м-съ Гаскойнъ и прибавила, разсчитывая по пальцамъ:—онъ будетъ имѣть помѣстья Грандкортъ и Малинджеровъ, а также титулы баронета и пэра; жаль только, что съ послѣднимъ не перейдетъ къ нему и земля.

— На титулъ пэра не надо очень разсчитывать, замѣтилъ пасторъ:— между м-ромъ Грандкортъ и теперешнимъ цэръомъ стоятъ два двоюродныхъ брата. Конечно, благодаря смерти и другимъ обстоятельствамъ, часто въ однѣхъ рукахъ сосредоточиваются многочисленныя наслѣдства, но избытокъ въ этомъ отно-

шеніи скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. По всей вѣроятности, ему суждено довольствоваться титуломъ сэра Малинджера-Грандкорта-Малинджера, что, конечно, вмѣстѣ съ помѣстьями составляетъ драгоцѣнное наслѣдіе, возлагающее на него и большую отвѣтственность. Будемъ надѣяться, что онъ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды.

— Положеніе жены такого человѣка, Гвендолина, также очень отвѣтственное, замѣтила м-съ Гаскойнь. — Но, Генри, напиши тотчасъ м-съ Момпертъ; хорошо, что у насъ славный предлогъ для отказа: свадьба Гвендолины, а то, пожалуй, она обидѣлась-бы. Говорять, она очень гордая женщина.

„Слава-богу, что я избавлена она этого ужаснаго мѣста“, подумала Гвендолина, которая не могла слышать безъ отвращенія имени Момпертъ.

Впродолженіи всего вечера она была очень молчалива, а ночью не могла сомкнуть глазъ. Для ея сильной, здоровой натуры бессонница была большой рѣдкостью; но, быть можетъ, еще необычайнѣе было ея стараніе скрыть отъ матери свою внутреннюю тревогу. Вообще она находилась въ странномъ, новомъ для нея настроеніи; до сихъ поръ она никогда не теряла вѣры въ себя и не сомнѣвалась въ правильности своихъ поступковъ, но теперь она рѣшилась на такой шагъ, отъ котораго не за долго передъ тѣмъ инстинктивно отшатнулась всѣмъ своимъ существомъ. Она не могла пойти назадъ и предстоявшая будущность улыбалась ей во многихъ отношеніяхъ, а въ прошедшемъ ей нечего было жалѣть; но ее страшило какое-то новое, непривычное чувство; она никогда не признавала возможными такіа угривенія совѣсти, которыхъ не могли заглушить ласки и подарки, а теперь наступила минута подобнаго самосознанія. Она, повидимому, была готова добровольно принять за руководящее правило легкомысленныя слова, произнесенныя ею послѣ страшнаго открытія, которое заставило ее бѣжать въ Лейбронъ, — что все равно, какъ поступать, лишь-бы весело жить. Однако, это отрицаніе всякаго серьезнаго элемента въ жизни, это презрѣніе къ нравственному оправданію своихъ поступковъ ужасало ее, наполняя сердце какимъ-то неопредѣленнымъ ожиданіемъ возмездія въ видѣ горя или несчастья, уже небывшаго для нея, какъ прежде, пустымъ звукомъ. Блестящее положеніе, о которомъ она мечтала, желанная свобода,

достигаемая бракомъ, освобожденіе отъ скучной дѣвичьей доли — все это было въ ея рукахъ и, однако, казалось ей запрещеннымъ плодомъ, сорвать который было святотатствомъ. Лежа одна въ темнотѣ съ открытыми глазами, Гвендолина не могла преодолѣть напавшаго на нее страха. Несчастливая женщина съ дѣтьми и отношенія къ ней Грандкорта все болѣе и болѣе сосредоточивали на себѣ ея мысли, пока, наконецъ, ступевали въ ея головѣ всѣ другія идеи, оставивъ только мучительное сознаніе, что эти образы, эти мысли никогда въ жизни ее не покинутъ. Бессонница къ утру перешла въ бредъ, и когда первые лучи свѣта блеснули изъ-за темныхъ занавѣсокъ, молодая дѣвушка не выдержала и вскрикнула съ ужасомъ:

— Мама!

— Что, голубушка? спросила м-съ Давило, мгновенно просыпаясь.

— Могу я придти къ вамъ?

Она перешла на постель матери и, припавъ головою къ ея плечу, крѣпко заснула. Когда она открыла глаза, было уже поздно и м-съ Давило стояла подлѣ кровати съ какой-то завернутой вещью въ рукахъ.

— Мнѣ очень жаль тебя будить, дитя мое, но я думала, что тебѣ лучше тотчасъ передать эту посылку. Грузъ принесъ ее; онъ также привелъ Критеріона и говорить, что ему приказано остаться здѣсь.

Гвендолина приподнялась въ постели и, развернувъ посылку, увидала маленькій золотой ящичекъ съ эмалью. Внутри-же находились великолѣпное бриліантовое кольцо и слѣдующая записка съ вложеннымъ въ нее чекомъ въ 500 фун. стерл.

„Пожалуйста надѣньте это кольцо въ знакъ нашего обрученія. При семъ прилагаю чекъ на имя м-ра Гаскойна для первыхъ необходимыхъ расходовъ. Конечно, м-съ Давило останется въ Оффендинѣ, по крайней мѣрѣ на время. Я надѣюсь, что, пріѣхавъ въ двѣнадцать часовъ, узнаю, что вы назначили очень скоро тотъ день, когда вы станете всецѣло мною повелѣвать.

Вашъ преданный

М. Г. Грандкорть“.

Гвендолина молча передала матери письмо и чекъ.

— Какъ онъ добръ и деликатенъ, сказала съ чувствомъ

м-съ Давило; — но, право, я не желала-бы зависѣть отъ зятя. Я съ дочерью могла-бы жить преспокойно и безъ его помощи.

— Если вы будете, мама, такъ говорить, то я не выйду за него замужъ! воскликнула Гвендолина съ сердцемъ.

— Я надѣюсь, дитя мое, что ты выходишь замужъ не ради меня, отвѣчала м-съ Давило съ упрекомъ.

Гвендолина отвернулась отъ матери, отбинула голову на подушку и не дотронулась до кольца. Ее разсердила эта попытка отнять у нея уважительный предлогъ къ браку, хотя настоящая бытъ можетъ, причина ея неудовольствія таилась въ сознаниі, что она выходила замужъ не ради одной матери и что отказъ м-съ Давило отъ помощи зятя не могъ-бы помѣшать этой свадьбѣ. Не успѣла она проснуться послѣ тревожной ночи, какъ увидала непреложное доказательство своего обрученія, и ей теперь приходилось бороться съ своими мечтами, опасеніями и аргументами при дневномъ свѣтѣ, при которомъ, естественно, они должны были поблѣднѣть.

— Я желаю только твоего счастья, продолжала м-съ Давило съ чувствомъ, — и не скажу ни слова, которое могло-бы тебя разсердить. Но отчего ты не надѣнешь кольца?

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Гвендолина ничего не отвѣчала, но разнородныя мысли толпились въ ея головѣ. Наконецъ, она рѣшилась поступить такъ, какъ поступила-бы, если-бы скакала на лошади, то-есть летѣть впередъ безъ оглядки.

— Я думала, что женихъ всегда самъ надѣваетъ невѣстѣ обручальное кольцо, сказала она съ прелестной улыбкой и небрежно просунула палецъ въ кольцо; — а я знаю, почему онъ прислалъ его, а не привезъ самъ.

— Отчего?

— Онъ предпочелъ, чтобъ я сама надѣла кольцо, чѣмъ просить позволенія надѣть его. Онъ очень гордъ, но и я горда. Мы пара. Я возненавидѣла-бы челоуѣка, который сталъ-бы ползать передо мною на колѣняхъ. Онъ, право, не противный.

— Плохая это похвала, Гвенъ.

— Нисколько; для мужчины это большая похвала, отвѣчала Гвендолина; — но мнѣ пора одѣваться. Милая мама, причешите меня и не будьте злой, не говорите о своемъ желаніи остаться нищей, прибавила она, ласкаясь къ матери; — вы должны терпѣ-

ливо перенести довольство, если-бъ даже его и не желали. Вѣдь, не правда-ли, м-ръ Грандкортъ поступаетъ прекрасно?

— Конечно, конечно, отвѣчала м-съ Давило, убѣжденная, что Гвендолина все-же любить своего жениха.

Она сама полагала, что Грандкортъ долженъ былъ возбудить любовь молодой дѣвушки. Женихи постоянно оцѣниваются, особенно родителями, только по роли, какую они играютъ въ обществѣ, и поэтому неудивительно, что м-съ Давило безпокоилась не о характерѣ Грандкорта, а о расположеніи къ нему Гвендолины.

Въ настроеніи молодой дѣвушки наступила теперь новая фаза. Во время своего туалета она подбирала всевозможные аргументы для оправданія ея брака. Больше всего она останавливалась на мысли, что, сдѣлавшись женою Грандкорта, она будетъ настаивать на возможно большей щедрости къ дѣтямъ м-съ Глашеръ.

„Какая ей была-бы польза, если-бъ я не вышла за него замужъ? думала она. — Онъ давно могъ на ней жениться, если-бъ хотѣлъ; значитъ онъ не хочетъ. Можетъ быть, она сама въ этомъ виновата. Я совсѣмъ не знаю ея исторіи. Что - же касается его, то онъ, вѣроятно, былъ очень добръ къ ней, иначе она не желала-бы выйти за него замужъ“.

Однако, послѣдній аргументъ былъ очень сомнительный и гораздо вѣроятнѣе было приписать м-съ Глашеръ желаніе удалить всякое постороннее лицо, которое могло-бы помѣшать ея дѣтямъ сдѣлаться наследниками Грандкорта. Вполнѣ понимая это чувство, Гвендолина рѣшилась помочь и этому горю.

„Можетъ быть, у насъ не будетъ дѣтей. Я надѣюсь, что ихъ не будетъ, и тогда онъ можетъ оставить все свое состояніе ея хорошенькому мальчику. Дядя говоритъ, что м-ръ Грандкортъ можетъ распорядиться, какъ желаетъ, своимъ помѣстьемъ. Когда-же умретъ сэръ Гюго Малинджеръ, то достаточно будетъ наследства и на всѣхъ“.

Это размышленіе убѣдило Гвендолину, что м-съ Глашеръ была очень неблагоразумна, желая видѣть своего сына единственнымъ наследникомъ, а громадное состояніе послѣ смерти Малинджера служило залогомъ того, что бракъ Грандкорта не могъ принести вреда несчастной женщинѣ въ томъ случаѣ, если его женою бу-

дочь Гвендолина Гарлетъ, такъ-какъ молодая дѣвушка привыкла уже давно считать себя непогрѣшимой, а другихъ во всемъ виновными.

Чѣмъ болѣе укоренялась въ ней мысль, что, выйдя замужъ за Грандкорта, она не причинитъ вреда и съ Глашеръ, тѣмъ болѣе ступенывалось ея отвращеніе къ прошедшему ея жениха. Овладевшій ею ночью страхъ, что она совершитъ ужасное преступленіе, рѣшившись на нѣчто, казавшееся ей прежде предосудительнымъ, мало-по-малу исчезъ. Что-же касается самого Грандкорта, то она думала о немъ только, какъ о человѣкѣ, котораго совершенно заберетъ въ руки, и такъ-какъ о любви къ нему никогда не было и мысли, то она смотрѣла на бракъ, какъ на сдѣлку, изъ которой съумѣетъ извлечь всевозможную пользу. Бѣдная молодая дѣвушка не боялась невѣдомыхъ ей элементовъ брачной жизни и считала себя способной поставить все по-своему. Относительно прошедшей жизни Грандкорта она теперь уже спрашивала себя, не походилъ-ли онъ на всѣхъ мужчинъ, и придумывала способъ узнать, чего именно жена могла требовать отъ мужа.

Какъ-бы то ни было, несмотря на всѣ эти размышленія, она вскорѣ сошла внизъ въ амазонкѣ и съ волосами, причесанными для мужской шляпы. Она съ удовольствіемъ ожидала этой прогулки верхомъ: она жаждала снова забыться въ бѣшеной скачкѣ и почувствовать прежній, снѣглый взглядъ на жизнь. Уже и теперь ей было гораздо легче, потому что при дневномъ свѣтѣ сомнѣнія и опасенія были далеко не такъ мучительны, какъ ночью.

— Подите, мама, и одѣньтесь хорошенько, сказала Гвендолина, когда ея туалетъ былъ оконченъ;—я хочу, чтобъ вы ходили на герцогиню; надѣньте свою кружевную косынку.

Когда Грандкортъ пріѣхалъ и, взявъ ея руку, посмотрѣлъ на кольцо, она серьезно сказала:

— Вы очень добры, что обо всемъ подумали.

— Скажите мнѣ пожалуйста, если я что-нибудь забылъ, отвѣчалъ онъ, не выпуская ея руки,—я съ радостью исполню всѣ ваши желанія.

— Но я очень неблагоразумна въ своихъ желаніяхъ, сказала Гвендолина, прелестно улыбаясь.

— Я въ этомъ убѣжденъ. Всѣ женщины неблагоразумны.

— Такъ я буду благоразумна, отвѣчала Гвендолина, надувъ губки и качая головой;—я не хочу, чтобъ меня ставили на одну доску со всѣми.

— Я этого никогда не говорилъ, отвѣчалъ Грандкортъ, устремляя на нее свой обычный серьезный взглядъ.—Вы единственная женщина на свѣтѣ.

— Почему?

— Потому, что я васъ люблю.

— Какія прелестныя рѣчи! сказала, смѣясь, Гвендолина, которая уже свыклась съ мыслью, что его любовь прежде была обращена на другую женщину.

— Скажите и вы прелестную рѣчь: назначьте день свадьбы.

— Нѣтъ еще. Я такъ жажду прогулки верхомъ, что не могу ни о чемъ другомъ думать. Какъ жаль, что еще не начался сезонъ охоты! Воскресенье—20-е число, понедѣльникъ... черезъ недѣлю 28-е, прибавила Гвендолина, разсчитывая по пальцамъ;—охота начнется черезъ десять дней.

— Такъ женимся черезъ десять дней, произнесъ Грандкортъ.

— Что обыкновенно женщины говорятъ въ подобныхъ случаяхъ? спросила Гвендолина съ хитрой улыбкой.

— Онѣ соглашаются, отвѣчалъ Грандкортъ, попадая въ ловушку.

— Такъ я не соглашусь, произнесла Гвендолина, надѣвая перчатки съ крагами и устремляя на Грандкорта саркастическій взглядъ.

Вообще вся эта сцена была очень привлекательна. Болѣе влюбленный женихъ не обратилъ-бы вниманія на прелестную позу и очаровательную улыбку Гвендолины и своими глупыми ласками уничтожилъ-бы весь эффектъ. Но Грандкортъ предпочиталъ патетическія сцены и Гвендолина на свободѣ разыгрывала роль торжествующей царицы. Быть можетъ, если-бъ Клесмеръ видѣлъ въ эту минуту ея бессознательную игру, то счелъ-бы ее лучшей актрисой, чѣмъ онъ полагалъ.

Послѣ бѣшеной, воодушевляющей скачки во весь карьеръ она стала снисходительнѣе смотрѣть на желаніе Грандкорта поспѣшить свадьбой, которая должна была сдѣлать всю ея жизнь

безконечнымъ рядомъ подобныхъ одурающихъ удовольствій. Къ тому-же не стоило торговаться о подробностяхъ того, что уже было рѣшено въ принципѣ. На этомъ основаніи она согласилась назначить свадьбу черезъ три недѣли, несмотря на трудность въ такой короткій срокъ приготовить приданое.

Конечно, Лушъ узналъ о предстоявшей свадьбѣ своего патрона по различнымъ яснымъ признакамъ, но прямо ему не было объ этомъ объявлено. Впродолженіи нѣсколькихъ дней онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобъ Грандкортъ самъ нарушилъ молчаніе по этому животрепещущему вопросу. Онъ зналъ, что свадьба Грандкорта должна была измѣнить его собственную жизнь, и жаждалъ убѣдиться, въ чемъ именно будетъ заключаться эта перемѣна. Въ его интересахъ уже не было, по-прежнему, сопротивляться этому браку, который самъ по себѣ ему не нравился. Онъ, конечно, могъ надѣлать Грандкورتу много непріятностей, но въ-концѣ-концовъ онъ обрушились-бы только на его голову. Съ другой стороны, онъ съ большимъ удовольствіемъ затормозилъ-бы дѣло, очевидно хитро подготовленное Гвендолиною, но неизвѣстно, чѣмъ-бы это еще кончилось. Онъ хорошо зналъ упорство Грандкорта, но его безумное преслѣдованіе нищей дѣвочки и жзнитба на ней казались Лушу чѣмъ-то новымъ, навѣяннымъ злымъ рокомъ. Отношенія его къ своему патрону теперь значительно измѣнились. Грандкортъ самъ писалъ письма и отдавалъ приказанія, не обращая ни за чѣмъ къ Лушу, хотя впродолженіи столькихъ лѣтъ никогда самъ не распорядился; онъ даже пилъ кофе по утрамъ въ своей комнатѣ, что противорѣчило всѣмъ его обычаямъ. Но, въ-концѣ-концовъ, нельзя было избѣгнуть tête-à-tête между двумя обитателями Дипло, гдѣ въ то время не гостили постороннія лица. Однажды, послѣ обѣда, Лушъ воспользовался удобной минутой и прямо спросилъ:

— Когда свадьба?

Грандкортъ сидѣлъ, покачиваясь, въ покойномъ креслѣ передъ каминомъ. Красная бархатная обивка кресла рельефно выставяла его блѣдное лицо съ правильными чертами и длинными, изящными руками; если-бы у него въ зубахъ не дымилась сигара, то его можно было было-бы принять за портретъ Марони,—такъ онъ былъ неподвиженъ и дышалъ такимъ безмолвнымъ достоинствомъ. Однако, на вопросъ Луша онъ отвѣчалъ спокойно:

— Десятаго.

— Вы, вѣроятно, останетесь здѣсь?

— Мы поѣдемъ на короткое время въ Райландсъ, а потомъ вернемся сюда для охоты.

Послѣднія слова Грандкортъ произнесъ тѣмъ обычнымъ растянутымъ тономъ, который обнаруживалъ въ немъ намѣреніе продолжать разговоръ. Лушъ подождалъ нѣсколько минутъ, но, видя, что Грандкортъ молчитъ, хотѣлъ-было предложить новый вопросъ, какъ вдругъ онъ добродушно промолвилъ:

— Вамъ-бы лучше искать себѣ другихъ занятій.

— Что-жь, мнѣ отсюда убираться? спросилъ Лушъ, рѣшившись какъ можно спокойнѣе объясниться съ своимъ патрономъ.

— Да, нѣкоторымъ образомъ.

— Невѣста меня забрала. Надѣюсь, что она вознаградитъ васъ за потерю моихъ услугъ.

— Чѣмъ-же я виноватъ, что женщины васъ не терпятъ? сказалъ Грандкортъ какъ-бы въ свое оправданіе.

— Извините, одна женщина меня не терпитъ.

— Это все равно, такъ-какъ дѣло идетъ объ этой женщинѣ.

— Конечно, меня прогоняютъ послѣ пятнадцати-лѣтней службѣ не безъ какого-нибудь пансіона?

— Да вы сами, вѣрно, нажили копейку.

— Нѣтъ, ~~вамъ~~ возьми! я не наживалъ, а сберегалъ для васъ.

— Вы можете получать триста фунтовъ въ годъ; но вы должны жить въ Лондонѣ и всегда быть готовы, когда мнѣ что-нибудь понадобится. Теперь я буду немного стѣсненъ въ своихъ финансахъ.

— Если вы не будете жить зимою въ Райландсъ, то я могу отправиться туда и смотрѣть за вашими собаками.

— Какъ хотите, мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ вы будете, только не важитесь на глаза.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Лушъ, который переносилъ свою опалу гораздо легче, чѣмъ можно было ожидать.

Дѣло въ томъ, что въ глубинѣ своего сердца онъ былъ увѣренъ, что Грандкортъ не можетъ жить безъ него и рано или поздно онъ снова займетъ свое мѣсто при немъ.

— Не найдете-ли вы возможнымъ тотчасъ собраться въ путь, прибавилъ Грандкортъ;—я жду Торингтоновъ и миссъ Гарлетъ будетъ постоянно прїѣзжать.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Не надо-ли мнѣ съѣздить въ Гадсмиръ?

— Нѣтъ, я самъ поѣду.

— Вы только-что упоминали о вашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Подумали-ли вы о планѣ...

— Оставьте меня въ покоѣ, слышите! сказалъ Грандкортъ тихо, но рѣшительно, и, вставъ съ мѣста, вышелъ изъ комнаты.

Весь вечеръ онъ провелъ одинъ въ маленькой гостиной и хотя на столахъ валялось много книгъ, журналовъ и газетъ, которыми обыкновенно джентльмены окружаютъ себя, никогда ихъ не читая, онъ сидѣлъ неподвижно на диванѣ, погруженный въ свои мысли, не изъ любви къ мышленію, а благодаря апатіи и отвращенію къ какому-то ни было усилію. Мысли его теперь, подобно кружкамъ на поверхности воды, то исчезали, то снова появлялись, какъ-бы вызываемыя въ наружу могучей, невѣдомой силой. Эта могучая сила заключалась въ Гвендолинѣ, но возбуждаемая ею мысли не имѣли ничего общаго съ чувствомъ любви. Замѣчательно было, что онъ нисколько не тѣшилъ себя тѣмъ, что Гвендолина его любила и что любовь поборола въ ней ревность, заставившую ее бѣжать отъ него въ Лейбронъ. Напротивъ, онъ вполне сознавалъ, что, несмотря на его упорное ухаживаніе, она его нисколько не любила и, по всей вѣроятности, не приняла-бы его предложенія, если-бъ неожиданное несчастье не постигло ея семейство. Съ самаго начала онъ находилъ какое-то странное очарованіе въ томъ гордомъ, капризномъ равнодушіи, съ которымъ она отворачивалась отъ его ухаживанія. Теперь-же, несмотря на все, она принуждена была дать свое согласіе; обстоятельства ее заставили, быть можетъ, противъ воли, преклонить колѣна, какъ лошадь, обучаемую для цирка. Мысль объ этомъ доставляла Грандкортъ болѣе удовольствія, чѣмъ могло-бы ему принести убѣжденіе въ искренней любви къ нему молодой дѣвушки. Однакожь, онъ не могъ совершенно отрѣшиться отъ своей постоянной увѣренности, что женщины, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе, непременно питали къ нему нѣжное чувство,

и думалъ, что, по всей вѣроятности, Гвендолина впоследствии будетъ любить его болѣе, чѣмъ онъ ее. Во всякомъ случаѣ, она подчинилась его вліянію, и онъ съ радостью думалъ, что его будущая жена по своему гордому, энергичному духу была способна повелѣвать всѣми, кромѣ него. Онъ не любилъ женщинъ нѣжныхъ, смиренныхъ, слѣпо исполнявшихъ его волю. Онъ предвкушалъ счастье повелѣвать женщиной, которая сама желала-бы повелѣвать имъ и добилась-бы этого, если-бъ на его мѣстѣ былъ другой.

Потерпѣвъ неудачу въ разговорѣ съ Грандкортонъ, Лущъ нашелъ полезнымъ написать къ сэру Гюго, который имѣлъ достаточно авторитета, чтобъ дать ему приличное джентльмену и не очень трудное мѣсто. Вотъ что заключалось въ этомъ письмѣ, адресованномъ въ Лондонъ, куда недавно возвратился изъ Лейброна сэръ Гюго Малинджеръ съ своимъ семействомъ:

„Любезный сэръ Гюго, послѣ нашего возвращенія свадьба рѣшена и будетъ черезъ три недѣли. Мать невѣсты потеряла все свое состояніе и тѣмъ хуже для Грандкорта, которому придется содержать все семейство. Онъ, я знаю, нуждается въ деньгахъ, и если не предложить ему разумнаго плана, то онъ сдѣлаетъ заемъ на сьумасшедшихъ условіяхъ. Я немедленно уѣзжаю изъ Дипло и не могу ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи. Мой совѣтъ, чтобъ м-ръ Деронда, пользующійся вашимъ довѣріемъ, пріѣхалъ сюда, согласно приглашенію Грандкорта, а вы объясните ему вполне ваши желанія и окончательныя условія. Пусть онъ переговоритъ съ Грандкортонъ, не обнаруживая подозрѣнія, что послѣдній нуждается въ деньгахъ, а только распространяясь о вашемъ пламенномъ стремленіи покончить дѣло. Я уже прежде упомянулъ ему о вашемъ согласіи заплатить большую сумму за его отказъ отъ Дипло, но если-бъ м-ръ Деронда прямо предложилъ-бы отъ вашего имени подобную сдѣлку, то его слова произвели-бы сильное впечатлѣніе. Я вполне увѣренъ, что онъ сразу дѣла не покончитъ, но ваше предложеніе засядетъ въ его головѣ и онъ будетъ постоянно имѣть его въ виду, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, Дипло ему вскорѣ опротивитъ, хотя теперь онъ очень дорожитъ имъ для охоты. Такимъ образомъ, я готовъ держать пари, что вы въ-концѣ-концовъ одержите побѣду. Меня ссылаютъ не въ Сибирь, а приказываютъ всегда быть наготовѣ,

если понадобятся мои услуги, поэтому я еще, быть можетъ, буду вамъ полезенъ. Но въ настоящее время нѣтъ лучше посредника, какъ и-ръ Деронда, потому что Грандкорть болѣе всего ненавидѣть страпчихъ.

„Надѣясь, что ваша поѣздка въ Лейбронъ возстановила ваши силы на всю зиму, я остаюсь, любезный сэръ Гюго,

Вамъ преданный

Томась-Кранмеръ Лущъ“.

Сэръ Гюго получилъ это письмо за завтракомъ и, прочитавъ, передалъ Дерондѣ, который хотя и имѣлъ особую квартиру, но почти всегда находился у сэра Гюго. Словоохотливый баронетъ находилъ-бы удовольствіе въ постоянномъ обществѣ умнаго, способнаго молодого человѣка, даже если-бы онъ не имѣлъ особыхъ причинъ любить его. Теперь-же глубокая привязанность къ Дерондѣ нисколько не уменьшалась отъ ихъ совершенно противоположныхъ мнѣній и вкусовъ. Можетъ быть, это различіе усиливало его любовь, какъ это часто бываетъ между мужчинами и женщинами. Баронетъ не считалъ себя достойнымъ порицанія, но смотрѣлъ на общество и людей съ либерально-равнодушной точки зрѣнія высшаго существа и съ нѣкоторой гордостью замѣчалъ, что Деронда держится совершенно другого взгляда. „Вы видите этого славнаго молодого человѣка, готовъ онъ былъ сказать всѣмъ и каждому;—я его воспиталъ съ дѣтства и онъ, нѣкоторымъ образомъ, принадлежитъ мнѣ, но вы не легко ему приклеете на лобъ ярлыкъ: онъ имѣетъ свои собственные взгляды и такъ-же далеко отъ меня, какъ одинъ полюсъ отъ другого“. Эту привязанность баронета къ Дерондѣ послѣдній поддерживалъ чисто-женской нѣжностью и уступчивостью въ мелочахъ, тогда какъ въ своихъ мнѣніяхъ и взглядахъ онъ отличался мужественной непреклонностью.

Прочитавъ письмо, Деронда молча возвратилъ его, недовольный тѣмъ небрежнымъ тономъ, съ которымъ Лущъ отзывался о немъ.

— Что ты скажешь, Донъ? произнесъ баронетъ. — Поѣздка въ Дипло доставила-бы тебѣ удовольствіе. Ты давно тамъ не былъ и, отправившись на будущей недѣлѣ, ты знатно поохотился-бы.

— Если я поѣду, то не для себя, отвѣчалъ Деронда, гото-

вый сдѣлать угодное сэру Гюго, но невидѣвшій ничего привлекательнаго въ подобной повѣздѣ.

— Я полагаю, что Лушъ правъ, и жаль пропустить такой хорошій случай.

— Это дѣло другое; я, конечно, поѣду, если вы полагаете, что могу принести вамъ пользу, сказалъ Деронда, очень хорошо зная, какъ близко къ сердцу баронетъ принималъ это дѣло.

— Ты увидишь въ Дипло лейбронскую Діану, красавицу-игрока, замѣтилъ весело сэръ Гюго и прибавилъ, обращаясь къ леди Малинджеръ, словно ей было извѣстно содержаніе письма:— намъ придется, Луиза, пригласить ее, послѣ свадьбы, въ аббатство.

— Я не понимаю, о комъ ты говоришь, отвѣчала леди Малинджеръ, которая не слушала разговора ея мужа съ Дерондой, а была вполне занята своимъ кофе, не хорошо выглаженными рукавичками и предстоящимъ посѣщеніемъ дантиста съ маленькой Терезой.

Если читатель спроситъ, на что походила жена сэра Гюго, то я отвѣчу, что у нея были красновато-бѣлокурные волосы (модные въ то время), маленькій римскій носикъ, большіе голубые глаза и нѣсколько дородная фигура, такъ-что на рукахъ ея видѣлись ямки, какъ у дѣтей.

— Я говорю, что Грандкортъ женится на молодой дѣвушкѣ, которую ты видѣла въ Лейбронѣ. Помнишь миссъ Гарлетъ? Она еще играла въ рулетку.

— Неужели? И это для него хорошая партія?

— Смотря по тому, что онъ считаетъ хорошимъ, отвѣчалъ сэръ Гюго съ улыбкой;—во всякомъ случаѣ, она будетъ ему дорого стоить, такъ-какъ ея семейство разорилось, а для меня это хорошо. Ты знаешь мое желаніе купить у Грандкорта его права на Дипло, чтобы оставить тебѣ послѣ моей смерти твое любимое помѣстье.

— Я не люблю, когда ты такъ легко говоришь о смерти.

— Какъ легко? Напротивъ, мнѣ придется очень тяжело, выплачивая такую крупную сумму Грандкорту—тысячъ сорокъ, не меньше.

— Но зачѣмъ намъ приглашать ихъ въ аббатство? Я не люблю женщинъ-игроковъ, подобныхъ леди Кротстонъ.

— Ничего, ты потерпишь ее съ недѣлку; да вѣдь она не походить-же на леди Кростонъ, потому что играла для шутки въ рулетку, также, какъ я не лавочникъ, потому что вигъ. Надо приласкать Грандкорта и выказать ему всѣ прелести аббатства; онъ тогда скорѣе забудетъ Дипло. Право, не знаю, удастся ли мнѣ это дѣльце; но если-бъ Донъ поѣхалъ теперь къ нему, то могъ-бы замоловить словечко. Онъ этимъ сдѣлалъ-бы мнѣ большую услугу.

— Даниель, кажется, не очень любитъ м-ра Грандкорта, замѣтила леди Малинджеръ.

— Нельзя избѣгать всѣхъ, кого не любишь, отвѣчалъ Деронда;—я поѣду въ Дипло, если сэръ Гюго этого желаетъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю въ виду ничего лучшаго.

— Вотъ молодець, произнесъ сэръ Гюго съ удовольствіемъ;— если эта поѣздка будетъ тебѣ и не очень пріятна, то все-же ты увидишь людей, а это для молодого человѣка очень полезно.

— Я уже достаточно видалъ Грандкорта, замѣтилъ Деронда.

— Да, онъ не очень привлекателенъ, прибавила леди Малинджеръ.

— А все-же имѣетъ большой успѣхъ между женщинами, произнесъ сэръ Гюго;—лѣтъ двадцати онъ былъ удивительно хорошъ собою, вылитый отецъ. Но относительно женитьбы онъ не слѣдуетъ его примѣру и не выбралъ богатой наслѣдницы, а если-бъ онъ женился на миссъ Аропонтъ и потомъ наслѣдовалъ ея имѣніемъ, то у него, прозятаго, было-бы цѣлое княжество.

Обдумывая свою предстоящую поѣздку въ Дипло, Деронда чувствовалъ менѣе неудовольствія, чѣмъ въ первую минуту, когда онъ на нее согласился. Свадьба Гвендолины очень его интересовала: узнавъ отъ Луша, что она бѣжала отъ предложенія руки и сердца со стороны того самаго человѣка, котораго она теперь добровольно брала въ мужья, онъ объяснялъ себѣ совершенно иначе ея игру въ Лейбронѣ, а неожиданный переходъ отъ лихорадочнаго блеска свѣтской жизни къ бѣдности, вѣроятно, побудилъ ее къ браку, сначала ей ненавистному. Все это обнаруживало въ ней натуру увлекающуюся, подверженную борьбѣ, а подобныя существа возбуждали въ немъ наибольшее сочувствіе, благодаря его собственнымъ внутреннимъ страданіямъ по милости его невѣдомаго происхожденія. Его болѣе всего привлекали люди,

которые, подобно Гансу Мейрику, нуждались въ его защитѣ, поддержкѣ, спасительномъ вліяніи, и, напротивъ, онъ какъ-то инстинктивно отворачивался отъ счастливыхъ личностей. Но въ томъ неопредѣленномъ чувствѣ, которое побудило его выкупить ожерелье Гвендолины и до сихъ поръ влекло его къ ней, была не только обычная ему симпатія къ несчастнымъ, но и невольное подчиненіе чарующему вліянію женщины. Онъ былъ очень падохъ къ подобному вліянію и рисовалъ въ пламенномъ воображеніи утопическія картины своей будущности; однако, всякій, знавшій близко его натуру, легко предугадалъ-бы, что онъ былъ способенъ любить безмолвно, несмотря на весь его пылъ. Часто чуткія, впечатлительныя натуры находятъ непреодолимую преграду въ томъ, что даже незамѣтно обыкновенному глазу. Поэтому неудивительно, что воображеніе Деронды было занято двумя женщинами, ухаживать за которыми онъ находилъ одинаково невозможнымъ. Гансъ Мейрикъ называлъ его въ шутку рыцаремъ, и вполне убѣдился-бы въ справедливости этого прозвища, если-бъ зналъ, что происходило въ умѣ Деронды по отношенію къ Мирѣ и Гвендолигѣ.

Согласно желанію сэра Гюго, онъ тотчасъ написалъ Грандкорту о своемъ намѣреніи посѣтить Дипло и получилъ очень любезный отвѣтъ. Грандкортъ при этомъ не только соблюдалъ правила свѣтской учтивости, но, дѣйствительно, посѣщеніе Деронды ему улыбалось. Онъ догадывался, съ какой цѣлью сэръ Гюго прислалъ къ нему его двоюроднаго брата съ лѣвой стороны, и не имѣлъ никакого желанія прямо противодѣйствовать плану дяди. Виѣсть съ тѣмъ ему было пріятно, что этотъ красивый молодой человекъ увидитъ съ завистью его, Генлея Малинджера Грандкорта, торжествующимъ женихомъ прелестнаго созданія, которымъ онъ самъ восхищался. Что-же касается его лично, то Грандкортъ могъ ревновать только человека, угрожавшаго поколебать его власть надъ людьми и обстоятельствами, чего въ настоящемъ случаѣ нельзя было опасаться.

ГЛАВА XXIX.

— Торингтоны теперь въ Дипло, не поѣдете-ли вы завтра туда? Я пришлю экипажъ за м-сь Давило. Вы мнѣ скажете, какія передѣлки надо сдѣлать въ домѣ. Пока мы будемъ въ Рай-

ландсѣ, все и привести въ порядокъ. Завтра единственный свободный день.

Говоря это, Грандкорть сидѣлъ на диванѣ въ гостиной офендизскаго дома; одной рукой онъ опирался о спинку дивана, а другую засунулъ между скрещенными колѣнами, принявъ, такимъ образомъ, позу человѣка, который внимательно наблюдаетъ за собою. Гвендолина всегда ненавидѣла рукодѣлье, но съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась невѣстой, стала выказывать неожиданное пристрастіе къ работѣ и въ настоящую минуту держала въ рукахъ англійское шитье, которое, однако, доказывало по многимъ ошибкамъ ея неумѣлость въ этомъ дѣлѣ. Впродолженіи послѣдней недѣли она проводила большую часть дня на лошади, но все-же ей приходилось и сидѣть съ глазу-на-глазъ съ Грандкортомъ, что было гораздо труднѣе, хотя далеко не такъ непріятно, какъ она предполагала. Вообще она была очень довольна своимъ женихомъ. Отвѣчая на всѣ ея разспросы о томъ, что онъ дѣлалъ и видѣлъ въ жизни, онъ обнаруживалъ рѣдкое умѣнье говорить и представить весь свѣтъ въ такомъ видѣ, что все глупое и безумное совершалось не имъ, а другими. Кромѣ того, поведеніе Грандкорта, какъ жениха, не выходило за предѣлы почтительной любви, льстившей самолюбію Гвендолины. Только однажды онъ позволилъ себѣ вольность, поцѣловавъ ее въ шею пониже уха; Гвендолина, застигнутая врасплохъ, вскочила въ смущеніи и Грандкорть поспѣшно сказалъ:

— Извините, я васъ испугалъ.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала молодая дѣвушка, — я только не терплю, чтобъ меня цѣловали за ухомъ.

Она засмѣялась дѣтскимъ смѣхомъ, но сердце ея тревожно забилось: она не могла обращаться съ Грандкортомъ такъ гордо, повелительно, какъ нѣкогда съ Рексомъ. Что-же касается Грандкорта, то ея смущеніе казалось ему чѣмъ-то вродѣ комплимента, и, удовольствовавшись одной попыткой, онъ не возобновлялъ ея болѣе.

Въ тотъ день, о которомъ мы теперь говоримъ, шелъ дождь и нельзя было ѣхать верхомъ, но, какъ-бы въ вознагражденіе за эту непріятность, прибылъ изъ Лондона большой ящикъ съ подаркомъ, заказаннымъ Грандкортомъ, и м-съ Давило разложила на столахъ великолѣпныя вещи, возбуждавшія невольно восторгъ

Гвендолины, которая предвкусывала теперь удовольствія своей будущей жизни.

— Отчего завтра единственный свободный день? спросила она съ прелестной улыбкой.

— Потому, что послѣ завтра начинается охота.

— А потомъ?

— Я долженъ на два дня уѣхать; конечно, это очень неприятно, но я поѣду утромъ, а на слѣдующій день вечеромъ вернусь. Вы не желаете, чтобъ я ѣхалъ? прибавилъ онъ, видя, что Гвендолина перемѣнилась въ лицѣ.

— Мои желанія ни къ чему не поведутъ, отвѣчала она съ большимъ усиліемъ, удерживаясь, чтобъ не высказать своего подозрѣнія, куда онъ ѣхалъ, и однажды на-всегда объясниться съ нимъ откровенно насчетъ м-съ Глашеръ.

— Нѣтъ, ваше желаніе для меня все, произнесъ Грандкорть, взявъ руку молодой дѣвушки;—я отложу эту поѣздку, а когда предприму ее, то отправлюсь ночью и буду въ отсутствіи только одинъ день.

Онъ предугадывалъ причину ея неудовольствія и она никогда не была такъ очаровательна въ его глазахъ, какъ въ эту минуту.

— Такъ не откладывайте, а поѣзжайте ночью, отвѣчала Гвендолина, чувствуя, что она имѣетъ надъ нимъ власть, и находя въ этомъ значительное утѣшеніе.

— Вы, значитъ, согласны посѣтить завтра Дипло?

— Да, если вы желаете, отвѣчала Гвендолина небрежно, почти безсознательно.

— Какъ вы обходитесь съ нами, бѣдными мужчинами, замѣтилъ Грандкорть, понижая голосъ:—мы всегда терпимъ отъ васъ.

— И вы въ томъ числѣ? спросила Гвендолина съ наивной улыбкой и прибавила, желая убѣдиться, не была-ли м-съ Глашеръ виновна болѣе Грандкорта въ своемъ несчастіи:—Вы всегда терпѣли отъ женщинъ?

— Да; развѣ вы такъ-же добры ко мнѣ, какъ я къ вамъ? отвѣчалъ Грандкорть, смотря ей прямо въ глаза.

Гвендолина чувствовала себя побѣжденной. Она столькимъ была обязана Грандкорту, что, казалось, немислимо повелѣвать или пойти назадъ. Она какъ-будто видѣла себя въ экипажѣ, кото-

рымъ правило другое лицо, а не въ ея натурѣ было выпрыгнуть на виду у всѣхъ. Она дала слово сознательно, и все, что могла сказать теперь, только подтвердило бы ея сознательный выборъ. Всякое право на объясненіе было уже потеряно и ей оставалось только принять иѣры, чтобы укоры совѣсти не слишкомъ ее мучили. Съ какою-то внутреннею дрожью она рѣшительно перемигнула теченіе своихъ мыслей и послѣ небольшого молчанія сказала съ улыбкою:

— Если-бъ я была къ вамъ такъ-же добра, какъ вы ко мнѣ, то ваше великодушіе потеряло-бы свой грандіозный характеръ.

— Такъ я не могу попросить ни одного поцѣлуя? спросилъ Грандкортъ, готовый съ удовольствіемъ заплатить громадную цѣну за этотъ новый видъ ухаживанія.

— Ни одного, отвѣчала Гвендолина, надувъ губки и качая головой самымъ вызывающимъ образомъ.

Онъ поднесъ ея лѣвую руку къ своимъ губамъ и потомъ почтительно выпустилъ ее. Онъ не только не былъ теперь противень, но казался очаровательнымъ, и Гвендолина чувствовала, что наврядъ-ли могла любить кого-нибудь болѣе его.

— Кстати, сказала она, принимаясь снова за работу:—есть-ли въ Дипло кто-нибудь другой, кромѣ капитана Торингтона и его жены? Неужели вы оставляете ихъ вдвоемъ: вѣдь они не могутъ произнести ни одного слова: за него говорить — сигара, а за нее — шиньонъ.

— Она привезла съ собою свою сестру, отвѣчалъ Грандкортъ съ улыбкой;—кромѣ того, въ Дипло гостятъ два джентльмена, изъ которыхъ одного вы, кажется, знаете.

— И, вѣроятно, имѣю о немъ самое плохое мнѣніе, замѣтила Гвендолина, качая головой.

— Вы его видали въ Лейбронѣ... это молодой Деронда... живущій у Малинджеровъ.

Сердце Гвендолины дрогнуло и пальцы, которыми она стиснула работу, вдругъ похолодѣли.

— Я никогда съ нимъ не говорила, отвѣчала она, стараясь скрыть свое смущеніе;—что, онъ очень противный?

— Нѣтъ, не особенно, промолвилъ Грандкортъ своимъ медленнымъ, апатичнымъ тономъ;—онъ только слишкомъ много ду-

масть о себѣ. Но я полагалъ, что онъ былъ вамъ представленъ въ Лейбронѣ.

— Нѣтъ, кто-то называлъ его по имени вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда... вотъ и все. Кто онъ такой?

— Воспитанникъ сэра Гюго Малинджера. Неважная птица!

— Бѣдный! Ему, должно быть, не весело жить, сказала Гвендолина безъ малѣйшей тѣни сарказма;—а кажется, дождь пересталъ? прибавила она, подходя къ окну.

По счастью, не было дождя на слѣдующій день, когда Гвендолина отправилась въ Дипло верхомъ на Критеріонѣ. Она всегда чувствовала себя всего смѣлѣе и очаровательнѣе въ амазонкѣ, а подобное сознание служило большой поддержкой для предстоящей ей важной встрѣчи. Ея гнѣвъ на Деронду мало-помалу перешелъ въ суетѣрное опасеніе, чтобъ онъ не возымѣлъ большого вліянія на ея послѣдующую жизнь.

До завтрака Гвендолина осматривала всѣ комнаты въ дипломскомъ домѣ съ матерью и м-съ Торингтонъ; она рѣшилась сухо поклониться, если встрѣтитъ Деронду, и какъ можно менѣе обращать на него вниманія. Но когда она дѣйствительно очутилась съ нимъ въ одной комнатѣ, то почувствовала неприятное для ея гордости сознание, что онъ всецѣло овладѣлъ ея вниманіемъ. Эта встрѣча произошла за завтракомъ и Грандвортъ сказалъ:

— Деронда, по словамъ миссъ Гарлетъ, вы не были ей представлены въ Лейбронѣ?

— Миссъ Гарлетъ, вѣроятно, меня не помнитъ, отвѣчалъ Деронда, смотря на нее просто, спокойно:—она была очень занята, когда я ее видѣлъ.

Неужели онъ предполагалъ, что она не подозреваетъ въ немъ человѣка, выкупившаго ея ожерелье?

— Напротивъ, я васъ помню очень хорошо, сказала Гвендолина, съ большимъ усиліемъ поборовъ свое смущеніе и пристально смотря на него;—вы не одобряли моей игры въ рулетку.

— Почему вы могли это заключить? спросилъ серьезно Деронда.

— Вы сглазили мою игру, отвѣчала Гвендолина съ улыбкой, качая головой:—до вашего прихода я постоянно выигрывала, а потомъ стала проигрывать.

— Рулетка въ такой труппѣ, какъ Лейбронъ, чрезвычайно скучна, замѣтилъ Грандвортъ.

— Мнѣ показалась она скучной только тогда, когда я стала проигрывать, прибавила Гвендолина.

Говоря это, она повернулась лицомъ къ Грандкорту и прелестно улыбалась, но черезъ минуту взглянула изподлобья на Деронду, который пристально смотрѣлъ на нее. Этотъ серьезный, пронизательный взглядъ показался ей болѣе острымъ жаломъ, чѣмъ ироническая его улыбка въ Лейбронѣ или строгое объ ней сужденіе Блесмера. Она какъ-будто прислушивалась къ общему разговору о беспорядкахъ на Ямайкѣ, но въ сущности только думала о Дерондѣ и смотрѣла поочередно на всѣхъ присутствующихъ лишь для того, чтобъ имѣть право взглянуть на него. Его лицо отличалось тѣми чертами и выраженіемъ, одинъ видъ которыхъ заставляетъ насъ стыдиться своихъ мнѣній и взглядовъ. Кто не видалъ подобныхъ поразительныхъ лицъ, увя! такъ часто несогласныхъ съ рѣчью и дѣйствіями ихъ обладателей? Но голосъ Деронды нисколько не уничтожалъ впечатлѣнія, производимаго его лицомъ. Гвендолина слышала его впервые, и въ сравненіи съ лѣнливой, монотонной манерой Грандкорта цѣдить слова, онъ напоминалъ ей мелодичные, полные звуки віолончели среди кудяхтанья куръ и писка другихъ обитателей птичьяго двора. Въ глубинѣ своего сердца она не могла не согласиться съ Грандкортомъ, что Деронда слишкомъ много о себѣ думалъ, такъ-какъ это лучший способъ объяснить унижающее насъ превосходство ближняго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она спрашивала себя: „Что онъ обо мнѣ думаетъ? Онъ, должно быть, интересуется мною, иначе не прислалъ-бы ожерелье. Какого онъ мнѣнія о моей свадьбѣ? Отчего онъ вообще такъ серьезно смотреть на жизнь? Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Дипло?“ Всѣ эти вопросы сливались въ одно безпокойное, жгучее желаніе, чтобъ Деронда питалъ къ ней ничѣмъ невозмутимое восхищеніе; эта жажда его одобренія была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оскорбительнѣе ей показался въ первую минуту его критическій взглядъ. Но отчего она такъ жаждала хорошаго о себѣ мнѣнія столь „неважной птицы“, по выраженію Грандкорта? Ей некогда было доискиваться причины этой жажды; она чувствовала только ея жгучую силу.

Послѣ завтрака все общество перешло въ гостиную, и когда Грандкортъ удалился за чѣмъ-то въ свой кабинетъ, Гвендолина инстинктивно, безъ всякаго предвзятаго намѣренія подошла къ

Дерондѣ, который разсматривалъ картины, лежавшія на столѣ у окна.

— Вы поѣдете завтра на охоту, м-ръ Деронда? спросила она.

— Да, вѣроятно.

— Вы, значитъ, не порицаете охоты?

— Я не извиняю и склопенъ къ этому грѣху, когда нѣтъ случая грести въ лодкѣ или играть въ крокетъ.

— Вы не имѣете ничего противъ, чтобъ я охотилась? спросила Гвендолина, надувъ губки.

— Я не имѣю права противиться какому-бы то ни было вашему поступку.

— А вы считали себя въ правѣ противиться моей игрѣ въ рудетку?

— Мнѣ было жаль видѣть, что вы играли, но, кажется, я не выразилъ своего порицанія, отвѣчалъ Деронда, смотря на нее своими большими, серьезными глазами, которые отличались такой добротой и нѣжнымъ сочувствіемъ, что внушали каждому, на комъ они останавливались, убѣжденіе, что Деронда питаетъ къ нему особый интересъ.

— Однако, вы мнѣ помѣшали возвратиться къ игорному столу, сказала Гвендолина и вся вспыхнула.

Деронда также покраснѣлъ, чувствуя, что онъ въ дѣлѣ ожерелья былъ виновенъ въ непопозволительной вольности. Но болѣе говорить было нельзя и Гвендолина отошла отъ окна, сознавая, что она глупо высказала то, чего вовсе не хотѣла, и въ то-же время ощущая какую-то странную радость отъ этого откровеннаго объясненія. Деронда также былъ доволенъ этимъ неожиданнымъ разговоромъ. Вообще Гвендолина показалась ему гораздо привлекательнѣе, чѣмъ прежде; и, дѣйствительно, въ послѣднее время въ ней произошла большая перемѣна. Внутренняя борьба, возбужденная въ ней сознательнымъ уклоненіемъ отъ прямого пути, какъ-бы переродила ее душу, вызвавъ на свѣтъ болѣе могучія силы къ добру и злу, чѣмъ преобладавшая до сихъ поръ надъ всѣми ее чувствами грубая самоувѣренность и гордое самодовольство.

Возвратясь вечеромъ домой, м-съ Давило спросила у дочери:

— Ты правду сказала, Гвенъ, или только пошутила, говоря, что м-ръ Деронда сглазилъ твою игру въ рудетку?

— Когда я начала проигрывать, то замѣтила, что онъ смотрѣлъ на меня, отвѣчала Гвендолина небрежно.

— Нельзя его и не замѣтить, сказала м-съ Давило:— у него очень типичное лицо. Онъ напоминаетъ мнѣ итальянскіе портреты. Съ перваго взгляда легко отгадать, что въ немъ иностранная кровь.

— А развѣ онъ иностранецъ?

— Я спросила у м-съ Торингтонъ, кто онъ такой, и она объяснила, что его мать была чужестранка высокаго происхожденія.

— Его мать? произнесла Гвендолина,— а кто же его отецъ?

— Всѣ говорятъ, что онъ сынъ сэра Гюго Малинджера, который его и воспиталъ, хотя называетъ себя только опекуномъ молодого человѣка. По словамъ м-съ Торингтонъ, если-бъ сэръ Гюго могъ распоряжаться своими помѣстьями, то, не имѣя законнаго сына, онъ оставилъ-бы ихъ м-ру Дерондѣ.

Гвендолина ничего не отвѣчала, но м-съ Давило замѣтила, что ея слова произвели на дочь сильное впечатлѣніе, и пожалѣла, что передала ей слышанное отъ м-съ Торингтонъ. Дѣйствительно, по ея мнѣнію, лучше было-бы молодой дѣвушкѣ не знать подобныхъ вещей. Что-же касается Гвендолины, то въ ея воображеніи немедленно возникъ образъ этой невѣдомой матери, непрежѣнно черноокой и грустной, несчастной. Трудно было себѣ представить что-либо болѣе непохожее на лицо Деронды, какъ портретъ сэра Гюго, висѣвшій въ кабинетѣ въ Дипло, но черноокая, не молодая красавица стала съ нѣкоторыхъ поръ неотъемлемнымъ, необходимымъ элементомъ внутренняго сознанія Гвендолины.

Лежа въ постели въ эту ночь, Гвендолина неожиданно спросила у матери:

— Мама, у мужчинъ всегда бывають дѣти прежде, чѣмъ они женятся?

— Нѣтъ, голубушка, отвѣчала м-съ Давило;— но зачѣмъ ты это спрашиваешь?

— Если это общее правило, то мнѣ надо знать, замѣтила Гвендолина съ негодованіемъ.

— Ты думаешь о томъ, что я сказала про м-ра Деронду и сэра Гюго Малинджера. Но это необыкновенный случай.

— А леди Малинджеръ объ этомъ извѣстно?

— Вѣроятно, иначе м-ръ Деронда не жилъ-бы съ ними.

— Люди отъ этого не худшаго о немъ мнѣнія?

— Конечно, его положеніе не такое блестящее, какъ если-бъ онъ былъ сынъ леди Малинджеръ. Онъ не наследуетъ помѣстьямъ сэра Гюго и не имѣетъ никакого значенія въ свѣтѣ. Но никто не обязанъ знать его происхожденія и, ты видишь, онъ прекрасно вездѣ принятъ.

— А знаетъ-ли онъ самъ о своемъ происхожденіи и чувствуетъ-ли злобу къ своему отцу?

— Зачѣмъ ты объ этомъ думаешь, дитя мое?

— Зачѣмъ? воскликнула Гвендолина съ жаромъ;—развѣ дѣти не имѣютъ права сердиться на своихъ родителей, браку которыхъ они не могли помѣшать?

Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ покраснѣла, не столько отъ сожалѣнія, что ихъ можно было принять за упрекъ матери, сколько отъ сознанія, что произнесла роковой приговоръ надъ своей собственной свадьбой. На этомъ разговоръ прекратился, но Гвендолина долго не смыкала глазъ. Въ головѣ ея происходила жестокая борьба съ многочисленными аргументами противъ предстоявшаго ей брака, которые теперь какъ-бы возымѣли новую силу, неожиданно отражаясь въ исторіи человѣка, повидимому имѣвшаго какое-то странное, таинственное съ ней сродство. При этомъ было очень характеристично, что къ борьбѣ разнородныхъ идей и чувствъ не примѣшивалось сознанія, что она, выходя замужъ за Грандкорта, принимаетъ на себя серьезныя обязанности, а не только заключаетъ выгодную сдѣлку. Конечно, мысли Гвендолины были очень грубы, первобытны, не развиты, но намъ часто приходится преодолевать большія трудности въ жизни, находясь именно въ такомъ положеніи; и чтобъ придти къ разумному заключенію о многихъ жизненныхъ явленіяхъ, я полагаю, необходимо знать, какъ они представляются обыкновеннымъ людямъ, не мудрецамъ, такъ какъ изъ этихъ представленій слагается большая часть исторіи человѣчества.

На слѣдующій день ей предстояло двоякое удовольствіе: она отправлялась на охоту виѣстѣ съ м-съ Торингтонъ, которая согласилась ее сопровождать ради приличія, и должна была снова увидѣть Деронду, о которомъ съ прошедшаго вечера она не переставала думать. Какая ожидала его будущность? Если-бъ обстоятельства сложились нѣсколько иначе, то онъ былъ-бы не

„неважной птицей“, а такимъ-же значительнымъ лицомъ, какъ Грандкорть, и получилъ-бы то самое наслѣдство, которое ожидалъ Грандкорть. А теперь онъ, по всей вѣроятности, увидитъ ее, Гвендолину, хозяйкой топингскаго аббатства и обладательницей того титула, который могъ принадлежать его жемчю. Эти мысли составляли новую эпоху для Гвендолины, которая до сихъ поръ считала все лучшее въ жизни своимъ удѣломъ по праву, а теперь впервые увидала, что улыбающаяся ей судьба жестоко преслѣдовала другихъ. Деронда занялъ въ ея воображеніи мѣсто рядомъ съ м-сь Глашеръ и ея дѣтьми, передъ которыми она чувствовала себя какъ-бы виновной, тогда-какъ прежде она всѣхъ считала виновными передъ собою. Быть можетъ, Деронда имѣлъ подобныя-же мысли. Зналъ-ли онъ исторію м-сь Глашеръ? Если зналъ, то, конечно, презиралъ Гвендолину за ея бракъ; но врядъ-ли ему это было извѣстно. А иначе одобрялъ-ли онъ ея свадьбу? Его сужденіе объ ея поступкахъ такъ-же смущало ее, какъ мнѣніе Клесмера объ ея драматическихъ способностяхъ, хотя въ первомъ случаѣ ей было гораздо легче опровергнуть въ глубинахъ своей души неблагоприятное заключеніе. Когда дѣло шло объ ея неспособности быть актрисой, она не могла сказать: „что-же дѣлать?“ а теперь она съ нѣкоторымъ основаніемъ повторяла: „что-жъ дѣлать? я слѣдую примѣру другихъ. Ни къ чему не повело-бы, если-бъ я теперь отказалась отъ брака съ Грандкортомъ“.

Дѣйствительно, идти назадъ было немислимо. Кони въ ея колесницѣ неслись во всю прыть и она готова была рискнуть скорѣе всѣмъ, чѣмъ возвратиться вспять къ прежнему унижительному положенію; мысль-же, что отступленіе грозило не меньшимъ зломъ, чѣмъ дальнѣйшее слѣдованіе по избранному пути, служила ей нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Но въ настоящую минуту эти періодически находившія на нее тревожныя мысли были совершенно не кстати; передъ нею былъ радостный фактъ — охота, на которой она увидитъ Деронду, а онъ ее, такъ-какъ во всѣхъ ея мысляхъ о немъ лежало убѣжденіе, что онъ глубоко ею интересуется. Впрочемъ, она рѣшилась не повторять вчерашней безумной выходки и не вступать съ Дерондой въ откровенную бесѣду, тѣмъ болѣе, что врядъ-ли на охотѣ могъ представиться къ тому случай, — такъ всецѣло хотѣла она предаться этому одурающему удовольствію.

Долго все шло такъ, какъ ожидала Гвендолина. Она видѣла Деронду нѣсколько разъ во время охоты, но никакая случайность не столкнула ихъ до самаго возвращенія молодой дѣвушки въ Офендинъ въ сопровожденіи обитателей Дипло. Пока занималъ ее всепоглощающій интересъ охоты, она довольствовалась отъ времени до времени взглядомъ на Деронду, но теперь она почувствовала неотразимое желаніе заговорить съ нимъ. Она не знала, что именно ему скажетъ, но онъ уѣзжалъ изъ Дипло черезъ два дня и, по всей вѣроятности, имъ не суждено было болѣе видѣться. Но какъ было вступить съ нимъ въ разговоръ? Грандкортъ ѣхалъ рядомъ съ нею, немного впереди скакала м-съ Торрингтонъ съ мужемъ и другимъ джентльменомъ, а позади слѣдовалъ Деронда. Стукъ копытъ его лошади только хуже ее раздражалъ, а полумракъ ноябрьскаго дня, клонившагося къ вечеру, увеличивалъ ея нетерпѣніе. Наконецъ, она потеряла всякое самообладаніе и рѣшилась поставить на своемъ, презирая приличія, которыя, какъ и все въ жизни, она полагала, должны были передъ нею преклоняться. Она осадила лошадь и взглянула назадъ; Грандкортъ также остановился, но она махнула хлыстомъ и весело крикнула:

— Поѣзжайте впередъ, я хочу поговорить съ м-ромъ Дерондой.

Грандкортъ съ минуту колебался; его положеніе было очень неловкое: никакой женихъ не могъ выказать сопротивленія волѣ своей невѣсты, облеченной въ такую шуточную форму. Дѣлать было нечего, онъ молча продолжалъ свой путь, а Гвендолина дождалась, пока Деронда поравнялся съ нею. Онъ вопросительно взглянулъ на нее и поѣхалъ рядомъ.

— М-ръ Деронда, сказала Гвендолина прямо,— я хочу знать, почему вы полагали безнравственной мою игру въ рулетку. Поэтому-ли, что я женщина?

— Не совсѣмъ, но, конечно, я тѣмъ болѣе сожалѣлъ о вашей игрѣ, что вы женщина, отвѣчалъ Деронда съ улыбкой, понимая, что между ними вполне установился фактъ присылки имъ ожерелья; — вообще, по моему мнѣнію, хорошо было-бы, если-бы люди вовсе не играли. Эта безумная страсть часто превращается въ болѣзнь. Къ тому-же нельзя смотрѣть безъ отвращенія, какъ одинъ человѣкъ съ восторгомъ загребаешь кучу золота, потерю которой оплакиваютъ другіе. Это просто низкій по-

ступокъ; вѣдь и такъ въ жизни часто случается, что нашъ выигрышъ—потеря другого. Намъ слѣдовало-бы какъ можно болѣе уменьшать число подобныхъ случайностей, а не находить удовольствіе въ искусственномъ ихъ размноженіи.

— Но вы должны признать, что иногда мы не вольны въ своихъ дѣйствіяхъ, произнесла Гвендолина, пораженная его неожиданными словами, — то-есть, я хочу сказать, что бывають случаи, когда мы не можемъ помѣшать, чтобъ нашъ выигрышъ причинилъ потерю другому.

— Конечно, но мы должны, когда можемъ, не допускать до этого.

Гвендолина незамѣтно прикусила губу и послѣ минутнаго молчанія продолжала съ веселой улыбкой:

— Но отчего вы тѣмъ болѣе сожалѣли мою игру, что я женщина?

— Потому что мы, мужчины, нуждаемся въ томъ, чтобъ женщины были лучше насъ.

— А если намъ нужно, чтобъ мужчины были лучше насъ?

— Это трудно, отвѣчалъ Деронда съ улыбкой.

— Нѣтъ, я нуждаюсь, чтобъ вы были лучше меня, и вы это поняли, сказала Гвендолина и, весело улыбнувшись, поскакала впередъ.

Черезъ минуту она нагнала Грандкорта, который ничего у нея не спросилъ.

— Вы не желаете знать, о чемъ я говорила съ м-ромъ Дерондой? произнесла Гвендолина, которая изъ чувства гордости ощущала необходимость объяснить свое странное поведеніе.

— Н...нѣтъ, отвѣчалъ Грандкорть холодно.

— Это первое неучтивое слово, которое я отъ васъ слышу, сказала Гвендолина, надувъ губки;—вы не желаете слышать того, что я вамъ хочу сказать?

— Я желаю слышать все, что вы хотите сказать мнѣ, а не другимъ.

— Въ такомъ случаѣ, не мѣшайте мнѣ вамъ сказать, что я спросила у м-ра Деронды, почему онъ порицалъ мою игру въ рулетку, и что онъ въ отвѣтъ произнесъ цѣлую проповѣдь.

— Хорошо, только избавьте меня отъ проповѣди, отвѣчалъ

сухо Грандкортъ, желая доказать Гвендолинѣ, что ему было рѣшительно все равно, съ кѣмъ ж о чемъ она говорила.

Въ дѣйствительности онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что она приказала ему уступить мѣсто другому, и молодая дѣвушка хорошо это видѣла; но ей было все равно. Она поставила на своемъ и говорила съ Дерондой.

При поворотѣ въ Офендинъ все общество, за исключеніемъ Грандкорта, простилось съ нею, а онъ проводилъ ее домой, такъ какъ на другой день они не должны были видѣться по случаю его отъѣзда изъ Дипло. Грандкортъ сказать правду, назвавъ эту поѣздку непріятной: онъ отправлялся въ Гадсмиръ къ м-съ Глашеръ.

XXX.

Представьте себѣ огромный, старинный домъ, большая часть котораго изъ сѣраго камня и покрыта красной черепицей, съ круглой башней въ одномъ концѣ, украшенной флюгаркой въ видѣ цѣтуха. Со всѣхъ сторонъ окружаетъ его тѣнистая листва: спереди развѣсистый кедръ и шотландскія сосны съ обнаженными корнями, а сзади густые кустарники, свѣсившіеся надъ прудомъ, гдѣ плескается домашняя птица; далѣе простирается громадный лугъ, окаймленный старыми деревьями и каменными сторожками, походившими на маленькія тюрьмы. За предѣлами этого парка вся окрестная страна, нѣкогда тѣшившая глазъ сельской красотой, представляетъ безконечный рядъ угольныхъ копей, населенныхъ черными людьми, похожими на чертей, въ шляпахъ съ воткнутыми въ тульи свѣчами, что особенно возбуждало страхъ четырехъ хорошенькихъ дѣтей м-съ Глашеръ, жившей въ Гадсмирѣ болѣе трехъ лѣтъ. Въ ноябрѣ, когда куртины въ саду не украшены цвѣтами, деревья потеряли свою роскошную листву и прудъ смотритъ мрачно, непривѣтливо, Гадсмиръ вполнѣ подходилъ къ чернымъ дорогамъ и чернымъ ямамъ, придававшимъ всей странѣ траурный видъ. Впрочемъ, м-съ Глашеръ не обращала на это вниманія и это уединенное мѣстечко нравилось ей при теперешнихъ ея обстоятельствахъ. Разъѣзжая съ дѣтьми въ фаэтонѣ, запряженномъ парой лошадей, она не боялась встрѣтить аристо-

кратовъ въ роскошныхъ экипажахъ, а ей попадались дѣловые люди въ кабриолетахъ; въ церкви ей не приходилось избѣгать любопытныхъ взглядовъ, такъ-какъ пасторъ и его жена или не знали ея исторіи, или не обнаруживали своего неодобренія, открыто признавая въ ней только вдову, арендовавшую Гадсмиръ. Вообще имя Грандкорта не имѣло никакого значенія въ округѣ, особенно въ сравненіи съ именами Флетчера и Гокоса, завѣдывавшихъ угольными копями.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ бѣгство прелестной жены ирландскаго офицера съ молодымъ Грандкортомъ и послѣдовавшая затѣмъ дуэль надѣлали много шума въ обществѣ. Если кто-нибудь теперь и вспоминалъ объ этой исторіи, то выражалъ недоумѣніе, куда дѣлась м-съ Глашеръ, которая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ жила съ Грандкортомъ за границей, поражая всѣхъ своей красотой и блескомъ. Было очень естественно и даже похвально въ глазахъ свѣта, что Грандкортъ, наконецъ, освободился изъ ея сѣтей. Что-же касается до нея, то женщина, бросившая мужа и ребенка, должна была, конечно, со временемъ пасть еще ниже. Никто теперь не говорилъ о м-съ Глашеръ, подобно тому, какъ никто не вспоминалъ о бѣдной жертвѣ убійства, совершеннаго десять лѣтъ тому назадъ. Она была погибшимъ судномъ, для розысканія котораго никто не думалъ посылать экспедиціи; напротивъ, Грандкортъ, какъ годный къ плаванію корабль, стоялъ въ гавани съ развѣвающимися флагами.

Но, въ сущности, онъ никогда не освобождался отъ сѣтей м-съ Глашеръ. Любовь къ ней была самой сильной и продолжительной страстью въ его жизни, и хотя теперь она уже давно умерла, но оставила послѣ себя такой живучій слѣдъ, что послѣ смерти ея мужа три года тому назадъ онъ даже подумалъ, не жениться ли на ней, согласно обѣщанію, повторяемому такъ часто въ первое время ихъ любви, когда Грандкортъ предлагалъ даже большую сумму за разводъ.

Года произвели въ чувствахъ м-съ Глашеръ совершенно противоположную перемѣну. Сначала она была очень равнодушна къ мысли о бракѣ. Ей было совершенно достаточно того, что она освободилась отъ непріятнаго мужа и вела блестящую жизнь съ молодымъ, красивымъ, богатымъ и влюбленнымъ въ нее человекомъ. Она была страстная, пламенная женщина, любившая, чтобъ

за нею уваживали, и приведенная въ ярость пятилѣтней супружеской тираніей. Двусмысленное положеніе не мучило ее и она не завидовала несчастной долѣ обманутой жены; сначала въ ея веселой жизни было одно мрачное пятно: брошенный ребенокъ, но черезъ два года онъ умеръ и новыя дѣти мало-по-малу изгладили память о немъ. Однако, года не только измѣнили очертанія шен и щекъ м-съ Глашеръ, но и внушили ей непреодолимое желаніе выйти замужъ за Грандкорта. Для себя она не боялась своего двусмысленнаго положенія, но оно непріятно отражалось на ея дѣтахъ, которыхъ она любила горячо и преданно, какъ-бы находя въ этой любви себѣ оправданіе. Если-бъ Грандкортъ женился на ней, то ея дѣти не потерпѣли-бы отъ ея прошедшей жизни, они увидали-бы свою мать окруженною почестями и заняли-бы въ свѣтѣ принадлежащее имъ мѣсто, а старшій сынъ сдѣлался-бы наслѣдникомъ отца. Ея любовь мало-по-малу перешла въ эту жажду получить титулъ жены и она не ожидала отъ свадьбы другого счастья, какъ удовлетворенія своей материнской любви и гордости. Для достиженія этого результата она готова была терпѣливо перенести все, и, зная упорную натуру Грандкорта, невыносившаго мольбы, она не приставала къ нему съ просьбами на ней жениться. Но это насилуваніе своихъ чувствъ дорого стоило страстной женщинѣ и въ сердцѣ ея накоплялась горечь. Въ матерьяльномъ отношеніи она совершенно зависѣла отъ Грандкорта, который не назначилъ ей опредѣленнаго содержанія, хотя былъ очень щедръ; она-же, имѣя въ виду свадьбу, не настаивала ни на какомъ иномъ способѣ обезпеченія ея судьбы. Онъ рѣшительно объявилъ, что не назначить ей никакой постоянной суммы иначе, какъ въ завѣщаніи, и м-съ Глашеръ часто думала, что если ей и не удастся выйти замужъ за Грандкорта, то онъ могъ не имѣть законнаго сына, и тогда, во всякомъ случаѣ, ея бѣдный мальчикъ, очень походившій на отца, наслѣдуетъ большей части его состоянія. Однако ея бракъ съ Грандкортomъ вовсе не представлялся невозможностью, и даже Лушъ выражалъ свою готовность держать пари, что въ-концѣ-концовъ она одержитъ успѣхъ. Когда Грандкортъ обнаружилъ нѣкоторое желаніе воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Дипло для женитьбы на м-съ Аропонть, Лушъ подумалъ было, что дѣло м-съ Глашеръ проиграно, но вскорѣ на сцену явилась Гвендо-

лина и м-съ Глашеръ со страстью и пламенной энергіей ухвати- лась за мысль Луша устранить эту новую опасность, создавъ въ головѣ молодой дѣвушки нравственную преграду къ свадьбѣ. По- слѣ своего разговора съ Гвендолиной она узнала черезъ Луша объ ея отвѣрдѣ и вѣроятномъ прекращеніи всякой опасности съ этой стороны, но ей ничего не было извѣстно о возобновленіи этой опасности и объ окончательной рѣшимости Грандкорта же- ниться на Гвендолинѣ. Она нѣсколько разъ писала ему, но онъ болѣе обыкновеннаго медлилъ отвѣтомъ, и она думала, что онъ самъ намѣревался пріѣхать въ Гадсмиръ, утѣшая себя надеждой, что, оскорбленный неудачной любовью, онъ легко вернется къ ста- рому своему намѣренію жениться на ней.

Отправляясь въ Гадсмиръ, Грандкортъ имѣлъ двѣ цѣли: объ- явить ей лично о своей свадьбѣ, чтобъ разомъ покончить это дѣло, и взять у нея бриліанты его матери, которые онъ уже давно далъ ей на подержаніе. Эти бриліанты не были громадны, но все- же стоили нѣсколько тысячъ, и Грандкортъ, естественно, хотѣлъ ихъ видѣть на женѣ. Онъ еще прежде нѣсколько разъ спраши- валь ихъ у Лидіи подъ предлогомъ, что ихъ надо для безопас- ности положить въ баню, но она постоянно отказывала, ссылаясь на совершенную ихъ безопасность въ ея рукахъ, и, наконецъ, сказала: „Если вы женитесь на другой, то я передамъ ей бри- ліанты“. Въ то время Грандкортъ не имѣлъ причины очень на- ставивать, а обычные его стремленія выказывать свою власть, при- вода обружающихъ его въ отчаяніе или возбуждая въ нихъ зло- бу, которую они не смѣли выразить, никогда не проявлялись въ отношеніи м-съ Глашеръ. Быть можетъ, несчастное положеніе этой женщины, всецѣло зависѣвшей отъ него, достаточно удовлетворяло его страсти повелѣвать, или его удерживалъ остатокъ ея преж- няго вліянія надъ нимъ, который отъ времени до времени воз- буждалъ въ немъ большую склонность къ извѣстному прошедшему, чѣмъ къ невѣдомому будущему. Но теперь жажда новаго ощуще- нія вполне имъ овладѣла и онъ рѣшился пожертвовать ему всемі, что еще оставалось отъ прошедшаго.

М-съ Глашеръ сидѣла въ комнатѣ, гдѣ она обыкновенно про- водила утро съ своими дѣтьми. Большое четырехугольное окно выходило на широкую, песчаную дорогу и зеленый лужокъ, не- замѣтно спускавшійся къ ручейку, который извивался до пруда.

На старинномъ, дубовомъ столѣ, кожаныхъ креслахъ и низенькой шифоньеркѣ изъ чернаго дерева разбросаны были дѣтскія платья, игрушки и книги, на которыя съ снисходительной улыбкой смотрѣла со стѣны почтенная дама. Дѣти были всѣ въ сборѣ. Три дѣвочки сидѣли вокругъ матери у окна и казались миниатюрными портретами м-съ Глашеръ: черноокія брюнетки съ нѣжными чертами и яркимъ румянцемъ на щекахъ, онѣ отличались такими художественно отчеканенными носиками и правильно проведенными бровями, что ихъ можно было принять за маленькихъ взрослыхъ женщинъ. Мальчикъ игралъ въ нѣкоторомъ разстояніи на коврѣ съ цѣлой коллекціей звѣрей изъ ноева ковчега, которыми онъ командовалъ повелительнымъ тономъ, убѣждаясь время отъ времени языкомъ въ прочности ихъ шкуръ. Старшая дѣвочка, Жозефина, девяти лѣтъ, брала урокъ французскаго языка, а остальные съ куклами на рукахъ сидѣли такъ смиренно, что походили на статуетокъ Мадонны. М-съ Глашеръ была одѣта очень изящно, такъ-какъ она ожидала теперь Грандкорта каждый день. Ея лицо, несмотря на поблекшія черты, все еще поражало своимъ прекраснымъ профилемъ, рельефно возвышавшимся надъ бархатнымъ платьемъ темно бронзоваго цвѣта и массивнымъ золотымъ ожерельемъ, которое самъ Грандкорть надѣлъ на ея лебединую шею много лѣтъ тому назадъ. Она, впрочемъ, не находила болѣе удовольствія въ туалетѣ, и, смотря на себя въ зеркало, только думала: „какъ я перемѣнилась“, но дѣти такъ-же пламенно цѣловали ея блѣдныя, впалыя щеки, какъ если-бъ онѣ сіяли блескомъ молодости, и ей этого было довольно. Давно уже любовь къ нимъ была единственной ея цѣлью въ жизни.

— Подожди, дитя мое! вдругъ промолвила она, взглянувъ въ окно и прислушиваясь. — Кажется, кто-то ѣдетъ.

— Это мельникъ съ моимъ осломъ, мама! воскликнулъ маленький Генлей, вскакивая съ пола.

Не получивъ отвѣта, онъ подошелъ къ матери и повторилъ то-же самое съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ. Въ эту минуту дверь отворилась и слуга доложилъ:

— М-ръ Грандкорть.

М-съ Глашеръ встала съ нѣкоторымъ смущеніемъ, Генлей отъвернулся отъ гостя, видимо разочарованный, что это не былъ мельникъ, а маленькія дѣвочки застѣнчиво подняли на него свои

черные глазки. Никто изъ дѣтей не любилъ „мамнина друга“, и когда Грандкортъ, пожавъ руку Лидіи, погладилъ по головкѣ Генлея, то этотъ непочтительный ребенокъ сталъ отбиваться кулаками отъ своего невѣдомаго отца. Дѣвочки смиренно перенесли его поцѣлуи, но всѣ были несказанно довольны, когда ихъ отправили въ садъ играть съ собаками.

— Откуда вы пріѣхали? спросила м-съ Глашеръ, когда Грандкортъ положилъ шляпу на столъ.

— Изъ Дипло, отвѣчалъ онъ медленно, садясь прямо противъ нея, но она тотчасъ замѣтила, что его взглядъ былъ невнимательный и равнодушный.

— Вы устали?

— Нѣтъ, я отдохнулъ на станціи, выпилъ кофе и покурить. Путешествія по желѣзной дорогѣ ужасно скучны.

Сказавъ это, Грандкортъ вынулъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ лицо и, снова спрятавъ, устремилъ глаза на свои безукоризненно лоснившіеся сапоги, словно передъ нимъ былъ незнакомый человекъ, а не любимая имъ нѣкогда женщина, которая съ замيرانіемъ сердца ожидала жизни или смерти отъ его словъ. Впрочемъ, онъ въ дѣйствительности думалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ о результатѣ этого свиданія, но волненіе упрямаго, привыкшаго повелѣвать человекъ, конечно, далеко разнилось отъ волненія женщины, вполне сознававшей свою зависимость.

— Я ожидала васъ, продолжала м-съ Глашеръ съ своей обычной живостью и энергіей;—я уже давно не имѣла отъ васъ никакихъ извѣстій. Вѣроятно, въ Дипло время кажется не такимъ безконечнымъ, какъ въ Гадсирѣ.

— Да, процѣдилъ Грандкортъ;—но вѣдь вы аккуратно получали деньги.

— Конечно, отвѣчала м-съ Глашеръ рѣзко и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

Ей казалось, что въ этотъ пріездъ Грандкортъ обращалъ меньше вниманія на нее и на дѣтей, чѣмъ прежде.

— Да, прибавилъ онъ, не смотря на Лидію и медленно проводя рукою по своимъ бакенбардамъ,—время для меня дѣйствительно летитъ очень быстро теперь, хотя оно прежде и мнѣ казалось безконечнымъ. Вы знаете, что со мною случилось много новаго?

Съ этии словами онъ впервые взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Я знаю? произнесла рѣзко м-съ Глашеръ.

— Да, вамъ извѣстно, что я хотѣлъ жениться. Вы видѣли миссъ Гарлетъ.

— Она вамъ сказала?

Щеки м-съ Глашеръ поблѣднѣли болѣе прежняго, быть можетъ, оттого, что глаза ея дико сверкали.

— Нѣтъ, мнѣ сказалъ Лушъ, отвѣчалъ Грандкортъ тѣмъ-же медленнымъ, равнодушнымъ тономъ.

Каждое его слово казалось несчастной женщинѣ подготовленіемъ пытки, которой ей не суждено было избѣгнуть.

— Боже милостивый! Скажите прямо, что вы на ней женитесь! воскликнула она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Вѣдь это должно было случиться рано или поздно, Лидія, продолжалъ онъ.

Теперь пытка началась, медленная, жестокая.

— Вы не всегда такъ думали.

— Можетъ быть, а теперь думаю.

Въ этихъ немногихъ словахъ м-съ Глашеръ ясно слышала свой смертный приговоръ. Всякое сопротивленіе съ ея стороны было немислимо; просить, умолять было все равно, что стараться ея тонкими, нѣжными пальцами отворить запертую каменную дверь. Она не сказала ни слова, не проронила ни слезинки. Всѣмъ ея существомъ овладѣло холодное, беспомощное отчаяніе. Наконецъ, она безсознательно встала, и, подойдя къ окну, прижалась пылающимъ лбомъ къ холодному стеклу. Дѣти, игравшія невдалекѣ на дорожкѣ, увидавъ лицо матери, подумали, что она ихъ зоветъ, и бросились къ ней съ веселымъ смѣхомъ. Она вздрогнула и съ какимъ-то ужасомъ отогнала ихъ отъ себя; потомъ, какъ-бы утомленная этимъ усиліемъ, опустилась въ первое попавшее кресло.

Между тѣмъ Грандкортъ также всталъ и прислонился къ камину. Его очень сердила эта сцена, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ избѣгнуть ея, а долженъ былъ довести ее до конца, чтобъ спасти себя въ будущемъ отъ подобныхъ непріятностей.

— Все это для васъ не важно, произнесла, наконецъ, съ горечью м-съ Глашеръ; — я и дѣти — вамъ только помѣха. Вы думаете теперь, какъ-бы поскорѣе вернуться къ миссъ Гарлетъ.

— Не дѣлайте себѣ и мнѣ излишнихъ непріятностей, Лидія. Зачѣмъ убиваться изъ-за того, чему нельзя помочь? Зачѣмъ меня терзать понапрасну вашими отчаяніемъ? Я нарочно пріѣхалъ самъ, чтобъ объявить вамъ объ этомъ и лично удостовѣрить, что вы съ дѣтьми по-прежнему обеспечены. Ну вотъ и все.

Наступило молчаніе. Она не смѣла отвѣчать, но въ сердцѣ этой энергичной, пламенной женщины, думавшей только о благѣ своихъ дѣтей, бушевали дикія страсти. Она желала теперь только одного: чтобъ этотъ бракъ сдѣлалъ несчастными вмѣстѣ съ нею ея соперницу и Грандкорта.

— Вамъ будетъ лучше, продолжалъ онъ; — пока вы можете жить здѣсь, а потомъ я переведу на ваше имя значительную сумму и тогда поѣзжайте, куда хотите. Вамъ не на что жаловаться. Что-бы ни случилось, вы всегда будете обеспечены. Я не могъ васъ заранѣе предупредить, потому что все это случилось очень скоро.

Грандкортъ замолчалъ. Онъ не ожидалъ, чтобъ Лидія его поблагодарила, но все-же считалъ, что она должна быть довольна. Однако, вида ея безмолвіе, онъ продолжалъ:

— Я никогда не давалъ вамъ повода опасаться моей скупости. Для меня проклятыя деньги не имѣютъ никакой цѣны.

— Если-бъ деньги были вамъ дороги, то, вѣрно, вы не давали-бы ихъ намъ, отвѣчала Лидія съ ядовитой ироніей.

— Это дьявольски несправедливо, сказалъ Грандкортъ, понижая голосъ, — и я вамъ совѣтую не говорить болѣе подобныхъ вещей.

— Что-жь, вы меня за это накажете, пустивъ по міру дѣтей?

— Кто вамъ объ этомъ говоритъ? промолвилъ Грандкортъ еще тише; — но совѣтую вамъ не употреблять такихъ словъ, въ которыхъ послѣ вы сами раскаетесь.

— Я привыкла къ раскаянію, отвѣчала съ горечью и-съ Глашперъ; — но и вы, можетъ быть, раскаетесь. Вы уже раскаялись въ въ своей любви ко мнѣ.

— Всѣ эти слова только помѣшаютъ намъ встрѣчаться впредь, а есть-ли у васъ кто-нибудь на свѣтѣ, кромѣ меня?

— Правда.

Она произнесла это слово съ какимъ-то сердечнымъ воплемъ,

но въ ту-же минуту въ ея сердцѣ блеснула надежда, что онъ не найдетъ воображаемаго счастья съ другой, а испытать горе, возвратится къ ней, чтобъ вкусить хоть сладость воспоминавiя о томъ времени, когда онъ былъ молодъ и счастливъ. Но нѣтъ, жизнь ему улыбалась, а страдать приходилось ей одной.

На этомъ окончился непрiятный разговоръ. Грандкортъ долженъ былъ остаться въ Гадсмирѣ до вечера, такъ-какъ ранѣе не отходилъ поѣздъ и ему нужно было переговорить съ Лидiей о второй цѣли своей поѣздки. Но этотъ разговоръ, какъ новую операцію, необходимо было отложить, чтобъ дать пациенту вздохнуть. Такимъ образомъ ему пришлось провести нѣсколько часовъ и отобѣдать съ м-съ Глашеръ; оба они чувствовали свое неловкое положенiе и только Лидiя находила нѣкоторое утѣшенiе въ красотѣ своихъ дѣтей, что должно было, по ея мнѣнiю, возбудить въ Грандкортѣ укору совѣсти. Онъ-же велъ себя совершенно прилично, игралъ съ маленькой Антонiей и снискалъ расположе-нiе Генлея обѣщанiемъ подарить ему прекрасное сѣдло съ уздечкою; только старшiя двѣ дѣвочки чуждались его, несмотря на болѣе близкое съ нимъ знакомство въ прежнiе годы. Между собою онъ и Лидiя говорили только при слугахъ и Грандкортъ въ глубинѣ своего сердца упрекалъ себя, зачѣмъ онъ отдалъ семейные брилiанты и теперь долженъ былъ унижаться до просьбы.

Наконецъ, они снова остались одни послѣ обѣда. Грандкортъ взглянулъ на часы и небрежно произнесъ:

— Я хотѣлъ спросить, Лидiя: мои брилiанты у васъ?

— Да, они у меня, отвѣчала она, вставая и рѣшившись не увеличивать гнѣвной выходкой зiяющей между ними бездны, а по-возможности спокойно исполнить задуманный ею планъ.

— Они здѣсь, въ домѣ?

— Нѣтъ.

— Вы, кажется, мнѣ говорили, что хранили ихъ при себѣ?

— Тогда это была правда, а теперь они въ дудлейскомъ банкѣ.

— Такъ выньте ихъ оттуда; я пришлю за ними.

— Нѣтъ, они будутъ доставлены той, для которой вы ихъ назначаете.

— Что это значитъ?

— Я всегда говорила, что отдамъ бриліанты вашей женѣ, и сдержу слово. Она еще не жена ваша.

— Какая глупость! воскликнулъ Грандкортъ съ презрѣніемъ.

Онъ не могъ придти въ себя отъ негодованія, что, благодаря его минутной слабости, Лидія имѣла надъ нимъ власть въ этомъ отношеніи, несмотря на свою полную отъ него зависимость. Она ничего не отвѣчала и онъ, вставъ съ кресель, прибавилъ:

— Бриліанты должны быть мнѣ возвращены до свадьбы.

— А когда свадьба?

— Десятаго. Нельзя терять времени.

— А куда вы поѣдете послѣ свадьбы?

Онъ ничего не отвѣчалъ и еще болѣе нахмурился.

— Вы должны назначить день, когда вы отдадите бриліанты мнѣ или моему посланному, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Они будутъ вручены ей. Я сдержу свое слово.

— Вы хотите сказать, произнесъ Грандкортъ очень тихо,— что вы не исполните моего желанія?

— Да, не исполню, отвѣчала м-съ Глашеръ, сверкая глазами.

Не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ уже поняла, что они могли обратиться противъ нея и уничтожить всѣ преимущества, пріобрѣтенныя ею долгимъ терпѣніемъ. Но слова были уже сказаны.

Грандкортъ находился въ самомъ непріятномъ положеніи: онъ не могъ прибѣгнуть къ насилію, которое ни въ какомъ случаѣ не возвратило-бы ему бриліантовъ, и ему претила единственная угроза, которая могла на нее подѣйствовать. Вообще онъ не любилъ не только энергичныхъ мѣръ, но даже рѣзкихъ словъ, и желалъ, чтобы всѣ повиновались ему безъ всякихъ усилій съ его стороны. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ пристально смотрѣлъ на м-съ Глашеръ и потомъ промолвилъ:

— Чертовскія идиотки всѣ женщины!

— Отчего вы не хотите сказать мнѣ, куда вы поѣдете послѣ свадьбы? Я могу вѣдь присутствовать на свадьбѣ и, такимъ образомъ, узнать, куда вы поѣдете, сказала Лидія, не гнушаясь единственной угрозой, опасной для Грандкорта.

— Конечно, вы можете разыграть роль съумасшедшей, отвѣчалъ съ презрѣніемъ Грандкорть,—и, вѣроятно, вы не подумаете о послѣдствіяхъ или обо всемъ, чѣмъ вы мнѣ обязаны.

Онъ чувствовалъ теперь къ этой женщинѣ такое отвращеніе, какого еще никогда не ощущалъ. Онъ не могъ не сознаться, что она была въ состояніи сдѣлать ему много непріятностей и онъ самъ легкомысленно далъ ей къ этому поводъ. Его гордость сильно страдала и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ молчалъ, обдумывая, какъ лучше поступить. Наконецъ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ часто употреблявшемуся имъ способу повліять на ея прямую, цѣльную натуру. Какъ выражался сэръ Гюго, Грандкорть умѣлъ разыграть игру. Онъ болѣе не произнесъ ни слова, посмотрѣлъ на часы, позвонилъ и приказалъ закладывать экипажъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ. Послѣ ухода слуги онъ пересѣлъ на кресло въ другомъ углу комнаты и продолжалъ молчать, какъ-бы ожидая, что Лидія заговоритъ и подойдетъ къ нему.

Въ головѣ покинутой женщины между тѣмъ происходила сильная борьба. Она предвидѣла, что Грандкорть уѣдетъ, не сказавъ ни слова, не взглянувъ даже на нее и оставивъ ее въ недоумѣніи, принесла-ли она вредъ своимъ дѣтямъ и своей горячностью испортила-ли свое положеніе. Но, несмотря на это, она не хотѣла отказаться отъ сладостной нести. Если-бъ она не была-бы матерью, то принесла-бы все въ жертву этому справедливому, по ея мнѣнію, чувству. Но теперь она должна была удовлетворить обонимъ враждующимъ стремленіямъ.

— Зачѣмъ намъ разставаться врагами, Генлей? сказала она;— я вѣдь прошу немногаго. Если-бъ я отказывалась возвратить вамъ вашу собственность, то вы могли-бы меня дѣйствительно возненавидѣть, но я прошу теперь только объяснить мнѣ, куда вы поѣдете послѣ свадьбы, и я уже приму мѣры, чтобъ бриліанты были доставлены ей безъ всякаго скандала, слышите—безъ всякаго скандала.

— Подобные безумные капризы дѣлаютъ женщину отвратительной, отвѣчалъ Грандкорть;—но къ чему говорить съ съумасшедшей?

— Да, я глупая... уединенію меня притупило; будьте снисходительны, произнесла и-съ Глашеръ и вдругъ истерически за-

рыдала;—если вы сдѣлаете мнѣ одну эту уступку, то я буду очень смиренна и никогда не причиню вамъ никакихъ неприятностей.

Этотъ дѣтскій капризъ и слезы, совершенно несоотвѣтствовавшія ея обыкновенному поведенію, всегда отличавшемуся большимъ достоинствомъ, очень изумили Грандкорта. Но она теперь казалась болѣе склонной къ примиренію, и потому, подойдя къ ней, онъ сказалъ тихимъ, но повелительнымъ голосомъ:

— Успокойтесь и выслушайте меня. Я никогда вамъ не прощу, если вы вторично ее увидите и сдѣлаете сцену.

Осушивъ слезы и собравшись нѣсколько съ силами, м-съ Глашеръ отвѣчала:

— Даю вамъ слово, что я не сдѣлаю никакого скандала, если вы позволите мнѣ поступить по моему желанію. Я никогда не нарушала даннаго вамъ слова, а вы можете-ли про себя сказать то-же? Огдывая мнѣ бриліанты, вы не думали жениться на другой. Все-же я согласна вамъ ихъ возвратить и не упрекаю васъ, а только прошу: позвольте мнѣ поступить по-своему. Кажется, я приняла ваше объясненіе хорошо? Вы меня лишаете всего, и когда я прошу такой ничтожности, то вы и въ этомъ мнѣ отказываете. Но я хочу и поставлю на своемъ.

Грандкорть видѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло почти съ сумасшедшей и могъ восторжествовать только сдѣлавъ уступку. Поэтому, когда слуга объявилъ, что экипажъ готовъ, онъ сказалъ, насупивъ брови:

— Мы поѣдемъ въ Райландсъ.

— Бриліанты-будутъ ей туда доставлены, отвѣчала рѣшительно м-съ Глашеръ.

— Хорошо, я уѣзжаю.

Онъ даже не хотѣлъ позвать ей руки,—такъ сильно она его оскорбила; но, поставивъ на своемъ, она готова была ради дѣтей увидѣться передъ нимъ.

— Простите меня, я никогда не буду болѣе васъ сердить. произнесла она, бросая на него умоляющій взглядъ, хотя въ глубинѣ своей души она сознавала, что не ей слѣдовало просить прощенья, а ему.

— Сдержите свое слово, сказалъ Грандкорть:—вы своей безумной выходкой причинили мнѣ много горячи.

— Бѣдный! произнесла Лидія съ саркастической улыбкой, но въ ту-же минуту съ обычной переиначивостью своей природы она была готова пѣжными ласками приирить его съ собою.

Она положила ему руку на плечо и онъ ее не отстранилъ; она такъ его напугала, что онъ теперь съ удовольствіемъ видѣлъ, что она возвращалась къ своему прежнему, зависящему положенію.

— Закурите сигару, сказала она, вынимая портъ-сигаръ изъ внутренняго кармана его сюртука.

Среди подобныхъ выраженій обоюднаго другъ къ другу страха они разстались. Грандкорть вынесъ изъ этого свиданія гнетущее впечатлѣніе, что его власть надъ окружающими лицами не была полная, неограниченная.

(Продолженіе будетъ.)

МОЛИТВА ВОЗСТАВШИХЪ СЛАВЯНЪ.

(Съ сербскаго.)

Матерь скорбящая
Сына распятаго
Всѣмъ угнетеннымъ внемли:
Время дающее
Ига проклятаго
Сбрось съ нашей бѣдной земли.

Не въ озлобленіи
Грозною битвою
Міръ покорить мы хотимъ,—
Въ полномъ смиреніи
Съ кроткой молитвою
Мы предъ тобой предстоимъ.

Нѣтъ въ насъ желанія
Дѣло неправое
Въ страшной рѣзнѣ отстоять:
Знамя возстанія,
Знамя кровавое,
Мы поднимаемъ за мать.

Пусть не проклятыя
Баловни счастья
Въ дальнихъ краяхъ насъ клеймятъ,—
Но, какъ съ собратьями,
Полны участія,
Съ нами за правду стоять.

Споры безплодные,
Распри позорныя
Въ нашей семьѣ прекрати,
Массы народныя,
Массы упорныя,
Дружбой святою сплоти.

Всѣ прегрѣшенія
Нашего племени
Намъ отпусти и забудь,—
Въ каждомъ сраженіи
Труднаго времени
Нашей заступницей будь.

■.

БОСНІЯ И ГЕРЦЕГОВИНА.

Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, давшее работу европейской дипломатіи, вызвало у насъ массу газетныхъ, нѣсколько журнальныхъ статей и даже двѣ отдѣльныя брошюры о Босніи и Герцеговинѣ ¹⁾. Эти статьи и брошюры или посвящены изложенію хода самаго возстанія и характеристикъ его предводителей, оцѣнкѣ политическаго значенія событія и его шансовъ на успѣхъ, обзорнѣю дипломатической дѣятельности по поводу возстанія и проектамъ возможнаго будущаго устройства Босніи и Герцеговины, или рисуютъ отдѣльныя стороны учреждений, отношеній, правовъ и быта въ этихъ странахъ. До возстанія на русскомъ языкѣ существовала всего одна книга, специально знакомящая съ Босніей и Герцеговиной, составленная покойнымъ Гильфердингомъ, по порученію географическаго общества: „Боснія, Герцеговина, Старая Сербія“ (Спб., 1859 г.). Но, съ одной стороны, книга эта слишкомъ обширна (694 стр.) для людей, непосвящающихъ себя специальному изученію предмета, а съ другой, можетъ возбуждать сомнѣніе, не устарѣли-ли сообщаемыя ею свѣденія, такъ-какъ со времени изданія ея прошло 17 лѣтъ. Дѣйствительно, статьи сборника Гильфердинга въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ статистическихъ данныхъ, въ описаніяхъ городовъ, школъ, церквей, нѣсколько устарѣли. Затѣмъ въ другихъ специальныхъ сочиненіяхъ и изданіяхъ (въ сочиненіяхъ гг. Макушева ²⁾, По-

---

¹⁾ „Герцеговинское возстаніе и восточный вопросъ“, Спб., 1876 г., и „Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ“, Спб., 1875 г.

²⁾ Задунайскіе и адриатическіе славяне, Спб., 1867 г.

„Дѣло“, № 7, 1876 г.

пова ¹⁾, въ „Военно-статистическомъ Сборникѣ“, составленномъ подъ редакціей Обручева, выпускъ 2, Турція, Спб., 1868 г.) были разбросаны отрывочныя свѣденія, касающіяся разныхъ сторонъ быта населенія Босніи и Герцеговины. Короче, все существующее въ русской литературѣ о Босніи и Герцеговинѣ или слишкомъ объемисто и давно издано, какъ книга Гильфердинга, или слишкомъ разбросано и отрывочно, какъ свѣденія въ сочиненіяхъ гг. Макушева, Попова и другихъ. Въ настоящей статьѣ мы постарались собрать данныя, касающіяся религіозныхъ, національныхъ, общественныхъ и экономическихъ отношеній въ Босніи и Герцеговинѣ; мы сгруппировали здѣсь свѣденія, разбѣянные въ разныхъ книгахъ и статьяхъ, обновили устарѣвшія показанія одного сочиненія болѣе свѣжими другого. При этомъ, кромѣ перечисленныхъ статей и книгъ, мы пользовались сочиненіями по исторіи Турціи Ранке ²⁾, Цинкейзена ³⁾ и Вейля ⁴⁾, книгой Эйхмана о турецкихъ преобразованіяхъ и о положеніи въ Турціи христіанъ ⁵⁾, географіей Босніи и Герцеговины Руссо ⁶⁾ и брошюрой о нинѣшнемъ возстаніи Ангерштейна ⁷⁾.

I.

Населеніе Босніи и Герцеговины ⁸⁾ состоитъ изъ турокъ и славянъ сербскаго племени. Опредѣлить съ точностію число жителей

¹⁾ „Очерки религіозной и національной благотворительности на Востоцѣ и среди славянъ“, Спб., 1871 г., и „Православіе въ Босніи и его борьба съ католическою пропагандою и протестантскими миссіонерами“, Спб., 1873 г.

²⁾ Fürsten und Völker von Süd-Europa im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert, Berlin, 1837.

³⁾ Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, Gotha, 1840—1859.

⁴⁾ Geschichte der islamitischen Völker, Stuttgart, 1866.

⁵⁾ Die Reformen des osmanischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisse, der Christen des Orient, zur türkischen Herrschaft, Berlin, 1858.

⁶⁾ Géographie générale de la Bosnie et de l'Herzégovine.

⁷⁾ Der Aufstand in der Herzegovina und die historische Entwicklung der orientalischen Frage, Leipzig, Leipzig und Kassel, 1875.

⁸⁾ Для полноты очерка вотъ главнѣйшія географическія и историческія свѣденія о Босніи и Герцеговинѣ. Обѣ эти провинціи расположены на западной оконечности турецкой имперіи и ограничиваются съ сѣвера Славоніей и Кроаціей, съ запада Далмаціей, съ юга Черногоріей и пашалыкомъ Призренскимъ и съ востока княжествомъ Сербіей. Босніа и Герцеговина гораздо болѣе, чѣмъ Швей-

этихъ странъ невозможно, такъ-какъ вопросъ о количествѣ населенія турецкой имперіи принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ. Европейскіе писатели даютъ каждый свое исчисленіе, а недавно рожденная официальная статистика Турціи мало достовѣрна, по-

царя и Греція, и вдвое болѣе, чѣмъ Бельгія: онѣ занимаютъ 1,115 нѣмец. географическихъ миль. Обѣ страны гористы. Горныя цѣпи идутъ параллельно прибрежной цѣпи Далмаціи или, особенно въ Босніи, направляются отъ с.-з. къ ю.-в. Большею частію горы высотой: въ Герцеговинѣ до 4 тысячъ футовъ, въ Босніи отъ 2 до 4 тыс. фут., но нѣкоторыя достигаютъ 7 тысячъ и болѣе (двѣ вершины хребта Домитора въ Герцеговинѣ достигаютъ 8 тыс. фут., снѣгъ съ этого хребта никогда не сходитъ). Въ Герцеговинѣ горы острыя, крутыя, каменистыя и оголенныя, въ Босніи округленныя и покрытыя лѣсомъ. Между горъ, по теченію рѣкъ, красивыя долины. Главнѣйшія рѣки: Нарента или Неретва, течетъ въ Адриатическое море, затѣмъ рѣки дунайскаго бассейна — Дрина и соединяющіяся съ ней Босна, Вербасъ и Уна, и Сава, текущая уже почти не въ Босніи. Климатъ въ Герцеговинѣ, несмотря на ея болѣе возвышенное положеніе, лучше, чѣмъ въ Босніи. Близость моря умѣряетъ холодъ зимой и жаръ лѣтомъ, снѣгъ въ долинахъ никогда не лежитъ, но часто свирѣпствуетъ сѣверный вѣтеръ. Въ Босніи климатъ непостояненъ, но вѣтеръ никогда не достигаетъ значительной силы, такъ-какъ она отдѣлена высокою цѣпью горъ отъ Адриатическаго берега и Герцеговины. Климатъ Босніи и Герцеговины вообще здоровъ. Въ Босніи, по свойству климата, хлѣбъ — рожь, овесъ, ячмень, пшеница, кукуруза, — родится хорошо, но воздѣлываніе болѣе нѣжныхъ продуктовъ производится съ трудомъ, виноградъ воздѣлывается только въ долинахъ, хорошо защищенныхъ съ сѣвера. Въ Герцеговинѣ, по свойству почвы, земля даетъ мало хлѣба, но здѣсь хорошо созрѣваютъ овощи и фрукты. И въ Босніи, и въ Герцеговинѣ развито въ особенности скотоводство; онѣ избилдуютъ рогатымъ скотомъ, порода мѣстныхъ лошадей славится въ Турціи. Естественныя богатства страны, неразумно эксплуатируемыя: руды, желѣзныя, мѣдныя и серебряныя, и лѣсъ съ преобладающими породами сосновой и еловой. Вотъ какъ пространство Босніи и Герцеговины раздѣляется по угодьямъ.

Нѣмецкихъ квадратныхъ географическихъ миль.

Обраб. земли. Лѣсовъ. Луговъ. Безплод. земли. Всего

Боснія	175	400	160	25	760
Область Новобазарская . .	24	65	20	26	135
Герцеговина	40	76	29	75	220
	239	541	209	126	1,115

Всѣхъ городовъ въ Босніи и Герцеговинѣ 64. Свыше 15 тысячъ жителей только въ Сараевѣ и Мостарѣ. Важнѣйшіе изъ городовъ: „Мостаръ“, при р. Неретвѣ, имѣетъ приблизительно около 18 тысячъ жителей, преимущественно мусульманъ, и составляетъ административный центръ Герцеговины; „Травникъ“, до 1852 г. столица Босніи; „Сараево“ — главный городъ всего боснійскаго вилаяета, резиденція вали (генералъ-губернатора) и православнаго митрополита; въ немъ до 50 тысячъ жителей; „Новый Базаръ“ (въ Старой Сербіи) важенъ въ стратегическомъ отношеніи, находясь на единственной дорогѣ, соединяющей Боснію и Герцеговину съ Турціей, и въ узкой полосѣ, отдѣляющей княжества сербское и черногорское; „Столець“ или „Столаць“ съ крѣпостью, составляющей главную твердыню Герцеговины; „Банялука“ на р. Вербасѣ, торговый центръ для западной Босніи. Всѣ

тому что цѣль турокъ — преувеличивать число мусульманъ, чтобы оправдать ихъ господство, и преувеличивать число христіанъ, чтобы оправдать налагаемыя на нихъ податныя тягости. Первая болѣе или менѣе правильная офиціальная перепись населенія Босніи

города расположены живописно, большею частію при какомъ-нибудь хребтѣ, и почти всегда состоятъ изъ трехъ частей: *града* (крѣпости, большею частію, полуразрушенной) на скалѣ, *вараша* (торговый городъ) и *паданки* (поселеніе христіанъ, райи) у подошвы скалы. По характеру почвы и растительности въ Герцеговинѣ строенія всѣ каменныя, бѣлыя или сѣрыя, въ Босніи — деревянныя, выбѣленныя, а въ Старой Сербіи (Новобазарскомъ округѣ) изъ глины. Деревни разсѣяны по горамъ: въ одномъ мѣстѣ, у подножья горы, обыкновенно въ какой-нибудь лощинѣ, 2—3 избышки, въ другомъ мѣстѣ 4—5. Иногда 10 и болѣе подобныхъ кучекъ носятъ одно имя и составляютъ одну общину; есть селенія, раскинувшіяся на часъ пути и болѣе. По нѣкоторымъ нагорнымъ плоскостямъ Дормитора (въ Герцеговинѣ) попадаются *катумы*, то-есть избышки, сколоченныя на живую нитку изъ досокъ, гдѣ поселяются на лѣто жители сосѣднихъ деревень, выгоняющіе свои стада въ горы. Въ этихъ избышкахъ, къ которымъ ведутъ едва примѣтныя тропинки, находятъ убѣжище неимущія жертвы сборщиковъ податей, сюда удаляются жители селъ во время возстаній; отсюда осыпаютъ градомъ каменьевъ и ружейными выстрѣлами осмѣливающихся приближаться преслѣдователей. Въ римскія времена Герцеговина, Боснія и сосѣдняя съ ними Сербія были извѣстны подъ именами Далмаціи (вмѣстѣ съ нынѣшней Далмаціей) и Мезіи. При продолжавшемся великомъ броженіи народовъ въ VI и VII столѣтіяхъ сюда нахлынула волна славянъ-сербовъ, поселенія которыхъ, при господствѣ у нихъ семейно-родового быта и обособленности, разсѣялись на большихъ одно отъ другого разстояніяхъ. Мало-по-малу сербское населеніе сконцентрировалось въ нѣсколько независимыхъ одна отъ другой группъ, въ числѣ которыхъ были Боснія, Захлумье и Рама (Герцеговина). Еще въ VII столѣтіи къ сербамъ проникли римско-католическіе миссіонеры, но проповѣдь христіанства на чужомъ языкѣ не могла пустить корней въ народѣ, и только въ IX столѣтіи проповѣдники изъ Византіи положили у сербовъ прочное начало христіанству. Подъ давленіемъ опасности, угрожавшей сербскому населенію то со стороны болгаръ, то со стороны Византіи, выработалось единство, собравшее Сербію подъ скипетромъ королей изъ династіи Неманичей (Стефанъ Неманя, 1154 — 1195). Боснія, съ X вѣка имѣвшая своихъ отдѣльныхъ избирательныхъ князей (банъ), оставалась въ ленныхъ отношеніяхъ къ сербскому царству. Захлумье и Рама также управлялись каждая своими князьями, но въ XII столѣтіи были покорены боснійскими банами Баричемъ и Твертко. Въ XIV столѣтіи сербское королевство достигло апогея своего могущества подъ правленіемъ Стефана Душана Сильваго (1336—1355). Но „не обольщаясь патриотизмомъ болгаръ и сербовъ, говоритъ г. Ламанскій („Видные дѣятели славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, историко-культурные и литературные очерки“ Слав. Сборн., Спб., 1875 г., т. I, стр. 434), — не трудно замѣтить, что пресловутое величіе независимыхъ государствъ болгарскаго и сербскаго было непродолжительно и отличалось болѣе скоропреходящимъ блескомъ и громомъ, чѣмъ ровнымъ и благотворнымъ развитіемъ“. При преемникѣ Стефана Душана въ Сербіи возобновились родовые счеты и государственное единство снова ослабѣло. Боснія сдѣлалась самостоятельной и въ 1376 г. банъ Твертко II принялъ королевскій ти-

и Герцеговины была произведена турецкимъ правительствомъ въ 1851 г., во время управленія Омера-паши. По этой переписи показано жителей мусульманъ 212,334, христіанъ 329,453, евреевъ 1,063 и цыганъ мусульманъ 5,902. Принимая въ основаніе исчисленіе Омера-паши для мужского населенія ¹), прибавляя ⁹/₁₀ для женщинъ ²) и опредѣляя естественный приростъ 7 на 100 ³), французскій консулъ Руссо полагаетъ, что населеніе Босніи и Герцеговины къ 1866 году простиралось до 1,115,633 человекъ обоого пола ⁴). Но если принять въ соображеніе, что приростъ 7% населенія совершается въ 10 лѣтъ, къ 1866 г. населеніе должно-бы составить собственно 1,154,675 человекъ, а

туль (Стефанъ Твертко I), Рама и Захлумье отъ боснійскихъ королей перешли въ ленное владѣніе рода Храничей. Пораженіе при Коссовомъ полѣ (1389) положило начало покоренію Сербіи турками. Въ Захлумьѣ и Рамѣ одинъ изъ Храничей, Стефанъ, въ 1443 году получилъ отъ императора Фридриха III титулъ герцога и вслѣдствіе этого страна стала называться Герцеговиной. Турки все болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, славянскіе князья, иногда отдѣльно, иногда соединяясь, старались отстоять свою независимость, но первые несли въ борьбу, поддерживаемую постоянными побѣдами, увѣренность въ себя, племенное и религиозное единство и одушевленіе, прочную военную организацію, а славяне свою безопасность и раздоры, и въ 1459 г. Сербія, въ 1463 г. Боснія и въ 1483 г. Герцеговина были окончательно покорены, сдѣлались турецкими провинціями. Послѣ того Боснія и Герцеговина опустошались моровыми язвами и продолжительными войнами между Турціей и Австріей, окончившимися систовскимъ миромъ въ 1791 году. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Боснія и Герцеговина продолжали страдать отъ люцкаря (до 1830-хъ годовъ), феодальнаго господства аристократіи (въ особенности до 1851 г.) и отъ турецкихъ администраторовъ. Нестерпимыя притѣсненія вызывали неоднократно возстанія славянскаго христіанскаго населенія, изъ которыхъ послѣднее предъ нынѣшнимъ, въ 1863 г., подъ предводительствомъ Луки Вукаловича, поддерживалось Черногоріей, но было подавлено Турціей при содѣйствіи Австріи.

¹) Всѣ турецкія исчисленія обнимаютъ только мужское населеніе.

²) По исчисленіямъ официальной статистики въ южно-славянскихъ провинціяхъ Австріи, смежныхъ съ Босніей, населеніе которыхъ по расѣ и характеру сходно съ ея населеніемъ, мужчинъ ¹/₁₀ болѣе женщинъ.

³) По свѣденіямъ патеровъ францисканскаго ордена, ведущихъ правильные реестры рождающихся и умершихъ, естественный приростъ католическаго населенія въ періодъ времени съ 1856—1866 г. составлялъ 7 на 100.

⁴) Именно въ Босніи и Герцеговинѣ: мусульманъ 448,165 чел. православныхъ 454,796, католиковъ 181,766, евреевъ 3,752 и цыганъ 12,039 чел. (общій итогъ 1,100,518). Изъ нихъ въ Босніи (санджаки Сараевскій, Травникскій, Бихачскій, Банялукскій, Зворникскій, Новобазарскій) мусульманъ 375,161, православныхъ 397,287, католиковъ 137,204, евреевъ 3,577, цыганъ 9,780, всего 918,009; въ Герцеговинѣ: мусульманъ 73,004, православныхъ 57,509, католиковъ 44,562, евреевъ 175, цыганъ 2,259, всего 182,509.

въ настоящее время около 1,235,000. Такое исчисленіе приблизительно совпадаетъ въ общемъ итогѣ съ исчисленіемъ, сдѣланнымъ консулами европейскихъ державъ, командированными осенью прошлаго года въ Мостаръ для переговоровъ съ инсургентами и изученія истиннаго положенія дѣлъ. Они опредѣляютъ въ настоящее время населеніе Босніи и Герцеговины въ 1,212,000 душъ ¹⁾. Такъ-какъ исчисленіе Руссо сдѣлано для спеціального географическаго сочиненія и имъ указанъ въ точности путь, которымъ онъ шелъ, то это исчисленіе слѣдуетъ предпочесть изъ всѣхъ разнообразныхъ статистикъ населенія Босніи и Герцеговины.

Первымъ звеномъ между турецкимъ правительствомъ и собственнымъ населеніемъ Босніи и Герцеговины служатъ „турки-администраторы“, чиновники. Пройдя въ Азіи рядъ метаморфозъ подъ влияніемъ непрекращавшихся войнъ, получившихъ съ X вѣка по Р. Хр. новое возбужденіе въ преданіяхъ воинственнаго распространенія ислама, турки въ XIV вѣкѣ явились въ Европѣ вооруженнымъ лагеремъ, все устройство котораго было рассчитано на постоянное продолженіе войны и который руководился исключительно кораномъ. Такое формированіе турецкой имперіи въ Азіи и въ Европѣ усвоило ей характеръ обособленности и нетерпимости и сплоченность, чѣмъ болѣе всего объясняются ея военные успѣхи въ разьединенной Европѣ до 2-й половины XVI вѣка. Покоряя различныя страны и народы, турки не влючали ихъ въ свое государство, не предоставляли въ этомъ государствѣ всѣмъ составнымъ частямъ одинаковыхъ правъ; они подчиняли завоеванные страны и народы только своему главенству, ограничивая государственную жизнь исключительно своею сферою, а изъ покоренныхъ народовъ извлекая средства для существованія турец-

¹⁾ Въ частности итоги болѣе отличаются отъ цифръ, которыя должны-бы были выйти по способу исчисленія г. Руссо, причемъ почти весь приростъ за время съ 1866 по 1876 гг. оказывается въ православномъ населеніи, именно консулами определено число православныхъ въ 572,000 (по Руссо должно-бы быть около 512,000), мусульманъ 441,000 (по Руссо должно-бы быть около 502,000), католиковъ 186,000 (по Руссо должно-бы быть около 203,000), евреевъ 2,000 (по Руссо должно-бы быть около 4,000) и цыганъ 10,000 (по Руссо должно-бы быть около 13,500). Основанія, принятыя для исчисленія населенія консулами, неизвѣстны.

каго государства. Чѣмъ болѣе распространялись турецкія завоеванія, тѣмъ болѣе оказывалась недостаточною такая организція государства, и поэтому уже съ половины XVI вѣка замѣчается ослабленіе турецкой имперіи; завоеваніе, на которое была рассчитана вся государственная организція Турціи, въ эту эпоху встрѣтило преграды, со стороны Персіи на востокѣ, Германіи на западѣ. Ослабленіе перешло въ настоящее паденіе, и внѣшнее, и внутреннее, съ XVIII вѣка, когда вмѣсто прежней разрозненности и соперничества Европа противопоставила Турціи сформировавшуюся солидарность своихъ государствъ и народовъ. Военственная энергія завоевателей, съ прекращеніемъ завоеваній, замѣнилась апатіей, лѣнью и изнѣженностью, лагерная простота жизни—роскошью; наклонность къ лѣни и необходимость роскоши укоренили невѣжественность, стремленіе къ наживѣ безъ труда, продажность, взяточничество, а между тѣмъ остались вытекающія изъ продолжающагося господства корана узкость міровоззрѣнія, нетерпимость и презрѣніе ко всему не турецкому. Въ XIX вѣкѣ турецкое правительство предпринимаетъ непрерывающійся рядъ коренныхъ реформъ государственнаго строя Турціи, стремясь слить въ одно всѣ обитающіе въ ней народы и перестроить всю организцію государства на европейскій ладъ. По новымъ, изданнымъ турецкимъ правительствомъ, законамъ Турція представляется конституціоннымъ государствомъ, но въ дѣйствительности въ ней все остается по-старому, ибо всѣ реформы парализуются фанатизмомъ и исключительностью мусульманскаго населенія; внутреннее положеніе Турціи постоянно ухудшается и многіе уже предсказываютъ близкую гибель турецкаго государства въ Европѣ. Образованіе мусульманъ по-прежнему находится въ рукахъ фанатичнаго духовенства; его получаютъ въ духовныхъ мектебахъ (первоначальныя школы при каждой мечети) и медресе (семинаріи въ каждомъ городѣ), гдѣ всѣ преподаваемыя знанія болѣе или менѣе выводятся изъ корана, и хотя съ 1846 г. рядомъ съ духовными училищами заведены мектебе-рушдіе (правительственныя свѣтскія гимназіи), нормальныя школы въ Константинополѣ, для приготовленія учителей въ мектебе-рушдіе, и различныя спеціальныя высшія учебныя заведенія, но число свѣтскихъ училищъ слишкомъ ничтожно по сравненію съ числомъ училищъ, руководимыхъ мусульманскимъ духовенствомъ; въ 1868 г. мектебе-рушдіе было

въ Константинополѣ 14, въ европейской Турціи 46, въ Азіи 36, всего 96, съ 7,595 учениками, а мектебе духовныхъ въ одномъ Константинополѣ 280, съ 16,752 дѣтьми; высшія-же свѣтскія училища идутъ очень плохо.

Получая воспитаніе въ ненависти ко всему не турецкому, турецкая администрація естественно не имѣетъ никакой связи съ христіанскимъ населеніемъ, къ которому относится презрительно. Паши, управлявшіе Босніей и Герцеговиной, всегда отличались тѣми-же общими свойствами, какія издавна характеризуютъ турецкихъ чиновниковъ: фанатизмомъ, взглядомъ на немусульманское населеніе какъ на предназначенное исключительно для того, чтобы всѣми своими соками питать турокъ, жестокостью, невѣжествомъ, продажностью и взяточничествомъ; имъ всегда предоставлялся полный просторъ дѣйствій, безнаказанный произволь. Когда Порты, по жалобѣ боснійскихъ поселянъ, предписала въ 1848 г. отменить барщину на помѣщиковъ, бывшій въ то время боснійскимъ генераль-губернаторомъ Тахиръ-паша собралъ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ представителей христіанскаго населенія, въ числѣ которыхъ находился и сараевскій митрополитъ Игнатій. Они поставили условіемъ, чтобы взаменъ барщины установлена была плата помѣщикамъ третины ($\frac{1}{3}$) отъ урожая. Тогда Тахиръ-паша созвалъ старшинъ сельскихъ общинъ и потребовалъ принятія постановленнаго помѣщиками условія. Тѣ изъ нихъ, которые не изъявили своего согласія, были подвергнуты истязанію палками, причѣмъ двое умерли. Такимъ образомъ, безъ султанскаго указа, однимъ произволомъ паши, была установлена третина, подать болѣе тяжкая, чѣмъ барщина, до сихъ поръ угнетающая сельское населеніе Босніи и Герцеговины. Извѣстный Омеръ-паша (кroatъ по происхожденію), управлявшій въ 1851 г. Босніей, подозрѣвая, что боснійская райя хочетъ возстать, сажалъ въ тюрьму и пыталъ сельскихъ старшинъ и священниковъ и отнялъ у райи оружіе, чѣмъ лишилъ ее, между прочимъ, довольно значительнаго источника дохода—возможности бить звѣря. И, однакожь, Омеръ-паша былъ обвиненъ въ Константинополѣ въ пристрастіи къ христіанамъ и въ намѣреніи перейти со всею своею областю въ подданство Австріи!.

Турецкая администрація держится непрерывнымъ платежемъ снизу до верху. Давудъ-паша послѣ трехлѣтняго управленія министерствомъ

публичныхъ зданій оставилъ своему семейству полмиліона фунтовъ стерлинговъ; Риза-паша, бывшій военный министръ, начавшій свою карьеру ученикомъ въ мясной лавкѣ, составилъ состояніе въ 3 миліона фунтовъ; когда въ августѣ 1872 года паша, сопровождаемый проклетіями населенія, Махмудъ-паша, въ казначействѣ оказалась выданною по приказу, собственноручно имъ подписанному, сумма въ 100,000 фунтовъ, употребленія которой никакъ не могли донскаться.

Изъ этихъ фактовъ легко вывести заключеніе, сколько должны набирать провинціальныя администраторы, чтобы имѣть возможность, не обижая себя, удовлетворять и своихъ константинопольскихъ принципаловъ. Покупая въ Константинополѣ должности на прокормленіе, безпрестанно смѣняемые вслѣдствіе огромнаго числа алчущихъ прокормленія, боснійско-герцеговинскіе администраторы-турки спѣшатъ награть сколько возможно у пригнетенныхъ христіанъ, и при этомъ не останавливаются ни передъ какою несправедливостію и жестокостію. Всѣ боснійско-герцеговинскіе чиновники обыкновенно не понимаютъ мѣстнаго языка и вообще крайне невѣжественны, не думаютъ, не читаютъ и развлекаются только тѣмъ, что собираются другъ къ другу на ужины, продолжающіеся 4—5 часовъ, за которыми мертвецы напиваются.

II.

Въ тѣсной связи съ турецкой администраціей стоитъ туземная боснійско-герцеговинская аристократія. Эта аристократія представляетъ замѣчательный историческій феноменъ. Когда султанъ Магометъ-Завоеватель покорилъ Боснію, мѣстные знатные люди или были умерщвлены, или бѣжали въ Далмацію, или приняли магометанство, за что за ними были закрѣплены въ собственность извѣстныя селенія. Когда въ XVI и XVII вѣкахъ непрерывные переходы турецкихъ войскъ изъ Азіи и Румеліи въ Австрію и Венгрію и моровныя язвы опустошали Боснію, земледѣльцы-христіане разбѣжались. Омусульманившіеся помѣщики остались, потому что въ качествѣ мусульманъ болѣе были обезпечены отъ

грабежа и разбоевъ турецкихъ войскъ и потому, что, усвоивъ вмѣстѣ съ исламомъ извѣстную долю фатализма, не считали нужнымъ бѣжать отъ эпидемій. Эти ренегаты къ своимъ имѣніямъ присоединили большую часть запустѣлыхъ земель, такъ-что возвратившіеся по заключеніи мира съ Австріей поселяне принуждены были вступить съ ними въ условія и начать обработку своей собственной земли съ извѣстнымъ платежемъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ, вся поземельная собственность въ Босніи и Герцеговинѣ сосредоточилась въ рукахъ мѣстной отурченной аристократіи, а земледѣльцы сдѣлались только фермерами, арендаторами ея. Мусульмано-аристократы получили названія *беговъ* (знатные владѣльцы), *аиз* (господа вообще) и *спахій*. Послѣдніе получали отъ правительства право взимать въ свою пользу въ извѣстныхъ округахъ султанскую десятину, за что обязаны были отправлять съ своими людьми военную службу султану. Беги были помѣщиками сельъ, спахій могли собирать съ тѣхъ-же сельъ въ свою пользу султанскую десятину. Благодаря наступившимъ послѣ покоренія турками Босніи и Герцеговины смутамъ, славянское боярство, принявшее исламъ, пріобрѣло необыкновенное значеніе. Оно получило характеръ феодальной аристократіи. Города и отдѣльные округа управлялись *капетанами*, власть которыхъ наследственно переходила въ старинныхъ, знатныхъ, омусульманившихся родахъ боснійскихъ. Только нѣкоторые города стояли въѣ господства туземной аристократіи, напримѣръ, Травникъ, мѣсто-пробываніе представителя турецкаго правительства—визиря, и Сараево, торговый центръ, охраняемый янычарами.

Боснійско-герцеговинскіе феодалы нерѣдко враждовали съ турецкимъ правительствомъ, изгоняли турецкихъ пашей и поднимали возстанія, какъ, напримѣръ, въ 1831 году, подъ предводительствомъ градачскаго капетана Гуссейна, а съ 1840 по 1846 годъ вели борьбу противъ *танзимата* ¹⁾. Но все это

¹⁾ „Организациа“—рядъ уставовъ, выработанныхъ постепенно и вступившихъ въ дѣйствіе въ 1844 г. Всѣ эти уставы составляютъ развитіе гюльханейскаго гаттишерифа Абдуль-Меджида 3 ноября 1839 г., провозгласившаго неприкосновенность жизни, чести и имущества всѣхъ подданныхъ султана, правильность и публичность въ отправленіи правосудія, равномѣрность и опредѣленность податей, безъ отвашенія къ религиознымъ исповѣданіямъ плательщиковъ, правильность наборовъ магометанъ въ войска, опредѣленіе срока службы солдатъ, унич-

дѣлалось помѣщиками единственно для защиты своихъ привилегій. Съ принятіемъ магометанства славяне-помѣщики стали болѣе фанатиками, чѣмъ сами турки. На самихъ турокъ, хотя нѣскольکو подчиняющихся европейскимъ формамъ и тѣмъ болѣе духу, мусульмане-боснаки смотрять, какъ на гяуровъ, на возвышеніе христіанскихъ началъ новыми законами—какъ на признакъ, что приближается свѣтопреставленіе. Къ христіанамъ-соплеменникамъ они относятся хуже, чѣмъ турки. Уроженецъ гор. Столаца въ Герцеговинѣ, Али-паша Ризванбеговичъ, за борьбу во главѣ герцеговинцевъ противъ возмущенія боснійской аристократіи подъ предводительствомъ капетана Гуссейна, за услуги, оказанныя турецкому правительству во время возстанія Мехмета-Али египетскаго, былъ сдѣланъ визиремъ герцеговинскимъ, причемъ Герцеговина была отдѣлена отъ Босніи. Онъ управлялъ Герцеговиной съ 1832 по 1851 годъ и подъ конецъ жизни самъ сдѣлался главой оппозиціи боснійской и герцеговинской аристократіи противъ константинопольскихъ нововведеній, былъ взятъ въ плѣнъ Омеромъ-пашей и умерщвленъ. Вотъ его воззрѣніе на христіанъ-герцеговинцевъ, характеризующее воззрѣніе на нихъ вообще турецкихъ администраторовъ: „пусть влахъ (презрительное названіе христіанъ въ Босніи и Герцеговинѣ) вѣрно служить турку 99 лѣтъ, и тогда слѣдуетъ убить его, чтобы не дать умереть своему смертію; влахамъ ничего другого не нужно, кромѣ того, чтобы они не голодали; они должны ходить босы и наги, работать на всѣхъ турокъ и повиноваться имъ“. Али-паша отнималъ нивы, сѣнокосы, огороды, водяныя мельницы, лошадей, коровъ, овецъ, сыръ и масло, — все, что попадалось ему на глаза и нравилось ему. На отнятыхъ мѣстахъ онъ строилъ различныя зданія, причемъ изъ всей Герцеговины мужчины, женщины, дѣти, лошади, воли и ослы работали на него. За дозволеніе построить новую православную церковь въ Мостарѣ Али-паша самъ взялъ

тоженіе продажности должностей съ обезпеченіемъ ихъ опредѣленнымъ жалованьемъ и равноправность всѣхъ подданныхъ, къ какому-бы исповѣданію они ни принадлежали. Танзимать съ гаттигумайлюномъ 18 февраля 1856 г. и послѣдующими узаконеніями составляетъ законодательство Турціи, существующее, впрочемъ, только на бумагѣ, противоположное *шер-іету*, старому священному закону.

15,000 піастровъ да сынъ его Зульфа 2,500. Мертвыхъ не хоронили, пока родные не сдѣлаютъ подарка кавазъ-башѣ (начальнику полиціи). Впродолженіи своего управленія Герцеговиной Али-паша казнилъ безъ всякой вины до тысячи христіанъ; ихъ расѣбали пополамъ и сажали на колъ. Въ 1837 году прѣпольская райя отправила шесть депутатовъ въ Константинополь жаловаться на притѣсненія Али-паши, но онъ, узнавъ объ этомъ, просилъ боснійскаго визиря задержать посланныхъ; ихъ схватили и привезли въ Мостаръ. Али-паша бросилъ ихъ въ тюрьму, гдѣ они, скованные, просидѣли около года; двое не вынесли и умерли, остальныхъ вывезли изъ тюрьмы ихъ родственники и односельчане.

При турецкихъ администраторахъ, пашахъ Даудѣ, Веджидѣ, Хозревѣ, Ахмедѣ-Кіамилѣ, Османѣ, Ходжи-Кіамилѣ и Тахирѣ, съ 1833 до 1848 года, всѣ дѣла въ Сараевѣ и Градацѣ шли черезъ туземцевъ Фазли Шерифовича и Мустафу Бабича, получившихъ впослѣдствіи также титулъ пашей. Фазли-паша жарилъ христіанъ на огнѣ, въ полтора года казнилъ 77 христіанъ, совершенно невиновныхъ, бралъ хараджъ (поголовная подать) съ беременныхъ женщинъ въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, родится мальчикъ; онъ заставилъ христіанъ-хлѣбопекоевъ ставить хлѣбъ на войско, что обошлось имъ по 6 коп. за око, и заплатилъ имъ по 1 1/2 коп.; наконецъ, честь изобрѣтенія замѣны барщины третью сборомъ хлѣба и половиной сѣна принадлежитъ тому же Фазли-пашѣ.

Фанатическая феодальная мусульманская аристократія сохранила султану Боснію, лишенную всякой стратегической связи съ остальной Турціей. Однакожь, неудобства чрезмѣрнаго по временамъ своеволія боснійско-герцеговинскихъ феодаловъ вынудили турецкое правительство въ 1851 году подавить ихъ владычество въ странѣ. Миссію подавленія феодальнаго начала выполнилъ Омеръ-паша. Съ 1851 года въ Босніи и Герцеговинѣ водворены турецкіе чиновники, а у спахій отнята десятина съ вознагражденіемъ ихъ десятой частью того капитала, который такимъ образомъ у нихъ отобрали. Беги и аги, однакожь, не лишились вполнѣ помѣщичьихъ правъ, которыя только были ограничены. Какъ люди достаточные и мусульмане, знающіе мѣстные условия и мѣстный языкъ, — котораго турки-администраторы не знаютъ, а

христиане райя не знают по-турецки, — они сдѣлались посредниками между властью и народомъ, сохранили сильное вліаніе на турецкихъ чиновниковъ и вообще большое общественное значеніе. Но къ христианамъ-соплеменникамъ беги и аги по-прежнему относятся хуже, чѣмъ турки. Въ градашцкой нахіи (уѣздъ) зимой 1857 г. мусульманскіе помѣщики, вмѣстѣ съ своей дворней, вооруженной толпой переходили изъ деревни въ деревню, захватывали поселянъ, которыхъ считали зачинщиками пославшихся тогда въ Константинополь жалобъ на притѣсненія, били ихъ, сажали въ тюрьму; въ зворникской нахіи мусульмане-помѣщики изготовили знамя съ крестомъ, спрятали его въ христианскомъ селѣ и провозгласили, что христиане готовятся къ возстанію, а затѣмъ, разумѣется, принялись усмирять несуществовавшее возстаніе, причѣмъ убивали и грабили неповинный народъ. Когда въ Босніи и Герцеговинѣ узнали о нотѣ графа Андраши и о томъ, что султанъ готовъ ввести въ оставшихъ провинціяхъ предлагаемую австрійскимъ министромъ реформы, на общемъ совѣтѣ мѣстныхъ беговъ было рѣшено не признавать никакихъ реформъ и даже силой оружія поддерживать старину. Беги сильно порицали турецкое правительство за его *ослабленія* христианамъ-райя.

III.

Послѣ помѣщиковъ посредствующимъ элементомъ между турецкимъ правительствомъ и христианскимъ населеніемъ Босніи и Герцеговины служитъ духовенство. Ученіе пророка предписываетъ обращеніе невѣрныхъ силою, а не проповѣдью; искорененіе христианъ было политическою невозможностью и ни въ одной изъ покоренныхъ странъ турки никогда не могли обратить въ мусульманство цѣлое христианское населеніе. Уступая необходимости, турки оставили покореннымъ христианскимъ народамъ ихъ вѣру, а съ нею и церковь, и даже не только какъ духовное учрежденіе, но и какъ учрежденіе для администраціи мірскихъ дѣлъ; турецкое правительство вооружило христианскую церковь новыми, широкими полномочіями и вмѣстѣ съ тѣмъ возложило на нее отвѣтственность за повиновеніе завоеванныхъ народностей. Двойственный характеръ, усвоенный этимъ церкви, вполне соотвѣт-

ствовавъ своеобразной организаціи мусульманскаго общества, въ которомъ сѣщивались религія и гражданскій законъ, церковь и государство. Было естественно дать покореннымъ народамъ организацію, аналогичную съ организаціей господствующаго племени, тѣмъ болѣе, что церковныя учрежденія составляли единственную форму національной жизни, пощаженную завоеваніемъ. Если глава государства, какъ калифъ, облеченъ высшей духовною властью, то не представлялось никакого препятствія вручить патріарху—духовному главѣ покоренной райи—и свѣтскую ея администрацію; если кади былъ судьей у мусульманъ, почему-же для христіанъ не могъ быть судьей епископъ? Такимъ образомъ христіанская церковь сдѣлалась посредницей между христіанами и мусульманами, невольнымъ орудіемъ, съ помощью котораго мусульманство держало въ порядкѣ лишенныхъ политическихъ правъ массы и облагало ихъ податями.

Со времени халкеданскаго собора (451 г.) восточная церковь управлялась 4 патріархами: константинопольскимъ, александрійскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ. Впослѣдствіи учредились самостоятельныя церкви въ Россіи, Греціи и Болгаріи ¹⁾. Мѣсто-пробываніе въ городѣ, гдѣ находится резиденція турецкаго правительства, давало и даетъ изъ названныхъ четырехъ патріарховъ первенство патріарху константинопольскому. Духовныя полномочія константинопольскаго патріарха распространяются на всѣ епархіи европейской Турціи (за исключеніемъ Болгаріи и въ нѣкоторой мѣрѣ Молдавіи и Валахіи) и на епархіи Азіи, непринадлежащія къ антиохійскому и іерусалимскому патріархатамъ. Независимое положеніе занимаетъ только архіепископъ кипрскій. Свѣтскія полномочія константинопольскаго патріарха простираются на всѣхъ подданныхъ Порты православной греческой вѣры, несмотря на независимое въ духовномъ отношеніи положеніе патріархатовъ антиохійскаго, іерусалимскаго и александрійскаго. Только 20% подчиненныхъ константинопольскому патріархату въ гражданскомъ отношеніи подданныхъ султана принадлежатъ къ греческому племени, остальные—славянской расы. Однакожь съ того времени, какъ султанъ Магометъ утвердилъ на патріаршемъ престолѣ въ

¹⁾ Въ Болгаріи нѣкоторое время и прежде существовавъ особый патріархатъ, также какъ съ XIV по XVII в. въ Сербіи.

Константинополь грека Геннадія, преобладаніе въ церковной іерархіи принадлежитъ грекамъ Фанарскаго квартала ¹⁾).

Греки, обитающіе въ центральныхъ пунктахъ турецкой имперіи, рѣзко отличаются отъ энергическаго племени, населяющаго область нынѣшняго греческаго королевства (Пелопоннець, Элладу и нѣкоторые острова Архипелага) и сохранившаго духъ независимости, несмотря на вѣковое турецкое угнетеніе. Греки турецкой имперіи отчасти усвоили нравы и обычаи своихъ влстителей и давно привыкли къ правительству, изъ котораго умѣютъ извлекать для себя большія выгоды. Конечно, не прелаты, греческой церкви часто достигающіе высшихъ почестей благодаря протекціи папъ и приносящіе въ жертву эгоистическимъ расчетамъ достоинство и святость церкви: не нотабли, льстящіе министрамъ дивана, оказывающіе имъ всевозможныя услуги и глубочайшее уваженіе, лишь бы достигнуть вліятельнаго положенія, интригующіе съ чужестранными посольствами и партіями турецкихъ вельможъ; не банкиры, ссужающіе за огромные проценты деньги правительству, султану, пашамъ, женщинамъ султанскаго гарема, — не такіе люди могли казаться опасными для турокъ. Ихъ собственный интересъ тѣсно связывалъ ихъ съ турецкимъ владычествомъ. Они представлялись Портѣ удобнѣйшимъ орудіемъ, которому могла быть ввѣрена администрація ея православныхъ подданныхъ. Лишь подъ условіемъ подчиненія и платежа дани было даровано невѣрнымъ право на существованіе. Если они не соглашались на это условіе, имъ оставался одинъ выборъ — между исламомъ и смертію; греки пошли на эти условія. Таковъ былъ смыслъ инвеституръ Геннадія. Сдѣлавшись послушнымъ орудіемъ турецкой власти, греки не только спасли собственную національность, но достигли черезъ посредство турокъ преобладанія надъ миліонами православныхъ славянъ.

Избраніе константинопольскаго патріарха совершается синодомъ, состоящимъ изъ 12 архіепископовъ: цезарейскаго, ефезскаго, гераклейскаго, кизикскаго, никомедійскаго, никейскаго, халкедонскаго,

---

¹⁾ Фанаромъ называется кварталъ въ Константинополь, населенный греками. Тамъ зданіе патріархата, Синодиконъ и дворцы знатныхъ грековъ, называемыхъ потому фанаріотами.

деркосскаго, тарновскаго, адрианоупольскаго и амазійскаго ¹⁾), къ которымъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ важнѣйшихъ, присоединяются всѣ находящіеся въ тотъ моментъ въ Константинополь патріархи и архіепископы греческой церкви. Синодъ и наличные патріархи и архіепископы, въ присутствіи султанскаго комисара, избираютъ трехъ кандидатовъ и провозглашаютъ ихъ имена передъ собравшимися въ дворѣ синодикона представителями ширянъ, лицами, занимающими установленныя греческою церковью почетныя должности: великаго лагофета, скевофилакса, хартофилакса ²⁾, старшинами купцовъ и горожанъ, называемыми *эснафъ*. Собраніе восклицаніемъ „аксіосъ“ указываетъ того изъ трехъ кандидатовъ, которому отдаетъ предпочтеніе, и затѣмъ избранный утверждается Портой и получаетъ „берать“, то-есть дипломъ на патріаршество. По закону избраніе патріарха пожизненно и только дурное управленіе церковію или прегрѣшенія передъ догматами церкви дають

¹⁾ Архіепископы: гераклеійскій, кизикскій, никомедійскій и халкедонскій, то есть архіепископы четырехъ епархій, лежащихъ вблизи Константинополя, имѣютъ специальное назначеніе завѣдывать вмѣстѣ съ патріархомъ синодальными дѣлами и менѣе важныя и обычныя дѣла управленія церковью рѣшаются патріархомъ и этими архіепископами, между которыми раздѣляется состоящая изъ четырехъ кусковъ печать патріархата. Этимъ прелатамъ предоставлено право всегда жить въ Константинополь и патріархъ не можетъ отсылать ихъ въ ихъ епархія, между тѣмъ какъ такое право предоставлено патріарху вмѣстѣ съ синодомъ въ отношеніи всѣхъ другихъ архіепископовъ и епископовъ; даже патріархи антиохійскій и александрійскій не могутъ безъ согласія константинопольскаго патріарха и его синода пріѣзжать въ Константинополь. Напротивъ, патріархъ іерусалимскій лѣтомъ имѣетъ резиденцію на Принцевыхъ островахъ у устья Босфора, въ Мраморномъ морѣ.

²⁾ Чтобы уразумѣть значеніе этихъ должностей, слѣдуетъ представить двойственный характеръ власти константинопольскаго патріарха. Какъ глава церкви, онъ священнослужитель, руководящій духовною жизнью христіанскаго населенія и отвѣтственный только передъ церковію въ отправленія безусловно дарованныхъ ему мусульманскимъ правительствомъ духовныхъ полномочій. Какъ высшій администраторъ православныхъ турецкихъ подданныхъ, онъ—чиновникъ Порты и находится въ постоянныхъ дѣловыхъ къ ней отношеніяхъ. Уже въ византійской имперіи посредничество въ сношеніяхъ между главою церкви и государствомъ было вѣрено великому лагофету. При турецкомъ владѣствѣ онъ занялъ еще болѣе значительное положеніе; онъ сдѣлался органомъ, посредствомъ котораго патріархъ ведетъ съ Портою всѣ дѣла, касающіяся его свѣтскихъ полномочій. Лагофетъ пожизненно выбирается патріархомъ и синодомъ изъ нотаблей, утверждается Портой и можетъ быть смѣненъ только по соглашенію обѣихъ властей. Всѣ officialныя сообщенія патріархата Порты идутъ черезъ него и подлежатъ его санкціи, всѣ синодальныя постановленія, касающіяся назначенія архіепископовъ, контролируются имъ.

снoдoдy пpaвo cyдa нaдъ пaтpіapxoмъ и oтpъшeніa eгo, a смѣщeніe пaтpіapxa пpaвительствомъ помимо снoдa дoпyскaeтcя тoлькo въ слyчae прeстyплeніa гocyдapствeннoй нeмѣны. Никaкія жaлoбы co cтopoны грeчeскнхъ пoддaннхъ Пoрты нa пaтpіapxa нe мoгyтъ быть пpннмaeмы нaчe, кaкъ чeрeзъ пocpeдcтвo снoдa. Кaзaлoсь-бy, чтo этымъ пpeгpaждeнa всeкaя вoзмoжнoсть дѣйствіa Пoрты нa пaтpіapxa бeзъ coглaшeніa съ снoдoмъ. Нa дѣлѣ выxoдитъ далeкo нe тo. Ужe нѣcкoлькo cтoлѣтій, кaкъ пaтpіapхи мѣняютcя въ Кoнcтaнтннoпoлѣ пoчтн кaждыe двa нлн тpн гoдa, н рѣдкo cлyчaeтcя, чтoбы oнн yмнрaлн нa cвoeмъ пocтy. Нн избpaніe, нн смѣщeніe пaтpіapxa нe мoгyтъ нмѣть мѣcтa пpoтнвъ жeлaніa тyрeцкaгo пpaвнтeльcтвa. Мнннcтpъ ннocтpaннчкхъ дѣлъ, къ вѣдoмcтвy кoтoрaгo oтнocятcя дѣлa пaтpіapxaтa, чeрeзъ cвoнхъ кpeaтypъ дaeтъ знaть члeнaмъ cнoдa, чтo пoчeмy-лнбo жeлaeтъ избpaніa нoвaгo пaтpіapxa,—н тoтчacъ пpнхoднтъ въ двнжeніe ннтpнгa. Нoтaблн грeчecкoй пapтїн вxoдятъ въ coглaшeніe съ члeнaмн cнoдa, пocтaнoвлeтcя рѣшeніe o смѣщeніи пaтpіapxa зa дypнoe yпpaвлeніe н выбopъ пaдaeтъ нa лнцo, кoтoрoe cъумѣлo пpнобрѣcтн рacпoлoжeніe cнлнѣншeй пapтїн, тo-ecтъ пapтїн, пoкpoвнтeльcтвyeмoй пaшeй. Дeнъгн cocтaвляютъ нepвъ ннтpнгн н тoлькo блaгoдapя дeнъгaмъ cчacтлнвнй кaндндaтъ дocтнгaeтъ пoбѣды. Oнъ нaвepcтвyeтъ вo вpeмa oтпpaвлeніa cвoeй дoлжнocтн cдѣлaннe нмъ пpн избpaннн знaчнтeлннe рacкoды. Нaвepcтвaннe этo oбыкнoвeннo coвepшaeтcя чeрeзъ пpoдaжy дoлжнocтeй; пoкyпщнкн выбнрaютъ cвoн дeнъгн пpoдaжeй дoлжнocтeй, oтъ ннхъ зaвнcящнхъ, н т. д. Нeдocтaющee вoзмѣщaeтcя, кoнeчнo, съ нapaдa. Лeгкo мoжнo пpeдcтaвнтъ ceбѣ, кaкіa лнчнocтн дocтнгaютъ высннхъ дocтoннcтвъ пyтeмъ тaкoй пocтыднoй тoрoвлн.

Въ этoй тoрoвлѣ дѣятeлнѣншee yчacтнe пpнaдлeжнтъ грeкaмъ, н длa тoгo, чтoбы быть избpaнннмъ, кaндндaтъ чacтo зaннмaeтъ дeнъгн зa нeслыxaннe пpoцeнтн y cвoнхъ cooтeчecтвeнннкoвъ. Снoннa cocтaвляeтъ пyть къ пpecтoлy кaкъ длa пaтpіapxoвъ, тaкъ н длa apхїeпнcкoпoвъ н eпнcкoпoвъ. Въ Кoнcтaнтннoпoлѣ пpoжнвaeтъ знaчнтeлнoe чнcлo грeчecкнхъ apхїeрeeвъ бeзъ eпapхїй нa дeнъгн, кoтoрны зaннмaютъ y фaнapіoтoвъ въ чaяніи бyдyщнхъ блaгъ. Въ 1867 г., кoгдa cepбскїй князь Мнxaмъ пocлѣ aуднєнцїи y cyлтaнa вышeлъ нзъ двopцa, eгo oб-

ступила толпа ожидающихъ мѣста епископовъ, прося денежнаго пособія. Изъ этихъ архіереевъ безъ мѣста выбираютъ на открывшуюся вакансію того, кого признають надежнѣе къ уплатѣ надѣланныхъ долговъ.

При полномъ презрѣніи къ національному низшему духовенству, при отсутствіи всякой духовной съ нимъ связи, при положительномъ отчужденіи отъ интересовъ паствы, преобладающее стремленіе грековъ-епископовъ¹⁾, получившихъ епархіи въ Босніи и Герцеговинѣ,—какъ можно скорѣе возмѣстятъ свои расходы, сдѣланные въ Константинополѣ для полученія епархіи. Не зная даже, въ большинствѣ случаевъ, сербскаго языка, боснійскіе и герцеговинскіе іерархи выбираютъ себѣ довѣренными лицами купцовъ или членовъ другихъ сословій, умѣющихъ говорить по-гречески, и чрезъ нихъ обдѣлываютъ свои денежныя дѣла. Тотчасъ-же, какъ пріѣдетъ въ епархію, владыка собираетъ всѣхъ священниковъ и іеромонаховъ и они обязаны сопровождать поздравленіе съ пріѣздомъ денежнымъ подаркомъ владыкѣ отъ 10 до 30 дукатовъ²⁾ и уплачивать ему за новую сингелію (перемѣняемую при смѣнѣ каждаго архіерея ставленную грамоту) столько-же или болѣе, а всѣхъ священниковъ, принадлежащихъ, напрямѣръ, къ боснійской митрополіи, до 300. При поставленіи новыхъ священниковъ владыка беретъ 30 или 40 дукатовъ, беретъ также извѣстную плату при назначеніи священника на приходъ съ каждаго дома въ приходѣ. Если священникъ не заплатитъ требуемыхъ денегъ, онъ лишается мѣста и ссылается подъ эпитимью,

¹⁾ Сербская церковь со времени перваго самостоятельнаго сербскаго епископа св. Саввы, съ начала XIII в., управлялась народными іерархами, а въ XIV столѣтіи, при Стефанѣ Душанѣ, было учреждено особое сербское патриаршество. По завоеваніи Сербіи турками и до конца XVII столѣтія православная сербская церковь управлялась своимъ собственнымъ патриархомъ, непремѣнно сербомъ, жившимъ въ Печи (Ипекѣ), въ нынѣшней Старой Сербіи. Патриархи избирали и подчиненныхъ имъ іерарховъ изъ сербовъ. Въ 1765 году, по ходатайству константинопольскаго патриарха Самуила Мекнеда, сербскій патриархъ былъ упраздненъ и сербская православная церковь въ Турціи (въ Шумадиі, Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи) была поставлена въ подчиненную зависимость отъ константинопольской церкви. Послѣ того, по мѣрѣ открытія вакансій за смертію сербскихъ пастырей, сербскія кафедры занимались греческими епископами, которыхъ сербскій народъ принималъ враждебно; многіе изъ нихъ только силою турецкаго оружія добивались подчиненія себѣ сербской паствы.

²⁾ Дукатъ (австрійскій)—около 3 р.

а на его мѣсто опредѣляется другой, обязавшійся внести недоимку, числящуюся за его предшественникомъ. Когда священникъ умретъ, владыка беретъ всѣ вещи покойнаго: церковныя одѣянія, книги, платье. Вступивъ въ управленіе епархію, владыка назначаетъ опредѣленный сборъ съ каждой брачной четы и затѣмъ ежегодно получаетъ съ каждой четы опредѣленную подать. Если въ одномъ дворѣ живутъ много женатыхъ, подать взимается не со двора, а съ cadaго женатаго, и если даже жена умретъ, вдовецъ платитъ ее до самой смерти. Затѣмъ собирается со всякаго дома особая подать подъ названіемъ „филотиме“. Гдѣ архіерей-грекъ ночуетъ, тамъ 20 конныхъ служителей его берутъ все даромъ. Если владыка на своемъ пути совершитъ освященіе воды, сельчане должны дать ему дукать или два. За фирманъ, если райя хочетъ строить церковь, платится архіерею 30 и болѣе дукатовъ; когда райя построитъ церковь и пригласитъ владыку освятить ее, владыка беретъ по 50, 60 или 80, а иногда по 100 дукатовъ. При взисканіи слѣдующихъ имъ сборовъ архіерей-греки и ихъ агенты допускаютъ всевозможныя неправильности, что, напримѣръ, въ 1863 году вызвало распрю между православными босняками и сараевскимъ митрополитомъ Игнатіемъ и жалобы въ Константинополь. При взиманіи податей, при неимѣніи у плательщика денегъ, берутъ корову и теленка; къ тѣмъ-же, кто рѣшительно отказывается платить или скрываетъ свое имущество, священникамъ запрещается ходить для исполненія требъ. Сараевскій митрополитъ Діонисій накупилъ въ Вѣнѣ нѣсколько тысячъ печатанныхъ на бумагѣ иконъ, цѣною по 5 коп. за экземпляръ, и потомъ продавалъ своей паствѣ по дукату за экземпляръ. Такими мѣрами Діонисій въ продолженіи 35-ти-мѣсячнаго своего управленія боснійской епархіей собралъ одного извѣстнаго всему народу дохода 649,000 турецкихъ піастровъ ¹⁾.

На боснійскихъ священниковъ и монаховъ греки-архіереи смотрятъ съ презрѣніемъ и трактуютъ ихъ свысока. Долго ожидаютъ они на дворѣ и въ переднихъ владыкъ, пока удостоятся чести быть къ нимъ допущенными, и предварительно совершаютъ поклоненіе всей прислугѣ владыки: его кажеджію, его келейнику, его діакону. Въ прежнее время владыки-греки дѣлали визиты

¹⁾ До 36,000 р.

мѣстнымъ жителямъ верхомъ на лошади, которую велъ подъ уздцы священникъ-славянинъ. Когда въ 1867 году англійскій консулъ въ Сараевѣ замѣтилъ митрополиту Игнатію, зачѣмъ онъ допускаетъ такое униженіе духовенства, митрополитъ отвѣчалъ: „боснійскіе попы и не заслуживаютъ бѣльшей чести“. Теперь владыка, отправляясь для посѣщенія мѣстныхъ жителей, садится въ экипажъ съ своимъ діакономъ, а священникъ идетъ подлѣ, неся палицу, омофоръ и эпитрахиль архіерея. Въмѣсто того, чтобы защищать своихъ священниковъ, греки-архіереи при малѣйшемъ неудовольствіи сажаютъ ихъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ Азію или Африку, отдаютъ на всякое поруганіе и притѣсненіе туркамъ. Одно связываетъ архіереевъ съ подчиненными имъ священниками и регулируетъ ихъ взаимныя отношенія—денежное обложеніе.

На-сколько греческимъ архіереямъ, заботящимся только о томъ, чтобы какъ можно больше собирать съ своей паствы денегъ, близки къ сердцу интересы ея, обнаруживается въ особенности изъ отношеній ихъ къ народному просвѣщенію. Православная община въ 1866 году образовала фондъ и открыла въ Баялукѣ богословскую школу, обѣщавшую принести значительную пользу благодаря просвѣщенной и патріотической энергіи основателя, директора и наставника ея архимандрита Василя Пелагича, получившаго образованіе въ московскомъ университетѣ и московской духовной академіи. Въмѣсто того, чтобы поддержать эту школу, сараевскій митрополитъ Діонисій началъ ставить всевозможныя преграды ея успѣхамъ. Онъ испугался, что народныя наставники и священники, которые получаютъ образованіе въ этой школѣ, употребятъ всѣ усилія для развитія національнаго самосознанія въ сербскомъ народѣ и что затѣмъ у архіереевъ-грековъ будетъ отнята возможность поставленія и назначенія священниковъ по произволу, за болѣе или менѣе значительную плату. Въ 1869 г. митрополитъ выставилъ Пелагича предъ турецкими властями, какъ приверженца Россіи и Сербіи, способнаго взволновать народъ, и Пелагичъ безъ суда былъ сосланъ въ Малую Азію, а школа закрыта. Точно также сараевская школа, основанная стараніями патріота Спиро Райковича на пожертвованія сараевской православной общины, постоянно развивавшаяся, въ 1865 году подверглась гоненію Османа-паши и митрополита Игнатія: лучшія книги изъ ея библіотеки, особенно по сербской исторіи, были сожжены; луч-

шіе учителя изгнаны за границу Турціи; преподаваніе съужено. Герцеговинскій митрополитъ Проконій запретилъ настоятелю монастыря Житомирскаго, архимандриту Серафиму Перовичу, открытъ на собранныя имъ, между прочимъ въ Россіи, деньги духовную семинарію при Житомирскомъ монастырѣ, отозвавшись: „чтоже мы станемъ дѣлать, когда у васъ будутъ богословскія школы?“ По доносу митрополита Проконія, Серафимъ Перовичъ и братъ его, воспитанникъ кievской духовной академіи, Иванъ Перовичъ, были посажены въ сараевскую тюрьму. Митрополитъ Діонисій постоянно твердилъ, что всѣ учителя и главные православные священники въ Босніи — агенты и шпионы русско-сербскіе, осыпанные русскими рублями, и всѣмъ имъ начальникъ бѣлградскій митрополитъ Михаилъ. Въ достиженіи путемъ обмана замѣны барщины третиной принималъ дѣятельное участіе и тогдашній сараевскій архіерей. И такіе іерархи не только стоятъ во главѣ духовныхъ интересовъ православныхъ общинъ, но вѣдаютъ просвѣщеніе и брачныя дѣла, оказываютъ вліяніе на всѣ мірскія дѣла, какъ члены административныхъ совѣтовъ (меджлисовъ), судятъ всѣ гражданскія дѣла, въ которыхъ обѣ стороны православныя, живутъ въ своемъ распоряженіи полицейскихъ (кавазовъ) для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній.

„Мы терпимъ великую неправду отъ агъ, мудировъ, десятарей (откупщиковъ десятинной подати), отъ владыкъ и торговцевъ“, говорятъ босняки-простолюдины. „Это пастыри, полагающіе свою душу не за овцы, а за новцы“ (деньги), отзывался одинъ старикъ-монахъ изъ Далмаціи, безъ всякой причины посаженный сараевскимъ митрополитомъ Паисіемъ въ тюрьму на время до высылки въ Далмацію. Народная пословица гласитъ: „наилучшій митрополитъ-грекъ и губернаторъ-османлисъ — тотъ, что пошелъ изъ Цареграда и не дошелъ до нашего города“. Таковы верховные пастыри сербскаго народа въ Босніи и Герцеговинѣ.

Что касается простыхъ священниковъ и монаховъ, то они — сербы, но всѣ косвѣютъ въ невѣжествѣ; въ боснійской епархіи, напримеръ, едва-ли найдется 10 священниковъ, окончившихъ курсъ въ бѣлградской семинаріи, остальные кое-какъ умѣютъ читать и писать по-сербски и по-церковнославянски и лишь нѣсколько знакомы съ церковными обрядами, не разумѣя ихъ смысла и отправляя ихъ механически и не всегда правильно. Иногда все знаніе

священника ограничивается молитвою Господнею и символами вѣры, затверженными наизусть, безъ помощи книги. Священники и монахи-сербы, угнетенные архіереями-греками, являются передъ ними не иначе, какъ со страхомъ и трепетомъ. Владыкѣ ничего не стоитъ посадить священника въ тюрьму, сослать его въ Азію или Африку. Священники такъ-же беззащитно отданы въ жертву туркамъ, какъ и простые поселяне. Они обременены поборами; чтобы внести владыкѣ все имъ требуемое, входятъ въ долги и бѣдѣють до такой степени, что не имѣютъ ни своихъ домовъ, ни земли, ни приличныхъ одѣянія и пищи. Многіе живутъ на мусульманской землѣ и обрабатываютъ ее на такихъ-же условіяхъ, какъ и крестьяне. Иногда священники, чтобы только избавиться отъ поборовъ, сами отказываются отъ приходовъ и обращаются къ всевозможнымъ способамъ пропитанія: портняжничаютъ, плотничаютъ, служатъ поденщиками, складчиками кожъ и увязчиками купеческихъ тюковъ, причѣмъ ихъ все-таки по временамъ тайно приглашаютъ прочесть молитву надъ больнымъ, соборовать и т. п. Вообще сельскіе священники живутъ мало отличаясь отъ поселянъ, даже одеждою, а отличаются только бородою и длинными волосами, которые подбираютъ подъ шапки, не смѣя распускать ихъ, когда выходятъ на улицу. Турки ненавидятъ и презираютъ священниковъ, при встрѣчѣ съ попами плюютъ имъ въ глаза.

Но исходя изъ народа, живя одинаково съ нимъ, православные священники безхитростно и горячо любятъ народъ. Многіе изъ нихъ пали жертвами патріотизма; многіе изъ нихъ умирали въ тюрьмахъ; въ 1872 году былъ повѣшенъ въ Банялукѣ попъ Іовъ, извѣстный народолюбецъ. Монастыри такъ-же незатѣйливо поддерживаютъ теплящійся въ странѣ свѣточъ народнаго самосознанія и этому великому дѣлу трогательно служатъ даже дряхлые монахи, живущіе въ одиночку въ разрушающихся монастырскихъ обителяхъ въ Старой Сербіи. Во время народныхъ движеній священники и монахи нерѣдко являются предводителями возставшихъ, какъ это мы видимъ и въ нынѣшнемъ возстаніи.

Кромѣ православныхъ сербовъ, въ Босніи и Герцеговинѣ жи-

вуть еще сербы-католики ¹⁾. Католическое духовенство здѣсь поставлено въ несравненно-лучшія условія, чѣмъ православное. Католическое духовенство Босніи и Герцеговины получаетъ образование въ семинаріяхъ Австріи, Венгрии и Италіи. Какъ и вездѣ, оно не стремится распространять въ народѣ просвѣщеніе; оно поддерживаетъ свое обаяніе и власть церкви, питая суевѣріе и невѣжество народа. Какъ и вездѣ, оно принимаетъ всѣ мѣры, чтобы заглушить въ народѣ всякое сознание національности и вкоренить чувство вражды и презрѣнія къ соплеменникамъ православнаго исповѣданія, сдѣлать изъ своихъ адептовъ только гражданъ римскаго католическаго міра. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ католическіе монахи и нѣкоторые изъ хорватскихъ фанатиковъ затѣяли въ Загребѣ полемику, чтобы доказать, что въ Босніи нѣтъ сербовъ, а только хорваты (католики). Католическое духовенство имѣетъ огромное вліяніе на свою паству. Даже не одни католики, но и православные, и турки увѣрены въ сверхестественномъ могу-

¹⁾ Католичество водворилось въ Босніи въ IX вѣкѣ, но особенно усилилось въ XII в., такъ что въ XIII вѣкѣ папа Николай IV учредилъ въ Босніи инквизицію. Въ 1371 году Григорій IX увеличилъ въ ней число францисканскихъ монастырей. Католическіе пропагандисты не щадили издержекъ на сооруженіе въ Босніи католическихъ церквей и монастырей и на воспитаніе въ своихъ школахъ сербовъ и болгаръ. Со времени покоренія сербскихъ земель турками, выговоренныя папами и католическими правительствами западной Европы въ пользу мѣстныхъ славянъ-католиковъ привилегіи содѣйствовали переходу въ католичество множества славянъ православныхъ. Магометъ II фирманомъ 1463 года даровалъ римско-католическимъ христіанамъ свободу отправленія ихъ религіи. Заключенными въ 1740 г. между Франціей и Турціей капитуляціями постановлено: „французскіе монахи, которые изгари живутъ внутри и внѣ Иерусалима, должны владѣть тѣми священными мѣстами, которыми они владѣли до завоеванія; никто не долженъ ихъ тревожить, они не должны быть обременяемы поборами, и если у нихъ возникнетъ процессъ, который не можетъ быть разрѣшенъ на мѣстѣ, ихъ слѣдуетъ отправлять къ разбирательству высовой Порты“. Эти привилегіи вполнѣ враспространились вообще на все католическое духовенство въ Турціи. Въ новѣйшее время католическая пропаганда въ Босніи и Герцеговинѣ поддерживается преимущественно Австріей, которая ежегодно высылаетъ толпы монаховъ и сестеръ милосердія съ церковными книгами и вещами, заводитъ при монастыряхъ и церквяхъ школы, лучшіе ученики которыхъ отправляются для довершенія ученія въ Австрію и Римъ. Пропагандирующіе католицизмъ монахи обыкновенно хорошо владѣютъ мѣстнымъ языкомъ. Въ настоящее время около $\frac{1}{4}$ всего населенія Босніи и Герцеговины—католики. Въ дѣлѣ католической пропаганды Австріи помогаютъ Италія и Франція и не мало содѣйствуетъ распространенію католицизма всеобщая готовность католическаго духовенства и представителей католическихъ державъ къ защитѣ католиковъ Босніи и Герцеговины и къ ходатайству за нихъ передъ турецкими властями.

ществѣ фратровъ, въ томъ, что они всегда въ состояніи прогнать или связать бѣса или написать талисманъ; фратры стараются поддерживать такое убѣжденіе, продаютъ талисманы—печатныя или рукописныя бумажки съ латинскими молитвами.

Католическое духовенство въ Босніи и Герцеговинѣ очень богато: монастыри въ Сутѣскѣ, Крѣшевѣ, Фойницѣ, Брезѣ, Волчьей горѣ и Варемѣ имѣютъ огромное количество земель и значительныя другія недвижныя имущества, располагаютъ всѣми удобствами жизни, обладаютъ школами и обширными библіотеками. Католическое духовенство отличается сильнымъ корпоративнымъ духомъ, мастерски управляетъ своими монастырями, имѣетъ ежегодныя собранія и посылаетъ свои постановленія на утвержденіе въ Римъ,—стало быть, совершенно свободно и обезпечено въ дѣлахъ своей церкви. Турецкія власти относятся къ католическимъ священникамъ съ большимъ уваженіемъ, даютъ имъ болѣе свободы, чѣмъ православнымъ. Въ свою очередь, католическое духовенство стѣною стоитъ предъ турецкимъ правительствомъ за своихъ адептовъ. Конечно, такимъ привилегированнымъ положеніемъ католическое духовенство обязано неустанной энергіи предстательства и поддержкѣ со стороны западно-европейскихъ католическихъ державъ.

IV.

Христіанское населеніе въ Босніи и Герцеговинѣ — мѣщане (торговцы) и поселяне ¹⁾. Оно рѣзко раздѣляется въ происхожденіи, предъ различіемъ котораго тождество языка, происхожденія и обычаевъ теряетъ всякое значеніе. Православные смотрятъ

---

¹⁾ Мусульмане въ Босніи и Герцеговинѣ — чиновники-турки, помѣщики славянскаго происхожденія, немногіе поселяне и племя арнаутовъ. Въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка здѣсь число мусульманъ разомъ значительно возросло; спасаясь отъ турецкаго насилія, патриархъ Арсеній Черноевичъ съ 37,000 семействъ изъ таѣ-называемой Старой Сербіи въ 1690 году переселился въ Австрію; вскорѣ потомъ туда-же переселился патриархъ Арсеній IV въ сопровожденіи многихъ семей. Опустѣвшая Старая Сербія заселилась спустившимся съ горъ албанскимъ племенемъ (арнаутами), которое уже въ XVIII столѣтіи въ значительной своей части приняло мусульманство и отличается хищнымъ, разбойническимъ характеромъ. Арнауты часто нападаютъ на полуопустѣлыя монастыри и церкви, грабятъ ихъ и убиваютъ монашествующихъ, священниковъ и поселянъ христіанъ.

на латинѣ, латини на православныхъ какъ на два совершенно отдѣльныя общества, не только религіозныя, но и гражданскія. Потому, исповѣдуетъ-ли сербъ православную, католическую или магометанскую вѣру, онъ считаетъ себя членомъ православнаго, латинскаго или турецкаго народа. Боснякъ или герцеговинецъ на вопросъ, къ какому принадлежитъ народу, отвѣтитъ, какого онъ вѣроисповѣданія. Православная церковь одна умѣла совоплотиться съ народностью, католичество и магометанство уничтожали народность. „Сербъ“ значитъ православный. „Есте-ли вы сербинъ?“ спрашивали Гильфердинга, хотя знали, что онъ русскій. Такъ-какъ всѣ инныя проявленія національной жизни подавляются управляющими классами, православные босняки и герцеговинцы крѣпко держатся своей религіи и всякое дѣло церкви имѣетъ для нихъ жизненный интересъ. Отсюда та необычайная преданность, та тѣснота связи, которыя соединяютъ православныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ съ ихъ безхитростными попами-сербами, стоящими съ ними на одномъ уровнѣ и по происхожденію, и по образованію, и по образу жизни; отсюда благоговѣйное обереганіе народомъ и попами православныхъ церквей и монастырей, всегда бѣдныхъ, часто полуразрушенныхъ. Народъ и попы, несмотря на разореніе, готовы послѣднимъ откупаться отъ турокъ, помѣщиковъ и греческихъ владыкъ, чтобы только сохранить послѣдніе остатки церквей, напоминающіе, что еще не окончательно уничтожена сербская нація среди турецкаго государства.

Эти остатки очень скудны. За исключеніемъ болѣе или менѣе сохранившихся старинныхъ монастырей—дужскаго, житомирскаго, повальскаго, дечанскаго, баньскаго; за исключеніемъ пѣсколькихъ новыхъ большихъ церквей въ главнѣйшихъ городахъ, напр., въ Сараевѣ, гдѣ въ недавнее время на пожертвованія членовъ сараевской православной общины выстроены пяти-главый соборъ, внутреннему украшенію котораго содѣйствовали русскіе мастера, присланные архимандритомъ Сергіевской пустыни (близъ Петербурга) Игнатіемъ,—въ Босніи и Герцеговинѣ находятся или развалины монастырей и церквей, или жалкія сельскія церкви, въ большинствѣ случаевъ представляющія собою деревянные сараи или срубы такого размѣра, что могли-бы помѣститься въ обыкновенной комнатѣ дома, принадлежащаго достаточному семейству. Внутри этихъ церквей досчатая голая перегородка замѣня-

отъ иконостасъ, голая каменная плита на столбикѣ служить алтаремъ; ни креста, ни образовъ нѣтъ. При многихъ церквяхъ священниковъ не имѣется, а въ большіе праздники, нѣсколько разъ въ году, прѣзжаютъ поочередно монахи изъ какого-нибудь ближайшаго монастыря служить по изорваннымъ кускамъ рукописей XVI и XVII столѣтій или по старопечатнымъ сербскимъ книгамъ. При затруднительности сообщеній, при непрерывной работѣ весьма немногіе поселяне могутъ сѣздить въ церковной службѣ въ монастыри и значительныя церкви. Церковная служба въ Босніи и Герцеговинѣ круглый годъ совершается только въ пяти мѣстахъ. Въ главномъ городѣ Герцеговины, Мостарѣ, крыша церкви едва видна изъ-за оградъ, церковь какъ-бы прячется отъ мусульманъ. Турки запрещаютъ православнымъ звонить въ колокола. Въ дужскомъ монастырѣ колоколь, нижнею окружностью немного шире фуражки, хранился внутри церкви. Али-паша запретилъ держать его снаружи подъ угрозой, что монастырь будетъ сравненъ съ землей, а монахи убиты. Со страхомъ вынесенъ онъ, наконецъ, недавно наружу. Монахи иногда рѣшаются звонить въ него потихоньку и народъ чрезвычайно дорожить и любитъ имъ. Не далѣе, какъ въ 1873 г., турки жаловались новому сараевскому губернатору Акифу-пашѣ, что христіане звонятъ въ колокола, и даже самъ митрополитъ Пансіи на другой день Пасхи посадилъ въ тюрьму одного серба за то, что тотъ звонилъ въ колоколь на первый день Пасхи. Жители городка Прѣполе, большею частію бѣдные ремесленники, путемъ огромныхъ лишеній собрали деньги для построенія церкви; имъ разрѣшили построить церковь, но такую, чтобы она имѣла видъ не церкви, а какого-нибудь другого зданія. Она выстроена небольшимъ домомъ; строители хотѣли-было обозначить алтарь снаружи обыкновенною круглою формою, но и этого не разрѣшили; пришлось отгородить въ домѣ одинъ уголъ, обращенный на востокъ, и въ немъ устроить алтарь. Турки подвергаютъ поруганію и оскверненію православныя церкви. Въ 1858 г. сожжено 9 церквей. Турки разрушили милешевскую обитель, построенную въ XIII в., гдѣ были мощи просвѣтителя сербской земли св. Саввы; свинцовую крышу и мраморныя колонны, взятая ими въ этомъ монастырѣ, они употребили для украшенія мечети, образа и картины обезобразили ножами и пулями. Окре-

стныя христіане все еще чтятъ милешевскую обитель, какъ національную святыню, и стекаются въ нее на праздникъ Вознесенія, когда служить среди развалинъ пріѣзжій священникъ. Подобныя развалины и оголенность храмовъ, невѣжественные и нищіе попы и составляютъ столпы, на которыхъ держится сербская народность въ Босніи и Герцеговинѣ.

Католическій боснякъ менѣе дорожитъ своей вѣрой и совершенно равнодушенъ къ интересамъ своей народности; его отечество въ римско-католической церкви. „У насъ нѣтъ ни одного серба, мы всё латинцы“, говорятъ католики. Въ то-же время католическое духовенство образованно и пользуется уваженіемъ турокъ, монастыри и церкви католическіе богаты, католическія державы не падаютъ ни умственныхъ, ни матеріальныхъ силъ для поддержанія католицизма въ Босніи и Герцеговинѣ.

Если мы обратимся къ другимъ органамъ народнаго просвѣщенія, къ школамъ, то и здѣсь мы найдемъ очень мало утѣшительнаго. Православныя школы до недавняго времени почти всё находились въ рукахъ греческаго духовенства и поэтому въ преподаваніи преобладалъ греческій языкъ и устранялось все, что могло-бы способствовать развитію народнаго самосознанія. Только при нѣкоторыхъ монастыряхъ прозябали первоначальныя народныя школы, въ которыхъ обученіе ограничивалось усвоеніемъ грамоты, большею частію по рукописнымъ часослову и псалтырю. Въ сравнительно недавнее время (въ 1849 г.) стараніями мѣстныхъ патріотовъ открыта школа въ Сараевѣ. Школа эта, выдержавъ много притѣсненій со стороны фанаріотовъ-архіереевъ и турокъ-администраторовъ, о которыхъ уже упомянуто выше, продолжаетъ существовать на проценты отъ фонда, собраннаго изъ пожертвованій, и на добровольныя приношенія родителей, дѣти которыхъ въ ней обучаются. Хозяйственною частію этой школы завѣдуетъ особое правленіе, члены котораго выбираются православною общиною изъ ея среды. Число обучающихся въ школѣ дѣтей дошло до 250; въ ней преподаются: пространный катехизисъ, священная исторія, главныя событія всемірной исторіи, общее обзорѣніе естественныхъ наукъ, географія, арифметика, сербскій и итальянскій языки.

янской языки и церковное пѣніе; учителя въ этой школѣ большею частію природные босняки, получившіе образованіе въ Далмаціи или Сербіи. Въ 1866 г., также на фондѣ, составившейся изъ добровольныхъ приношеній, была открыта архимандритомъ Пелагичемъ богословская школа въ Банялукѣ, скоро подвергшаяся гоненіямъ митрополита Діонисія и закрытая, а потомъ возстановленная въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Затѣмъ существуютъ школы въ Ливнѣ и Брчкомѣ, имѣющія опредѣленный фондъ. Сверхъ того въ Босніи можно насчитать еще школъ 20 народныхъ, существующихъ на добровольныя приношенія. Въ Сараевѣ имѣется женская школа, основанная Стакой Скендеровой. Вотъ и всѣ православныя учебныя заведенія въ Босніи и Герцеговинѣ.

Школы католическія находятся въ рукахъ латинскаго духовенства и обезпечены капиталами, получаемыми отъ разныхъ миссіонерскихъ обществъ и иностранныхъ правительствъ, преимущественно австрійскаго. Изъ Рима, изъ хорватскихъ земель являются въ Боснію въ большомъ количествѣ сестры милосердія, основываютъ школы и дѣлаются учительницами. Австро-венгерскій консулъ Тодоровичъ и фра Грго-Мартичъ купили за 2,500 дукатовъ въ центрѣ Сараева просторный садъ, гдѣ предполагено выстроить домъ для католическаго епископа, домъ для сестеръ милосердія, больницу и высшее училище. Французское правительство, 9 лѣтъ тому назадъ, купило въ Мостарѣ домъ за 180 тысячъ піастровъ и отдало его подъ католическую школу, на содержаніе которой назначило ежегодно по 13 тысячъ франковъ. Франція снабжаетъ аптеками католическіе монастыри, въ которыхъ всегда имѣется по нѣскольку монаховъ, прошедшихъ медицинскіе курсы ¹⁾.

¹⁾ Въ нотѣ графа Андраши отъ 30 декабря 1875 г., излагающей турецкому правительству требованія Европы объ улучшеніи быта населенія Босніи и Герцеговины, указано, что до сихъ поръ отношеніями господствующаго племени къ христіанамъ въ Турціи управляютъ «фанатическая ненависть и недовѣріе», что до сихъ поръ «сооруженіе зданій, предназначаемыхъ для богослуженія и школьнаго преподаванія, употребленіе колоколовъ, устройство релігіозныхъ общинъ еще обставлены затрудненіями», и что прежде всего необходимо, «чтобы христіанская религія была поставлена по праву и на дѣлѣ въ совершенно равное положеніе съ исламомъ, чтобы она была торжественно признана и уважаема, а не только терпима, какъ это происходитъ въ настоящее время». Поэтому державы требуютъ у Порты „полной и совершенной свободы исповѣданій, какъ пер-

V.

Экономическое состояніе народа не лучше его состоянія нравственнаго. По корану земля составляет достояніе Бога. Отсюда право владѣнія землею переносится мусульманскимъ закономъ на *мири*, то-есть общественную казну, состоящую въ распоряженіи имама (султана.) Такимъ образомъ, по занятіи страны турками вся земля обращалась обыкновенно въ государственную и затѣмъ часть ея выдѣлялась мечетямъ, образуя вакуфы, часть отдавалась на помѣстномъ правѣ разнымъ войсковымъ чинамъ, съ возложеніемъ на нихъ отправления военной повинности, а остальная земля поступала въ непосредственное распоряженіе *мири*. Съ теченіемъ времени помѣщики перестали давать государству съ своихъ земель солдатъ и начали только платить въ казну десятую часть дохода. Затѣмъ право помѣщиковъ, согласно съ своимъ происхожденіемъ, оставаясь въ сущности временнымъ и ограниченнымъ, нѣсколько упрочилось и расширилось; законъ 21 мая 1867 г. распространилъ право наслѣдованія на 8 степеней. Въ Босніи и Герцеговинѣ, при такой системѣ землевладѣнія, всѣ частныя земли, при завоеваніи, поступили на ленномъ правѣ къ турецкимъ военноподчиненнымъ и мѣстнымъ дворянамъ, омусульманявшимся агамамъ и бегамъ, и если нѣкоторая часть ихъ и оставалась у поселянъ-христіанъ, то въ смутныя времена XVI и XVII вѣковъ перешла окончательно къ туркамъ и омусульманявшимся помѣщикамъ, ленный характеръ землевладѣнія которыхъ потерпѣлъ также измѣненія, какъ и во всей Турціи. Поселянамъ-христіанамъ осталось одно: вступить съ бегами въ условія относительно обработки ихъ земель. Такимъ образомъ, поселяне обратились въ фермеровъ помѣщичьихъ земель, причемъ арендаторское право ихъ опредѣляется различными условіями, на которыхъ беги отдаютъ имъ въ обработку земли. Землевладѣльцы въ этомъ отношеніи находятся въ полной зависимости отъ беговъ,

---

вой и главной уступки". Свидѣтельство ноты графа Андраши, по дипломатическому и осторожному характеру ея, менѣе всего можетъ быть заподозрѣно въ преувеличенія и рѣзости.

которые всегда могут прогнать ихъ съ своей земли, оставивъ за собой, безъ всякаго вознагражденія, возведенныя ими на ней постройки, воспользовавшись всѣми вложенными ими въ нее затратами; притомъ прогнанный однимъ землевладѣльцемъ поселянинъ, при солидарности помѣщиковъ, не скоро найдетъ для обработки землю у другого. Такая непрочность пользованія землею, разумеется, невыгодна и самому землевладѣльцу, потому что при этомъ немислимо улучшение обработки. Но, конечно, она еще тяжелѣе отзывается на благосостояніи земледѣльца, всѣ средства котораго къ удовлетворенію неумолимо взыскиваемыхъ съ него поборовъ государственныхъ, помѣщичьихъ и церковныхъ, — всѣ средства къ его существованію заключаются въ обработываемой имъ землѣ. Земельныя отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами служили постоянно главнымъ поводомъ къ многочисленнымъ возстаніямъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Безвыходность положенія земледѣльца стала, наконецъ, очевидной самому турецкому правительству. Въ 1859 году была вызвана въ Константинополь депутація отъ боснійской райи. Ея жалобы были выслушаны и рассмотрѣны и затѣмъ изданъ султанскій фирманъ, которымъ постановлялось, чтобы на будущее время земледѣльцы заключали съ помѣщиками контракты на обработку земли; воспрещалось произвольное изгнаніе земледѣльцевъ помѣщиками, предписывалось разбирательство ихъ столкновеній судомъ и вознагражденіе отпускаемаго земледѣльца помѣщикомъ за возведенное на арендуемой землѣ жилье; но этотъ фирманъ, какъ и всѣ новѣйшіе законы, издаваемые турецкимъ правительствомъ, остался только на бумагѣ. Въ нотѣ графа Андраши турецкому правительству отъ 30 декабря 1875 г. говорится, что „печальныя условія быта христіанъ Босніи и Герцеговины, главнымъ образомъ, находятся въ прямой зависимости отъ характера отношеній, существующихъ между сельскимъ населеніемъ и землевладѣльцами. Почти всѣ земли, принадлежащія государству или мечетямъ, сосредоточены въ рукахъ мусульманъ, тогда какъ земледѣльческій классъ состоитъ изъ христіанъ обоихъ исповѣданій. Такимъ образомъ земельный вопросъ тутъ усложняется вопросомъ религиознымъ“; что послѣ подавленія возстанія боснійскихъ беговъ въ 1851 г. бытъ крестьянъ ухудшился, собственники сдѣлались еще требовательнѣе, и хотя фирманъ 1859 г., повиди-

тому, могъ „довольно удачно приирить интересы земледѣльцевъ съ интересами поземельныхъ собственниковъ, но фирманъ этотъ никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе“, и что „надлежало-бы разсмотрѣть, могутъ-ли нѣкоторыя изъ его постановленій служить и въ настоящее время исходною точкою для правоувернаго соглашенія, которое могло-бы улучшить условія быта сельскаго населенія, или не будетъ-ли болѣе умістнымъ привлечь къ участию государственную казну съ цѣлію облегчить осуществленіе мѣръ, которыя слѣдовало-бы принять для достиженія означенной цѣли, подобно тому, какъ это произошло, около двадцати лѣтъ назадъ, въ Болгаріи, гдѣ земельныя повинности были выкуплены посредствомъ государственныхъ бумагъ, такъ-называемыхъ „секимовъ“. Далѣе нота требуетъ постепеннаго улучшенія въ земельныхъ отношеніяхъ сельскаго населенія.

Осуществленіе требованій европейской дипломатіи, несмотря на ихъ крайнюю умѣренность, несомнѣнно встрѣтило-бы неодолимыя затрудненія. Предположимъ, что турецкое правительство искренно пожелало-бы улучшить бытъ поселянъ въ направленіи, указываемомъ европейскою дипломатіею, предположимъ, что оно было-бы въ силахъ (что очень сомнительно) побороть сопротивленіе беговъ, — могли-ли-бы поселяне вынести новый налогъ: ежегодную уплату за выкупленную землю? Такой вопросъ естественъ въ виду той массы налоговъ, которые тяготѣютъ на несчастныхъ поселянахъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Здѣсь земледѣлецъ обязанъ платить государству: 1) *портъз* или *вертію*, поземельную подать, которая платится съ дома по 90 грошей или 84 піастра (4 р. 20 к.), но распредѣляется по степени зажиточности, такъ что одни платятъ по 100, 200, 300 и до 1,000 грошей, а другіе по 15, 10, 6 и 5, причемъ допускаются злоупотребленія и за взятку бѣдный облагается болѣе тяжелымъ платежемъ, чѣмъ богатый; кромѣ того, мусульмане, владѣльцы земли, съ которой собственно установленъ платежъ вертіи, платятъ менѣе, чѣмъ поселяне, неимѣющіе земли. 2) *Аширъ* или десятую часть сбора со всѣхъ произведеній земли — подать, отдаваемую на откупъ; при взиманіи ея укоренились тяжелыя злоупотребленія. Десятина опредѣляется или до жатвы по произволу чиновниковъ и откупщиковъ, безъ всякаго соображенія съ дѣйствительнымъ урожаемъ, или послѣ жатвы, но тогда поселянинъ не смѣетъ убрать хлѣбъ, пока не пріѣдетъ откупщикъ,

и хлѣбъ мокнеть, сохнетъ, сыплется. Откупщикъ, опредѣливъ количество жатвы, записываетъ у себя и выдаетъ земледѣльцу бумагу на турецкомъ языкѣ, но не беретъ десятины, а весной, когда хлѣбъ дорожаетъ, требуетъ деньгами по произвольно записанному въ бумагѣ урожаю. Откупщики вьжутъ людей, если они не въ состояніи внести требуемой уплаты, бьютъ, запираютъ въ хлѣвы, душатъ дымомъ отъ зажигаемой соломы; случалось арендаторы били беременныхъ женщинъ, тѣ выкидывали, случалось тутъ-же умирали. Страшное угнетеніе поселяне терпятъ и отъ арендаторскихъ служителей арнаутовъ, которыхъ во время собранія дани обязаны кормить. 3) *Войнину* или *аскеръ-беделе*, введенную вмѣсто прежняго *хараджа* послѣ того, какъ реформами 1855—56 гг. и христіанское населеніе было призвано къ отбыванію военной повинности, которая, однакожь, изъ опасенія дать христіанамъ въ руки оружіе, снова сведена была на денежный выкупъ. По закону воинину слѣдуетъ брать съ каждаго мужчины не моложе 14 и не старѣе 60 лѣтъ, но на правтвѣ берутъ и съ малолѣтнихъ дѣтей и даже съ едва родившихся. И теперь еще многіе христіанскіе подданные Турціи отказываются платить воинскую подать, и требуютъ, чтобы имъ дозволено было нести военную службу. Требованіе ихъ поддерживается константинопольскимъ патріархомъ. Но турецкое правительство не соглашается на такое требованіе потому что опасается вооружить христіанъ, въ особенности въ настоящее смутное время государственнаго существованія Турціи. 4) *Жировину* — подать, взимаемую за право выгонять скотъ въ нагорные лѣса на „жирънѣ“, со всякаго борова по 1 грошу и 7 паръ (около 6 коп.). При взиманіи этой подати обычное злоупотребленіе заключается въ томъ, что число свиней опредѣляется произвольно, всегда гораздо болѣе дѣйствительнаго, и что подать взимается и за тѣхъ свиней, которыя вовсе не пользовались пастбищемъ, и 5) *казанію* по одному дукату въ годъ (около 3 р.) съ котла (казана) для варки водки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ изобиліи родятся сливы.

Кромѣ этихъ государство взимаетъ еще и другія, болѣе или менѣе значительныя, подати и, сверхъ того, обременяетъ сельское населеніе многоразличными натуральными повинностями; напри- мѣръ, турецкая армія не имѣетъ обозовъ и для ея передвиженія берутся обывательскія лошади и телѣги, причежь поселяне

кормить сами и себя, и лошадей. Хотя за подводны опредѣлена плата, но она никогда не выдается, а лошадей подъ подводны хватають, такъ что поселяне боятся показываться даже на базарахъ. Подобнымъ-же образомъ отбывается и полицейская, а иногда и почтовая служба. Для исправленія и сооруженія дорогъ пашы собирають съ поселячъ деньги, а потомъ тѣхъ-же поселячъ, иногда въ самое рабочее время, выгоняють на нѣсколько недѣль исправлять дороги, причемъ поселяне сами должны заботиться о своемъ пропитаніи. Квартированіе войскъ, содержаніе развѣзжающихъ по правительственнымъ дѣламъ полицейскихъ и другихъ чиновниковъ также ложится всею тяжестью на сельское населеніе ¹⁾.

Кромѣ государственныхъ податей, земледѣлецъ обязанъ платить значительныя подати помѣщику. Первоначально земледѣльцы отдавали помѣщикамъ девятую часть урожая и 1½ oka коровьяго масла за пастбища и сѣнокосы, но, вопреки условіямъ, помѣщики заставляли ихъ отбывать на себя *амарію* или *беллукъ*, барщину. Въ 1843 г., по жалобѣ поселячъ на обременительность барщины, Порта опредѣлила размѣры ея: каждый христіанскій домъ обязанъ поставлять бегу еженедѣльно по два работника на одинъ день. Въ 1848 г. барщина была совершенно уничтожена и взаимѣнъ ея установлена уплата помѣщику трети урожая всякаго хлѣба и половины сбора съ сѣнокосовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ, помѣщикамъ даютъ не третину, а четвертину и даже пятину хлѣбнаго урожая. Правда, въ то-же время беги были обязаны заплатить поселянамъ за постройки, возратить треть издержекъ на огорожу полей и вносить за нихъ треть порѣза. Но первыя двѣ обязанности исполнены не были, послѣдняя-же испол-

¹⁾ Въ вѣнскую „Politische Correspondenz“ сообщаютъ изъ Болгаріи: „Торжественное обнаруженіе новыхъ реформъ (дарованныхъ подъ давленіемъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ султанскимъ ираде 20 октября и фирманомъ 12 декабря 1875 г.) до сихъ поръ нисколько не измѣнило безограднаго положенія нашей провинціи. Подати взимаются съ невѣдомомъ до сихъ поръ безпощадностью. вмѣстѣ съ недоимками приходится уплатить теперь всего 500,000 червонцевъ, которые, по приказанію, полученному изъ Константинополя, должны быть непременно собраны въ 4 недѣли. Между тѣмъ населеніе не имѣетъ возможности вывести такое бремя налоговъ. Казна продаетъ все, что ей попадется подъ руку: бѣлье, платяе, кухонную посуду, домашнюю птицу, быковъ, свиней, короче сказать—послѣднее достояніе бѣдной болгарской райи.

няется неправильно. Мы видѣли, что порѣзъ, хотя и опредѣленъ по 90 грошей съ дома, но одними поселянами уплачивается въ значительно большемъ размѣрѣ, другими въ значительно меньшемъ, беги-же вносятъ за платящихъ болѣе только 30 грошей съ дома (то-есть треть того, что установлено къ уплатѣ съ дома), а за платящихъ менѣе—треть того, что они платятъ въ дѣйствительности. При взиманіи третины и половины урожая хлѣба и сѣна беги слѣдуютъ системѣ, усвоенной откупщиками казенной десятины, именно составляютъ неправильныя описи и берутъ хлѣбъ только тогда, когда зерно высохнетъ, но по заранѣе опредѣленной мѣрѣ. Кромя того, беги не хотятъ брать произведеній натурой, а требуютъ за нихъ деньгами, въ то время, когда цѣнность продуктовъ сдѣлается наиболѣе высокою, оцѣниваютъ плодъ, еще только зачинающійся въ землѣ, требуютъ третины деньгами даже отъ цвѣтовъ, которые плательщикамъ никакого дохода не приносятъ. Наконецъ беги заставляютъ поселянъ работать на себя, хотя барщина и отиѣнена, а иногда отдають свои доходы, какъ и казна, на откупъ спекуляторамъ цинцарамъ ¹⁾. При взиманіи своихъ поборовъ беги позволяютъ себѣ неслыханныя жестокости, привязываютъ немущихъ плательщиковъ къ потолку и поджариваютъ, пока тѣ не отдадутъ всего, что у нихъ есть, или беги обращаются къ содѣйствию турецкихъ властей, которыя даютъ несчастнымъ по 500 палокъ, такъ что многіе умирають подъ ударами. Въ 1858 г. 55 христіанскихъ семействъ деревни Звѣзды въ Герцеговинѣ, кромѣ уплатъ помѣщику, внесли 750 р. сер. откупщику десятины, около 226 р. порѣза, около 270 р. аскеріе ²⁾. Съ конфискованныхъ въ казну имѣній знаменитаго Гуссейна, въ которыхъ до 1,300 домовъ и

¹⁾ Македонскіе валахи, въ довольно значительномъ количествѣ поселившіеся въ Боснію и отличающіеся непомирнымъ користолюбіемъ.

²⁾ Въ брошюрѣ „Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ“ вычислено, что поселянинъ-герцеговинецъ, при доходѣ въ 120 р. въ годъ, уплачиваетъ правительству и помѣщику 85 р. Едва-ли такое вычисленіе можно признать преувеличеннымъ, если вспомнить, что только помѣщику поселянинъ платитъ болѣе одной трети ($\frac{1}{3}$ отъ хлѣба, $\frac{1}{2}$ отъ сѣна) дохода. даже при отсутствіи злоупотребленій во взиманіи третины, и если прибавитъ къ этому платежу значительный, какъ видимъ, взносъ въ казну десятины, порѣза и аскеріе.

изъ нихъ до 300 колыбъ ¹⁾, откупщикъ вноситъ въ казну 26,250 р. третины и 10,000 р. десятины и при этомъ теряетъ еще 2,900 р. при вносѣ въ казну австрійскими деньгами, такъ какъ турецкихъ въ Босніи почти нѣтъ, а австрійскія принимаются по меньшей цѣнѣ. Такимъ образомъ на домъ приходится по 36 р. 75 к. (нѣкоторые платятъ по 3 р., а другіе до 200), а откупщикъ беретъ вдвое, потому что дѣлится съ каймакамами, мудирами и пашами и вручаетъ еще свою выгоду. Далѣе поселенинъ православнаго исповѣданія въ Босніи и Герцеговинѣ платитъ въ значительномъ количествѣ церковныя подати, о которыхъ уже сказано выше.

Если даже не принимать въ расчетъ всѣхъ безчисленныхъ и разнообразныхъ злоупотребленій, имѣющихъ мѣсто при взиманіи поборовъ, самыя установленныя закономъ платежи государству, помѣщику и церкви, очевидно, тяжелы несоизмѣрно съ доходностью сельской работы, и потому неудивительно, что, какъ свидѣльствуютъ люди, достойные довѣрія, собственными глазами видѣвшіе боснійскую и герцеговинскую райю, зачастую поселяне съ своими семействами живутъ въ колыбахъ, въ хозяйствѣ ихъ нельзя найти даже курицы, все ихъ имущество стоитъ нѣсколько рублей, они ѣдятъ отваръ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ кореньевъ, почти умираютъ съ голода и ходятъ полуголые.

Промышленность и торговля въ Босніи и Герцеговинѣ находятся въ плохомъ положеніи, какъ и все въ этой несчастной странѣ. Бѣдность и угнетеніе рабочаго класса, всеобщее невѣжество, дурное состояніе земледѣлія, отсутствіе путей сообщенія, одностороннее фискальное направленіе правительственной дѣятельности и злоупотребленія чиновниковъ даютъ промышленность и торговлю. Страна одарена отъ природы плодородною почвою (въ Босніи), минеральными и лѣсными богатствами и условиями, благоприятствующими обширному скотоводству. Около городовъ Брешева, Фойницы, Сараева, Вареша, въ Крайинѣ (с.-в. Босніи) и въ дру-

¹⁾ Хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою.

гихъ мѣстахъ находятся богатая желѣзные руды, но правительство отдастъ ихъ на откупъ и потому разрабатывается только ничтожнѣйшая часть ихъ и притомъ самыми первобытными способами; этимъ дѣломъ занимаются преимущественно рабочіе изъ католиковъ. Въ Босніи считается 36 рудниковъ съ 127 доменными печами и добывается ежегодно отъ 250—300,000 пудовъ желѣза хорошаго качества, но производство на заводахъ идетъ крайне плохо, съ потерей около 20% металла. Во многихъ мѣстахъ Босніи готовится огнестрѣльное оружіе, въ Сараевѣ—жѣдная и желѣзная посуда. Затѣмъ, однимъ изъ важныхъ продуктовъ страны является лѣсъ, но эксплуатація его австрійскими, французскими и мѣстными торговцами чужда всякихъ рациональныхъ основъ и странѣ грозитъ обезлѣсеніе. Земледѣліе, отягощенное платежами и откупною системою ихъ собиранія, а также отсутствіемъ обезпеченія положенія земледѣльца, падаетъ, въ годъ собирается хлѣба до 24 мил. пудовъ и сѣна до 35 мил. пудовъ. Скотоводство подъ бременемъ налоговъ также уменьшается. Количество лошадей, муловъ и ословъ можно полагать въ 2,115,000 головъ, рогатаго скота въ 385,000, овецъ и козъ въ 2,430,000, свиней въ 935,000.

Скудная производительность, бѣдность и невѣжество населенія, отсутствіе путей сообщенія и притѣсненія администраціи не даютъ развиваться торговлѣ. По превосходнымъ рѣкамъ, которыми природа надѣлила Боснію и Герцеговину, судоходство производится только на небольшихъ протяженіяхъ, въ остальныхъ частяхъ рѣкъ встрѣчаются лишь простые сплавы. Желѣзныхъ дорогъ нѣтъ и сухопутныя сообщенія почти всѣ остаются въ первобытномъ состояніи, такъ-что по многимъ дорогамъ возможно одно вычное передвиженіе. Не имѣя собственныхъ портовъ, окруженная съ сѣвера, запада и юга австрійскими владѣніями, Боснія ведетъ торговлю черезъ адриатическіе порты—Рагузу, Сполато, Зару, частью чрезъ рѣчныя пристани Савы. Вѣна и Триестъ служатъ центрами тяготѣнія для всей боснійской торговли, вполне монополизированной австрійскими капиталистами. Балансъ торговли Босніи и Герцеговины выражается въ отпускъ на 6,790,000 р. и ввозъ на 5 мил. руб. Предметы вывоза преимущественно: хлѣбъ (на 3,620,000 р.), рогатый скотъ на (880,000 р.), овцы и козы (300,000 р.), желѣзо и металлическія издѣлія (100,000 р.),

лѣсъ и лѣсныя издѣлія (70,000 р.) и лошади (38,000 р.) ¹⁾. Торговля ведется большею частію австрійскими подданными, турками и евреями. Мѣстные католики вовсе не занимаются торговлей. Сравнительно немногіе православные торговцы почти всегда уроженцы Герцеговины, населеніе которой отличается болѣе предпріимчивымъ характеромъ, чѣмъ боснійское, — преимущественно мелкіе ремесленники и купцы; но въ городахъ Сараевѣ, Баня-лукѣ, Ливнѣ и другихъ встрѣчаются и капиталисты изъ православныхъ.

Эти послѣдніе заслуживаютъ, чтобы объ нихъ упомянуть особо: они составляютъ какъ-бы православную аристократію, дружатся съ турками и мусульманами-помѣщиками, съ греческими архіереями и не защищаютъ поселянъ, своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, но содѣйствуютъ притѣсненію ихъ. Руководствуясь исключительно торговыми расчетами, они не находятъ надобности отстаивать народъ, который у нихъ ничего не покупаетъ, но чѣмъ болѣе нуждается, тѣмъ дешевле продаетъ имъ продукты своихъ работъ, а покупатели у нихъ товаровъ, турки, тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе угнетаютъ народъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, при каждомъ указѣ турецкаго правительства о новой подати купцы сговариваются между собой и съ турками и подъ залогъ хлѣба, скота, кожъ и т. п. даютъ нищенствующему народу необходимыя для взноса подати деньги за огромные проценты или за безцѣнокъ скупаютъ послѣдній скотъ и имущество поселянъ, а турки еще болѣе прижимаютъ бѣдняковъ, угрожая имъ тюрьмой и пытками. Православные купцы-капиталисты не заботятся и о духовныхъ интересахъ своего народа, они не только не жертвуютъ на сооруженіе и исправленіе церквей и учрежденіе училищъ, но даже

---

¹⁾ Замѣтимъ, что въ то время, какъ хлѣба собирается по 20 пудовъ на человака, что даетъ почти только среднее нормальное количество для пропитанія (2 ф. въ день), хлѣбъ составляетъ главную отпускную статью (болѣе половины всего отпуска), слѣдовательно, въ немногихъ рукахъ собираются излишки хлѣбныхъ запасовъ, сбываемые за границу, тогда-какъ остальное населеніе голодаетъ. Вторую отпускную статью (нѣсколько менѣе $\frac{1}{3}$ всего отпуска) составляетъ скотъ, тогда-какъ количество скота по населенію, казалось-бы, также не слишкомъ избыточно. Напротивъ, лѣсъ и желѣзо—богатство и излишекъ страны—вслѣдствіе недостатка разработки и предпріимчивости, едва составляютъ сороковую часть всей отпускной торговли.

часто утаиваютъ собранныя на церкви и училища пожертвованія, поступающія въ ихъ распоряженіе, какъ почетнѣйшихъ членовъ православныхъ общинъ. Они говорятъ, что если всё выучатся читать и писать, то перестанутъ ихъ уважать. Они презрительно обращаются съ учителями и низшимъ духовенствомъ.

VI.

Въ прежнія времена турецкое государство управлялось священнымъ закономъ *шеріетъ*, который образовался изъ корана Магомета, изъ сохранныхъ преданій изрѣченій пророка, изъ толкованій, указаній и рѣшеній первыхъ четырехъ халифовъ (сунна или иджама) и изъ разработки этихъ источниковъ путемъ аналогіи и индукціи четырьмя школами, основанными въ первые два вѣка магометанскаго лѣтоисчисленія теологами Абу-Ганифомъ, Маликъ-Ибнъ-Анесомъ, Магометомъ Ибнъ-Идрисъ-Ашаффи и Ахмедъ-Ибнъ-Гаибелемъ (сборникъ Кіасъ). Вся администрація была въ рукахъ турокъ, вся юстиція въ рукахъ мусульманъ кади, муфтіевъ и имамовъ.

Въ управленіи христіанскимъ населеніемъ участвовало еще христіанское духовенство. Со времени начавшихся въ Турціи реформъ въ европейскомъ смыслѣ, со времени возникновенія новыхъ свѣтскихъ законовъ танзимата явилась новая корпорація чиновниковъ съ свѣтскимъ юридическимъ образованіемъ (кіатибы). Въ государственномъ совѣтѣ (впрочемъ, только съ 1868 г.) на 40—50 членовъ допущено 13 не мусульманъ; параллельно съ духовными судами, арзы-адассо, мелкене и судами кадіевъ, возникла другая вѣтвь судовъ съ ахкіями-адме (высшій судъ или совѣтъ юстиціи) во главѣ, въ составѣ котораго 5 членовъ не мусульманъ (2 армяно-католика, 1 армянинъ-грегоріанецъ, 1 грекъ и 1 болгарь) и который вѣдаетъ смѣшанные торговые, уголовные и политическіе суды, руководящіеся гражданскимъ, уголовнымъ и торговымъ кодексами, переведенными съ французскаго языка и кое какъ примѣненными къ мѣстнымъ условіямъ. Въ провинціяхъ (вилаятахъ) и губерніяхъ (санджакахъ) въ административные совѣты (меджлисы) допущена половина членовъ не мусульманъ, въ административные совѣты уѣздовъ (казъ) въ число трехъ членовъ также

допущены не мусульмане, но сколько ихъ должно быть—не определено ¹⁾; въ общинахъ совѣтъ выборныхъ старшинъ распредѣляетъ налоги, заботится объ общественныхъ интересахъ, разрешаетъ недоумѣнія и споры между членами. Но все это новыя названія прежнихъ учрежденій; принципъ отношеній не измѣнился. Реформы парализуются старымъ духомъ исключительности и нетерпимости, которымъ до сихъ поръ проникнуты всѣ турки сверху до низу, и еще тяготящимъ надо всѣмъ вліяніемъ магометанскаго духовенства. Въ сущности все остается въ Турціи по старому и все разрушается. Въ совѣтахъ и судахъ члены-христіане не имѣютъ никакого значенія, вся власть принадлежитъ турецкимъ чиновникамъ, и притомъ распредѣленіе христіанскихъ членовъ по національностямъ не соотвѣтствуетъ численнымъ отношеніямъ различныхъ расъ въ государствахъ: въ высшихъ совѣтахъ нѣтъ, на примѣръ, ни одного представителя сербскаго племени. Свидѣтельство христіанъ противъ мусульманъ въ дѣйствительности принимается судебными учрежденіями въ Константинополѣ и въ другихъ большихъ городахъ, но въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ въ Герцеговинѣ и Босніи, судьи не признаютъ за показаніями христіанъ никакого значенія. Участіе христіанскаго духовенства въ свѣтскихъ дѣлахъ христіанскихъ подданныхъ Турціи нисколько не облегчаетъ теченія этихъ дѣлъ.

Чиновники-турки управляютъ боснійскимъ и герцеговинскимъ народомъ съ помощью принявшихъ мусульманство мѣстныхъ дворянъ, греческихъ архіереевъ, разжившихся купцовъ-славянъ и часто становящихся на сторону силы *кнезовъ* (старость) сельскихъ общинъ. На христіанскій народъ въ Босніи и Герцеговинѣ, въ

¹⁾ Члены административныхъ совѣтовъ и судовъ вилайетовъ избираются комитетомъ изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, муфтіи, кади и религиозныхъ представителей не мусульманскихъ общинъ; административные совѣты и суды санджаковъ отбрасываютъ треть избранныхъ; вали (генераль-губернаторъ) выбираетъ членовъ изъ остальныхъ двухъ третей и представляетъ на утвержденіе Порты. Подобный-же комитетъ въ санджакахъ составляетъ списокъ членовъ въ совѣты и суды санджаковъ, изъ котораго совѣты и суды казъ выбрасываютъ треть и вали еще половину. Также съ участіемъ собранія общинныхъ старшинъ и мутесарифа (губернатора) избираются члены совѣтовъ и судовъ казъ.

особенности на православный, смотрять, какъ на существующій исключительно для содержанія правительства и обогащенія администраціи. Никакіе интересы народа не удостоиваются ни малѣйшаго вниманія и его обираютъ до послѣдней нитки, давая самымъ ужаснымъ произволомъ и деспотизмомъ, позволяя надъ нимъ надруганія и жестокости, которымъ въ наше время приходится вѣрить лишь уступая силѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ очевидцевъ, достойныхъ всякой вѣры ¹⁾; самая жизнь христіанина въ Босніи и Герцеговинѣ не цѣнится ни во что. Только населеніе юго-восточной Герцеговины, живущее на границѣ съ Черногоріей, сохранило сравнительную независимость управленія, въ которое не вмѣшиваются ни турецкія власти, ни аги, ограничивающіеся однимъ полученіемъ податей. Изъ христіанскаго населенія болѣе угнетены православные и менѣе католики. Конечно, при господствующихъ въ Турціи порядкахъ не благоденствуютъ и турки, но все-же они господствуютъ и свои затрудненія вымещаютъ на христіанахъ. Тягость положенія доводитъ христіанское населеніе Босніи и Герцеговины до частыхъ возстаній. Между тѣмъ, вообще говоря, это населеніе мирное и покорное, привязанное, въ особенности православные, къ родинѣ, гостепріимное, неразвитое, въ особенности католики ²⁾. Къ сожалѣнію, различіе религіозныхъ исповѣданій и жизнь вразсыпную, отиѣченная, какъ характеристическая черта, еще византійскими историками VI в., Прокопіемъ и Маврикіемъ, относительно самыхъ первыхъ поселеній сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, упроченная условіями горной природы и боязнью турокъ, не мало содѣйствовала укрѣпленію въ характерѣ жителей Босніи и Герцеговины того духа разъединенія, который составляетъ явленіе, общее всѣмъ славянамъ, — разъединенія, исчезающаго до нѣкоторой степени только во время сильнѣйшихъ угнетеній, вызывающихъ возстанія, подобныя нынѣшнему. Мы видѣли, что кромѣ элементовъ пришлыхъ: турецкихъ чиновниковъ и греческихъ іерарховъ, въ населеніи Босніи и Герцеговины болѣе трети составляютъ мусульмане, одну шестую

¹⁾ Припомнимъ напечатанное во всѣхъ газетахъ воззваніе сербскаго митрополита Михаила, призывающее къ помощи жертвамъ нынѣшняго возстанія.

²⁾ О неразвитости католиковъ-поселянъ см. въ „Aus dem Sennerleben der Herzegovine“ von Zverina.

католики, остальные православные. Мусульмане, обязанные всеми относительными выгодами своего положенія отреченію отъ христіанской вѣры и славянской народности, издавна привыкли быть союзниками турокъ, даже, вступая съ ними въ борьбу, вели ее не ради народныхъ интересовъ, но изъ опасенія отступленія самихъ турокъ отъ древней нетерпимости ученія Магомета и утраты чрезъ это своихъ привилегій, и никогда не склонялись, какъ не склоняются и въ теперешнемъ возстаніи, на сторону христіанъ. Католицизмъ всегда и вездѣ отрывалъ своихъ адептовъ отъ патріотической дѣятельности, привязывая къ духовному отечеству — католической церкви. Во время дѣйствій Омера-паши католическое населеніе Босніи и Герцеговины много способствовало его успѣхамъ и оказало ему важныя услуги, и теперь, составляя послушное орудіе въ рукахъ своихъ папировъ, проповѣдующихъ, по благословенію папы, покорность установленному правительству, также не выказываетъ солидарности съ православными босняками и герцеговинцами. Чувство національнаго самосознанія, память о былой самостоятельности хранятся преимущественно православными сербами въ Босніи и Герцеговинѣ и поддерживаются въ нихъ чужеземнымъ угнетеніемъ, общимъ направленіемъ государственной и національной жизни Европы въ нынѣшнемъ столѣтіи и живымъ примѣромъ благосостоянія и значительныхъ успѣховъ въ самостоятельности, осуществляемыхъ на глазахъ ихъ родичами въ княжествѣ сербскомъ. Но и въ самихъ нѣдрахъ православія болѣе зажаточные люди тянутъ въ руку тому, передъ кѣмъ ихъ угодиничество обезпечиваетъ выгоды ихъ положенія, то-есть туркамъ-администраторамъ и фанариотамъ-іерархамъ.

Возставшіе босніяки и герцеговинцы мужественно продержались цѣлый годъ противъ турокъ. Съ помощію сербовъ и черногорцевъ, принявшихъ участіе въ борьбѣ, они могутъ рассчитывать уже на побѣду. Но чѣмъ-бы ни окончилась эта борьба, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что положеніе Босніи и Герцеговины должно измѣниться значительно къ лучшему...

Л. Лебедевъ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.)

VIII.

„Еще недавно, говоритъ Тэнъ,— между Дорантомъ и Журденомъ, между Дон Жуаномъ и Диманшемъ, даже между Сотенвиллемъ и Жоржемъ Данденомъ лежала цѣлая пропасть; одежда, образъ жизни, нравы, характеръ, понятія о чести, идеи, языкъ — все было различно. Теперь-же (т. е. передъ началомъ французской революціи) разница эта почти незамѣтна. Съ одной стороны, дворянство сблизилось съ среднимъ сословіемъ, съ другой — буржуа съ дворянами; фактическое равенство установилось ранѣе юридическаго. Около 1789 г. даже на улицѣ нельзя было отличить буржуа отъ „благороднаго“. Въ городахъ дворяне уже не носили болѣе шпагъ; галуны и вышивки исчезли съ ихъ одежды; они стали одѣваться въ простой фракъ; катались въ кабриолетахъ, сами правили лошадью“. „Простота англійскихъ нравовъ“ и буржуазный образъ жизни стѣсняли ихъ гораздо меньше притязательной чопорности „большого свѣта“. Какъ-бы ни былъ изуродованъ человѣкъ, къ какому бы рабству онъ ни привыкъ, но все-таки онъ никогда не откажется воспользоваться случаемъ, открывающимъ ему возможность хоть немножко пооблегчить свое ярмо, хоть немножко порасширить сковывающіе его кандалы. Сближеніе съ буржуазією давало дворянству эту возможность и оно ухватилось за нее съ нескрываемою радостью.

Впрочемъ, самое это сближеніе началось не только помимо воли, но, вѣроятно, даже и помимо вѣдома „салоннаго свѣта“. Туго набитые кошельки проложили дорогу въ салонъ купцамъ, ростовщикамъ, подрядчикамъ и банкирамъ; салонъ не могъ справиться съ кошелькомъ. Но разъ только кошелькъ проползъ за

салонную дверь, какъ уже онъ сталъ его владыкою. Оказалось, что онъ гораздо болѣе способенъ удовлетворять салоннымъ требованіямъ, чѣмъ наполнявшіе его до сихъ поръ напудренные парики и шитые галуны. Подъ париками скрывалась пустота, такая-же безнадежная пустота, какъ и въ карманахъ, обшитыхъ галунами. Небольшой запасъ условныхъ фразъ, банальныхъ острогъ, приторныхъ комплиментовъ—этимъ и ограничивались всѣ разговорные ресурсы великосвѣтскихъ дамъ и кавалеровъ. Изобрѣсти что-нибудь *свое*, оригинальное, выйти изъ тѣсной рамки заученныхъ выраженій и заѣзженныхъ темъ,—на это {у нихъ не хватало ни способности, ни смѣлости. Они были, какъ мы видѣли выше, круглыми невѣждами; правда, никто изъ нихъ не замѣчалъ своего невѣжества, потому что каждый видѣлъ вокругъ себя подобныхъ-же себѣ невѣждъ.

Люди-же „кошелька“, напротивъ, отличались, сравнительно говоря, весьма солиднымъ образованіемъ. Всѣ сколько-нибудь важныя функціи общественнаго управленія, вся тогдашняя наука и литература находились въ ихъ исключительномъ завѣдваніи. Ихъ дѣти предназначались не для салонной болтовни, а для серьезной практической дѣятельности,—дѣятельности, требовавшей болѣе или менѣе значительнаго умственнаго развитія, болѣе или менѣе обширныхъ и разностороннихъ знаній. На ихъ воспитаніе обращалось особенное вниманіе, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что по степени своего умственнаго развитія они далеко оставляли за собою дворянскихъ дѣтокъ. Современники жаловались, что „дворянамъ“ недостаетъ ума и способностей, а „людямъ умнымъ и способнымъ—дворянства“. „Дворянство и образованность, говоритъ одинъ изъ нихъ,—это два понятія, взаимно другъ друга исключаютія“.

Понятно, что допущенные въ салоны умные и образованные буржуа не замедлили занять въ нихъ первенствующее мѣсто. Они внесли туда новый, живой элементъ, дали новыя темы для разговоровъ, расширили салонный кругозоръ и до нѣкоторой степени осмыслили и очеловѣчили его интересы. Въ салонахъ мало-по-малу выводятся изъ моды двусмысленные разговоры по части шуточныхъ дѣлъ, безсодержательные свѣтскіе анекдоты и невинное остроуміе по поводу какихъ-нибудь малоприятныхъ слабостей и пикантныхъ грѣшковъ разныхъ виконтовъ, виконтессъ, графинь и

маркизь. И если прежде „серьезное“ считалось *mauvais ton*, то теперь, наоборотъ, на всякую легкомысленную *causerie* смотрѣли, какъ на нѣчто крайне неприличное, неумѣстное, какъ на признакъ дурного тона. „Даже при дворѣ, по свидѣтельству Вальполя, ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ о земледѣліи, политической экономіи, философіи и необходимыхъ общественныхъ реформахъ“.

Буржуазія рѣшительно овладѣваетъ салономъ; она вноситъ въ него свою философію, свои интересы, свои чувства и идеи. Подъ ея вліяніемъ салонныя дамы и кавалеры совершенно какъ-бы перерождаются. Они начинаютъ издѣваться надъ тѣмъ, передъ чѣмъ вчера еще благоговѣнно преклонялись; они проникаются самими, повидимому, гуманитарными идеями и самою нѣжною любовью къ народу. Народъ, о которомъ до сихъ поръ если и позволялось говорить, то не иначе, какъ съ презрительною grimасою, теперь возводится на пьедесталь, становится предметомъ всеобщихъ заботъ, оханій и сожалѣній. На „мужичка“, который еще недавно представлялся въ образѣ бессмысленнаго животнаго, смотрятъ теперь какъ на неисчерпаемый сосудъ всяческихъ добродѣтелей; его одѣляютъ и нѣжнымъ сердцемъ, и высокою нравственностью, и здравымъ смысломъ, и въ особенности чувствомъ благодарности, — благодарности къ его благодѣтелямъ, проливающимъ слезы надъ его горемъ и вытирающимъ ихъ батистовыми платочками. „Необходимо помочь народу, облегчить его страданія“, — эту фразу, писалъ одинъ современникъ, — можно теперь услышать отъ каждаго. Только и толкуютъ всѣ, что о философіи, политической экономіи и о средствахъ помочь народу“. Вокъ-о-бокъ съ этими демократическими симпатіями начинаютъ съ голоса буржуазіи высказываться даже разрушительные принципы. Метра въ своихъ „*Correspondences*“ увѣряетъ, будто „принципъ всеобщаго переворота и разрушенія“ былъ въ его время господствующимъ принципомъ среди „привилегированнаго“ дворянства. Каждый привилегированный корчилъ изъ себя реформатора и самымъ рѣзкимъ образомъ критиковалъ весь существующій порядокъ вещей. Это было зрѣлище по-истинѣ удивительное и никогда еще невиданное; тунеядцы слагали гимны во славу „честнаго труда“ и до глубины души возмущались эксплуататорствомъ, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось. Па-

разиты, живущіе соками, выжимаемыми государствомъ изъ народа, беспощадно критиковали данную государственную систему, бичевали произволъ администраціи и отрицали въ принципѣ даже самую королевскую власть. Люди, обремененные всевозможными привилегіями, открыто признавали привилегію социальнымъ зломъ, тяжкою болѣзнію, отъ которой общественный организмъ долженъ быть избавленъ во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Однимъ словомъ, дворянство или, лучше сказать, его салонные представители, очарованные буржуазіей, дошли не только до самоотрицанія, но можно сказать даже — до самопоруганія.

Этотъ странный, почти невѣроятный, но тѣмъ не менѣе вполне достовѣрный фактъ легче всего, повидимому, объяснить модою. мода—верховный законъ и самодержавный владыка салона. Если она могла превратить живыхъ людей въ безчувственныхъ и бездушныхъ маріонетокъ, то почему-бы она не могла заставить привилегированныхъ людей смѣяться надъ привилегіями, почему-бы она не могла обратить придворныхъ — въ отчаянныхъ демократовъ, закоснѣлыхъ феодаловъ—въ поклонниковъ Руссо, въ обожателей Мабли и Мармонтеля? Если она въ состояніи была убить въ нихъ самыя, повидимому, основныя чувства человеческой природы: чувство любви, семейной привязанности и т. п., то почему-же-бы она была не въ силахъ заглушить, вытравить изъ ихъ сознанія чувство собственнаго интереса, инстинктъ словнаго самосохраненія?

Безспорно, мода играла важную роль въ этомъ внезапномъ поворотѣ общественнаго мнѣнія аристократическихъ салоновъ. Но одною модою все-таки нельзя объяснить его. Почему эта мода такъ скоро приобрѣла право гражданства? Почему съ нею такъ легко освоились, почему она пришлась всѣмъ по вкусу? Почему она не вызвала никакой серьезной оппозиціи, никакого протеста?

Отвѣта на эти вопросы слѣдуетъ искать въ общественномъ положеніи тогдашней аристократіи. Она царствовала, виѣсть съ королемъ, но она не управляла; она была тщательно удалена отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ; въ области какъ внутренней, такъ и виѣшней политики она не играла никакой активной роли; она была простою зрительницею и въ качествѣ зрительницы не находила нужнымъ стѣсняться въ выраженіяхъ своего одобренія или неодобренія тому, что происхо-

дило на чуждой ей сценѣ. Смотри изъ своихъ роскошныхъ ложъ въ бель-этажѣ или съ мягкихъ кресель партера на ежедневно разыгрываемыя передъ нею сцены изъ государственной и общественной траги-комедіи, она не сознавала и не могла сознавать, какъ тѣсно связана ея судьба съ судьбами тѣшившихъ ее актеровъ. Актеры, казалось ей, были сами по себѣ, а она сама по себѣ. Актеры могли играть изъ рукъ вонъ плохо, пьеса могли быть до послѣдней степени отвратительны,—что-же ей изъ того! Она будетъ шивать актерамъ, она будетъ критиковать пьесу и по-прежнему останется сидѣть въ своихъ покойныхъ креслахъ.

Человѣкъ, какъ справедливо замѣчаетъ Тэнъ, только тогда добровольно подчиняется какому-нибудь правилу, только тогда дорожить установленнымъ порядкомъ, когда онъ призванъ къ практическому осуществленію этого правила, къ охраненію и защитѣ этого порядка; въ противномъ-же случаѣ онъ будетъ относиться къ нимъ или совершенно индифферентно, или, если они его стѣсняють, враждебно, оппозиціонно. Хотите вы, говорить онъ,—чтобы данное сословіе дѣйствовало за-одно съ правительствомъ,—пріобщите его къ правительственнымъ дѣламъ. Если-же вы этого не сдѣлаете, оно всегда будетъ предрасположено подмѣчать въ правительственной системѣ одиѣ лишь дурныя стороны, и, постоянно выставляя на видъ его промахи и ошибки, придетъ мало-по-малу, само того не замѣчая, къ отрицанію его основного принципа.

Такъ и случилось съ французскимъ дворянствомъ: оно примкнуло къ буржуазной оппозиціи, хотя въ сущности не должно было бы имѣть съ нею ничего общаго, точно также, какъ буржуазія приняла подъ свое покровительство теорію Руссо и утопіи Мабліи и Морелли, не замѣчая, что эти теоріи находятся въ противорѣчій съ ея реальными интересами, съ ея насущными потребностями.

Хотя, безъ всякаго сомнѣнія, между гуманитарными и радикально-оппозиціонными идеями, усвоенными дворянствомъ, и практикою его жизни лежала рѣзкое противорѣчіе, хотя оно относилось къ нимъ съ чисто-салоннымъ легкомысліемъ и даже не подозрѣвало о возможности сдѣлать изъ нихъ тѣ выводы, которые черезъ нѣсколько лѣтъ изъ нихъ сдѣлала революція, однако, нельзя

сказать, чтобы идеи эти были для него не болѣе, какъ только темною салонной болтовни.

Нѣтъ, подѣ ихъ вліяніемъ, и незамѣтно для него самого, его умственные интересы значительно расширились и видоизмѣнились. Оно стало заниматься теперь такими вопросами, о существованіи которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣло ни малѣйшаго понятія *); оно стало теперь обращать свое вниманіе на развитіе своихъ дѣтей, стало слѣдить за литературою и даже принимать въ ней непосредственное участіе; идеаль „порядочнаго человѣка“, человѣка „хорошаго тона“ представлялся ему теперь въ видѣ философа-филантропа, чуждаго всякихъ аристократическихъ предразсудковъ, проникнутаго горячими симпатіями къ страданіямъ „меньшаго брата“ и постоянно работающаго надъ разрѣшеніемъ высшихъ проблемъ общественной философіи. Конечно, это былъ только идеаль, но по идеалу лучше всего можно судить о господствующемъ направленіи данной среды.

Женщины не отставали отъ мужчинъ; салонныя дамы, какъ и салонныя кавалеры, становятся философами, политико-экономами, учеными. Въ 1782 г. одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Адела и Теодоръ“ (г-жи Жанлисъ) выражается о нихъ такимъ образомъ: „пять лѣтъ тому назадъ онѣ ничѣмъ болше не занимались, какъ своими нарядами да ужинами, теперь всѣ онѣ стали учеными. Въ будуарѣ свѣтской женщины, рядомъ съ жертвенникомъ, посвященнымъ „Дружбѣ“ или „Благотворительности“, лежатъ теперь трактаты по физикѣ и химіи и естественной исторіи“. Женщины, говоритъ Гонкуръ (*La femme au dix-huitième siècle*), не позволяютъ уже нынче рисовать себя въ видѣ богинь, окруженныхъ облаками; онѣ требуютъ, чтобы ихъ изображали или занимающимися въ лабораторіи, или окруженными разными астрономическими орудіями.

*) „Во второй половинѣ XVIII вѣка, говоритъ Вольтеръ,—нація, пресытившись стихами, трагедіями, комедіями, салонами, оперою, романтическими исторіями и еще болше романтическими измышленіями насчетъ нравственности, стала толковать о хлѣбѣ. „Откуда происходитъ дороговизна хлѣба? Отчего такъ плачевно положеніе земледѣльца? Что можетъ составлять предметъ налога и его нормальный предѣлъ?“ и т. п.“

Вобланъ въ своихъ „Souvenirs“ говоритъ: „такая уже теперь мода; всѣ сдѣлались экономистами; вездѣ только и рѣчи, что о философіи, политической экономіи и въ особенности о человѣчествѣ и о средствахъ помочь „доброму народу“; добрый народъ на языкѣ у всѣхъ“.

Когда Рузаль дѣлалъ свои опыты надъ алмазомъ, его лабораторію наполняли самыя элегантныя и блестящія представительницы „большого свѣта“.

Въ аристократическихъ салонахъ устраивались публичныя лекціи и читались цѣлые курсы химіи, физики, минералогіи и ботаники. Въ публичныхъ засѣданіяхъ академіи надписей велико-свѣтскія барыни рвали перчатки, аплодируя сухимъ отчетамъ объ отношеніяхъ египетскаго, финикійскаго и греческаго языковъ или глубокомысленнымъ изслѣдованіямъ о бытѣ Аписѣ.

Съ 1786 года женщины добились доступа въ Collège de France и въ медицинскую школу. Маркизы, графини, виконтессы, княгини надѣваютъ на свои роскошныя наряды студенческой кожаный фартукъ и вооружаются скальпелемъ и ланцетомъ.

Рядомъ съ изученіемъ естественныхъ наукъ идетъ изученіе и наукъ общественныхъ. Онѣ изучаютъ политическую экономію, право и пишутъ цѣлые политическіе трактаты. Графиня д'Эгмонтъ, напр., составила для шведскаго короля (съ которымъ находилась въ перепискѣ) обстоятельную записку объ основныхъ законахъ Франціи; въ ней она горячо отстаиваетъ „народныя вольности“ и подвергаетъ рѣзкой критикѣ систему политическаго абсолютизма. Г-жи Маркъ, Буфлеръ, Вріеннь, Люксембургъ, и другія подобныя имъ аристократки высшей пробы въ своихъ ученыхъ корреспонденціяхъ толкуютъ о политикѣ, о французскомъ законодательствѣ, о существующей системѣ управленія съ тою-же развязностью и обстоятельностью, съ какою прежде онѣ разсуждали о покрояхъ платьевъ, о новыхъ шляпахъ, о сравнительныхъ достоинствахъ того или другого головного убора. Всѣ онѣ, повидимому, самыя ярыя революціонерки и почти-что республиканки. Онѣ возстаютъ противъ абсолютной власти французскихъ королей и настаиваютъ на необходимости подчинить власть народному контролю (письма г-жи Буфлеръ, Маркъ и др.). По ихъ мнѣнію, Франція должна погибнуть, если „существующая система правленія“ не будетъ уничтожена какъ можно скорѣе.

Кавалеры, конечно, вторили дамамъ, и, мало-по-малу, высшіе слои общества до такой степени освоились съ идеєю политическаго переворота, что стали смотрѣть на него какъ на нѣчто неизбѣжное, необходимое и вполне желательное. И они ждали его съ нетерпѣніемъ, безъ малѣйшаго страха, безъ всякаго дурного

предчувствія. Имъ казалось даже, что этотъ переворотъ произойдетъ безъ всякой борьбы, безъ жертвъ и крови. За 20 лѣтъ до первой революціи д'Аржанъ писалъ: „Очень можетъ быть, что осуществленіе революціи не вызоветъ ни съ чьей стороны серьезнаго противодѣйствія; она будетъ сдѣлана съ общаго согласія“. „Новыя идеи“ представлялись высшимъ классамъ какою-то блестящею утопіею,—утопіею, плѣнявшею ихъ яркостью и новизною своихъ образовъ; они далеки были отъ мысли, что осуществленіе этой утопіи можетъ быть для нихъ невыгодно въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Напротивъ, они вѣрили, что при господствѣ „царства разума“ имъ будетъ житья еще легче и еще веселѣе, чѣмъ при королевскомъ режимѣ.

Эту вѣру, разумѣется, воспитала въ нихъ буржуазная философія,—философія, которая, какъ мы говорили выше, сама пребывала въ самообольщеніи, воображая, будто интересы буржуазіи вполне тождественны съ интересами народа.

И дворянство, и буржуазія играли съ огнемъ, наивно принимая его за свѣтятсягося жучка. Очень можетъ быть, что этотъ огонь и дѣйствительно оказался-бы свѣтятсягося жучкомъ, если-бы... если-бы на сцену не явился тотъ самый „bon peuple“, надъ которымъ они проливали свои слезы, которому они слагали гимны и воскуряли фиміамъ, но котораго, увъ! они совсѣмъ не брали въ расчетъ, проектируя свое „царство разума“.

IX.

Союзъ буржуазіи съ дворянствомъ былъ одинаково выгоденъ какъ для первой, такъ и для послѣдняго. Лавочники и банкиры вошли во вкусъ утонченной придворной роскоши; жантильоны вошли во вкусъ интеллигентныхъ удовольствій. Къ обширному запасу чисто-чувственныхъ наслажденій, наслажденій половыхъ и желудочныхъ, прибавилась теперь масса умственныхъ наслажденій, наслажденій искусствами, наукою, философіею. Жизнь по-прежнему проводилась въ полнѣйшей праздности, но эта праздность болѣе уже не тяготила: ее научились до такой степени разнообразить, что она казалась подчасъ даже серьезнымъ дѣломъ. Довольныя настоящимъ, которое давало постоянную пищу ихъ остро-

умію и ихъ критикѣ и въ дѣйствительности никакихъ особенно серьезныхъ стѣсненій имъ не причиняло, буржуазія и дворянство взирали на будущее съ полнымъ спокойствіемъ и вѣрою. Оно рисовалось имъ въ самыхъ свѣтлыхъ, въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Ничто, такимъ образомъ, не смущало ихъ веселья, ничто не нарушало ихъ благодушно-оптимистическаго настроенія. Они были вполне счастливы, и, какъ дѣти, беззаботно наслаждались жизнью... А тамъ, подъ ихъ ногами, въ душевныхъ педвалахъ „величественнаго зданія“ буржуазной цивилизаціи, страдали отъ нищеты миліоны крестьянъ.

За сто лѣтъ до французской революціи Ла-Брюйеръ описывалъ ихъ такимъ образомъ:

„Въ деревняхъ нашихъ распространена особая порода хищныхъ животныхъ, самцовъ и самокъ; черные, загорѣлые, они съ непобѣдимымъ упорствомъ проводятъ все свое время въ томъ, что роютъ и копаютъ землю, къ которой прикрѣплены. Повидимому, они обладаютъ даромъ слова, и когда поднимаются на ноги, то ихъ наружность напоминаетъ собою черты человѣческаго лица. И, дѣйствительно, это люди. На ночь они удаляются въ свои логовища; единственною пищею служатъ имъ черный хлѣбъ, вода и коренья... Но, къ несчастію, хлѣба у нихъ такъ мало, что въ большинствѣ случаевъ имъ приходится ограничивать свои потребности одною водою и кореньями. Голодная смерть считается у нихъ самою нормальною, естественною смертию...“

Таково было положеніе „*bon peuple*“ въ 1689 году. Въ XVIII столѣтіи оно—если только это возможно—сдѣлалось еще хуже. Втеченіи 25-ти лѣтъ, слѣдовавшихъ за 1689 годомъ, отъ голода и нищеты погибло болѣе трети населенія—около 6 миліоновъ. Въ 1725 году, по свидѣтельству Сен-Симона,—„королевство представляло собою обширный лазаретъ умирающихъ съ голоду“. Въ 1740-хъ годахъ Массильонъ, епископъ клермонферандскій, писалъ Флѣри: „Крестьяне въ нашихъ деревняхъ находятся въ страшной нищетѣ; у нихъ нѣтъ ни постелей, ни домашней утвари; питаются однимъ ржанымъ и овсянымъ хлѣбомъ, котораго въ большинствѣ случаевъ имъ хватаетъ только на полгода и который сборщики податей рвутъ у нихъ изо рта. Негры нашихъ колоній несравненно счастливѣе, чѣмъ они; тѣхъ,

по крайней мѣрѣ, хотъ кормятъ и одѣваютъ, тогда какъ самые трудолюбивѣйшіе изъ нашихъ крестьянъ, работая, какъ волы, не въ состояніи все-таки заработать на-столько, чтобы прокормить себя, свои семьи и уплатить подати“.

Черезъ десять лѣтъ положеніе народа стало еще хуже. Въ 1750 г. д'Аржансонъ пишетъ: „когда я вернулся въ свою деревню, отстоящую всего на десять лье отъ Парижа, я нашелъ, что нищихъ удвоилось, а вѣчныя жалобы раздавались еще громче. Въ какомъ-же положеніи послѣ этого должны находиться несчастныя провинціи внутри страны? Приходскій священникъ говорилъ мнѣ, что восемь семей, которыя жили до моего отъѣзда трудомъ, теперь вынуждены питаться милостынею. Нигдѣ нельзя найти работы! По мѣрѣ того, какъ число бѣдныхъ возрастаетъ, и доходы богатыхъ уменьшаются. И, несмотря на это, подати продолжаютъ собирать съ народа съ тою-же солдатскою, даже болѣе, чѣмъ солдатскою суровостью. Сборщики и пристава, въ сопровожденіи слесарей, отбиваютъ замки, выламываютъ двери, отбираютъ у крестьянъ весь ихъ жалкій домашній скарбъ и продаютъ его за четверть цѣны“...

Посѣтивъ въ 1751 г. свои помѣстья въ Туренѣ, Аржансонъ нашелъ тамъ бѣдность и нищету еще ужаснѣйшія. „Не горькое сознание своей бѣдности, пишетъ онъ,—а какое-то тупое, безнадежное отчаяніе встрѣчаю я здѣсь; несчастные желаютъ только одного—какъ-бы скорѣе умереть; народонаселеніе постоянно уменьшается; браковъ почти совсѣмъ нѣтъ... Въ моемъ приходѣ есть около тридцати парней и дѣвушекъ, давно уже достигшихъ брачнаго совершеннолѣтія, а однакожь между ними даже и вопроса о бракахъ не возникаетъ. Если вы начнете допытываться о причинахъ этого воздержанія, вы всегда получите одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „что за надобность производить на свѣтъ такихъ-же несчастныхъ, какъ мы сами!“

...„Одинъ изъ здѣшнихъ приходскихъ священниковъ, старѣйшій изъ всѣхъ туренскихъ старожиловъ, увѣрялъ меня, что никогда еще, въ самые даже несчастные, голодные года, онъ не видѣлъ и не помнитъ такой нищеты и бѣдности, какую ему приходится видѣть теперь“...

Отчеты интендантовъ говорятъ то же самое. Чтобы какъ-нибудь утолить голодъ, крестьяне набиваютъ свои желудки пескомъ,

корою и травой; рожь и овесъ косать раньше, чѣмъ они вызрѣютъ; зеленныя зерна сушатъ въ печкахъ и такъ ѣдятъ. Голодъ не ждеть. Но и зеленныхъ зеренъ мало—и вотъ несчастные бросаютъ работу, ложатся въ постели и проводятъ въ такомъ положеніи цѣлыя дни (въ Буржѣ). Впрочемъ, холодъ отнимаетъ у нихъ даже и постели: „въ Солоньи, по словамъ орлеанскаго интенданта, — несчастные, желая спастись отъ холода, жгутъ постели и фруктовыя деревья. Кто не видѣлъ вблизи этой страшной нищеты, говорить тотъ-же интендантъ, — тотъ не можетъ составить о ней даже приблизительнаго понятія“. То-же самое почти слово-въ-слово повторяется въ отчетахъ интендантовъ изъ Риома, Ла-Рошеля, Лиможа, Лиона, Монтобана, Каена, Алансона, Фландри, Мулена и т. д. Въ одномъ Овернѣ народонаселеніе уменьшилось въ послѣднія 75 лѣтъ, предшествовавшихъ революціи, болѣе чѣмъ на треть.

Подобное-же уменьшеніе замѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Въ концѣ XVII в. (1698 г.) народонаселеніе Франціи превышало 19 мил.; во второй половинѣ XVIII в. оно едва-едва доходило до 17 мил. Сельское народонаселеніе уменьшилось болѣе, чѣмъ на 25%. Голодные, доведенные до послѣдней степени отчаянія, крестьяне бросали свои полуразвалившіяся деревни и толпами бѣжали въ города. Но увы! здѣсь ихъ встрѣчала та-же нищета, тотъ-же голодъ. Въ Руанѣ насчитывалось болѣе 12,000 рабочихъ, жившихъ милостынею; то-же самое въ Турѣ, въ Лионѣ, въ Парижѣ. „Города кишатъ нищими, на каждомъ шагу вы видите, говоритъ одинъ современникъ, — лохмотья, исхудалыя, блѣдныя лица, на каждомъ перекресткѣ вы слышите жалобныя вопли полунагихъ дѣтей и женщинъ“. „Я слышалъ, рассказываетъ д'Аржансонъ (1751 г.),—что недавно въ Парижѣ, при проѣздѣ дофина съ женою по мосту Турнель, собрались болѣе двухъ тысячъ женщинъ изъ этого квартала и стали кричать наследнику трона: „дайте намъ хлѣба или мы должны умереть съ голоду!“ Смертность въ городахъ превышала даже смертность въ деревняхъ. Въ рабочемъ кварталѣ С.-Антуанъ въ одинъ мѣсяць умирало до 1,000 человекъ отъ нищеты и голода. Средняя жизнь въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ доходила до 17 и 15 лѣтъ.

Народу некуда было уйти отъ нищеты. Были попытки выселенія въ Германію, въ Испанію, въ Швейцарію, но прави-

тельство смотрѣло на выселяющихся какъ на бѣглецовъ, на дезертировъ: ихъ ловили, возвращали на ихъ прежнія мѣста или же сажали въ тюрьмы и ссылали на галеры.

Мелкимъ собственникамъ, число которыхъ во вторую половину XVIII вѣка значительно увеличилось, благодаря повсемѣстному разоренію дворянскихъ хозяйствъ, жилось не лучше рабочаго-пролетарія. Почти все, что они получали съ земли, они отдавали сборщикамъ податей. Фермерамъ и „половинщикамъ“, за уплатою налоговъ и аренды, оставалось ровно столько, чтобы не умереть съ голода, и то только въ томъ случаѣ, если хлѣбъ хорошо уродится, т. е. если не было ни засухи, ни чрезмѣрныхъ дождей, ни града, ни раннихъ морозовъ. А такъ-какъ противъ этихъ „бичей“ примитивнаго хозяйства никакихъ мѣръ никогда не принималось, то, разумѣется, сколько-нибудь сносный урожай долженъ былъ считаться особенною, чрезвычайною и въ высшей степени рѣдкою милостію небесъ. Поэтому фермеры и половинщики всегда находились въ неоплатномъ долгу у собственника. Собственникъ нерѣдко не только не получалъ ни сантима отъ аренды, но еще долженъ былъ имъ приплачивать для того, чтобы они хоть какъ-нибудь могли вести хозяйство. „Собственникъ, говоритъ одинъ современникъ,—желающій жить доходомъ съ земли, не находитъ никого, кто-бы взялся обрабатывать ее на собственный рискъ. Онъ долженъ самъ поставить арендатору сѣмена, снабдить его земледѣльческими орудіями, купить ему скотину, дать денегъ для найма рабочихъ и снабжать его хлѣбомъ до первой жатвы. Бывали такіе примѣры, что собственникъ отдавалъ крестьянамъ даромъ свою землю и весь доходъ съ нея, съ тѣмъ только, чтобы они не требовали отъ него никакихъ добавочныхъ приплатъ. Но даже и на такихъ условіяхъ трудно было найти арендатора; поэтому значительная часть земель оставалась совсѣмъ безъ обработки. „Поѣзжайте въ Анжу, Мэнь, Бретань, Пуату, Лимузенъ, Маршъ, Берри, Нижернѣ, Бурбонѣ, Овернь—и вы увидите, говоритъ Теронъ-де-Монтаже, — что во всѣхъ этихъ провинціяхъ, по крайней мѣрѣ, половина земель, вполне годныхъ для обработки, оставлена въ заустѣнни, поросла верескомъ“. Въ Турени, Пуату и въ Берри такихъ заброшенныхъ, поросшихъ верескомъ земель насчитывалось до тридцати тысячъ десятинъ; въ одномъ кантонѣ Прюлли онѣ занимали

пространство въ 40 тысячъ десятинъ. По отчетамъ реннского земледѣльческаго общества оказывается, что въ Бретани $\frac{2}{3}$ земли оставались безъ обработки.

Земля, которая въ 1665 году давала дохода около трехъ тысячъ ливровъ, въ 1767 году едва-едва приносила 900 ливровъ. На окраинахъ Марша и Берри собственность, дававшая въ 1660 г. доходъ, вполне обезпечивавшій существованіе двухъ дворянскихъ семей, во второй половинѣ XVIII в. не могла прокормить семью одного какого нибудь несчастнаго половинщика. Солонь, въ былое время славившаяся своимъ плодородіемъ, представляла теперь сплошную трясику, покрытую лѣсомъ...

Очевидно, этотъ поразительный регрессъ земледѣльской промышленности не можетъ быть объясненъ однимъ лишь несовершенствомъ земледѣльской техники и отсутствіемъ капитала. Земледѣльская техника, дѣйствительно, находилась тогда въ весьма плачевномъ состояніи; по мнѣнію Артура Юнга, въ ней съ X в. не произошло никакихъ измѣненій. Орудія обработки были самыя первобытныя; во многихъ мѣстахъ оставались еще при плугѣ Виргилія. О желѣзныхъ плугахъ не имѣли и понятія. Желѣзо вообще было не въ употребленіи; даже оси и обшивка колесъ дѣлались изъ дерева. Трехпольная система хозяйства была господствующею; изъ трехъ лѣтъ одинъ годъ поле оставалось подъ паромъ. Скота было мало, а потому земля удобрялась очень скудно и очень небрежно.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ обработки отъ нея нельзя было и ожидать большого дохода. Въ лучшемъ случаѣ, она давала не болѣе, какъ самъ-пять. Десятина хорошо воздѣланнаго поля приносила всего 18 четвериковъ зерна.

Однако, нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы въ концѣ XVII в. способы обработки земли и ея среднее плодородіе были болѣе удовлетворительны, чѣмъ въ концѣ XVIII в. Отчего-же тогда она приносила болѣе доходъ? Отчего-же тогда она обезпечивала существованіе цѣлой массы крупныхъ и мелкихъ феодаловъ, съ ихъ многочисленными семьями и еще болѣе многочисленною челядью? Отчего тогда земледѣліе не считалось занятіемъ безусловно убыточнымъ, земля не сдавалась въ аренду даромъ, поля не оставались безъ обработки?

Нѣтъ также основаній предполагать, чтобы во вторую поло-

вину XVIII в. земледѣліе привлекало меньшее количество капиталовъ, чѣмъ въ XVII в. Напротивъ, въ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи, большая часть дворянскихъ земель стремилась перейти въ руки маленькихъ деревенскихъ кулаковъ или крупныхъ городскихъ буржуа, купцовъ, банкировъ, лавочниковъ и адвокатовъ. Еще въ 1755 г. дворянство, по словамъ Токвиля, жалуется, что оно „разорено“ и что „третье сословіе“ прибираетъ къ своимъ рукамъ его собственность. А ужъ само собою понятно: кулаки-буржуа не за тѣмъ покупали дворянскія земли, чтобы реставрировать дворянскіе замки, разводить парки и сады и наслаждаться подъ ихъ тѣнью деревенскою природою. Они рассчитывали на легкую наживу. Земли продавались за безцѣнокъ, иногда даже, какъ мы видѣли, отдавались даромъ. Буржуа, почувствовавъ себя поимщикомъ, не скупился на деньги, а въ деньгахъ у него недостатка не было, и, однакожь, ему все-таки не удавалось реализовать самого даже скромнаго процента, допускаемаго комерческимъ предпріятіемъ *).

Почему-же это?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, стоитъ только взглянуть на тогдашній бюджетъ. Земля служила главнымъ источникомъ фискальныхъ доходовъ; она была загромождена палогамъ, бремя которыхъ втеченіи всего XIII в. изъ года въ годъ постоянно возрастало. Чѣмъ больше землевладѣлецъ производилъ, тѣмъ больше съ него брали, пока, наконецъ, не исчезла всякая пропорціональность между его доходами и суммою уплачиваемыхъ имъ налоговъ.

Въ 1715 г. ему приходилось оброчной и подушной подати

---

*) Таковъ былъ общій фактъ; но онъ допускалъ и исключенія. Рядомъ съ разоренными дворянскими и крестьянскими хозяйствами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинало возникать, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, хозяйство кулаковъ, — хозяйство не роскошное съ виду, но съ весьма солидными, прочными задатками. Среди крестьянъ-собственниковъ сталъ уже вырабатываться классъ скопидомовъ, сколачивавшихъ по грошамъ весьма приличные куши. Казна видимо начинала заигрывать съ капиталомъ. Въ 1766 г. былъ, напр., обнародованъ эдиктъ, которымъ постановлялось, что всякая заброшенная и пустопорожня земля, расчищенная и обработанная, освобождается на 15 лѣтъ отъ всякихъ фискальныхъ податей и повинностей. Разумѣется, это было на руку капиталистамъ. Они дѣятельно принялись за разчистку невоздѣланныхъ земель, и втеченіи 3-хъ лѣтъ, въ 28 департаментахъ Франціи, благодаря, главнымъ образомъ, ихъ усиліямъ, обращено было въ пахатныя поля 400,000 десятинъ.

выплачивать почти 66 мил. фр.; въ 1759 — съ него брали 93 миліона; а въ 1789 — 110 мил. Общая сумма налога возрасла съ 1757 г. по 1789 г. слишкомъ на 68%—съ 283,156,000 до 476,294,000.

Налогъ поглощалъ большую часть земледѣльческаго дохода, а иногда и весь доходъ. Въ Пикардіи, напр., ферма, приносившая собственнику доходъ въ 3,600 ливровъ, платила королю 1,800 ливровъ и 1,311 ливровъ десятиннаго налога, такъ-что изъ 3,600 ливровъ собственнику оставалось всего только 489 ливровъ. Въ Суасонѣ ферма, дающая ренты 4,500 ливровъ, несла налогу 2,200 ливровъ и платила 1,000 ливр. въ десятинный сборъ. Съ фермы средней величины, около Невера, казна беретъ ежегодно 138 ливровъ, церковь — 121 ливръ, собственнику-же остается всего 114 ливровъ. Въ Пуату хозяйство, приносившее доходу около 580 ливровъ, платило одному фиску 348 ливровъ. Въ Лимузенѣ, по словамъ Тюрго, одинъ король (не говоря о церкви) получалъ съ частныхъ земель больше, чѣмъ ихъ собственники. Въ Тюллѣ, напримѣръ, онъ взималъ 56¹/₂ % съ чистаго дохода.

Немудрено, что при такихъ наборахъ, несмотря на невѣроятную дешевизну рабочихъ рукъ, десятина пахотной земли приносила землевладѣльцу всего какихъ-нибудь 6 или 8 су (какъ, напр., въ упомянутой фермѣ въ Пуату). Но ихъ онъ не могъ считать своею собственностью: если онъ крестьянинъ, то онъ долженъ былъ выплачивать изъ нихъ еще оброкъ помѣщику; кромѣ этого изъ этихъ-же несчастныхъ 8 су ему нужно было покрыть множество другихъ обязательныхъ расходовъ, какъ-то покупку опредѣленнаго количества соли, взносъ на содержаніе милиціи и т. п.

Но казна, однако, не ограничивалась одною землей; она наложила свою руку и на трудъ; у кого не имѣлось ни земли, никакого дохода, съ того брали налогъ съ заработной платы. Въ Тулузенѣ, въ С.-Пьеръ-де-Бажурвилѣ, послѣдній поденьщикъ, зарабатывавшій въ день какихъ-нибудь 10 су, былъ обложенъ податью въ 8, 9 и 10 ливровъ. Въ Бургони официальными актами было удостовѣрено, что рабочіе, невладеющіе никакою собственностью, платили подушной подати — отъ 18 до 20 фр. Въ Лимузенѣ, по словамъ лиможскаго интенданта, весь зимній заработокъ каменщиковъ шелъ на уплату податей. Въ Парижѣ

каждый мусорщикъ, каждый тряпичникъ, каждый стекольщикъ, каждый вообще уличный продавецъ, если только онъ имѣлъ постоянную квартиру, обложенъ былъ подушнымъ сборомъ въ 3 ливра. Въ случаѣ его несостоятельности за него отвѣчала хозяйнѣ квартиры.

При малѣйшей медленности въ уплатѣ податей къ неисправному плательщику отряжался „синій человекъ“, экзекуціонный сыщикъ, обязанный оставаться въ его квартирѣ и жить на его счетъ до тѣхъ поръ, пока тѣмъ или другимъ способомъ не будетъ пополнена недоимка. Экзекуціонный сыщикъ — это былъ новый добавочный налогъ, почти обязательный для каждого плательщика. Если-бы плательщикъ вздумалъ уклониться отъ него, если-бы онъ, не доводя дѣло до полицейскаго поста, вносилъ свои налоги исправно и безъ задержки, то это въ глазахъ сборщиковъ послужило-бы несомнѣннымъ доказательствомъ его состоятельности, и на слѣдующій-же разъ они потребовали-бы съ него вдвое, втрое болѣе противъ прежней цифры. Только неисправный плательщикъ могъ быть увѣренъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ надѣяться, что сумма тяготеющихъ на немъ повинностей не будетъ увеличена произвольно. Поэтому каждый лучше соглашался прокормить нѣсколько дней экзекуціоннаго сыщика, чѣмъ внести подати въ срокъ.

Въ распредѣленіи податей господствовалъ невообразимый хаосъ. Все тутъ зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія сборщика; за всякій недочетъ онъ отвѣчалъ передъ казною и своимъ имуществомъ, и своею личностью. Въ виду такой отвѣтственности онъ, разумѣется, не могъ особенно деликатничать съ плательщиками: онъ бралъ съ каждого все, что только можно было взять, ни мало не стѣсняясь никакими оладами. Чуть онъ замѣтитъ, что такой-то обыватель завелся новою шапкою, что другой — пилъ вино или позволилъ себѣ за обѣдомъ какое-нибудь необыкновенное лакомство (вродѣ куска мяса), онъ сейчасъ является къ неосторожному человѣку и объявляетъ ему надбавку податей.

Несмотря, однакожъ, на всѣ старанія и хитрости сборщика, несмотря на всю неотвязчивую назойливость „синихъ людей“, несмотря на военные посты, разорительные аукціоны и т. п., безнедоимочный сборъ податей былъ дѣломъ почти небывалымъ и сборщику всегда приходилось или доплачивать изъ собственнаго

имущества, или идти въ тюрьму. Въ 1785 г., напр., въ одномъ округѣ Шампавъ 95 сборщиковъ были брошены въ тюрьму; ежегодно 200,000 человекъ предстоить та-же перспектива. „Обязанность сборщика, писалъ Тюрго, — невыносима; она доводитъ до отчаянія и неизбежно разоряетъ тѣхъ, на кого ее возлагаютъ“. А возлагали ее обыкновенно на наиболѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ. Если мужчинамъ какъ-нибудь удавалось уклониться отъ нея, то брали женщинъ и облакали ихъ въ званіе сборщиковъ. Это была едва-ли не одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, которую, однакожь, непремѣнно долженъ былъ отбывать въ извѣстные сроки каждый хоть что-нибудь имѣвшій деревенскій обыватель. Благодаря ей, читаемъ въ одномъ официальномъ отчетѣ, въ деревнѣ не можетъ долго просуществовать ни одна сколько-нибудь состоятельная семья; если не самые подати и налоги, то обязанность собирать ихъ должна привести ее къ окончательному разоренію и нищетѣ.

Очевидно, при подобной системѣ налоговъ, отнимавшихъ у производителя буквально весь продуктъ его труда до послѣдняго сантимъ *), при подобной системѣ сборовъ, рассчитанной на разореніе какъ сборщиковъ, такъ и плательщиковъ, о сколько-нибудь правильномъ хозяйствѣ не могло быть и рѣчи. Сколько-бы онъ ни работалъ, какою-бы бережливостью, какими-бы воздержаніемъ онъ ни отличался, онъ не могъ избѣгнуть нищеты. Чѣмъ больше онъ приобрѣталъ, чѣмъ больше онъ сберегалъ, тѣмъ больше съ него брали.

Такое безвыходное положеніе довело народъ до отчаянія и онъ вступилъ въ борьбу.

Х.

Онъ началъ эту борьбу гораздо раньше, чѣмъ начала ее буржуазія, и велъ ее съ несравненно большимъ упорствомъ и энергіею, чѣмъ послѣдняя.

---

*) Изъ каждыхъ 100 заработанныхъ франковъ земледѣлецъ долженъ былъ отдать королевскому сборщику болѣе 53 фр., помѣщику болѣе 14 фр. и столько-же въ церковный десятинный сборъ. Ему оставалось всего около 18 фр. Но изъ этихъ 18 фр. онъ долженъ былъ выплачивать заставные сборы, питейный и соляной налогъ и вносить известную подать въ приходскія кассы и на содержаніе милиціи.

Официальная и офиціозная исторія того времени, сосредоточивающая все свое вниманіе на внѣшней, такъ-сказать, декоративной сторонѣ народной жизни, интересующаяся лишь событіями, которыя имѣютъ мѣсто въ средѣ однихъ только высшихъ классовъ общества, — эта исторія сохранила очень мало обстоятельныхъ данныхъ объ этой народной борьбѣ, проходящей черезъ все XVIII столѣтіе и оставившей свои роковые слѣды почти во всѣхъ уголкахъ Франціи. Поэтому судить о ея силѣ и характерѣ мы можемъ только по тѣмъ отрывочнымъ и крайне неполнымъ свѣденіямъ, которыя случайно и безъ всякой системы заносились иногда въ интендантскіе отчеты, которыя тамъ и сямъ попадаются въ мемуарахъ, запискахъ и письмахъ того времени.

На основаніи этихъ отрывочныхъ свѣденій можно заключать, что борьба эта проявлялась, такъ-сказать, въ двухъ видахъ.

Во-первыхъ, въ видѣ постоянныхъ, мѣстныхъ вспышекъ или бунтовъ; во-вторыхъ, въ видѣ систематическаго, непрерывнаго, правильно организованнаго сопротивленія.

Мѣстные бунты происходили въ то время въ различныхъ частяхъ Франціи почти ежегодно; нерѣдко голодные и озлобленные крестьяне поднимались за-разъ въ нѣсколькихъ провинціяхъ, разгоняли королевскія войска, овладѣвали городами, грабили хлѣбные магазины, предавая огню и разрушенію все, что встрѣчалось на ихъ пути. Въ 1747 году д'Аржансонъ писалъ: „въ Тулузѣ происходятъ постоянныя и весьма значительныя народныя возмущенія изъ-за хлѣба. Въ Гюеннѣ не проходитъ ни одного рыночнаго дня безъ народнаго бунта“. Въ 1750 году около Беарна толпа крестьянъ отъ 6 до 7 тысячъ человекъ напала на хлѣбныхъ комисіонеровъ и сборщиковъ. Войска, вызванныя для ихъ защиты, едва-едва могли разсѣять ее, причѣмъ, разумѣется, было перебито и переранено множество народу. Въ 1752 г. вспыхнуло возмущеніе въ Руанѣ и его окрестностяхъ. Крестьяне заняли городокъ и держали его въ своей власти три дня. Всѣ общественныя магазины и хлѣбныя запасы были разграблены.

Въ томъ-же году возстали крестьяне въ Дофинѣ, въ Овернѣ и въ Арлѣ. Въ Овернѣ они овладѣли хлѣбными магазинами и распродали хлѣбъ по самымъ низкимъ цѣнамъ. Въ Арлѣ они съ оружіемъ въ рукахъ вошли въ городъ и осадили городскую ратушу, требуя себѣ хлѣба. Войска съ трудомъ могли усмирить бунтъ.

Въ Нормандіи народное возстаніе стало явленіемъ почти хроническимъ. Флоке говоритъ, что въ промежутокъ отъ 1725 и по 1768 годъ тамъ произошло девять весьма серьезныхъ возмущеній, и всѣ они были вызваны хлѣбнымъ вопросомъ *).

Тотъ-же роковой вопросъ поднималъ народъ въ 1770 году въ Реймсѣ, въ 1775 г. въ Дижонѣ, Версалѣ, Сен-Жерменѣ, Понтуазѣ и Парижѣ, въ 1782 г. въ Руазьѣ, въ 1785 г. въ Провансѣ, а въ 1788 и 89 годахъ опять въ Парижѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Разумѣется, всѣ эти бунты, какъ ни часто они повторялись и какъ они ни были значительны, не могли высвободить массу изъ подъ гнета давящей ее бѣдности и нищеты; они не улучшали, а только ухудшали ея положеніе. Правительство, несмотря на слабость своихъ военныхъ силъ, несмотря на полнѣйшую деморализацію войска, которое само нерѣдко переходило на сторону возставшихъ **), было все-таки несравненно сильнѣе беспорядочныхъ, плохо вооруженныхъ крестьянскихъ шаекъ; ему всегда удавалось во-время разсѣять и уничтожить ихъ. За подавленными бунтомъ слѣдовали казни, ссылки, военныя экзекуціи и новыя поборы, наносившіе послѣдній, окончательный ударъ и безъ того уже разоренному, расхищенному хозяйству.

Рядомъ съ этимъ лихорадочнымъ, бунтовскимъ протестомъ шелъ другой протестъ, болѣе систематическій, болѣе организованный и, быть можетъ даже, болѣе дѣйствительный.

Голодные крестьяне бросали свои развалившіяся хижины, свои бесплодныя, истощенныя поля и цѣлыми толпами перекочевывали съ мѣста на мѣсто, изъ деревни въ деревню, то скрываясь въ лѣсахъ,

*) Первое возмущеніе было въ 1725 г., затѣмъ въ 1737, въ 1739, въ 1752; съ 1764 года возмущенія повторялись ежегодно вплоть до 1769 г.

**) Вобланъ писалъ за нѣсколько лѣтъ до революціи, что „въ арміи начинали уже бродить новыя идеи. По рукамъ солдатъ ходили рукописныя листки, въ которыхъ рядомъ съ популярнымъ изложеніемъ новомодныхъ философскихъ теорій высказывались весьма смѣлыя сужденія о королѣ, о министрахъ, обсуждались разныя политическіе вопросы и указывалось на необходимость многихъ весьма радикальныхъ общественныхъ реформъ. Въ 1788 г. маршалъ Во, посланный для усмиренія возстанія въ Дофинѣ, писалъ министру: „на солдатъ рѣшительно нельзя надѣяться“. Черезъ 4 мѣсяца по открытіи Etats-généraux, 16,000 солдатъ оставили свои полки и, бродя вокругъ Парижа, самымъ дѣятельнымъ образомъ поддерживали и разжигали народныя волненія.

то выслѣживая добычу на большихъ и проселочныхъ дорогахъ; когда было можно, они не брезгали грабежомъ и разбоемъ; когда грабить было неподручно, они смиренно читались мирскимъ подаданіемъ. Болѣе смѣлые и предприимчивые изъ нихъ шли въ браконьеры и контрабандисты. Организовавшись въ стройныя шайки, прекрасно вооруженныя и дисциплинированныя, они вели постоянную, систематическую войну съ лѣсною и таможенною стражею. Побѣда почти всегда оставалась на ихъ сторонѣ, такъ-какъ за ними стоялъ весь народъ, все бѣдное, изнемогавшее подъ невыносимымъ гнетомъ таможенныхъ сборовъ населеніе Франціи. Оно видѣло въ нихъ своихъ защитниковъ и спасителей; и, дѣйствительно, только благодаря имъ, оно имѣло возможность удовлетворять хотя нѣкоторымъ изъ необходимѣйшихъ своихъ потребностей. Безъ нихъ ему пришлось-бы совсѣмъ отказаться отъ употребленія соли, вина, табаку, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже и одежды. Немудрено, что оно сдѣлало ихъ своими любимѣйшими героями и слагало о ихъ подвигахъ легенды, сохранившіяся въ народной памяти и до нашихъ дней *).

Нерѣдко предводители контрабандистовъ были въ то-же время и атаманами разбойничьихъ шаекъ. Въ этихъ случаяхъ къ нимъ примыкала обыкновенно масса нищихъ бродягъ, служившихъ имъ проводниками и развѣдчиками. Численность этихъ шаекъ, по вычисленію Мерсье, превышала 10,000 человекъ, тогда-какъ внутренняя объѣздная стража не доходила и до 4,000 (3,756 человекъ). Разбитые на мелкіе отряды, въ 100, въ 50 человекъ, и разсѣянные по всему королевству, они всегда съ большою ловкостью умѣли увернуться отъ объѣздчиковъ и избѣжать столкновенія съ высылаемыми противъ нихъ регулярными войсками. Иногда, впрочемъ, ихъ смѣлость доходила до того, что они сами вступали съ ними въ открытый бой и нерѣдко обращали ихъ въ бѣгство. Такъ, напр., упомянутый уже контрабандистъ-разбойникъ Мандринъ, побѣдоносно прошедшій пять провинцій, причемъ 27 городовъ гостепріимно открывали ворота передъ его шайкой (шайкой, состоявшей всего изъ 60 человекъ), навелъ такой страхъ

---

*) Такъ, напр., до сихъ поръ еще живетъ въ народной памяти легенда о знаменитомъ предводителѣ контрабандистовъ Мандринѣ.

на правительство, что оно, желая защитить отъ него Валенсію, устроило передъ городомъ укрѣпленный лагерь и выслало противъ него болѣе 2,000 войска. Но несмотря на свое численное превосходство, войско не могло его одолѣть, и только измѣна предала его въ руки власти.

Замѣчательно, что ни Мандринъ и никто вообще изъ извѣстныхъ разбойничьихъ предводителей того времени не трогали бѣдняковъ; напротивъ, они постоянно помогали имъ и защищали отъ притѣсненій „сильныхъ людей“. Но за то къ этимъ „сильнымъ людямъ“ они были безпощадны; деревенскіе кулаки, неуспѣвшіе еще разориться помѣщики, разбогатѣвшіе ростовщики, купцы, чиновники, — весь, однимъ словомъ, хоть сколько-нибудь зажиточный деревенскій людъ ни на минуту не могъ быть вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности и въ неприкосновенности своихъ кошельковъ. „Бродяги-разбойники, писалъ Летровъ въ 1779 году, — это самый страшный бичъ нашихъ деревень; это — настоящая непріятельская армія; разсѣявшись по всей территоріи, они живутъ-себѣ въ свое удовольствіе, налагая на жителей произвольныя контрибуціи... Они постоянно рыщутъ по деревнямъ, высматриваютъ всѣ входы и выходы, собираютъ свѣденія, кто гдѣ живетъ, сколько у кого денегъ. И горе тому, кто пользуется репутациею достаточнаго человѣка!.. А сколько грабежей на большихъ дорогахъ, сколько кражъ со взломою! Сколько убивается путешественниковъ, священниковъ, зажиточныхъ крестьянъ, сколько вдовъ они замучили, допытываясь узнать, гдѣ у нихъ спрятаны деньги!“

„За 25 лѣтъ до революціи, говоритъ Тэнъ, — сплошь и рядомъ случалось, что какая-нибудь шайка челоуѣкъ въ пятнадцать, двадцать являлась на ферму, преспокойно располагалась на почлегъ и, нагнавъ страху на фермеровъ, забирала все, что ей вздумается“.

Мѣстныя власти были совершенно безсильны защищать отъ этихъ хроническихъ набѣговъ мирныхъ обывателей, ввѣренныхъ ихъ попеченію; онѣ даже боялись преслѣдовать разбойниковъ.

Въ 1764 году изданъ былъ знаменитый ордонансъ „о бродягахъ и нищихъ“, предписывавшій задерживать всѣхъ, кто „втеченіи 6-ти мѣсяцевъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго занятія и не владѣетъ собственностью, могущею обезпечить его су-

ществованіе“, если только люди, „достойные довѣрія, не засвидѣтельствуютъ его добропорядочной жизни и нравственности“; каждый, временно неимѣющій занятій, невладѣющій собственностью и немогущій представить поручительства „людей, достойныхъ довѣрія“ (т. е. мѣстныхъ богачей или чиновниковъ) долженъ считаться бродягой. Бродягами-же признаются всѣ нищія. Задержаннаго бродягу ордонансъ повелѣваетъ немедленно отправлять въ каторжныя работы (на галеры) срокомъ на 3 года. Въ случаѣ рецидива—на 9 лѣтъ; въ случаѣ второго рецидива—въ каторжныя работы безъ срока. Для большихъ галеры замѣнены тюрьмою; для несовершеннолѣтнихъ—богадѣльнею.

Этотъ драконовскій законъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ массу арестовъ. Говорятъ, что за одинъ разъ было арестовано болѣе 50,000 нищихъ. Тюремы, арестантскіе дома, богадѣльни были переполнены, сажать уже было некуда, а между тѣмъ травля на нищихъ и бродягъ не уменьшалась; каждый день сотни оборванныхъ, голодныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей перегонялись съ этажа на этажъ до ближайшей тюрьмы. И такъ продолжалось до самой революціи. Въ Лангедокѣ въ 1787 г. число арестованныхъ втеченіи одной трети года доходило до 205 человекъ. Въ безансонской тюрьмѣ около того-же времени содержалось болѣе 300 бродягъ, въ реннской—500, въ С.-Дени—650 и т. д.

Законъ 1778 г. далъ новое развитіе ордонансу 1764 года; онъ предоставилъ объѣздчикамъ право арестовать не только бродягъ уличенныхъ, бродягъ дѣйствительныхъ, т. е. тѣхъ, которые подходили подъ условія, исчисленныя въ ордонансѣ, но и всѣхъ вообще подозрѣваемыхъ въ бродяжничествѣ, на чемъ-бы это подозрѣніе ни основывалось, хотя-бы даже на простомъ, голословномъ доносѣ.

Можно себѣ представить, въ какихъ страшныхъ, къ какимъ чудовищнымъ злоупотребленіямъ повело подобное распоряженіе!

„Человѣкъ самаго безупречнаго поведенія, писалъ въ 1785 г. ренскій интендантъ Бертранъ,—человѣкъ, котораго всего менѣе можно заподозрить въ бродяжничествѣ, не можетъ, однако, ручаться, что завтра-же его не запрутъ въ тюрьму, какъ бродягу; любой изъ объѣздчиковъ, которыхъ вообще очень легко подкупить и которые постоянно вводятся въ заблужденіе ложными

доносами, можетъ отнять у него свободу. Въ реннской тюрьмѣ я видѣлъ множество мужей, лишившихся, такимъ образомъ, свободы по одному голословному доносу своихъ женъ, и столько-же женъ, запертыхъ по доносу мужей; служанокъ, забеременѣвшихъ отъ своихъ господъ и обвиненныхъ ими потомъ въ бродяжничество; обольщенныхъ дѣвушекъ, привезенныхъ сюда по доносу ихъ обольстителей; дѣтей, оговоренныхъ отцами, и отцовъ, оговоренныхъ дѣтьми. И, однакожь, не существовало никакихъ уликъ, которыя могли-бы дать право заподозрить хоть одно изъ этихъ лицъ въ бродяжничество...“

Нечего говорить, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя мѣры на общество или, лучше сказать, на ту часть его, которая болѣе всего отъ нихъ страдала, т. е. на массу бѣдняковъ, „невладѣющихъ собственностью“ и немогущихъ представить за себя богатыхъ поручителей. Никто изъ нихъ не могъ быть теперь увѣренъ въ своей личной безопасности. Государство, вырывая изъ ихъ рта послѣдній кусокъ хлѣба, доводя ихъ до нищенства, объявило въ то-же время нищенство государственными преступленіемъ... Къ безотраднѣйшей перспективѣ голодной смерти, неотступно преслѣдовавшей бѣдняка, теперь прибавилась другая, не менѣе безотраднѣйшая перспектива—пожизненной каторжной работы... Или смерть, или каторга—другого исхода для бѣдняка не оставалось.

Каторга, однако, оказалась менѣе страшною, чѣмъ голодная смерть. Несмотря на всю рьяность сыщиковъ, нищенство и бродяжничество не только не уменьшались, а, напротивъ, изъ году въ годъ возрастали. „Наши города, говорить въ 1783 году бретанскій парламентъ,—переполнены нищими; повидимому, всѣ мѣры, принимаемыя къ прекращенію нищенства, только увеличиваютъ его“. „Большія дороги кишатъ опасными бродягами, людьми безъ пристанища“, пишетъ въ 1785 г. реннскій интендантъ.

Въ Аржентрѣ (въ Бретани) на 2,300 жителей, принадлежащихъ къ торговому и промышленному классамъ, насчитываютъ 500 ч. нищихъ; въ Денвилѣ (въ Артуа) изъ 130 семей—60 занесены въ списки лицъ, живущихъ на счетъ приходской благотворительности. Въ Сен-Патрисѣ болѣе $\frac{1}{4}$ населенія питается милостыней; въ Марбефѣ— $\frac{1}{5}$, въ Сен-Лоренѣ— $\frac{3}{4}$. Въ Болбойѣ (въ Лангедокѣ) у монастырскихъ дверей ежедневно толпится до

400 нищихъ, живущихъ монастырскимъ подаваніемъ. Въ Лионѣ въ 1787 г. на счетъ общественной благотворительности содержалось болѣе 30,000 рабочихъ. Въ Парижѣ на народонаселеніе въ 650,000 чел. (по цензу 1791 г.) нищихъ приходилось 118,784.

Въ такой-же пропорціи развито было нищенство и въ другихъ мѣстахъ. Бѣдность ссылали на галеры, а она все глубже и глубже проникала во всѣ поры соціального организма...

Это была та сказочная гидра, у которой чѣмъ больше отрубали головъ, тѣмъ больше и тѣмъ скорѣе онѣ выростали.

Травля на бродягъ и нищихъ легла на народъ новымъ тяжелымъ бременемъ. Приходы и общины должны были усилить сборы на содержаніе „своихъ бѣдныхъ“. а государство асигновало на этотъ предметъ болѣе миліона. Всѣ эти чрезвычайные расходы покрывались, конечно, исключительно на счетъ тѣхъ самихъ бѣдняковъ, ради и во имя которыхъ они предпринимались.

Чаша народныхъ бѣдствій переполнилась до краевъ; озлобленіе и недовольство съ каждымъ днемъ становятся сильнѣе и сильнѣе, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обостряются. Буржуазія и дворянство, несмотря на всѣ свои либеральныя теоріи, начинаютъ морщиться и тамъ и сямъ уже слышатся жалобы на мужицкую грубость и невѣжество. Въ 1788 г. Мерсье съ безпобойствомъ замѣчаетъ, что „въ послѣдніе годы въ народѣ, особенно между ремесленниками, начинается обнаруживаться явное неповиновеніе... Прежде, когда я входилъ въ типографію, мальчики снимали шапки; нынче-же они смотрятъ на васъ въ упоръ и только хихикають. Вы еще не успѣете порога переступить, какъ уже начинаютъ пересуживать васъ, и съ такимъ легкомысліемъ, точно будто вы ихъ товарищъ“.

Г-жа Виж-Лебронъ высказываетъ подобныя-же жалобы относительно крестьянъ окрестныхъ Парижу деревень. Во время своей поѣздки въ Роменвилъ, къ маршалу Сегюру, она съ прискорбіемъ замѣтила, что „они (т. е. крестьяне) не только не снимали передъ нею шапокъ, но даже смотрѣли на нее съ какимъ-то наглымъ безстыдствомъ; нѣкоторые до того забылись, что грозили ей толстыми дубинами“.

Въ провинціальной глуши обнаруживались тѣ-же самые симптомы приближающейся бури. Однако, высшіе классы, смотря на

провинцію изъ прекраснаго далека, относились къ нимъ гораздо равнодушнѣе, они даже какъ-будто не замѣчали ихъ. Они обманывались кажущейся пассивностью и неповоротливостью деревенскаго мужика. „Они (т. е. мужики), писалъ д'Аржансонъ, — не болѣе, какъ жалкіе рабы, вьючные скоты, впряженные въ ярмо, покорно идущіе, когда ихъ бьютъ; они ни о чемъ не заботятся и ничѣмъ не смущаются: имъ-бы только во-время поѣсть да поспать. Они не жалуются, — они даже не думаютъ жаловаться. Они смотрятъ на свои страданія какъ на неизбѣжное и вполне естественное зло, подобное граду или зимѣ“.

Однако, мы видимъ, что подъ этою грубою, ни для какихъ человѣческихъ страстей, повидимому, непроницаемою оболочкою скрывалась глубокая ненависть къ существующему порядку, — ненависть, постоянно дававшая себя чувствовать то въ мѣстныхъ бунтахъ, то въ партизанской войнѣ разбойничьихъ и контрабандистскихъ шаяекъ.

Къ одному только королю крестьяне относились во многихъ мѣстностяхъ съ искреннею вѣрою, почти полубожаніемъ. Но эта вѣра и это обожаніе были обращены не на живого, реальнаго человѣка (котораго крестьяне совсѣмъ не знали, даже по имени), а на какой-то фантастическій призракъ, неизмѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью. Призракъ этотъ думалъ именно такъ, какъ думали крестьяне, и желалъ всего того, чего они сами себѣ желали. Потому-то вѣра въ него не только не могла удержать ихъ отъ какихъ-нибудь противозаконныхъ дѣйствій, но, напротивъ, оправдывала даже эти дѣйствія передъ ихъ совѣстью. Когда имъ не хотѣлось платить налоговъ, они безъ труда увѣряли себя, что этого-же желаетъ и король. Прикрываясь, такимъ образомъ, королевскою волею и вполне убѣжденные въ своемъ правѣ, они прогоняли королевскихъ сборщиковъ и оказывали сопротивленіе королевскимъ войскамъ; при грабежѣ кассы сборщика кожевенныхъ пошлинъ въ Бриньоль они кричали, напр., „да здравствуетъ король!“ Въ Овернѣ, сожигая помѣщичьи замки, они пресерьезнѣйшимъ образомъ увѣряли своихъ добрыхъ и милостивыхъ господъ, что „сами они и рады-бы не жечь, да что дѣлать? Его величество король желаетъ этого; онъ имъ строго приказалъ выжечь всѣ дворянскія помѣстья, а они не могутъ ему не повиноваться!“

Въ Провансѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи, среди крестьянъ распространился слухъ, будто „лучшій изъ королей желаетъ, чтобы всѣ были равны, чтобы не было больше ни епископовъ, ни господъ, ни десятины, ни барщины, ни оброковъ, ни титуловъ, ни сословныхъ различій, чтобы было уничтожено монопольное право на охоту и рыбную ловлю... чтобы народъ избавленъ былъ отъ всѣхъ налоговъ и чтобы всѣ государственныя повинности возложены были на дворянство и духовенство...“

Очевидно, эти смѣлныя требованія выражали собою всѣ тайныя, задушевные желанія крестьянства. „Невѣжественный мужикъ“ стужмѣлъ ихъ формулировать въ сжатой, простой формѣ, и затѣмъ, убѣдивъ себя, будто самъ король желаетъ ихъ скорѣйшаго осуществленія, онъ съ криками: „да здравствуетъ король!“ поднялъ знамя бунта. Бунтъ вспыхнулъ въ сорока, пятидесяти мѣстахъ почти одновременно. Его, конечно, подавили... Но сущность факта отъ этого не измѣнилась; буржуазія и дворянство могли-бы надъ нимъ призадуматься. Онъ разбивалъ ихъ розовыя иллюзіи насчетъ непроходимой глупости мужика. Онъ наглядно показывалъ имъ, что „деревенщина“ очень хорошо знаетъ, чего она хочетъ, и что та „преданность королю“, на которую одни изъ нихъ возлагали столько надеждъ и которой другіе такъ безосновательно боялись, — что эта преданность никогда ни на минуту не заставитъ мужика забыть о своихъ реальныхъ нуждахъ и насущныхъ интересахъ.

Гроза приближалась.

П. Гр—оли.

(Окончаніе будетъ.)

ЛѢСНОЙ ДОМИКЪ.

(Изъ Мориса Гартмана.)

Поздней ночью, чрезъ лѣсъ шла дорога моя
И на домикъ набрелъ вдругъ нечаянно я.
Невидимкою онъ въ темной чащѣ стоитъ,
Мхомъ, травкою обросъ и плющемъ весь обвить.
Навѣваетъ онъ мнѣ грезъ былыхъ цѣлый рой,
Что такъ скорбно звучать въ моей пѣснѣ порой.
Въ дни весны золотой, когда молодъ я былъ,
Здѣсь я муки терпѣлъ,—счастье здѣсь находилъ.
Стигло счастье—и я больше мукъ не несу...
И глядитъ мертвецомъ этотъ домикъ въ лѣсу.
Глухо... Тихо... И лишь вдалекѣ воетъ звѣрь;—
Не пойти-ли узнать, кто живетъ здѣсь теперь?
Постучусь-ка... Но страхъ сжалъ невольно мнѣ грудь:
Что, какъ встрѣтить меня вдругъ чужой кто-нибудь
Въ уголкѣ дорогомъ?.. Лучше лечь на крыльцѣ;
Вотъ скользить лучъ луны у меня на лицѣ...
Много прожито мной тутъ безсонныхъ ночей,
Пусть еще ночь одну не сомкну я очей...
И встаетъ предо мной столько разныхъ картинъ
Дней отрадныхъ, былыхъ... Вижу образъ одинъ...
Вижу раны въ груди я у милой моей,
Ихъ нанесъ я тогда безсознательно ей...
Но изъ мрака звучить голосомъ мнѣ родной:
Мирно спи: я давно примирилась съ тобой!..“

Петръ Выковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЕОРІЯ МЕЧТАТЕЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ.

(„Исповѣдъ матери“, Е. Конради. С.-Петербургъ. Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93, 1876 г.)

Если-бы задача „Исповѣди“ г-жи Конради принадлежала къ числу заурядныхъ, мы, конечно, и говорить-бы не стали объ этой книгѣ. Но такъ-какъ въ этой книгѣ авторъ хочетъ дать намъ исповѣдъ матери новаго типа, много думавшей, страдавшей и любившей; такъ-какъ это должна быть исповѣдъ ошибокъ и пробныхъ попытокъ женщины, отдавшей всѣ свои силы воспитанію дѣтей; такъ-какъ въ этой исповѣди должно заключаться цѣлое повѣствованіе объ „искреннемъ и напряженномъ исканіи добра и истины“, — исповѣдъ, которую мать посвящаетъ не однимъ своимъ дѣтямъ, но и всѣмъ остальнымъ матерямъ; такъ-какъ, наконецъ, книга эта ужъ однимъ своимъ заглавіемъ можетъ привлечь къ себѣ массу читательницъ, — то о ней нельзя ограничиться однимъ краткимъ отзывомъ. Придавая задачѣ, принятой на себя г-жею Конради, общественное значеніе, мы прослѣдимъ эту книгу шагъ за шагомъ, по главамъ.

МАТЕРИНСТВО.

Г-жа Конради назначаетъ свою книгу, конечно, для обыкновенныхъ читателей и для массы матерей, у которой нѣтъ особенной привычки къ чтенію. Если это такъ, то не измѣняетъ-ли авторъ своей цѣли, сооружая первыми-же фразами между собой и простымъ читателемъ перегородку, которую не у всякаго достанетъ

силъ перескочить? Г-жа Конради одѣваетъ свои мысли въ парчевыя и до того изукрашенныя одежды, что за ихъ тяжелыми складками только съ большою натугою и напряженіемъ можно выискивать иногда, чего ищешь.

Первая глава начинается ab ovo, съ того времени, когда въ женщинѣ впервые сказалось чувство матери. Чувство это, конечно, сложное, неясное, но необыкновенно радостное, полное смутныхъ ожиданій, восторговъ и надеждъ. Несмотря на такую сложность, чувство это все-таки очень просто и, казалось, о немъ можно и говорить просто, а между тѣмъ г-жа Конради ставитъ между собою и другими матерями такой заборъ: „Помните-ли вы, читательница, ту пору, на порогѣ лучезарной, праздничной, полной собою юности и строгой возмужалости, когда вамъ впервые сказался великій законъ, толкающій человѣка искать дополненія и облагороженія личной своей жизни въ жизни для другихъ, — сказался не выкладкою голаго ума, не воспріятіемъ дисциплинированной совѣсти, а всею совокупностью вашего нравственного и физическаго существа? Помните-ли вы, словомъ, ту пору, когда вы впервые, въ опьяненіи стыдливой гордости и недовѣрчивой радости, сказали себѣ, что вскорѣ будете матерью? Помните-ли вы, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ, доходившимъ до мнительности, до ребячества, вы слѣдили за всѣмъ, что подтверждало ваше упованіе, какъ вы привѣтствовали самыя физическія страданія, придававшія новое вѣроятіе тому, чего вы такъ страстно желали, что осуществленіе желаемаго казалось вамъ какимъ-то неправдоподобнымъ чудомъ? Помните-ли вы, наконецъ, это торжество достовѣрности, этотъ безумно-радостный и цѣломудренно-сладострастный трепетъ, которымъ все существо ваше отозвалось на первыя слабыя трепетанья, говорившія вамъ такъ таинственно и такъ внятно о возникающей въ васъ новой жизни, тѣсно связанной съ вашею и, въ то-же время, отдѣльной отъ васъ?“ И это заборъ вовсе не слога. Тутъ вовсе даже и не желаніе говорить цвѣтисто и кудреватого; тутъ, просто, цѣлый порядокъ особеннаго мышленія. Вмѣсто того, чтобы думать реально, изъ непосредственнаго наблюденія надъ фактами, г-жа Конради думаетъ дедуктивно, идеально и не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ.

При простомъ мышленіи вмѣсто кудреватаго, осложненнаго изложенія, читательницѣ предложили-бы такую простую рѣчь: „Мнѣ

было 16 лѣтъ, когда я вышла замужъ. Я не знала ни жизни, ни людей, и изъ романовъ, которые читала, представляла ее свѣтлымъ праздникомъ и пріятной прогулкой въ померанцевой рошѣ подъ руку съ красивымъ, молодымъ, любимымъ человѣкомъ. Я не знала ни обязанностей жены, ни обязанностей матери, и когда почувствовала, что сдѣлаюсь скоро ею, передо мною открылся новый міръ мыслей, чувствъ, ожиданій и я увидѣла, что ничего не знаю". Вмѣсто такого фактическаго изложенія авторъ даетъ *идеи*. Онъ заставляетъ васъ дѣлать выводы изъ воспоминаній первыхъ годовъ замужества, дѣйствуетъ не на чувство, а на голову; заставляетъ васъ переживать прошлое не сердцемъ, а памятью, мыслями, а не ощущеніями; расшевеливаетъ въ васъ не васъ самихъ, а принуждаетъ пассивно подчиниться его авторскому мышленію.

Если-бы наше возраженіе касалось одного *слова*, мы, конечно, не стали-бы придавать большого значенія той или другой манерѣ выраженія. Но здѣсь вовсе не слогъ: передъ нами своеобразный строй души, особенный складъ ея, въ которомъ читается цѣлая исторія, и исторія не одного лица, а многихъ поколѣній. Идеализмъ, мечтательность и перевѣсъ формы надъ сущностью—только послѣдствіе этого мышленія, для котораго матеріаломъ служили не дѣйствительные простые факты жизни, какими они есть, а факты, изукрашенные разгоряченнымъ чувствомъ и возбужденной фантазіей. Передъ нами та односторонность, при которой головное мышленіе беретъ перевѣсъ надъ сердечнымъ и является непримиримая раздвоенность между чувствомъ и мыслью. Борьба этихъ взаимно исключającychъ крайностей чувствуется въ каждомъ словѣ г-жи Конради.

Еще двѣсти лѣтъ назадъ Беконъ указалъ на реальный способъ мышленія. Но гдѣ-же люди, думающіе реально? Гдѣ воспитаніе, которое приучало-бы насъ идти отъ простаго къ сложному, приучало-бы думать не головными фактами, не фактами выводовъ, а фактами той дѣйствительности, которая рано или поздно сламывается, наконецъ, почти каждаго изъ насъ и преимущественно женщинъ? Этого воспитанія нѣтъ и, испорченное идеальнымъ мышленіемъ смолоду, мы портишь и своихъ дѣтей.

Когда, послѣ разгрома идеализма и метафизики, Руссо для за-полненія пустоты выставилъ идеалъ естественнаго человѣка, онъ,

мечтатель и идеалистъ, ужь, конечно, не думалъ, что выставиеть въ сущности идеаль реальнаго, непосредственнаго, простаго мышленія. Простому человѣку, выросшему на лонѣ природы, на наблюденіяхъ простыхъ, дѣйствительныхъ фактовъ, гораздо лучше извѣстны его собственныя силы, чѣмъ тепличному, интеллектуальному, городскому человѣку, питающемуся больше головными фактами. Но урокъ Руссо пропалъ даромъ и его идеаль былъ понятъ не такъ. Городскіе мечтатели, вмѣсто того, чтобъ изъ словъ Руссо извлечь практической урокъ, только перенесли свою мечтательность изъ города въ деревню, замѣнивъ одну идеальность другою.

Мы очень жалѣемъ, что не г-жа Конради возбуждаетъ этотъ вопросъ, не она хочетъ предостеречь другихъ матерей, а, напротивъ, заставляетъ критику указывать на корень всѣхъ воспитательныхъ ошибокъ, создающихъ вмѣсто счастья несчаствіе.

„Исповѣдь матери“ — съ начала до конца исповѣдь идеалиста и мечтателя, человѣка, по преимуществу жившаго головными процессами, для котораго всякій фактъ переходилъ въ обобщеніе и затѣмъ заканчивался какимъ-нибудь выводомъ. „Материнство“ съ первой до послѣдней строчки есть собственно рядъ дедукцій, обобщеній, выводовъ, — однимъ словомъ, всякихъ логическихъ построеній, въ которыхъ непосредственный жизненный фактъ, сама живая жизнь, красивая или некрасивая, но, по крайней мѣрѣ, такая, какою ее видитъ глазъ, слышитъ ухо и чувствуетъ сердце, совершенно не видны. Вмѣсто освѣжающей непосредственности, потому только и убѣдительною, что она бьетъ прямо въ глаза, вамъ даютъ сухія, голыя идеи, мысли, отвлеченія, заставляющія васъ работать, не окупая этого труда какимъ-нибудь осязательнымъ выводомъ.

Только потому, что авторъ не покидаетъ ни на минуту своей головной области, что вы никогда не видите въ немъ человѣка, думающаго реально, вамъ приходится испытывать трудность погони за нимъ въ сухой, бесплодной области головныхъ построеній и логическихъ фактовъ. Но головной писатель развѣ можетъ быть другимъ? Превративъ свои мысли въ идеи, сердечныя движенія въ мысли, а память сердца въ память головы, онъ, конечно, и не могъ поступить иначе. Ему только и приходилось, что писать головой, а не какъ Бёрне, сокомъ своихъ нервовъ и кровью своего сердца. Вы чувствуете себя чуждымъ автору только потому,

что вашего чувства не расшевеливаетъ ни одно его слово, точно у него нѣтъ никакихъ чувствъ и точно жить—значить только думать. Неисправимая привычка подавлять факты сердца головными выводами, а украшенія чувства замѣнять украшениями мысли, причиною того, что авторъ, обвиняющій другихъ въ резонерствѣ, самъ съ первой до послѣдней страницы первой главы резонерствуетъ нескончаемо. Во всей главѣ въ двадцать шесть страницъ мы нашли только одно живое мѣсто, въ которомъ выказалась женщина и мать. Тутъ, очевидно, говорилось не пережитое, оставившее залечившійся, сухой слѣдъ въ памяти, а живое чувство, которое до сихъ поръ бьется и дрожитъ живой любовью. Такъ-какъ это мѣсто очень коротко, то его мы выпишемъ вполнѣ. Авторъ говоритъ объ энергіи матери, просыпающейся внезапно, когда заболѣлъ ее ребенокъ, и о тѣхъ желѣзныхъ нервахъ, которые являются вдругъ Богъ знаетъ откуда. Тайна этихъ желѣзныхъ нервовъ въ любящемъ чувствѣ матери, которое готово бороться даже съ судьбой, лишь-бы отстоять жизнь своего дѣтища. „Вы бросили перчатку судьбѣ, вы сказали ей: „помѣряемся! я тебѣ своего безъ борьбы не отдамъ“, пишетъ г. Конради. — Она стоитъ передъ вами, эта грозная судьба, будто олицетворенная, живая; вы смѣрили ее великую силу, но смѣрили и ту силу, которую сами внесете въ борьбу; вы знаете, что эта сила будетъ велика, такъ-же велика, какъ и любовь, которая толкаетъ васъ на борьбу. Какъ-же вамъ послѣ этого робѣть, теряться или сомнѣваться въ исходѣ?“ И затѣмъ авторъ опять обращается къ своимъ головнымъ выводамъ, къ переживанію своего прошлаго въ холодныхъ выводахъ голой разсудочности и памяти головы. Головные украшения, которыя сообщаетъ авторъ своимъ мыслямъ, дѣлаютъ ихъ еще холоднѣе, еще менѣе понятными и еще менѣе реальными. Передъ вами точно какая-то равнина, безконечно однообразная, въ которой не встрѣчается ни одной выпуклости, точно вы путешествуете по блестящему паркету, поглощенные больше всего желаніемъ увидѣть въ немъ свое изображеніе. Важное и неважное, все какъ-то выглажено и сравнено, и общее впечатлѣніе, которое вы выносите изъ первой главы, напоминаетъ вамъ журчаніе свѣтлаго, льющагося ручейка, журчаніе необыкновенно однообразное, неоставляющее въ васъ никакого опредѣленнаго и точнаго представленія. Мы позволяемъ себѣ думать, что и головной элементъ,

который въ „Материнствѣ“ беретъ такой перевѣсъ надъ сердечной стороною, тоже не особенно силенъ. И это происходитъ оттого, что отсутствіе энергіи чувства повліяло на ослабленіе энергіи мысли. Мысль плодится и раскидывается въ мелочахъ, повторяется и варьируется, но стройной, логической идеи, вытекающей сама изъ себя, гдѣ каждая мысль на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего ненужнаго, а все въ должной мѣрѣ и оставляетъ въ читателѣ законченное, ясное и вполне сформировавшееся понятіе, вы не находите. Такимъ образомъ, рядомъ съ невыдержанной логикой чувства вы встрѣчаете невыдержанную логику мысли, и то, и другое, взятое вмѣстѣ, оставляетъ въ васъ впечатлѣніе неудовлетворенности и недоумѣнія.

Есть мѣста, когда въ недоконченную мысль, точно какии-то клиномъ, входитъ рядъ новыхъ умственныхъ фактовъ, вовсе невытекающихъ изъ предыдущаго, точно или авторъ позабылъ свою первую мысль, или онъ не могъ ее продолжать, или-же потерялъ ее, работая въ слишкомъ продолжительные промежутки времени. Такой вставкой, несвязанной никакимъ логическимъ мостикомъ съ предыдущимъ, мы нашли вставку о дѣвушкахъ и матеряхъ, которыя въ первой молодости обнаруживаютъ энергическія порыванія и стремленія къ чему-то возвышенному, идеальному, и затѣмъ оказываются самими заурядными, будничными, мелкими, филистерскими натурами. Эта вклейка едва-ли находится въ логической связи съ вопросомъ о материнствѣ, которому посвящена вся глава, и едва-ли служить къ поясненію ошибокъ матери, писавшей свои исповѣди. Если это относится къ исповѣди, то, конечно, къ исповѣди какой-нибудь другой матери, а не той, которая обѣщала раскрыть намъ свои ошибки. Подобная логическая невыдержанность могла произойти, конечно, только оттого, что авторъ былъ недостаточно строгъ къ себѣ и отдавался излишнему многомыслию, вмѣсто того, чтобы строго держать себя въ предѣлахъ, которые онъ отмежевалъ себѣ заглавіемъ книги.

Прочитавъ заглавіе книги и заглавіе первой главы, мы думали, что авторъ будетъ говорить о себѣ и о своемъ материнствѣ, но оказалось, что онъ говоритъ обо всемъ, кромѣ того, что обѣщала. Если-бы, воздержавшись отъ идей, выводовъ и обобщеній, вообще очень томительныхъ, г-жа Конради дала дѣйствительную исповѣдь, если-бы она шагъ-за-шагомъ выслѣдила, какъ

росло и зрѣло въ ней материнское чувство, какъ оно изъ физическаго отношенія къ ребенку выросло въ нравственное, умственное, социальное, гражданское, то каждая мать, прочитавшая исповѣдь г-жи Конради, кромѣ реальнаго, нагляднаго содержанія, нашла-бы и практической поучительный урокъ. Теперь-же г-жа Конради даетъ не исповѣдь своей материнской души, а исповѣдь головы.

Авторъ книги можетъ возразить, что ему понадобились вѣщныя и теорія, чтобы указать на ошибки другихъ матерей. Но развѣ вы сами этихъ ошибокъ избѣгли, развѣ возможно освободиться матери отъ тѣхъ инстинктивныхъ чувствъ, которыя вы зовете животными? Когда заболѣлъ вашъ сынъ и когда вы вызывали на бой судьбу, развѣ въ васъ не говорилъ исключительно инстинктъ? Когда вашему сыну было 2, 3, 4 года, то вы, кормя его манной кашей, развѣ проникались социальными, общественными и политическими воспитательными идеями? Тѣ матери-ремесленницы, о которыхъ вы говорите, не больше, какъ ступенька, на которой стоитъ всякая мать, — вѣроятно, стояли и вы, когда дѣти ваши были не болѣе, какъ двигающееся мясо. Но вы не остановились на этой ступенькѣ: вы пошли дальше. Какимъ образомъ вы шли? Какъ свой умственный и душевный ростъ вы прививали къ своимъ дѣтямъ? А въ васъ этотъ ростъ совершался несомнѣнно. Можетъ быть, не легко вамъ досталось пережить тотъ рядъ чувствъ, которымъ вы дошли до афоризма: „Я люблю свою семью больше себя, а отечество больше семьи“. Кстати замѣтимъ, что этотъ афоризмъ принадлежитъ не древнимъ, какъ говоритъ г-жа Конради, а Фенелону. Г-жа Конради, взявъ только первую половину афоризма, приставляетъ отъ себя конецъ, который есть и у Фенелона. Итакъ, пройдя цѣлый циклъ развитія, г-жа Конради приходитъ къ установленію руководящаго принципа поведения и, слѣдовательно, воспитанія, формулу котораго далъ еще въ XVII столѣтіи Фенелонъ. Вѣрная себѣ въ томъ, чтобы при изложеніи исповѣди не говорить о себѣ, г-жа Конради, спрятавъ собственную душу, приходитъ въ концѣ главы къ такому выводу: „Наше время не вправѣ выбрасывать за бортъ тѣ два понятія, которыя составляютъ его великое пріобрѣтеніе: понятіе о человечествѣ, съ одной стороны, и о правахъ личности, съ другой. Но, во всякомъ случаѣ, задача будущаго сознанія въ томъ, чтобы

внести гармонію тудя, гдѣ теперь видятъ антагонизмъ, и научить человѣка въ дѣтяхъ любить отечество, въ отечествѣ любить часть общечеловѣческой семьи, а любви къ самому себѣ находить высшее и лучшее удовлетвореніе въ этомъ постепенномъ и безконечномъ расширеніи своихъ симпатій“. Но какъ-же вложить въ дѣтей этотъ общественный пошибъ и безконечное расширеніе симпатій?

Кого воспитывать?

И вторая глава тоже теорія, а не исповѣдь. Г-жа Конради начинаеть критикой и исторіей вопроса и рассказываетъ объ одной помѣщицѣ, которая распорядилась будущностью своихъ дѣтей слѣдующимъ образомъ: девятилѣтняго сына она прочла въ генераль-губернаторы Финляндіи; второй сынъ долженъ былъ сдѣлаться епископомъ; старшая дочь предназначалась въ монахини; младшая въ графини, а средняя куда-то еще выше. Это время г-жа Конради называетъ временемъ безумія. Но вотъ раздалось разумное слово Пирогова—и всѣ поняли, что задача воспитанія не въ томъ, чтобы воспитывать чиновниковъ, купцовъ, офицеровъ, ученыхъ, а въ томъ, чтобы воспитывать человѣка. Признавая въ этомъ новомъ возрѣніи прогрессъ мысли, г-жа Конради подвергаетъ вопросъ критическому разсмотрѣнію и спрашиваетъ: „что такое этотъ человѣкъ, котораго мы хотимъ воспитывать въ своихъ дѣтяхъ? Развѣ прежде не воспитывали людей?“ „Нѣтъ, говоритъ г-жа Конради.—Получалось нѣчто другое, крайне низменное по своимъ идеаламъ и наивное по неразборчивости на средства. Если же считать человѣкомъ только полное гармоническое развитіе всѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ способностей, то какія мы имѣемъ средства, чтобы распознать этотъ естественный, высшій предѣлъ развитія?“ И г-жа Конради пытается доказать невозможность достиженія такой цѣли.

Предположимъ, что, признавъ важность физическаго здоровья, вы наляжете на гимнастику и станете кормить своего сына бифштексами. Что-же получится, если вы какъ-нибудь незамѣтно хватите черезъ край? Получится перевѣсъ мускуловъ надъ нервами и образчикъ животнаго типа, который вы, можетъ быть, создать не хотѣли.

Затѣмъ г-жа Конради предполагаетъ, что вы сосредоточиваете свое усиліе преимущественно на воспитаніи ума и создали въ ребенкѣ свѣтлый, критическій и даже оригинальный умъ. Но будетъ-ли это человѣкъ? Не зачерствите-ли вы головнымъ развитіемъ чувства и не создадите-ли вы человѣка, для котораго многія стороны жизни останутся непонятными? Испугавшись этой недодѣланности, вы начинаете развивать воображеніе и чувство. Но какъ найти предѣлы, чтобы воображеніе не разрослось въ фантазерство, а чувство въ сантиментальность? Гдѣ середина? Середины этой нѣтъ, говоритъ г-жа Конради. Точно такъ-же она не считаетъ возможнымъ примирить воспитаніе „хорошаго“ человѣка съ „счастливымъ“. Она, напротивъ, думаетъ, что чѣмъ успѣшнѣе выработаемъ мы въ человѣкѣ все то, что составляетъ достоинство, силу и красоту нравственной личности, тѣмъ больше мы уменьшимъ вѣроятіе такого счастья, чтобы человѣческая душа полной мѣрой получила все, чего она желаетъ. Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать и какой выходъ? И г-жа Конради снова приходитъ къ заключенію, которое сдѣлала въ первой главѣ, и цѣлью развитія силъ ставитъ возможно большую общественную производительность. Если мать будетъ смотрѣть на различныя силы и способности своего ребенка, какъ на средство къ достиженію этой цѣли, то у нея въ рукахъ будетъ путеводная нить, у ней будетъ вѣрное мѣрило, чтобы правильно развивать всѣ способности своего ребенка.

Но развѣ это исповѣдь, развѣ это не теорія, ничего неразрѣшающая практически, да, пожалуй, и теоретически? Г-жа Конради думаетъ, что если цѣлью воспитанія будетъ возможное развитіе силъ для общественной производительности, то, во-первыхъ, и матери не стануть метаться изъ стороны въ сторону, а, во-вторыхъ, и воспитанныя ими дѣти не стануть слишкомъ заботиться о своемъ личномъ благополучіи. Есть въ этой мысли и правда, но есть ошибка и противорѣчіе. Г-жа Конради считаетъ невозможнымъ соединить хорошаго человѣка съ счастливымъ. Но не потому-ли она не можетъ соединить этихъ качествъ, что смотритъ на счастье нѣсколько съ женской точки зрѣнія? Тутъ мы опять имѣемъ дѣло съ тѣмъ злополучнымъ идеализмомъ, который одинъ и причиною, что каждая женщина, по выраженію Гейне, носится съ своимъ разбитымъ сердцемъ. Г-жа Конради, какъ ка-

жестя, смѣшивають понятія о счастьї съ понятіємъ о наслажденіи и полагають, что счастье заключается только въ томъ, чтобы душа могла получать полною мѣрою, что ей нужно. Нѣтъ, такая роскошь не есть счастье. Не теорія счастья манитъ воображеніе къ подобнымъ удовлетвореніямъ, а теорія эпикуреизма и наслажденія.

Теорія наслажденія есть именно теорія мечтательности и тепличныхъ требованій, въ которыхъ росли и развивались преимущественно женщины. Для нихъ счастье являлось чѣмъ-то захватывающимъ всю душу, являлось наслажденіемъ, въ которомъ онѣ захлебывались отъ восторговъ любви, заставлявшихъ дрожать каждую фибру ихъ нервовъ и затуманившихъ ихъ до опьяненія. Излишнее развитіе чувства и чтеніе романовъ идеалистовъ старой школы, какъ, наприимѣръ, Тургенева, особенно помогало подобной мечтательности и развитію личнаго эгоизма. Личная любовь, въ томъ видѣ, какъ ее рисовалъ Тургеневъ, есть именно несчастье, хотя она въ то-же время несомнѣнное наслажденіе. Недавній моментъ того женскаго броженія, при которомъ женщины такъ усердно и старательно мѣняли свои идеалы личнаго счастья, привелъ лишь къ тому, что въ Россіи расплодился цѣлая масса разбитыхъ женскихъ сердець и вмѣсто счастья явилось одно горькое разочарованіе да утраченныя нравственныя и физическія силы. Женщины болѣе сильнаго нравственнаго сложенія, послѣ своихъ неудачныхъ попытокъ въ погонѣ за счастьемъ, перемѣнили свои идеалы и сдѣлались счастливыми, а тѣ, которымъ это не удалось, мыкаются до сихъ поръ и промываются до конца. Все это только оттого, что понятіе о счастьи и наслажденіи мы спутываемъ вмѣстѣ и думаемъ, что быть счастливымъ — значитъ наслаждаться. И г-жа Конради думаетъ точно такъ-же.

Но выставивъ воспитательной задачей служеніе другимъ, служеніе семьѣ, отечеству и всему роду человѣческому, можетъ-ли г-жа Конради требовать, чтобы такая трудная работа была нескончаемымъ рядомъ тѣхъ наслажденій, о которыхъ мечтали люди личнаго счастья? Какое наслажденіе въ томъ, что вы будете вѣчно жертвовать собою и свой лучшей кусокъ уступать ближнему? Наслажденія вамъ никакого не достанется, а счастливы вы будете. И странная вещь, — чѣмъ чловѣкъ, служащій другимъ, оставляетъ себѣ меньше, чѣмъ личное наслажденіе его ограни-

ченнѣ, тѣмъ онъ чувствуетъ себя болѣе независимымъ, гордымъ и счастливымъ. Счастіе не можетъ быть цѣлью. Оно лежитъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Если тотъ гармоническій человѣкъ, котораго вы хотите создать изъ сліянія ума и чувства, идетъ чрезъ любовь семьи и отечества къ любви цѣлаго человѣческаго рода, то счастіе онъ соберетъ по пути въ каждомъ сознаніи своей совѣсти, что онъ не уклонился отъ своего идеала. И чѣмъ больше онъ принесетъ жертвъ, чѣмъ больше труда онъ положитъ, тѣмъ больше по пути своей жизни онъ наберетъ кусочковъ счастья.

Счастіе-же наслажденія, къ которому обыкновенно стремятся женщины, ищущія полнаго удовлетворенія въ любви, создаетъ совершенно иной путь. Любовь до сихъ поръ еще никого не удовлетворяла и меньше всего тѣхъ, кто искалъ въ ней счастья. Напротивъ, она создавала цѣлый рядъ неудовлетвореній, попытокъ и пробъ, обманутыхъ надеждъ, неудовлетворенныхъ ожиданій, разбитыхъ иллюзій, которыя кончались полнымъ разочарованіемъ, безвѣріемъ въ человѣка и даже ненавистью къ нему. Такой путь въ концѣ оказывался всегда пустыннымъ и одинокимъ и угонялъ женщину или въ черствую личную замкнутость, или въ набожность, или во что-нибудь еще хуже, что окончательно черстило душу и выдѣляло человѣка изъ людей. А въ-концѣ-концовъ видѣлся только рядъ ошибокъ, да рядъ несчастій, да рядъ разочарованій, которыя оставляли горечь или вызывали слово проклятія на бесплодно прожитую и обманувшую жизнь. Но кто-же тутъ виновать?

И всякое стремленіе къ такъ-называемому личному счастью, будетъ-ли нашимъ кумиромъ собственное я, требующее, чтобы весь міръ служилъ ему, или-же любовь къ дѣтямъ, гдѣ мать любитъ себя въ наслажденіи дѣтьми, въ-концѣ-концовъ есть непрерывный рядъ свѣтлыхъ точекъ и потемокъ, мелкихъ личныхъ наслажденій и огорченій, вѣчное неудовлетвореніе и недовольство, кончающееся безвѣріемъ и нравственною разбитостью.

Между тѣмъ г-жа Конради была близка къ истинѣ, но только ей не удалось формулировать ее точнѣе. Г-жа Конради желаетъ, чтобы цѣлью человѣческаго поведенія, а слѣдовательно и воспитанія, было такое приспособленіе къ обществу, чтобы каждый былъ возможно большимъ производителемъ общественныхъ благъ, служителемъ свѣта, добра и справедливости. Положимъ, что мы въ

точности знаемъ, что такое свѣтъ, общественное добро и справедливость, и даже владѣемъ рецептомъ для созданія такого чело-вѣка. Конечно, это будетъ чело-вѣкъ вполне хорошій, совѣтъ котораго не будетъ противорѣчить его идеалу. А если онъ будетъ проникнуть сознаниемъ, что служить общему дѣлу безъ уступки и поблажки себѣ, то почему-же онъ будетъ чувствовать себя несчастнымъ? Очень можетъ быть, что его матеріальныя средства не будутъ такими, какія у другихъ; но такъ-какъ это чело-вѣкъ, конечно, твердыхъ убѣжденій и установившихся понятій, то, безъ сомнѣнія, онъ будетъ считать свое счастье въ нравственномъ, а не въ физическомъ довольствѣ. Мы-бы могли привести въ примѣръ нѣкоторыхъ изъ русскихъ людей, которые переносятъ очень сильныя матеріальныя лишеныя, судьба съ ними шутитъ очень плохія шутки, а между тѣмъ они довольны и счастливы и не промѣняютъ своей горькой матеріальной доли ни на какое другое положеніе. Ясно, что „хорошій чело-вѣкъ“ въ томъ смыслѣ, какъ опредѣляетъ г-жа Конради, будетъ непременно и „счастливый“ чело-вѣкъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что если-бы подобный чело-вѣкъ, гоняясь за личнымъ счастьемъ, хотѣлъ-бы искать семейнаго наслажденія, но судьба послала-бы ему и дурную жену, и дурныхъ дѣтей, счастье его отравлялось-бы домашними непріятностями. Но мы думаемъ, что и несчастье досталось-бы не на его долю, а на долю его жены. Извѣстно, что общественные дѣятели, большею частью, недостаточно внимательные мужья, плохіе семьянины и еще болѣе плохіе воспитатели своихъ дѣтей. А это происходитъ оттого, что для нихъ жена и дѣти являются не первымъ, а вторымъ вопросомъ. Какъ приносятъ они въ жертву обществу себя, такъ хотѣли-бы принести ему въ жертву и свое семейство. Жены такихъ людей рѣдко бываютъ подобнаго-же развитія. Гоняясь за личнымъ счастьемъ, онѣ требуютъ отъ мужа - дѣятеля такихъ жертвъ, которыхъ онѣ принести не можетъ, и потому чувствуютъ себя несчастными.

Это противорѣчіе мы считаемъ гораздо труднѣе согласимымъ, чѣмъ то, которое усматриваетъ г-жа Конради, ибо въ немъ лежитъ начало столкновенія лица съ обществомъ и примиреніе противорѣчивыхъ интересовъ.

Впрочемъ, г-жа Конради не отступаетъ и отъ разрѣшенія этого вопроса. Посмотримъ, какъ она его разрѣшаетъ.

Личность.

Главу эту г-жа Конради писала подъ вліяніемъ идей Миля. Миль находитъ, что теперешній человѣкъ затирается слишкомъ массою, что онъ лишился своеобразности, оригинальности, что всякая оригинальность даже преслѣдуется, и общество образуетъ собирательную посредственность, въ которой своеобразная личность становится исключеніемъ и вслѣдъ хотеть быть, какъ всѣ.

Миль разсуждаетъ, какъ политическій мыслитель, и то, что онъ говоритъ о собирательной посредственности, принадлежитъ не ему одному. Гейне тоже очень энергично возставалъ противъ того, что всѣ стараются надѣть одинаковое сѣрое пальто. За этотъ аристократизмъ Гейне очень досталось отъ Бёрне и въ то-же время они оба были правы. Вопросъ этотъ очень хитрый и сложный. Тутъ вопросъ о томъ, кто легче ошибается—общество или лицо. Лицо можетъ очень искренно любить человѣчество, желать ему блага, дѣйствовать во имя блага, и все-таки оно сдѣлаетъ больше зла, чѣмъ добра. Наполеонъ I и Наполеонъ III искренно желали блага Франціи и желали соединить свое личное счастье съ общимъ счастьемъ, но развѣ они достигли того и другого? Кто могъ быть въ этомъ случаѣ судьей общаго счастья? Ужь, конечно, не лицо. Но развѣ можно обвинить Наполеоновъ, развѣ можно отрицать ихъ искренность, развѣ Наполеонъ I дѣйствовалъ не по глубокому убѣжденію, что для успокоенія расколыхавшейся Франціи нужна желѣзная воля, въ которой-бы примирялись единоличные произволы? Можетъ быть, для Франціи было-бы лучше, если-бы масса ограничила Наполеоновъ. Но предположимъ, что масса ограничила-бы Вашингтона, Кромвеля или Петра Великаго. Развѣ для Америки, для Англїи, для Россїи это было-бы лучше? Ужь, конечно, нѣтъ.

Вопросъ о благѣ—очень хитрый вопросъ, и на практикѣ, особенно въ воспитанїи, разрѣшить его вовсе не такъ легко. Чтобы помочь разрѣшенію, г-жа Конради выставляетъ еще новаго агента и даетъ ему названіе нравственнаго чувства. Но увы, дѣло воспитанїя отъ этого еще болѣе осложняется, а обыкновенные родители, которымъ посвящена исповѣдь, конечно, почувствуютъ себя окончателно въ неисходномъ лѣсу. А въ то-же время, по словамъ г-жи Конради, дѣло такъ просто и легко. По ея словамъ,

„достаточно въ наше представленіе о личности ввести элементъ нравственнаго развитія, т. е. выработку понятій объ отношеніи человѣка къ окружающимъ съ точки зрѣнія блага послѣднихъ и воспитаніе чувствъ въ направленіи этого блага; достаточно поставить такую выработку и такое воспитаніе завершающимъ моментомъ всего развитія личности, начalomъ, связующимъ и направляющимъ къ сознательному добру всѣ человѣческія силы и способности, и всѣ противорѣчія примирятся“. Ужь будто-бы! Разрѣшите сначала, что такое добро, что такое зло, и что значить сознательное добро. Гдѣ граница, когда человѣкъ долженъ отказаться отъ своего я и дѣйствовать для я чужого? Если всѣ изъ вѣжливости не станутъ ѣсть хлѣбъ и уступать его своимъ сосѣдямъ, кто-же станетъ его ѣсть? А если каждый станетъ отнимать кусокъ у своего сосѣда, то когда-же кончится общая вражда? Примирить все это можетъ, по словамъ г-жи Конради, только нравственное чувство.

Мы читали о нравственномъ чувствѣ и еще одну статью, тоже женщины-писательницы, и не скроемъ, что формула эта для насъ осталась непонятной. Одна доброта еще не составляетъ всего содержимаго нравственнаго чувства: въ него входитъ множество составныхъ элементовъ, безъ которыхъ съ добротой можно больше накуралесить, чѣмъ надѣлать добра. Г-жа Конради требуетъ поэтому, чтобы въ каждомъ была значительная доля критической способности, умѣнье проникать въ сущность житейскихъ отношеній, умѣнье опредѣлять общее послѣдствіе своихъ дѣйствій, умѣнье ориентироваться на перепутьи между побужденіями эгоизма и соображеніями общаго блага или хотя-бы между совѣтами близорукаго доброжелательства, дорожащаго крупницею ближайшей пользы, и того доброжелательства, которое не теряетъ изъ виду болѣе широкій идеаль. Нужна, наконецъ, энергія, какъ въ починѣ мысли и дѣла, направленныхъ къ благу другихъ, такъ и въ неутомимомъ служеніи разъ выработанной мысли и разъ начатому дѣлу. Вы думаете, можетъ быть, что это-то и есть нравственное чувство? Нѣтъ, это только доброта. Нравственное чувство есть нѣчто, „побуждающее человѣка употреблять свои силы и способности на пользу другихъ и изыскивать къ тому средства; оно выводитъ его дѣятельность изъ стихійнаго безразличія, удесатеряетъ цѣну личности, какъ члена общества, ставя вмѣсто случайно осущ-

ствляемыхъ результатовъ—цѣлесообразно направленную производительность, которая достигаетъ тѣхъ-же результатовъ быстрее, полнѣе и лучше“. Мы думаемъ, что въ этомъ расплывающемся опредѣленіи нравственнаго чувства и доброты включено столько осложнений, что для осуществленія ихъ нужны геніальныя силы. Мы думаемъ, что не только обыкновенныя, но и необыкновенныя матери стануть въ тупикъ передъ требованіемъ развить въ дѣтяхъ безошибающуюся и провидящую проницательность, безъ которой человекъ перестаетъ быть человекомъ, потому что въ немъ нѣтъ нравственнаго чувства. Ну какъ такія идеальныя и мечтательныя требованія предъявлять обыкновеннымъ, простымъ людямъ? Ясно, что они махнутъ рукой и откажутся отъ всякаго воспитанія дѣтей.

Но мы-бы предложили г-жѣ Конради и еще одинъ вопросъ. Мы беремъ ребенка, отъ природы очень добраго, кроткаго, способнаго на уступки, охотно отдающаго свое другому. Такія дѣти вовсе не такъ рѣдки. Г-жа Конради такой безсознательной добротѣ не придаетъ никакой важности и требуетъ, чтобъ истинно добрый человекъ соображалъ всѣ слѣдствія, и прежде, чѣмъ сдѣлать что-нибудь, поразмыслилъ-бы и разобралъ со всѣхъ концовъ, будетъ-ли то добрымъ, что онъ хочетъ сдѣлать. Неужели вы думаете, что, приучивъ ребенка прищипливать и критически разсматривать каждый свой сердечный порывъ, вы создадите въ немъ нравственное чувство? Не нравственное чувство создадите вы, а резонерство, филистерство и одностороннее мышленіе, при которомъ ребенокъ научится только перетолковывать все въ свою личную пользу.

Вѣдь ужъ если искать недостатки въ русскомъ обществѣ и противодействовать имъ лучшимъ воспитаніемъ, то прежде всего нужно позаботиться о томъ, чтобы не сдерживать дѣтскую страсть, а, напротивъ, развивать ее. Г-жа Конради иногда очень энергично нападаетъ на дряблость и даже на „дряблость и дрянность органическую“; она говоритъ и объ умѣ „глушцовъ“, причину котораго видитъ „въ ничтожности характеровъ, неспособныхъ на сознательное мужество и отступающихъ предъ всякою задачею, трудности которой выяснились“. Но отъ чего-же зависитъ эта дрянность? Зависитъ-ли она отъ тѣхъ мыслей, которыя зовутся чувствомъ, или отъ тѣхъ мыслей, которыя зовутся умомъ? Мы не

думаемъ, чтобы русскіе составляли какое-нибудь исключеніе и особенную породу людей. Мы не имѣемъ права сказать, что у русскаго человѣка нѣтъ характера или нѣтъ энергіи и силы. У русскихъ есть все то, что и у другихъ людей, и въ достиженіи своей цѣли мы ужь, конечно, не уступимъ ни нѣмцамъ, ни французамъ, ни англичанамъ. Нападая на дрянность теперешняго поколѣнія, г-жа Конради думаетъ, что если изъ каждаго маленькаго человѣка создать личность-великана, то измѣнятся и всѣ общественныя отношенія и всѣ будутъ счастливы. Но еще не рѣшенный вопросъ: „республиканцы-ли создадутъ республику или республика республиканцевъ“. Приписывая все зло мизерности личности, г-жа Конради выставляетъ такое идеальное требованіе, передъ которымъ опустились-бы руки даже у Песталотци. Шутка сказать, создать въ ребенкѣ всепроникающую доброту да вложить въ дитя еще и нравственное чувство! Если-бы требуемая г-жею Конради гениальность и была легко достижима, то все-таки позволительно сомнѣваться, чтобы ее укоренили въ сердцахъ дѣтей наши заурядныя матери.

Конечно, характеръ формируется въ ребенкѣ съ колыбели и въ семилѣтнемъ ребенкѣ уже опредѣлился вполнѣ будущій человѣкъ. Но этому будущему человѣку пока доступно очень незначительное число понятій, и ни настоящей „доброты“, ни настоящаго „нравственнаго чувства“ въ него еще не вложите. А когда мальчикъ или дѣвочка поступаютъ въ гимназію, то авторитетъ матери замѣняется авторитетомъ товарищества. Товарищество имѣетъ рѣшительное вліяніе на складъ мыслей и можно сильно сомнѣваться, чтобы мать явилась реагирующей силой. Вся ея воспитательная роль въ этомъ періодѣ сводится обыкновенно только къ предостерегающей заботливости, желающей застраховать юншу отъ грозящихъ ему опасностей и увлеченій. Можно идеализировать значеніе роли матери, но вѣдь нужно говорить дѣло, поэтому скорѣе можно утверждать, что не мать является дѣйствительнымъ творцомъ „доброты“ и „нравственнаго чувства“, а нѣчто другое, лежащее въ общихъ условіяхъ жизни. Совершенно справедливо, что человѣкъ, какъ личность, есть именно тотъ благородный матеріалъ, изъ котораго формируется общество, и пока не будетъ усовершенствованъ человѣкъ, не усовершенствуется и общество. Но вѣдь не менѣе справедливо и то, что самый совершенный

человѣкъ можетъ сдѣлаться очень несовершеннымъ при дурныхъ общественныхъ условіяхъ и заглохнуть, какъ глохнетъ молодое дерево въ густомъ лѣсу.

Г-жа Конради требуетъ, чтобы воспитаніе создавало людей необыкновеннаго нравственнаго роста, и только на нихъ возлагаетъ свои упованія. Но кто-же станетъ расти этихъ гигантовъ, и гдѣ тѣ матери, которыя могли-бы ихъ создать, когда для нашего женскаго персонала оказывается недоступнымъ даже тотъ языкъ, которымъ г-жа Конради исповѣдуется? Поэтому съ этой стороны едва-ли можно питать какія-нибудь блестящія надежды, и болѣе сильнымъ воспитательнымъ факторомъ нужно признать не вліяніе матерей, а вліяніе общественныхъ условій. Прослѣдивъ хотя даже послѣднія двадцать лѣтъ изъ русской жизни, г-жа Конради должна будетъ согласиться, что всякая личная сила зависитъ исключительно отъ возможностей, ей предоставленныхъ. Только отъ этого, а не отъ причинъ личнаго воспитанія зависятъ наши личныя отношенія. Вся сила въ тонѣ жизни, а тонъ этотъ дается не отдѣльнымъ лицомъ, а общими условіями и требованіями.

Да если-бы все и зависѣло отъ личности, то когда-же вы создадите такую ихъ массу, чтобы она могла измѣнить общественный камертонъ? Сколько васъ, матерей, способныхъ создавать нравственныхъ великановъ? Найдется-ли даже сто? Ну, а что значать сто человѣкъ, когда ихъ нужно сто тысячъ? И придется ждать этихъ ста тысячъ цѣлую сотню лѣтъ, а, пожалуй, и никогда не дожидаться.

Требованіе, выставленное г-жею Конради, есть не больше, какъ воспитательная мечтательность и воспитательный идеализмъ. Человѣческое совершенство, котораго она требуетъ, и желаніе создавать невозможныхъ идеальныхъ людей, которые-бы вылечили всѣ общественныя недуги, конечно, требованіе больше утопическое, чѣмъ реальное. И потому, что оно утопично, оно неосуществимо; а потому, что оно слишкомъ требовательно—не найдется не только въ Россіи, но и нигдѣ такихъ матерей, которыя были-бы въ состояніи вложить въ своихъ дѣтей ту доброту, которой требуетъ г-жа Конради, то нравственное чувство, безъ котораго доброта не больше, какъ мертвый камень.

Если-бы воспитательная теорія г-жи Конради была менѣе мечтательно-идеальна и не стрѣляла выше головы, задача воспитанія

оказалась-бы гораздо проще. Живя во времени, нельзя требовать того, что будетъ выше силъ даже нашихъ праправнуковъ. А г-жа Конради, вмѣсто того, чтобы облегчить задачу, только усложняетъ ее и заставляетъ опускать руки.

Чтобы быть хорошимъ человѣкомъ, право, не требуется та всепроникающая, сложная доброта, которой требуетъ г-жа Конради. Создавайте доброту простую, дѣлайте изъ своихъ дѣтей просто хорошихъ и добрыхъ людей, ласковыхъ и мягкихъ, сочувствующихъ страданію ближняго, и если вы успѣете заложить въ дѣтей такую простую, нелукавую душу, то вы будете именно той матерью, какая пужна для счастья вашихъ дѣтей. Обязанность матери только въ этомъ одномъ; она состоитъ въ томъ, чтобы дать ребенку сердечную мягкость, и если мать сумѣетъ это сдѣлать, то никакія послѣдующія ошибки мысли не собьютъ его съ пути и хорошій человѣкъ останется навсегда хорошимъ человѣкомъ.

Нельзя оставить безъ возраженія и невѣрнаго опредѣленія нравственнаго чувства. По словамъ г-жи Конради, нравственное чувство есть двигающая сила. Всѣ высшія душевныя качества лежатъ, по опредѣленію г-жи Конради, въ душѣ человѣческой въ состояніи покоя, изображая собою ту „бездѣтельную любовь“, о которой говоритъ Дарвинъ. Чтобы эта бездѣтельная доброта перешла въ состояніе движенія, требуется извѣстная сила, которую г-жа Конради называетъ нравственнымъ чувствомъ. Но въ такомъ случаѣ что-же будетъ энергія и воля? Наконецъ, возможно-ли пассивное состояніе доброты и бездѣтельность доброжелательнаго чувства? Ужь, разумѣется, нѣтъ.

НЕСНОСНЫЯ ДѢТИ.

Въ первыхъ четырехъ главахъ мы имѣли дѣло съ теоріей воспитательнаго идеализма и очень обрадовались новой главѣ, гдѣ г-жа Конради изъ области теоріи переходитъ въ область практики. Вотъ тутъ-то, думалось намъ, мы найдемъ исповѣдь ошибокъ и покаяніе, которое спасетъ насъ тоже отъ ошибокъ. Г-жа Конради, думалось намъ, выставивъ сначала идеально-теоретическія требованія, въ практической части книги покажетъ, конечно, какъ она осуществила теорію на практикѣ, дастъ исповѣдь своихъ удачъ и неудачъ, своихъ успѣховъ и ошибокъ. Къ сожалѣнію, новая

глава далеко не удовлетворитъ даже самыхъ скромныхъ ожиданій. Число фактовъ необыкновенно мало, а общій выводъ скрывается за тѣмъ неудержимымъ многословіемъ, которое больше всего вредить книгѣ.

Г-жа Конради въ этой главѣ хотѣла показать, какъ трудно ладить съ дѣтьми и удовлетворять ихъ шумливой потребности жизни. Но вѣдь не можетъ-же эта шумливая жизнь бурлить потокомъ внѣ береговъ, не зная удержу! А какъ ее удержать? И вотъ г-жа Конради относится порицательно къ тѣмъ воспитателямъ, которые стѣсняють дѣтскую свободу и слишкомъ падегаютъ на подчиненіе дѣтей родительскому авторитету. Пока въ прежнихъ главахъ г-жа Конради разсуждала теоретически, вы чувствовали ея обычный идеальный размахъ мысли, но когда г-жа Конради опустилась на практическую землю и показала вамъ дѣтскую—вы начинаете чувствовать себя въ очень узкомъ переулкѣ.

Г-жа Конради разсказываетъ, напр., такой фактъ. Была обѣщана дѣтямъ прогулка и вдругъ пріѣзжаетъ докучный гость. Обѣщанное удовольствіе разстроилось. Дѣти сердятся, хнычутъ и высказываютъ громко свое неудовольствіе. Во имя чего, какого начала и принципа слѣдуетъ сдержать дѣтское желаніе и какою урокъ ребенокъ извлечь тутъ? Г-жа Конради думаетъ, что ребенокъ, подавивъ свой страстный пульсъ, извлечетъ нравоученіе, что чувствовать сильно и желать чего-нибудь страстно вообще не годится. Если ребенокъ и не сформулируетъ въ такомъ видѣ свой выводъ, то тѣмъ не менѣе въ слѣдующій разъ онъ уже не съ такой радостью будетъ готовиться къ прогулкѣ съ вами. „Бѣда не велика, отвѣчаетъ г-жа Конради тѣмъ, кто могъ-бы ей возразить,—если впередъ будетъ меньше веселаго визгу и козлиныхъ прыжковъ въ ожиданіи предстоящаго удовольствія и если мысль, что въ случаѣ это удовольствіе будетъ нарушено чѣмъ-бы тамъ ни было, надо безпрекословно покориться помѣхѣ—внесетъ отрезвляющій элементъ въ дѣтскую страстную душу. Быть можетъ, если-бы вы разсчитали, на-сколько праздничная, веселая возбужденность настроенія увеличиваетъ воспримчивость дѣтей къ тѣмъ полезнымъ урокамъ, которые вы старались преподавать имъ въ прогулкахъ и задушевныхъ бесѣдахъ, вы разсудили-бы иначе“. Неужели это логическій выводъ изъ факта? Слѣдуетъ думать, что ни дѣти, ни родители не придутъ къ такому надуманному вы-

воду. Ужь, конечно, дѣти рѣшатъ не то, что не нужно быть слишкомъ страстнымъ въ желаніяхъ, а что не всякое хотѣніе исполнимо. Вѣдь сама-же г-жа Конради допускаетъ гимнастику воли даже въ тѣхъ случаяхъ, „когда подобная гимнастика не представляетъ никакой непосредственной цѣли, доступной пониманію ребенка“. А тутъ гимнастика доступна дѣтскому пониманію и вполнѣ согласна съ общимъ принципомъ, выставленнымъ г-жею Конради, чтобы человекъ приобрѣталъ привычку жертвовать собою въ пользу ближняго. Но, чувствуя противорѣчіе, г-жа Конради замѣчаетъ, что дѣтская восторженность — необходимое условіе воспріимчивости. Не отрицая, что все это вѣрно, докучливаго гостя все-таки прогнать нельзя, и такъ или иначе, а дѣтямъ придется остаться дома. Въ концѣ-концовъ виноватъ, слѣдовательно, только докучливый гость.

Отрицая, повидимому, авторитетное давленіе воспитателей, г-жа Конради въ то-же время сообщаетъ фактъ, когда сынъ ея, еще трехлѣтній мальчикъ, при всемъ желаніи поѣсть у бабушки фруктовъ и деревенскихъ яблочковъ, совершенно равнодушно относился къ ихъ плѣнительной прелести. Бабушка терялась въ догадкахъ и твердила только: „и что это за ребенокъ — понять не могу“. А между тѣмъ дѣло было просто. Мальчикъ простымъ, безсознательнымъ мышленіемъ зналъ, что надъ его хотѣніемъ стоитъ непрекословная воля матери. Ясно, что эта воля есть, и на практикѣ ее г-жа Конради не отрицаетъ. Трудность вопроса заключается лишь въ той границѣ, въ которой дѣтское хотѣніе и несносность, наконецъ, должны встрѣтить отпоръ. Но какъ-же опредѣлить эту границу? Ее г-жа Конради и не опредѣляетъ, потому что теоретически ее и опредѣлить нельзя. Поэтому-то исповѣдь г-жи Конради въ ея теоретической, разсуждающей части представляетъ постоянныя колебанія и неточность мысли, ищущей равновѣсія. Г-жа Конради знаетъ, что дѣтямъ нужно давать свободу, но она знаетъ также, что имъ и нельзя давать свободу. Г-жа Конради знаетъ, что дѣти не могутъ быть не несносны, и въ то-же время, что ихъ не слѣдуетъ растить самодурами. Г-жа Конради знаетъ, что дѣтей слѣдуетъ приучать къ вѣжливости, и въ то-же время бываютъ случаи, когда дѣтскій интересъ нужно приносить ей въ жертву. Г-жа Конради знаетъ, что дѣтей слѣдуетъ приучать къ порядку, но въ то-же время они очень дорожатъ всякою „дрянью“.

которою играютъ или соряютъ. Какъ-же все это примирить и въ теоріи, и въ практикѣ? Примиренія положительно не существуетъ, и оказывается, что все зависитъ отъ такъ-называемаго воспитательнаго такта и личныхъ свойствъ родителей и дѣтей. Изъ исповѣди г-жи Конради видно, что она любитъ своихъ дѣтей страстно, до крайняго преувеличиванія всего того, что происходитъ въ дѣтской душѣ. И это чувство страстно любящей матери заставляетъ г-жу Конради порѣшать всѣ спорные вопросы въ сторону дѣтскаго интереса. Но вѣдь и всѣ матери любятъ своихъ дѣтей страстно, и чѣмъ чувство ихъ сосредоточеннѣе, тѣмъ онѣ болѣе расположены дорожить всякимъ дѣтскимъ интересомъ. Вотъ тутъ-то и вопросъ, какъ поступать. Спросите любую мать, и она своей любовью къ дѣтямъ оправдаетъ всякую воспитательную порчу. А если эту порчу возвестъ въ теорію, то она окажется такимъ сумбуромъ противорѣчій, въ которомъ даже самъ Гегель не найдетъ ни примиренія, ни общаго единства. Поэтому-то и приходится жалѣть, что г-жа Конради, вмѣсто простого, безхитростнаго изложенія фактовъ, которыми, конечно, богата ея воспитательная практика, возвела ихъ въ выводы и обобщенія, разоблачила противорѣчія своихъ мыслей и умолчала о фактахъ, противорѣчіе которыхъ каждой читающей матери было-бы гораздо легче примирить.

Намъ показалось еще, что всѣмъ своимъ изложеніемъ г-жа Конради возражаетъ какому-то очень отдаленному врагу, воюетъ съ вѣтрянными мельницами. О чемъ-бы ни говорила г-жа Конради, хоть о „несносныхъ дѣтяхъ“, она всегда возьметъ послѣднюю крайность и ведетъ возраженіе противъ нея. Но вѣдь теперь этой старинной крайности не существуетъ. Современныхъ матерей приходится обвинять не въ томъ, что онѣ слишкомъ нажимаютъ дѣтскую свободу, а скорѣе въ томъ, что даютъ ей излишній просторъ. Вотъ тутъ-то и нужно-бы помочь матерямъ. Кинувшись изъ одной крайности въ другую, онѣ, конечно, рогать болѣе свободное поколѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ личности такой просторъ, при которомъ какъ-разъ основное требованіе г-жи Конради, чтобы человѣкъ любилъ семью больше самаго себя, отечество больше семейства, а родъ человѣческой больше отечества, оказывается недостижимымъ. Кто внесетъ поправку? Теоретическій, головной отвѣтъ у г-жи Конради, можетъ быть, и найдется, но въ ея исповѣди вы его не найдете.

НАКАЗАНІЯ.

Г-жа Конради не согласна съ Руссо и съ Спенсеромъ относительно наказаній „на національныхъ началахъ“ и такъ-называемыхъ „естественныхъ наказаній“. Опроверженіе свое она основываетъ на томъ, что есть множество проступковъ, въ которыхъ связь причинъ и послѣдствій для ребенка не ясна и послѣдствіе должно быть предупреждено. Она указываетъ на одинъ примѣръ, взятый у Руссо, въ которомъ авторъ Эмиля рассказываетъ, какъ онъ исправлялъ избалованнаго барченка отъ привычки исполнять всякую фантазію, приходившую ему въ голову.

Мальчикъ однажды заявилъ желаніе идти гулять; воспитатель отвѣтилъ, что не пойдетъ. Мальчикъ въ отвѣтъ пригрозилъ, что пойдетъ одинъ. „Ступайте“, отвѣтилъ воспитатель. Мальчикъ пошелъ, но встрѣтилъ на улицѣ цѣлый рядъ оскорбленій и обидъ, и — воротился. Г-жа Конради подсмѣивается надъ этимъ примѣромъ и говоритъ, что онъ хорошъ для барчатъ, а если-бъ пришлось наказывать этимъ способомъ нашего ребенка и онъ-бы заблудился, то первый-же городской показалъ-бы ему дорогу. Въ опроверженіе Руссо г-жа Конради приводитъ и еще одинъ фактъ. Вотъ какъ было дѣло: „лакомка-мальчикъ смотрѣлъ, какъ мать раскладывала варенье на блюдечки, которыя, онъ зналъ, должны были вскорѣ поступить въ распоряженіе нѣсколькихъ нетерпѣливо облизывавшихся ртовъ и въ томъ числѣ его собственный. Но приготовленія показались мальчику слишкомъ долги и онъ, не дождавшись, пока его вооружать ложкой, лизнулъ варенье съ одного изъ блюдечекъ пальцемъ. Замѣтивъ это, мать объявила ему, что такъ-какъ онъ въ ложкѣ, повидимому, не нуждается, то можетъ подчистить тѣмъ-же первобытнымъ способомъ и все остальное содержимое блюдечка. Мать, конечно, рассчитывала на не-пріятное ощущеніе отъ слипшихся и перепачканныхъ рукъ, а также на чувство стыда передъ остальными присутствовавшими, но не тутъ-то было. Мальчикъ видимо обрадовался данному разрѣшенію и, нисколько не смущаясь, принялся запускать пальцы въ варенье. Подлизавъ все преисправнымъ образомъ, онъ сталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поглядывать вокругъ себя и сожалѣлъ, видимо, только объ одномъ: что такое пріятное наказаніе не можетъ повториться“. Не знаемъ, кто тутъ виноватъ: Руссо,

Спенсеръ или тотъ, кто прии́млялъ ихъ теорію къ практикѣ. Справедливо, что прии́мръ Руссо съ барчукомъ неприи́мимъ къ деревенскому мальчишкѣ и къ петербургскому мальчику, который уже давно ходитъ безъ гувернеровъ и провожатыхъ. Еще менѣе удаченъ прии́мръ съ лакомкой, которому ѣсть варенье пальцемъ, можетъ быть, даже приятнѣе, чѣмъ ложкой, и которому чувство чистоты и опрятности неизвѣстно. Но если г-жа Конради такъ легко дѣлаетъ общіе выводы и возводитъ факты въ теорію, почему-же она въ этихъ двухъ прии́мрахъ увидѣла противорѣчіе Руссо, а не ея подтвержденіе?

Мысль Руссо была очень проста. Такъ-какъ въ его время царилъ въ воспитаніи морализмъ, назидательность и къ дѣтскому воспитанію былъ прии́мненъ юридическій принципъ наказаній уголовныхъ, то Руссо своей теоріей естественныхъ наказаній хотѣлъ ввести начало причинности. Практическіе прии́мры его могли быть дурны, но изъ этого не слѣдуетъ, что у него была ошибка въ мысли. Что теорія Руссо въ невѣрно-понятномъ видѣ не можетъ прии́мняться къ каждому частному случаю—это такъ. Когда ребенокъ, преувеличивая свои силы, вздумалъ-бы выскочить изъ второго этажа на землю, то, по теоріи Руссо, вовсе не слѣдуетъ дозволить ребенку сломать себѣ шею. Законъ причинности нѣсколько шире. Удержавъ ребенка отъ безразсуднаго поступка, вы вводите слѣдствіемъ не личный опытъ испытаннаго, непоправимаго несчастья, а свою авторитетную волю, которой невозможно избѣгнуть, пока ребенокъ не выучится руководить самъ собою. Кромѣ физическихъ фактовъ, есть факты и умственные. И если-бы въ томъ толкованіи теоріи Руссо, которое дѣлаетъ г-жа Конради, пришлось-бы вести воспитаніе исключительно на физическихъ фактахъ, то пришлось-бы начать съ опыта Адама и отречься отъ всего умственнаго наслѣдія, скопленнаго человѣчествомъ.

Теорія Руссо въ томъ-то и заключается, чтобы, по возможности, приблизить воспитаніе къ жизни, чтобы оно перестало быть сухой, формальной педагогикой и тѣмъ головнымъ вліяніемъ, которое создаетъ резонеровъ, болтуновъ и людей чужого мышленія. Резонерство, болтливость, страсть къ фразамъ исчезнуть только тогда, когда воспитаніе сдѣлается опытнымъ и перестанетъ быть головнымъ, книжнымъ, исключительно дѣйствующимъ на нервную систему да истошающимъ головной мозгъ.

Что противорѣчіе съ теоріей Руссо явилось у г-жи Конради вслѣдствіе желанія возражать, мы можемъ доказать примѣромъ изъ ея воспитательной практики. Пока ея сынъ тянулся къ перочинному ножу или къ затопленной печкѣ, она позволяла ему поучаться по теоріи наказанія Руссо. Но вотъ мальчикъ сталъ подрастать. Въ немъ явилась изобрѣтательность, начала работать мысль, и ребенку захотѣлось примѣнить свои новыя средства къ дѣлу. Когда сыну минуло 9 лѣтъ, г-жа Конради подарила ему топоръ, который вскорѣ и сдѣлался его любимой игрушкой. Мальчику захотѣлось разъ отрубить сукъ. Топоръ, только-что отточенный наканунѣ, соскочилъ и попалъ ему со всего размаху по колѣну. Ребенка уложили въ постель и онъ вылежалъ десять дней.

„Казалось, ужъ на что-бы сильнѣе нравственное наказаніе?“ спрашиваетъ г-жа Конради, а между тѣмъ ребенокъ во все продолженіе болѣзни думалъ только о сукѣ, который онъ отрубилъ, да о топорѣ, котораго у него теперь не было. Когда-же мальчикъ выздоровѣлъ, то первую его заботою было отыскать топоръ, къ которому онъ бросился, точно къ какому-нибудь другу, схватилъ его обѣими руками и принялся цѣловать, приговаривая: „вотъ онъ, мой голубчикъ!“ „Словомъ, говоритъ г-жа Конради, — если-бы случай, распорядившійся естественнымъ наказаніемъ за моей спиной, могъ руководиться какими-нибудь педагогическими цѣлями, всѣ расчеты его, построенные на простомъ мотивѣ физической боли, разбились-бы о сложные мотивы предприимчивости, любознательности и мальчишескаго честолюбія: благодаря этимъ мотивамъ, послѣдствіе, непріятное съ точки зрѣнія физической боли, получало, по крайней мѣрѣ, въ воспоминаніи, своего рода обаяніе — и урокъ неосторожности пропадаетъ втунѣ“.

Здѣсь, что ни слово, то морализмъ и смѣшеніе непримиримыхъ понятій объ опытѣ и наказаніи. Конечно, если смотрѣть на всю эту исторію, какъ на наказаніе, то урокъ пропалъ даромъ и осталось лишь одно обаяніе геройскаго поступка. Но въ томъ-то и дѣло, что ни одинъ ребенокъ никогда не бываетъ ни теоретикомъ, ни моралистомъ. Ребенокъ живетъ по-преимуществу практическою жизнью, и то, что мы называемъ игрой, для него вовсе не игра. Игра — для него настоящая дѣйствительность, расправляющая его силы, средства и способности. Неудачно летающая птица не играетъ, а учится летать. И дѣти — такіе-же пріучающіеся птенцы. Дѣт-

скія занятія только потому игра, а не дѣйствительность, что дѣти бѣдны фактами жизни и что отъ незнанія дѣйствительной жизни они дѣйствительныя факты замѣняютъ воображаемыми. Исторія съ топоромъ доставила сыну г-жи Конради необыкновенно пріятное чувство быть героемъ дня между знакомыми мальчиками, въ глазахъ которыхъ, какъ говоритъ г-жа Конради, ни одно почетное отличіе не можетъ сравняться съ шрамомъ отъ глубокаго порѣза. Базалось-бы, объясненіе вѣрное и съ моралистической точки зрѣнія противъ него возражать, конечно, нельзя, но реальное объясненіе этимъ не удовлетворяется и отыщетъ корень причины. Конечно, ребенокъ очень доволенъ своимъ героизмомъ и товарищи будутъ на него смотрѣть даже съ завистью. Но отчего явится эта зависть? Просто оттого, что ребенокъ приобрѣлъ раньше другихъ извѣстный опытъ, можетъ быть, очень трудный, болевой, но именно потому и плѣнительный. Дѣти прежде всего цѣнятъ знанія; авторитетность между ними приобрѣтаетъ тотъ, въ комъ они видятъ больше силы и знанія.

Обвиняя педагогическую односторонность, неумѣющую обхватить взглядомъ болѣе одного мотива въ психической жизни ребенка, г-жа Конради находитъ, что естественныхъ наказаній нельзя проводить неуклонно и систематически во всемъ. „Неудбно-ли довести ребенка путемъ послѣдствій, естественно вытекающихъ изъ даннаго поступка, до сознанія гнусности воровства и лжи, говоритъ г-жа Конради;—вы укажете, конечно, на такое естественное послѣдствіе, какъ утрата довѣрія и уваженія со стороны другихъ. Но такой практической утилитаристъ, какииъ бываетъ ребенокъ въ первые годы своей жизни, едва-ли способенъ огорчаться утратою этихъ отвлеченныхъ благъ, о которыхъ онъ еще и понятія не имѣетъ. Осязательное, непосредственное удовольствіе сгрызть украденный кусочекъ сахару, обойти запрещеніе или избавиться отъ выговора достаточно вознаграждаетъ его за идеальное, несуществующее для него лишеніе, которое онъ наклекаетъ себѣ этимъ удовольствіемъ“. Можно подумать, что г-жа Конради желаетъ, чтобы дѣтей за воровство били. Не поступали-же вы, конечно, такимъ образомъ съ своими дѣтьми и выросли ихъ честными. А чѣмъ? Конечно, только тѣмъ, что дѣти не желали утратить вашего довѣрія и уваженія. Дѣти, разумѣется, практическіе утилитаристы, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они были чужды

отвлеченныхъ благъ и были-бы нечувствительны къ похвалѣ и порицанію. Они къ нимъ, можетъ быть, болѣе чувствительны, чѣмъ взрослые, потому что больше взрослыхъ впечатлительны. Очень часто съ дѣтьми не нужно даже словъ, чтобы заставить ихъ понимать. Какимъ образомъ создаются, напримѣръ, тѣ „первыя люди“, противъ которыхъ вооружается Руссо? Только одними одобрительными взглядами матерей-баловницъ, оправдывающихъ и поощряющихъ все, что-бы ни сдѣлалъ ребенокъ. Слѣдовательно, ребенокъ и въ случаѣ воровства можетъ отлично почувствовать естественно невыгодное послѣдствіе его. Если, можетъ быть, онъ не разъ повторитъ свою шалость, то все-таки, наконецъ, отъ нея отстанетъ, потому что невыгодныя нравственныя послѣдствія для ребенка непріятнѣе пріятныхъ послѣдствій кражи. Робкія дѣти легко отдаются таинственности и скрытности и въ первомъ возрастѣ очень не прочь утащить что-нибудь, особенно изъ съѣстнаго. Но вѣдь это еще не воровство, хотя изъ подобнаго ребенка легче можетъ выдти воръ, чѣмъ изъ ребенка смѣлаго. Поэтому мы думаемъ, что выводъ, который дѣлаетъ г-жа Конради, совершенно невѣренъ. А выводъ ея слѣдующій: „Въ безысходномъ кругѣ осязательной пользы и осязательнаго вреда, въ которомъ вы вращаетесь съ вашими естественными наказаніями, нѣтъ мѣста для нравственныхъ понятій.“ Мы-же думаемъ, что мѣсто имъ есть, и для этого вовсе не нужно, какъ думаетъ г-жа Конради, „чтобы умственный кругозоръ ребенка былъ расширенъ познаніемъ фактовъ, неходящихъ въ непосредственный обиходъ эгоизма, а чувство было воспитано симпатіей къ окружающимъ“.

Это требованіе умственнаго кругозора и симпатіи къ окружающимъ не больше, какъ мечтательный идеализмъ. Конечно, было-бы лучше, если-бы и дѣти, и взрослые не дѣлали ничего дурнаго вслѣдствіе симпатическихъ чувствъ къ ближнимъ и ради широты умственнаго кругозора. Но выставить такое требованіе—значитъ желать, чтобы человѣкъ пересталъ быть человѣкомъ. Въ томъ видѣ, какъ слагается жизнь, она кромѣ воздерживающихъ нравственныхъ мотивовъ или внутреннихъ причинъ представляетъ еще компромисъ, при которомъ мы не дѣлаемъ многого просто потому, что нельзя. Въ этомъ и заключается практическое рѣшеніе вопроса о личной и чужой пользѣ. Поэтому, не дожидаясь того времени, когда ребенокъ будетъ въ состояніи понимать многія для

него недоступны нравственныя побужденія, его, какъ и въ опасныхъ продѣлкахъ, нужно удерживать простымъ запрещеніемъ, не дозволеніемъ, неодобреніемъ, порицаніемъ. И все это будетъ естественными послѣдствіями, какъ и всякое развитіе въ дѣтяхъ поддерживающихъ центровъ. Для ясности мы взяли-бы такой примѣръ. Всѣ дѣти драчуны и легко отдаются рефлексу кулака. Объяснять ребенку, что драться безнравственно, не поведетъ ни къ чему. Значитъ ясно, что его нужно держать такъ, чтобы рефлексъ не являлся. Ребенокъ, неусвоившій себѣ привычки драться, драться не будетъ.

Впослѣдствіи, сдѣлавшись отрокомъ, дитя пойметъ нравственную сторону своего поведенія, и тогда нравственная привычка закрѣпится въ немъ хорошимъ нравственнымъ мотивомъ. Въ такомъ видѣ, намъ кажется, вопросъ разрѣшается очень просто и не представляетъ въ себѣ никакихъ противорѣчій, которыя находитъ авторъ „Исповѣди матери“.

Противорѣчіе, которое нашла г-жа Конради, происходитъ оттого, что она смѣшала понятія объ опытѣ и наказаніи. Поэтому она экспериментъ своего сына съ топоромъ и назвала шалостью. Если это точно шалость, то, конечно, она должна быть наказана. Но вѣдь въ дѣтской жизни собственно шалостей нѣтъ. Это только мы, моралисты, придаемъ порицаемымъ нами дѣтскимъ поступкамъ такое названіе, дѣти-же, въ сущности, не шалютъ, а учатся жить, но какъ ихъ опытъ очень бѣденъ, то они и дѣлаютъ на каждомъ шагу разные ошибки, иногда, можетъ быть, очень опасныя, но которыя въ сущности все-таки ошибки, а не преступленія. Что своей системой наказаній мы только портимъ дѣтскія понятія, ввода морализмъ, лучше всего доказываетъ то, что наказаніе есть понятіе чистоусловное. Г-жа Конради рассказываетъ объ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ былъ обычай ставить провинившуюся воспитанницу въ первой парѣ. Ужь, кажется, безобидная мѣра, которая можетъ быть обращена въ награду, а между тѣмъ она считалась наказаніемъ. Въ одномъ семействѣ за грызеніе ногтей полагалось надѣвать перчатки. Хотя эти перчатки и не отличались ничѣмъ отъ тѣхъ, которыя надѣвались на прогулку или въ гости, но цѣль, съ которою онѣ надѣвались, придавала имъ карательное значеніе. Въ подобной условности и морализмъ лежитъ гораздо большее воспитательное зло, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Въ немъ заключається порча цѣлаго міровоззрѣнія, ибо вводится начало условности и произвола.

Можно, пожалуй, согласиться съ г-жей Конради, что примѣры естественныхъ наказаній, приводимыя Руссо, не совсѣмъ удачны, но реальная сущность идей его и Спенсера остается непоколебимой и вѣрной. Естественныя наказанія, если маленьки будутъ способны понять самую сущность ихъ идеи, кладутъ дѣтскому мышленію прочное основаніе. Прочное-же основаніе заключається въ томъ, что вмѣсто произвольности, на которую такъ легко идутъ дѣти, въ нихъ заложится идея причинности. Привычка-же къ отысканію связи между причиной и послѣдствіемъ не только создастъ то, чего требуетъ г-жа Конради отъ истинной „доброты“, но создастъ цѣлую прочную связь между представленіями и явленіями и послужитъ корнемъ того реального міросозерцанія, которому до сихъ поръ стояли помѣхами идеализмъ и мечтательность, нежелающіе никакой другой почвы, кромѣ личныхъ желаній и фантазіи. Законъ причинности свяжетъ человѣка съ міромъ и съ другими людьми гораздо прочнѣе взаимной солидарностью, чѣмъ неясное, расплывающееся и недоступное для большинства понятіе о нравственныхъ чувствѣхъ.

ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ДѢТСКОЙ ВОЛИ.

Слѣдить за послѣдовательностью г-жи Конради довольно трудно. Въ предъидущей главѣ намъ приходилось ей противорѣчить, а въ этой, какъ кажется, приходится соглашаться.

Г-жа Конради, оспаривая Руссо и Спенсера, отрицала логичность естественныхъ наказаній, а въ главѣ о волѣ она приводитъ примѣры системы, задерживающей развитіе центровъ, о которой мы говорили. Такъ г-жа Конради рассказываетъ, какъ отучала своего сына отъ капризовъ. Когда ребенокъ выходилъ изъ себя такъ, что ни ласка, ни увѣщаніе не дѣйствовали, г-жа Конради садилъ его „подъ арестъ“. Это значило, что она уносила его въ другую комнату и оставляла одного. Ребенокъ понемногу приходилъ въ себя, успокаивался, и капризъ проходилъ. Средство это довольно общее и практикуется многими матерями. На-сколько дѣти сами понимаютъ въ этой мѣрѣ связь причины и послѣдствія, видно уже изъ того, что для прекращенія мѣры

не требуется обыкновенно ничего внимательства, успокоившись ребенок выходит самъ, и все дѣло кончается этимъ. Г-жа Конради дѣлала въ заключеніе „подобающее случаю нравоученіе“. Но дѣти и безъ этого нравоученія очень хорошо понимаютъ невѣжливость своего поступка и какимъ лекарствомъ нужно лечить аффектъ. Мы знали одного мальчика, который, чувствуя наступленіе страстнаго момента, всегда просилъ пить холодной воды. Согласитесь, что уже въ ребенкѣ заложилось не только начало самонаблюденія и самообладанія, но и пониманіе явленія причинности.

На-сколько умѣнье выбрать то, что обыкновенно называютъ наказаніемъ, трудно въ дѣйствительности, и по мѣрѣ развитія дѣтей нужно мѣнять и самыя средства, служить слѣдующій примѣръ, приводимый г-жей Конради. Когда ея сыну минуло 4 года, то на него арестъ пересталъ дѣйствовать. Тащить 4-хъ-лѣтняго мальчика было не такъ легко, тѣмъ болѣе, что борьба его раздражала и ребенокъ кусалъ руки матери. Вотъ тутъ-то и обнаружилась непослѣдовательность мысли. По принципу г-жа Конради не допускала такъ-называемыхъ тѣлесныхъ наказаній, но чтобы одержать верхъ надъ ребенкомъ, ей все-таки пришлось его шлепнуть. Побѣда оказалась только формальной, а нравственнаго аффекта никакого не получилось. Сцена борьбы подѣйствовала на нее тяжело и въ ней даже явилось подавляющее чувство. Но вдругъ ей стало смертельно жаль сына, точно она увидѣла его больнымъ физически и не находила никакого лекарства противъ болѣзни. Ничего не разбирая, мать принялась ласкать и цѣловать ребенка и могла только сказать: „зачѣмъ ты у меня такой нехорошій?“ Мальчикъ мгновенно преобразился: рыдая, бросился на шею къ матери и только твердилъ: „Не горюй; я подарю тебѣ игрушечекъ“. Въ ребенкѣ бездѣятельное чувство любви превратилось въ дѣятельное.

Дѣлая изъ этого случая выводъ, г-жа Конради замѣчаетъ, что эпизодъ съ сыномъ, „само собой разумѣется, не могъ дать повода къ практическому обобщенію приѣма, употребленнаго ею тогда не нарочно и потому только оказавшагося удачнымъ, что въ немъ не было никакой предвзятости“. Выводъ этотъ положительно ошибочный. И не дадѣе, какъ черезъ двѣ страницы, г-жа Конради сама говоритъ противное. А говоритъ она, что, не взирая

на разнообразіе внѣшнихъ пріемовъ, которые ей приходилось примѣнять, смотря по обстоятельствамъ, удачными оказывались только тѣ, при которыхъ возбуждалось въ ребенкѣ чувство, вызывавшее реакцію. Да развѣ это не обобщеніе изъ раньше приведеннаго факта? Весь вопросъ лишь въ томъ, какое сдѣлать обобщеніе. Если-бы мать, замѣтивъ, какъ подѣйствовало чувство любви, захотѣла-бы играть вѣчно на этой одной стрункѣ, то, конечно, не потеряла-бы ничего, кромѣ неудачъ. Міръ дѣтскихъ впечатлѣній и разнообразенъ, и богатъ, и дѣтская душа растетъ такъ быстро, что для каждаго момента ея возраста и для каждаго случая требуется новое чувство и новая реакція. Воспитательная угѣлость только въ томъ и заключается, чтобы найти средство для известной минуты, такъ - сказать, создать для ребенка новое поучающее его слѣдствіе.

Мы, взрослые, очень легко забываемъ свою душу въ дѣтствѣ, и только потому и сами бываемъ непонятны дѣтямъ, да и дѣтей не понимаемъ. Г-жа Конради рассказываетъ, что пришла къ ней разъ старушка, добрая, хорошая, но смѣшная, неуклюжая, неопрятная, имѣвшая дурную привычку нюхать табакъ. Дѣти ни за что не хотѣли обѣдать съ нею вмѣстѣ. Угроза наказанія не дѣйствовала и также оказалась слабой. попытка вызвать въ дѣтяхъ доброжелательство. Увѣщанія не привели ни къ чему, а между тѣмъ въ смнѣ г-жи Конради совершилась реакція: мальчикъ расплакался и ни за что не хотѣлъ открыть матери свой „секретъ“; наконецъ, бросившись къ ней и заливаясь слезами, онъ прошепталъ: „я думалъ, что ты меня разлюбила“. И этотъ случай только подтверждаетъ нашу мысль. Желаніе возбудить доброжелательное чувство въ 8—9-лѣтнемъ ребенкѣ и разжалобить его было, конечно, неудачнымъ пріемомъ. На взрослыхъ старушка могла производить жалостное впечатлѣніе, а для мальчика она была только смѣшна. Ясно, что желаемое слѣдствіе не могло выйти изъ того угла дѣтской души, въ которомъ завязалась возможность другой асоціаціи.

Воспитательный тактъ именно въ томъ и заключается, чтобы путемъ бессознательнаго мышленія находить въ дѣтской душѣ вѣрную точку опоры. Размышленіе помогаетъ тутъ рѣдко, особенно если оно одностороннее; больше всего помогаетъ чувство, если родители въ состояніи переживать сами въ себѣ дѣтскую душу.

Поэтому-то и приходится такъ часто мѣнять средства, то дѣй-

ствуя на чувство любви, то на чувство достоинства, то на разумъ, то примѣрами. Г-жа Конради дѣлала опыты со всѣми этими средствами. Но, къ сожалѣнію, задавшись предвзятой мыслью, что Руссо и Спенсеръ ошиблись, она разные частные случаи не приводитъ къ руководящему обобщенію. Напримѣръ, однимъ изъ средствъ наказанія у ней была „ссора“. Если мальчикъ напалитъ, мама говоритъ, что „разсорила“ съ нимъ, и затѣмъ его игнорируетъ. Когда все установится, мальчикъ подходит и говоритъ: „помиримся“ — и восстанавливается полное согласіе. Въ этомъ приѣмѣ, хорошемъ именно тѣмъ, что въ ребенкѣ не возбуждаются унижающія чувства, г-жа Конради усматриваетъ фальшь. Мы - бы хотѣли знать, въ чемъ тутъ фальшь? Конечно, если ссора и примиреніе только комедія, а за ними стоитъ пучекъ розогъ, то фальшь несомнѣнна. Но когда этого нѣтъ, „ссора“ имѣетъ характеръ урока жизни и является именно тѣмъ слѣдствіемъ, которое должно быть. Нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, которому-бы ссоры и непріятности доставляли удовольствіе. Нѣтъ ничего мучительнѣе, когда знаешь, что другой тобою недоволенъ, и приходится носить въ себѣ непріятное чувство. Казалось-бы, какая тутъ фальшь и въ чемъ ошибка Руссо и Спенсера? А между тѣмъ г-жа Конради ее нашла. Нужно думать, что это случилось только потому, что г-жа Конради не всегда подводила вѣрно отдѣльные факты подъ общій выводъ. Такъ она оставила безъ всякаго объясненія одинъ способъ воздѣйствія, который она называетъ рассказомъ о „Федѣ и Лизѣ“. Это два вымышленныхъ существа, въ рассказѣ о которыхъ г-жа Конради воплощала, въ крайней формѣ, всѣ недостатки своихъ дѣтей. Рассказы эти примѣнялись къ такимъ случаямъ. Разъ кто-то изъ дѣтей не хотѣлъ принять лекарства; истощивъ всѣ средства убѣжденія и не желая пускаться въ ходъ насилія, г-жа Конради рассказала ребенку, какъ Федя не хотѣлъ принять лекарства и что изъ этого вышло. Въ другой разъ сынъ ея не хотѣлъ рѣшать математической задачи, вообразивъ, что ея не разрѣшить. Опять выручилъ рассказъ о Федѣ, и т. д. Какое-же обобщеніе можно сдѣлать изъ этихъ случаевъ? А только то, что въ дѣтяхъ и въ взрослыхъ необыкновенно сильно развита подражательность. Уроки чужой жизни дѣйствуютъ на нихъ иногда такъ-же хорошо, а можетъ быть и лучше, какъ уроки собственной жизни. На-сколько это вѣрно, подтверждаетъ въ другомъ

мѣстѣ высказанное г-жей Конради замѣчаніе, что дѣти съ за-
таеннымъ дыханіемъ выслушивали рассказы изъ ея собственной
жизни и просили ее всегда продолжать. Это общая черта дѣтей
и всѣ родители ее хорошо знаютъ.

Общій выводъ, который мы сдѣлаемъ, заключается въ томъ,
чтобы исправительныя средства имѣли характеръ жизни и явля-
лись-бы именно не тѣмъ искусственнымъ слѣдствіемъ, которое соз-
даетъ изъ нихъ уголовная педагогика, а слѣдствіемъ безошибоч-
нымъ. Безошибочнымъ-же будетъ оно только тогда, когда въ
однихъ случаяхъ воспитатель будетъ спокойно объективенъ, какъ
сама безстрастная природа, или-же въ немъ должно дѣйствовать
искреннее чувство любви, не подслащенной и фальшивой, а той
любви, какая живетъ въ сердцѣ матери.

Г-жа Конради дѣлаетъ, повидимому, тотъ-же выводъ, что и
мы, и о воспитательной дисциплинѣ выражается такъ: „начало ея
состоятъ въ томъ, чтобы, по возможности, замѣщать принудитель-
ныя и карательныя мѣры обращеніемъ къ различнымъ сторонамъ
психической дѣятельности ребенка, направляя и гармонизируя эту
дѣятельность такъ, чтобы она сама собою, своей возбужденностью
и разнообразіемъ, отвлекала ребенка отъ неподобающихъ проявлен-
ній и составляла противовѣсъ той односторонности, на которую,
если взглянуть хорошенько, всегда сходятъ въ концѣ-концовъ
всѣ дѣтскіе недостатки. Чѣмъ богаче содержаніемъ внутренняя
жизнь ребенка, чѣмъ шире сфера, которую охватываютъ его сим-
патіи и вниманіе,—словомъ, чѣмъ лучше сдумѣли мы сберечь въ
немъ природную свѣжесть и воспримчивость мысли и чувства, не
подавляя и не пресыщая той и другого, тѣмъ болѣе мы имѣемъ
въ немъ самоѣ союзниковъ для борьбы противъ дурныхъ его на-
клонностей.“ Но мы расходимся съ нею не въ общемъ психологи-
ческомъ выводѣ, а въ томъ, что какъ и въ этой, такъ и во
всѣхъ предыдущихъ главахъ г-жа Конради обнаруживаетъ бесси-
ліе въ психологической классификаціи и не приурочиваетъ фактовъ
къ ихъ настоящимъ мѣстамъ. Отъ этого факты не выжуются у нея
съ выводами; то, что должно служить подтвержденіемъ, является
какъ-бы противорѣчіемъ. А отъ этого и несомнѣнная истина, про-
тивъ которой, казалось-бы, и говорить нечего, возбуждаетъ не
только возраженіе, но даже полное отрицаніе. Ничего нѣтъ уди-
вительнаго, что, не находя въ себѣ средствъ связать разнообраз-

ные факты единствомъ мысли, г-жа Конради погрѣшаетъ и отсутствіемъ цѣльнаго воспитательнаго міровоззрѣнія. Впрочемъ, и г-жа Конради сознается въ этомъ и сама приноситъ въ концѣ главы такое покаянiе: „Однако я замѣчаю, что, начавъ настоящую главу съ признанiя необходимости въ иныхъ случаяхъ вѣшняго авторитета и принудительной дисциплины, я подѣ конецъ очутилась очень далеко отъ этой темы. Но что за бѣда! Въ вопросахъ воспитанiя, какъ и во всѣхъ другихъ, мы такъ часто начинаемъ съ теоретическаго „за здравіе“ лишь для того, чтобы свести на практикѣ „за упокой“, что, думаю, читатель не слишкомъ посѣтуетъ на меня за обратную непослѣдовательность, къ которой пришла моя искренняя бесѣда о пережитомъ и передуманномъ мною въ двѣнадцать лѣтъ моего воспитательнаго ученичества“. Это, конечно, самая большая изъ всѣхъ непослѣдовательностей, потому что мы не ожидаемъ отъ тѣхъ матерей, которыя накинутся на книгу г-жи Конради, такой силы мысли, чтобы онѣ могли справиться съ противорѣчiями автора „Исповѣди матери“, когда и самъ онъ не можетъ съ ними справиться. А если исповѣдь явится для читательницъ такимъ непроходимымъ лѣсомъ, въ которомъ ихъ заставятъ блуждать безвыходно по лабиринту разбѣгающихся во всѣ стороны тропинокъ, то едва-ли она, кромѣ покаятельнаго характера, будетъ имѣть характеръ воспитательный и руководящій. А между тѣмъ изъ предисловія видно, что г-жѣ Конради хотѣлось руководить.

ЦЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ УМА. — ЗАНЯТІЕ.

И какую главу ни начнешь читать, прежде всего является сожалѣніе, что многословіе, резонерство и необыкновенно искусственный, фразистый языкъ да противорѣчіе мысли затемняютъ дѣло. Но какъ книга въ 632 страницы не можетъ-же быть заполнена однимъ только многословіемъ, иначе ее не напечаталъ-бы никакой издатель, то мы тѣмъ искреннѣе сочувствуемъ тѣмъ матерямъ, которыя на нее накинутся.

Г-жа Конради, какъ кажется, не можетъ не противорѣчить себѣ и каждой послѣдующей главой опровергаетъ предыдущую. Въ настоящей главѣ мы находимъ новое подтвержденіе нашихъ словъ. До сихъ поръ г-жа Конради, отрицая всякую искусствен-

ность въ воспитаніи, въ то-же время своими воспитательными при-
мѣрами только объ ней и говорила. Въ настоящей главѣ, въ концѣ
ея, г-жа Конради указываетъ на уроки жизни и какое воспита-
тельное вліяніе имѣетъ среда.

Съ сыномъ г-жи Конради было обращаться какъ-будто легче,
несмотря на то, что съ нимъ было больше вѣшнихъ затрудне-
ній и борьбы. Но дочь г-жи Конради, при всей своей мягкости,
являлась какой-то стойкой силой и найти для ея души удовле-
твореніе оказывалось труднѣе. Присидѣть смиренно на мѣстѣ для
дѣвочки было просто невысказано и она обнаруживала наклонность
къ такимъ занятіямъ, которыя требуютъ частаго перехода отъ
одного положенія тѣла къ другому. Для подвижнаго ребенка, жа-
ждущаго смѣнныхъ впечатлѣній, нужно было и болѣе разнообраз-
ное сообщество, чѣмъ бесѣды только съ братомъ. Поэтому она
охотно отправлялась на кухню и прислуга съ ея родственниками
и знакомыми, прачка, дворникъ, лавочникъ составляли для нея са-
мое интересное общество. Г-жа Конради пользуется этимъ слу-
чаемъ, чтобы высказать свое мнѣніе относительно воспитательнаго
значенія своей прислуги, какъ извѣстнаго рода среды, въ кото-
рой ребенокъ получаетъ воспитаніе не путемъ наказаній, какимъ
г-жа Конради вела его до сихъ поръ, а чисто-жизненными сно-
шеніями. Разсужденія г-жи Конради распадаются на двѣ части:
на часть чисто-практическую и на часть идеально-теоретическую.

Въ практической части г-жа Конради говоритъ о томъ, какъ
ея скучающая и ненаходившая себѣ дѣла дочь, занимаясь съ ку-
харкой на кухнѣ, получила вкусъ къ хозяйству, научилась стра-
пать и сдѣлалась помощницей своей матери въ разныхъ хозяй-
ственныхъ мелочахъ. Съ этимъ мнѣніемъ г-жи Конради остается,
конечно, только согласиться и пожелать, чтобы другія матери вос-
пользовались ея урокомъ. Что-же касается мечтательно-теоретиче-
ской части, то тутъ приходится только пожалѣть о томъ, что
предлагается идеаль, наступленіе котораго можно ожидать для
Россіи развѣ черезъ тысячу лѣтъ. Г-жа Конради разсказываетъ
объ одной парижской кухаркѣ, которая, осмотрѣвъ квартиру но-
выхъ ея хозяевъ, не согласилась у нихъ остаться, потому что не
нашла мѣста для фортепіано. Приводя этотъ исключительный слу-
чай, г-жа Конради справедливо замѣчаетъ, что подобныя случаи
не могутъ быть обобщены даже для Америки. Если-же это такъ,

то почему г-жа Конради горячо защищает прислугу отъ обвиненій въ ея дурномъ вліянїи на дѣтей? Только потому, что она опять запуталась въ противорѣчіяхъ примиренія текущаго, насущнаго, реальнаго съ мечтательно-идеальнымъ.

Мы вовсе не желаемъ говорить ни за, ни противъ прислуги, а хотимъ только показать, на-сколько противорѣчіе мыслей, непримиряемыхъ авторомъ „Исповѣди“, можетъ затруднить его читательницъ. Раскрывая недостатки теперешняго нашего домашняго быта, г-жа Конради указываетъ на холопское положеніе прислуги и, чтобы устранить воспитательное зло холоповъ, предлагаетъ очень простое, по ея мнѣнію, средство. Она совѣтуетъ брать прислугу съ строгимъ выборомъ и руководствоваться при этомъ не тѣми качествами, которыми опредѣляется ея достоинство, какъ прислуги, а тѣми, которыми опредѣляется ея достоинство, какъ человѣческой личности. Чувствуя идеализмъ подобнаго требованія, г-жа Конради оправдываетъ его тѣмъ, что „несовершенство вообще свойственно человѣческой природѣ и потому намъ слѣдуетъ напередъ помириться съ тѣмъ, что даже между тѣми положительными качествами, которымъ лучшая обстановка даетъ возможность проявляться, иныя окажутся недостатками по отношенію къ тому мѣрилу, которое ставится требованіями профессіи“. Компромисъ этотъ вовсе не такъ легокъ и простъ, какъ думаетъ г-жа Конради. Припоминаемъ мы при этомъ Платона, который сказалъ: „если ты поручишь воспитаніе сына рабу, то вмѣсто одного раба у тебя будетъ два“. Мы не отрицаемъ человѣческихъ достоинствъ прислуги и готовы даже допустить, что она по своимъ нравственнымъ качествамъ даже выше насъ, людей интеллигенціи. Но едва ли г-жа Конради будетъ оспаривать, что воспитаніе мысли такъ же важно, какъ воспитаніе чувства. Не будетъ она отрицать, конечно, и того, что если мы, образованные, такъ часто погрѣшаемъ невѣжествомъ, то, конечно, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что познанія прислуги еще ограниченнѣе. По поводу вопросовъ о воспитаніи намъ уже приходилось сообщить разъ фактъ о подобной же ошибкѣ одного извѣстнаго русскаго мыслителя. Не желая вѣдраться въ совѣсть своей дочери, онъ предоставилъ ея религіозное воспитаніе прислугѣ и та, конечно, сообщила ей такія понятія, которыя рѣшительно не входили въ воспитательные планы философа. Но вѣдь кромѣ религіозныхъ вопросовъ и знаній есть

еще цѣлая масса другихъ. Если мы такъ строги въ выборѣ гувернантокъ и учителей, то какъ-же быть менѣе строгими въ выборѣ гувернантокъ и учителей изъ прислуги? Мы тоже могли-бы привести факты, подобныя тѣмъ, которые приводитъ г-жа Конради, но только нашъ выводъ былъ-бы иной. Мы знаемъ тоже одну превосходную нянюшку изъ молодыхъ, женщину съ прекрасными чувствами, заботливую, внимательную и искренно преданную дѣтямъ и которая при всемъ томъ не имѣла рѣшительно никогда воспитательнаго вліянія. Зачѣмъ обманывать себя и выдумывать идилии; прислуга ужъ потому не будетъ положительнымъ воспитательнымъ агентомъ, что она прислуга. Какъ ни учите дѣтей обращаться съ нею мягко, гуманно и вѣжливо, ужъ изъ одного того, что она обѣдаетъ за однимъ столомъ, а вы за другимъ, дѣти прекрасно поймутъ, что на пиру природы имъ отведено другое мѣсто. Можетъ быть, впоследствии они сгладятъ въ своей душѣ шероховатости, которыя создаются разницею социальныхъ условій, и тогда они не посадятъ прислугу за одинъ столъ съ собою и будутъ требовать отъ нея не интеллектуальныхъ, а матеріальныхъ услугъ. Мы могли-бы привести примѣръ одной семьи, гдѣ между прислугой и господами не дѣлалось никакой человѣческой разности, и при всемъ томъ дѣти, особенно когда они стали ходить въ гимназію, немедленно занеслись. Пока прислуга—извѣстное социальное состояніе, идеализировать ея воспитательное значеніе больше, чѣмъ смѣшно, и приходится пока лишь ограничиваться возможнымъ внушеніемъ дѣтямъ чувства равенства и гуманныхъ отношеній. Что-же касается той идеализаціи, въ которую вдается г-жа Конради, то она только отнимаетъ отъ этого важнаго воспитательнаго вопроса его реальную, практическую сущность.

И какъ-бы для того, чтобы вполне запутаться въ противорѣчіяхъ между идеализмомъ и реализмомъ, г-жа Конради, одобряя воспитательное значеніе кухни, замѣчаетъ, что она рѣшительно не имѣла причинъ раскаиваться за дозволеніе дочери сдѣлать изъ кухни свое любимое мѣстопребываніе; что кромѣ пользы дѣвочка не извлекла ничего другого, а въ концѣ главы она боится, чтобы ей не навязали вывода, будто она хочетъ предоставить дѣтей въ первые годы, до начала ученья, на произволь судьбы. „На всякій случай считаю нелишнимъ оговориться, что такой нецѣлости я и не думала предлагать, говорить г-жа Конради;—я

просто хотѣла сказать вотъ что: ограничьтесь ролью внимательнаго наблюдателя совершающихся въ ребенкѣ процессовъ развитія; не воображайте, что каждый фазисъ въ этихъ процессахъ нуждается въ вашемъ воздѣйствіи; будьте всегда готовы направить его на настоящую дорогу тамъ, гдѣ уклоненіе очевидно для васъ и гдѣ мало вѣроятія, чтобы ребенокъ могъ выпутаться безъ вашей помощи; удовлетворяйте самостоятельно проснувшемуся спросу на вашу болѣе обширную опытность и ваше болѣе вѣрное и всестороннее пониманіе, но не спѣшите съ навязчивою помощію и поученіемъ тамъ, гдѣ дѣло можетъ обойтись и безъ нихъ. Не мудрите и не суетитесь; имѣйте послѣдовательность прижѣнать къ воспитанію ума то мудрое правило, которое всѣми теперь признается въ примѣненіи къ физическому воспитанію—зажѣните безтолково и вредно-предупредительную активность искусственныхъ снадобій кажущеюся пассивностію и, вѣрьте, развитіе отъ этого въ накладѣ не будетъ“. Не выставь г-жа Конради такое мудрое и усложненное воспитательное требованіе, мы-бы ничего не сказали противъ университета, который она устраиваетъ въ кухнѣ и въ дѣвичьей. Не отдавайся она идилліямъ и усложненіямъ мечтающаго идеализма, а смотри на дѣло гораздо проще, матерямъ осталось-бы только слѣдить за ея практическими уроками. Теперь-же, къ сожалѣнію, мы запутываемся въ противорѣчійхъ, недоумѣвая, на какомъ компромисѣ остановиться. Вообще изложеніе г-жи Конради напоминаетъ тѣхъ качающихся публицистовъ, которые говорятъ, что „съ одной стороны нельзя не пожелать“, „съ другой—нельзя не замѣтить“. Ну, а что дѣлать?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы сдѣлали уже довольно выписокъ, изъ которыхъ читатель, конечно, познакомился достаточно, съ способомъ изложенія г-жи Конради. Послѣ противорѣчій въ мысляхъ недоступный языкъ г-жи Конради будетъ, конечно, одной изъ главныхъ помѣхъ, почему ея книга произведетъ меньшій эффектъ, чѣмъ она заслуживаетъ. Мы приведемъ еще нѣсколько коротенькихъ выписокъ, чтобы читатель получилъ болѣе точное представленіе о манерѣ г-жи Конради выражаться. Сравнивая теперешнее воспитаніе ума съ прежнимъ, г-жа Конради говоритъ: „Но подъ этою разницею

въ частностяхъ и прирѣненіяхъ, которую современность имѣетъ весьма гадательное право считать преимущественно для себя, за-
 легла полнѣйшая тождественность основныхъ стремленій: то-же
 заковыгиванье дѣтской мысли въ колодки произвольно предначер-
 танной программы, то-же тщательное подстригиваніе и выщипываніе
 всякихъ молодыхъ побѣговъ, нарушающихъ несимметричностью сво-
 его естественнаго роста плоскую правильность педагогическихъ
 шпалеръ, то-же притязаніе поучать незамѣтно, играя, и тотъ-же
 неутомимый педантизмъ въ навязываніи этихъ поучающихъ за-
 бавъ“. Или по поводу необходимости многостороннихъ познаній:
 „Позитивистъ выразился-бы, что традиція ихъ въ прошломъ свя-
 зана съ научной динамикой, но что въ настоящемъ они по-пре-
 имуществу нужны для цѣлей научной статистики. Я позволю себѣ
 болѣе популярное сравненіе...“ Вотъ это болѣе популярное сравненіе,
 обобщенное г-жей Конради: „Эти готовныя, законченныя, аксіомати-
 ческія истины соотвѣтствуютъ въ сферѣ человѣческаго мышленія
 тому, чѣмъ стержень полипняка служить для развивающихся на
 немъ вѣтвей. Это организмы, завершившіе свой циклъ развитія
 и служащіе въ своей окаменѣлой неизмѣняемости необходимою
 опорой для своихъ потомственныхъ отпрысковъ. Но жизнь все-
 таки не въ нихъ, а въ этихъ отпрыскахъ, которые именно по-
 тому, что живутъ, не могутъ представлять законченнаго типа“. У
 г-жи Конради есть цѣлыя страницы подобнаго чудовищнаго изло-
 женія. Мы знаемъ, что человѣкъ есть слоги и что г-жа Кон-
 ради писать иначе не можетъ. Оттого-то мы и жалѣемъ, что
 многое хорошее, что есть въ ея книгѣ, затрудняется въ чтеніи
 наборомъ звучныхъ словъ, мудравыхъ выраженій и періодами вер-
 стовой длины.

Жалѣемъ еще мы потому, что вся точка зрѣнія г-жи Конради
 мечтательно-идеальная и что она даже и кончила свою книгу
 мечтательнымъ идеализмомъ. Неужели безъ мечтательности нельзя
 даже воспитывать и дѣтей? Въ заключительномъ словѣ г-жа Кон-
 ради говоритъ, что читательница слышала, конечно, что всѣ без-
 завѣтныя личныя радости и вся полнота наслажденій скучены
 въ началѣ жизни. И по мѣрѣ того, какъ человѣкъ отодвигается отъ
 праздника своей молодости, удлиняется вереница похоронъ илю-
 зій, надеждъ, вѣрованій, силъ, и людей не только мертвыхъ, но
 и живыхъ; а вдали надвигается старость, грозная и безотрадная.

Но не вѣрьте, говорить г-жа Конради, ни себѣ, ни другимъ. Радость ваша впереди, радость ваша въ вашихъ дѣтяхъ, въ вторыхъ вы, воспитавъ въ нихъ честныхъ работниковъ, оплатили свой долгъ человѣчеству.

Но неужели это такъ? Почему только въ молодости скучено все и жизнь человѣка заключается исключительно въ постоянномъ радѣ похоронъ? Нѣтъ, г-жа Конради, нѣтъ! Жизнь — похороны для мечтателей, но не для тѣхъ работниковъ, служащихъ обществу, которыхъ вы хотите создать воспитаніемъ; поэтому-то въ вашихъ послѣднихъ словахъ заключается самое большое противорѣчіе. Ну, стоитъ-ли жить для похоронъ, для вѣчной, усиливающейся пытки? Отъ такой жизни приходится или бѣжать въ монастырь, или броситься въ рѣку. И можно-ли воспитывать полезныхъ работниковъ, людей съ прямымъ взглядомъ на жизнь, когда, при такомъ взглядѣ на нее, пришлось-бы говорить дѣтямъ, что жизнь есть ложь и обманъ, безконечное путешествіе подъ гору? Попробуйте сказать это вашимъ дѣтямъ, — повѣрятъ-ли они вамъ? Жизнь есть внутренняя сила, и въ комъ она есть, для того нѣтъ смерти. Живется и дѣлается не потому, что въ старости будетъ награда; живется потому, что жизнь сама по себѣ есть такая штука, что хочется и дѣлать, и возиться съ людьми, а умирать никогда не хочется. Отъ человѣка реального мышленія никогда-бы, конечно, не пришлось услышать такихъ мечтательныхъ мыслей. Реалистъ будетъ идеалистомъ, но мечтателемъ онъ никогда не будетъ.

Жалѣемъ мы еще и о томъ, что г-жа Конради оставила много вопросовъ безъ отвѣта. Между прочимъ, она слишкомъ мало говоритъ о женскомъ воспитаніи, т. е. какъ-разъ о томъ, въ чемъ мы больше нуждаемся. Зло нашей современной женщины въ мечтательности и несчастіе ея въ мечтательности, а между тѣмъ книга г-жи Конради вся посвящена воспитанію мальчиковъ да протесту противъ былого барскаго воспитанія. Ну, а какъ спасти женщину?

Не узнаемъ мы также, какъ нужно примирить общественное и домашнее воспитаніе и покончить тотъ антагонизмъ, при которомъ теперешнее домашнее воспитаніе, стремящееся къ личному развитію, помогаетъ больше личному эгоизму и его-же вносить въ школу.

Мы искренно сочувствуемъ мысли писательницы дать свою исповѣдь и можемъ увѣрить ее что все, что она искренно говоритъ о себѣ, не подвергнется кривосудію. Что отъ сердца, то и идетъ къ сердцу. Но точно также искренно мы скажемъ, что г-жа Конради, стремясь отвѣтить на общую потребность матерей, не удовлетворить ихъ уже даже потому, что книга написана для очень ограниченнаго круга читателей, языкомъ тяжелымъ и неточнымъ. Можетъ быть, наше требованіе слишкомъ велико, но если-бы пришлось дожидаться втораго изданія, мы пожелали-бы, чтобы оно было написано просто, больше практически, чѣмъ теоретически, и чтобы мечтательный идеализмъ пересталъ быть точкою отравленія автора.

Н. Языковъ.

КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕАЛЫ И ПОЧВА.

„Ну, вы опять за эту старую, избитую тему! Помилюте, да вѣдь въ послѣдніе мѣсяцы она уже до того „огайдебурилась“, что даже г. Боборыкинъ треплетъ ее въ своихъ фельетонахъ. Писать о предметѣ, къ которому приложили печать своего глубокомыслия гг. Гайдебуровъ и Боборыкинъ,—это если и не обнаруживаетъ въ васъ большой смѣлости, то, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о вашей крайней невзыскательности“.

Я совершенно съ этимъ согласенъ и впередъ каюсь въ своей небрежливости, — но вѣдь что-же дѣлать?

У насъ развелось теперь видимо-невидимо литературныхъ мухъ, и мухи-то все такія назойливыя, надоѣдливыя и ужасно неделикатныя. О чемъ-бы вы ни заговорили, онѣ сейчасъ-же обляпять... Будь предметъ чистъ и ясенъ, какъ хрусталь, наши мухи въ нѣсколько секундъ обратятъ его въ нѣчто такое сѣро-черное, неприличное, что просто смотрѣть гадко. Нужно-же хоть кому-нибудь взять на себя непріятный трудъ счищать ихъ слѣды съ засиженныхъ ими вопросовъ. Иначе, читатель, ты самъ очутишься въ пренеловкомъ положеніи; что тамъ ни говори, а отечественная литература все-таки твоя единственная, насущная духовная пища; пріятно-ли-же тебѣ будетъ, если эту пищу тебѣ вѣчно будутъ приподносить со слѣдами мухъ? Я знаю, насчетъ опрятности ты не избалованъ, а все-таки вѣдь можетъ стошнить...

Вотъ первая причина, побуждающая меня, преодолевъ непріятныя субъективныя побужденія, еще разъ подойти къ предмету, надъ которымъ изощрялись гг. Гайдебуровъ и Боборыкинъ. Причина, какъ видите, весьма серьезная и основательная. Но, сознаюсь откровенно, есть тутъ и другая причина, совсѣмъ ужъ не

серьезная, а въ глазахъ серьезныхъ людей даже, пожалуй, и неосновательная.

Литература наша представляетъ за послѣдніе годы нѣчто въ высшей степени снотворное и тоску наводящее. Все въ ней, говоря словами одного фельетониста, „и гайдебуристо, и скучно“. Читаешь, читаешь—и только скулы отъ зѣвоты заболятъ; не надъ чѣмъ даже посмѣяться,—вездѣ одна и та-же ординарная пошлость и пошлая ординарность. Подчасъ даже досада беретъ. „Господи, думаешь, хоть-бы кто-нибудь кверху ногами сталъ, хоть-бы кукишъ показалъ,—все развлеченіе!“ Я знаю, что это очень глупое желаніе, но вѣдь что съ нимъ подѣлать: оно само собою, помимо вашей воли, лѣзетъ вамъ въ голову. Люди, которыхъ вѣчно заставляютъ скучать, въ-концѣ-концовъ, непремѣнно поглубѣютъ. Имъ необходимо хоть иногда отъ души посмѣяться. И если литература не можетъ приподнести имъ ничего дѣльнаго, то пусть-бы хоть она насъ смѣшила. Но кому смѣшнить? Всѣ прикидываются такими серьезными, глубокомысленными, всѣ говорятъ такъ длинно, такъ скучно, такъ монотонно-валяло... Говорятъ глупости—это правда, но глупости совсѣмъ не смѣшныя...

И вдругъ среди этихъ валяхъ, монотонныхъ, серьезныхъ людей нашелся одинъ весельчакъ... и кто-же-бы, вы думали? Г. Гайдебуровъ. Да, это, дѣйствительно, и удивительно, и неожиданно, почти даже невѣроятно, а между тѣмъ это фактъ.

Представьте себѣ современнаго литературнаго Молчалина. Гладенькій, чистенькій, приличный и прилизанный, акуратно-либеральный и либерально-умѣренный, онъ вдругъ въ одно прекрасное воскресное утро отважно заявилъ своимъ подписчикамъ, что онъ открылъ Америку, додумался до „новаго слова“. Какъ вамъ нравится такая штука? Вѣдь это даже, пожалуй, забавнѣе, чѣмъ перевернуться вверхъ ногами или показать кукишъ. Развѣ это не смѣшно?

Но вотъ что еще смѣшнѣе и, можетъ быть, еще удивительнѣе. Заявивъ себя новымъ Колумбомъ, онъ и самъ повѣрилъ, что онъ дѣйствительно Колумбъ. И эта идея привела его въ такой пафосъ, что мгновенно онъ лишился памяти и самъ началъ воспѣвать себѣ хвалебные гимны. „Дѣло“ имѣло дерзость (а можетъ быть даже и жестокость) немощно посмѣяться надъ горделивыми

самолюбивѣмъ Молчалина. Молчалинъ вышелъ изъ себя. — Вы не видите, вы сомнѣваетесь въ существованіи вновь открытой мною Америки, несчастные, слѣпые и бессмысленные люди! Впрочемъ, „что вы не только ничего не видите, но и ничего не понимаете, въ этомъ мы (т. е. современные Молчалины) нисколько не сомнѣваемся, но напрасно вы съѣдете думать, что и другіе тоже ничего не видятъ. Напротивъ, мы имѣемъ несомнѣнные доказательства (видите-ли, до чего ужъ дѣло дошло: несомнѣнные доказательства того, что Гайдебуровъ Америку открылъ), что наши заявленія встрѣтили со стороны многихъ (даже многихъ!) весьма правильную оцѣнку и полное, даже горячее сочувствіе“ (см. „Недѣля“, № 11.)

Вамъ интересно, конечно, знать, какія-же это такія „несомнѣнные доказательства“ могутъ существовать у г. Гайдебурова относительно такого страннаго и невѣроятнаго факта, какъ фактъ открытія имъ Америки?

А вотъ какія: „въ подтвержденіе сказаннаго мы, завѣряетъ насъ нашъ Колумбъ,—могли-бы (хорошо, что еще только могли-бы!) привести цѣлый рядъ писемъ отъ нашихъ читателей (бѣдные читатели „Недѣли“! зачѣмъ вы позволяете на себя такъ клеветать?), но... ограничимся лишь двумя...“ Только-то? Какая ужѣренность! Впрочемъ, Молчалинъ всегда останется Молчалинымъ, даже и тогда, когда онъ вообразитъ себя Колумбомъ.

Авторъ одного письма говоритъ г. Гайдебурову: „очень сочувствую вашимъ заявленіямъ...“; авторъ другого письма благодаритъ: „спасибо, говоритъ, вашей газетѣ: она во-время сказала надлежащее слово“. Что-же, это весьма убѣдительно; но только етоже авторы этихъ „сочувственныхъ“ и „благодарственныхъ“ посланій? Для несомнѣнности объ этомъ не слѣдовало-бы умалчивать. Но Молчалинъ, всегда благоразумный и осторожный, скрываетъ имена таинственныхъ „незнакомцевъ“. Объ одномъ только онъ говоритъ, что это „извѣстный ученый и публицистъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, и умный и чувствующій (?) житель Петербурга“.

„Умные и чувствующіе жители Петербурга“, состоящіе въ должности „ученыхъ публицистовъ, пользующихся всеобщимъ уваже-

ніем“, разрѣшите загадку, откройте секретъ, кто изъ васъ заявлялъ сочувствіе г. Гайдебурову?

Знаю, что вопросъ этотъ не совсѣмъ скроменъ, но ставлю его безбоязненно, ибо напередъ увѣренъ, что онъ адресуется не къ умнымъ людямъ, а къ призракамъ, созданнымъ воспаленною фантазіею издателя „Недѣли“. Въ самомъ дѣлѣ, какіе-же это есть у насъ, въ Петербургѣ, „ученые публицисты, пользующіеся общимъ уваженіемъ“? Развѣ г. Боборыкинъ, или Гамма? или г. Жемчужниковъ... но не тотъ Жемчужниковъ, о которомъ вы думаете, а тотъ, о которомъ вы ничего не думаете и ничего даже не знаете, — тотъ, который редактируетъ „Молву“?

Но нѣтъ, съ какой стати будутъ они писать г. Гайдебурову частныя, конфиденціальныя письма съ выраженіемъ своего сочувствія, когда они могутъ это сдѣлать гласно, печатно, всенародно? Нѣтъ, вѣрно, въ Петербургѣ, кромѣ нихъ, есть еще какіе-нибудь „ученые публицисты, пользующіеся общимъ уваженіемъ“. Но кто-же, кто-же этотъ таинственный, никому неизвѣстный, но всѣмъ уважаемый публицистъ?

Ахъ, г. Гайдебуровъ, какъ вы умѣете заинтриговать любопытство своихъ подписчиковъ! По-истинѣ изобрѣтательный умъ! Право, очень можетъ быть, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, открылъ-бы Америку, если-бы только, на его бѣду, не догадались открыть ее раньше.

Впрочемъ, есть одинъ человекъ — человекъ не фантастическій, не призрачный, а реальный, живой, — который глубоко убѣжденъ, что г. Гайдебуровъ дѣйствительно Колумбъ, что онъ дѣйствительно сказалъ „новое слово“... Этотъ человекъ — сотрудникъ „Недѣли“ — г-жа Ефименко.

Г-жа Ефименко увѣряетъ, будто „провинція, по крайней мѣрѣ, та ея часть, за которою нельзя не признать значенія наиболѣе здоровой части, почуяла въ словахъ г. Гайдебурова „жизненную струю, которая можетъ провѣтрить затхлую психическую атмосферу (?), дать новый толчекъ застоившимся жизненнымъ отправлениямъ...“ До заявленій „Недѣли“ „о деревнѣ, почвѣ, узкихъ рамкахъ и т. п.“, провинціалы находились, по словамъ все той-же г-жи Ефименко, въ самомъ трагическомъ положеніи. Начали они было „перерывать богатый складъ общественной науки и

философин, пытаюсь найти въ немъ то орудіе, которое дастъ возможность бороться съ приступающими къ горлу жизненными вопросами...“ но увы! вмѣсто искомаго орудія они извлекли изъ *перерытаго* или „богатаго склада“ одну только „ничтожную тростинку“, которую „жизнь вырвала изъ ихъ рукъ“. Они стали опять „перерывать“ и опять „извлекать“. Извлекли еще „тростинку“, потомъ еще и еще, но... „ни то, ни другое, ни третье“ не оказалось пригоднымъ для борьбы „съ приступающими къ горлу вопросами“. Оставалось „сложить безпомощно руки“; но противъ этого протестовалъ „инстинктъ жизни“. „А между тѣмъ время уходило, надежда найти что-нибудь подходящее все слабѣла...“ „Но вотъ раздается голосъ...“ голосъ „Недѣльнаго“ Колумба, который говорить: „не трудитесь напрасно, вы ищите не того, что нужно; для того, чтобы встрѣтить вызовъ нашей жизни, намъ не годится *готовое* орудіе, надо *готовить* новое...“

И началъ г. Гайдебуровъ готовить новое орудіе—и провинція возликовала и посыпалась въ редакцію „Недѣли“ поздравительные, сочувственные, благодарственные адреса и лавровые вѣнки... вмѣстѣ, конечно, съ подписными деньгами...

Будь вы, читатель, самый серьезный изъ серьезныхъ людей, будь вы даже ипохондрикомъ, — вы все-таки со мною согласитесь, что тутъ есть надъ чѣмъ посмѣяться. Вѣдь это цѣлый водевиль, и преславный водевиль, подъ заглавіемъ: Г. Гайдебуровъ — Колумбъ, или новая Америка, открытая „Недѣлемъ“. Впрочемъ, можетъ быть, водевиль этотъ и не былъ-бы такъ забавенъ, если-бы въ немъ принимали участіе только г. Гайдебуровъ, г. П. Ч., г-жа Ефименко да г. Неизвѣстный, въ роли „ученаго публициста, пользующагося общимъ уваженіемъ“. У всего этого почтеннаго квартета слишкомъ мало комическаго таланта. Г-жа Ефименко, на примѣръ, любитъ больше прохаживаться насчетъ пафоса, воздѣвать очи къ небу, бить себя въ грудь и говорить жалкія слова; г. Гайдебуровъ хорошъ только въ роли „добродѣтельныхъ резонеровъ“, да притомъ ужъ очень скученъ; г. П. Ч. годится развѣ только для ролей „аркадскихъ пастушковъ“; ну, а о г. Неизвѣстномъ ничего сказать нельзя, ибо онъ неизвѣстенъ. Водевиль, очевидно, былъ-бы не по силамъ такимъ актерамъ. Но, на счастье и наше, и ихъ, на подмогу квартету

явился профессор драматического искусства и декламации, фельетонистъ, публицистъ, критикъ, романистъ, философъ, позитивистъ и пр., и пр. — г. Петръ Боборыкинъ *).

Г. Боборыкинъ явился на сцену, со всегдашнимъ своимъ англо-богъ, въ роли „новой птицы“, усиливающейся пѣть въ унисонъ съ „старымъ воробьемъ“ „Недѣля“. „Новая птица“ оказалась птицею, съ одной стороны, крайне завистливою, а съ другой — не въ мѣру легковѣрною, а можетъ быть, и трусливою. Ей ни за что не хотѣлось уступить честь открытія мотива „новой пѣсни“ „старому воробью“. Такимъ образомъ, вмѣсто одного Колумба явилось пѣвчихъ два. „Читатель припомнитъ, увѣряетъ насъ новая птица, — что въ одномъ изъ первыхъ моихъ воскресныхъ фельетоновъ я указалъ на этотъ самый мотивъ. Не зналъ, многіе ли были довольны тѣмъ, что я пожелаю ввести въ фельетонную бесѣду такой серьезный вопросъ (сомнѣваюсь, чтобы многіе, сомнѣваюсь даже, чтобы кто-нибудь остался этимъ доволенъ)... Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, даже болѣе полугода, и въ журналистикѣ вопросъ этотъ не только не замолкъ, а явился въ новомъ развитіи, въ видѣ болѣе яркихъ, болѣе убѣжденных (?) формулъ, воззрѣній, принциповъ...“

---

*) О „Молва“ я умалчиваю, хотя она тоже претендуетъ на нѣкоторую роль въ гайдебуровскомъ водевилѣ, но увы! весьма сомнительно, чтобы она могла «гдѣ-бы то ни было» играть какую-бы то ни было роль. Она еще столь „молода и невинна“, что не научилась правильно координировать звуки съ мыслями. Сочетать отдѣльные слова въ фразы (разумѣется, не воплнѣ граматическія) она, правда, уже можетъ; но понять произносимыя фразы, отдавать въ нихъ себѣ отчетъ, объяснить ихъ смыслъ, — это выше ея силъ. Для примѣра укажу хоть на слѣдующій случай:

Въ прошлой моей замѣткѣ (Почвенники новѣйшей формации) я цитировалъ изъ ея словесныхъ упражненій фразу: „о мнимыхъ законахъ бездушной социологіи“. Фраза показалась мнѣ довольно курьезною и я снабдилъ ее знакомъ вопроса. «Молва» обидѣлась и стала увѣрять меня, что въ фразѣ этой совсѣмъ нѣтъ ничего глупаго. «Мы говорить она, — отдаемъ эту фразу на судъ каждаго развитаго человѣка (какая она, право, еще смѣлая!) и воплнѣ убѣждены, что можно отстоять ея основательность». На бѣду свою, однакожъ, она не захотѣла подождать «суда развитаго человѣка» и сама принялась отстаивать ея „основательность“. И дѣйствительно, такъ отстояла, что послѣ ея оставаній и „судъ“ развитаго человѣка“ оказался совершенно излишнимъ. Послушайте и позавидуйте ея логику.

„Идея социологіи, брошенная въ сознание человѣчества творцомъ положительной философіи (а кто ея творецъ?), — вѣрна и плодотворна. Но науки социологіи еще

Вотъ она какая новая птица: за полгода еще все предусмотрѣла и настроила свой голосъ на надлежащій тонъ. Чего-же это вы, г-жа Ефименко, Гайдебурову такую честь воздали? Слѣдовало-бы оставить что-нибудь и на долю Боборыкина. Хоть-бы „ученный публицистъ, пользующійся общимъ уваженіемъ“, послалъ ему сочувственный адресъ. Нужно-же поощрять такіе таланты!

Однакожь, какъ я сказалъ уже, „новая птица“ хотя и завистлива, но легковѣрна, а можетъ быть, и труслива. Не знаю ужъ почему, изъ трусости или по легковѣрью, но только она стала увѣрять, будто къ триумvirату новыхъ пѣвцовъ („Недѣля“, „Молва“ и „С.-Петербургскія Вѣдом.“) прикнули „Отечественныя Записки“ въ лицѣ г. Михайловскаго, будто г. Михайловскій тоже птица и будто птица эта поетъ тѣ-же пѣсни, что и онъ, г. Боборыкинъ.

„Молва“, разумѣется, повѣрила; еще-бы ей не повѣрить! Ужъ если она Прудона смѣшиваетъ съ Жемчужниковымъ, то какъ-же ей было не смѣшать „Отечественныхъ Записокъ“ съ собою, „Не-

не существуетъ... каждый общій выводъ, прежде, нежели онъ добьется *знанія* (?) закона, долженъ быть провѣренъ всѣми сторонами человѣческой природы, всѣми требованіями общественной правды и общественного добра. Развѣ на Западѣ, въ самыхъ его крупныхъ центрахъ, не появлялись мыслители, которые говорили то-же самое (да что: „то-же самое“?), не имѣя, конечно, ничего общаго ни съ Бурчаками, ни съ русскими славянофилами, ни съ Домостроемъ? Однимъ изъ такихъ мыслителей, однимъ изъ такихъ живыхъ людей былъ всю свою жизнь Прудонъ“.

Ну, скажите бога-ради, какой смыслъ имѣетъ весь этотъ безсвязный наборъ фразъ? И къ чему тутъ приплетены западные мыслители „изъ крупныхъ центровъ“, и Прудонъ, и „творецъ позитивной философіи“? Видъ «Молвѣ» нужно было лишь „отстоять основательность“ ея фразы насчетъ того, что „соціологія—наука бездушная“, но вмѣсто «отставанія» она сама-же начинаетъ ее опровергать. Она говоритъ, что «наука соціологіи (ни бездушной, ни съ душою) не существуетъ», хотя вообще «идея соціологіи—вѣрна и плодотворна», что Прудонъ, оказавшій соціологіи, какъ всѣмъ извѣстно, весьма значительныя услуги, былъ „человѣкъ живой“ и говорилъ *то-же самое*, что говоритъ теперь „Молва“. Очень я этому радъ (не за Прудона, конечно); и если-бы «Молва» стала меня увѣрять, что Прудонъ и по сіе время «живой человѣкъ», что онъ совсѣмъ не умеръ, а спокойно живетъ въ Петербургѣ и редактируетъ „Молву“, прикрываясь псевдонимомъ г. Жемчужникова, то я даже и тогда не сталь-бы съ нею спорить. Пусть все это такъ, но какое-же это имѣетъ отношеніе къ вопросу о „бездушной соціологіи“?

Бѣдные младенцы, когда-же вы, наконецъ, научитесь отдавать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ словахъ и понимать то, что пишете? Пора, право, пора!

дѣлю“ и г. Боборыкинѣмъ! Повѣрила, кажется, и „Недѣля“, хотя она, впрочемъ, находила, что г. Михайловскій недостаточенъ послѣдователемъ. То-ли дѣло ея аркадскій пастушокъ г. П. Ч!..

И зачѣмъ только всѣмъ этимъ литературнымъ мухамъ понадобились „Отечественныя Записки“ и г. Михайловскій? Отчего именно г. Михайловскій, а не Некрасовъ, не Щедринъ, не Елисѣевъ?

Мнѣ кажется, тутъ отчасти виноватъ самъ г. Михайловскій. Опъ, какъ человекъ, считающій себя не чуждымъ философіи, выражается иногда чересчуръ двусмысленно и всегда бываетъ не въ мѣру многорѣчивъ. Что-же удивительнаго, если г. Боборыкинъ (которому едва-ли хватаетъ даже времени на „откалываніе“ своихъ фельетоновъ, а не то ужъ чтобы вникать въ прочитанное) запутался и потерялся въ этомъ неистощимомъ многорѣчьи?

Притомъ-же въ настоящемъ вопросѣ г. Михайловскій оказался не только многорѣчивымъ, но и двусмысленнымъ *). Въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ онъ высказалъ, напр., такую фразу: „вся программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли, всѣ руководящіе принципы семидесятихъ годовъ,—словомъ, все ихъ profession de foi, можетъ быть исчерпано двумя словами: русскій народъ“. Повидимому, именно эта-то фраза и ввела въ недоумѣніе г. Боборыкина, да, вѣроятно, и не одного Боборыкина. Дѣйствительно, въ ней какъ-бы санкціонируется и оправдывается гайдебуровское открытіе Новаго Свѣта; въ ней признается, что именно настоящее время, именно семидесятие года, имѣютъ какую-то свою особую программу, свои особые стремленія и желанія, непохожія, напр., на программу, стремленія и желанія, ну, хоть шестидесятихъ годовъ, и что будто только profession de foi семидесятихъ годовъ можетъ быть формулировано въ двухъ словахъ: русскій народъ.

---

*) Я называю „Профана“ „Отечественныхъ Записокъ“ г. Михайловскимъ потому только, что „С.-Петерб. Вѣдом.“ и „Недѣля“ увѣрили меня, что подъ буквами Н. М. скрывается именно эта фамилія. Можетъ быть, онѣ сказали неправду— пусть тогда на нихъ и падетъ отвѣтственность за ихъ вранье. Я вѣрю имъ на слово.

Мало того, самъ г. Михайловскій, зараженный отчасти гайдебуровскою маніею къ открытіямъ давно открытыхъ уже Америкъ, старался дать понять своимъ читателямъ, что формула „русскій народъ“ изобрѣтена имъ и что семидесяти года должны противопоставить ее формулѣ шестидесятихъ годовъ: „движеніе къ Европѣ“, защитникомъ которой явился фельетонистъ „Новаго Времени“.

По поводу этихъ двухъ формулъ, на нашъ взглядъ одинаково безсодержательныхъ, между „Новымъ Временемъ“ и „Отечественными Записками“ произошелъ нѣкоторый литературный поединокъ, въ которомъ оба противника убили другъ друга наповаль. „Отечественныя Записки“ весьма резонно замѣтили „Новому Времени“, что „движеніе къ Европѣ“ ничего еще собою не выражаетъ, потому что Европа бываетъ всякая—и такая, которой слѣдуетъ симпатизировать, и такая, отъ которой нужно бѣжать за тридевять земель. Не менѣе резонно и „Новое Время“ возразило „Отечественнымъ Запискамъ“, что и „русскій народъ“ тоже вещь весьма неопредѣленная, что въ немъ есть и хорошіе, и дурные элементы, и симпатичныя, и антипатичныя черты.

Слѣдовательно, обѣ формулы остается бросить, какъ никуда негодныя; чѣмъ онѣ должны быть замѣнены—объ этомъ я скажу ниже, а теперь прибавлю еще одно слово о г. Михайловскомъ. Несомнѣнно, онъ своимъ виѣшательствомъ значительно усилилъ комизмъ того литературнаго водевильчика, который разыграли передъ нами гг. Боборыкинъ, Гайдебуровъ, П. Ч., В. М. (тоже фельетонистъ „С.-Петербургскихъ Вѣдом.“, — человекъ, повидному, весьма преклонныхъ лѣтъ и съ весьма слабыми мыслительными способностями, — фигурируетъ въ роли сантиментально-идилличнаго и добродѣтельнаго отца, большой поклонникъ патриархальной семьи), г-жа Ефименко, г-жа „Молва“ и г. неизвѣстный „ученый публицистъ“.

При началѣ представленія и вплоть почти до самаго послѣдняго дѣйствія всѣ эти господа и госпожи наперерывъ увѣряли почтеннѣйшую публику, что они люди съ вѣсомъ и кредитомъ, что на ихъ сторонѣ симпатіи „здоровой части общества“ и что даже сами ихъ превосходительство „Отечественныя Записки“ имъ покровительствуютъ и много ихъ одобряютъ. Если кто ими и

недоволенъ, то это или такіе „отчаянные“ и крайніе „западники“, какъ Суворинъ, или такіе сухіе, ушедшіе въ книги и теоріи ученые, какъ Пыпинъ, или такіе нахальные и ничего непонимающіе литературные наѣзники, какъ „Все тотъ-же“. Но въ сущности все это старья птицы; пѣсня ихъ слѣта, а настоящее и будущее принадлежитъ намъ, новымъ птицамъ, и нашимъ новымъ пѣснямъ. „Помилуйте, визжала „Молва“, — безстыдство и непониманіе петербургской журналистики, — т. е. „Вѣстника Европы“ и „Дѣла“, — доходятъ до того, что меня, „Молву“, „Недѣлю“ и „Отечественныя Записки“ причисляютъ къ послѣдователямъ Бурачка, сравниваютъ съ „Маякомъ“!

И вдругъ, о, ужась! въ майской своей книжкѣ „Отечественныя Записки“ самымъ категорическимъ образомъ заявили, что между ними и почтеннымъ тріо „Молвы“, „Недѣли“ и „С.-Петербург. Вѣдомостей“ нѣтъ ничего общаго и что я и г. Пыпинъ совершенно справедливо указали на близость новаго слова „Недѣли“ съ идеями славянофиловъ и почвенниковъ („Отечественныя Записки“, № 5, стр. 140).

Мало того, „Отечествен. Записки“ обозвали это „новое слово“ „мыльнымъ пузыремъ“, а педомысленныя размазыванія гг. Гайдубурова и П. Ч. — „тринь-травою“.

Представьте себѣ, какой вышелъ афронтъ, какъ должны были сконфузиться наши рыцари деревни вообще и г. Боборыкинъ въ частности. Впрочемъ, относительно г. Боборыкина я сомнѣваюсь: онъ не изъ конфузливыхъ. Гг. Усовъ и Баймаковъ тоже ни мало не сконфузились. Да и то сказать, имъ-то какое до всего этого дѣло? Вѣдь это не касается биржи да и на подишку едва-ли можетъ существенно повліять. Не изъ-за фельетоновъ-же, въ самомъ дѣлѣ, выписываютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“! Потому, не все-ли равно, что-бы тамъ ни говорили фельетонисты, только-бы говорили! Въ № 130 устами г. Боборыкина баймаковская газета заявляетъ, напр., свою полнѣйшую солидарность по вопросамъ о почвѣ, деревнѣ, культурѣ и т. п. съ г. Михайловскимъ; а въ № 150 та-же газета, устами г. В. М., увѣряетъ своихъ подписчиковъ, что она совсѣмъ не раздѣляетъ взглядовъ г. Михайловскаго относительно вышеозначенныхъ предметовъ и что вообще г. Михайловскій „не имѣетъ истиннаго чутья времени“,

что у него „недостает способности уловить, гдѣ бьется живой пульсъ минуты“, что онъ „застрялъ въ прошломъ десятилѣтїи“, что „умъ у него заходитъ за разумъ“ и что, наконецъ, „крайняя многорѣчивость, безпрестанно переходящая въ пустословіе и ребячество мысли, составляютъ его существенныя черты“.

А г. Боборыкинъ три недѣли тому назадъ увѣрялъ, будто г. Михайловскій мыслить по-новому! Вотъ тебѣ и по-новому! Однако, какъ-же это вы допускаете, г. Усовъ (Ваймаковъ, разумѣется, не вмѣняемъ), подобныя безпорядки? Подтяните, непременно подтяните своихъ сотрудниковъ, а то надѣлаютъ они вамъ бѣды своимъ длиннымъ язычкомъ; сами будете не рады, да ужъ поздно будетъ!

Однакожь, какъ-бы тамъ ни было, но тотъ фактъ, что одна и та-же газета устами двухъ своихъ сотрудниковъ высказываетъ два совершенно различныя взгляда на „новое слово“ г. Гайдебурова, причежь оба сотрудника убѣждены въ своей солидарности, что другая газета („Молва“) увѣряетъ, будто она говоритъ то-же, что и „Недѣля“, а „Недѣля“ то-же, что и „Отечественныя Записки“, тогда какъ „Отечественныя Записки“ категорически заявляютъ, что съ „Молвою“ ничего общаго не имѣютъ, а открытіе „Недѣли“ считаютъ мыльнымъ пузыремъ,—одинъ этотъ фактъ ясно показываетъ, какая путаница, какой хаосъ царитъ въ умахъ нашихъ „почвенниковъ новѣйшей формаци“, нашихъ деревенскихъ Колумбовъ, нашихъ „новыхъ птицъ“ съ ихъ новыми пѣснями.

Но это еще не все.

Въ то время, какъ шутовскіе рыцари деревни тянули за волосы въ свои ряды всю редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ и въ особенности злосчастнаго г. Михайловскаго, а г. Михайловскій кокетничалъ съ ними и жеманился,—въ это время г. Достоевскій, безъ всякаго жеманства и фиглярства, самъ протянулъ имъ свою руку и присоединился къ хору „новыхъ птицъ“. Такой союзникъ едва-ли могъ придтись особенно по вкусу тѣмъ изъ нашихъ Колумбовъ, у которыхъ сохранились хоть какія-нибудь воспоминанія о прошломъ. Они, вѣроятно, немножко поморщились, но г. Боборыкинъ, у котораго въ головѣ *tabula rasa*, возликовалъ. „Вѣдь не спроста-же, юлитъ онъ передъ Ваймако-

вынѣ, — вѣдь не спроста-же подняло голову новое направленіе русской публицистики: вы его находите (т. е. вы — г. Боборыкинъ, г. Гайдебуровъ и г. Жемчужниковъ) и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ газетѣ „Недѣля“, и въ начинающей свою карьеру газетѣ „Молва“, и въ „Дневникѣ“ г. Достоевскаго, и въ молодыхъ органахъ нашей провинціальной печати“ (это, вѣрно, въ казанскомъ „Первомъ шагѣ“). Г. Достоевскій — человѣкъ новаго направленія!

О, г. Боборыкинъ, вы и на этотъ разъ, какъ всегда, попали пальцемъ въ небо. Г. Достоевскій — не литературный клоунъ, не легковѣсный флюгеръ, — онъ нисколько не похожъ ни на васъ, ни на Гайдебурова, ни на Баймакова съ Усовымъ. Онъ не выдастъ себя за новую птицу, потому что онъ очень хорошо знаетъ, что онъ не болѣе, какъ старый стрижь. То, что онъ говоритъ теперь, онъ говорилъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Но тогда надъ нимъ смѣялись, его сожалѣли, хотя за его талантъ ему великодушно прощались его промахи (на что, замѣчу въ скобкахъ, вы, г. Боборыкинъ, надѣяться, конечно, не можете); и вдругъ онъ попадаетъ теперь въ представители новаго направленія!

Праведный Боже! очевидно, наша публицистика переживаетъ теперь тѣ несносныя сумерки, когда всѣ предметы окрашиваются въ одинъ цвѣтъ, когда всѣ кошки кажутся сѣрыми. Все перепуталось и пережѣшалось: своя своихъ не познаша! Суворинъ сопоставляется съ Авсеенко, Михайловскій смѣшивается съ Боборыкинымъ, Гайдебуровъ — съ Достоевскимъ, В. М. — съ П. Ч., „Молва“ не видитъ разницы не только между собою и „Отечествен. Записк.“, но даже между собою и Прудономъ.

Простой и въ началѣ совершенно ясный вопросъ до того осложнился, что теперь трудно даже понять, кто чего хочетъ, кто что говорить, кто за что стоять.

Г. Гайдебуровъ настаиваетъ, что онъ сказалъ новое слово и что сущность этого новаго слова заключается въ томъ, чтобы столичная пресса обновилась деревнею; при этомъ подъ деревнею онъ подразумѣваетъ вообще провинцію, т. е. своихъ провинціальныхъ подписчиковъ. Г. П. Ч., напротивъ, видитъ въ деревнѣ не совокупность провинціальныхъ подписчиковъ, а совокупность какихъ-то

добродѣтельныхъ, нравственно-развитыхъ, проникнутыхъ чувствомъ солидарности и взаимною любовью личностей, — однимъ словомъ, какую-то утопію. Г. В. М. въ своемъ „полсловѣ о деревнѣ“, (полсловѣ, растянувшемся, замѣтимъ въ скобкахъ, болѣе, чѣмъ на 1,000 строкъ!) подъ „деревнею“ подразумѣваетъ семейно-общинный принципъ, „созданный исторіею славянства“, и толкуетъ *новое слово* Гайдебурова, какъ призывъ къ обновленію „общественнаго идеала“ семейно-общиннымъ принципомъ, а „идеала нравственнаго“ — „возстановленіемъ духа“ („С.-П. В., № 150.)

Г. Достоевскій, усматривая въ европейской культурѣ причину всѣхъ золъ, приглашаетъ возвратиться къ „народнымъ началамъ, вышедшимъ изъ православія“ („Дн. Пис.“, апрѣль, стр. 104); при этомъ онъ напередъ заявляетъ, что понять эти „начала“ въ состояніи будетъ лишь тотъ, кто понимаетъ православіе...

„Молва“, съ своей стороны, полагаетъ (а, впрочемъ, можетъ быть, она этого и не полагаетъ: понять ея младенческой лепетъ очень трудно), что культуру херить не нужно, а что ее слѣдуетъ только „примирить съ требованіями правды и справедливости, живущими и въ простомъ (?) русскомъ человѣкѣ, и въ образованномъ“ („Молва“, № 10).

Г. Боборыкинъ... ну, г. Боборыкинъ валить все въ кучу, самодовольно опускается на нее и провозглашаетъ себя новою птицею...

„Молодые органы провинціальной печати“ усмотрѣли во всѣхъ этихъ толкахъ о „почвѣ“, о „возстановленіи духа“, о „народныхъ началахъ, вытекающихъ изъ православія“, о „семейно-общинныхъ принципахъ“ и т. п. — простой споръ о томъ: „кто лучше и умнѣе: петербургскіе и московскіе литераторы или казанскіе, кievскіе, одесскіе, сибирскіе, саратовскіе, самарскіе и иныхъ прочихъ городовъ и весей російской имперіи.

Все это, повидимому, совершенно различныя и даже противоположныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ-же вопросъ. И, однакожь, всѣ онѣ до такой степени перепутались, что слились въ одно какое-то сѣрое грязное пятно, и это пятно, называя себя почвою, деревнею, національнымъ сознаніемъ, противопоставляетъ себѣ другое пятно, называемое почему-то культурою, Западомъ, Европою.

Оба эти пятна насыжены нашими литературными мухамъ, оба

они только затемняютъ вопросъ, а потому, если мы дѣйствительно хотимъ понять его сущность, мы должны постараться прежде всего счистить ихъ съ него.

„Почва“, „деревня“, „культура“, „Западъ“ и т. п. — все это не болѣе, какъ жалкія и глупныя слова, неизмѣющія теперь для насъ никакого опредѣленнаго смысла, ничего собою невыражающія и ничего неговорящія „ни уму, ни сердцу“, — это формулы безъ содержанія, это „звуки“, невызывающіе въ умѣ никакихъ ясныхъ, отчетливыхъ представленій.

Благодаря безсодержательности этихъ формулъ, ими съ удобствомъ пользуются и Гайдебуровы, и Боборыкины, и Михайловскіе, и Суворины, и П. Ч., и В. М., и Х., З., и вообще всѣ желающіе. Каждый влагаетъ въ нихъ частичку своего я, свою собственную идейку, и затѣмъ развязно пользуется ими, наивно воображая, будто никакой другой идейки вложить въ нихъ уже невозможно.

Разумѣется, кавардакъ долженъ произойти страшный. Въ-концѣ-концовъ люди перестаютъ даже понимать другъ друга. Они проносятъ одни и тѣ-же слова и думаютъ, что они говорятъ одно и то-же, а между тѣмъ, какъ я сейчасъ показалъ, они выражаютъ ими не только различныя, но часто даже противоположныя мысли. Понятно, пока будетъ существовать такой произволъ въ употребленіи словъ, до тѣхъ поръ мы вѣчно будемъ ходить съ завязанными глазами и никогда не справимся съ одолевшими насъ сомнѣніями и недоразумѣніями.

Россійскіе Колумбы поступили-бы гораздо благоразумнѣе, если-бы они, вмѣсто того, чтобы выдумывать свои „новыя слова“ постарались-бы хорошенько опредѣлить смыслъ старыхъ; они не очутились-бы тогда въ томъ комически-глупомъ положеніи, въ какомъ очутились теперь. Вѣдь весь сыр-боръ загорѣлся изъ-за словъ „культура“, „Западъ“, „Европа“, съ одной стороны, „почва“, „деревня“, „народъ“, „народные идеалы“ — съ другой. Что-же означаютъ всѣ эти термины, какой они имѣютъ смыслъ? Можемъ-ли мы произвольно придавать имъ то или другое значеніе, вливать въ нихъ то или другое содержаніе?

Конечно, для господъ вродѣ г. Боборыкина тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. Но вѣдь не всѣ-же мы гг. Боборыкины,

вѣдь должны-же мы знать, что слова эти не нами выдуманы, что и до насъ ихъ порядочно-таки трепали и что поэтому, если ужъ мы непремѣнно хотимъ ими пользоваться, то намъ слѣдуетъ прежде всего справиться: какъ и въ какомъ смыслѣ чаще всего пользовались ими наши литературные предшественники?

Сдѣлали-ли вы это, г. Боборыкинъ, сдѣлали-ли вы это, г. Гайдебуровъ, г. П. Ч., г-жа Ефименко и г-жа „Молва“?

Нѣтъ, вы этого не сдѣлали. Иначе вы не могли-бы толковать о какомъ-то теоретическомъ западниствѣ, о „заграничныхъ очагахъ“ и т. п., вы не могли-бы противопоставлять свою почву—культурѣ, западничество—своей деревнѣ, „русскій народъ“—Европѣ.

Подъ „западническимъ направлѣнiемъ“ въ нашей литературѣ всегда (со временъ Новикова) подразумѣвалось такое именно направлѣнiе, которое старалось ввести въ общественное сознаниe пониманиe высшихъ, наиболѣе человѣчныхъ идеаловъ, — идеаловъ, наиболѣе удовлетворяющихъ требованiямъ „правды и справедливости“ и выработанныхъ наиболѣе культурными, наиболѣе мыслящими людьми цивилизованнаго Запада. Не всегда, конечно, наши западники могли нападать на надлежащiе идеалы, т. е. на такiе, которые составляли въ данный моментъ высшiй продуктъ чело-вѣческой культуры. Но за то они всегда стремились къ подобнымъ идеаламъ, они искали ихъ, и не ихъ, разумѣется, вѣща, если подчасъ имъ приходилось мишуру выдавать за золото (сами они искренно вѣрили, что эта мишура—дѣйствительное золото), мякину за пшеницу, мистическiе выводы туманной философи — за „последнiе выводы“ европейской науки. И именно за это-то вѣчное исканiе разумнаго, чело-вѣчнаго идеала на нихъ и ополчалось съ такою злобою и ненавистью все старое, отжившее, рутинное, косное, всѣ реакционныя, заплесневѣлыя элементы невѣжественнаго общества, прикрываясь знаменемъ „народности“, „почвы“ и т. п.

Въ послѣднiя два-три десятилѣтiя передъ западниками, т. е. тѣми мыслящими людьми русскаго общества, которые стремились къ высшимъ, чело-вѣчнымъ идеаламъ, открылась возможность ближе и всестороннѣе познакомиться съ лучшими продуктами европейской мысли. Ознакомившись съ ними, они нашли, наконецъ, то,

чего такъ жадно искали; они поняли свои прежнія ошибки, они отбросили метафизическую ветошь и мало-по-малу усвоили себѣ строго-реальное, разумно-научное, а потому самому и въ высшей степени человѣчное міросозерцаніе. Это міросозерцаніе хотя и было продуктомъ чисто-европейской культуры, хотя и выросло на почвѣ „гнилого“, глетворнаго Запада, — относилось тѣмъ не менѣе весьма отрицательно ко многимъ и притомъ существеннымъ сторонамъ западно-европейской цивилизаціи; его „идеалы“ были воплощеніемъ самыхъ строгихъ требованій „правды и справедливости“ и хотя они и обуславливались условіями данной европейской дѣйствительности, но имѣли съ нею очень мало общаго.

Вотъ эти-то идеалы, а совсѣмъ не грубую, отрицаемую ими „европейскую дѣйствительность“, наши западники, наши теоретики (какъ ихъ тогда называли и какъ ихъ называютъ и теперь гг. Боборыкины, Гайдебуровы и пр.) и старались перенести на русскую почву, т. е. привить ихъ къ нашему общественному сознанію, популяризировать въ массахъ необразованнаго, полуграмотнаго общества. Какъ это и прежде случалось, противъ нихъ возстали рутиня и невѣжество; какъ это и прежде случалось, рутиня и невѣжество прикрывались знаменемъ „народности и почвы“. И г. Достоевскій, какъ извѣстно, явился однимъ изъ главныхъ зацѣпвалъ въ дружномъ хорѣ „почвенниковъ“.

„Почвенники“ прекрасно понимали тогда, противъ чего они борются и что они отстаиваютъ. „Здоровая часть общества“ (какъ выражается г-жа Ефименко) точно такъ же хорошо понимала, о чемъ идетъ споръ, и, разумѣется, всѣ ея симпатіи (даже и симпатіи г. Гайдебурова, если память насъ не обманываетъ) были на сторонѣ „теоретиковъ“, а не „почвенниковъ“.

Въ виду новизны для насъ разумныхъ идеаловъ, въ виду того, что наше общество было теоретически не подготовлено къ пониманію ихъ, что въ головѣ большинства читателей „подъ кровлею отеческой“ еще не западало ни одно зерно „жизни чистой, человѣческой“, — въ виду всего этого литература должна была обратить особенное вниманіе прежде всего на ихъ чисто-теоретическое, такъ-сказать, научное разъясненіе. Она это и старалась сдѣлать и сдѣлала, на-сколько только могла.

Разумѣется, она сдѣлала еще немного, но нужно надѣяться,

что если она съумѣетъ во-время страхнуть съ себя свою теперешнюю спячку, то въ будущемъ она сдѣлаетъ въ этомъ направленіи что-нибудь и побольше. Только-бы гг. Гайдебуровы, Боборыкины и инныя „мухи“ не мѣшали ей своимъ безцѣльно-назойливнымъ жуужаніемъ.

Однако, какъ ни важна для развитія нашего общества теоретическая, научная разработка высшаго культурнаго идеала, одною ею не исчерпывается еще задача литературы.

Каждый разумный идеаль—т.-е. идеаль, являющійся продуктомъ реальнаго, научнаго мышленія, а не бредомъ распаленной фантазіи,—всегда долженъ имѣть и всегда имѣетъ хоть какія-нибудь точки соприкосновенія съ выработавшею его дѣйствительностью. Эти „точки соприкосновенія“ можно назвать практической стороною идеала, въ отличіе отъ отвлеченной теоретической. Разрабатывать отвлеченную сторону идеала—значитъ указывать и разъяснять его теоретическія требованія; разрабатывать его практическую сторону—значитъ указывать и разъяснять тѣ жизненные факты, съ которыми онъ соприкасается, тѣ общественныя данныя, при помощи которыхъ онъ можетъ быть осуществленъ. Отвлеченный анализъ занимается вопросомъ о томъ, что должно быть, анализъ практической опредѣляетъ разнообразныя нити, связывающія это *что должно быть* съ тѣмъ, *что есть*.

Несомнѣнно, что оба эти анализа одинаково необходимы для полнаго, всесторонняго развитія идеала. Но несомнѣнно также и то, что первый, т.-е. отвлеченный анализъ, долженъ предшествовать второму—практическому. Сначала нужно заинтересовать общество даннымъ идеаломъ, нужно разъяснить ему его требованія, а уже потомъ, самъ собою, является вопросъ о приложимости этихъ требованій въ данной жизни. Вотъ почему наши „западники“ 60-хъ годовъ и напирали съ особенною силою не столько на практическую, сколько на чисто-теоретическую сторону своего идеала. Однако, было-бы въ высшей степени несправедливо утверждать, будто они совсѣмъ упустили изъ виду первую сторону. Напротивъ, едва-ли не они первые указали обществу на наиболѣе существенныя точки соприкосновенія высшаго, общечеловѣческаго культурнаго идеала съ окружающею насъ практической дѣйствительностью. Но тогда, какъ и слѣдовало ожидать, на эти ука-

занія не было обращено должнаго вниманія. Отвлеченная сторона вопроса заслоняла собою сторону практическую.

Разумѣтся, это было временно; здравомыслящіе и хоть сколько-нибудь честные и искренніе люди не могутъ-же вѣчно сидѣть да любоваться теоретическими красотами своего идеала. У нихъ сейчасъ-же явится вопросъ: а въ какихъ-же отношеніяхъ состоитъ этотъ идеалъ съ окружающею насъ дѣйствительностью, какимъ образомъ можетъ онъ въ ней осуществиться? А такъ-какъ и въ нашемъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть люди здравомыслящіе, честные и искренніе, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и у насъ рано или поздно долженъ былъ всплыть наружу вопросъ объ отношеніяхъ общечеловѣческаго идеала къ даннымъ общественнымъ и экономическимъ факторамъ „русской жизни“.

И онъ, дѣйствительно, всплылъ наружу,—всплылъ гораздо раньше, чѣмъ наша литература это примѣтила. Нѣкоторая часть нашего общества, стоящая внѣ литературы, горячо и страстно принялась за его рѣшеніе и, какъ и слѣдовало ожидать, впала въ крайность, обратную той, въ которой обвиняютъ теперь дѣятелей 60-хъ годовъ. Практическая сторона идеала выдвинулась на первый планъ и заслонила сторону теоретическую. Если прежде главное вниманіе сосредоточивалось на анализѣ того, что должно быть, то теперь стали пристальнѣе вглядываться въ то, что есть, стали тщательно выискивать и анализировать тѣ точки соприкосновенія, которыя связывали идеалъ съ данною дѣйствительностью. Разумѣтся, изслѣдователямъ желательно было найти какъ можно больше такихъ точекъ. Отсюда идеализація почвы,—идеализація, если хотите, весьма естественная, но тѣмъ не менѣе весьма вредная; она иѣшаетъ относиться трезво къ дѣйствительности и мало-по-малу до того можетъ сгладить всякое различіе между нею и идеаломъ, что человѣкъ начнетъ смѣшивать то, что должно быть, съ тѣмъ, что есть, и наоборотъ. Такъ оно у насъ почти и случилось. Начали съ идеализаціи деревни, а кончили тѣмъ, что поцѣловались съ г. Достоевскимъ, который уже категорически утверждаетъ, что въ „народныхъ началахъ“, вытекающихъ изъ православія, мы должны искать нашего идеала, что западно-европейская культура и мысль не дадутъ намъ его (хотя именно эта-то западно-европейская мысль и выработала идеалъ нашихъ

идеализаторовъ деревни), что на нихъ наплевать намъ, что чѣмъ больше культуры, тѣмъ хуже, и т. п. Поцѣдовавшись съ Достоевскимъ, наши „почвенники новѣйшей формаціи“ договорились, наконецъ, до В. М., который приглашаетъ насъ преклониться передъ патриархально-семейными принципами почвы и искать въ нихъ „возстановленія“ нашего будто-бы заѣденнаго плотью „духа“.

Г. Достоевскій и г. В. М. — вполне послѣдовательно-логическое развитіе г. П. Ч. Въ одномъ только случаѣ г. П. Ч. не отсталъ, но, можетъ быть, даже опередилъ своихъ болѣе его опытныхъ продолжателей: это въ ненависти къ отрицательному направленію дѣятелей 60-хъ годовъ. Между тѣмъ отрицательное отношеніе къ почвѣ, во всякомъ случаѣ, было гораздо благопріятнѣе для уясненія дѣйствительныхъ точекъ соприкосновенія ея съ идеаломъ, чѣмъ та нелѣпая и преувеличенная идеализація, въ которую впали „новѣйшіе почвенники“. Она, по крайней мѣрѣ, не успокоивала умъ никакими иллюзіями и не позволяла терять границу, отдѣляющую должное отъ существующаго.

Не очевидно-ли въ самомъ дѣлѣ, что вопросъ объ отношеніи идеала къ жизни, иными словами — объ условіяхъ его осуществимости, только тогда и можетъ быть рѣшенъ правильно, когда мы отнесемъ вполне безпристрастно, безъ всякой сантиментальности, безъ глупаго кокетничанія къ той „почвѣ“, на которую мы желаемъ его перенести? Безпристрастное-же отношеніе къ ней требуетъ, прежде всего, болѣе широкаго, болѣе всесторонняго представленія о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ „почвою“. Славянофилы, почвенники старой формаціи, понимали ее черезчуръ узко и односторонне: они брали обыкновенно одну какую-нибудь бытовую черту народной жизни, одно какое-нибудь, и нерѣдко совершенно случайное, проявленіе народныхъ чувствъ, и возводили ихъ въ „коренную сущность“ народнаго духа. „Почвенники новѣйшей формаціи“ поступили точно такъ-же, и въ этомъ отношеніи г. П. Ч. очень не далеко ушелъ отъ г. Достоевскаго. Одинъ подъ почвою подразумѣваетъ православіе, другой — чувство солидарности и братской любви. И тотъ, и другой умышленно игнорируютъ въ народномъ быту и въ народномъ міросозерпаніи все, что не подходитъ подъ ту узенькую формулу, въ которую они

произвольно втиснули народную жизнь. А такъ-какъ' они ввели въ свою узенькую формулу только то, что имъ пришлось по вкусу, чему они симпатизируютъ, то понятно, что ихъ „почва“ получила чисто-субъективный характеръ. Это не почва настоящая, „реальная“, — это почва „метафизическая“.

А вѣдь имъ не она совсѣмъ нужна, вѣдь ихъ занималъ и занимаетъ вопросъ объ отношеніи культурнаго идеала къ „реальной“, а не субъективно-метафизической почвѣ. Поддѣливая послѣднюю первую, они сами отнимаютъ у себя возможность рѣшить свою задачу хоть сколько-нибудь правильно.

Литература, понимающая свои обязанности, литература, выдающая свое призваніе не въ затмненіи, а, напротивъ, въ разъясненіи и развитіи общественнаго сознанія, должна была-бы постараться исправить это заблужденіе; сдѣлать это ей было тѣмъ легче, что она съ нимъ давно уже знакома и не разъ уже разоблачала его... но только въ міросозерцаніи старыхъ почвенниковъ. При томъ-же оне (т. е. не міросозерцаніе, а заблужденіе) до крайности просто и несложно. Новые почвенники, подобно старымъ, подразумеваютъ подъ „Европою“, „Западомъ“, западническимъ направленіемъ и т. п. слишкомъ много (чуть-чуть не всю европейскую цивилизацію, со всѣми ея какъ дурными, безобразными, такъ и хорошими, привлекательными сторонами), подъ словомъ „почва“, „деревня“, „народъ“ и т. п. — слишкомъ мало. Нужно было указать имъ на необходимость слъзять первую формулу (Европа, культура) и расширить вторую.

Но вмѣсто этого что сдѣлала наша литература? Она приняла заблужденіе подъ свое покровительство и до такой степени извратила и опошшила весьма важный и серьезный жизненный вопросъ, что онъ утратилъ не только весь свой первоначальный, но и всякій вообще человѣческій смыслъ.

На практикѣ, въ жизни, вопросъ этотъ, какъ я уже сказалъ, сводился къ вопросу о томъ: какъ опредѣлить отношенія идеала къ дѣйствительности, къ „почвѣ“? Литературныя-же мухи поняли его въ смыслѣ „противоположенія“ почвы — идеалу, „русскаго народа“ — „Европѣ“, Западу. Затѣмъ они свели его къ вопросу о томъ, что лучше: городъ или деревня, кому должно принадлежать главенство: столицѣ или провинціи, и, наконецъ, кто умнѣе: пе-

тербургскіе литераторы или казанскіе, кіевскіе, одесскіе, саратовскіе и сибирскіе?

Конечно, это смѣшно; но, читатель, въ этомъ смѣшномъ не находишь-ли ты чего-нибудь и грустнаго?

Прискорбно, когда литература отворачивается отъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, но не менѣе прискорбно и то, когда она, взявшись за ихъ разрѣшеніе, искажаетъ и уродуетъ ихъ, когда ея мухи безцеремонно ихъ засиживаютъ.

Все тогъ-же.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

2-го іюня 1876 г.

Недавнее засѣданіе французской академіи, на которомъ мнѣ привелось присутствовать, еще разъ торжественно доказало, что это почтенное учрежденіе безжизненно. Засѣданіе длилось ровно три часа, было сказано очень много, но мертвящая скука одолѣвала всѣхъ, и академиковъ, и публику.

На этотъ разъ публики собралось много, больше, чѣмъ во всѣ предъидущія засѣданія, на которыхъ мнѣ случалось присутствовать. Часть залы института, предназначенная для членовъ этого почтеннаго учрежденія, была биткомъ - набита. Надо полагать, что всѣ товарищи новаго академика по другому, научному отдѣленію института, въ которомъ онъ состоитъ постояннымъ секретаремъ, сочли обязанностью явиться въ это засѣданіе.

И большинство „безсмертныхъ“ было на-лицо. Какъ-разъ за героемъ торжества расположился его однофамилецъ, Александръ Дюма, авторъ „Дамы съ камеліями“ и „Полусвѣта“. Немного далѣе выдѣлялась типичная фizioномія Жюля Фавра. Тутъ - же былъ и новый академикъ Жюль Симонъ, который вскорѣ также долженъ будетъ выступить съ вступительною рѣчью; присутствіе его въ этомъ засѣданіи должно принести ему ту пользу, что онъ личнымъ опытомъ убѣдился, какъ скучно публикѣ выслушивать длинныя рѣчи его будущихъ товарищей, когда онѣ страдаютъ пустотой и безцвѣтностью.

Новый академикъ занимаетъ кафедру въ сопровожденіи двухъ лицъ, заявившихъ его кандидатуру. Онъ въ мундирѣ академива, черезъ плечо у него надѣта лента ордена почетнаго легіона. Пред-

сѣдательское кресло занимает Сен-Рене-Тальяндье, призванный отвѣчать оратору отъ имени академіи, а рядомъ съ нимъ Дусе, новоизбранный постоянный секретарь, и Лемуанъ, извѣстный остроумный сотрудникъ „Journal des Débats“.

Фигура Дюма не отличается особою представительностью. Говорить онъ или, правильнѣе выражаясь, читаетъ свою рѣчь, точно сельскіе пасторы у насъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, сопровождая тѣ мѣста, которымъ онъ желаетъ придать особое значеніе, жалостнымъ тономъ. Этотъ умилятельный способъ высказыванія длиннаго ряда общихъ мѣстъ подъ конецъ становится совершенно невыносимымъ.

Предметъ рѣчи Дюма былъ, однакожь, весьма интересенъ. Ему приходилось говорить о покойномъ Гизо, на мѣсто котораго онъ избранъ академикомъ. Кажется, было о чемъ распространиться! Однакожь, постоянный секретарь академіи наукъ не представилъ даже простого очерка жизни и дѣятельности своего предмѣстника, а ограничился перечисленіемъ нѣкоторыхъ его сочиненій и изложеніемъ чистѣйшей проповѣди, въ которой личныя нравственныя и религіозныя воззрѣнія автора играли главную роль. Будучи химикомъ по профессіи, Дюма не могъ, вѣроятно, отрѣшиться отъ обыкновенныхъ своихъ аналитическихъ приемовъ: разъ попавъ на почву собственнаго будничнаго ханжества, онъ не хотѣлъ упустить случая познакомить публику со всѣми тонкостями своего міровоззрѣнія, направленнаго исключительно къ примиренію новѣйшихъ научныхъ открытій съ ходячею ортодоксальностью. Мало того, Гизо былъ и политическимъ дѣятелемъ, и представителемъ протестантизма, и защитникомъ свободы народнаго образованія, — Дюма по этому случаю счелъ долгомъ высказать свои убѣжденія по каждой изъ этихъ сторонъ общественной дѣятельности. При такой программѣ задача вышла на-столько сложная, что оратору пришлось забыть издревле признаваемое условіе всякой хорошей ораторской рѣчи и искусственными сопряженіями замѣнить отсутствіе интереса въ существѣ изложенія. И съ чего ему вздумалось проводить философскія обобщенія по поводу Гизо, который не былъ никогда отвлеченнымъ философомъ? Для чего приводилъ онъ тѣ три начала, которыя онъ считаетъ лежащими въ основаніи всякаго научнаго воззрѣнія: единство Божіе, единство человѣка и безсмертіе души? Что надо понимать подъ выраженіемъ „единство человѣка“, противопоставленнымъ „единству Божію“? Къ чему эта длинная,

неопредѣленная фразеологія, столь странно звучащая, когда приходится выслушивать ее отъ профессора точныхъ наукъ, отъ извѣстнаго химика?

Тоска была смертельная. По счастью, подъ куполъ институтскаго зданія влетѣла ласточка и забавляла своею суетливостью тѣхъ, которыхъ ужь очень клонило ко сну. Перелетая съ мѣста на мѣсто, она какъ-бы очевидно показывала, какъ скучно и то-скливо ей въ этомъ душномъ зданіи, и съ какими-бы удовольствіемъ она поскорѣе освободилась отъ длинной рѣчи оратора. Подобныя чувства испытывали очень многіе изъ присутствовавшей публики: они тоже очень охотно-бы оставили засѣданіе, если-бы позволяло приличіе. Какъ только ораторъ кончилъ, вся публика разомъ вскочила съ своихъ мѣстъ, чувствуя необходимость расправитъ и закоченѣвшіе члены, и отуманенный расудокъ.

Тальяндье съ трудомъ удалось снова возбудить вниманіе публики; наконецъ, она опять заняла только-что оставленныя мѣста. Онъ понялъ, что аудиторія растратила уже свои силы и терпѣніе на слушаніе предъидущаго оратора. Окнувъ грустнымъ взоромъ свою изрядно-толстую рукопись, онъ прочелъ ее замѣчательно скоро, что-называется на почтовыхъ.

Рѣчь Тальяндье тоже далеко не образцовая; она скорѣе напоминаетъ университетскую лекцію, чѣмъ академическое слово; но въ ней много вѣрныхъ взглядовъ, притомъ выраженныхъ довольно хорошимъ слогомъ. Въ рѣчи Тальяндье фигура Гизо предстала передъ воображеніемъ слушателей въ довольно опредѣленныхъ очертаніяхъ. Кисть оратора не отличалась яркими, характеристическими приемами, но передаваемыя черты нарисованы весьма опредѣлительно и профиль извѣстнаго дѣятеля сороковыхъ годовъ ясно выступалъ изъ рамки произносимаго панегирика.

Тальяндье не побоялся высказать свое мнѣніе и о политической роли Гизо. Онъ откровенно заявилъ о сдѣланныхъ имъ ошибкахъ, а на это надо было не мало смѣлости, потому что подобныя приемы не соответвуютъ преданіямъ академіи. Нѣкоторыхъ академиковъ передернуло, когда Тальяндье заявилъ, что постояннымъ недопущеніемъ способныхъ людей къ высшимъ правительственнымъ должностямъ и постояннымъ-же стремленіемъ прижать народную массу, несмотря на ея справедливыя требованія, Гизо вызвалъ февральскую революцію. Въ ту минуту, какъ это говорилось, я замѣтилъ,

какъ одинъ изъ академиковъ нагнулся къ герцогу Омальскому и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ, выразившихъ, очевидно, неудовольствіе на излишнюю, по его мнѣнію, рѣзкость оратора; герцогъ ничего не отвѣтилъ. Между академиками многіе навѣрное не согласятся съ смѣлыми воззрѣніями Тальяндье, въ особенности по вопросу о раздвоеніи сужденій о Гизо, какъ о политическомъ теоретикѣ и о практическомъ государственномъ дѣятелѣ; узкость и упрямая настойчивость Гизо прекрасно охарактеризованы въ рѣчи почтеннаго академика.

Къ сожалѣнію, эта часть рѣчи Тальяндье слишкомъ длинна, чтобы ее передавать цѣликомъ, а выборы неспособны дать о ней настоящаго понятія: рѣчь Тальяндье недурна въ цѣломъ, но ничего рельефнаго изъ нея выбрать нельзя.

Покончивъ съ Гизо, ораторъ долженъ былъ произнести похвальное слово новому академику. Эта часть вышла до такой степени длинною, что слушатели едва не заснули. Такъ-какъ похвальное слово считается необходимою по академическимъ преданіямъ, то достаточно было выразить, что ученые труды Дюма, весьма важные по своимъ научнымъ выводамъ и открытіямъ, на-столько популярно изложены, что понятны для всякаго, интересующагося даннымъ вопросомъ, хотя-бы онъ и не принадлежалъ къ числу людей науки. Этого было-бы слишкомъ достаточно для охарактеризованія дѣйствительныхъ заслугъ новаго академика, но Тальяндье счелъ своею обязанностью перечислить и похвалить поименно всѣ безъ исключенія ученые работы Дюма, что, безъ сомнѣнія, навѣяло страшную тоску на слушателей, такъ-что засѣданіе въ-концѣ-концовъ вышло непожѣрно-скучнымъ и томительнымъ.

8-го іюня.

Разрѣшить вопросъ, достигаетъ-ли французская академія своей цѣли, чрезвычайно трудно, какъ потому, что дѣятельность ея, кромѣ пріемныхъ засѣданій, не имѣетъ публичнаго характера, такъ и потому, что сущность академическаго направленія и вліянія на литературу невозможно усмотрѣть изъ-за той псевдо-классической дребедени, которая по свято хранимому преданію служить критеріумомъ для литературной критики. Несомнѣнно, что прославляемый въ академіи псевдо-классическій жанръ отжилъ свой

вѣкъ, однакожь нельзя не согласиться, что французская академія, какъ-бы ошибочно ни было поддерживаемое ею литературное направление и какъ-бы широко ни сыпались ѣдки эпиграмы на весь характеръ ея дѣятельности, всегда пользовалась извѣстною популярностью не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Серьезный путешественникъ, осмотрѣвъ въ Парижѣ всѣ достопримѣчательности и насытившись всѣми прелестями столицы міра, въ-концѣ-концовъ непремѣнно поинтересуется, нѣтъ-ли пріемнаго засѣданія во французской академіи. Близкое знакомство всего образованнаго міра съ французскимъ языкомъ и литературою служитъ, разумѣется, главнымъ основаніемъ подобной популярности. И дѣйствительно, какъ не поинтересоваться публичнымъ засѣданіемъ такого учрежденія, большая часть членовъ котораго, по репутаціи и по трудамъ своимъ, знакома вамъ чуть не съ дѣтства и о дѣятельности котораго приходилось учить еще на школьной скамьѣ длинныя страницы курса французской словесности?

Курсы эти, однакожь, ошибочно утверждаютъ, что нынѣшняя французская академія представляетъ собою самое древнѣйшее общественное установленіе во Франціи, единственно будто-бы уцѣлѣвшее отъ революціонныхъ крушеній, поглотившихъ вѣками сложившійся строй французскихъ учрежденій. Если ужъ сравнивать академію съ боевымъ ковчегомъ, то не въ этомъ отношеніи, а совершенно въ другомъ! Древняя академія, учрежденная кардиналомъ Ришелье, несомнѣнно должна почитаться погибшею во время реформъ конца прошедшаго столѣтія. Обязанная своимъ существованіемъ монархической власти, она съ уничтоженіемъ этой власти должна была потерять всякую жизненность. Настоящая академія не имѣетъ аристократическаго происхожденія. Появленіе ея на свѣтъ Божій излишне отдалить на нѣсколько столѣтій, какъ то старались дѣлать многіе академики, — излишне это уже потому, что святилище словесности и поэзіи нуждается не въ числѣ колѣнъ, опредѣляющихъ аристократическое происхожденіе рода, а въ дѣйствительномъ достоинствѣ и талантѣ своихъ членовъ.

Академія, созданная Ришелье и наполнявшаяся массою герцоговъ и епископовъ, была окончательно закрыта и уничтожена въ 1793 году, наравнѣ со всѣми другими подобными учрежденіями. Національному конвенту приходилось въ это время заниматься интересами совсѣмъ другого свойства. Когда снова подумали объ

академіи, то рѣчь зашла уже не о возсозданіи ея, а объ учрежденіи, имѣющемъ гораздо болѣе широкое основаніе, которое могло бы сосредоточить въ себѣ лучшихъ людей по всѣмъ сторонамъ народной цивилизаціи. Созданъ былъ „институтъ“, назначеніе котораго основнымъ его закономъ опредѣлялось въ покровительствѣ изобрѣтеніямъ и открытіямъ и въ усовершенствованіи наукъ и искусствъ. Первоначально институтъ, состоявшій изъ 144 членовъ, проживавшихъ въ Парижѣ, и такого-же числа членовъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, раздѣлялся на три класса: первый классъ долженъ былъ заниматься науками естественными и математическими, второй—науками нравственными и политическими, третій—словесностью и искусствами. Эти три класса подраздѣлялись еще на значительное число отдѣленій, соотвѣтствовавшихъ различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Такимъ образомъ система, завѣщанная энциклопедистами, была de-facto проведена въ жизнь: насмѣшки, сыпавшіяся до тѣхъ поръ на литературную академию, переполненную меценатами изъ числа богатыхъ придворныхъ и вліятельнаго духовенства, не могли болѣе имѣть мѣста: всякій членъ института непремѣнно былъ дѣйствительною рабочею силою въ той отрасли человѣческихъ знаній, которую онъ признавъ былъ представлять въ засѣданіяхъ учрежденія.

Национальный институтъ собрался въ первый разъ въ общемъ собраніи составѣ 4 апрѣля 1796 года. Существовавшее въ то время направленіе умовъ не позволяло литературѣ и поэзіи выдвинуться на передній планъ среди многообразныхъ предметовъ, которыми долженъ былъ заниматься институтъ. Школа философовъ, имѣвшая такое сильное вліяніе на движеніе идей въ концѣ прошлаго столѣтія, придавала чистой, практической наукѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ эстетическимъ произведеніямъ, а тѣмъ болѣе былому академическому жанру, заключающемуся преимущественно въ изысканіи панегириковъ и въ смѣшномъ самовосхваленіи. Способъ исполненія вакансій давалъ притомъ полное преобладаніе людямъ науки надъ чисто-литературными дѣятелями: выборы были трехстепенные; отдѣленія выбирали кандидатовъ и представляли ихъ подлежащимъ классамъ, а затѣмъ небалотированные кандидаты снова балотировались общимъ собраніемъ всего института. Масса представителей науки давила литераторовъ. Съ другой стороны, слюдослани не имѣли своего представительнаго и исполнительнаго

органа. Званіе постоянного секретаря не было еще учреждено, да и не сходилось съ ходячими понятіями того времени: пожизненное назначеніе такого дѣятеля не соответствовало-бы общимъ республиканскимъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ обществѣ. Каждый классъ института имѣлъ своего секретаря, избираемаго на годъ, который притомъ не могъ быть переизбранъ на слѣдующій срокъ.

Съ сосредоточеніемъ политической власти въ рукахъ Наполеона организація института потерпѣла значительныя измѣненія. Властолюбіе перваго консула не могло допустить совершенно свободнаго пополненія личнаго состава какого-либо учрежденія посредствомъ выборовъ. Въ 1803 году избраніе всякаго новаго члена подчинено утвержденію государственной власти. Число классовъ института изъ трехъ увеличено на четыре. Затѣмъ было возстановлено званіе постоянныхъ секретарей. Первымъ постояннымъ секретаремъ класса французскаго языка и литературы былъ назначенъ Сюрдъ, членъ прежней академіи, роялистъ по симпатіямъ, который успѣлъ дожить до реставраціи, возстановившей въ 1816 году упраздненную французскую академію.

Съ 1803 года, т. е. съ того времени, какъ возстановлено званіе постоянного секретаря, всю исторію академіи можно подраздѣлить на столько частей, сколько было этихъ секретарей. Дольше другихъ оставался въ этомъ званіи Виллементъ, носившій его 36 лѣтъ и умершій въ 1870 году. Съ этого времени секретарями были: Патэнъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и исполняющій эту должность въ настоящее время Камилъ Дусе.

Значеніе постоянного секретаря въ академіи очень велико. Секретарь несмѣняемъ; предсѣдатели академіи мѣняются, секретарь остается все тотъ-же самый; это пожизненный вице-президентъ; онъ представляетъ собою центръ, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ всѣ интересы учрежденія. Если постоянный секретарь не имѣетъ вліянія, то это значитъ, что онъ или не умѣетъ, или не хочетъ взяться за дѣло. Онъ не пропускаетъ ни одного засѣданія, тогда какъ прочіе академики часто не пріѣзжаютъ въ засѣданія, на лѣто покидаютъ Парижъ, являются въ засѣданія не всегда къ началу ихъ и часто не досиживаютъ до конца. Постоянный секретарь слѣдитъ за постановкой вопросовъ, изучаетъ ихъ до засѣданія, наконецъ подготавливаетъ почву для разрѣшенія ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ. На практикѣ онъ пользуется

всегда первымъ и послѣднимъ словомъ при обсужденіи всякаго вопроса. Онъ является охранителемъ преданія, имѣющимъ право напомнить о немъ прочимъ своимъ сочленамъ; отъ него-же зависитъ допустить и отступленіе отъ преданія, если только онъ того захочетъ. Онъ пишетъ протоколы засѣданій, а всякому извѣстно, какъ въ этомъ случаѣ тонъ самаго рѣшенія становится въ зависимость отъ личныхъ убѣжденій пишущаго! Во всѣхъ публичныхъ засѣданіяхъ постоянный секретарь является представителемъ академіи и говоритъ ея именемъ. Онъ прискиваетъ и группируетъ мотивы, служащіе основаніемъ литературныхъ приговоровъ учрежденія. Его перо и его краснорѣчіе становятся, такимъ образомъ, перомъ и краснорѣчіемъ самой академіи. Онъ, наконецъ, является хозяиномъ академическаго салона, въ которомъ онъ распоряжается, принимаетъ другихъ академиковъ, вліяетъ на выборы и даетъ всему академическому движенію тотъ именно типъ и то направленіе, которое свойственно его собственной личности. Онъ, однимъ словомъ, душа академіи, въ которой отражается мысль всего обобщеннаго учрежденія, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ главнѣйшее и безспорное вліяніе на ходъ и развитіе этой мысли.

Такимъ именно секретаремъ академіи былъ извѣстный Виллеменъ. Случалось ему на время оставлять свой постъ для политической дѣятельности, но, возвращаясь, онъ снова пріобрѣталъ прежнее вліяніе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ уравнивалось только вліяніемъ Гизо. Товарищи по профессорской кафедрѣ, эти дѣятели сошлись снова и въ академической сферѣ.

Достаточно упомянуть два эти имени: Виллеменъ и Гизо, чтобы опредѣлить направленіе, котораго держалась академія. Съ 1816 года академія пришлось пережить нѣсколько правительственныхъ формъ: реставрацію, іюльскую монархію, республику 48 года, вторую имперію и, наконецъ, республику 1870 года. Къ первымъ двумъ формамъ она выказывала всегда свое полное сочувствіе; къ республикѣ она мало-по-малу начинаетъ привыкать, хотя дѣло обходится не безъ борьбы; но вторую имперію она никогда переварить не могла. Изъ 40 академиковъ, принадлежащихъ къ ея составу въ настоящую минуту, большинство монархисты и клерикалы, вродѣ епископа Дюпанлу, герцога Брольи или графа Осонвиля; республиканскій элементъ имѣетъ здѣсь своихъ представителей въ лицѣ Жюля Фавра, Тьера, Гюго, Литтре, Жюля

Симона и др., но бонапартистъ только одинъ—Эмиль Оливье, и тотъ попалъ съ большимъ трудомъ, благодаря только личнымъ настояніямъ Наполеона III. Политическая тенденціозность академіи приводитъ ее часто къ такимъ явленіямъ, которыя кажутся весьма странными въ этомъ средоточіи безстрастнаго поклоненія одному литературному искусству! Иногда сами академики удивляются, когда хладнокровно обсудать дѣла рукъ своихъ, не увлекаясь никакими вліяніями и побужденіями, дѣйствующими беззащитно въ стѣнахъ академическаго зданія.

Исключительная тенденціозность проявляется особенно рѣзко при выборахъ. Объ этой сторонѣ академической дѣятельности нельзя не сказать, что она ведется несравненно болѣе утонченно и, если хотите, лукаво, чѣмъ выборы политическіе. Не даромъ кто-то сравнилъ французскую академію съ конглавошъ кардиналовъ, избирающимъ папу! Здѣсь иногда разыгрываются изумительныя, неожиданныя выборныя сюрпризы. Стоитъ вспомнить случай, бывшій въ 1863 году. По смерти академика Біо во всѣхъ происходившихъ частныхъ разговорахъ и совѣщаніяхъ между академиками рѣшено было выбрать на его мѣсто извѣстнаго позитивиста Литтре, заслуги котораго на литературномъ поприщѣ извѣстны рѣшительно всякому. Всѣ отгѣнки пришли къ соглашенію и выборъ считался окончательно обезпеченнымъ. Но вышло иначе. За нѣсколько дней до избирательнаго засѣданія бывшій уже въ то время академикомъ орлеанскій архіепископъ Дюпанлу печатно заявилъ о великой грѣховности Литтре, проповѣдующаго такіа философскія теоріи, которыя рѣшительно идутъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями іезуитизма. Онъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ самъ пріѣхалъ за день до засѣданія въ Парижъ, а на слѣдующее утро объѣхалъ академикомъ, легко поддающихся вліянію. Эти господа не могли устоять передъ его убѣдительнымъ краснорѣчіемъ—и Литтре былъ забалотированъ. Академія предпочла этому труженнику графа Карне, въ прошедшемъ году умершаго, который, разумѣется, далеко не имѣлъ литературныхъ заслугъ Литтре. Только въ 1871 году академія исправила свою капитальную ошибку, и то друзья Литтре воспользовались моментомъ ослабленія клерикальнаго вліянія, когда съ паденіемъ второй имперіи іезуиты нѣсколько притихли, осторожно выжидая развитія событій, чтобы показать снова свое значеніе.

Это приливъ клерикальнаго вліянія. Припомнимъ другой, ииѣющій чисто-политическій характеръ. Дѣло шло о замѣщеніи вакансіи Ремюза; кандидатомъ былъ выставленъ Жюль Симонъ, права котораго на академическое кресло, кажется, могли-бы почитаться несомнѣнными. Но во главѣ управленія стояла въ то время партія такъ-называемаго нравственнаго порядка, которая не желала, чтобы въ академію проникъ членъ свергнутаго ея тьеровскаго министерства. Герцогъ Омальскій и герцогъ Брольи подыскали кандидата Борнье, автора трагедіи „Дочь Роланда“. Борнье не ииѣлъ за собою литературныхъ заслугъ, но его произведеніе въ тотъ моментъ было въ большомъ ходу и производило по своимъ патріотическимъ тенденціямъ сильное впечатлѣніе на публику. Борьба предстояла нешуточная. Республиканцы видѣли, что ииѣ необходимо соединить всѣ свои усилія, чтобы побѣда осталась за ними, и дѣйствительно, только благодаря приѣзду нѣкоторыхъ академическихъ старцевъ, почти никогда неосѣщающихъ академію, какъ Тьеръ и Гюго, побѣда осталась за Жюлемъ Симономъ. Человѣкъ, непосвященный въ таинства академіи, могъ-бы заключить, что Борнье все-таки останется непремѣннымъ кандидатомъ въ академію и что выборъ его только отсроченъ до слѣдующей вакансіи. Но это не такъ. Послѣ балотировки Жюля Симона послѣдовало три выбора, но о Борнье и рѣчи не заходило! Кандидатура Борнье была чисто-политической, ея хотѣли устранить республиканскую кандидатуру Жюля Симона. Ловкіе политическіе борцы выбрали имя Борнье въ надеждѣ, что моментальная популярность, пріобрѣтенная авторомъ патріотической пьесы, можетъ помѣшать вступленію въ академію республиканца, хотя вполнѣ умѣреннаго.

За подобною исключительною тенденціозностью академіи исчезаетъ ея чисто-литературный характеръ. Какимъ было это учрежденіе во времена Люи-Филиппа, такимъ оно остается и теперь. Споры политическихъ партій переносятся въ академію; объясненія между академиками постоянно сходятъ съ академической на политическую почву. Судя по отзывамъ самихъ академиковъ, въ спорахъ ихъ между собою чувствуется всегда полемическій задоръ, неоправдаваемый существомъ разбираемыхъ вопросовъ. Достаточно, чтобы одинъ изъ академиковъ говорилъ по какому-либо вопросу въ извѣстномъ духѣ, чтобы другой, принадлежащій въ числу по-

литическихъ противниковъ оратора, немедленно просилъ слова, не зная порядкомъ даже, о чемъ идетъ рѣчь, и стремясь только уменьшить шансы побѣды, которая могла-бы выпасть на долю его соперника. Трудно заниматься совмѣстными литературными трудами такимъ противоположнымъ личностямъ, какъ, наприимѣръ, Литтре и Эмиль Оливье или герцогъ Брольи и Жюль Симонъ!

Впрочемъ, надо и то сказать, что академическіе выборы за послѣдніе годы далеко не удовлетворяли общественнаго мнѣнія, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями. Къ такимъ исключеніямъ слѣдуетъ причислить избраніе Александра Дюма, Джона Лемуана и Жюля Симона. Въ этихъ трехъ случаяхъ академіи посчастливилось попасть въ тонъ желанію болѣе развитой публики и журналистики. Нельзя сказать, чтобы было легко замѣщать открывающіяся вакансіи въ настоящее время. Прежде достойныхъ было слишкомъ много. Не то теперь. Начиная съ двадцатыхъ годовъ, французская литература обогащалась множествомъ произведеній такихъ писателей, литературный талантъ которыхъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ. Французская литература стала достояніемъ не одной Франціи, но и всего читающаго міра. Впрочемъ, процвѣтаніе французской литературы продолжалось не болѣе тридцати лѣтъ; съ наступленіемъ пятидесятыхъ годовъ и водвореніи во Франціи развращающаго режима второй имперіи снова почувствовалось обѣдненіе литературы. Изъ представителей блестящей эпохи академіи остались въ живыхъ только Тьеръ да Гюго, да и тѣ такъ стары, что часъ прощанья съ ними, вѣроятно, не особенно далекъ. Тогда въ академическомъ составѣ станетъ еще болѣе замѣтнымъ недостатокъ выдающихся дарованій; нѣтъ теперь ни одного такого историка, какъ Мишле, такихъ критиковъ, какъ Сен-Бевъ или Виллеменъ, такого романиста, какъ Бальзакъ, или такихъ поэтовъ, какъ Ламартинъ, Беранже и Мюссе. Вотъ главная причина, почему въ послѣдніе годы выборы въ академію не удовлетворяютъ общественное мнѣніе и вызываютъ протесты журналистики.

Какъ только бонапартисты достигли власти, они употребили всѣ старанія помѣстить въ академію своихъ влечетовъ. Успѣха, однакожь, они не имѣли: имъ пришлось убѣдиться, что большинство академиковъ были люди такого закала, что на нихъ не дѣйствовали ни визиты съ задняго крыльца, ни обѣщаніе разныхъ убла-

женій. Бонапартисты прибѣгли къ обычному своему оружію: къ клеветѣ и инсинуаціямъ. Особеннымъ нападкамъ съ ихъ стороны подвергся постоянный секретарь академіи, Виллемень, въ свою очередь, нескрывавшій своей ненависти къ порядкамъ второй имперіи. Къ сожалѣнію, Виллемень въ то-же время не счумѣлъ возбудить къ себѣ сочувствія въ новомъ поколѣніи. Подобно Гизо, вѣрный идеаламъ іюльской монархіи, Виллемень ни на шагъ не отступался отъ старыхъ убѣжденій, не понималъ потребностей вѣка и потому не могъ приобрести себѣ поборниковъ въ постоянно увеличивавшихся рядахъ противниковъ второй имперіи. Воплѣтъ подчиняясь Виллемену и Гизо, академія стала мало-по-малу лишаться своей популярности и перешла на почву отжившаго свой вѣкъ чистаго доктринаризма. Втеченіи болѣе двадцати лѣтъ академія точно нарочно сдерживалась отъ выраженія своего мнѣнія въ дѣлѣ чистой литературы и не стѣсняясь высказывала убѣжденія отжившей политики. Забывая объ обязательной для нея роли руководителя общественнаго вкуса, она если и высказывала иногда свои взгляды на текущую литературу, то не иначе, какъ уклончиво, не точно, какъ-будто она сама сомнѣвалась въ значеніи и достоинствѣ своего приговора и боялась компрометировать себя то передъ представителями общественной власти, то передъ мнѣніемъ публики. Послѣдствіемъ этого была, разумѣется, потеря ея былого значенія. Публичныя засѣданія академіи перестали возбуждать интересъ и стали наводить непреодолимую скуку, какой характеръ, за рѣдкими исключеніями, они сохраняютъ и до настоящаго времени.

Академія стала особенно безцвѣтной со смертію Виллемена, въ 1870 году, котораго въ должности постоянного секретаря замѣнилъ недавно умершій Патэнъ, ревностный защитникъ классицизма въ преподаваніи. Когда, въ 1873 году, Жюль Симонъ, въ то время министръ народнаго просвѣщенія, затѣялъ кое-какія реформы въ гимназическомъ преподаваніи, имѣвшія цѣлью ограниченіе излишняго увлеченія классицизмомъ, — Патэнъ явился горячимъ защитникомъ существовавшихъ порядковъ. По его убѣжденію, достоинство общественнаго образованія окончательно утратится, какъ скоро отъ шестнадцатилѣтнихъ юношей перестанутъ требовать долбленія латинскихъ классиковъ и педагогика окажетъ нѣкоторое предпочтеніе развитію мыслительной способности передъ упражне-

ніями одной только памяти. Патэнъ, впрочемъ, разстался съ жизнью въ мирѣ и спокойствіи: латинскіе стихи и до сихъ поръ процѣтають на школьныхъ скамьяхъ, и если существующая система и возбуждаетъ нѣкоторые протесты со стороны всего учащагося юношества и почти всѣхъ преподавателей, то она, во всякомъ случаѣ, обезпечена противъ подобныхъ протестовъ педантическою наблюдательностію инспекторовъ народнаго обученія, выбираемыхъ преимущественно изъ педагоговъ, заявившихъ свои симпатіи къ классицизму.

Въ академіи Патэнъ отличался отсталымъ педантизмомъ. Обязанности постоянного секретаря онъ выполнялъ съ педантическою точностію, и даже болѣзнь не могла удержать его отъ представленія своихъ меморій на одобреніе собранія академикомъ. Меморіи эти были написаны серьезно, совѣстливо; всякій могъ бытъ увѣренъ, что Патэнъ отъ доски до доски прочелъ то сочиненіе, о которомъ давалъ отчетъ; похвала и неодобреніе высказывались имъ всегда чрезвычайно сдержанно. Нечего и говорить, что въ его трудахъ не было и тѣни характеристическаго французскаго остроумія, въ нихъ не было ничего выдающагося, ничего поражающаго. Сами академики, привыкшіе рукоплескать всякому читаемому ихъ товарищемъ произведенію, изъ одной только вѣжливости съ нетерпѣніемъ выслушивали до конца чтеніе Патэна. Съ облегченнымъ сердцемъ они рукоплескали, какъ-бы выказывая этихъ удовольствіе за окончаніе пытки.

У Виллемена, долго пробывшаго секретаремъ, было, по крайней мѣрѣ, безспорное достоинство: звучный, красивый слогъ. Патэнъ же, по словамъ одного журнальнаго критика, обладалъ отъ природы исключительною способностію писать тяжелымъ слогомъ, и пользовался этою способностію съ исключительнымъ рвеніемъ. Отчетливое и сжатое выраженіе мысли было для него дѣломъ положительно недостижимымъ. Рѣчь его складывалась въ длинные періоды, изъ которыхъ онъ выпутывался съ величайшимъ трудомъ; вставныя предложенія нарастали одно за другимъ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мысль теряла ясность и опредѣленность. Патэнъ всегда страдалъ несчастною страстію высказывать о предметѣ все, что ему было извѣстно, не упуская ни малѣйшей подробности. Редакція Патэна всегда подвергалась нескончаемымъ насмѣшкамъ и шуткамъ. Такъ въ 1863 году ему

пришлось отвѣчать пріемною рѣчью на вступительное слово Дюфора. Адвокаты, какъ извѣстно, мастера наизывать фразы. Дюфоръ не поцеремонился хватить въ своей рѣчи такой періодъ, въ которомъ оказалось тридцать писанныхъ строкъ. Академики, просматривавшіе рѣчь до публичнаго засѣданія, были убѣждены, что Патэну придется сознаться въ одержанной надъ нимъ побѣдѣ. Однакожъ, они ошиблись: Патэнъ смѣло поднялъ перчатку и отвѣтилъ предложеніемъ, заключавшимъ въ себѣ 'сорокъ строкъ. Очевидцы увѣряли, что онъ едва не задохся, когда, въ день засѣданія, выговорилъ этотъ періодъ, не переводя дыханія.

Но кромѣ ужаснаго слога, Патэнъ внесъ въ дѣятельность академіи еще страсть къ вычурному ораторству. Онъ представлялъ ежегодно сочиненіе для полученія академической преміи, — и все это были похвальные слова, то Боссюэту, то Лесажу, то другимъ столпамъ французской словесности предъидущихъ столѣтій. Трудно себѣ представить, сколько было потрачено при этомъ риторическихъ фигуръ и пошлыхъ восклицаній и какимъ трудомъ задавался писатель, чтобы указать слушателямъ на лучшія стороны въ произведеніяхъ разбираемыхъ авторовъ, которые бросались прямо въ глаза безъ всякихъ указаній! Панегирическая литература отжила свой вѣкъ, и надо обладать исключительнымъ краснорѣчіемъ, соединеннымъ съ дѣйствительнымъ, отъ души прочувствованнымъ поклоненіемъ восхваляемому автору, чтобы похвальная рѣчь не вышла напыщенной и не наводила скуку. А рѣчи Патэна отличались именно напыщенностію и снотворностію.

Очерчивая дѣятельность французской академіи, нельзя не упомянуть и о тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми она располагаетъ. По государственной смѣтѣ на содержаніе французской академіи ассигнуется всего 85,000 франковъ въ годъ. Эти деньги предназначаются какъ на оплату жетоновъ, вручаемыхъ всѣмъ присутствующимъ академикамъ, такъ и на присужденіе двухъ ежегодныхъ премій за лучшія сочиненія по части краснорѣчія и поэзіи. На преміи по части элоквиенціи и мѣтилъ постоянный секретарь Патэнъ, безпрестанно представляя свои преисполненные цвѣтистаго слога произведенія на обсужденіе своихъ товарищей. На преміи, выдаваемые за поэтическія произведенія, является немало охотниковъ, — видно, люди, обладающіе дѣйствительнымъ

поэтическимъ талантомъ, не слишкомъ увлекаются мыслью объ угожденіи академическимъ вкусомъ!

Но главнѣйшія средства, находящіяся въ распоряженіи академіи, заключаются въ раздачѣ премій, учрежденныхъ нѣкоторыми жертвователями. Въ ряду этихъ премій первое мѣсто занимаютъ преміи извѣстнаго филантропа Монтиона. Каждый годъ ихъ выдается двѣ: одна за самый добродѣтельный подвигъ, которымъ ознаменовался истекшій годъ, а другая за лучшее сочиненіе, признанное наиболѣе полезнымъ для народной нравственности; каждая изъ премій — въ 20,000 франковъ. Кроме премій Монтиона въ распоряженіи академіи много и другихъ подобныхъ премій, размѣръ которыхъ опредѣленъ самими завѣщателями; есть преміи въ 10,000 франковъ. Въ 1860 году правительство учредило премію въ 20,000 фр. за сочиненіе или открытіе, наиболѣе полезное для страны, выдаваемую одинъ разъ въ два года. Эта премія присуждается общимъ собраніемъ института, т. е. всѣхъ пяти академій, по представленію каждой изъ нихъ по очереди. Французская академія, послѣ многихъ споровъ и передрагъ, остановилась на первый разъ на сочиненіи Тьера „Консульство и имперія“; институтъ утвердилъ рѣшеніе французской академіи. Тьеръ, человекъ богатый, пожертвовалъ присужденныя ему 20,000 фр. на учрежденіе новой преміи, въ 3,000 фр., которая выдается разъ въ три года за лучшее историческое сочиненіе, написанное на тему, избранную академіею.

Распредѣленіе этихъ премій даетъ много работы академикамъ и въ особенности постоянному секретарю, которымъ приходится прочитать и оцѣнить массу представленныхъ рукописей. Чтобы добросовѣстно исполнить свою обязанность, т. е. изъ нѣсколькихъ конкурентовъ выбрать достойнѣйшаго, академики должны тщательно слѣдить за постепенными переходами общественнаго вкуса, за появленіемъ, развитіемъ и упадкомъ господствующихъ въ современной литературѣ жанровъ, наконецъ, за всѣми разнообразными тенденціями, появляющимися въ общественной дѣятельности и болѣе или менѣе вліяющими на способъ проявленія народной эстетики. Литературныя произведенія служатъ зеркаломъ, отражающимъ эти явленія во всемъ ихъ чрезвычайномъ разнообразіи, а потому академикамъ слѣдовало-бы ближе знакомиться съ дѣйствительною жизнью общества для того, чтобы вѣрнѣе судить объ отраженіи

этой жизни. Самый серьезный упрекъ, который долженъ быть сдѣланъ академіи, именно въ томъ и заключается, что она живетъ бокомъ-о-бокъ съ общественною жизнью, но мало имѣетъ съ нею общаго. Подъ предлогомъ чистаго поклоненія однимъ лишь нравственнымъ, отвлеченнымъ идеаламъ академія ударилась въ ученый педантизмъ. Ученость—вещь хорошая, но только тогда, если она соприкасается съ жизнью, а не живетъ особнякомъ, не видя ничего дальше стѣнъ кабинета, въ которомъ она обитаетъ. Задача французской академіи заключается въ томъ, чтобы объединять въ своей дѣятельности и поклоненіе преданію, выработавшемуся въ литературѣ, и обсужденіе всякаго обновленія, служащаго проявленіемъ постепеннаго развитія человѣческой мысли и знаній. Академія никого и ничему не учитъ: она не школа, не собраніе профессоровъ, а общество лицъ, составляющихъ въ своей совокупности и во всякую данную минуту итогъ, въ которомъ выражается сила народнаго литературнаго генія. Знакомство съ прошедшимъ для нея обязательно, но еще болѣе обязательно внимательное изученіе прогрессивнаго движенія мысли въ современномъ обществѣ; она обязана всегда быть готовой принять и освятить своею санкціею всякое новое проявленіе народнаго творчества. Въ сужденіяхъ академіи не должно быть недостатка обдуманности, но она призвана уступать всякому прогрессивному движенію общественнаго вкуса, не задаваясь излишнею приверженностью къ однажды признаннымъ ею эстетическимъ идеаламъ.

Конечно, въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ сильно развита политическая жизнь, академіи невозможно совершенно игнорировать политику. Но бѣда въ томъ, что французская академія, во крайней мѣрѣ, большинство ея членовъ, желаютъ жить заднимъ числомъ и вносятъ свой политическій фанатизмъ въ вопросы чисто-литературные. Въмѣсто того, чтобы сосредоточить въ своемъ составѣ все лучшее и талантливое, что даетъ французская литература, академія стремится посадить „своихъ“, „порадѣтъ родному человѣчку“. Еще менѣе къ лицу академіи клерикализмъ. То время, когда академія почитала за честь избраніе въ число своихъ членовъ высокопоставленныхъ кардиналовъ и прелатовъ, давно уже миновало. Въ обновленной академіи нѣтъ мѣста меценатству. Между тѣмъ академія нерѣдко преклонялась предъ клерикализмомъ, но каждый разъ общественное мнѣніе высказывалось противъ по-

добнихъ попытокъ отдать академію въ руки ультрамонтанъ. Боязнь всеобщаго неудовольствія побуждала академію во-время сойти со скользкаго пути. Но присутствіе въ академіи нѣсколькихъ клерикаловъ, неимѣющихъ литературныхъ заслугъ, показываетъ, что иногда клерикализмъ пользовался симпатіей академіи. Такъ, выборъ краснорѣчиваго доминиканскаго монаха Лакордера можетъ быть мотивированъ только желаніемъ подслужиться клерикаламъ, также какъ и выборъ пресловутаго орлеанскаго архіепископа, присутствіе котораго въ академіи ознаменовалось скандальнымъ актомъ нетерпимости. Въѣкъ не таковъ, чтобы академія могла сдѣлать изъ себя орудіе клерикализма, который, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ тенденціею извѣстной партіи, а не явленіемъ народнаго духа.

Въ средѣ самой академіи не разъ подымался протестъ противъ ея застоя, противъ ея отрѣшенія отъ дѣйствительной жизни. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Сен-Бевъ: „Главнѣйшая обязанность академіи заключается теперь въ установленіи правильныхъ сношеній ея съ внѣшнимъ міромъ. Она должна избрать себѣ спеціальною задачею—постоянное ознакомленіе со всѣмъ, что появляется въ литературѣ, не исключая даже произведеній самаго легкаго жанра. Почему-бы ей не поручить младшимъ изъ ея сочленовъ составленіе, два или три раза въ годъ, сжатыхъ обзорнѣй существа общественнаго движенія, способовъ проявленія этого движенія: въ литературѣ, наконецъ, степени дѣйствительнаго интереса, возбуждаемаго и заслуживаемаго тѣми произведеніями, которыя преимущественно нравятся публикѣ? Почему не придастъ она такого рода работамъ значенія стимула, который можетъ задѣть самолюбіе академиковъ и побудитъ ихъ къ новымъ трудамъ, что несомнѣнно должно повліять на развитіе хотя и признаннаго, но всегда способнаго къ усовершенствованію ихъ таланта?... Только подъ условіемъ введенія подобнаго жизненнаго элемента въ свою дѣятельность можетъ академія выйти изъ ряда чисто-почетныхъ учреждений и надѣяться на будущность. Въѣсто того, чтобы только тянуть свое существованіе, какъ она дѣлаетъ въ настоящее время, она тогда заживетъ дѣйствительною жизнью!..“

24 іюня.

Политическая тенденціозность академіи съ особымъ торжествомъ

проявилась въ тотъ день, когда на пріемной кафедрѣ явился извѣстный Жюль Симонъ, сопровождаемый своими воспріемниками Тьеромъ и Легуве, и на его вступительную рѣчь отвѣчалъ легитимистъ Вьель-Кастель, отличающійся замѣчательнымъ отсутствіемъ не только литературнаго таланта, но и просто изящнаго вкуса. Личность новаго академика на-столько сама собою интересна, а ораторскіе приемы его такъ выработаны парламентской дѣятельностью его, что академіи втеченіи большей половины засѣданія пришлось сойти съ торнаго пути общихъ мѣстъ и всепоглощающей скуки, на которомъ она привыкла подвизаться. Въ это засѣданіе съѣхалась масса публики. Здѣсь былъ „весь Парижъ“ (tout Paris), въ томъ смыслѣ, въ какомъ газетные репортеры привыкли называть свѣтскую толпу, которая посѣщаетъ въ Парижѣ первыя театральныя представленія. Вниманіе всѣхъ было обращено, между прочимъ, на присутствіе бывшаго премьера Бюффе, наконецъ избраннаго сенаторомъ, благодаря протекціи герцога Брольи, пріѣздъ котораго совпалъ съ пріѣздомъ его политическаго врага, нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ Марсера. Самъ герцогъ Брольи не пріѣхалъ, чѣмъ показалъ не мало такта, такъ какъ при избраніи Жюля Симона онъ изъ всѣхъ силъ интриговалъ, чтобы отстранить эту кандидатуру. Затѣмъ въ публикѣ можно было замѣтить многихъ извѣстныхъ актеровъ и актрисъ, явившихся сюда преимущественно за тѣмъ, чтобы взять урокъ декламации. Была на лицо также вся академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ составу которой Жюль Симонъ уже принадлежалъ. Было много почтенныхъ старцевъ, съ большими розетками въ петлицѣ, нѣсколько священническихъ рясъ, желавшихъ своимъ присутствіемъ доказать, что интересъ къ таланту и къ прогресу можетъ проникнуть даже и въ іезуитскія каменоломни. Однихъ только представителей младшей братіи не удалось мнѣ увидѣть въ этой блестящей толпѣ...

Разбирать въ подробности рѣчь Жюля Симона я не буду, потому что по существу своему она заключала въ себѣ тотъ-же обыкновенный академическій панегирикъ, какой приходилось мнѣ слушать и въ другихъ торжественныхъ засѣданіяхъ. Оригинально было то, что бывший министръ тьеровскаго кабинета произносилъ похвальное слово другому министру того-же кабинета, Ремюза, въ присутствіи и, такъ-сказать, съ одобренія самого Тьера! Еще за-

замѣчательнѣе то обстоятельство, что оратору приходилось, слѣдя за дѣятельностью Ремюза, очертить и весь характеръ царствованія Люи-Филиппа, въ которыхъ Тьеръ игралъ преобладающую роль. Извѣстное выраженіе Лафайета, назвавшаго герцога Орлеанскаго наилучшею изъ республикъ, разумѣется, было приведено. Но была-ли это дѣйствительно лучшая изъ республикъ? спросилъ себя ораторъ. У многихъ изъ слушателей видимо духъ захватило въ ожиданіи, какъ ораторъ разрѣшитъ этотъ щекотливый вопросъ. Однакожь, ловкій политикъ счумѣлъ вывернуться и изъ этого труднаго положенія: „Вы не откажете мнѣ въ вашемъ одобреніи, милостивые государи, сказалъ онъ, — если я не стану обсуждать этого вопроса здѣсь, въ вашей средѣ. Я обсуждалъ его вчера и буду обсуждать его завтра. Здѣсь-же идетъ рѣчь только о томъ, какъ смотрѣлъ на дѣло мой предшественникъ, а его взгляды я только-что имѣлъ честь вамъ высказать!“

Политическихъ намековъ было, впрочемъ, не мало въ рѣчи Жюль Симона. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслужили нѣсколько словъ, которыми ораторъ затронулъ Бюффе. Дѣло шло о томъ, что Люи-Наполеонъ, будучи президентомъ республики, предлагалъ Ремюза министерскій портфель. „Но Ремюза отклонилъ эту честь, оставаясь непоколебимымъ въ отказѣ своемъ пригласенію къ составу такого правительства, дѣятельности котораго онъ могъ-бы только противиться!“ Намекъ былъ безжалостный, всѣ взоры устремились на Бюффе и раздались шумныя рукоплесканія. Бюффе пережилъ весьма тяжелую минуту!

Жюль Симонъ показавъ, что онъ мастеръ читать театральныя сцены, придавая словамъ каждаго дѣйствующаго лица ту интонацію, которая обуславливается даннымъ драматическимъ моментомъ. Онъ вдавался въ разборъ одной неизданной трагедіи Ремюза. Разборъ этотъ слишкомъ походилъ на профессорскую лекцію, но чтеніе самой сцены очень поправилось публикѣ, потому что ораторъ показавъ себя замѣчательнымъ чтецомъ, представляющимъ все дѣйствіе въ лицахъ и своею мимикою оживляющимъ діалогъ.

Въ рѣчи Жюль Симона можно найти много серьезныхъ мыслей и красивое, изящное изложеніе. Несмотря на нѣкоторую растянутасть рѣчи, публика прослушала ее съ удовольствіемъ, не исключая и заключительнаго панегирика Ремюза, написаннаго лег-

кижъ слогомъ и грѣшащаго только тѣми необходимыми недостатками, безъ которыхъ академическое восхваленіе обойтись не можетъ. Вообще говоря, эта часть засѣданія выходила изъ ряда обыкновенныхъ, потому что давно публикѣ не приходилось встрѣчать столько жизненнаго элемента въ стѣнахъ этого ученаго учрежденія.

Но какъ только кончилъ Жюль Симонъ, характеръ засѣданія мгновенно измѣнился: академія вступила на свой обычный, тоску наводящій путь. На дворѣ съ утра было душно, собирались тучи, и какъ-разъ къ моменту окончанія рѣчи новаго академика разразилась гроза, сопровождаемая проливнымъ дождемъ. Масса публики, какъ только кончилъ Жюль Симонъ, вскочила съ мѣстъ и бросилась къ выходу, въ надеждѣ найти еще у подъѣзда извозчицю карету. Предсѣдательствовавшій въ этотъ день академикъ Вьель-Кастель напрасно выходилъ изъ себя, потрясая президентскимъ колокольчикомъ: даже и эти призывающіе къ порядку звуки терялись въ общемъ шумѣ, производимомъ засуетившеюся толпою. Видя, что ничто не помогаетъ, Вьель-Кастель рѣшился начать отвѣтное чтеніе, несмотря на бѣгство публики. Остатокъ вѣжливости и чувства приличія побудилъ тѣхъ, которые не успѣли еще добраться до двери, возвратиться къ своимъ мѣстамъ. Мало-помалу публика успокоилась, усѣлась, смокла и стала опять слушать. Но какъ ни старалась публика сосредоточить свое вниманіе и вслушиваться, до ея слуха не доходило никакого звука, кромѣ шума, производимаго крупными дождевыми каплями, разбивавшимися о стекла! Видно было, что почтенный предсѣдатель, покачивая лысою, какъ колѣно, головою своею, шевелитъ губами, и публика изъ этого заключала, что онъ предается тому занятію, которое извѣстно подъ общимъ именемъ громкаго чтенія. Но на этотъ разъ громкое чтеніе рѣшительно не соответствовало своему названію; даже постоянный секретарь академіи Дусе счелъ необходимымъ рукою поддерживать ухо, чтобы разобрать, что бормоталъ его сосѣдъ. Изъ вѣжливости, вѣроятно, желая показать видъ, что усваиваетъ себѣ мысли, высказываемыя ораторомъ, Дусе безпрестанно кивалъ головою сверху внизъ.

Съ тѣхъ поръ я имѣлъ случай прочесть рѣчь Вьель-Кастеля въ газетахъ и убѣдился, что немного потерялъ, не слыхавъ ея въ самомъ засѣданіи. Въ этой рѣчи старческая немощь мысли уравнивалась развѣ только ужаснымъ слогомъ, напоминаю-

щимъ собою и даже превосходящимъ тяжелый слогъ покойнаго Патэна. Масса несоотвѣтственныхъ выраженій, натянутыхъ и вызывающихъ улыбку метафоръ, — отличительныя черты рѣчи, которою академія нашла соотвѣтственнымъ отвѣтить на блистательную вступительную рѣчь новаго академика. Какъ не посовѣстилось почтенное учрежденіе выпускать въ свѣтъ подъ своимъ благословеніемъ подобную дребедень, въ сочиненіи которой не захотѣлъ-бы сознаться самый плохой изъ газетныхъ репортеровъ!

Курьезнѣе всего, что и Вьель-Кастель не могъ обойтись безъ политическихъ намековъ. И онъ счелъ обязанностью высказать свое воззрѣніе на современный порядокъ вещей; онъ выразилъ свое несочувствіе къ республиканскимъ учрежденіямъ, существующимъ во Франціи. При этомъ онъ, однакожь, присовокупилъ, что „политика не составляетъ предмета, входящаго въ кругъ занятій академіи“. Если сообразоваться съ уставомъ академіи, то его заключеніе совершенно справедливо, но если обратиться къ практикѣ этого учрежденія, то придется пригласить и самого оратора сообразить, неужели самъ онъ попалъ въ академію только за свои литературныя заслуги? Совѣсть побудитъ его сознаться, что академикомъ онъ сталъ только потому, что въ моментъ его избранія большинство избирателей принадлежало къ числу его политическихъ друзей и само вошло въ составъ академіи благодаря стараніямъ такихъ-же политическихъ друзей прежняго времени.

Если ужъ становиться на политическую точку зрѣнія, то права Жюля Симона въ этомъ отношеніи, конечно, превьсятъ права Вьель-Кастеля. Если оставаться на чисто-литературной почвѣ, то никакого сравненія между ними проведено быть не можетъ: Симонъ, несмотря на его относительныя достоинства, гигантъ передъ Вьель-Кастелемъ.

Пресловутая газета „Фигаро“, однакожь, воспользовалась рѣчью Жюля Симона для своихъ инсинуацій и клеветъ на республиканскую партію. За то съ особенною нѣжностью она относится къ рѣчи Вьель-Кастеля. Эта всесвѣтная сплетница и блудница своей защитой старыхъ академическихъ традицій доказала только, что французская академія стоитъ гораздо ниже своей задачи и представляетъ собою собраніе, гдѣ находятъ отголосокъ не живое слово, а только отжившая политическая традиція.

Анонимъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Письмо ко мнѣ кременчугскаго землевладѣльца и земскаго дѣятеля г. Булюбаша.—Мой отвѣтъ ему.—„Тотъ хорошо смѣется, кто смѣется послѣднимъ“.

Авторъ „Внутренняго обозрѣнія“ майской книжки „Дѣла“ получилъ изъ Кременчуга слѣдующее письмо:

«Милостивый государь!

«Сегодня я съ прискорбіемъ, какъ землевладѣлецъ юга Россіи, прочиталъ вашу статью во „Внутреннемъ обозрѣніи“ майской книжки «Дѣла» на сей годъ.

«Читая ваши критическіе отзывы о лѣсоразведеніи, о проектѣ Шпилевскаго, о предложеніи Пржишховскаго, наконецъ, о результатахъ для хозяйства, добытыхъ комисіей, состоявшей при министерствѣ государственныхъ имуществъ, я думалъ услышать отъ васъ радикальное средство къ устраненію въ настоящее время неурожаевъ на югѣ Россіи.

«Что-же оказалось?! Вы предлагаете мѣру—„самое обширное изслѣдованіе всѣхъ сторонъ нашего народнаго, промышленнаго, торговаго и финансоваго хозяйства“.

„Эти строки вызвали во мнѣ желаніе въ одной изъ газетъ отвѣтить вамъ въ насмѣшливомъ тонѣ. Но потомъ я раздумалъ. Найдутся многіе, которые сдѣлаютъ это. Я-же, какъ землевладѣлецъ и земскій дѣятель, рѣшаюсь дать вамъ совѣтъ—не писать никогда о серьезныхъ вопросахъ, съ которыми вы мало знакомы. У насъ голодь, мы просимъ совѣта ученыхъ и литераторовъ указать намъ средства къ уменьшенію постигшаго насъ несчастія, а литература въ лицѣ вашемъ отдѣляется общей фразой.

„Увѣренъ въ томъ, что вы получите еще нѣсколько писемъ, въ которыхъ въ иной формѣ, но будетъ данъ вамъ тотъ-же совѣтъ, почему можно надѣяться, что вы употребите ваши литературныя способности на разсмотрѣніе другихъ вопросовъ, но не сельскаго хозяйства.

„Николай Булюбашъ“.

Г. Булюбашъ желаетъ, чтобы я, не отдѣляясь фразами, говорилъ серьезно,—и я буду говорить съ г. Булюбашемъ серьезно. Но прежде я оговорюсь. Я не желаю, чтобы землевладѣльцы юга Россіи подумали, что я обобщаю ихъ въ г. Булюбашѣ. Мое

обращеніе чисто-личное, если-же потомъ я и буду дѣлать общеніе, то въ немъ не будетъ ничего личнаго.

Читая мой разборъ мѣръ, предлагаемыхъ для улучшенія климата юга Россіи, г. Булюбашъ ожидалъ, что послѣ отрицанія я предложу свой собственный проектъ, затѣмъ г. Булюбашъ начнетъ хозяйничать по моему рецепту и въ южномъ краѣ исчезнуть навсегда голодухи и засухи. Хотя такое высокое обо мнѣ мнѣніе и должно льстить моему самолюбію, но едва-ли я имѣю право разсчитывать на божескія почести.

Но оставимъ боговъ; я-бы попросилъ г. Булюбаша взять изъ кременчугской библіотеки сочиненіе по сельскому хозяйству и по лѣсоводству, напр., сочиненія Котты-отца, Пфейля, Гундесгагена, Рацебурга, Парада, Берга. Корифеи нѣмецкаго лѣсоводства изслѣдовали до точки вліяніе лѣсовъ на климатъ, разъяснили значеніе ихъ, и сельско-хозяйственное, и государственное. Благодаря нѣмецкимъ ученымъ, Германія болѣе 50 лѣтъ занимается лѣсоразведеніемъ; но ея лѣсное хозяйство только потому хорошо, что каждый нѣмецкій землевладѣлецъ въ то-же время и агрономъ. Лѣсоводство, г. Булюбашъ, не составляетъ отдѣльнаго званія, оно только отдѣлъ сельскаго хозяйства. Поэтому во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ развито сельское хозяйство, развито и лѣсоводство. Если-же въ странѣ хромаетъ лѣсоводство, овцеводство, скотоводство и другіе отдѣлы хозяйства, то это, г. Булюбашъ, первый признакъ низкаго уровня общихъ познаній сельскихъ хозяевъ. Окончивъ нѣмецкихъ писателей, пусть г. Булюбашъ прочитаетъ Зябловскаго, Дивова, Перелыгина, Серебряникова, Цягру, Длатовскаго, Семенова, Боде, Граффа, Арнольда, пусть прочитаетъ „Сельскую метеорологію“ Ястржембовича, „О климатѣ харьковской губерніи“ Лапшина, „Метеорологическіе очерки“ Морозова, „Метеорологическія наблюденія“ Семенова, „О климатѣ Москвы“ Спасскаго, „О климатѣ полтавской губерніи“ Маркевича, „О климатѣ Россіи“ Веселовскаго. Если у г. Булюбаша достанетъ мужества преодолѣть все это, то ближайшій результатъ будетъ слѣдующій: г. Булюбашъ опредѣлитъ мѣру своихъ личныхъ силъ, мѣру силъ человѣческаго знанія, наконецъ, мѣру силъ людей, пишущихъ „Внутреннія обозрѣнія“, и не ста-

нѣтъ воздавать божескихъ почестей не только себѣ и мнѣ, но даже и корифеямъ лѣсоводства, взятымъ вмѣстѣ.

Г. Булюбашу извѣстно, что югъ Россіи сотворенъ не сегодня и особенно не послѣ освобожденія крестьянъ, что южныя степи, когда въ нихъ кочевали скифы, отличались такимъ-же бездождіемъ, сухостью и безлѣсіемъ, какъ и нынче. Объ этомъ г. Булюбашъ можетъ прочесть у Геродота. Прошли вѣка, въ природѣ все стоитъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ: и гольфстремъ течетъ тамъ-же, и горы Скандинавіи, и Ледовитый океанъ, и Балтійское море съ его заливами, и равнины Россіи,—все осталось тѣмъ-же; а г. Булюбашъ желаетъ, чтобы я указалъ ему, какъ можно въ одну минуту заставить природу ронять на югъ Россіи больше дожда и какъ приказать почвѣ южнаго края давать урожаи, какихъ она давать не хочетъ! Ужъ если этотъ вопросъ не могли порѣшить всѣ корифеи лѣсоводства и сельскаго хозяйства и на съѣздахъ сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ не пришли до сихъ поръ ни къ какому заключенію, то г. Булюбашъ въ отношеніи моего „Внутр. Обзор.“ едва-ли оказывается безпристрастнымъ.

Недоразумѣніе г. Булюбаша произошло, очевидно, оттого, что онъ принялъ „Дѣло“ за агрономическое изданіе, а его „Внутреннія обозрѣнія“ за сельско-хозяйственную академію. Вѣроятно, г. Булюбашу извѣстно, что въ Россіи существуетъ нѣсколько сельско-хозяйственныхъ обществъ и сельско-хозяйственныхъ изданій и что „Дѣло“ журналъ вовсе не сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Если это извѣстно г. Булюбашу, то за что-же онъ дѣлаетъ мнѣ ироническое замѣчаніе, что я предлагаю „самое обширное изслѣдованіе всѣхъ сторонъ нашего народнаго, промышленнаго, торговаго и финансоваго хозяйства“? Г. Булюбашъ на обложкѣ „Дѣла“ можетъ прочесть, что это журналъ литературно-политическій и общественный, но вовсе не агрономическій, и потому, что онъ журналъ не агрономическій, онъ даже и въ агрономическихъ вопросахъ видитъ не то, что видитъ г. Булюбашъ. Я ставлю въ заслугу г. Булюбашу, что онъ имѣетъ искреннее желаніе научиться сельскому хозяйству, но ошибка г. Булюбаша въ томъ, что онъ видитъ во мнѣ профессора агрономіи и хочетъ, чтобы я управлялъ законами природы. Какъ вы ни негодуйте на меня, г. Булюбашъ, но, ей-богу, я этого сдѣ-

лать не могу. Вотъ говорить о сельскомъ хозяйствѣ съ общей точки зрѣнія и видѣть въ истощеніи почвы юга Россіи, въ его безлѣсіи и въ сухости воздуха общественный вопросъ — это я могу. Что г. Булюбашъ въ своихъ словахъ проглядѣлъ слона и что сельско-хозяйственный вопросъ юга есть вопросъ общественный, я представляю г. Булюбашу очень убѣдительное доказательство.

Во второмъ томѣ сборника государственныхъ знаній г. Безобразова напечатана статья В. И. Чаславскаго объ отхожихъ земледѣльческихъ промыслахъ. Статья эта не агрономическая, въ ней тоже нѣтъ рецептовъ; но за то есть нѣчто болѣе драгоцѣнное, потому что сельское хозяйство юга Россіи она сводитъ къ общимъ принципамъ. Г. Булюбашъ огорченъ тѣмъ, что его имѣніе не даетъ ему въ послѣдніе года такого дохода, какой онъ получалъ прежде. Г. Чаславскій доказываетъ, что крестьяне малоземельныхъ губерній уже давно и гораздо раньше г. Булюбаша не имѣютъ отъ своей земли выгодъ и, чтобы сводить концы съ концами, уходятъ въ земледѣльческіе промыслы. Если-бы крестьяне требовали отъ „Дѣла“, чтобы оно дало имъ совѣтъ, какъ увеличить доходы отъ земли, то они, конечно, давно-бы умерли съ голоду. Но такъ-какъ крестьяне знаютъ, чего можно требовать имъ отъ общественно-политическаго журнала, то и дѣлаютъ сами то, что имъ нужно дѣлать. Г.-же Булюбашъ находится совершенно въ положеніи того крестьянина, которому земля даетъ мало, и, несмотря на то, онъ все-таки сидитъ дома съ сложенными руками и ждетъ, что манна небесная ниспадетъ на него изъ какого-нибудь петербургскаго литературно-политическаго журнала. Идите, г. Булюбашъ, въ отхожій промыселъ и да снизойдетъ на васъ кротость и терпѣніе!

Г. Чаславскій доказываетъ, что причина недостаточныхъ доходовъ земледѣльцевъ трехпольной полосы въ крѣпостномъ правѣ. Исторія эта тянулась вѣка, цѣлые вѣка, г. Булюбашъ. Не въ одинъ годъ земля въ малоземельныхъ губерніяхъ выпалхалась и народъ пошелъ массами на югъ. Потерявъ равновѣсіе, народъ ищетъ спасенія въ земледѣльческомъ бродяжествѣ, направленномъ на югъ, въ широкое приволье. Но и широко-привольный югъ не сталъ счастливѣе отъ посѣщающаго его бродячаго земледѣльца.

Отчего происходит это, прочитайте у г. Чаславскаго, и вы увидите, на-сколько отъ причинъ, выставленныхъ г. Чаславскимъ, терпятъ цѣны на рабочія руки, колеблется цѣна на хлѣбъ, и неурядица этого рода мѣшаетъ точному расчету сельскихъ хозяевъ и не позволяетъ имъ ни вести правильнаго хозяйства, ни улучшать его рационально.

Конечно, г. Булюбашъ скажетъ, что это не отвѣтъ; и я самъ знаю, что не отвѣтъ; но если причины, мѣшающія людямъ усѣсться, тянутся цѣлые вѣка, справедливо-ли поступаетъ г. Булюбашъ, требуя отъ журнала „Дѣло“, чтобы оно въ одну минуту измѣнило русскую исторію? Если вы не вѣрите въ волшебныя сказки, то какъ-же вы вѣрите въ сельско-хозяйственныя чудеса? Г. Булюбашъ, вѣдь это непослѣдовательно. Подумайте! Здѣсь первый вопросъ въ томъ, чтобы люди перестали кочевать и усѣлись на своихъ мѣстахъ. Вся неурядица только оттого, что у однихъ земли мало, а у другихъ ея слишкомъ много. И вотъ всѣ бродятъ съ мѣста на мѣсто, точно не кончилось еще переселеніе народовъ. Что-же касается порядка жизни и организаціи труда, то каковаго труда и порядка захотѣли вы, если все около васъ бродитъ и шевелится: бродятъ люди, бродятъ мысли, все дѣлается случайно, на-авось, и шаете вы на-авось, и съете вы на-авось, авось будете съ рабочими, а авось будете безъ нихъ, не знаете вы и цѣны труда, не знаете цѣны продукта, землю вашу выпахалъ еще дѣдушка, а бабушка передала вамъ только хорошія замашки да привычки и испортила ваше воображеніе волшебными сказками! Чудо человѣкъ носитъ самъ въ себѣ, и хлѣбъ человѣка не въ землѣ, а въ его головѣ. Я знаю, что мысль эта суровая, и ею не успокоишь нищаго и не накормишь голоднаго. Но вѣдь что-же дѣлать! Что дѣлать, когда мы не знаемъ, что дѣлать? Вы, г. Булюбашъ, не довольны, что я не научилъ васъ, какъ увеличить урожай вашего имѣнія. Право, я научилъ-бы васъ этому, если-бы зналъ. Но вѣдь кто-же знаетъ, отчего мы бѣдны и отчего въ нашемъ краѣ неурожай? Если вы читали все, что писалось и говорилось о югѣ, то, конечно, помните то, что до сихъ поръ пока всякій предлагалъ свой маленькій рецептъ: одинъ лѣсоразведеніе, другой отрицалъ его, третій совѣтовалъ землевладѣльцамъ раздробить свои имѣнія и

вести мелкое хозяйство, четвертый—вести крупное и фермерство, пятый говорилъ, что причины бѣдствій въ социальномъ неустройствѣ и нужно переселеніе, шестой,—что вся бѣда въ нашемъ невѣжествѣ. Что-же можно сказать точнаго среди этой неисходной разногласицы и какого мнѣнія держаться? Ясно, что остается провѣрить всѣ толки и мнѣнія и, такъ-сказать, цѣлнимъ русскимъ соборомъ выбрать одно и его выполнить. Соборъ чуда, конечно, не выдумаетъ, и главнымъ врачомъ явится все-таки время. А знаете-ли, г. Булюбашъ, что такое время? Время—созрѣвшая мысль и знаніе. И вотъ, если вы желаете знать мой личный рецептъ, то я скажу вамъ его: хлѣбъ челоуѣка не въ землѣ, а въ головѣ, хлѣбъ въ знаніи. Цѣлня тысячи лѣтъ вашъ дикій, степной, безграничный край жилъ спокойно въ своемъ степномъ привольи, а когда тѣснота и земельное обдѣленіе вызвало переселеніе народовъ, надъ вами грянулъ громъ и вы стали креститься. Что-же я-то тутъ сдѣлаю, и чѣмъ вашъ поможетъ «Дѣло», и чему оно васъ научить, когда вы жили безъ науки тысячу лѣтъ и только теперь объ ней вспомнили!

У меня есть отчетъ одесской публичной библіотеки за 1875 г. Отчетъ этотъ я получилъ въ одно время съ письмомъ г. Булюбаша и пожалѣлъ, что г. Булюбашъ, вмѣсто того, чтобы обращаться ко мнѣ, не поискалъ отвѣта у себя подъ бокомъ. Вѣрно одесская библіотека не выслала г. Булюбашу своего отчета. Жаль! Отчетъ одесской библіотеки очень любопытенъ.

Одесская публичная библіотека основана въ 1829 году княземъ Воронцовымъ и въ 1830 году была уже открыта для публики. Библіотека составилаь изъ пожертвованныхъ книгъ, изъ отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій, выписываемыхъ самой библіотекой, и изъ изданій, печатавшихся въ Одессѣ. Впослѣдствіи стали присылаться въ библіотеку изданія разныхъ министерствъ и учреждений. Такимъ образомъ составъ библіотеки былъ чисто-случайный, и если-бы въ отчетѣ заключались большія подробности, то былъ-бы яснѣе для насъ и характеръ ея матеріала для чтенія. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что собственный владѣ Одессы если и отличался разнообразіемъ, то, во всякомъ случаѣ, не особенно руководящимъ и прогрессивнымъ содержаніемъ. Думаемъ мы также, что библіотека, какъ прежде,

такъ и теперь, отличается больше частнымъ, а не общимъ характеромъ. Это можно заключить изъ того, что на 5,000 книгъ на разныхъ европейскихъ языкахъ приходилось только 1,000 книгъ русскихъ.

Изъ отчета видно, что завѣдывающіе библіотекой, заботясь объ удобствѣ читателей, перевели ее въ постоянное и болѣе удобное помѣщеніе, пополнили разрозненныя изданія, переиздали книги неперечтенныя и, наконецъ, переводные романы второстепеннаго достоинства исключили изъ состава библіотеки. Все это сдѣлалось только въ 1874 году, т. е. черезъ 45 лѣтъ по учрежденіи библіотеки. Итакъ, потребовалось 45 лѣтъ для того, чтобы порѣшить, какія книги должны быть въ библіотекѣ и что слѣдуетъ давать читателямъ! Когда это было порѣшено, то библіотека задалась болѣе серьезной воспитательной цѣлью и приняла мѣры противъ легкомысленныхъ читателей.

Въ числѣ посѣтителей являлась цѣлая масса такихъ, которые требовали дрянные повѣсти и романы. А ихъ въ одесской библіотекѣ было не мало. Массу легкомысленныхъ читателей увеличивали еще набѣгавшіе посѣтители, требовавшіе мѣстныхъ и столичныхъ газеты, листки, афиши, торговыя объявленія. То бывали обыкновенно юноши, ученики, народъ вообще безпокойный, плохо подчинявшійся условіямъ благопристойности и тишины и своимъ назойливыми требованіями только надоѣдавшій дежурнымъ библіотекарямъ. Чтобы покончить съ легкомысленнымъ населеніемъ Одессы, съ марта 1875 года библіотека перестала выдавать книги, несоотвѣтствующія образовательнымъ цѣлямъ, прекратила выдачу трехъ послѣднеполученныхъ номеровъ ежедневныхъ политическихъ газетъ, а выдачу романовъ, повѣстей, стихотвореній и вообще книгъ для легкаго чтенія предоставила усмотрѣнію библіотекарей.

Отчетъ говоритъ, что когда была введена эта мѣра, то число читателей съ 174 (въ февралѣ) понизилось, въ мартѣ, до 116 человекъ въ день. Но затѣмъ число читателей стало расти и въ послѣдніе три мѣсяца 1875 года дошло до 170. Отчетъ думаетъ, что причина этого въ томъ, что серьезные читатели нашли большее удобство и спокойствіе и что вообще нравы читателей очистились и улучшились. Отчетъ думаетъ, что новыя стро-

гія мѣры повліяли исправительно и на учащуюся молодежь, и когда ей перестали давать романы и повѣсти, она занялась чтеніемъ путешествій и другихъ болѣе полезныхъ книгъ.

Въ 1875 году посѣтило одесскую бібліотеку 30,172 чело-
вѣка и въ томъ числѣ 930 женщинъ, слѣдовательно, одна жен-
щина приходится на 32 читающихъ мужчины. Въ оправданіе
малой цифры читающихъ женщинъ можно было-бы сказать, что
женщины читаютъ больше на дому; но едва-ли это поясненіе бу-
детъ вѣрно. Мужчины тоже читаютъ на дому. Не проще-ли ска-
зать, что женщины вообще читаютъ меньше? По времени года
и женщины, и мужчины читаютъ больше всего въ октябрѣ, но-
ябрѣ и декабрѣ. Самая большая цифра приходится на ноябрь—
178 читателей, а самая меньшая на іюль—3 читателя въ день.
Въ іюль всѣхъ читателей было 90 человекъ и въ томъ числѣ
женщинъ всего 5, т. е. на восемнадцать читателей одна чита-
тельница, или женщины въ іюль мѣсяцѣ читаютъ почти вдвое
больше, чѣмъ мужчины. Почему это такъ и что изъ этого про-
исходитъ—я рѣшать не берусь и констатирую только фактъ. Во-
обще изъ отчета бібліотеки видно, что чтеніе въ Одессѣ раз-
вито не особенно. Жаль, что отчетъ даетъ только цифру посѣ-
щеній, а не читающихъ лицъ; да и вообще статистика отчета
представляетъ очень скудный матеріалъ для оцѣнки интеллигент-
ныхъ силъ Одессы. Изъ отчета видно, сколько посѣтителей было
всего втеченіи года и сколько пришло два раза. Но и эти цифры
скорѣе вводятъ въ недоразумѣніе, чѣмъ разъясняютъ его. От-
четъ говоритъ, что утромъ пришло 22,929 человекъ, вечеромъ—
4,589, и два раза пришло 2,854 человекъ. Неужели это зна-
читъ, что только 2,854 человекъ были въ бібліотекѣ два раза
въ году, а всѣ остальные по одному? Если это такъ и если
цвѣтъ одесской интеллигенціи только одинъ день въ году чита-
етъ книги и газеты и всего 2,854 чел. два раза въ году, зачѣмъ-
бы Одессѣ имѣть бібліотеку? Нужно, однако, думать, что это не
такъ, что тутъ что-нибудь напуталъ статистикъ одесской бібліо-
теки. И такъ-какъ онъ, очевидно, напуталъ, то и должно остаться
неизвѣстнымъ, на-сколько Одесса занимается чтеніемъ и какой
процентъ всего населенія Одессы составляютъ читатели. Однимъ

словомъ, ни объ общей потребности чтенія сказать ничего нельзя, нельзя сказать ничего и въ частности.

Посмотримъ, не даетъ-ли лучшаго матеріала вторая таблица. Въ ней показано число спрошенныхъ книгъ по отдѣламъ. Изъ таблицы мы узнаемъ, что больше всего читались періодическія изданія и въ декабрѣ (максимумъ) спрашивались они 1,377 разъ. За періодическими изданіями, спрошенными 10,358 разъ въ годъ, слѣдуетъ словесность, спрошенная 5,901 разъ въ годъ; затѣмъ исторія—3,699 разъ, философія—1,274 раза, правовѣденіе—955 разъ, естествознаніе—850 разъ, языкованіе—842 раза, критика и библіографія—754 раза, богословіе—614 разъ, математика—493 раза, сельское хозяйство—69 разъ и, наконецъ, изящныя искусства—62 раза. Конечно, правильному выводу иѣшаетъ то, что вмѣсто числа читателей дается число посѣщеній и вмѣсто статистики нѣчто вродѣ архитектурной снѣтн. Будемъ, однако, довольствоваться тѣмъ, что даютъ, и сдѣлаемъ выводъ, какой возможенъ. Оказывается, что чтеніе періодическихъ изданій—самое любимое чтеніе Одессы; словесность читается въ половину меньше, исторія въ три раза меньше, философія почти въ семь разъ меньше, правовѣденіе въ десять разъ меньше, а сельское хозяйство въ *сто пятьдесятъ* разъ меньше. И этотъ выводъ не совѣтъ точный. Нельзя-ли его поправить? Мы попытаемся опредѣлить, что собственно читаетъ Одесса въ періодическихъ изданіяхъ. Что потребность въ критикѣ у одесситовъ очень слаба, можно видѣть изъ того, что критика и библіографія были спрошены почти въ пятнадцать разъ меньше, чѣмъ періодическія изданія. Изъ этого есть основаніе заключить, что критическій отдѣлъ журналовъ не составляетъ любимаго чтенія одесскихъ читателей. А изъ того, что богословіе, правовѣденіе, философія составляютъ четверть спрошенныхъ періодическихъ изданій, нужно думать, что отвлеченное мышленіе тоже не особенно практикуется одесскимъ населеніемъ и что тамошніе жители по преимуществу реалисты. Но если они имѣютъ наклонность къ реальному мышленію, то, конечно, нужно ожидать, что читаются больше книги положительнаго содержанія. Увы, такой выводъ не подтверждается: отдѣлъ естествознанія, медицины, сельскаго хозяйства имѣлъ наименьшее число читателей. Мыслящій

реализмъ одесситовъ былъ направленъ преимущественно въ сторону повѣствовательнаго и художественнаго: читались больше всего исторія и словесность. Слѣдовательно, нужно заключить, что подобныя же произведенія читались и въ періодическихъ изданіяхъ. Но можно сдѣлать и еще выводъ. Можно спросить, почему кромѣ періодическихъ изданій, въ которыхъ наибольшій отдѣлъ посвященъ именно беллетристикѣ, требовались еще словесность и исторія? Очевидно, что онѣ требовались только потому, что періодическія изданія не были въ состояніи удовлетворить вполнѣ подобной потребности. Удовлетворяй они вполнѣ, никто, конечно, не потребовалъ-бы романовъ, какъ дополнительнаго чтенія. Такимъ образомъ, оказывается вполнѣ очевиднымъ, что въ періодическихъ изданіяхъ не только читается по-преимуществу беллетристическій, легкій отдѣлъ, но отдѣлъ этотъ настолько не удовлетворяетъ всей потребности въ легкомъ чтеніи, что, въ видѣ дополненія, спрашиваются еще отдѣльныя сочиненія легкаго содержанія. Итакъ, легкое чтеніе есть основное и главное чтеніе одесситовъ и мѣры начальства бібліотеки, принятія для сокращенія числа легкомысленныхъ читателей, едва-ли привели къ чему-нибудь.

Самый жалостный отдѣлъ составляетъ сельское хозяйство и только одни изящныя искусства стоятъ ниже его. Правда, вторая таблица не даетъ еще полнаго понятія о числѣ спрошенныхъ и прочитанныхъ изданій; послѣ нея помѣщенъ списокъ 115 русскихъ и иностранныхъ изданій, спрошенныхъ 23,965 разъ. Но эти десятки тысячъ разъ не измѣняютъ сдѣланнаго нами вывода. Изъ сельско-хозяйственныхъ изданій были вытребованы: „Земледѣльческая газета“ — 35 разъ, „Записки императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи“ — 15, „Лѣсной журналъ“ — 16 разъ, „Русское сельское хозяйство“ — 12 разъ, „Сельское хозяйство и лѣсоводство“ — 4 раза, „Труды императорскаго вольно-экономическаго общества“ — 4 раза; или изъ 23,965 требованій на долю сельско-хозяйственныхъ изданій приходится лишь 86. Намъ могутъ возразить, что мы подтасовываемъ цифры и что одесскій городской читатель вовсе не представитель читателя-землевладѣльца. Конечно, это такъ, но едва-ли это замѣчаніе измѣнитъ наше общее заключеніе о характерѣ одесскаго читателя вообще, а если

можно обобщить этот выводъ, то и вообще читателя юга Россіи. Кто-же не знаетъ, что наши сельско-хозяйственныя изданія едва существуютъ? Если это потому, что наши сельско-хозяйственныя журналы не удовлетворяютъ потребности, то можно ожидать, что этой потребности удовлетворяютъ книги. Но гдѣ-же эти книги? Если онѣ есть, то одесская бібліотека, конечно, ими-бы располагала. Но такъ-какъ всѣ сочиненія по сельскому хозяйству, имѣющіяся въ одесской бібліотекѣ, спрашивались всего 69 разъ, то нельзя-ли изъ этого заключить, что спрашивались они такъ мало потому, что они не нужны, да и пишется ихъ такъ мало тоже потому, что они не спрашиваются? И ошибемся-ли мы въ своемъ выводѣ, если скажемъ, что нашъ средній сельскій хозяинъ, и не одного юга Россіи, чтеніемъ сельско-хозяйственныхъ книжекъ не занимается и ведетъ свое хозяйство практически, какъ научила его бабушка, оставившая ему только хорошія привычки и манеры и не особенно требовательную мысль? Поэтому мы нисколько не удивляемся, что г. Булюбашъ, если мы даже допустимъ, что всѣ 69 посѣщеній, показанныхъ во второй таблицѣ отчета, принадлежатъ ему, вознегодовавъ на „Дѣло“, что оно не научило его, какъ измѣнить климатъ Россіи, уменьшить малоземеліе и создать урожай тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Да, г. Булюбашъ, вопросъ о знаніи и просвѣщеніи одинъ изъ самыхъ хитрыхъ вопросовъ. По словамъ Шиллера, даже боги тщетно борются съ человѣческимъ невѣжествомъ. Это даетъ намъ смѣлость заключить, что и попытка одесской бібліотеки поднять принудительнымъ путемъ умственный уровень одесситовъ едва-ли приведетъ къ чему-нибудь: этотъ опытъ бібліотеки, кромя затрудненія въ выдачѣ книгъ для легкаго чтенія, заключался еще въ слѣдующемъ.

Управленіе бібліотеки занимается теперь пополненіемъ ея по слѣдующей программѣ, осуществленію которой хотя и можно желать всякаго успѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволительно въ немъ и ошибаться. Отдѣлъ городского благоустройства долженъ по проекту заключать въ себѣ, по возможности, полное собраніе сочиненій по всѣмъ отраслямъ городского хозяйства. Въ него должны войти и техническія сочиненія, касающіяся способа замошенія городовъ, устройства водо и газопроводовъ, сочиненія

по устройству городской полиціи, архитектурныя сочиненія, устройство театровъ, больницъ, банковъ, школъ и т. д. Этотъ характеръ пополненія заставляетъ заключить, что одесская бібліотека — преимущественно городская бібліотека и ее интересуетъ особенно благоустройство Одессы. И въ остальномъ одесская бібліотека желаетъ сохранить свой исключительно городской характеръ. Такъ отдѣлъ народнаго образованія предполагается расширить и пополнить всѣмъ тѣмъ, что даетъ наша догматическая педагогика и что можно имѣть по отдѣлу учебниковъ и наглядныхъ пособій для необходимаго ознакомленія родителей и учителей съ новѣйшими педагогическими системами. Сельскія мѣстности тутъ, конечно, не при чемъ.

Сдѣлала еще бібліотека попытку пріобрѣтенія журналовъ и докладовъ земскихъ управъ. Губернскія управы: вятская, пермская, с.-петербургская, нижегородская, новгородская, черниговская, екатеринославская, харьковская, калужская, ярославская, бессарабская, рязанская, воронежская, смоленская, полтавская, орловская, казанская изъявили готовность высылать въ одесскую бібліотеку свои изданія.

Хотѣлось-бы намъ знать, на-сколько эти неоспоримо доброжелательныя просвѣтительныя намѣренія приведутъ къ какимъ-нибудь результатамъ? Мы не отрицаемъ, что въ далекомъ будущемъ что-нибудь и выйдетъ; что-же касается будущаго ближайшаго, то думается намъ, что всѣ эти изданія на-столько-же поднимутъ интелектъ города Одессы, на-сколько хозяйственныя изданія помогли правильности сельско-хозяйственнаго мышленія г. Булюбаша. А что для подобнаго вывода есть у насъ основаніе, читатель увидитъ изъ того, что изъ 56,669 требованій сборникъ херсонскаго земства требовался всего только 12 разъ, а изданія другихъ земствъ ни разу. Предположите, что земскій отдѣлъ бібліотеки устроился и всѣ земства выслали то, что отъ нихъ просятъ и ожидаютъ. Но что-же изъ этого? Книги будутъ лежать и ихъ также не станутъ спрашивать, какъ не спрашивали до сихъ поръ. Вѣдь это опять повтореніе стараго вопроса: республика-ли создаетъ республиканцевъ или республиканцы республику. Мы говоримъ вовсе не противъ проекта бібліотеки устроить у себя всякіе отдѣлы, — мы отвѣчаемъ только г. Булюбашу. Мало-

ли какія книги есть въ библіотекѣ, да развѣ г. Булюбашъ ихъ прочиталъ? И потому, что онъ ихъ не прочиталъ, въ немъ явятся вопросы и притязанія, которыхъ иначе въ немъ-бы никогда не явилось. Не даромъ-же одесская библіотека задумала воспользоваться мыслью покойнаго барона Корфа и, по примѣру обширнаго отдѣла Russica при императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, устроить у себя отдѣлъ Novogossica и для этого собрать всѣ сочиненія, относящіяся до исторіи, этнографіи, географіи, статистики и естественной исторіи Новороссійскаго или вообще южнаго края, со включеніемъ Кавказа. Для насъ совершенно ясно, что мысль о подобномъ отдѣлѣ могла явиться только потому, что обитатели южнаго края частью ничего не знаютъ о своемъ краѣ, а часть имъ объ немъ и читать нечего. Какъ г. Булюбашу ни покажется парадоксальнымъ мой выводъ, но я скажу, что только оттого г. Булюбашъ и написалъ мнѣ свое письмо, что въ одесской библіотекѣ еще нѣтъ отдѣла Novogossica. Если-бы г. Булюбашъ зналъ то, что ему нужно знать какъ землевладѣльцу и сельскому хозяину, развѣ онъ рѣшился-бы съ такою развязностью обнаружить многія стороны своего невѣденія? Я вполнѣ сочувствую бѣдственному положенію и земледѣльцевъ, и землевладѣльцевъ окрестностей Кременчуга; но тѣхъ знаній, которыхъ у нихъ не достаетъ, я имъ дать не въ состояніи, а что имъ недостаетъ именно знаній, въ этомъ и заключается вся соль письма г. Булюбаша. Коротенькій смыслъ его претензіи вотъ въ чемъ: ни я, ни мои сосѣди не знаемъ, что намъ нужно дѣлать. Пожалуйста научите!

Но г. Булюбашъ, какъ и его сосѣди, обнаруживаетъ тутъ еще новое невѣденіе. То, что портилось очень долго, нельзя поправить сразу, и особенность всякой хронической болѣзни въ томъ именно и заключается, что она лечится долго. Когда предметъ занимаетъ не свое мѣсто въ природѣ, для него одно средство чувствовать себя хорошо: или измѣнить въ свою пользу внѣшнія условія, или перемѣнить свое мѣсто. Понимаете?

Южный край, съ тѣхъ поръ, какъ его посѣтили неурожаи, зашевелился очень энергично и сталъ думать крѣпкую думу. Если г. Булюбашу извѣстна эта дума, то, конечно, ему извѣстенъ и проектъ г. Боровскаго. Между прочимъ г. Боровскій дѣлаетъ

разсчитать, во что обходился доход помѣщиковъ южнаго края отъ земледѣльческаго труда. Изъ разсчета этого оказывается, что въ общей сложности помѣщики получали отъ труда крестьянъ 3,160,000 въ годъ, расходы-же ихъ составляли 1,209,456 р., слѣдовательно, чистый доход помѣщиковъ былъ круглымъ числомъ 2,095,000 руб. или, иначе, каждый помѣщикъ получалъ по 12 руб. 89 коп. съ крестьянской души. Съ уничтоженіемъ крѣпостного труда, конечно, весь этотъ разсчетъ измѣнился, но только не измѣнились наши старыя привычки и требованія и способы обращенія съ землею. Послѣдствія этого понятны, и пока не измѣнятся причины, конечно, нечего и ожидать тѣхъ переищъ и чудесъ, на которыя разсчитываетъ г. Булюбашъ. Уже изъ однихъ мѣръ для улучшенія сельскаго хозяйства, предлагаемыхъ г. Боровскимъ, г. Булюбашъ увидитъ, на-сколько жителей южнаго края нельзя разсчитывать на чудеса. Г. Боровскій предлагаетъ введеніе паровой обработки залежи, выдѣленіе части земли подъ постоянные выгоны, другой—подъ постоянные сѣнокосы, а третьей—подъ поля. Далѣе г. Боровскій требуетъ предоставленія соотвѣтствующаго въ хозяйствѣ мѣста продуктивному скотоводству и введенія пропашныхъ растений. Въ концѣ-же требованія является предлагаемое г. Боровскимъ выдѣленіе постоянныхъ полей и измѣненіе переложной системы въ зерновую безъ удобрения. Чтобы это все сдѣлалось, и сдѣлалось цѣлымъ краемъ, нужна не одна весна и не одинъ годъ, можетъ быть даже не десятокъ лѣтъ.

Г. Булюбашъ, по излишней торопливости, конечно, найдетъ проектъ г. Боровскаго такимъ-же неосновательнымъ, какъ и мое мнѣніе.

Но я позволяю себѣ смѣлость не только оставаться при немъ, но и доказать его правильность. Мнѣніе г. Боровскаго такое-же не окончательное, какъ и мнѣніе всѣхъ тѣхъ, кто писалъ проекты до него. Г. Боровскій является, такимъ образомъ, однимъ изъ многихъ. Мы скажемъ еще больше. Съ одними сельско-хозяйственными рецептами не покончить вопроса юга, и если онъ распатался такъ многосторонне, то, конечно, его нужно и лечить многосторонне. Югу, кромѣ переищны системы полеводства, нужно еще многое другое, пожалуй, какъ и всей Россіи. Я попрошу

г. Булюбаша припомнить то, что говорилось 25 и 26 мая на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ херсонскаго уѣзда. 25 мая разсматривался проектъ устава общества взаимнаго кредита одесскаго земства. Самый проектъ читать не былъ, потому что оказался слишкомъ длиннымъ, но была прочитана объяснительная записка. Записка эта оказалась очень зажига-тельной и возбудила оживленные, горячія пренія. Одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, сказалъ, что къ новому учрежденію нужно относиться съ большою осторожностью. Долги въ южномъ краѣ завелись, по его словамъ, тогда, когда завелись банки. Всякій бросился за деньгами и почти всѣ завязли въ долгахъ по уши. Даже прежніе частные кредиторы были лучше банковъ; по крайней мѣрѣ они не высасывали своихъ должниковъ такъ, какъ это дѣлаютъ банки. Теперь только и читаешь въ газетахъ громаднѣйшіе списки имѣній, продающихся съ аукціона за долги. „Когда открылись банки, всѣ какъ-будто ошалѣли, сказалъ ораторъ, — деньги достать было легко и всѣ кинулись ихъ занимать. Но куда пошли эти деньги? Улучшились-ли отъ кредита имѣнія? Нисколько: деньги пошли на лошадей, на модные экипажи, на фарфоровые сервизы, на бронзу; только ничтожная часть ихъ удѣлилась на нужды сельскаго хозяйства“. Чтобы этого не случалось больше, ораторъ предложилъ выдавать ссуды только въ известное время года, напр., отъ 15 мая. Понятно, что такая регламентація возбудила энергическое возраженіе и вопросъ былъ поставленъ нѣсколько шире. Одни, на примѣръ, доказывали, что такъ-какъ новое товарищество имѣетъ главною цѣлью помощь мелкимъ землевладѣльцамъ, то естественно, что оно должно дѣйствовать въ ихъ средѣ и имѣть свои отдѣленія въ селахъ. Вопросъ сводился, слѣдовательно, къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ. Майскій срокъ выдачи тоже встрѣтилъ возраженіе, потому что невозможно опредѣлить моментъ наибольшей нужды землевладѣльцевъ въ деньгахъ, да едва-ли лѣтній срокъ что-нибудь и поправить. Моты и легкомысленные люди существуютъ въ цѣломъ свѣтѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что банки не должны быть открываемы. Такимъ образомъ, даже въ вопросѣ, невызывающемъ, повидимому, никакихъ разнорѣчій, оказались

очень сильныя, и хозяева должны были избрать для его разрѣшенія комисію.

Въ засѣданіи 28 мая вопросъ оказался еще сложнѣе. Дѣло шло о развитіи кустарной промышленности. Послѣ прочтенія доклада, заинтересовавшаго и землевладѣльцевъ, и бывшихъ на съѣздѣ волостныхъ старшинъ, начались споры и дебаты, изъ которыхъ было ясно только то, что ораторы не совсѣмъ хорошо знакомы съ предметомъ прерій. Не понявъ, въ чемъ дѣло, они съ самаго начала смѣшали два разныхъ понятія: кустарный промыселъ и ремесло. Спутавъ понятія, гг. ораторы свели вопросъ къ спору о примѣнности и непримѣнности къ краю кустарной промышленности. Еще любопытнѣе, что когда одинъ изъ членовъ съѣзда возбудилъ вопросъ о мѣрахъ къ осуществленію предложеннаго управою развитія промысловъ, то явилось возраженіе, что разсуждать объ этомъ дѣло земскаго собранія, а не съѣзда. Оказалось, что подъ „мѣрами“ понимались деньги, а не способы для развитія промышленности. Наконецъ, съѣздъ постановилъ, что онъ „признаетъ необходимость распространенія въ край знаній“, и для такой безспорной истины потрачено нѣсколько часовъ очень горячихъ споровъ! Неужели кто-нибудь изъ съѣзжавшихся сельскихъ хозяевъ думалъ, что распространять знанія не нужно?

Эти новые факты должны окончателно убѣдить г. Булюбаша, что вопросъ южнаго края именно и заключается въ томъ, чтобы рѣшить всесторонне, что ему нужно знать и что ему нужно дѣлать. Пока не выяснятся общія мѣры и не выработается общій проектъ, изъ частныхъ попытокъ выйдетъ мало толку, хотя-бы онѣ принадлежали и земству. Поэтому я повторю для г. Булюбаша еще разъ, что изслѣдовать нужды южнаго края можетъ только такая комисія, о которой я говорилъ, а съ маленькими частными комисіями, которыя иногда спорятъ о томъ, что такое промыселъ и ремесло, или предлагаютъ противъ мотовъ средство въ ограниченіи срока выдачи денегъ,—съ такими комисіями мы ни къ чему не придемъ. Если-бы г. Булюбашу было все это ясно съ самаго начала и онъ-бы прочиталъ мою статью какъ ее слѣдовало читать, конечно, между нами не возникло бы прискорбнаго

недоразумѣнія. Но, съ другой стороны, оно-бы и не кончилось такъ, какъ кончается теперь. Я думаю, г. Булюбашъ отклонить теперь своихъ сосѣдей отвѣчать мнѣ въ насмѣшливомъ тонѣ и припомнить французскую поговорку, что „тотъ хорошо смѣется, кто смѣется послѣднимъ“. Вы, г. Булюбашъ, начали смѣяться, я кончилъ. Прощайте!

Н. Ш.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Нѣкоторыя размышленія по поводу рѣчи Ла-Ронсьера-ле-Нури при открытіи географическаго конгресса въ Парижѣ. — Чѣмъ можно объяснить „исканіе новыхъ странъ“? — На какіе уголки міра обращается въ настоящее время преимущественное вниманіе ученыхъ изыскателей? — Ученныя экспедиціи въ Африку. — Экспедиціи Камерона, Гранди и Гюсфельда. — Докторъ Ленцъ и Гомейеръ. — Французскія экспедиціи. Маршъ, Компьень и Брацца. — Египеть. Завоевательныя и ученныя пріглазанія хедива. — Географическое общество въ Каирѣ. — Египетскія экспедиціи. Гордонъ. — Экспедиція къ западнымъ берегамъ Нила. — Экспедиція Стэнли къ большимъ озерамъ экватора. — Миклуха-Маклай. — Полярныя экспедиціи. Экспедиція Норденшельда. — Англійская экспедиція.

„Наше время, восторженно шамкалъ старичекъ Ла-Ронсьеръ-ле-Нури (предсѣдатель парижскаго географическаго общества), открывая географическій конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ 1 августа 1875 года, — время неутомимыхъ изысканій и великодушныхъ (?) реформъ, безустанной, лихорадочной дѣятельности. Мы „мучаемся“ потребностью въ прогрессѣ. Частныя люди, общества, народы, — не могу-ли я даже сказать: правительства? — увлечены, захвачены этимъ великимъ движеніемъ...“ „Движеніемъ“ — куда? зачѣмъ?

Куда? Въ Африку, въ Ташкентъ и Боканъ, къ полярному полюсу и вообще въ такія невѣдомыя и для насъ съ вами, читатель, неинтересныя мѣста, куда еще ни одинъ благоразумный Макаръ телать не гонялъ. Зачѣмъ? Да за тѣмъ, „милостивые государи, что Провидѣніе наложило на насъ обязанность познать землю и овладѣть ею“, отвѣчаетъ за насъ почтенный вице-адмиралъ Ла-Ронсьеръ; во исполненіе этого „предписанія свыше“

(cet ordre suprême), мы предаемся географическимъ изысканіямъ, презирая „всякія мелочныя самолюбія“, руководясь однимъ лишь „научнымъ“ интересомъ, „игнорируя“ даже „эффемерную“ политику. Однимъ словомъ, „мы“ выше „міра и страстей его“. Этими или почти этими словами привѣтствовалъ маститый вице-адмиралъ своихъ ученыхъ коллеговъ, съѣхавшихся въ августъ на парижскую международную географическую выставку. Но, на бѣду свою, льстивый морякъ не сумѣлъ выдержать своей лести до конца: начавъ съ „Провидѣнія“, онъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилъ „лавромъ“. Изъ дальнѣйшихъ его словъ оказалось, что „ученые географы“ и „ислѣдователи“ дѣйствуютъ совсѣмъ не въ силу „высшаго предписанія Провидѣнія, обязавшаго человека познать землю“, а единственно только въ силу того, что, видите-ли, „главный стимулъ цивилизованныхъ народовъ есть стремленіе къ накопленію богатствъ“, но „накопленіе это осуществляется лишь при помощи торговли, при расширеніи рынковъ заграничнаго сбыта“. Но причеиъ-же тутъ, въ такомъ случаѣ, Провидѣніе? Дѣло объясняется очень просто: туземная промышленность все производитъ да производитъ, накапливаетъ да накапливаетъ, а сбывать произведенное и накопленное оказывается некому. Туземныхъ „производителей“ черезчуръ много, а туземныхъ „потребителей“ черезчуръ мало. Какъ тутъ быть? Повидимому, производителямъ слѣдовало-бы прежде всего позаботиться о расширеніи круга мѣстныхъ, туземныхъ потребителей, иными словами — о доставленіи послѣднимъ возможности покупать производимые ими товары. Но они находятъ, видите-ли, почему-то болѣе удобнымъ и болѣе для себя выгоднымъ, вмѣсто того, чтобы стараться о расширеніи круга туземныхъ потребителей, заняться поисками потребителей „заграничныхъ“, т. е. потребителей, обрѣтающихся гдѣ-то тамъ, за границами „цивилизованнаго“ міра, на островѣ Фиджи, въ степяхъ Африки или у полярнаго полюса. Съ этою цѣлью они снаряжаютъ ученые экспедиціи, тратятъ на нихъ сотни тысячъ, миліоны... осыпаютъ лавровыми вѣнками и награждаютъ пожизненными пенсіями и золотыми медалями „самоотверженныхъ изыскателей“ новыхъ путей сбыта залежавшихся продуктовъ европейской цивилизаціи. Все это, разумѣется, въ порядкѣ вещей, все это вполне естественно, потому что все это „выгодно“, но,

онячь-таки спрашивается, при чемъ-же тутъ Провидѣніе и изъ-за чего-же тутъ умиляться и приходитъ въ телачій восторгъ? Зачѣмъ это льстивое превознесеніе „почтенныхъ“ изыскателей надъ будничнымъ міромъ лавочническихъ страстей и похотей? Да вѣдь въ этихъ-то страстяхъ и похотахъ и заключается весь секретъ ихъ дѣятельности, ихъ самоотверженности и ихъ успѣховъ.

Это говорю не я, заподозрѣнный провинціальною печатью (см. „Тифлисскій Вѣстникъ“) въ злоумышленномъ „оплеваніи тѣхъ ученыхъ, которые самоотверженно преслѣдуютъ чисто-теоретическія, научныя цѣли“,—это говоритъ патентованный ученый, знаменитый мореплаватель и не менѣе знаменитый политическій флюгеръ и интриганъ, это говоритъ самъ вице-адмиралъ, предсѣдатель парижскаго географическаго общества и почетный членъ многихъ другихъ ученыхъ обществъ, Да-Ронсьеръ-де-Нури. Разумѣется, съ точки зрѣнія производителей тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, напротивъ, все это весьма и весьма даже похвально. Но такъ-ли это покажется намъ, если мы станемъ на точку зрѣнія потребителей, на точку зрѣнія того громаднаго большинства, которое хотя въ дѣйствительности все производитъ, но потребляетъ очень мало? Какъ отнесется это большинство къ „самоотверженнымъ подвигамъ“ разныхъ Вейнрехтовъ, Стэнли, Беккеровъ, Камероновъ, Норденшельдовъ, etc., etc.? Споры нѣтъ, все это люди прекрасные, всѣ они хотятъ во что-бы то ни стало что-нибудь открыть, чѣмъ-нибудь обогатить сокровищницу науки; очень даже можетъ быть, что многіе изъ нихъ совершенно безкорыстно исполняютъ то „предписаніе свыше“, о которомъ такъ трогательно распространялся предсѣдатель французскаго географическаго общества; но скажите откровенно, положа руку на сердце, много-ли выиграемъ отъ этого... ну хоть мы съ вами, читатель, много-ли выиграетъ большинство, ни мало незаинтересованное въ расширеніи заграничнаго сбыта? Вѣдь гг. промышленники не подѣлятся съ нами своими барышами. А между тѣмъ сколько матеріальныхъ средствъ, сколько нравственныхъ и умственныхъ силъ затрачено на всѣ эти поиски за новыми рынками! Что, если-бы эти средства и эти силы употребить на расширеніе внутренняго рынка, т. е. на увеличеніе числа мѣстныхъ, туземныхъ потребителей? Вѣдь, пожалуй, послѣдніе отнеслись-бы къ этому съ

большимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ подвигамъ Вейнректовъ, Маршей и др.? Какъ вы объ этомъ думаете, читатель? Какъ вы объ этомъ думаете, г. „Тифлисскій Вѣстникъ“?

Что думаетъ читатель—я это знаю, но что думаетъ „Тифлисскій Вѣстникъ“—это рѣшить довольно трудно. Мнѣ кажется, онъ никогда ничего не думаетъ, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что было-бы хоть сколько-нибудь сообразно съ общепринятой человѣческой логикой. Онъ, напр. обрушился на меня и на журналъ „Дѣло“ всѣми громами своей обывательской мудрости (той мудрости, которая, по мнѣнію гг. Боборыкина, Гайдебурова, Усова, Оболенскаго и иныхъ знаменитыхъ публицистовъ-философовъ, должна вдохнуть новыи духъ, внести новую жизнь въ нашу худосочную столичную литературу), и за что-бы, вы думали, читатель?—За то, что я „оплакиваю немаленькія суммы, истраченныя на экспедиціи для наблюденія прохождения Венеры и для открытія необитаемыхъ ледяныхъ земель и никому ненужныхъ проливцовъ“ и въ то-же время занимаю читателей „Дѣла“ разсказами объ этихъ экспедиціяхъ. Органъ провинціально-просвѣтительной печати усматриваетъ въ этомъ крайнюю непослѣдовательность! Какъ вамъ это нравится, читатель?

Но Богъ съ нимъ; пусть „Тифлисскій Вѣстникъ“ усматриваетъ все, что ему угодно, а я все-таки останусь непослѣдовательнымъ по-прежнему и, къ вѣщему удивленію глубокомысленной провинціальной газеты, опять поведу рѣчь о томъ, о чемъ, по ея мнѣнію, человѣкъ, выдающій себя за „мыслящаго реалиста“ и „оплевывающій ученыхъ“, совсѣмъ не долженъ былъ-бы говорить.

Ла-Ронсьеръ-ле-Нури былъ правъ, назвавъ наше время временемъ „неутомимыхъ изысканій, безустанной, лихорадочной дѣятельности“ по части „познанія земли“ и „накопленія богатствъ“, что, впрочемъ, по его-же собственнымъ словамъ, почти-что одно и то-же. Да, къ „познанію“ земли мы стремимся изо всѣхъ силъ, и въ особенности къ познанію внутренностей Африки и полярныхъ странъ, и каждый годъ наши стремленія увѣнчиваются какимъ-нибудь, хоть маленькимъ, а все-таки успѣхомъ. И прошлый годъ нисколько не отсталъ, въ этомъ отношеніи, отъ 1874 г., прославившагося австрійскою полярною экспедиціею;

только въ 1875 г. вниманіе ученаго міра обращено-было болѣе на Африку, чѣмъ къ полюсамъ. Ливингстонъ нашелъ себѣ достойнаго преемника въ лейтенантѣ англійскаго флота Камеронѣ.

Камеронъ принадлежитъ въ настоящее время къ числу самыхъ неутомимыхъ и искусныхъ изслѣдователей африканскихъ внутренностей. Посланный въ Африку лондонскимъ географическимъ обществомъ, еще въ концѣ 1872 года, съ специальною цѣлью продолжать изслѣдованія, начатыя Ливингстономъ, онъ успѣлъ уже во многихъ отношеніяхъ расширить и дополнить ихъ. Главнымъ предметомъ его изысканій былъ бассейнъ центральныхъ водъ восточной Африки и преимущественно бассейнъ главнаго центрального озера Танганики. Озеро это давно уже интригуетъ собою ученый міръ; изученіемъ его путешественники занимаются уже нѣсколько десятилѣтій. Благодаря изслѣдованіямъ Спика и Буртона (въ 1857 году), а затѣмъ — Ливингстона и Стэнли, сѣверная часть озера была уже приблизительно знакома ученымъ географамъ, но за то южная представляла обширное поле для открытій; она скрывалась пока во мракѣ невѣдности. Камерону удалось разсвѣтъ этотъ мракъ. Онъ изслѣдовалъ его южные берега и теперь мы уже имѣемъ возможность опредѣлить съ приблизительною точностью величину Танганики. Оказывается, что оно простирается въ ширину всего только на 40 — 45 километровъ, въ длину же — болѣе, чѣмъ на 600 километровъ (отъ 4° до 9° широты), такъ-что его площадь въ 16 разъ превосходитъ площадь Женевского озера. Около 6° широты изъ Танганики беретъ начало широкая и глубокая рѣка, вливающаяся въ открытую Ливингстономъ рѣку Луалаба. Оттуда беретъ начало Луалаба — это до сихъ поръ еще не было разслѣдовано. Одни полагаютъ, что она вытекаетъ изъ Заиры (Конго), другіе — изъ Огавы. Камеронъ полагаетъ, согласно съ старыми преданіями, подтверждаемыми свѣденіями, сообщенными арабскими купцами, что Луалаба составляетъ начало Конго. Изъ Танганики, по его изслѣдованіямъ, вытекаетъ рѣка Лукуга (отъ 500 — 600 метровъ шириною, отъ 3 до 5 саженой глубиною) — рѣка, замѣчательная тѣмъ, что ея вода по своему вкусу ничѣмъ не отличается отъ озерной; она впадаетъ въ Луалабу, и хотя путешествіе по ней сопряжено съ большими трудностями (такъ-какъ вся она почти

поросла травю), но тѣмъ не менѣе неутомимый путешественникъ изслѣдовалъ ее почти на всемъ ея протяженіи; по ней овозмось возможнымъ доѣхать до Луалабы, и, такимъ образомъ, отыскался ключъ къ разрѣшенію вопроса объ истокахъ послѣдней. Впрочемъ, вопросъ этотъ еще и до сихъ поръ представляется спорнымъ. Въ концѣ года Камеронъ возвратился въ Уджиджи, провѣрилъ и опредѣлилъ съ точностію, подъ какими градусами долготы и широты онъ находится, и затѣмъ проектировалъ возвратиться къ восточному берегу Танганики и снова приняться за изслѣдованія Лукуги. Недостатокъ въ провизіи, однако, заставляеть его колебаться въ осуществленіи этого проекта. Быть можетъ, онъ отправится на сѣверъ для изученія водной системы этого совершенно еще неизвѣстнаго уголка африканскихъ внутренностей; затѣмъ, если ничто ему не помѣшаетъ, предприметь путешествіе по неизвѣстнымъ странамъ, отдѣляющимъ Танганику отъ западнаго берега Африки, и вернется въ Европу черезъ Конго.

Дальнѣйшія свѣденія о результатахъ камероновской экспедиціи относятся уже къ нынѣшнему году, а потому о нихъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Но уже и тѣ результаты, которые стали извѣстны въ Европѣ въ прошломъ году (и, слѣдовательно, по справедливости могутъ быть отнесены къ географической славѣ этого года), доставили Камерону громкую славу среди ученаго міра и въ особенности среди его соотечественниковъ, провидѣвшихъ въ немъ второго Ливингстона. Дѣйствительно, благодаря его изысканіямъ *), карта Африки можетъ быть значительно пополнена и исправлена; конечно, на ней все еще останется масса пробѣловъ, но теперь ихъ

---

*) Въ общихъ чертахъ результаты этихъ изслѣдованій (на-сколько они стали извѣстны въ 1875 г.) таковы: 1) болѣе подробное изученіе пространства (въ 900 километровъ), отдѣляющаго Занзибаръ отъ Танганики; 2) изслѣдованіе и опредѣленіе неизслѣдованной части береговъ этого озера; 3) опредѣленіе его средней площади и его уровня по отношенію къ океану. Цифра, опредѣляющая высоту этого уровня, весьма мало разнится отъ цифры, вычисленной Ливингстономъ. По вычисленіямъ Камерона, высота уровня Танганики равняется 2,710 англ. футовъ (826 метровъ); 4) открытіе истока озера Лукуга и изслѣдованіе его; наконецъ 5) множество различныхъ этнографическихъ наблюденій и болѣе точное опредѣленіе географическаго положенія нѣкоторыхъ мѣстностей на восточномъ берегу Африки, напр., Уджиджи, и т. п.

будеть значительно меньше, чѣмъ въ тѣ блаженныя хотя и очень, еще недавнія, времена, когда мы съ вами, читатель, изучали географію. Въ качествѣ людей, интересующихся наукою, мы, разумѣется, должны этому радоваться и благодарить Камерона; но за то наши дѣти едва-ли его поблагодарятъ: сколько новыхъ названій, сколько новыхъ осложнений при рисовкѣ карты! То-ли дѣло прежде: начертишь, бывало, огурцевидную фигурку, проведешь нѣсколько почти прямыхъ линій, безъ начала и конца, должествующихъ означать рѣки съ неизвѣстными устьями и истоками — и дѣло въ шляпѣ! А теперь?

„Какое гаерское невѣжество: развѣ прилично вносить въ научную хронику такія неумѣстныя замѣчанія? Развѣ прилично сожалѣть о дѣтяхъ, когда наука обогащается столь важными открытіями?“ докторально замѣтитъ мнѣ „Тифлисскій Вѣстникъ“. Согласенъ, совершенно согласенъ: будете преклоняться и унижаться передъ „столь важными открытіями“ и забудете о печаляхъ дѣтей!

Впрочемъ, ученые изслѣдователи разныхъ Лукугъ, Лурумбуджей, Луалабъ, Танганигъ и иныхъ африканскихъ рѣкъ и озеръ не всегда причиняютъ имъ (т. е. дѣтямъ) однѣ печали; иногда они могутъ и радоваться: ученые нерѣдко возвращаются изъ своихъ ученыхъ экспедицій съ пустыни руками.

Лондонское географическое общество, одновременно съ экспедиціею Камерона, снарядило, какъ извѣстно, и вторую экспедицію, и тоже для изслѣдованія Африки и для розысканія Ливингстона, только съ другой стороны. Первая экспедиція (Камерона) должна была устремиться на востокъ; вторая — подъ начальствомъ лейтенанта Гранди — на западъ. Гранди съ своими спутниками въ концѣ 1872 г. достигли благополучно Сан-Польде-Лоанда, затѣмъ отправились въ д'Амбрицъ (почти подъ 8° южн. широты), а оттуда въ началѣ 1873 года рѣшились пуститься внутрь страны. Перерѣзавъ Конго, они остановились на весьма далекомъ разстояніи отъ того пункта, до котораго еще въ 1816 г. доходилъ знаменитый путешественникъ капитанъ Тьюкей. Здѣсь они и застряли до самаго апрѣля 1873 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока географическое общество не вызвало ихъ обратно въ Англію. Экспедиція окончилась полнѣйшимъ фіаско, что

не помѣшало, однакожь, сэру Генри Роулисону (предсѣдателю общества) остаться вполне довольнымъ достигнутыми ею результатами. Результаты-же эти заключались, по его словамъ, въ томъ, что, благодаря ей, стало вполне очевиднымъ, „съ какими чрезвычайными, непреодолимыми трудностями сопряжена въ настоящее время всякая попытка проникнуть во внутренность Африки съ западнаго берега, между экваторомъ и 10° южн. широты“... Результатъ, какъ видите, не особенно утѣшительный.

Но въ то время, какъ Роулисонъ старался оправдать такимъ образомъ неудачу экспедиціи, сваливая все на „обстоятельства, отъ путешественниковъ независящія“, Германія готовилась фактически опровергнуть мнѣніе президента лондонскаго географическаго общества. Въ 1873 году снаряжена была экспедиція, имѣвшая цѣлью проникнуть во внутренность Африки именно съ той стороны, гдѣ потерпѣлъ неудачу Гранди. Главная квартира ея была назначена въ голандской факторіи Гинкоко, отстоящей на одинъ градусъ къ сѣверу отъ устья Заиры. Докторъ Гюсфельдъ принялъ начальство надъ экспедиціею. Различныя обстоятельства очень долго задержали ее въ Гинкоко, такъ что только въ маѣ 1875 г. рѣшено было приступить къ осуществленію главной задачи—къ изслѣдованію африканскихъ внутреннихостей.

Роулисонъ, основываясь на печальной попыткѣ англійской экспедиціи, пророчилъ и Гюсфельду полнѣйшее фіаско. „Совершенно невѣроятно, утверждалъ онъ въ своемъ адресѣ къ лондонскому географическому обществу (въ ноябрѣ 1874 г.),—чтобъ нѣмецкая экспедиція могла осуществить свой проектъ — проникнуть въ таинственную столицу Муато-Яань“. Съ своей стороны, нѣмцы, и въ особенности Петерманъ, задѣтые за живое и желая во что-бы то ни стало доказать, что для „могущественной имперіи“ нѣтъ ничего невозможнаго, что она умѣетъ побѣждать не только при содѣйствіи Крупа, но и безъ всякаго съ его стороны содѣйствія, при помощи однихъ своихъ ученыхъ, — нѣмцы напередъ похвалялись своимъ будущимъ географическимъ торжествомъ и заказывали лавровые вѣнки своему герою Гюсфельду.

Но увы и ахъ! Герой болѣе чѣмъ обманулъ возлагавшіяся на него надежды. Промямливъ два не едва года въ голандской фак-

торіи, онъ, наконецъ, раздобылъ себѣ въ португальскихъ владѣніяхъ Бенгуэлы до 100 челов. проводниковъ. Но когда, въ маѣ 1875 г., проводники явились, то оказалось, что большинство ихъ совершенно неспособно выполнить принятыя ими на себя обязанности. Многіе въ первые-же дни захворали, нѣкоторые умерли, а оставшіеся здоровыми дали тягу. Гюсфельдъ растерялся, имъ овладѣлъ страхъ; мечты объ ученыхъ открытіяхъ, о „славѣ“ фатерланда, обязанности по отношенію къ товарищамъ, — все было забыто! Струсившій нѣмецъ только и думалъ о томъ, какъ-бы свою собственную шкуру въ цѣлости и сохранности доставить въ любезное отечество. Нерѣшительность исчезла. Инстинктъ самосохраненія подсказалъ ему, что самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, это — бросить товарищей на произволъ судьбы, наплевать на всякія открытія и удирать поскорѣе въ Европу. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Можете себѣ представить удивленіе и разочарованіе бѣдныхъ нѣмцевъ! Даже Петерманъ не могъ удержаться, чтобы не выразить своего „глубочайшаго сожалѣнія“ по поводу громадныхъ издержекъ, потраченныхъ на экспедицію, и двухъ лѣтъ, потерянныхъ ею задаромъ. Въ-концѣ-концовъ и онъ долженъ былъ сознаться, что нѣмецкая попытка привела къ тому-же чисто-отрицательному результату, какъ и англійская; она еще разъ доказала, что берегъ Лоанго, какъ отправный пунктъ экспедиціи въ экваторіальную Африку, мѣсто нивкуда негодящееся.

Впрочемъ, не всѣ товарищи ученаго Гюсфельда оказались настолько малодушными, какъ онъ, и не всѣ они послѣдовали примѣру своего храбраго предводителя. Многіе остались въ Гинкоко, другіе дѣлаютъ попытки углубиться и во внутренность, — конечно, только не со стороны лоангскаго берега.

Изъ этихъ частныхъ, такъ-сказать единичныхъ попытокъ нѣмцевъ проникнуть въ африканскія внутренности всего болѣе заслуживаютъ вниманія попытки д-ра Ленца и капитана Гомейера. Докторъ Ленцъ — одинъ изъ участниковъ неудавшейся нѣмецкой экспедиціи. Въ то время, какъ главный отрядъ съ Гюсфельдомъ во главѣ ждалъ у моря погоды въ Гинкоко, Ленцъ направился къ бухтѣ Кориско, лежащей немного сѣвернѣе отъ Габона. Въ Кориско онъ былъ въ концѣ мая 1874 г.; оттуда сперва по рѣчкѣ Муни, а затѣмъ по Комо онъ думалъ проникнуть во вну-

трянью Африку; но и Муни, и Комо оказались неподходящими для этой цѣли, такъ-какъ сами онѣ были очень не велики и не шли далеко во внутрь страны. Тогда онъ рѣшился отправиться чрезъ Огаван (или Огауа). На этотъ путь возлагаются въ настоящее время всѣ надежды ученыхъ изслѣдователей Африки, хотя нельзя не замѣтить, что путь этотъ не отличается особенною безопасностью: дикія племена, крайне недоблюбившія „франковъ“, стараются всѣми мѣрами затруднить свободное движеніе по немъ новѣйшихъ Колумбовъ. Въ августѣ 1874 г. Ленцъ достигъ рѣки, а въ началѣ (въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ) 1875 г. добрался какъ-разъ до того мѣста, гдѣ 10 мѣсяцевъ назадъ остановились Маршъ и Компъень. Страшные дожди, разливъ рѣки, истощеніе, недостатковъ матеріальныхъ средствъ и, главное, страхъ попасться на зубы голодныхъ каннибаловъ—заставили его отложить на-время дальнѣйшее путешествіе и обратиться вспять.

Однакожь, онъ не отказался отъ осуществленія своихъ плановъ. Онъ предполагалъ переждать періодъ дождей и снова возвратиться на этотъ пунктъ, до котораго онъ уже доходилъ. Оттуда онъ намѣревался подняться вверхъ по рѣкѣ, въ сѣверо-восточномъ направленіи, къ такъ-называемымъ „высокимъ землямъ“, лежащимъ внутри страны. Каковы будутъ результаты этой его экспедиціи—въ настоящее время сказать трудно. Пока-же наиболѣе важнымъ и серьезнымъ продуктомъ его географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій являются составленные имъ словарь и сравнительная таблица языка десяти племенъ, населяющихъ Габонъ и окрестности Огаван. Таблица снабжена кое-какими (весьма краткими и не особенно обстоятельными) свѣденіями относительно образа жизни каждаго изъ этихъ племенъ; кромѣ того, онъ сообщилъ нѣкоторыя данныя для болѣе точнаго опредѣленія географическаго положенія пройденныхъ ими мѣстностей *).

Но, говоря вообще, путешествіе Ленца до сихъ поръ еще

---

*) Результаты географической экспедиціи Ленца были обнародованы въ прошломъ году въ журналѣ Петермана „Geogr. Mittheilungen: Reise auf dem Ogavi im West-Afrika. Berichtet von Dr. Lenz an den Vorstand der deutschen afrikanischen Gesellschaft.

не представляет существенно-важнаго научнаго интереса. То-же самое можно сказать и объ экспедиціи Гошейера. Бонечная цѣль этой экспедиціи—та-же, которой задавались и Гюсфельдъ, и Гранди: проникнуть во внутренность страны до самой Кабебе, столицы королевства Муато-Яаньо (или Моуа). Гошейеръ выбралъ путь черезъ португальскія владѣнія на южномъ берегу Африки; но достигнувъ Пунго-Андонго (8 іюня прошлаго года), онъ почувствовалъ себя на-столько больнымъ, что долженъ былъ вернуться въ Европу. Однако его товарищи, лейтенантъ Люксъ и докторъ Погге, рѣшились продолжать путь безъ него. 15 іюня они должны были выступить изъ Пунго-Андонго по направленію къ Кабебе; въ проводники они взяли одного торговца слоновою костью, ежегодно дѣлающаго коммерческія экскурсіи во внутренности Африки и хорошо знакомаго съ предстоящею имъ дорогою. Если экспедиція эта удастся, то отъ нея можно ожидать весьма важныхъ результатовъ... для торговли. Королевство Муато-Яаньо, по тому немногому, что о немъ извѣстно, считается однимъ изъ самыхъ обширныхъ и могущественныхъ въ тропической Африкѣ. Но, на бѣду европейской лавочки, о немъ до сихъ поръ еще не имѣется никакихъ сколько-нибудь точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Ученые не знаютъ даже, въ какомъ собственно мѣстѣ обрѣтается его столица Кабебе. Будемъ надѣяться, вмѣстѣ съ Петерманомъ, что авось на долю Люкса и Погге выпадетъ честь рѣшенія этого „интереснаго“ вопроса.

Въ то время, какъ Англія и Германія снаряжаютъ обширныя ученныя экспедиціи и асигнуютъ весьма почтенныя суммы для изслѣдованія африканскихъ внутренностей, Франція тоже не хочетъ ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ, большихъ и дорого стоящихъ экспедицій она не снаряжаетъ: французскіе изслѣдователи дѣйствуютъ больше въ одиночку, по своей частной инициативѣ, хотя и не безъ нѣкотораго содѣйствія со стороны морскаго министерства. По мнѣнію почетнаго президента французскаго географическаго общества, Вивьена-де-Санъ-Мартино, одиночный способъ изслѣдованія представляетъ, по отношенію къ Африкѣ, несравненно болѣе удобствъ и несравненно практичнѣе, чѣмъ тотъ способъ, который практикуется нѣмецкимъ африканскимъ

и лондонскимъ географическимъ обществами. Двигаться большими караванами по африканскимъ *terrae incognitae* крайне затруднительно, да и стоитъ очень дорого, такъ что съ этой стороны онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Франціи. Кромѣ того, онъ находитъ, что и самый путь, выбранный французскими изслѣдователями, гораздо цѣлесообразнѣе и удобнѣе пути, избраннаго англичанами и нѣмцами. Путь послѣднихъ, какъ мы видѣли, лежитъ приблизительно между 4° и 5° юж. широты; путь французовъ проходитъ на 2°, на 3° выше къ экватору. Отправнымъ пунктомъ ихъ служатъ Габоны и Огаваи—двѣ территоріи, на которыхъ уже устроено нѣсколько французскихъ станцій,—територіи, настолько хорошо знакомыя французскимъ морскимъ офицерамъ, что ихъ почти принято называть „французскою землею“. Въ этой мѣстности находятся, такъ-сказать, центральные Альпы Африки; здѣсь, безъ сомнѣнія, берутъ начало Нилъ, Огаваи, Конго (или Заира), Замбези, Шори и вообще всѣ значительныя африканскія рѣки. Разъ она будетъ изслѣдована во всѣхъ подробностяхъ—карта Африки окончательно выяснится и опредѣлится. Это—узелъ, который стоитъ только развязать—и запутанный клубокъ самъ собою распусться. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе французскихъ ученыхъ. Поэтому, разумѣется, къ этому-то „узлу“ и направляются французскія экспедиціи.

Почти одновременно съ снаряженіемъ экспедиціи Гранди и Гюсфельда два французца, натуралистъ Александръ Маршъ и его другъ маркизъ де-Компъень, почти безъ всякихъ денежныхъ средствъ и офиціозныхъ поощреній, совсѣмъ, такъ-сказать, налегкѣ, предприняли смѣлое путешествіе въ неизвѣданныя внутренности Африки, омываемыя Огаваи. До нихъ только одинъ европеецъ, и тоже французъ, Дюшалью, проникать въ эти страны. Первая попытка Дюшалью (въ 1856 г.) окончилась неудачею или, лучше сказать, удалась только на половину; черезъ 9 лѣтъ (въ 1865 г.) онъ снова повторилъ ее, съ не большею, впрочемъ, удачею. Но хотя объ эти попытки и не обогатили науку ничѣмъ существеннымъ, однако Дюшалью принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, та честь, что онъ первый проложилъ путь въ эти *terrae incognitae*.

Маршъ и Компъень рѣшились снова повторить его не совсѣмъ

удавшіеся опыты. И результаты этой третьей попытки, по сравнению съ результатами экспедиціи Гранди и Гюсфельда, могутъ быть названы просто блестящими.

Прежде всего нужно принять во вниманіе, что англійская и нѣмецкая экспедиціи стоили обществу огромныхъ денегъ, экспедиція-же Марша не стоила ни копейки. А между тѣмъ Маршъ съ Компънемъ проникли во внутренности экваторіальной Африки (по Огаван) гораздо дальше, чѣмъ не только Гюсфельдъ и Гранди, но вообще всѣ англійскіе и нѣмецкіе путешественники. Экспедиціи Гранди и Гюсфельда не принесли наукѣ никакой положительной пользы; если онѣ и привели къ какому-нибудь результату, то результатъ этотъ былъ, какъ мы видѣли, чисто-отрицательный. Экспедиція-же Марша и Компъня обогатила географію, по словамъ предсѣдателя французскаго географическаго общества, „многими въ высшей степени интересными данными“. Ихъ путевыя замѣтки (опубликованныя въ прошломъ году *) и составленная ими карта проливаютъ нѣкоторый (хотя и довольно слабый) свѣтъ на покрытую мракомъ неизвѣстности внутреннюю часть Африки, окружаемую водами Огаван. Бромъ того, Маршу удалось собрать и отправить въ Парижъ 150 видовъ млекопитающихся и около 2,000 птицъ, изъ которыхъ нѣсколько видовъ большихъ гориллъ, чимпанзе, коолокамба и болѣе 1,200 птицъ принадлежатъ къ породамъ крайне рѣдкимъ и почти совсѣмъ неизвѣстнымъ.

Вообще въ ихъ отчетѣ содержится очень много драгоценныхъ матеріаловъ для географа, натуралиста, этнографа и антрополога. Къ несчастію, „недостатокъ средствъ, болѣзни, всевозможныя лишенія и опасности“ помѣшали имъ довести начатое дѣло до конца и заставили ихъ послѣ 19 мѣсяцевъ усмеленнаго, непрерывнаго труда обратиться вспять. „Въ ту минуту, рассказываетъ Компъень,—когда мы были близки къ открытіямъ первостепенной важности, на насъ напали каннибалы, половина нашихъ спутниковъ была побита и мы сами были отброшены назадъ“.

*) См. Compiègne: L'Afrique equatoriale. Gabonais, Pahonins, Gallois. Paris. 1875.—Его-же: Okanda, Bangouens, Oyebe. Paris. 1875.

Въ прошломъ году морское министерство рѣшилось, наконецъ, взять на себя инициативу того дѣла, которое такъ смѣло было начато Дюшалью, Маршемъ и Компъенемъ. Оно отправило съ этою цѣлью одного изъ способнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ офицеровъ французскаго флота, Саварньяна-де-Брацца; въ помощники ему назначенъ Маршъ. Путешественники вполне обеспечены въ матеріальномъ отношеніи. При экспедиціи находятся докторъ (г. Валлей), флотскій квартирмейстеръ. Въ Сенегалѣ Брацца долженъ взять 20 лучшихъ сенегальскихъ стрѣлковъ, съ наиболѣе надежнымъ изъ унтеръ-офицеровъ. Солдаты (всѣ мусульмане) снабжены превосходнѣйшими шаспо и металлическими (для предохраненія пороха отъ сырости) патронами.

Въ концѣ августа путешественники сѣли на корабль въ Бордо, торопясь послѣтъ на африканскій берегъ до наступленія дождливаго времени года. Къ концу сентября они должны быть въ Дакарѣ, а оттуда черезъ Габонъ или Марabu экспедиція будетъ доставлена въ Адалинанланго, на Огаваи. Здѣсь, если окажется невозможнымъ брать съ собою весь багажъ, Брацца оставитъ Валлея хранить вещи, а самъ немедленно отправится въ сопровожденіи Марша и солдатъ въ земли Оканды. Изъ Оканды они рассчитываютъ выслать пироги за багажемъ и докторомъ. Главною своею квартирою они назначили Лоне (въ Окандѣ.) Отсюда Брацца намѣревается дѣлать экскурсіи въ окрестныя страны и изучить въ особенности совершенно почти неизвѣстныя земли Бангуена и Гяби. Но наука своимъ чередомъ, а торговля и политика—своимъ. На французскаго офицера, независимо отъ науки, хотя, конечно, подъ ея предлогомъ, возложена еще политико-торговая или торгово-политическая миссія. Онъ долженъ завязать пріятельскія отношенія съ дикарями Оканды и Озіеба, внушить имъ чувство уваженія къ французскому шаспо и инымъ болѣе нѣжнымъ и болѣе пріятнымъ плодамъ европейской цивилизаціи, вродѣ пудры, шелковыхъ тряпокъ и т. п. Съ этою цѣлью Брацца захватилъ съ собою, кромѣ разныхъ устрашающихъ орудій (ружей, ножей и т. п.), сорокъ четыре тѣла всевозможныхъ товаровъ (табаку, зеркалъ, разныхъ матерій, жемчуга, пудры, разныхъ побрякушекъ и objets de luxe), предназначенныхъ для прельщенія невѣжественныхъ дикарей, боч-

ку водки и тонну соли. Снабженные всѣми этими „орудіями про-свѣщенія“, храбрые французы не сомнѣваются въ успѣхѣ своей миссіи. Брацца — человѣкъ рѣшительный и вполне понимающій величіе возложеннаго на него порученія (слова почетнаго пред-сѣд. франц. географ. общества), и онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ: если табакъ, водка и пудра не произведутъ на дикарей должнаго впечатлѣнія, онъ намѣренъ пустить въ дѣло свои шаспо... Будемъ надѣяться, что подъ тропиками Африки шаспо станутъ лучше стрѣлять и произведутъ болѣе эффекта, чѣмъ подъ Мецомъ и Седаномъ.

Въ то время, какъ „внутренности“ Африки служатъ, такъ-ска-зать, яблокомъ если не раздора, то, по крайней мѣрѣ, сопер-ничества между Франціею, Англиею, Германиею, а въ послѣднее вре-мя даже Италиею*), — египетскій хедивъ, ловко пользуясь страстью

*) Изъ итальянскихъ экспедицій заслуживаетъ вниманія экспедиція въ Саха-ру; цѣль ея главнымъ образомъ была торговая (она и снаряжена-то была бога-тымъ банкиромъ Кастельнуово, владѣльцемъ свинцовыхъ, сереброносныхъ минъ), но отчасти не чужда и научныхъ интересовъ: она должна была, между прочимъ, на мѣстѣ разрѣшить вопросъ о *сахарскомъ морѣ* (извѣстный проектъ Рудера). Экспедиція была вполне обеспечена въ матеріальномъ отношеніи и состояла изъ секретаря итальянскаго географическаго общества (Антинори), извѣстнаго про-фессора геологіи Беллучи, трехъ инженеровъ, живописца и фотографа. Главное начальство было ввѣрено вице-адмиралу Агтову. Въ іюлѣ прошлаго года она благо-получно возвратилась домой, выполнивъ всѣ свои порученія самымъ удовле-творительнымъ образомъ (отчетъ напечатанъ въ «L'Explorateur», № 24, 15 іюля 1875 г.). Собрано много этнографическаго и статистическаго матеріала, подробно изслѣдованъ заливъ Габесь, развалины когда-то знаменитой соперницы Карфа-гена—Такане, островъ Джерба, земли, лежація между рѣкою Уберефъ и Аше-вейтъ, и т. п. „Вообще, такъ заключаетъ свою статью авторъ отчета, напечатан-наго въ „L'Explorateur“, — и съ экономической, и съ чисто-научной точки зрѣнія успѣхъ экспедиціи былъ самый полный. Что-же касается проектируемаго моря-то комисія вполне убѣдилась не только въ невозможности реставрировать при данныхъ наличныхъ средствахъ это море, но и въ томъ также, что его, по всей вѣроятности, никогда и не существовало“.

Въ прошломъ-же году въ Италиіи проектирована другая большая экспедиція — къ большимъ озерамъ сѣверо-востока. Планъ экспедиціи выработанъ монсенье-ромъ Массая, настоятелемъ католической миссіи въ Хоа. Она отправится изъ залива Адена въ Анкоберъ (главный городъ Хоа), потомъ въ Кафу, слѣдуя пути, уже проложенному Аббади, а оттуда, пересѣкая къ юго-западу земли до сихъ поръ еще совершенно неизслѣдованныя, направится къ египетскимъ станціямъ на

европейцевъ къ „открытіямъ и изслѣдованіямъ“, загребаешь себѣ жарь ихъ руками и все округляетъ да округляетъ свои владѣнія. Слѣдуя политикѣ древнихъ фараоновъ, онъ стремится объединить подъ своею самодержавною властью весь обширный бассейнъ Нила. И наука помогаетъ ему въ этомъ случаѣ лучше всякихъ армій, лучше даже денегъ; немудрено, что онъ очень ее уважаетъ и оказываетъ всевозможное покровительство европейскимъ ученымъ. Онъ охотно принимаетъ ихъ къ себѣ на службу, осыпаетъ своими милостями, возводитъ въ званіе пашей (Беккеръ-паша, Гордонъ-паша и т. п.), даетъ имъ своихъ солдатъ (обученныхъ также европейцами и снабженныхъ французскими шашо) и разсылаетъ ихъ по всѣмъ направленіямъ разслѣдывать, изучать и вездѣ, гдѣ возможно, водружать египетское знамя. И обласканные „изслѣдователи“ исправно дѣлаютъ свое дѣло: разслѣдуютъ, изучаютъ и водружаютъ... Самуилъ Беккеръ, напр., назначенный хедивомъ начальникомъ экспедиціи въ экваторіальную Африку, присоединилъ къ Египту хорошенькій кусочекъ земли отъ Гондокоро до экваторіальныхъ озеръ включительно, — кусочекъ, занимающій на картѣ болѣе 4° широты. По смерти Беккера, на его мѣсто назначенъ полковникъ Гордонъ, съ титуломъ генераль-губернатора экваторіальныхъ провинцій. Цѣль экспедиціи была, повидимому, въ высшей степени гуманна: помѣшать торговлѣ неграми, которыхъ торговцы всѣхъ націй скупаютъ въ этихъ краяхъ и большими партіями отправляютъ въ Азію, Америку и въ болѣе „цивилизованныя части“ Африки. Прикрываясь этою почтенною миссією, египетскіе солдаты, съ европейскими офицерами во главѣ, подвигаются все дальше и дальше въ глубь страны, устраивая повсюду военные посты (такихъ постовъ или станцій существуетъ въ настоящее время въ экваторіальныхъ провинціяхъ цѣлая дюжина) и наводя страхъ и ужасъ на туземныхъ дикарей. Какъ относятся эти дикари къ „бѣлымъ принцамъ“ и какое высокое понятіе они составили себѣ о ихъ цивилизаціи—объ

рѣкъ Вѣлой. Экспедиція должна состояться на средства, которыя предполагается собрать по подпискѣ; итальянское геогр. общ. уже пожертвовало 10,000 фр. Главнымъ руководителемъ ея будетъ, какъ говорятъ, назначенъ маркизъ Антинори.

этомъ лучше всего можно судить по слѣдующему разсказу полковника Лонга (молодой американскій офицеръ, состоящій при экспедиціи Гордона), посланнаго Гордономъ къ королю Угонды Миза (королевство Угонда лежитъ на с.-з. берегу Викторіи-Ніанза). Когда „бѣлый принцъ“ (такъ называютъ дикари европейскихъ офицеровъ) явился къ королю, то король, желая достойнымъ образомъ почтить и умиловить посла „цивилизациа“, приказалъ казнить при немъ 30 человекъ своихъ ни въ чемъ неповинныхъ подданныхъ. По его понятіямъ, для „бѣлаго человека“ не можетъ быть зрѣлища болѣе пріятнаго, какъ казнь несчастныхъ „черныхъ“. Лонгъ своимъ поведеніемъ еще болѣе утвердилъ его въ этомъ, не особенно лестномъ для европейцевъ мнѣніи. Онъ могъ-бы и долженъ былъ-бы протестовать противъ подобныхъ жертвоприношеній, но онъ, видите-ли, нашелъ протестъ неумѣстнымъ, и когда при послѣдующихъ его визитахъ безчеловѣчная операція была повторена снова и снова *), юный офицеръ счелъ себя чрезвычайно польщеннымъ. „Вотъ вѣдь какъ уважаютъ насъ, не безъ самодовольства думалъ онъ;—чтобы насъ почтить, не жалѣютъ даже и человѣческихъ жертвъ“. Онъ усмотрѣлъ въ этомъ варварскомъ приѣмѣ желаніе короля выказать „бѣлому принцу“ свою преданность и свое глубочайшее уваженіе...

И эти-то „цивилизаторы“, эти африканскіе ташкентцы имѣютъ смѣлость толковать о просвѣтительномъ значеніи своей миссіи, о грубости и кровожадности дикарей!

Впрочемъ, что за дѣло до этого политикѣ и наукѣ? Политика и наука толкаютъ нашу Гордона все впередъ и впередъ. Теперь его взоры обращаются къ землямъ, прилегающимъ къ озеру Альбертъ-Ніанза **). Въ прошломъ году экспедиція (къ которой, кромѣ американца Лонга, присоединился теперь и австріецъ Марно) и направилась въ эту сторону. Въ октябрѣ ея маленькій парохо-

*) Съ тою только разницею, что при каждомъ новомъ визитѣ число срубываемыхъ головъ становилось все меньше и меньше.

**) Проектированная итальянская экспедиція, о которой сказано было въ одной изъ предыдущихъ выносокъ, тоже предполагаетъ направиться къ Альбертъ-Ніанза.

дикъ уже прибылъ въ Абуддо, откуда „ислѣдователи“ безъ особыхъ затрудненій могли прямо отправиться къ Нianza. Ниже мы увидимъ, что они столкнулись на этомъ пути съ Стэнли, который тоже направлялся въ эти мѣста, но только изъ Зангембара.

Счастіе везетъ хедиву не только на берегахъ Вѣлой рѣки: года два тому назадъ ему удалось почти безъ пролитія крови присоединить къ своимъ владѣніямъ дарфурское королевство, имѣющее около 5 миліоновъ жителей; египетская территорія видѣруется теперь въ самое сердце восточнаго Судана, и для ученыхъ, покровительствуемыхъ просвѣщеннымъ владыкою, открывается теперь, такимъ образомъ, новый путь въ африканскія внутренности. Правительство хедива очень хорошо понимаетъ, какъ выгодно для него эти ученныя экскурсіи, за которыми всегда слѣдуютъ новыя и новыя присоединенія. Поэтому еще въ концѣ 1874 года оно организовало двѣ экспедиціи въ Суданъ. Каждая состояла изъ восьми европейскіхъ и двѣнадцати египетскіхъ офицеровъ, и шестидесяти трехъ солдатъ. Составъ экспедицій ясно указываетъ на ихъ настоящую цѣль. Однако, цѣль эта была тщательно скрыта подъ маскою научныхъ изслѣдованій. Официально на нихъ были возложены самыя невинныя порученія: имъ предписывалось заняться изученіемъ (въ географическомъ, этнографическомъ и топографическомъ отношеніяхъ) земель, лежащихъ между Дарфуромъ и Ниломъ, составить военныя карты и т. п. Начальство надъ одной экспедиціей было ввѣрено полковнику Пюрди, надъ другою—полковнику Гольстону.

Въ прошломъ году обѣ экспедиціи принялись за дѣло: Пюрди достигъ уже Дарфура по совершенно новому, ни разу еще не-пробованному пути, а Гольстонъ (сдавшій, впрочемъ, команду Пруту, батальонному начальнику) остановился въ Кордофанѣ. Изучивъ земли между Ниломъ и Дарфуромъ, экспедиціи отправятся по направленію къ экватору, на западъ отъ Альбертъ-Нianza.

Еще ранѣе этихъ двухъ экспедицій хедивъ снарядилъ экспедицію въ Ливійскую пустыню и въ египетскіе оазисы *).

*) Экспедиція поручена была англичанину Рольфу. Отчетъ о ней см. Rohlf's:

вѣйской пустыни она наткнулась на непреодолимые препятствія (непроходимое море песку, усѣянное песчанными горами, вышиною въ 100 и болѣе метровъ) и путешественники должны были повернуть къ сѣверу, къ оазису Сиваху. Изученіе сахарскихъ оазисовъ составляетъ главную заслугу и главный интересъ экспедиціи. Съ чисто-научной точки зрѣнія эти изслѣдованія представляютъ драгоценный вкладъ въ сокровищницу географіи, хотя въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ они ни на волосъ не измѣняются, а, напротивъ, только подтверждаютъ тѣ общія основанія географіи сахарскихъ оазисовъ, которыя еще болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ были установлены Гальо (Гальо путешествовалъ въ 1818 и 1820 годахъ.)

Впрочемъ, Сахара такая сухая и бесплодная тема, что хотя ученый міръ и очень ею теперь интересуется (особенно по поводу проекта Рудера), но мы, простые смертные, оставимъ лучше ее въ сторонѣ. Пускай хедивъ простираетъ къ ней свои поповскія руки, пускай географы мѣряютъ ея пески и фантазируютъ (пусть даже эти фантазіи и весьма не далеки отъ дѣйствительности) насчетъ сахарскаго моря—ни тебѣ, ни мнѣ, читатель, да и вообще никому (кромѣ, конечно, самого хедива да европейской лавочки) не станетъ отъ этого ни тепло, ни холодно.

Говорятъ, Впрочемъ, что осуществленіе проектовъ французскихъ инженеровъ (насчетъ моря) отразится и на нашемъ климатѣ, такъ что мы въ буквальномъ смыслѣ слова можемъ почувствовать нѣкоторый холодъ... Но когда это еще будетъ!.. А до тѣхъ поръ... будемъ лучше слѣдить умиленными глазами за годъ отъ году растущими славой, величіемъ и могуществомъ египетскаго хедива.

Въ послѣднее время онъ совершилъ еще нѣсколько присоединеній **), и въ благодарность наука, оказавшей ему столько существен-

Compte rendu sommaire de son expedition au desert Libique, au sein de l'Institut d'Egypte; а также въ книгахъ Жордана (астронома, состоящаго при экспедиціи): „D-r Rohlf's Expedition in die lybischen Wüste“ etc.; „Geographische Aufnahmen in die lybischen Wüste, auf Rohlf'schen Expedition“ и т. п.

**) Онъ, какъ сообщаютъ (хотя и не официально), присоединилъ Уадаи (Ouadai), землю, граничащую на востокъ съ Дарфуromъ, на сѣверѣ примыкающую къ степямъ Борну, на югѣ—Баръ-есъ-Саламатъ; площадь собственно Уадаи не превышаетъ

ныхъ услугъ, основалъ въ Каирѣ географическое общество. Предсѣдателемъ ново-испеченнаго общества назначенъ знаменитый нѣмецкій географъ и путешественникъ д-ръ Швейнфуртъ, отказавшійся по этому случаю отъ своего heilige Vaterland и вступившій на службу къ хедиву. Извѣщая объ этомъ важномъ событіи своихъ нѣмецкихъ коллегъ, Швейнфуртъ рассыпается въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ своему новому повелителю и смиренно преклоняетъ свои нѣмецкія колѣна передъ египетскою мудростью.

Для полноты картины целинее будетъ привести здѣсь небольшую выдержку изъ этого письма.

„Хедивъ, читаемъ мы, — весь поглощенъ грандіозными планами, которые онъ думаетъ осуществить на дальнемъ югѣ своего обширнаго королевства. Присоединеніе Дарфура открываетъ широкое поле для дѣятельности. Докторъ Нахтигаль вернулся оттуда здоровъ и невредимъ, пройдя всю область, лежащую между озеромъ Тшадъ и Ниломъ. Этотъ путешественникъ значительно пополнилъ пробѣлы нашихъ свѣденій объ этихъ земляхъ... А между тѣмъ 85 лѣтъ тому назадъ докторъ Браунъ чуть не лишился тамъ жизни, а д-ръ Кюни былъ убитъ... 4 февраля, т. е. вчера, хедивъ поручилъ мнѣ образовать египетское географическое общество. Общество это, по мысли хедива, должно служить главнымъ посредникомъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, касающихся изслѣдованій и отертій на югѣ „вице-королевства“. Оно будетъ давать изслѣдователямъ научныя инструкціи, указывать на новыя пути путешественникамъ и торговцамъ. Усиленная дѣятельность египетскаго главнаго штаба, во главѣ котораго стоятъ наиболее достойные люди, постройка желѣзныхъ дорогъ, прорытіе каналовъ, проведеніе повсюду телеграфныхъ нитей, необычайный про-

---

165,000 километр., но съ вассальными, болѣе или менѣе подчиненными ему территориями, она занимаетъ пространство несравненно большее и заключаетъ въ себѣ около двухъ миліоновъ жителей.

Наконецъ, въ самое недавнее время хедивъ получилъ отъ султана фирманъ, въ силу котораго городъ Зелла со всею территорію (прилегающею къ абиссинскимъ границамъ) и городъ Гарраръ присоединяются къ Египту. Зелла — главный городъ аденскаго берега; онъ расположенъ при входѣ въ Аравійскій заливъ, у самой почти абиссинской границы. До султанскаго фирмана онъ, вмѣстѣ съ своею территорію, считался самостоятельнымъ государствомъ, управлялся независимымъ шейкомъ, платившимъ султану 20,000 ф. ежегодной дани.

гресъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ естественное послѣдствіе присоединенія Дарфура, равно какъ и земель, лежащихъ по верхнему теченію Нила и примыкающихъ къ его истокамъ; наконецъ, современное движеніе на границахъ Абисиніи, въ землѣ Галласъ на берегахъ Краснаго моря,—все это обѣщаетъ прекрасное будущее политикѣ монарха, всецѣло посвятившаго себя заботамъ о матеріальномъ благосостояніи и нравственномъ совершенствованіи подвластныхъ ему народовъ...“

Слава-же Аллаху и его вѣрному сыну—хедиву!

П. Гр—оли.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ГЕРМАНСКІЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

I.

Князь Бисмаркъ, продолжая дѣло объединенія Германіи посредствомъ усиленія значенія и вліянія германской имперіи, вошелъ съ предложеніемъ въ прусскій сеймъ о разрѣшеніи прусскому государству продать принадлежащія ему желѣзныя дороги германской имперіи. Послѣ непродолжительныхъ преній его предложеніе было принято большинствомъ 216 голосовъ противъ 160.

Съ перваго взгляда предложенное измѣненіе не представляетъ особенной важности. Князю Бисмарку, первому министру прусскаго королевства, поручено войти въ переговоры съ княземъ Бисмаркомъ, первымъ министромъ германской имперіи, о продажѣ извѣстной общественной собственности. За какую цѣну, на какихъ условіяхъ? Проектъ закона не касается этихъ подробностей: „довлѣетъ дневи злоба его“. Позднѣе, на свободѣ, не торопясь, съ твердымъ намѣреніемъ не повредить ни одному изъ своихъ интересовъ, подумаютъ о путяхъ и средствахъ и только тогда представятъ окончательную продажу на утвержденіе рейхсрата, состоящаго большею частью изъ членовъ рейхстага. Въ сущности тѣ-же или почти тѣ-же самыя лица, которыя должны теперь наблюдать за прусскими дорогами, будутъ впослѣдствіи наблюдать за дорогами германскими, съ тою только разницею, что они будутъ рѣшать касающіяся до нихъ дѣла въ другомъ помѣщеніи; они будутъ собираться въ „союзномъ дворцѣ“ на Лейпцигской улицѣ въ Берлинѣ, а теперь рѣшили предложеніе Бисмарка въ „національномъ дворцѣ“, который также находится въ Берлинѣ, на Лейпцигской-же улицѣ.

Однакожь, этотъ законопроектъ, кажущійся незначительнымъ,

важенъ по тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ можно ожидать отъ его осуществленія. Ему будетъ принадлежать видное мѣсто въ исторіи Германіи и всей Европы. Невинный видъ ему стараются придать только съ цѣлью замаскировать громадное значеніе, которое онъ долженъ имѣть на будущность торговли и промышленности народовъ, на независимость разныхъ германскихъ національностей и вооруженіе различныхъ государствъ. „Это ничего, говорятъ намъ, или почти-что ничего!“ а между тѣмъ за этимъ „ничего“ скрывается экономическая и социальная революція, множество послѣдствій, которыя превзойдутъ всѣ ожиданія и, какъ намъ кажется, разстроитъ многіе разсчеты, считающіеся теперь вѣрными. Прошло не болѣе полустолѣтія со времени открытія Стефенсона и оно уже успѣло сдѣлаться первостепеннымъ историческимъ фактомъ; оно измѣняетъ взаимныя отношенія цѣлаго человѣчества, преобразовываетъ нашу планету. Мы, свидѣтели этого преобразованія, правда, только изрѣдка обращаемъ на него наше разсѣянное вниманіе, потому что для насъ оно уже утратило прелесть новизны. Большая часть изъ насъ родилась, когда локомотивъ не считался уже чудомъ; но съ тѣхъ поръ происходящая въ немъ метаморфоза, на глазахъ почти двухъ смѣнившихся поколѣній, кажется намъ слишкомъ медленною, потому что она не соотвѣтствуетъ періодамъ нашей короткой жизни.

Желѣзныя дороги вступаютъ теперь въ новый фазисъ своего существованія; онѣ начинаютъ переходить во владѣніе государства. Бисмаркъ подалъ первый примѣръ, который несомнѣнно найдеть подражателей. До сихъ поръ постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ совершались преимущественно частными лицами; государство только въ исключительныхъ случаяхъ брало на себя эксплуатацію дорогъ, на что, впрочемъ, не обращалось особеннаго вниманія, такъ-какъ государство, не имѣя своей собственной системы и не преслѣдуя никакой спеціальной цѣли въ этомъ дѣлѣ, только копировало съ частныхъ лицъ управленіе дорогами. Но положеніе дѣла должно измѣниться съ того момента, какъ въ рукахъ всемогущаго канцлера германской имперіи желѣзныя дороги превратятся въ орудіе власти, какъ внутри, такъ и внѣ государства.

Проектъ канцлера втеченіи нѣсколькихъ недѣль сильно зани-

малъ Германію; правда, было чѣмъ и заняться. Послѣ восторговъ побѣды, упоенія патріотизмомъ и сатурналіи шовинизма, князь Бисмаркъ выдвинулъ впередъ реформу католицизма, чтобъ занять умы, которымъ необходимо найти постороннія занятія, иначе они стали-бы докучать требованіемъ необходимыхъ внутреннихъ реформъ. Канцлеръ задумалъ образовать протестантскую имперію, которая составила бы противовѣсъ имперіи русской, исповѣдующей православіе, и помѣшала-бы снова подняться Франціи, древней католической имперіи. Съ этой цѣлью онъ напалъ на старыхъ католиковъ, арестовалъ нѣсколькихъ ультрамонтанъ-патеровъ и епископовъ. Его мѣры противъ католицизма не привели и не приведутъ ни къ какимъ результатамъ. Напасть на католицизмъ онъ могъ или путемъ философскимъ, выбравъ себѣ почвою свободомысліе, или-же путемъ административнымъ, гдѣ почвою послужило-бы ему отдѣленіе церкви отъ государства. Но онъ не осмѣлился избрать ни тотъ, ни другой цѣлесообразный путь. Результатомъ его колеблющейся политики было много шума, волненіе умовъ и родъ междоусобной войны между братьями католиками, протестантами и полукатоликами. Потерпѣвъ неудачу въ католическомъ вопросѣ, Бисмаркъ сталъ подумывать о новомъ средствѣ занять умы, что оказывалось теперь особенно необходимымъ, такъ-какъ германофилы, тевтомены и пруссофилы стали трезвѣе смотрѣть на вещи послѣ кризиса финансоваго, комерческаго и промышленнаго, — кризиса въ высшей степени тяжелаго, который продолжается уже почти три года и которому не видно конца. Понадобилось отвлекающее средство — и князь Бисмаркъ обратился къ покупке желѣзныхъ дорогъ германскою имперіей.

Однакожь и новое средство, придуманное канцлеромъ, не только не успокоило, но еще болѣе взнолновало умы. Возбужденіе сильно въ самой Пруссіи, гдѣ большинство склоняется къ мѣрѣ, предложенной кн. Бисмаркомъ, оно еще сильнѣе въ Виртембергѣ, а въ особенности въ Баваріи, гдѣ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Непокойно и въ Саксоніи, несмотря на то, что она до послѣдняго времени была фанатически предана канцлеру. Она охладѣла къ нему вслѣдствіе промышленнаго кризиса, который разорилъ ее, отнявъ у нея кусокъ хлѣба. Что касается Баваріи, то ея охлажденіе имѣло поводомъ борьбу съ католицизмомъ. Рассказываютъ, что саксонскій король, получивъ извѣстіе о проектѣ

канцлера, сказалъ съ горечью: „они отняли у насъ армию, теперь хотятъ отнять наши желѣзныя дороги. Что-же послѣ того у насъ останется? Пусть-бы за одно брали и весь остальной хламъ!“ Независимыя газеты, — которыхъ, впрочемъ, очень немного въ Германіи, — подняли цѣлую бурю протестовъ. „Дрезденскій Нувелистъ“ потребовалъ, чтобъ государство стояло твердо, а палаты рѣзко протестовали. Общественное мнѣніе выразило свое неудовольствіе министру Фризену, который, дрожа передъ Бисмаркомъ, не выказалъ должной энергіи. Въ Мюнхенѣ министръ фон-Пфретчеръ выказалъ несравненно болѣе твердости. Принимая адресъ, поданный ему большинствомъ ландгауза, онъ далъ обязательство употребить всѣ старанія для отклоненія канцлера отъ его проекта передачи желѣзныхъ дорогъ имперіи.

Правительство Виртемберга, такъ-же, какъ и Саксоніи, отнеслось къ проекту недовѣрчиво, но о своемъ неудовольствіи заявило крайне нерѣшительно. Изъ его заявленія, посланнаго въ Берлинъ, можно догадаться, что проектъ канцлера ему очень непріятенъ, но что оно слишкомъ боится Пруссіи, чтобъ противопоставить ей болѣе вѣскія, а не такія скромныя и бесполезныя возраженія, изъ которыхъ, конечно, ничего не выйдетъ.

Князь Бисмаркъ, въ виду всеобщаго протеста, вызваннаго его проектомъ на югъ Германіи, приостановился полнымъ осуществленіемъ своего первоначальнаго плана скупить разомъ всѣ желѣзныя дороги въ Германіи. Пока онъ ограничился продажей прусскихъ дорогъ; онъ хочетъ, чтобъ Берлинъ доказалъ свое безкорыстіе и послужилъ примѣромъ для подражанія. Что касается другихъ государствъ, канцлеръ довольствуется пока однимъ внушеніемъ имъ, что было-бы хорошо, если-бы и они современемъ послѣдовали добродушному примѣру. Онъ преувеличиваетъ общественныя выгоды, которыя будутъ слѣдствіемъ упрощенія тарифа. Онъ, какъ левъ, вытягиваетъ назадъ свои когти — время еще не пришло. Но когда ему вздумается нанести ударъ своей лапой, кто можетъ помѣшать ему? Онъ увѣренъ въ подавляющей силѣ большинства въ союзномъ совѣтѣ, гдѣ болѣе двухъ третей членовъ — пруссаки или люди, слѣпо повинующіеся канцлеру. Сказать короче, союзный совѣтъ — это онъ самъ, Бисмаркъ. Кромѣ того, конституція германской имперіи предоставляетъ ему наблюденіе за рельсовыми путями на всемъ пространствѣ имперіи; онъ имѣетъ законное право на-столько стѣснять

управленіе дорогами, на-сколько ему вѣдуется. Онъ имѣеть власть строить желѣзныя дороги во всѣхъ направленіяхъ германской территоріи, черезъ Баварію, Саксонію, Виртембергъ, объясняя необходимость новой линіи для защиты государства. Если-бы со стороны союзныхъ государствъ, черезъ земли которыхъ пойдетъ дорога, встрѣтился протестъ, канцлеръ имѣеть право не обращать на него вниманія. Особенно драгоцѣненъ для Бисмарка 41-й параграфъ конституціи, разрѣшающій ему въ случаѣ крайней необходимости проводить паралельныя линіи и тѣмъ, конечно, устраивать разорительную конкуренцію той или другой компаніи, которая не соглашалась-бы на его предложеніе.

Несомнѣнно, что канцлеръ добьется своего; онъ разобьетъ всѣ сопротивленія и противодѣйствія, онъ захватитъ одну за другою всѣ германскія желѣзныя дороги, какъ принадлежащія государствамъ, такъ и составляющія собственность частныхъ компаній.

Сѣтъ эксплуатируемыхъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ не менѣе 26,000 верстъ. Эта громадная собственность раздѣляется довольно равномѣрно между различными государствами и частными компаніями: 11,700 верстъ принадлежать частнымъ лицамъ, 11,600—государству, остальные 2,700 по имени принадлежать компаніямъ, но въ дѣйствительности эксплуатируются государствомъ. Этими желѣзными дорогами управляютъ 90 компаній съ 68-ю правленіями, изъ которыхъ 43 вполнѣ частныя, 10 находятся подъ контролемъ государства и 15 въ его непосредственномъ распоряженіи.

Прибавимъ, что изъ 100 верстъ желѣзнаго пути 72 находятся въ рукахъ Пруссіи и что великое герцогство баденское скорѣе прусская провинція, чѣмъ независимое государство. Немудрено поэтому, что общественное мнѣніе въ Баденѣ высказалось за предложеніе Бисмарка и разошлось съ Виртембергомъ, съ которымъ до сихъ поръ всегда стояло за одно. Бадену принадлежитъ около 950 верстъ желѣзнаго пути, лежащаго между прусскими и эльзасо-лотарингскими, скупленными имперією, желѣзными дорогами. Въ случаѣ спора Бадену пришлось-бы испытать на себѣ право сильного, слѣдовательно, если спрашиваютъ его мнѣнія, то только изъ вѣжливости.

Еще положительно не опредѣлена цѣна этихъ 26,000 верстъ;

приблизительно ихъ оцѣняютъ въ 10 миллиардовъ марокъ, что на наши деньги составляетъ 3 миллиарда 800 миліоновъ рублей. Эту цифру выводитъ Варнбюлеръ, бывшій виртембергскій министръ, въ своей очень ученой и составленной по документамъ изъ первыхъ рукъ брошюрѣ, въ которой онъ высказывается противъ проекта Бисмарка.

Самый большой споръ, конечно, возбуждаетъ цифра дохода, приносимаго германскими желѣзными дорогами. Защитники канцлерскаго проекта уменьшаютъ доходъ, съ цѣлью облегчить покупку; противники преувеличиваютъ его, съ цѣлью поднять цѣну на дороги. Первые говорятъ, что средній процентъ едва доходитъ до 4-хъ на сто; вторые утверждаютъ, что дороги даютъ 6⁰/. По ихъ исчисленію выходитъ, что

саксонскія	дороги даютъ	7,21 ⁰ /
прусскія	" "	6,68 "
баденскія	" "	4,64 "
баварскія	" "	4,61 "
виртембергскія	" "	3,28 "
средній общій	%	<u>5,94</u>

Если правда на сторонѣ защитниковъ прусскихъ интересовъ, то германскія дороги приносятъ всего около 125 миліоновъ рублей дохода; если-же на сторонѣ ихъ противниковъ, то около 190 миліоновъ рублей въ годъ. Въ случаѣ покупки имперією всѣхъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ, она должна будетъ уплатить, по увѣренію первыхъ, сумму въ 2¹/₂ миллиарда рублей, а если вѣрить вторымъ, 3 миллиарда 800 миліоновъ, а миллиардъ 300 миліоновъ разница не шуточная даже для Германіи, этой „страны миллиардовъ“. Конечно, если покупка будетъ рѣшена, то не встрѣтятся особыхъ затрудненій для опредѣленія дѣйствительной цѣны, такъ-какъ придется только вѣрно рѣшить, во-1-хъ, сколько въ дѣйствительности стоили всѣ германскія желѣзныя дороги, и, во-2-хъ, какъ великъ даваемый ими доходъ.

Необходимо только, чтобы доходъ былъ точно извѣстенъ, а будетъ-ли онъ нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе, для имперіи не важно. Она охотно выплатитъ и высшую норму теперь приблизительно опредѣляемаго капитала прежнимъ акціонерамъ,—вѣдь имперія возвратитъ себѣ правой рукой то, что выплатитъ

лѣвой. Къ тому-же желѣзныя дороги по своей природѣ такая собственность, которая съ каждымъ годомъ способна увеличивать приносимый ею доходъ. Такимъ образомъ, если будетъ заплачено даже дороже, чѣмъ слѣдуетъ по получаемому доходу отъ предпріятія, то и тогда имперія въ проигрышѣ не будетъ.

Но является новый вопросъ, который и возбуждаетъ особенно горячія пренія: если дороги приносятъ 190 миліоновъ рублей частнымъ промышленникамъ, будутъ-ли онѣ приносить тѣ-же 190 миліоновъ, когда ихъ будетъ эксплуатировать государство?

„Конечно, нѣтъ! говоритъ Варнбюлеръ. — Давно уже категорически доказано, что государство должно держаться въ сторонѣ отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіи. Политика и высшая гражданская администрація не должна вступать въ область денежныхъ интересовъ и спекуляцій. Государство живетъ въ сферѣ слишкомъ возвышенной, обязанности его слишкомъ высоки для того, чтобъ оно, по примѣру послѣдняго изъ плательщиковъ податей, стало-бы наживать себѣ деньги. Короче, государство дѣлаетъ большую ошибку, если вступаетъ въ конкуренцію съ нѣсколькими лицами, употребляя на то деньги, полученныя со всѣхъ. Пусть оно командуетъ арміями, управляетъ флотами, отправляетъ правосудіе, пусть оно управляетъ ландратами и крейдиректоріями, но пусть оно держится въ сторонѣ отъ промышленности и не вмѣшивается въ торговлю. Его дѣло тратить, а не производить, приказывать, а не служить. Ему воспрещается ронять свое достоинство, домогаясь заказовъ, угодничая для получения влады, льстя своимъ кліентамъ и вымаливая плату за маклерство и коміонерство. Къ тому-же ему слишкомъ трудно разузнавать о новыхъ производствахъ и находить новыя мѣста сбыта товаровъ. Производство обходится ему дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ, потому что служащіе ему чиновники предъявляютъ большія требованія, чѣмъ служащіе въ частныхъ управленіяхъ. Дѣлаясь промышленникомъ, государство вступаетъ въ конкуренцію съ своими собственными промышленниками и грѣшитъ противъ закона раздѣленія труда“.

Вотъ главный аргументъ, представляемый противъ проекта. Варнбюлеръ прибавляетъ къ нему еще слѣдующій, не менѣе убѣдительный: „Эксплоатація желѣзныхъ дорогъ—промыселъ мѣстный, зависящій отъ разныхъ особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ

имперія не можетъ быть компетентна. Доводомъ можетъ служить, что втеченіи года на 179 миліоновъ билетовъ, взятыхъ на германскихъ линіяхъ, 158 миліоновъ, т. е. 88%, были взяты съ одной станціи одного пути на другую того-же самаго пути. 19 миліоновъ, т. е. 11%, были взяты со станціи одной какой-нибудь линіи на станцію другой ближайшей линіи, и 2 миліона путешественниковъ, т. е. только 1%, взяли билеты для проѣзда по тремъ и болѣе линіямъ“.

Аргументъ этотъ, впрочемъ, опровергается тѣмъ, что главнѣйшій доходъ желѣзныя дороги получаютъ отъ перевозки товаровъ, которая производится на гораздо большія пространства, чѣмъ пассажировъ; такъ въ 1873 г. 60% всего количества товаровъ, перевозимыхъ германскими желѣзными дорогами, шло на большія разстоянія и только 40% перевозилось между станціями.

Интереснѣе всего въ этомъ спорѣ то странное обстоятельство, что одни и тѣ-же аргументы измѣняютъ свое значеніе, смотря по тому, гдѣ они высказываются: въ Дрезденѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ или Кенигсбергѣ. Неопровержимый доводъ въ Штутгартѣ заставляетъ пожимать плечами въ Кельнѣ. Профессора города „новѣйшей интеллигенціи“ торжественно провозгласили отсталымъ мнѣніе Варнбюлера о несовѣстимости государственной дѣятельности съ промышленными предпріятіями. Либеральные буржуа, проживающіе на главной берлинской улицѣ „Подъ-липами“, съ негодованіемъ отвергивались отъ принциповъ, проповѣдуемыхъ такими писателями, какъ Швейцеръ и Лясаль, до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ нихъ не были приняты государственнымъ министромъ. Теперь негодованіе смѣнилось удивленіемъ, и принципы, провозглашенные министромъ, называются уже мудрыми. Если-бы демократы, какъ Бебель или Либкнехтъ, предложили въ прусской палатѣ проектъ закона объ отдачѣ государству эксплуатаціи всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, ихъ предложеніе было-бы названо „утопіей“, ихъ забросали-бы насмѣшками. Но съ тѣхъ поръ, какъ самъ Бисмаркъ принимаетъ на себя инициативу въ этомъ вопросѣ, проектъ становится исполнимымъ, идея канцлера считается грандіозной, плодотворной и вполне согласной съ здравыми принципами политической экономіи. Теперь въ Германіи, при покупкѣ вина, уже не пробуютъ его предварительно, какъ прежде, а смотрятъ только на ярлыкъ: если бутылка помѣчена вензелемъ вели-

каго канцлера, говорятъ: пейте безъ страха, это жизненный элексиръ; если-же она помѣчена этикеткой „Volkstaat“, предупреждаютъ, чтобы вы скорѣе выплеснули стаканъ, такъ-какъ вино—чистѣйшій ядъ!

Централизаторы, группирующіеся подлѣ Бисмарка, на доводы децентрализаторовъ, вродѣ Варнбюлера, Митнахта и фон-Фризена, отвѣчаютъ слѣдующее:

„Правда, говорятъ они,—что государство вообще должно отстраняться отъ промышленныхъ спекуляцій. Правда также и то, что въ настоящее время частная промышленность эксплуатируетъ желѣзныя дороги, но что эксплуатация желѣзныхъ дорогъ должна принадлежать частной промышленности—это неправда. Если правительство встрѣтитъ сопротивленіе своему благотворному плану, оно вынуждено будетъ рѣшиться на безпощадную конкуренцію съ частными желѣзными дорогами. Несомнѣнно, что оно въ состояніи будетъ разорить своихъ противниковъ. Когда-же акціонеры желѣзныхъ дорогъ увидятъ, что ихъ акціи даютъ ничтожный доходъ или даже предпріятіе становится убыточнымъ, они согласятся продать свои дороги правительству. Они поймутъ тогда, что общественное передвиженіе составляетъ первую потребность и жизненный интересъ народа, а потому нельзя предоставлять его въ распоряженіе частныхъ лицъ, часто руководящихся только личнымъ капризомъ, или, еще хуже, отдавать на произволъ безсовѣстныхъ спекуляцій компаній, личный интересъ которыхъ очень часто враждебенъ общественному интересу. Пользованіе желѣзными дорогами вошло уже въ нравы; распоряженіе ими должно считаться въ полномъ смыслѣ общественной службой, а не частнымъ дѣломъ; день и почъ значительная часть населенія находится въ развѣздахъ. Интересы передвигающагося народа должны брать верхъ надъ интересами живущихъ доходами съ эксплуатации дорогъ капиталистовъ“.

Варнбюлеръ считаетъ свой доводъ неопровержимымъ, когда говоритъ, что частныя компаніи всегда получаютъ съ предпріятія болѣе дохода, чѣмъ государство. Но дѣло въ томъ, что государству нѣтъ надобности разсчитывать на денежную наживу. Лишь-бы оно вернуло свое, большаго оно и не требуетъ. Если оно можетъ занять деньги по 4⁰/₀, то оно должно позаботиться только

о томъ, чтобъ купленные или выстроенныя имъ на эти деньги желѣзныя дороги давали не менѣе 4⁰/о. Истративъ 3 миллиарда 800 миліоновъ руб. на поукку желѣзныхъ дорогъ, государство останется довольно, если дороги будутъ давать ему по 125 миліоновъ руб. въ годъ, т. е. 4⁰/о, и не станетъ добиваться дохода въ 190 миліоновъ, т. е. 6⁰/о или болѣе. Нація-же получить 65 миліоновъ руб. въ годъ чистой прибыли. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы частныя компаніи завѣдывали почтой, онѣ получали-бы съ нея болѣе дохода, чѣмъ государство, но за то заставляли-бы оплачивать письма дорожке. Государство присвоило себѣ монополію телеграфа только съ цѣлью доставить націи экономію на этомъ предметѣ. Въ Великобританіи богатые собственники построили дороги въ своихъ помѣстьяхъ и брали дорожную пошлину съ проѣзжихъ и прохожихъ; государство лишило ихъ этой собственности. До сихъ поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ частныя компаніи строятъ мосты и потомъ берутъ мостовыя пошлины. Но въ большинствѣ случаевъ государство снѣшитъ выкупить у строителей ихъ собственность и отнѣнить уплату пошлины. Недавно еще въ Англии почти всѣ телеграфы принадлежали частнымъ компаніямъ, но неудобство такого порядка было настолько очевидно, что государство приобрѣло большую часть телеграфныхъ линій въ свое вѣденіе.

Рано или поздно государства должны будутъ замѣнить собою желѣзнодорожныя компаніи, и чѣмъ скорѣе они на это рѣшатся, тѣмъ будетъ лучше. Управляющіе классы въ Англии поставили вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ на очередь и втеченіи трехъ лѣтъ онъ подвергается обсужденію со всѣхъ сторонъ людьми компетентными въ этомъ дѣлѣ. Покупка рельсовыхъ линій составляетъ тоже настоятельный вопросъ, сильно занимающій въ настоящее время итальянское министерство. Бельгійское государство владеетъ болѣе чѣмъ третью всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Бельгіи; оно произвело такое значительное уменьшеніе перевознаго тарифа, на которое никогда не согласилась-бы ни одна частная компанія. Иностранцы удивляются дешевизнѣ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Правительство Наполеона III поняло значительныя неудобства, происходяція отъ большого числа желѣзнодорожныхъ компаній, и слило всѣ существовавшія тогда предпріятія въ шесть боль-

шихъ обществъ, которымъ исключительно и давались затѣмъ новыя концесіи. Эта централизація, введенная во Франціи производомъ, совершилась въ другихъ странахъ въ силу вещей. Такъ въ Англіи существуютъ теперь только 7 большихъ желѣзнодорожныхъ обществъ; то-же направленіе замѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ, Австріи, Италіи. Въ 1868 году германскія государства владѣли только третью желѣзныхъ дорогъ, а въ 1875 году имъ принадлежала уже половина.

Ислѣдованіе обѣихъ системъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, т. е. посредствомъ многихъ мелкихъ компаній или-же нѣсколькихъ крупныхъ, приводитъ къ убѣжденію, что если для страны вредно существованіе многихъ компаній, то не менѣе прискорбна и централизація. Отдавать въ руки корпораціи изъ купцовъ и промышленниковъ значительную часть общественныхъ интересовъ опасно и даже, можно сказать, пагубно. Корпораціи неизбѣжно-эгоистичны и эгоизмъ ихъ растетъ пропорціонально ихъ вліятельности. Перейдя извѣстную границу, онѣ, пользуясь усиленіемъ своего значенія, стараются уменьшать оказываемыя ими услуги и возвышать за нихъ плату; чѣмъ онѣ становятся сильнѣе, тѣмъ менѣе приносятъ пользы. Наполеонъ III самъ не зная, что дѣлалъ, отдавая шести большимъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ право извлекать изъ Франціи огромный доходъ на счетъ ослабленія конкурирующихъ съ ними предпріятій, по своему существу не менѣе полезныхъ для страны, какъ и желѣзныя дороги. Пользуясь своими привилегіями, эти компаніи давили общества, завѣдующія эксплуатаціей существующихъ каналовъ, а также желавшихъ рыть новые каналы; онѣ стѣсняли развитіе судоходства. Эти крупныя асоціаціи образовали государства въ государствѣ. Онѣ пользуются непожѣрной властью; сдѣлавшись болѣе сильными, чѣмъ всѣ корпораціи, исключая духовенства, болѣе могущественными, чѣмъ всѣ министерства, онѣ не признаютъ надъ собою никакой государственной власти и въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются только личнымъ произволомъ. Во Франціи министры появляются и исчезаютъ, правительства слѣдуютъ одно за другимъ, короли, императоры и президенты республики проходятъ передъ нами и смѣняются, только желѣзнодорожныя компаніи остаются непоколебимыми; сила ихъ растетъ и онѣ становятся опаснѣе для государства. Частныя лица совершенно беззащитны передъ этимъ гроз-

нымъ скученіемъ капиталовъ и вліяній. Промышленность менѣе безоружна передъ государствомъ, чѣмъ передъ администраціями компаній желѣзныхъ дорогъ. На повѣрку выходитъ, что легче затронуть министра юстиціи, чѣмъ начать спорное дѣло съ одной изъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Преданныя рутинѣ, желѣзнодорожныя компаніи упорно возстаютъ противъ каждой реформы; само государство не въ силахъ заставить ихъ принять нѣкоторыя улучшения, несмотря на то, что тѣ, очевидно, клонятся къ ихъ-же пользѣ.

Имѣя слишкомъ много власти, желѣзнодорожныя компаніи часто ея злоупотребляютъ. Владѣя громадными капиталами, онѣ, вопреки уставамъ, спекулируютъ на биржѣ, предпринимаютъ операціи, о которыхъ не знаютъ акціонеры. Но что всего хуже, онѣ сильнѣе дѣйствуютъ на прессу, чѣмъ государства посредствомъ своихъ секретныхъ фондовъ. Онѣ вліяютъ даже на судей и на законодательныя собранія. Еще недавно предводитель національныхъ либераловъ въ Пруссіи, Ласкеръ, выступалъ съ сильными обвиненіями противъ нѣсколькихъ изъ главныхъ администраторовъ желѣзныхъ дорогъ и еще свѣжи въ памяти грязные скандалы, совершавшіеся въ управленіи римскими желѣзными дорогами знаменитымъ Струсбергомъ. Соединенные Штаты, идущіе впереди всего свѣта во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ отношеніи порчи администраціи, удивили міръ дерзостью своихъ компаній. Подвиги Джемса Фиска, „короля желѣзныхъ дорогъ“, были бы невозможны въ другой цивилизованной странѣ; они кажутся даже невѣроятными. Американскіе патріоты даже утрапились за будущее, ожидающее ихъ родину, въ виду безпрестанныхъ, чудовищныхъ безобразій, совершаемыхъ крупными финансовыми, промышленными и транспортными компаніями; эти могущественныя учрежденія внесли порчу въ вашингтонскій конгрессъ, дискредитировали президента, его приближенныхъ и центральную администрацію. Всѣ честные граждане Америки единогласно восклицаютъ: „отечество въ опасности!“

Канцлеръ германской имперіи желаетъ устранить такой опасный порядокъ вещей. Имперія Бисмарка не желаетъ впасть въ грубую ошибку имперіи Руэра. Канцлеръ видитъ всѣ неудобства отъ существованія мелкихъ компаній и находитъ только

одну достаточно большою, чтобы поглотить ихъ: германскую имперію.

Канцлеръ не сразу понялъ необходимость этой мѣры, или, если понялъ, то сумѣлъ замаскировать свою игру. Ему пришлось заняться организаціею желѣзныхъ дорогъ въ присоединенныхъ Эльзасѣ и Лотарингіи. Переведя глаза съ управляемой имъ сѣчи на смежныя съ нею, онъ былъ пораженъ беспорядкомъ и запутанностью, царившими въ 90 нѣмецкихъ компаніяхъ съ ихъ 60 разными управленіями и лабиринтомъ тарифовъ, дѣйствительное число которыхъ никому неизвѣстно; нѣкоторые насчитываютъ ихъ до 1,533. Тарифъ на пассажировъ и товары измѣняется каждый разъ, какъ поѣздъ переходитъ съ территоріи одной компаніи на другую, что бываетъ очень часто, такъ, напр., 7 разъ между Берлиномъ и Штутгартомъ. Такое разнообразіе тарифовъ зависитъ отъ того, что они вполнѣ произвольны и не подчиняются никакой логикѣ. Даже специалисты въ этомъ дѣлѣ, теряясь въ путаницѣ различныхъ распоряженій, нерѣдко ошибаются. При каждомъ путешествіи они убѣждаются, что произошло измѣненіе тарифа. Сбивчивость частныхъ тарифовъ увеличивается еще сбивчивостью тарифовъ дифференціальныхъ; выходитъ, на примѣръ, что доставка 200 тоннъ извѣстнаго товара изъ Антверпена въ Вѣну стоитъ дешевле, чѣмъ 150 тоннъ изъ Кальна въ Мюнхенъ. Дифференціальныя тарифы примѣняются компаніями совершенно произвольно; компанія можетъ примѣнить ихъ при расчетѣ съ однимъ отправителемъ и отказать въ томъ другому, сосѣду и конкуренту перваго. Понятно, что этотъ произволъ вредно отражается на торговлѣ и промышленности. Нѣкоторые даже приписываютъ болѣе всего беспорядкамъ въ транспортированіи владей тотъ застой, въ которомъ находятся теперь дѣла Германіи. Конечно, это преувеличеніе; нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить, что желѣзныя дороги—единственный виновникъ промышленнаго и торговаго кризиса, свирѣпствующаго въ Германіи; но, во всякомъ случаѣ, доля вины лежитъ и на нихъ: онѣ ничего не сдѣлали и не дѣлаютъ для облегченія и удешевленія перевозки товаровъ.

Князь Бисмаркъ, желая измѣнить существующій порядокъ въ системѣ тарифа, какъ сдѣлалъ-бы и всякій умный человекъ на его мѣстѣ, потребовалъ радикальнаго преобразованія всей системы.

упрощенія ея, такъ чтобы различныхъ тарифовъ было не 1,200 или 1,500, какъ теперь, а не болѣе 12 или, по крайней мѣрѣ, 15. Онъ потребовалъ отмѣны дифференціальныхъ тарифовъ, такъ-какъ всѣ товары безъ исключенія должны перевозиться по одинаковой таксѣ, сообразуясь съ вѣсомъ и разстояніемъ. Онъ соглашался даже на общее возвышеніе тарифовъ на 20%, но съ тѣмъ, чтобы эти тарифы, одинаковые на всѣхъ линіяхъ, были установлены по образцу тарифовъ, принятыхъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Съѣздъ представителей компаній германскихъ дорогъ тотчасъ-же принялъ возвышеніе тарифа на 20%, но не согласился на упрощеніе его, заявляя, что подобная реформа рѣшительно невозможна.

Не смѣя, однакожь, рѣшительно противорѣчить всемогущему канцлеру (съ которымъ множество причинъ не дозволяли съѣзду ссориться), онъ постарался избѣжать прямого отвѣта. Заявивъ, что онъ съ живымъ интересомъ разсмотрѣлъ предлагаемыя его свѣтлостью реформы и вполнѣ сочувствуетъ имъ, съѣздъ прибавляетъ: „Принимая въ принципѣ предложенный его свѣтлостью проектъ, мы, однакожь, не считаемъ возможнымъ измѣнить нѣкоторыя постановленія, утвержденныя уставами, данными каждой компаніи особо; мы можемъ принимать только тѣ измѣненія, которыя согласны съ частными интересами каждой компаніи“. Другими словами, эту прибавку можно изложить такъ: „вашъ проектъ ничтоженъ и мы принять его не можемъ; въ глаза противорѣчить вамъ мы не смѣемъ, но вы можете рассчитывать, что мы будемъ слѣдовать въ своихъ дѣлахъ прежнему теченію; на ваше-же могущественное вмѣшательство мы будемъ отвѣчать еще болѣе могущественной силой — нашей инерціей“. Такое изложеніе ближе къ истинѣ.

Несомнѣнно, что реформы, предложенныя княземъ Бисмаркомъ и отвергнутыя съѣздомъ представителей германскихъ желѣзныхъ дорогъ, выгодны какъ для публики, такъ и для самихъ компаній. Но реформа въ интересѣ публики и компаній не всегда бываетъ въ интересѣ директоровъ и администраторовъ желѣзныхъ дорогъ, которые не любятъ, чтобы ограничивали ихъ власть и значеніе; между ними не мало и такихъ господъ, которые любятъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Сторонники поглощенія государствомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ

настаиваютъ, главнымъ образомъ, на томъ аргументѣ, что упрощеніе тарифовъ и сокращеніе личнаго состава управленій было бы великимъ благодѣяніемъ для страны. Мы не знаемъ, на какихъ цифрахъ основывался Зибель, говоря, что эксплуатація желѣзныхъ дорогъ государствомъ обходится дешевле, чѣмъ компаніями. Правда, изъ свѣдѣній, доставленныхъ 45 управленіями желѣзныхъ дорогъ, видно, что государство тратитъ 53,3% изъ валового сбора на расходы по эксплуатаціи, а компаніи всего 48,5%. Но приверженцы правительственной эксплуатаціи рассчитываютъ на ту экономію, которая получится отъ упраздненія двойныхъ станцій, двойныхъ зданій, отъ соединенія двухъ различныхъ линій, отъ сокращенія расходовъ на контроль, которые усложняютъ эксплуатацію и дѣлаютъ ее болѣе дорогою, отъ значительной экономіи въ употребленіи матеріаловъ: менѣе вагоновъ будутъ возвращаться пустыми и пр.

Но намъ не зачѣмъ входить въ техническія подробности; намъ довольно знать, что для управленія сѣтью желѣзныхъ дорогъ гений не нуженъ и что инженеры, назначенные государствомъ, такъ же справятся съ своими обязанностями, какъ и инженеры, приглашаемые на службу банкирами и биржевиками. Мы должны только разрѣшить вопросъ о правѣ и принципѣ. Послѣ всѣхъ представленныхъ доводовъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что въ принципѣ управленіе желѣзными дорогами, главнѣйшимъ органомъ общественнаго передвиженія, принадлежитъ, въ силу логики, государству, которое само по себѣ есть великій органъ общественныхъ отношеній и на его обязанности лежитъ доставленіе и облегченіе гражданамъ быстрого и дешеваго передвиженія.

Что желѣзныя дороги, по своей натурѣ и по роду оказываемыхъ ими услугъ, должны принадлежать всему обществу, вмѣстѣ взятому, т. е. государству, неопровержимымъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что оно даетъ концесіи только на опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго дороги переходятъ въ полную собственность государства. Оно, законный владѣлецъ, можетъ на время уступать полуобщественнымъ, участвующимъ компаніямъ свои права, но отчуждать ихъ навсегда оно не можетъ. Возвращая себѣ свои права, государство не обязано платить ни гроша для вознагражденія акціонеровъ, наоборотъ, эти послѣдніе должны уплачивать ему довольно значительную арендную плату въ видѣ

дарово и передачи депешъ, пониженныхъ цѣнъ для солдатъ, моряковъ, чиновниковъ и казенныхъ матеріаловъ. Германское государство жаждетъ за известную плату сократить періодъ эксплуатаціи, уступленной имъ на опредѣленный срокъ компаніямъ. Оно убѣдилось теперь, что періодъ этотъ слишкомъ длиненъ и что было-бы лучше, въ общихъ интересахъ, никогда не уступать своихъ исключительныхъ правъ. Какъ только государство поняло величину сдѣланной имъ ошибки, у него естественно явилось стремленіе уменьшить ея послѣдствія, возвративъ себѣ свою собственность, довѣренную управляющему, слишкомъ заботящемуся о своихъ интересахъ и мало пекущемуся объ интересахъ хозяина.

По этимъ и по многимъ другимъ причинамъ (не прогнѣвайтесь, гг. Варнбюлеръ, Митнахтъ, фон-Фризенъ и фон-Пфретчнеръ), не сходя съ почвы права, отбросивъ въ сторону политику, нельзя не признать, что князь Бисмаркъ не только не совершаетъ ничего еретичнаго съ точки зрѣнія государственной экономіи, но, наоборотъ, восстанавливаетъ естественный порядокъ; во имя государства онъ требуетъ возвращенія только того, что должно принадлежать государству.

II.

Желая уяснить себѣ дѣйствительное положеніе этого вопроса, мы старались не упустить ни одного относительно важнаго факта; мы одинаково черпали факты какъ у защитниковъ, такъ и у противниковъ проекта; мы знаемъ, какъ при подобной работѣ легко обмануть себя самого и еще легче обмануть другихъ. Дѣло касается громадныхъ и въ то-же время въ высшей степени щекотливыхъ интересовъ. Число пассажировъ, тоннъ товаровъ, приходовъ, расходовъ по эксплуатаціи и процентовъ достигаетъ громадныхъ цифръ: сотенъ миліоновъ; въ то-же время прибавка четверти копейки на пудъ или версту можетъ измѣнить положеніе торговли известнымъ предметомъ, убить ремесло, разорить націю.

Германской націи предлагается улучшеніе; желательно теперь выяснитъ, обезпечиваетъ-ли предлагаемый проектъ болѣе практичный, разумный и справедливый порядокъ вещей? Но просматривая цифры, подводя итоги, вывода среднія числа, мы не разъ останавливались на грустномъ размышленіи. Да, полно, возможно ли на основаніи этой цифирной мудрости придти къ какому-ни-

будь заключенію: извѣстно, что спорящія стороны обыкновенно поражаютъ другъ друга обиліемъ принциповъ, фактовъ и цифръ, хватая ихъ безъ разбора, не обращая вниманія, вѣрные или ложные попадаютъ имъ подъ-руку? Все дѣло заключается въ томъ, чтобы набрать ихъ побольше и задавить противника ихъ многочисленностью. Фальшивымъ даже отдается преимущество передъ вѣрными, если они болѣе удобны къ употребленію. Философскіе и политико-экономическіе выводы приводятся съ цѣлью пустить больше пыли въ глаза и затуманить истинное положеніе. Цифры — призраки, разсужденія — отвлеченности, служащія знаменами, около которыхъ группируются сражающіеся. Но знамена не болѣе, какъ тряпки, прибитыя къ шесту. Живого только и есть, что бойцы, дѣйствительность, это злоба, наталкивающая ихъ одного на другого. Доказательства, которымъ придаютъ значеніе одни, считаются ничтожными ихъ противниками. „Подайте мнѣ женщину, говоритъ опытный слѣдователь, — и я раскрою запутанное дѣло“. Намъ тоже нужно прежде всего опредѣлить: какія страсти, какіе интересы, какая ненависть и какія честолюбивыя желанія волнуютъ ту и другую сторону.

Главные двигатели въ этомъ дѣлѣ политическіе: со стороны князя Бисмарка — властолюбивое желаніе поглотить Пруссіей всю Германію; со стороны другихъ государствъ — честолюбивое желаніе удержать за собой остатки своей автономіи. Интересы матеріальныя стоятъ на второмъ планѣ. Это доказывается тѣмъ, что негоціанты прусскіе и негоціанты виртембергскіе, несмотря на то, что одинаково страдаютъ отъ хаоса тарифовъ, принадлежатъ къ противоположнымъ лагерямъ. Одни, какъ аннекціонисты, хотятъ, чтобы государство скупило дороги, другіе, какъ партикуляристы, возстаютъ противъ этой мѣры. Затѣмъ акціонеры баварскіе и акціонеры саксонскіе одинаково враждебны проекту Бисмарка, несмотря на то, что первые получаютъ только 3% съ своихъ акцій, а вторые болѣе 7%. Мы только констатируемъ фактъ, мы не имѣемъ желанія порицать его; мы отмѣчаемъ иллюзіи, которымъ предаются обѣ стороны, и не находимъ ихъ достойными осужденія, пока онѣ чистосердечны. Мы не видимъ ничего страннаго въ томъ, если хорошо или дурно понятый патріотизмъ управляетъ преніями и политическіе интересы идутъ впереди торговыхъ.

Соединеніе всѣхъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ берлинскаго правительства, по проекту князя Бисмарка, къ которому съ энтузіазмомъ примкнула большая часть такъ-называемой національно-либеральной партіи и всѣ прусскіе централисты, имѣеть цѣлью усилить значеніе новой имперіи. Пока еще неизвѣстно, на твердомъ-ли фундаментѣ стоитъ искусственно-созданное зданіе новой имперіи. Тотчасъ послѣ возведенія этого зданія національные либералы полагали, что блескъ побѣдъ надъ бонапартистскими генералами и ненависть къ французамъ послужатъ неразрушимымъ цементомъ, который будетъ скрѣплять изъ вѣка въ вѣкъ фундаментъ зданія. Но едва прошло пять лѣтъ, а число враговъ новаго государства растетъ внѣ и особенно внутри страны. Самые сильные энтузіасты покачиваютъ головой, думая о будущемъ. Много грубыхъ ошибокъ было сдѣлано, въ особенности въ борьбѣ съ католицизмомъ; теперь руководители судьбами имперіи стараются подыскать отвлекающія средства. Искусственно-созданной католической агитаціей хотѣли воспользоваться въ политическихъ интересахъ, но агитація вышла сильнѣе и серьезнѣе, чѣмъ это требовалось для ея творцевъ, и потому, вмѣсто укрѣпленія единства имперіи, она сильно его потрясла.

Дѣло объединенія Германіи было значительно подвинуто законами объ однообразномъ вѣсѣ и мѣрѣ, о почтахъ, телеграфахъ, таможенныхъ сборахъ, военной организаціи, монетахъ и банкахъ; теперь разсчитываютъ, что централизація желѣзныхъ дорогъ еще болѣе укрѣпитъ единство. Имперія, говорятъ намъ, будетъ тогда вездѣ имѣть своихъ представителей, цѣлую армію чиновниковъ, готовыхъ къ ея услугамъ, всѣ станціи превратятся въ прусскіе посты и уподобятся казармамъ, наполненнымъ гражданскими солдатами. „Имперія, сказала одинъ восторженный ораторъ на ландтагѣ въ Берлинѣ, —имѣла до сихъ поръ только военную организацію; проектъ, которому мы хотимъ дать силу закона, дастъ ей гражданское тѣло“. Результатъ получится двойной; князь Бисмаркъ однимъ выстрѣломъ убьетъ двухъ зайцевъ; онъ не только станетъ полнымъ хозяиномъ громадной организаціи рельсовыхъ путей, захватитъ ни за что или почти даромъ огромную машину, стоившую десять миліардовъ марокъ, но, кромѣ того, значительно увеличитъ число приверженцевъ имперіи, — что, пожалуй, важнѣе двѣнадцати миліардовъ: государство сдѣлаетъ долгъ въ 10 миліардовъ, обли-

гаціи этого займа проникнуть въ такія семьи, гдѣ до сихъ поръ мало заботились объ имперіи или относились къ ней враждебно, теперь-же матеріальный интересъ побудить ихъ считать дѣло имперіи своимъ собственнымъ.

Мы не думаемъ, какъ полагаютъ энтузіасты, чтобы этотъ громадный переворотъ совершился безъ большихъ затрудненій. Много страстей поднялось за этотъ проектъ, но много также поднялось и противъ него, и эти послѣднія могутъ приобрести силу, если канцлеръ и его партія сдѣлаютъ какую-нибудь неловкость. Но если они не примутъ никакихъ ошибочныхъ мѣръ, то окончательная побѣда ихъ очевидна, и даже послѣ непродолжительной борьбы. Фіаско сен-готардской дороги, самой романтической и грандіозной изъ всѣхъ, доказываетъ, что предпріятія постройки желѣзныхъ дорогъ уже потеряли свой прежній блескъ и свою поэзію. Намъ пріѣлисы мосты на аркахъ, тунели, дебаркадеры; локомотивъ товарнаго поѣзда не болѣе интересенъ для насъ, какъ рабочей вольтъ, локомотивъ пассажирскаго поѣзда возбуждаетъ не болѣе любопытства, чѣмъ бѣговая лошадь, цѣнностью въ десять разъ дешевле. Постройка желѣзныхъ дорогъ изъ искусства и науки обратилась въ ремесло и малѣйшія техническія подробности стали такъ извѣстны, что остается только вездѣ копировать. Достаточно употребить незначительное время для теоретическаго обученія и приобрести немного практики, чтобы знать все, что извѣстно посредствомъ строителямъ. Въ финансовомъ отношеніи эти предпріятія тоже потеряли свое обаяніе. Большія тони давно вытянуты, чудесныхъ улововъ ожидать трудно, громадныя состоянія составлены, большія концесіи уже эксплуатированы, преміи и разности положены въ карманы. Главная сѣть желѣзныхъ дорогъ въ западной Европѣ, соединяющая столицы и большіе центры населенія и промышленности, кончена и завершена двадцать лѣтъ назадъ; вторая, гораздо менѣе прибыльная, сѣть кончена десять лѣтъ назадъ; третья почти доведена до конца; слѣдовало-бы теперь начать четвертую сѣть, т. е. побочныя линіи, но она уже не представляетъ выгодъ, будетъ стоить много денегъ, а принесетъ мало дохода, какой-нибудь 1 или 2%. Никто не хочетъ брать этого предпріятія на себя, находя, что его обязано исполнить государство; ему навязываютъ линіи, дурно ведущія свои дѣла. Когда изъ апельсина высосали

последнюю каплю сока, тогда только дѣлають открытіе, что онъ принадлежитъ государству.

Проектъ Бисмарка представленъ во-время: теперь, какъ мы уже замѣтили, вездѣ проявляется стремленіе къ слиянію линій. Въ Англіи лондонская и сѣверо-западная компаніи эксплуатируютъ въ настоящее время слишкомъ 2,000 верстъ и составились изъ 60 соединенныхъ между собою компаній. Съ другой стороны, государство увеличиваетъ принадлежащія имъ дороги присоединеніемъ новыхъ линій, купленныхъ у частныхъ компаній; такъ поступаютъ Бельгія и Баварія. Князь Бисмаркъ развилъ только планъ, который обдумывалъ Гладстонъ, когда потерялъ министерство. Гладстонъ, правда, думалъ дѣйствовать не торопясь, онъ рассчитывалъ устранить прежде нѣкоторые серьезные затрудненія. Но въ германской имперіи все дѣлается на рысяхъ; кирасирскій генералъ, управляющій ею, любитъ наносить сильные удары, хотя они и не всегда попадаютъ вѣрно. Желая подставить ногу спѣшавшему канцлеру, одинъ честный нюрнбержецъ предлагаетъ слѣдующее: „для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ сопротивляться захвату, задуманному Пруссіей, необходимо, чтобы всѣ другія государства Германіи, каждое у себя, скупили всѣ частныя желѣзныя дороги и противопоставили-бы свои дороги тѣмъ, которыя зависятъ отъ Бисмарка“. Но, конечно, это политика человѣка, бросающагося въ воду, чтобы не смокнуть подъ дождемъ. Если германскія государства сами поглотятъ свои частныя сѣти, то этия они только облегчатъ дѣло великаго канцлера, который въ сущности желаетъ только приблизить исполненіе неизбѣжнаго. Поглощеніе мелкихъ желѣзно-дорожныхъ компаній крупными неизбѣжно, точно такъ же, какъ затѣмъ неизбѣжно поглощеніе этихъ послѣднихъ государствомъ. Почему? А потому, что громадныя компаніи—это финансовыя чудовища; а чудовища, въ силу естественнаго закона, пожирають другъ друга. Существуетъ поговорка, что змѣенышъ обращается въ змѣя, поѣдая крошечныхъ змѣй; толстый змѣй питается болѣе тонкими змѣями, превращается въ дракона, а драконы поѣдаютъ одинъ другого. Передвиженіе путешественниковъ и товаровъ, а вслѣдствіе этого и валовые сборы желѣзныхъ дорогъ, увеличиваются съ каждымъ годомъ въ большихъ пропорціяхъ; но что ни дѣлають компаніи, расходы по эксплуатациіи ро-

стугъ еще скорѣе, и вслѣдствіе этого чистый доходъ становится меньшимъ, а не большимъ.

Причины увеличенія расходовъ компаній зависятъ прежде всего отъ постояннаго увеличенія цѣнъ на всевозможные предметы потребленія: на уголь, дрова, желѣзо, служащихъ, рабочихъ, на хлѣбъ, вино, мясо, на наемъ помѣщеній и на землю. Каждое ремесло возвышаетъ цѣны на свой собственный продуктъ и жалуется, что не можетъ повышать ихъ такъ-же скоро, какъ повышается цѣнность другихъ продуктовъ. Возвышеніе цѣнъ повсемѣстное; феллахъ въ Египтѣ платитъ за лукъ гораздо дороже, чѣмъ платилъ десять лѣтъ назадъ; китайскій крестьянинъ платитъ гораздо дороже за тарелку риса, составляющую его обѣдъ. Всѣ предметы дорожаютъ потому, что дорожаетъ каждый изъ нихъ отдѣльно; каждый предметъ дорожаетъ потому, что всѣ остальные дорожаютъ; все вертится въ заколдованномъ кругу, разобщить который нѣтъ никакой возможности.

Компаніи дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы спасти свои дивиденды. Для сокращенія общихъ расходовъ онѣ сливаются по нѣскольку вмѣстѣ, запасаются болѣе прочнымъ и болѣе дорогимъ матеріаломъ, потому что теперь, чтобы имѣть большія экономіи, надо дѣлать большія затраты. Компаніи, пользующіяся множествомъ привилегій и выгодъ, достигаютъ въ извѣстной степени своихъ цѣлей, но этимъ онѣ только отсрочиваютъ день уплаты и отдаляютъ наступленіе рокового дня. Рано или поздно имъ всегдѣ пришлось-бы объявить себя несостоятельными, выполнить свою прямую обязанность — выдавать дивиденды и проценты владѣльцамъ акцій и облигацій, если-бы не вмѣшалось государство и не скрыло ихъ неспособность и разложеніе, замѣняя ихъ собою посредствомъ купли, конфискаціи, посредствомъ добровольной или насильственной ликвидаціи. Въ настоящее время нѣмецкія компаніи громко жалуется на Бисмарка, но онѣ поднимаютъ шумъ только за тѣмъ, чтобы имъ побольше заплатили, а также и потому, что болѣе крупныя изъ нихъ еще не добрались до дна своего кошелька. Но, конечно, когда придетъ время, что акціонеры станутъ получать только по 4%, они не будутъ сопротивляться, если правительство предложитъ имъ по 5% и возьметъ дороги за себя. Съ баварскими акціонерами, получающими всего по 3%, германской имперіи и теперь будетъ

очень легко справиться. Какъ служащій при управленіи частной желѣзной дороги будетъ польщенъ превращеніемъ, послѣ покупки линіи государствомъ, въ государственнаго чиновника, такъ точно лестною покажется и мелкому акціонеру его метаморфоза въ государственнаго кредитора, особенно если онъ чрезъ это что-нибудь выигрываетъ.

Экономическій законъ, что крупныя капиталы поглощаютъ мелкіе, потомъ средніе, наконецъ изъ крупныхъ менѣе крупныя, чѣмъ они сами, дѣйствуетъ въ XIX, можетъ быть будетъ дѣйствовать и далѣе XX вѣка. Что касается горя и страданій, которыми оплачивается переходъ отъ одной цивилизаціи въ другую, то лучше объ этомъ не думать и не собираться заранѣе о томъ, чего нельзя избѣжать. Предупрежденія принимаются не охотно, совѣты бесполезны, ихъ выслушиваютъ съ неудовольствіемъ; да, можетъ быть, имъ нельзя и послѣдовать, можетъ быть, катастрофа сама по себѣ неизбежна. Корабль направляется къ безднѣ, движеніе его быстро и горделиво. Старый Адамъ Смитъ управляетъ рулемъ, Мальтусъ держитъ секстантъ астролябіи, Магъ-Буллохъ наблюдаетъ компасъ, Бастіа — капитанъ, Тьеръ — поваръ этого корабля. Нѣкоторымъ пассажирамъ кажется, что они слышатъ глухой шумъ, исходящій изъ бездны; имъ кажется, что они видятъ уже пѣнящіяся волны; они предупреждаютъ вахтеннаго офицера, но онъ рѣшительнымъ тономъ отвѣчаетъ имъ: *laissez faire, laissez passer...*

Несомнѣнно, что Бисмаркъ имѣетъ всѣ шансы выиграть битву, которую онъ даетъ частнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ; захватывая въ руки имперіи всѣ германскія желѣзныя дороги, онъ разрушаетъ одинъ изъ послѣднихъ валовъ независимости маленькихъ государствъ.

Этихъ соображеній Бисмаркъ не скрываетъ отъ публики, — впрочемъ, было-бы бесполезно скрывать ихъ, такъ-какъ они для всякаго очевидны. Бисмаркъ и Мольтке рѣшили захватить всѣ германскія дороги и образовать изъ нихъ одну громадную стратегическую сѣть, страшную машину, способствующую быстрому передвиженію полутора-миліоннаго войска, которое, въ случаѣ новой войны, можетъ быть, одновременно съ Франціей и Россіей, могло-бы

съ необыкновенной быстротой появляться на угрожаемомъ пунктѣ, и такимъ образомъ полутора-миліонная армія могла-бы исполнить задачу, для рѣшенія которой потребна армія силою въ 2^{1/2} миліона. Нѣсколько сотъ тысячъ человекъ могли-бы находиться въ постоянномъ передвиженіи на стратегической шахматной доскѣ, переходя съ запада на востокъ, съ Рейна на Вислу, съ Тавра къ Карпатамъ, показываясь неожиданно тамъ, гдѣ ихъ не ожидали. Наполеонъ I сказалъ, что ноги солдатъ могутъ много содѣйствовать успѣшности сраженія; Мольтке, обогащенный опытомъ послѣдней франко-германской войны, развилъ эту формулу и пришелъ къ заключенію, что главнымъ орудіемъ будущей войны будетъ не ружье Мосера и даже не круповская пушка, но локомотивы, носящіеся на вѣхъ парахъ, нѣсколько сотъ локомотивовъ, перевозящихъ нѣсколько сотъ тысячъ людей по различнымъ линіямъ, сводящимся въ одну опредѣленную точку. Подъ Седаномъ, Мэцемъ, Орлеаномъ, Парижемъ нѣмцы поняли, какую революцію, въ стратегическомъ отношеніи, могутъ произвести желѣзныя дороги, и теперь хотятъ первые приѣхать къ дѣлу это страшное открытіе; у Мольтке блестятъ на глазахъ слезы умиленія, когда онъ представляетъ себя поставленнымъ въ центрѣ телеграфовъ съ двадцатью нитями, сходящимися у его бюро и направленными къ двадцати военнымъ лагерямъ, которые онъ перебрасываетъ съ одного конца территоріи на другой, съ одной границы на другую, приводя каждый разъ въ дѣйствіе тысячи пушекъ и жонглируя съ армейскими корпусами, какъ Боско жонглируетъ съ красными, голубыми, бѣлыми и золотыми шариками; только у Мольтке шариками служатъ гранаты и картечь, которыя онъ можетъ бросить въ толпу.

Очевидно, что чѣмъ болѣе усовершенствованы средства къ войнѣ, тѣмъ болѣе шансовъ завоевывать провинціи и миліарды и тѣмъ сильнѣе искушеніе пользоваться этими средствами, особенно если другія державы сравнительно безоружны.

Но нельзя долго находиться въ исключительномъ положеніи. Сосѣди, видя Германію вооруженною такимъ хорошимъ револьверомъ, захотятъ приобрѣсти и себѣ такой-же, и, вѣроятно, нововведеніе Бисмарка вызоветъ подражаніе въ другихъ странахъ. Вездѣ государство завладѣетъ желѣзными дорогами и народы на почвѣ такого вооруженія вступятъ въ ту-же борьбу, какую ведутъ въ настоящее время между собою изобрѣтатели пушекъ,

ядра которыхъ пробиваютъ всѣ кирасы, и изобрѣтатели кирасы, выдерживающихъ пушечныя ядра всякихъ калибровъ.

Такое значеніе, по отношенію къ европейской политикѣ, проекта, принятаго Пруссіей наканунѣ свиданія трехъ канцлеровъ. Осуществленіе его повлечетъ за собой громадныя послѣдствія и вызоветъ подражанія. Но прежде, чѣмъ слѣпо подражать, политическимъ дѣятелямъ слѣдуетъ спокойно и внимательно обсудить это дѣло. Конечно, здравый разумъ и рѣшимость—лучшая оборона и самая дѣйствительная защита, но осторожность не лишняя въ такомъ сложномъ дѣлѣ.

Двойное превращеніе желѣзныхъ дорогъ въ стратегическое орудіе и средство управленія государствомъ не замедлитъ обратить на себя вниманіе заграничныхъ политиковъ. Но либералы въ Германіи имѣютъ еще болѣе повода задумываться надъ этимъ превращеніемъ, такъ-какъ они чувствуютъ, что оно прямо и непосредственно угрожаетъ многимъ изъ тѣхъ факторовъ государственной и общественной дѣятельности, которые они считаютъ существенно необходимыми для блага страны. Эта мѣра, сама-по-себѣ справедливая, разумная и выгодная для всѣхъ, въ рукахъ честолюбца можетъ повести къ плачевнымъ событіямъ. Политика великаго канцлера беспокоитъ прогресистовъ; честные люди, къ какой-бы партіи они ни принадлежали, не могутъ вѣрить базукоризненности и нравственности системы, организовавшей извѣстный фондъ „пресмыкающихся“, употреблявшей всѣ зависящія мѣры для ослабленія независимой прессы, представителей которой осталось теперь очень немного въ Германіи.

Если государство, имѣющее въ своемъ распоряженіи 15,000 почтовыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ, которые, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, представляютъ 100,000 человекъ, и еще большее число чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, пасторовъ, пасторовъ, профессоровъ и учителей, не считая арміи и флота,—если государство прибавитъ къ числу своихъ агентовъ массу желѣзно-дорожныхъ чиновниковъ, начиная отъ директоровъ и администраторовъ до послѣдняго писца, изъ которыхъ почти каждый отецъ семейства, тогда великій канцлеръ, располагающій вдобавокъ многими вліятельными органами печати, будетъ облеченъ такою непомерною властью, которая заставитъ призадуматься.

„Берегитесь! вскричалъ Виндгорсть, депутатъ отъ Меппена, во

время преній въ палатѣ;—отдавая въ руки одного человѣка распоряженіе всѣми желѣзными дорогами, вы вручаете ему вліяніе на каждый кантонъ, на каждую деревню, на сотни тысячъ людей, и даете государству непреодолимое могущество... но къ лучшему-ли или къ худшему это будетъ?

„Можно даже спросить себя: въ силахъ-ли самъ всемогущій канцлеръ, со всѣмъ геніемъ и энергіей, которые ему присвоиваютъ, справиться съ такой громадной машиной, держать руль Левіафана подобнаго сорта?“

Но разрѣшеніе этого вопроса еще впереди. Кто будетъ живъ—увидить!

В. Р.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Благосостояніе достаточныхъ классовъ Великобританіи.—Избытокъ денегъ, остающійся безъ удобнаго помѣщенія.—Протестъ Англіи.—Натянутость отношеній между Англіею и Франціею.—Герцогъ Деказь.—Воинственная демонстрація Великобританіи въ безъискской бухтѣ.—Недостатки броненосцевъ.—Преимущества предъ ними коммерческихъ судовъ.—Проектъ Брасея.—Будущность торпедо.—Вѣроятное измѣненіе морской тактики.—Слабость великобританской арміи.—Отвращеніе англичанъ отъ всеобщей воинской повинности.—Измѣненіе взглядовъ Англіи на восточный вопросъ.—Англія обращаетъ свои взоры на Египеть.—Для нея безразличенъ исходъ борьбы собственно на Балканскомъ полуостровѣ.—Мнѣніе англійской журналистики и м-ра Дефа о событіяхъ на Востокѣ.—Англія желаетъ мира.—Въ разрѣшеніи земельного вопроса заключается единственное практическое рѣшеніе борьбы на Балканскомъ полуостровѣ.

Что думаетъ Англія? Каковы ея намѣренія? Что предприметъ она въ виду событій на Балканскомъ полуостровѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усложняющихся разрѣшеніе спорнаго вопроса?

Эти вопросы раздаются со всѣхъ сторонъ, но отвѣтъ на нихъ дать не легко, потому что событія быстро смѣняются одно другимъ и значительно измѣняютъ съ каждымъ днемъ существующее положеніе. Мнѣнія находятся въ зависимости отъ бюлетеней съ театра войны; они повышаются и понижаются, сообразуясь съ биржевымъ повышеніемъ и пониженіемъ. Однакожь, припоминая такъ называемую традиціонную политику Великобританіи, внимательно слѣдя за отзывами лондонской прессы, за дѣйствіями министерства и впечатлѣніемъ, производимымъ ими на публику, мы можемъ въ общихъ чертахъ опредѣлить намѣренія и желанія Англіи по отношенію къ турецкому вопросу, въ разрѣшеніи котораго она играла, играетъ теперь и несомнѣнно будетъ играть въ бли-

жайшемъ будущемъ весьма значительную роль. Всѣ живыя существа, животныя, какъ и люди, націи, какъ и отдѣльныя личности, прежде всего желаютъ соблюсти свой личный интересъ. Следовательно, чтобы опредѣлить политику Англіи въ восточномъ вопросѣ, намъ прежде всего надобно рѣшить, какой интересъ она преслѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ?

I.

Англія видимо выказываетъ нетерпѣніе. Она, подобно велико-свѣтскимъ барынямъ, страдаетъ мигренью.

Но на что-же можетъ пожаловаться Англія?

Принцъ Валлійскій вернулся изъ Индіи. Слоны сотнями преклоняли предъ нимъ колѣна; люди тысячами падали къ его ногамъ. И въ прозѣ, и въ стихахъ его величали сыномъ Индры; онъ даже попалъ въ качествѣ бога въ храмъ, не помнимъ какаго города. Онъ привезъ съ собою множество драгоценныхъ подарковъ: серебряный тронъ, золотую рыбу съ рубиновыми глазами, короны, горячія алмазы, жемчугомъ, изумрудами и бирюзой, драгоценныя матеріи, оружіе, сѣдла, книги и рукописи, шѣха, ковры,—однимъ словомъ, цѣлый музей.

Далѣе, бюджетъ Великобританіи находится въ самомъ завидномъ положеніи: не только нѣтъ дефицитовъ, напротивъ, постоянный ежегодный довольно значительный остатокъ идетъ на уплату государственнаго долга. Въ то время, какъ прочія европейскія государства находятся вынужденными почти ежегодно увеличивать свой долгъ, Англія уменьшаетъ его и въ то-же время сокращаетъ налоги. Благосостояніе достаточныхъ классовъ въ Великобританіи увеличивается съ необыкновенной быстротой, что доказывается значительнымъ увеличеніемъ суммы, получаемой государствомъ съ налога на доходъ. Рудники, копи, заводы и фабрики производятъ баснословно-громадное количество продуктовъ. Изъ отчетовъ желѣзныхъ дорогъ оказывается, что число перевозимыхъ ими пассажировъ и товаровъ съ каждымъ годомъ увеличивается въ значительной пропорціи. Британскій флагъ развѣвается на всѣхъ моряхъ и торговый флотъ прочихъ европейскихъ странъ не можетъ

идти ни въ какое сравненіе съ англійскимъ торговымъ флотомъ. Сбереженія изъ странъ цѣлаго міра отдаются на сохраненіе въ англійскій банкъ, составляющій, такимъ образомъ, денежную кладовую, куда стекаются свободныя деньги Европы, Азіи и обѣихъ Америкъ. Магнаты Сити располагаютъ громаднѣйшими суммами, которыя они отдадутъ взаймы имперіямъ, королевствамъ и республикамъ всего міра. Они ворочаютъ громаднѣйшими предпріятіями на всемъ земномъ шарѣ. Вывозъ ежегодно увеличивается, но еще въ большей пропорціи возрастаетъ ввозъ. По статистикѣ Кольба оказывается, что съ 1854—1869 годъ ввозъ опредѣлялся цифрой въ 90 миллиардовъ, а вывозъ въ 71 миллиардъ франковъ; разница между ввозомъ и вывозомъ—19 миллиардовъ или въ годъ почти 1 миллиардъ 187 миліоновъ франковъ. Слѣдуя вульгарнымъ теоріямъ торговаго баланса, которыми угощаютъ публику экономисты извѣстнаго закала, надобно придти къ заключенію, что Великобританія, уплачивая эту разницу, близится къ разоренію и вскорѣ должна будетъ закрыть лавочку. Но эти 20 миллиардовъ Великобританія съ большой лихвой получила отъ возрастанія внутренней производительности и отъ комерціи банковыми билетами, ускользающей отъ всякаго таможеннаго контроля; изъ этой комерціи Великобританія извлекаетъ непоимѣрныя барышни. Въ последнее время газеты, служащія отголоскомъ мнѣній Сити, безпрестанно жаждутся, что Англія переполнена капиталами, лежащими безъ движенія, и потому деньги стали давать теперь слишкомъ ничтожный процентъ, несравненно-меньшій, чѣмъ въ то блаженное время, когда Турція и другія государства подобнаго-же закала, неумѣющія сводить концы съ концами, заключали миліонныя займы. Лондонскіе капиталисты находятся теперь въ мрачномъ настроеніи, не зная, куда помѣстить свои деньги, а денегъ у нихъ много, слишкомъ много.

Въ виду такихъ фактовъ, человѣку простому, непосвященному во всѣ тайнства нашей новѣйшей цивилизаціи, кажется невѣроятнымъ фактъ существованія въ Великобританіи сотенъ тысячъ бѣдняковъ. А между тѣмъ они существуютъ. Не говоря уже объ Ирландіи, гдѣ нужда такъ велика, что множество людей живутъ даже не въ полуразвалившихся избахъ, а просто въ землянкахъ, въ самомъ Лондонѣ отъ 60 до 80 тысячъ человѣкъ, просыпаясь

утромъ, не знаютъ, найдутъ-ли въ наступающій день средства для заработка дневного пропитанія; въ этомъ громадномъ, богатомъ Лондонѣ до сихъ поръ еще люди умираютъ съ голода на улицахъ. Да, многіе факты кажутся невозможными, хотя они существуютъ!..

II.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что если Англія не довольна своимъ изумительнымъ благосостояніемъ, то ясно, что на этомъ свѣтѣ не существуетъ дѣйствительнаго счастья. Англія хмуритъ свой лобъ и волнуется потому, что, по ея мнѣнію, міръ недостаточно занимается ею. Она желаетъ, чтобы ее цѣнили по ея высокому достоинству, чтобы къ ней обращались за совѣтами, чтобы, наконецъ, ей повиновались. Все это дѣлается, но не въ той степени, въ какой ей желательно. Она пользуется влияніемъ, но не въ той мѣрѣ, какой могла-бы пользоваться благодаря ея достоинствамъ и деньгамъ (въ особенности деньгамъ). Несмотря на то, что въ промышленномъ отношеніи она стоитъ во главѣ цѣлаго міра; имѣетъ банкъ, съ которымъ не можетъ конкурировать ни одинъ изъ банковъ другихъ странъ; имѣетъ флотъ, способный сразиться съ соединеннымъ флотомъ всѣхъ цивилизованныхъ націй,—Англія не обладаетъ достаточно внушительнымъ голосомъ въ совѣтѣ европейскихъ государствъ. Мы выражаемъ этими словами мнѣніе не наше, а самой Англіи. Свое неудовольствіе она очевидно выразила отказомъ присоединиться къ политикѣ трехъ канцлеровъ. Она отвѣчала довольно сухо „по“ (нѣтъ!), когда ей предложили подписать ноту, которая не подвергалась ея обсужденію во всѣхъ подробностяхъ. Дизраели, однакожь, успѣшилъ заявить въ публичной рѣчи, что на этотъ отказъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на выраженіе неудовольствія. „Кабинетъ вовсе не имѣетъ намѣренія своимъ отказомъ дѣлать упрекъ за то, что съ нимъ не подумали посовѣтоваться раньше, чѣмъ пришли къ какому-нибудь рѣшенію. Для насъ совершенно безразлично, что безъ содѣйствія Англіи вздумали разрѣшать восточный вопросъ, который мы всегда считали англійскимъ по-преимуществу и еще не такъ давно во имя его вели войну, стоившую намъ много людей и

денегъ... Трое государственныхъ людей задумали привести въ порядокъ дѣла Турціи, примирить султана съ инсургентами. Придя между собой въ соглашеніе относительно мѣръ, какія слѣдуетъ принять для осуществленія ихъ проекта, они сказали намъ не-принужденнымъ тономъ: „Вы, конечно, одобрите нашу политику, не правда-ли?“ Но мы не рѣшались дать требуемаго одобренія великимъ державамъ, нашимъ друзьямъ и союзникамъ, потому, что, по нашему убѣжденію, мѣры, ими предлагаемыя, могутъ повлечь за собой опасность для неприкосновенности Турціи и европейскаго равновѣсія. Мы отказали въ своемъ одобреніи, которое поспѣшили дать Франція и Италія неизвѣстно по какимъ побужденіямъ... Нашъ протестъ внушенъ намъ не самолюбіемъ или тщеславнымъ неудовольствіемъ, а исключительно заботами объ общемъ благѣ...”

Протестуя, Англія поступала искренно; зная ея политику въ восточномъ вопросѣ, а въ особенности принимая во вниманіе ея самолюбіе и властолюбіе, отъ нея невозможно было ожидать никакого другого отвѣта.

„Положеніе, принятое Англіей въ виду рѣшеній берлинской конференціи, говоритъ „Аугсбургская газета“, — въ сущности, не новость. Совершенно такъ-же она дѣйствовала въ 1855 году. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ графомъ Буолемъ, 14 ноября 1855 года составили проектъ ультиматума, съ которымъ австрійское правительство должно было обратиться къ русскому. Этотъ проектъ они сообщили лондонскому кабинету, требуя его одобренія. Лордъ Пальмерстонъ счелъ себя оскорбленнымъ и о своемъ неудовольствіи сообщилъ графу Персины въ письмѣ отъ 21 ноября. „Такой способъ дѣйствій намъ не нравится, писалъ онъ между прочимъ. — Нашу подпись подъ предложеніемъ мира Россіи мы могли-бы дать только въ такомъ случаѣ, если-бы были вполне согласны какъ съ формой, такъ и съ сущностью этого предложенія... Англійская нація будетъ очень рада хорошему миру, но она всегда предпочтетъ миру, недостаточно гарантирующему тотъ порядокъ, который она защищаетъ, продолженіе войны, хотя-бы и безъ другихъ союзниковъ, кромѣ Турціи; она сознаетъ, что въ состоявіи вынести на себѣ тяжесть такой войны...”

„Это письмо произвело сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Графъ

Валевскій, въ своемъ разговорѣ съ лордомъ Коулсемъ, замѣтилъ: „это угроза!“

„Нѣтъ, отвѣчалъ англійскій посланникъ,—но это дружеское заявленіе, что Англія значить кое-что и въ состояніи подержать свое мнѣніе“.

И на этотъ разъ Англія можетъ счесть себя вполне удовлетворенной. Своимъ отказомъ она какъ-бы уничтожила самую ноту, въ чемъ помогли ей событія. Революція въ Константинополѣ—при содѣйствіи или помимо содѣйствія лорда Эллиота—совершилась и представленіе ноты оказалось невозможнымъ. Событія, такимъ образомъ, дали удовлетвореніе кабинету Дизраэли и онъ могъ счесть себя побѣдителемъ въ дипломатической экспедиціи. Благодаря случаю, а можетъ быть иърамъ, принятымъ Англіею, произошелъ рѣзкій поворотъ въ дѣлахъ. Обособленность Англіи удвоила значеніе ея успѣха. Результатомъ этого успѣха явилось отреченіе Франціи и Италіи отъ одобренія, которое онѣ поспѣшили дать политикѣ трехъ канцлеровъ. Англія потирала руки отъ удовольствія, видя униженіе Франціи, вынужденной отречься отъ того, что она только-что признала. Со времени покупки Англіею акцій Суэзскаго канала между союзниками водворились натянутыя отношенія. Хедивъ, находя, что финансовыя комисары, присланные изъ Лондона, предлагаютъ ему слишкомъ тяжелныя условія, обратился къ французскимъ капиталистамъ. Герцогъ Деказъ, проведенный Англіею въ дѣлѣ покупки акцій Суэзскаго канала, обрадовался случаю отмстить за пораженіе. Онъ уговорилъ парижское „общество поземельнаго кредита“ дать хедиву до 200 миліоновъ франковъ за 15 или даже 18⁰/₀. Но англійское правительство и лондонскіе капиталисты не дремали; они вовсе не были расположены дѣлится съ кѣмъ-нибудь барыши, на которые могли рассчитывать въ Египтѣ. Они уговорили хедива нарушить данное слово (что для него было вовсе не трудно)—и французскіе капиталисты остались со своими миліонами. Франція снова была проведена. Неловкость правительства вызвала неудовольствіе патриотовъ и Наке сдѣлалъ запросъ въ палатѣ. Деказъ очень неловко защищался, но палата, которую интересуетъ только борьба партій, удовлетвовалась объясненіемъ министра и перешла къ очереднымъ дѣламъ. Большинство боя-

лось, чтобы Деказь не сдѣлалъ какой-нибудь неловкости, за которой необходимо могла послѣдовать его отставка, а кѣмъ его замѣнить? Во Франціи среди посредственностей, засѣдающихъ въ сенатѣ и національномъ собраніи, такъ мало людей, способныхъ быть государственными дѣятелями, что и герцогъ Деказь кажется незамѣнимымъ. Ему, по крайней мѣрѣ, хорошо извѣстны ходы на дипломатической шахматной доскѣ; онъ, правда, почти всегда проигрываетъ партію, но умѣетъ поддерживать игру столько времени, сколько требуется приличіемъ. Человѣкъ безъ убѣжденій, безъ принциповъ, съ узкимъ взглядомъ на вещи, герцогъ Деказь довольно ловко ведетъ интригу, имѣетъ хорошія манеры. Хитростью снискавъ довѣріе Наполеона III и милость Тьера, онъ обольстилъ маршала Мак-Магона. Въ сущности, онъ человѣкъ весьма посредственный, но съ представительною внѣшностію. Онъ не въ силахъ возратить странѣ ея прежняго обаянія за-границей, но способенъ скрыть ея слабость. Если ему дадутъ волю, черезъ нѣсколько лѣтъ французское министерство иностранныхъ дѣлъ станетъ средоточіемъ дипломатическихъ интригъ.

Когда во Франціи получилась вторая нота изъ Берлина, подписанная тремя канцлерами, Деказь, предполагая, что она будетъ имѣть такой-же успѣхъ, какъ и первая, хотѣлъ одобрить ее. Но, замѣтя, что общественное мнѣніе страны колеблется, и потому боясь зайти слишкомъ далеко, онъ обратился съ запросомъ къ Турціи и получилъ хотя вѣжливый, но двусмысленный отвѣтъ. Затѣмъ ему вздумалось предостеречь Сербію, но и оттуда послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ. Бросаясь изъ стороны въ сторону, онъ обратился къ Англіи. „Чего вы мечетесь безъ толку? отвѣчали ему оттуда.—Оставьте въ покоѣ турокъ и сербовъ, схватившихъ другъ друга за волосы; пусть они дерутся, если у нихъ есть на то охота. Будетъ гораздо лучше, если они кончатъ споръ тѣмъ или другимъ манеромъ. *Вино откупорено, надо его выпить*“ (sic!). Люди серьезные въ Англіи считаютъ Дизраели комедіантомъ, но онъ оказывается вылитымъ изъ бронзы и достойнымъ стать на-ряду съ героями Плутарха, если его сравнить съ Деказомъ, этимъ гасконцемъ изъ гасконцевъ.

III.

Рѣшительное положеніе, принятое кабинетомъ Дизраели въ восточномъ вопросѣ, требовало какой-нибудь военной демонстраціи. Извѣстное событіе въ Салоникахъ дало поводъ англійскому министерству отправить огромный флотъ въ безицкую бухту. Эта эскадра состояла изъ 20 сильныхъ броненосцевъ съ 10,000 матросовъ и морскихъ солдатъ; на одномъ изъ нихъ находился сынъ королевы. Затѣмъ было дано приказаніе ламаншской эскадрѣ отплыть въ Средиземное море. На верфяхъ и литейныхъ заводахъ закипѣла работа; англичане спѣшатъ окончить броненосцы „Thunderer“ и „Inflexible“, которые, говорятъ, представляютъ собою послѣднее слово кораблестроенія; они будутъ вооружены чудовищными пушками, составляющими тоже послѣднее слово артиллерійскаго искусства. Укрѣпленія Гибралтара и на островѣ Мальтѣ приводятся въ порядокъ. Въ портамъ свозятъ порохъ тоннами, а патроны миліонами. „Правительство, говоритъ „Times“,—рѣшилось мужественно поддержать положеніе, принятое имъ въ восточномъ вопросѣ“.

Разумѣется, и другія государства Европы отправили свои фрегаты и броненосцы въ безицкую бухту. Едва-ли когда-нибудь такая масса судовъ и пушекъ собирались въ небольшомъ заливѣ. Эти морскія чудовища наводятъ ужасъ на профановъ и, конечно, возбуждаютъ взаимное недовѣріе одинъ къ другому: каждый изъ нихъ слишкомъ хорошо знаетъ силу своего соперника, чтобы не чувствовать къ нему глубокаго уваженія. А если припомнить, что каждое изъ этихъ чудовищъ стоитъ миліоны, которые можно-бы было употребить несравненно производительнѣе, къ чувству страха невольно примѣшивается досада, почему люди еще такъ не развиты, что не могутъ обходиться безъ войны.

Непомѣрная цѣна новѣйшихъ военныхъ кораблей вызываетъ въ Англии со стороны компетентныхъ и, еще болѣе, некомпетентныхъ людей сомнѣніе, стоитъ-ли англійскій флотъ тѣхъ многочисленныхъ жертвъ, которыя для него принесены. Многіе изъ нихъ сомнѣваются, чтобы англійскій флотъ могъ оказать рѣшительное вліяніе на ходъ общей европейской войны. Громадное превосход-

ство британскаго флота надъ флотами другихъ націй успокоиваетъ сомнѣвающихся только на половину. Громадныя броненосцы, на которые затрачена громадная сумма въ сто миліоновъ рублѣй, возбуждаютъ столько-же надежды, сколько и сомнѣнія. Они слишкомъ тяжелы и крупны, и если они способны потопить все, что встрѣтится имъ на пути, то и сами подвержены опасности утонуть при малѣйшей неловкости въ ихъ управленіи. Они страшны для другихъ, но также страшны для себя, преимущественно въ тотъ моментъ, когда они наносятъ вредъ своему противнику. Они представляютъ собою чудеса грубой силы въ ея полномъ вооруженіи, чудеса механическаго искусства, но при всемъ томъ у нихъ ходъ очень невѣрный. Они походятъ на Геркулеса, ударомъ кулака убивающаго быка, но Геркулеса съ ревматизмомъ въ ногахъ, ишающимъ ему ступать прямо и твердо. Безъ сомнѣнія, они страшны неприятелю, который захочетъ ихъ ждать; налетѣвъ на него, они искрошатъ, уничтожатъ его; но если онъ вздумаетъ уходить, они будутъ не въ состояніи догнать его и, конечно, во время преслѣдованія они получаютъ болѣе ударовъ, чѣмъ сами нанесутъ ихъ. Въ такомъ случаѣ они будутъ походить на носорога, которому пришло желаніе распоротъ брюхо улепетывающей отъ него быстроногой борзой собагѣ.

Еще недавно лорды адмиралтейства были убѣждены, что вѣсъ корабля не оказываетъ замѣтнаго вліянія на его ходъ, если вѣсъ части его сдѣланъ пропорціонально его вѣсу. Силу корабля они измѣряли вѣсомъ брони, въ которую онъ закованъ. Такимъ образомъ, по ихъ соображеніямъ выходило, что корабль, на который употреблено 300 тоннъ желѣза, не только въ 3, но даже въ 9 разъ сильнѣе корабля, на который пошло всего 100 тоннъ. Теперь имъ приходится съ горестью сознаться, что они перешли границу, за которую не должны были переходить ни утолщеніе, ни вѣсъ брони; что сила и тяжесть корабля совмѣстимы только до извѣстной степени. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что обыкновенные корабли будутъ на-столько наивны, что станутъ подпускать къ себѣ своихъ противниковъ-чудовищъ, чтобы получить отъ нихъ ударъ; пользуясь сравнительной легкостью своего хода, они всегда уйдутъ отъ тяжелыхъ на ходу броненосцевъ. Почитатели броненосцевъ были убѣждены, что противъ этихъ ужасныхъ

плавучихъ батарей не устоитъ ни одно прибрежное укрѣпленіе. Но эти укрѣпленія приняли свои мѣры: стѣны ихъ одѣлись гранитомъ, а изъ амбразуръ выглядываютъ чудовищныя пушки, которыя не подпустятъ близко плавучія батареи, ибо способны пробивать ихъ броню. Такимъ образомъ броненосцы могутъ вести борьбу только съ броненосцами и для преслѣдованія непріятеля, нежелающаго принять бой и болѣе легкаго на ходу, чѣмъ они, — они совсѣмъ не годятся. Въ ожиданіи войны, они несутъ службу, которую лучше ихъ могли-бы исполнять другія, болѣе легкія суда, и были уже случаи ихъ крушенія, что приносило государственному казначейству громадныя потери.

На конференціи, собравшейся въ Лондонѣ и разсуждавшей о морскихъ вооруженіяхъ, м-ръ Брасей заявилъ, что купеческіе корабли имѣютъ громадное преимущество передъ военными: они настоящіе корабли, а не плавучія батареи; при ихъ постройкѣ обращается преимущественное вниманіе на способность ихъ быстро двигаться, а не стрѣлять изъ орудій. Строитель болѣе всего заботится о томъ, чтобъ дать имъ быстроту движенія при возможно большей вмѣстимости перевозимаго товара. Они всегда имѣютъ сравнительно большій запасъ каменнаго угля, чѣмъ военные. Трансатлантическіе пароходы ходятъ среднимъ числомъ 350 морскихъ миль въ сутки. Суда, привыкшія двигаться съ такой быстротой, не останавливаясь, втеченіи 12 дней, имѣютъ полное право не страшиться никакого военнаго корабля, такъ-какъ всегда могутъ легко избѣгнуть его или уйти отъ него. Имѣя удлинненный профиль, они представляютъ меньшую поверхность для ядеръ. Наконецъ—и это самое важное—новѣйшая баллистика даетъ небольшимъ коммерческимъ судамъ столько средствъ для обороны, что большой военный корабль не можетъ преслѣдовать его, не подвергаясь самъ серьезной опасности.

Вмѣстимость англійскаго парового коммерческаго флота опредѣляется въ 1,825,000 тоннъ. Большихъ пароходовъ 419; изъ нихъ 8 вмѣстимостью болѣе 3,000 тоннъ, 24 отъ 2,500 до 3,000 тоннъ, 55 отъ 2,000 до 2,500 тоннъ, 165 отъ 1,500 до 2,000 тоннъ и 167 отъ 1,200 до 1,500 тоннъ. Конечно, большая часть этихъ большихъ пароходовъ не захочетъ промѣнать своей мирной службы на военныя тревоги, но нѣтъ сомнѣ-

ніа, что найдутся охотники вооружить себя пушками и поступить въ вѣденіе военно-морского начальства. По словамъ Брасей, правительство найдетъ несравненно большую поддержку въ небольшихъ пароходахъ, занимающихся каботажемъ между портами Англіи. Такихъ пароходовъ 11,373. Изъ нихъ 5,530 вмѣстимостью менѣе 50 тоннъ, 4,173 отъ 50 до 100 тоннъ и 1,670 отъ 100 до 200.

„Если эти 11,000 пароходовъ снабдить плавучими торпедо, носящими имя Гарвея, сказалъ Брасей, — каждый изъ нихъ будетъ представлять собой сильную разрушительную машину... Мы должны снабдить каждый коммерческій пароходъ достаточнымъ количествомъ торпедо и научить ихъ капитановъ обращаться съ разрушительными машинами. При этомъ государство должно заявить, что каждый капитанъ, которому придется во время войны употребить торпедо, исполнившій хорошо свою обязанность, получить пенсію по смерти... Каждый каботажный пароходъ во время войны можетъ быть вооруженъ двумя пушками, бросающими ядра на 6 миль разстоянія“.

Брасей, такимъ образомъ, предлагаетъ правительству средство удвоить, утроить, даже учетверить наличный составъ его морской силы. Матеріалъ для вооруженія коммерческихъ судовъ существуетъ; адмиралтейству предстоитъ только забота распредѣлить его по назначенію. Большіе пароходы, плавающие въ океанѣ, будутъ служить развѣдчиками; бросивъ одно или два ядра въ непріятельское судно, они, пользуясь быстротою своего хода, всегда въ состояніи будутъ уйти отъ него. Каботажные пароходы, перевозящіе теперь изъ одного порта въ другой масло, сыръ, соленую свинину и т. п., будутъ поставлены въ возможность взорвать на воздухъ военный корабль, хотя-бы и блиндируемый четырехдюймовой броней.

Брасей не претендуетъ на новизну своей идеи, онъ предлагаетъ только систему, испытанную Соединенными Штатами въ войнѣ ихъ противъ рабовладѣльцевъ. Вашингтонское правительство наняло 640 коммерческихъ пароходовъ, которые употребляло главнымъ образомъ для перевозки военныхъ припасовъ и блокады; безъ ихъ содѣйствія оно не могло-бы наблюдать, какъ должно, за обширной береговой линіей, принадлежащей южнымъ штатамъ.

Проектъ Брасея истекаетъ изъ слѣдующихъ двухъ соображеній: 1) такъ-называемая усовершенствованная система постройки кораблей, принятая теперь всѣми европейскими государствами, привела къ тому, что корабли съ толстыми бронями, вооруженные чудовищными пушками, потеряли способность быстро движенія. Между тѣмъ быстрота на войнѣ имѣетъ преимущество надъ грубой силой, или, говоря словами стратеговъ, „солдатъ сворѣе ногами, чѣмъ ружьемъ, одерживаетъ побѣду“. Быстротой, которой лишены военныя суда, отличаются коммерческія суда лучшихъ типовъ. Слѣдовательно, необходимо коммерческимъ флотомъ дополнить военный. 2) Торпедо, благодаря усовершенствованіямъ послѣдняго времени, стали страшнымъ орудіемъ, которое должно произвести радикальный переворотъ въ существующей тактикѣ и дать преимущество малымъ судамъ передъ большими, оборонѣ передъ наступленіемъ. Левіафаны-броненосцы имѣютъ не болѣе шансовъ передъ плоскодоннымъ суденышкомъ, какъ гвардейскій гренадеръ передъ ничтожнымъ карапузикомъ, если сражается съ нимъ на пистолетахъ. Небольшой коммерческій пароходъ, быстрый на ходу, можетъ смѣло пускаться въ путь, не опасаясь, что его остановитъ тяжелый броненосецъ; но если притомъ онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи торпедо, онъ сдѣлается страшнымъ для самаго сильнаго броненосца, который не рискнетъ напасть на него; если онъ одержитъ побѣду, то она будетъ слишкомъ ничтожна въ виду слабости противника, а если попадетъ на адскую машину... нѣтъ, лучше оставить въ покоѣ несноснаго задиру.

Полагаемъ, что сказали довольно о проектѣ Брасея; дѣло специалистовъ и людей компетентныхъ разобрать его въ подробностяхъ. Мы коснулись этого проекта потому, что онъ составляетъ предметъ серьезнаго вниманія интеллигентныхъ людей Англій. Они опасаются, что если торпедо сдержатъ то, что обѣщаютъ, они произведутъ такія измѣненія въ морской тактикѣ, которыя сдѣлаютъ ничтожнымъ подавляющее преимущество англійскаго флота надъ флотами другихъ націй. Но, можетъ быть, они преувеличиваютъ свои опасенія. Можетъ быть, переворотъ, ожидаемый отъ введенія торпедо, совсѣмъ не состоится. Или-же, если онъ состоится, то обратится на пользу Англій, которая широко имъ воспользуется ранѣе другихъ странъ, а при той путаницѣ

отношеній, какая существует теперь, заручиться какиъ-нибудь усовершенствованіемъ въ военномъ дѣлѣ на нѣсколько лѣтъ впередъ передъ сосѣдами—дѣло не маловажное.

Что касается сухопутной арміи, то она представляетъ самую слабую сторону англійскихъ учрежденій. Англичанинъ гордится своимъ флотомъ и любитъ много говорить о немъ, о сухопутной же арміи онъ почти никогда не вспоминаетъ и не охотно разсуждаетъ о ней, въ особенности съ иностранцемъ. Правда, онъ постоянно хвалитъ ее, но эта похвала чисто-официальная. Недавно „Times“ разразилась восторженной статьей по поводу смотра 30,000 волонтеровъ, произведеннаго принцемъ Валлійскимъ по возвращеніи его изъ Индіи. Но при внимательномъ чтеніи статьи нельзя не замѣтить, что это восторгъ напускной, что автора нисколько не интересуесть трактуемый имъ предметъ и что статья написана только по обязанности. „Times“ выражаетъ свое особенное удовольствіе, что цифра волонтеровъ съ 1863 по 1875 годъ увеличилась почти на 20,000 человекъ; въ 1863 году волонтеровъ было 163,000, теперь ихъ 181,000 — результатъ, превзошедшій ожиданія даже оптимистовъ, но и это удовольствіе не искреннее, потому что, въ сущности, радоваться тутъ нечему.

Однакожь, не всѣ англичане поютъ хвалебные гимны своей арміи. Нѣкоторые патріоты смѣло высказываютъ истину, несмотря на протестъ другихъ патріотовъ, находящихъ, что не слѣдуетъ показывать „друзьямъ на континентѣ“ своихъ слабыхъ сторонъ. М-ръ Гольмсъ издалъ брошюру, въ которой приводитъ сравненіе между англійской и прусской арміями. По его словамъ, въ англійской арміи не болѣе 50,000 солдатъ могутъ идти въ сраженіе съ прусскими солдатами, и на эту горсть Англія тратитъ почти столько-же, сколько Пруссія на свою могущественную военную машину. Система набора въ Англіи—по вольному найму. Страна платитъ „военнымъ рабочимъ“ плату значительно высшую, чѣмъ заработная плата, получаемая промышленными рабочими. Однакожь, въ „военные рабочіе“ идетъ бракъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Люди образованные и трудолюбивые предпочитаютъ другія занятія, а въ войска идутъ

лѣнтамъ, пьяницы, развратники, невѣжды. Нанявшись въ войска, многіе изъ нихъ находятъ, что дисциплина слишкомъ строга, а плата не такъ велика, чтобы ею дорожить, и бѣгутъ. Дезертирство въ англійской арміи совершается въ такомъ размѣрѣ, о какомъ не имѣютъ понятія въ остальной Европѣ. Въ пѣхотѣ дезертируетъ треть, въ кавалеріи и артилеріи 40%. Не надо забывать, что расходъ на содержаніе арміи съ каждымъ годомъ увеличивается; рядомъ съ этимъ дезертирство не только не ослабляется, но еще усиливается.

Такимъ образомъ, „военный инструментъ“ — какъ называетъ англійскую армію м-ръ Гольмсъ—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе портится, между тѣмъ стоитъ странѣ все дороже и дороже. Солдатъ слишкомъ мало, а офицеровъ слишкомъ много; если-бы число ихъ уменьшили на треть, все-таки численность ихъ была-бы еще непропорціональна съ наличнымъ составомъ солдатъ. Въ общей массѣ солдаты плохи, но и офицеры не высокаго качества. Мало знакомые съ военнымъ дѣломъ, англійскіе офицеры недалеко ушли отъ французскихъ генераловъ, торжественно выказавшихъ свое невѣжество въ войнѣ съ нѣмцами. Они проводятъ свою жизнь въ полной праздности; въ сезонъ баловъ танцуютъ, въ охотничій—охотятся. Между тѣмъ по окончаніи извѣстнаго срока службы государство за ихъ ничегонеделанье должно платить имъ пенсію. Все это говоритъ м-ръ Гольмсъ, а не мы; единственное средство улучшить армію онъ находитъ во всеобщей воинской повинности.

Гольмсъ не первый и не послѣдній приходитъ къ такому выводу. Англичане прекрасно сознаютъ слабость своей арміи, но рѣшительно противятся введенію всеобщей воинской повинности. Они говорятъ, что огромная армія можетъ сдѣлаться опасной для самой страны, и добродушно улыбаются, когда имъ замѣчаютъ, что ихъ армія годна только для парада. Они боятся Мольте, командующаго миліономъ хорошо-дисциплинированныхъ солдатъ, но еще болѣе опасаются завести у себя равносильную армію. Съ философскимъ спокойствіемъ они соглашаются, что ихъ армія представляетъ собою сбродъ лѣнтаевъ, пьяницъ и гулякъ, но, хорошо одѣтая и сыто накормленная, она не опасна для свободы страны. Составленная болѣею частью изъ ирландцевъ,

англійская армія водворяетъ спокойствіе въ Ирландіи, а это все, что отъ нея требуется. Англичанъ устрашаютъ возможностью высадки къ нимъ пруссаковъ, отразить которую они будутъ не въ силахъ; имъ напоминаютъ о пораженіи при Доркингѣ, за которыми послѣдовали взятіе Лондона и покореніе Англій. Такая перспектива имъ, конечно, очень непріятна, она поражаетъ въ самое сердце британскую гордость. Но, поразмысливъ, они убѣждаются, что едва-ли возможна подобная высадка.

Англичане говорятъ, что ихъ національный характеръ несовмѣстимъ съ строгостями воинской дисциплины, которая въ нравахъ народовъ европейскаго континента. Они убѣждены, что суровая школа военной дисциплины необходима и пригодна для натуръ низшихъ, для характеровъ грубыхъ, но не годится для джентльменовъ и гражданъ свободной Англій; они не испытывали до сихъ поръ подобнаго воспитанія и не желаютъ его испытать. Они готовы платить, и даже очень дорого, тѣмъ, кто нанимается отправлять военное ремесло, но сами не желаютъ ему предаваться. Они соглашаются исполнять легкія обязанности въ волонтерныхъ полкахъ, въ милиціи, имѣющей специальное назначеніе защищать страну отъ непріятельскаго вторженія, но не хотятъ служить въ регулярной арміи. Англійскій буржуа, пустившій въ ходъ поговорку: „Times is money“ (время—деньги), находитъ, что его время слишкомъ дорого для того, чтобы проводить его въ воинскихъ упражненіяхъ, и онъ пріобрѣтетъ для себя большія денежныя выгоды, если останется дома и будетъ платить, хотя-бы и очень дорого, наемникамъ, желающимъ добровольно нести военную службу.

Съ своей точки зрѣнія англичане, конечно, правы. Разъ рѣшившись держать армію исключительно для обороны, что для нихъ, какъ островитянъ, возможно, они должны строго держаться этой системы. Иначе они будутъ непослѣдовательны. Оборонительная система требуетъ строгаго проведенія во вѣншей политикѣ принципа *невмѣшательства*, и кабинетъ Дизраели не правъ, если онъ, по словамъ „Times“, „рѣшается мужественно поддерживать положеніе, принятое имъ въ восточномъ вопросѣ“. Страна взволновалась, общественное мнѣніе колеблется. Вотъ что читаемъ мы въ одной англійской газетѣ:

„Общественное мнѣніе сбивается съ пути. Оно впадаетъ въ опасное противорѣчіе. Съ одной стороны заявляется мнѣніе, что Англія должна вмѣшиваться въ дѣла континента, съ другой — самымъ рѣшительнымъ тономъ выражается нежеланіе принять обязательную воинскую повинность, подъ какимъ-бы видомъ ее ни предложили. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ пополнять ряды регулярной арміи и даже милиціи, все чаще и чаще раздаются голоса, требующіе, чтобы правительство твердо и рѣшительно высказывало свое мнѣніе въ дѣлахъ внѣшней политики, чтобы оно производило демонстраціи вооруженной силой. Необходимо, однакожь, остановиться на той или другой системѣ... Если мы сами не желаемъ быть солдатами, если мы не хотимъ драться сами, то нельзя-же намъ слѣдовать воинственной политикѣ и наши замѣчанія высказывать угрожающимъ тономъ“.

IV.

Но что-же дѣлать? Чего хочетъ Великобританія? Она рѣшилась мужественно поддерживать положеніе, принятое ею въ восточномъ вопросѣ... Каковъ-же отличительный характеръ этого положенія? Она съ успѣшностью отправляла значительный флотъ въ Турцію. Зачѣмъ?

Говорятъ, что Франція въ настоящее время неспособна вмѣшиваться въ иностранную политику. Говорятъ также, что Англія давно уже не имѣетъ внутренней политики; что виги и торы, либералы, консерваторы и даже радикалы тянутъ одну и ту-же ногу, и если между ними возникаетъ иногда борьба, то дѣло не въ идеяхъ и убѣжденіяхъ, а въ личностяхъ. Прибавляютъ, что Англія въ настоящее время мало интересуется своими домашними дѣлами и сосредоточила все свое вниманіе на вопросахъ иностранной политики. Какова-же эта политика?

Чтобы отвѣтить правильно на этотъ вопросъ, необходимо на время встать на точку зрѣнія англичанина. Чтобы знать, что думаетъ извѣстный человѣкъ, надо влѣзть въ его шкуру, гласить поговорка. Понятно, что англичанинъ предпочитаетъ инте-

ресъ англійскій, исключительно англійскій и такой, который может немедленно осуществиться. Люди, смотрящіе вдаль, рѣдки; толпа-же цѣнитъ только то, что даетъ выгоду въ данный моментъ или, по крайней мѣрѣ, чрезъ очень непродолжительное время. „Своя рубашка ближе къ тѣлу“ — руководящій принципъ, которому слѣдуютъ, впрочемъ, и не одни англичане.

Ни для кого не тайна, что восточный вопросъ составляетъ главную пружину европейской политики Англии. Теперь, однакожь, Англія не сосредоточиваетъ восточнаго вопроса исключительно въ турецкихъ дѣлахъ, какъ она это дѣлала прежде. Во времена лорда Пальмерстона, когда въ Калькуту и Бомбей она возила свои товары мимо мыса Доброй Надежды, а сухимъ путемъ черезъ Константинополь, Англія основаніемъ своей внѣшней политики ставила неприкосновенность турецкой имперіи. Но со времени прорытія Суэзскаго канала, когда открылся болѣе практичный, безопасный и дешевый путь изъ Индіи въ Англію, прежніе два пути оставлены, стала непригодной и прежняя политика Пальмерстона. Во время управленія Гладстона Англія приняла свое новое положеніе, внимательно приглядѣлась къ новымъ отношеніямъ, изъ него возникшимъ, и постепенно измѣнила свою внѣшнюю политику. Политика Дизраели иная, чѣмъ политика Пальмерстона. Теперь жизненный нервъ англійской политики не въ Восторѣ, а въ портѣ Измаилія. „Мы завладѣли Индіей, сказалъ сэръ Джорджъ Кэмбелъ, — и намѣрены сохранить ее“. Чтобы сохранить Индію, Англія намѣрена захватить въ свои руки Египетъ, что она сдѣлаетъ рано или поздно. Пока англичане ограничиваютъ свои требованія свободнымъ прохожденіемъ ихъ судовъ черезъ Суэзскій каналъ; противъ такого требованія никто не возражаетъ. Но наступило время разсчитаться съ акціонерами канала, скупивъ ихъ акціи, сдѣлать каналъ международной собственностью и нейтрализовать его совершенно, такъ чтобы никто не могъ сражаться ни за него, ни на немъ. Каналъ на всемъ протяженіи своемъ долженъ считаться священной территоріей, на которой люди не должны проливать кровь другъ друга. Уже сдѣлано нѣсколько предложеній въ этомъ смыслѣ. Франція увѣряетъ, что она только и заботится, что объ нейтрализаціи канала, и другой политики у нея нѣтъ въ Египтѣ. Дизраели, съ

своей стороны, утверждаетъ, что покупка акцій Суэзскаго канала совершена имъ съ единственной цѣлю достигнуть этого-же самаго результата. Можно подумать, что въ этомъ отношеніи между всѣми державами царствуетъ полное согласіе. Несмотря, однакожь, на это, до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлано для нейтрализаціи канала и, по всей вѣроятности, не будетъ ничего сдѣлано. Утописты увѣряютъ, что реформа должна совершиться, когда ее легко реализовать и когда достаточно только желанія, чтобы привести ее въ исполненіе. Большинство-же практическихъ людей начинаетъ думать объ осуществленіи реформы только тогда, когда въ этому ихъ принудить давленіе угрожающихъ обстоятельствъ, когда она слишкомъ усложнится и выполненіе ея представитъ большія затрудненія; часто случается, что они хватаются за нее только послѣ кровавой войны. Теперь все вниманіе Англии обращено на Египетъ и она ревниво оберегаетъ искусственную рѣку, т. е. Суэзскій каналъ, желая сдѣлать ее своею исключительно, чтобы англійскіе корабли никогда не могли встрѣтить препятствія для свободнаго по ней движенія. „Здѣсь нашъ жизненный интересъ, сказалъ недавно одинъ изъ высшихъ политическихъ авторитетовъ Англии, м-ръ Грантъ Дэфъ. — Невѣроятно, чтобы намъ представилась необходимость поднять оружіе на защиту свободнаго движенія по каналу, но если насъ заставятъ сражаться за наше право, мы будемъ бороться до послѣдней крайности, на смерть“.

„Мы желаемъ свободнаго прохода въ Индію, говоритъ „Fortnightly Review“, — и если онъ за нами обезпеченъ, какое значеніе для насъ имѣетъ Турція, что намъ за дѣло до христіанъ или турокъ, босняковъ и сербовъ? Пусть Россія овладѣетъ Константинополемъ, насъ это нисколько не занимаетъ и не тревожитъ.“

„Прежде мы старались препятствовать всѣми средствами, чтобы Турція не подпала русскому вліянію; теперь-же этотъ вопросъ для насъ безразличенъ. Даже если Россія утвердится на берегахъ Средиземнаго моря, она не будетъ для насъ болѣе опасной, чѣмъ Франція, занимающая тамъ весьма сильную позицію. Пока у насъ въ рукахъ могущественный флотъ, можетъ-ли Россія запретить для насъ Египетъ? Разъ мы убѣждены въ этомъ,

какое намъ дѣло, кто владѣеть Константинополемъ: русскіе или турки? Пора убѣдить нашихъ избирателей, что судьбы турецкой имперіи нисколько до насъ не касаются и что мы дѣлаемъ ошибку, оставивъ принципъ невмѣшательства, которому мы до сихъ поръ слѣдовали... Трактатъ 1856 года уже отжилъ свое время. Съ того момента, какъ намъ открыта широкая дорога въ Индію, намъ нѣтъ причины вмѣшиваться въ турецкія дѣла и заботиться о неприкосновенности Турціи. Съ какой стати мы будемъ хлопотать о внутреннемъ благоустройствѣ Турціи болѣе, чѣмъ о домашнемъ спокойствіи Кашгара? Почему христіанскимъ провинціямъ не возстать для завоеванія себѣ независимости? Почему русскимъ не помочь имъ? Прежде всего, какое дѣло до всего этого Англіи? Пусть каждый заботится о себѣ самъ, какъ найдеть лучшимъ“.

Можетъ быть, это не идеально-возвышенныя убѣжденія, но, во всякомъ случаѣ, они служатъ отголоскомъ самой интеллигентной части англійскаго общества. Мотивы невмѣшательства, выставленные „Fortnightly“, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе сторонниковъ даже среди стариковъ, воспитанныхъ на традиціяхъ палмерстоновскій политики. Мы рѣшительно не допускаемъ, чтобы англійская нація позволила своему правительству броситься въ европейскую войну и затѣять новую крымскую экспедицію, причинившую много бѣдствій и убытковъ Англіи. Нѣтъ сомнѣній, что большинство англичанъ стоитъ на сторонѣ турокъ, хотя они и мусульмане. Англичане очень слабо негодуютъ противъ жестокостей, совершаемыхъ въ Болгаріи бандами черкесъ и башки-бузукъ. Они не симпатизируютъ ни присоединенію Герцеговины къ Черногоріи, ни воссозданію сербской имперіи Душана, ни организаціи славяно-греко-румынской конфедераціи. Они опасаются всѣхъ этихъ комбинацій потому, что за ними непременно послѣдуетъ ослабленіе Австро-Венгріи. Они недовѣрчиво смотрятъ на возрожденіе новыхъ націй на пепелищѣ Турціи и готовы были бы уничтожить ихъ въ самомъ зародышѣ. Англія радовалась, видя, что выставленная ею въ безыксской бухтѣ морская сила возбудила удивленіе и даже уваженіе друзей и завистниковъ. Она рукоплескала кабинету Дерби-Дизраели за его отказъ присоединиться къ политикѣ трехъ канцлеровъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нуме-

ровъ „Punch“ Дизраели представленъ въ видѣ сфинкса съ египетской тиарой на головѣ. Чудовище глубоко задумалось. У подошвы скалы, на которой оно лежитъ, стоитъ толпа народа. Она наблюдаетъ за нимъ и тревожно его спрашиваетъ, но сфинксъ молчитъ...

Мы думаемъ, что если-бъ сфинксъ заговорилъ, то полилась-бы не рѣчь мудраго оратора, а плоскія остроты. Дизраели если и говоритъ правду, то лишь за тѣмъ, чтобы лучше солгать. Признаемся, насъ удивила серьезность, съ какой онъ отвѣчалъ въ парламентѣ на сдѣланные ему запросы. На этотъ разъ онъ сумѣлъ держать себя съ достоинствомъ. Его соотечественники не будутъ сердиться, если онъ станетъ и далѣе говорить твердо и рѣшительно, если онъ заставитъ себя слушать и даже себя повиноваться. Но мы убѣждены, что они не позволятъ ему вмѣшаться въ войну, которая будетъ стоить дорого и можетъ повлечь за собой серьезныя затрудненія и опасности. Пусть первый министръ говоритъ все, что ему угодно, пусть онъ рѣзко защищаетъ независимость и неприкосновенность Турціи, пусть онъ протестуетъ при случаѣ. Но если онъ человѣкъ благоразумный, онъ не долженъ и помышлять о томъ, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу. При помощи дипломатическихъ нотъ и флота можно прилично выйти изъ дѣла, можно сдѣлать блистательную демонстрацію, но далѣе ни шагу!

Такой выводъ мы дѣлаемъ изъ статей англійскихъ газетъ, весьма вѣрно представляющихъ общественное мнѣніе страны. А изъ всего нами сказаннаго можно сдѣлать слѣдующее заключеніе:

Всѣ заботы Англій обращены теперь на Египетъ. Даже совершенное паденіе турецкой имперіи не можетъ нанести серьезнаго ущерба интересамъ Англій.

Если Англія ничего не теряетъ отъ паденія Турціи, она ничего не выиграетъ отъ ея спасенія.

Англія— страна практическая по-преимуществу. Она всегда твердо, хотя и холодно, отстаиваетъ свои интересы. Она не желаетъ и не можетъ желать войны, которая для нея бесполезна и даже можетъ сдѣлаться опасной. Слѣдовательно, Англія желаетъ мира.

V.

Доказательства мирнаго настроенія Англіи лучше всего обнаруживаются въ статьяхъ вліятельнѣйшихъ органовъ англійской прессы. Мы цитировали уже статьи „Fortnightly“, органа прогресистовъ, радикаловъ, республиканцевъ и дарвинистовъ. Возьмемъ „Blackwood's“, органъ ультра-консерваторовъ.

„Blackwood's“ говоритъ, что нельзя думать о томъ, чтобы гарантировать неприкосновенность Турціи и въ то-же время не обращать вниманія на страданія, претерпѣваемыя христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. „Это будетъ чудовищно, если Турція, опираясь на Европу, и въ особенности на Англію, получить право самой свести счеты съ своими возмущившимися подданными и возставшими вассалами... Мы не думаемъ, чтобы лица, подписавшія ноту Андраши, могли предоставить заботу умиротворенія возмущившихся провинцій турецкимъ властямъ, безъ всякаго контроля со стороны Европы. Это было-бы полнѣйшимъ непониманіемъ политики поддержанія независимости турецкой имперіи и невмѣшательства въ ея внутреннія дѣла“. Далѣе „Blackwood's“ утверждаетъ, что Турція уже цѣлый вѣкъ, какъ перестала быть вполнѣ независимой страной, и въ заключеніе требуетъ немедленнаго отдѣленія возставшихъ провинцій отъ Турціи. „Мы надѣемся, что наше правительство, исполняя желаніе всей нашей страны, выскажется въ пользу отдѣленія возставшихъ провинцій отъ Турціи и преобразованія ихъ въ независимыя государства, находящіяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ турецкому султану. Мы не сомнѣваемся, что это будетъ самымъ дѣйствительнымъ, удобнымъ къ исполненію и благотворнымъ по своимъ результатамъ средствомъ для умиротворенія страны на весьма продолжительное время“... Далѣе консервативный органъ утверждаетъ, что для Англіи безразлично, большей или меньшей территоріей владѣеть султанъ, лишь-бы только онъ владѣлъ Константинополемъ и проходомъ въ Босфоръ, до тѣхъ поръ, пока останется союзникомъ Англіи.

Обратимся къ Дѣфу, мнѣнія котораго по восточнымъ дѣламъ пользуются большимъ авторитетомъ въ Англіи. По его словамъ,

человѣку, обсуждающему дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, трудно не быть несправедливымъ или къ туркамъ, или къ христіанамъ. Лучше всего, если англійскій политикъ не будетъ ни фило-туркомъ, ни фило-христіаниномъ; ему слѣдуетъ быть анти-анти-туркомъ и анти-анти-христіаниномъ, другими словами—онъ долженъ отрѣшиться отъ личныхъ симпатій и быть холоднымъ наблюдателемъ; тогда только онъ не впадетъ въ грубую ошибку; проще говоря, онъ долженъ впереди всего ставить англійскій интересъ. Дэфъ горюетъ, что въ Англии не имѣется хорошихъ сочиненій о Турціи, что англійскіе государственные люди плохо знакомы съ этой страной, что самое министерство иностранныхъ дѣлъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣденій о дѣйствительномъ положеніи событій на Балканскомъ полуостровѣ. Дэфъ признаетъ, что „администрація оттоманской имперіи отвратительна. Христіане и турки одинаково терпятъ отъ возмутительныхъ злоупотребленій. Христіане вообще, однакожь не всегда, терпятъ болѣе турокъ и, надобно признаться, терпятъ много отъ христіанъ-же. Теперь уже очевидно, что каждый день борьбы разжигаетъ ненависть между христіанами и мусульманами... Пальгревъ правъ, говоря, что въ мусульманствѣ замѣчается сильное возбужденіе религіознаго духа, которое сдѣлаетъ турокъ менѣе терпимыми или болѣе нетерпимыми, чѣмъ они до сихъ поръ были въ дѣлѣ религіи... Если Англія, тѣмъ или другимъ способомъ, вмѣшается въ турецкія дѣла, она должна настаивать на лучшемъ управленіи, независимо отъ религіозныхъ вѣрованій“.

Дэфъ сомнѣвается, чтобы парламентарныя учрежденія могли утвердиться въ Константинополѣ и повлекли-бы за собою серьезныя реформы. Онъ не ожидаетъ многого также и отъ добрыхъ намѣреній котораго-нибудь султана изъ расы османлисовъ. Между турецкими государственными людьми онъ не видитъ ни одного человѣка, способнаго возродить Турцію. Слѣдовательно, надо предоставить Турцію ея печальному жребію? Или раздѣлить турецкія владѣнія между Россіей, Австріей и Греціей? Дэфъ не согласенъ и на это. „Прежде всего я употребилъ-бы все вліяніе Англии, говоритъ онъ,—чтобы утвердить власть за лучшимъ изъ министровъ, котораго можетъ дать Турція. Я сдѣлалъ-бы все возможное для улаженія спора между инсургентами и правитель-

ствомъ. Если-бы улаженіе не могло состояться на тѣхъ условіяхъ, какія я ниѣю въ виду, я предложилъ-бы нѣкоторую автономію провинціямъ европейской Турціи, которыхъ нельзя убѣдить никакой цѣной повиноваться константинопольской администраціи“.

Далѣе онъ утверждаетъ, что „настоящее возстаніе возникло не столько изъ религіозной вражды, сколько отъ непопулярныхъ поборовъ правительства и землевладѣльцевъ... Что отдѣляя совершенно Боснію и Герцеговину отъ Константинополя, можно рисковать не улучшить, а ухудшить положеніе страны... Предположимъ, что вы раздѣлите Боснію и Герцеговину такимъ образомъ, какъ многіе предлагали, т. е. первую отдадите Сербіи, а вторую—Черногоріи. Но можете-ли вы ручаться, что многочисленное католическое населеніе, отошедшее къ Черногоріи, не будетъ ненавидѣть черногорскаго князя еще больше, чѣмъ оно ненавидѣло султана?.. Перейдемъ къ Сербіи. Окажете-ли вы ей услугу присоединеніемъ къ ней массы феодальныхъ сеньеровъ, такихъ-же завзятыхъ мусульманъ, какъ поляки и ирландцы—католики? Не сдѣлаете-ли вы весьма печальный подарокъ Бѣлграду? Я всегда былъ партизаномъ Сербіи. Я энергично защищалъ ее въ палатѣ общинъ во время обсужденія тамъ событій на Балканскомъ полуостровѣ. Но правда прежде всего. Когда признано было справедливымъ и необходимымъ, чтобы турки очистили сербскія крѣпости, нѣкоторыя турецкія семейства остались жить въ Сербіи. Нельзя отрицать, что сербы обращались съ ними слишкомъ сурово. Что сдѣлаетъ бѣлградское правительство съ многочисленнымъ мусульманскимъ населеніемъ въ Босніи? Не изгонитъ-ли оно его также?

„Если изъ Герцеговины и Босніи сдѣлать отдѣльное государство, то можно-ли ручаться, что бѣдному народу станетъ лучше? Припомните, что въ Босніи султанъ явился защитникомъ крестьянъ противъ ихъ могущественныхъ сеньеровъ-магометанъ. Султанъ, правда, былъ очень слабымъ покровителемъ, но онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти. Въ 1851 году Омеръ-паша пытался нанести сильный ударъ мѣстной аристократіи, но могъ только вполонину достигнуть своей цѣли. Кто ручается, что съ удаленіемъ Порты, иногда выказывавшей свою силу, притѣсненія не станутъ еще худшими, чѣмъ были прежде; что не возгорится непрерывная гражданская война? Развѣ Порта не можетъ сдѣлать

положеніе народа въ Сераево на-столько-же сноснымъ, какъ оно, напримѣръ, въ Требизондѣ? Я знаю, что это очень трудно, но возможно, если европейскія державы захотятъ принять въ этомъ дѣятельное участіе...“

Что касается „Times'a“, короля журналистики, какъ его называютъ, трудно сказать, какого мнѣнія онъ держится. Скромность, а можетъ быть осторожность мѣшаетъ ему произнести мнѣніе ранѣе конечнаго исхода битвы. Въ ожиданіи, что успѣхъ назоветъ правого, „Times“ внимательно слѣдитъ за барометромъ, термометромъ и флюгаркой, показывающей направленіе вѣтра; онъ имѣетъ специальныхъ корреспондентовъ, которые старательно противорѣчатъ другъ другу. Сегодня „Times“ очень строгъ къ турецкому правительству, на другой день онъ порицаетъ инсургентовъ... Но горе побѣжденнымъ! ихъ не пощадитъ органъ англійскаго Сити. Впрочемъ, всѣ статьи „Times“, касающіяся восточныхъ дѣлъ, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ:

„Къ какому-бы исходу ни привели эти событія мы (т. е. Англія) должны поступить такъ, чтобы остаться въ выигрышѣ... Оставимъ турокъ истреблять сербовъ, черногорцевъ, босняковъ и герцеговинцевъ; пусть сербы, черногорцы, босняки и герцеговинцы, въ свою очередь, бьютъ турокъ. Если имъ нравится взаимная бойня, мы не будемъ мѣшать имъ въ ихъ занятіи, несмотря на парижскій трактатъ, которымъ, однакожь, мы можемъ пользоваться, если это намъ выгодно. Пусть они разстрѣливаютъ, рѣжутъ и жгутъ, намъ-то какое до этого дѣло... Но за нами остается право принять участіе въ раздѣленіи добычи... Если Турція одержитъ верхъ, мы скажемъ, что своей побѣдой она обязана моральной поддержкѣ Англіи противъ инсургентовъ, поддерживаемыхъ Россіей. Мы усилимъ свое вліяніе въ Турціи и выговоримъ удобныя условія для постройки желѣзной дороги чрезъ евфратскую долину на соединеніе съ нашими индійскими дорогами чрезъ Персію. Если-же восторжествуютъ инсургенты при помощи ихъ союзниковъ, сербовъ и черногорцевъ, мы можемъ занять Константинополь по просьбѣ самихъ-же турокъ. Имѣя такой залогъ въ рукахъ, мы можемъ спокойно ожидать дальнѣйшихъ событій... Во всякомъ случаѣ, благодаря нашему могучему флоту, мы несравненно ближе къ Константинополю, чѣмъ всякая другая

держава. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ даннаго сигнала англійское знамя уже можетъ развѣваться надъ золотымъ рогомъ и надъ самымъ высокимъ минаретомъ софійской мечети. Можетъ быть, возгорится всеобщая война. Что будетъ тогда — трудно предвидѣть. Но въ настоящее время можно сказать, что пока еще ни одна изъ великихъ державъ не рѣшится нарушить миръ, а также, что самыя лучшія карты игры находятся въ нашихъ рукахъ... Даже если-бы Турція разбилась на части, и ни одна изъ этихъ частей не досталась-бы намъ, и мы не приобрѣли-бы отъ этого событія никакой политической или коммерческой выгоды, распаденіе Турціи принесетъ огромную пользу Египту, т. е. намъ, ибо теперь хедивъ — это Англія“.

Въ этомъ возможно-точномъ экстрактѣ изъ статей „Times’a“ нѣтъ ни капли преувеличенія. Именно такое впечатлѣніе производятъ онѣ на читателя, часто заглядывающаго въ эту газету. Для большей полноты приведемъ одинъ отрывокъ, касающійся хедива.

Одно время распространился слухъ, что хедивъ на требованіе изъ Константинополя прислать вспомогательныя войска, отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на „гатти“, по которому онъ обязывался присоединять свои войска къ турецкой арміи только въ случаѣ иностранной войны, а теперь война внутренняя, подавленіе бунта подданныхъ. „Times“ успѣшила одобрить поведеніе хедива. „Мы можемъ съ совершеннымъ спокойствіемъ, говоритъ она, — слѣдить за споромъ, который разорветъ связь, соединяющую Египетъ съ Турціею. Даже въ нашемъ интересѣ желать разрыва между ними, такъ-какъ онъ побудитъ Египетъ броситься въ наши объятія“.

Тутъ встаетъ вспомнить, что въ 1840 году пальмерстоновская Англія готова была возбудить общую европейскую войну съ единственной цѣлью воспрепятствовать освобожденію отъ Турціи Египта, получавшаго поддержку отъ Франціи. Тогда англичанамъ казалось чудовищнымъ, что Египетъ будетъ находиться подъ вліяніемъ Франціи, а теперь кажется очень естественнымъ, если Англія будетъ господствовать въ немъ. Тогда сен-жемскій кабинетъ добился знаменитаго четверного союза, передъ которымъ Франція Лю-Филиппа преклонила голову — и хорошо сдѣлала. Тогда Пальмерстонъ готовъ былъ пожертвовать тысячами жизней для спасенія оттоманской имперіи отъ французскихъ интригъ. А

черезъ 15 лѣтъ та-же Франція пожертвовала 150,000 людей и 1½ миллиарда франковъ для защиты цѣлости Турціи отъ погупеній Россіи, одной изъ участницъ четверного союза. Нынче идутъ толки о новыхъ комбинаціяхъ; опять дѣло касается цѣлости оттоманской имперіи, которая скорѣе географическое выраженіе, чѣмъ государство.

Что Турція больна, что она требуетъ радикальнаго леченія,— это несомнѣнно. Но вмѣсто того, чтобы произвести діагностику больного и опредѣлить, какое именно лекарство можетъ способствовать его исцѣленію, каждый разъ, какъ обнаруживается припадокъ у больного, прибѣгаютъ къ помощи пушекъ и ружей; опьяняютъ народы не виномъ, но словами и страстями, и заставляютъ ихъ бросаться другъ на друга. Европа похожа на мрачную таверну, сборище матросовъ, гдѣ они, подвыпивъ, боксируютъ каждый вечеръ, причемъ считается удобнымъ всякій предлогъ: трюфевый король, пиковая дама, голандская или нѣмецкая руготня. „Силѣй, молодцы! Бейте шибче другъ друга!“

Сколько ужасовъ и вмѣстѣ сколько еще гадерства въ нашей новѣйшей цивилизаціи!

VI.

Настоящая хроника имѣетъ специальную цѣль. Она должна отвѣтить на вопросъ: „желаетъ-ли Англія войны?“ Мы отвѣчаемъ: нѣтъ, войны она не желаетъ. Она только принимаетъ смѣлую позу, производитъ много шума; на нее смотрятъ, слушаютъ, что она говоритъ, а это все, что ей нужно. Она считаетъ себя самой первой державой въ мірѣ (можетъ быть, она и права), но, по странному противорѣчію, впрочемъ, составляющему результатъ всѣмъ намъ извѣстныхъ событій, ей отводятъ не выше четвертаго мѣста. Она желаетъ теперь установить тріумvirатъ, который оказывалъ-бы рѣшительное вліяніе на дѣла Европы. Въ составъ тріумvirата должны входить: Россія и Пруссія, имѣющія самыя большія арміи въ мірѣ, и Англія, располагающая могущественнымъ флотомъ. Очень вѣроятно, что въ этомъ тріумvirатѣ ей пришлось-бы играть роль оппозиціи, но что до того! имя Англіи произносилось-бы на всѣхъ перекресткахъ, оно было-бы въ

устахъ дипломата, свѣтскаго щеголя, кабачнаго политика, — однимъ словомъ, у всѣхъ.

Что касается насъ, мы не преклоняемся передъ современной политикой, внушительной съ виду, но крупной и мало-состоятельной; мы не приходимъ въ умиленіе отъ тѣхъ комбинацій, о которыхъ заявлялось 6, 3 мѣсяца тому назадъ. Всей этой политикѣ мы предпочитаемъ исторію, а всей этой дипломатіи — истину. Среди всѣхъ этихъ страстей и противорѣчій мы стараемся отыскать вещь очень рѣдкую, однакожь, существующую: справедливость; пытаемся найти гуманность. Наши европейскіе мурaveйники, буйные и шумливые, завистливые, взаимно истребляютъ другъ друга и стараются дѣлать какъ можно больше тревоги. Но обитатель Сириуса или полярной звѣзды, приложивъ ухо, не услышитъ, можетъ быть, ничего, до него не достигнуть ни крики горести, ни крики ярости, ни шумъ отъ скрещиваемыхъ штыковъ. Шумъ, нами производимый, не останавливаетъ космическихъ законовъ, не препятствуетъ наукѣ идти своимъ путемъ. Всѣ наши преступленія не доказываютъ ничего противъ правосудія, напротивъ, они его подтверждаютъ. Всѣ наши глупости не въ силахъ поколебать здраваго смысла...

Что выйдетъ изъ настоящей войны — мы не знаемъ, но узнаемъ скоро, такъ-какъ слово дано уже пушкамъ. Одно вѣроятно, что основанія того, что принято называть восточнымъ вопросомъ, едва-ли существенно измѣнятся, какой-бы ни былъ исходъ войны. Попытка измѣнить ихъ не удалась 20 лѣтъ тому назадъ, не удастся и теперь. Экспедиція въ Крымъ и парижскій трактатъ ровно ничего не измѣнили въ этихъ основаніяхъ. Всѣ истребленія домовъ, хижинъ, крѣпостей, кораблей, людей, лошадей, муловъ оказались чистой потерей, потому что обѣ стороны взывали болѣе къ страстямъ, чѣмъ къ здравому смыслу. На этотъ разъ вопросъ болѣе извѣстенъ; болѣе разумныхъ голосовъ раздается въ прессѣ, но едва-ли они будутъ услышаны: проклятія заглушаютъ все; легче производить взаимную бойню, чѣмъ оказывать взаимную помощь...

Въ-концѣ-концовъ, разумѣется, восторжествуетъ разсудокъ. Когда обѣ стороны достаточно изобьютъ другъ друга, когда гніющіе трупы достаточно сильно заразятъ воздухъ, придется воз-

вратиться къ точкѣ отправленія, къ самымъ причинамъ войны, которыхъ не могутъ измѣнить ни побѣды турокъ, ни побѣды сербовъ; придется установить *modus vivendi*, который можетъ быть принятъ обѣими воюющими сторонами. Но даже при полной побѣдѣ Турціи она все-таки будетъ осуждена на смерть, если въ дѣйствительности окажется неспособной реформировать свою ужасную внутреннюю администрацію, положить предѣлъ азіатскому деспотизму, разрѣшить, правда, очень трудную для нея задачу отдѣленія церкви отъ государства. Если-же восторжествуютъ Сербія и Черногорія, имъ предстоитъ не менѣе трудная задача войти въ разумное соглашеніе съ мусульманскимъ и католическимъ населеніемъ страны и разрѣшить самый существенный — земельный вопросъ. Въ началѣ возстанія инсургенты требовали только треть земли, отобранной у нихъ завоеваніемъ и злоупотребленіями ихъ феодальныхъ сеньеровъ, агъ. Этихъ они удовольствовались-бы, но Мурадъ отказалъ имъ. Миланъ, король Сербіи, Николай, король Черногоріи, можетъ быть, будутъ вынуждены отдать имъ половину. Если Мурадъ, если Миланъ, если Николай не въ состояніи будутъ или не захотятъ исполнить справедливыхъ требованій поселянъ, въ будущемъ явятся новыя герои и освободители, которые завоюютъ поселянамъ средства, необходимыя для ихъ существованія. Вспомните легенду книгъ Сибиля. Римскій сенатъ, незахотѣвшій уплатить цѣны, назначенной за шесть книгъ, впоследствии вынужденъ былъ уплатить эту цѣну за три послѣдніе тома. Вы скажете, что это легенда, басня, что она не имѣетъ исторической реальности... Пусть будетъ такъ. Но это аллегорія общаго закона, воспроизводимого во всѣхъ важнѣйшихъ фактахъ, во всѣхъ событіяхъ, дѣлающихъ эпоху и служащихъ указателемъ пути на дорогѣ вѣковъ.   Ж. Триго.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

- Хлѣба и зрѣлицъ. Романъ. (Окончаніе.) . . . . . *А. Михайлова.*
- Изъ сожженныхъ деревень. (Съ сербскаго.) Стихотвореніе. . . . . *М.*
- Мой другъ Вагонъ и его родители. Очеркъ. . . . . *В. Старостина.*
- Драма въ гротѣ. (Изъ Ф. Геббеля.) Стихотвореніе. . . . . *Петра Быкова.*
- Тревожныя мѣста. (Гл. V—VI.) . . . . . *П. Огородникова.*
- Въ лѣсу. Стихотвореніе. . . . . *И. З. Сурикова.*
- Черноземныя поля. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая. (Гл. XXII—XXV.) . . . . . *Ев. Л. Маркова.*
- Даниель Деронда. Романъ изъ современной англійской жизни. (Гл. XXIV—XXX.) . . . . . *Джорджа Эмота.*
- Молитва возставшихъ славянъ. (Съ сербскаго.) Стихотвореніе. . . . . *М.*
- Боснія и Герцеговина. . . . . *Л. Лебедева.*
- Французское общество въ концѣ XVIII вѣка. (Ст. третья.) . . . . *Н. Гр—ом.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Теорія мечтательнаго воспитанія. . . . . *Н. Языкова.*
- Культурныя идеалы и почва. . . . . *Все того-же.*
- Парижскія письма. . . . . *Анонима.*
- Внутреннее обозрѣніе. . . . . *Н. Ш.*
- Научная хроника. . . . . *Н. Гр—ом.*
- Германскія желѣзныя дороги. . . . . *Э. Р.*
- Политическая и общественная хроника. . . . . *М. Трию.*

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиѣна. Настоящая книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милл. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиѣны. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милл. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лютнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Азкоутъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія О. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Белегистическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потъхина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ пересыл. 2 р. 30 коп.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

РУССКІЯ
ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

(Женщины до-петровской Руси.)

Д. Л. Мордовцева. Спб. 1874 г. Осталось незначительное
число экземпляровъ. Цѣна 2 р. 75 к.; съ перес. 3 р. 25 к.

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Отдѣльное
полное изданіе. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкою 1 р. 40 к.

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ,

РОМАНЪ В. ГЮГО.

Въ двухъ томахъ. Перев. съ франц. Изд. Редакціи журнала
„Дѣло“. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за поло-
винную цѣну, т. е. 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 30 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала
„Дѣло“ въ 1876 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1876 году

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ СЛѢДУЮЩИХЪ МѢСТАХЪ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

Исклучительно въ Главной конторѣ журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ указанныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя отвѣтственной за исправную и своевременную высылку журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Вся Европа, Египеть и Соединенные Штаты — 19 руб.; Азія 24 руб.; остальная Америка — 25 руб.

Для слушащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручительствомъ гг. назначеевъ.

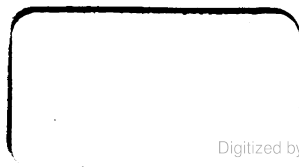
Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 279